

ВОЙНА И ОНИ

**КАК КОВАЛСЯ
ГЕРМАНСКИЙ
МЕЧ**

**Промышленный потенциал
Третьего рейха**

ВОЙНА И ОНИ

КАК КОВАЛСЯ ГЕРМАНСКИЙ МЕЧ

**Промышленный потенциал
Третьего рейха**

МОСКВА
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2006

ББК 63.3(0)62
К 16

DIE DEUTSCHE INDUSTRIE IM KRIEGE
1939—1945

Перевод с немецкого *Г.В. Смирнова, В.М. Шаститко*

Оформление серии художника *П. Волкова*

К16 Как ковался германский меч. Промышленный потенциал Третьего рейха/Пер. с нем. Г.В. Смирнова, В.М. Шаститко. — М.: Яуза, Эксмо, 2006.— 608 с.—(Война и они).

ISBN 5-699-15425-6

Как ковался германский меч, другими словами — как Гитлер готовил свое государство и свою армию к покорению мира? Этот вопрос интересует каждого, кто хочет постичь историю Второй мировой войны во всей ее полноте.

Сотрудник Имперского министерства экономики Ганс Керль заметил однажды, что «обязательной предпосылкой для успешного ведения войны является мощная военная экономика». Заблаговременная милитаризация германской экономики и перестройка всей промышленности на военные рельсы являлись одной из основ концепции блицкрига, что вроде бы оправдывалось в первые годы Второй мировой войны, вплоть до конца 1941 года. А дальше?..

Кого винить в том, что немецкие солдаты были не в состоянии продолжать победные наступления на фронте, а гражданское население в Германии все более разочаровывалось в режиме, проставная километровые очереди, чтобы получить по карточкам свою ограниченную норму продовольствия? Так была ли гитлеровская Германия действительно великой или это очередной миф XX века?

История показала, что германский меч изначально был ржавым...

ББК 63.3(0)62

ISBN 5-699-15425-6

© ООО «Издательство «Яуза», 2006
© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

От редактора

Книга «Как ковался германский меч» (в оригинале «Die deutsche Industrie im Kriege 1939—1945»), написанная коллективом сотрудников Германского института экономических исследований, базируется на материалах, собранных институтом во время войны по заданию сначала Имперского министерства хозяйства, а затем Управления военно-хозяйственного планирования. С того времени сохранилась рукопись, подготовленная главным образом тогдашним руководителем отдела промышленности института, доктором **Рольфом Вагенфюром**, который на протяжении ряда лет являлся сотрудником института.

Долгое время работа считалась пропавшей. Когда в апреле 1953 года доктор Фердинанд Фриденсбург, президент Германского института экономических исследований, просматривал каталог библиотеки Конгресса в Вашингтоне, он, к своему удивлению, натолкнулся на датированную 1945 годом совершенно неизвестную ему публикацию института о германской военной экономике периода Второй мировой войны. Только спустя некоторое время выяснилось, что речь идет об оригинале рукописи, взятой при вступлении союзных войск в Берлин каким-то американским офицером интендантской службы и позднее переданной одному небольшому университету в Соединенных Штатах. На основе этих сведений удалось вернуть первоначальную рукопись и подготовить настоящее издание.

В книге содержится множество в значительной степени не публиковавшихся ранее данных по военной экономике гитлеровской Германии накануне и в период войны.

Особенно ценно обширное статистическое приложение, в котором впервые приводятся систематизированные данные о мобилизации и военно-хозяйственном балансе рабочей силы нацистской Германии в годы войны, о размере инвестиций и строительстве, о производстве и сбыте важнейших видов промышленной продукции, о военном производстве в годы войны и т. п.

Авторы подчеркивают, что их «...исследование преследует лишь информационные цели — показать развитие промышленного производства, в особенности военного производства, в Германии с 1939 по 1945 г.».

Глава I

ГЕРМАНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДО НАЧАЛА ВОЙНЫ

С 1918 по 1936 г.

Поражение Германии в 1918 г. причинило громадный ущерб германской экономике и вызвало падение промышленного производства, в результате чего временно создалось угрожающее положение в снабжении населения важнейшими товарами¹. Объем производства товаров снизился до уровня 1888 г. Поскольку численность населения увеличилась с тех пор на 30%, а жизненные потребности значительно возросли, такое снабжение означало действительную нужду. Несмотря на это, восстановление экономики удалось осуществить в сравнительно короткий срок, чему прежде всего способствовали инфляция и связанное с ней повышение стоимости материальных ценностей, а также ограничение потребления широких масс. Валютная реформа и последовавшее за этим получение значительных иностранных кредитов содействовали обновлению и восстановлению производственного аппарата и позволили восстановить потерянные связи с иностранными рынками. Примерно через 10 лет после поражения в Германии был почти достигнут довоенный уровень промышленного производства.

Однако успешное развитие промышленности, едва определившись, снова оказалось под угрозой, так как в Германии в 1929 г., как и в большинстве других индустриаль-

¹ Подробно см.: *Rolf Wagenführ. Die Industriegewirtschaft. Entwicklungstendenzen der deutschen und internationalen Industrieproduktion 1860 bis 1932.* Berlin, 1933.

ных стран мира, начался экономический кризис, который возник, по-видимому, вследствие непреодолимого несоответствия между возросшими производственными мощностями и возможностями сбыта. Казалось, что германская экономика будет прямо-таки разрушена во время этого беспрецедентного в истории сокращения производства. В течение нескольких лет вложение капитала было нерентабельным; сбыт на внутреннем и внешнем рынках сильно застопорился, началась массовая безработица, число безработных доходило до 7 млн. человек. Прежде всего гибли средние предприятия; устарел с таким трудом созданный производственный аппарат, так как не могли производиться нормальные амортизационные отчисления и обновление основного капитала. По уровню промышленного производства Германия была отброшена более чем на три десятилетия назад. Все промышленное производство было подорвано. Промышленность ограничивалась выпуском самых необходимых предметов потребления: производством продовольственных товаров и некоторых промышленных товаров широкого потребления, в то время как типичные для высокоразвитой промышленной страны отрасли производства средств производства, такие, как строительная индустрия, электротехника, общее и транспортное машиностроение и др., все больше хирели. Имеющийся основной капитал не обновлялся, происходило проедание материальных ценностей, и делались попытки сохранить остатки предприятий прямо-таки докапиталистическими методами.

С осени 1932 г., то есть еще до прихода Гитлера к власти, начался медленный процесс оздоровления, который до конца 1932 г. вызвал рост производства примерно на 15%. Пришедшее затем к власти национал-социалистическое правительство, используя этот процесс, значительно ускорило темпы подъема производства¹. С помощью программы обеспечения работой (строительство зданий, пуск закрытых предприятий и т. д.) была практи-

¹ Раньше часто пытались представить дело так, будто бы только национал-социалистическому правительству удалось снова добиться повышения уровня германской промышленности. Это утверждение не подтверждается фактами.

чески устранена безработица и обеспечена полная занятость в промышленности.

Примерно к этому времени, в 1936 г., была проведена первая полностью удавшаяся перепись промышленного производства в Германии¹. В 1936 г. в Германии (в границах 1936 г.) было около 125 тыс. промышленных предприятий с 6,8 млн. рабочих и 1 млн. служащих. Стоимость валовой продукции промышленности составила около 40 млрд. рейхсмарок (исключая двойной счет), что соответствует вновь созданной стоимости около 32 млрд. рейхсмарок.

После преодоления кризиса выпуск так называемых средств производства снова приобрел решающее значение. Это видно на примере развития машиностроения, общего и транспортного, производства стальных конструкций, строительной и химической промышленности. В производстве предметов потребления наибольшее значение имели текстильная промышленность и производство продовольственных товаров.

СТРУКТУРА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ГЕРМАНИИ В 1936 Г.

Отрасли промышленности	Валовая продукция (нетто), млрд. рейхсмарок
Средства производства (в целом)	21,0
Горнодобывающая	2,2
Промышленность стройматериалов	1,2
Металлообрабатывающая	5,3
Машиностроение общее и транспортное	4,0
Электротехническая	1,5
Авиационная	0,5
Строительная	3,5

¹ См.: Die deutsche Industrie im Jahre 1936. Berlin, 1939, Schriftenreihe des Reichsamtes für wehrwirtschaftliche Planung, Heft I.

Отрасли промышленности	Валовая продукция (нетто), млрд. рейхсмарок
Химическая	2,5
Предметы потребления (в целом)	10,7
Текстильная	2,8
Бумажная	1,5
Кожевенная	0,6
Деревообрабатывающая	1,0
Пищевая	3,5
Швейная	0,8
Итого	31,7
<i>Источник: «Die deutsche Industrie im Jahre 1936». Berlin, 1939.</i>	

Ведущее место занимали отрасли промышленности, производящие средства производства: их доля в общем промышленном производстве превышала 66%. Это являлось важным отправным пунктом для решения последующих проблем.

Эта общая картина развития промышленности в 1936 г. нуждается в следующих четырех добавлениях:

1. Индустриальная мощь Германии была больше, чем это показывают данные промышленной переписи 1936 г. Приведенные подсчеты Управления военно-хозяйственного планирования охватывают только промышленность без учета ремесел¹. Мощности ремесленных предприятий, правда, относящиеся прежде всего к сектору производства предметов потребления, имеющему мало общего с производством вооружения, увеличивали производственные мощности Германии на 10—15%. Кроме того, ремесленные предприятия имели особое значение для подготовки квалифицированных рабочих.

¹ Переписью 1936 г. промышленные и ремесленные предприятия правильно разграничивались по различным признакам (размер предприятия, стоимость продукции, число занятых, техническая оснащенность и т. д.).

2. Сосредоточение основной части производственных мощностей в Западной Германии было нецелесообразным. Частично из-за природных условий (залежи угля в Рурской области), частично под влиянием исторических факторов на западе Германии образовался односторонний конгломерат важнейших центров производства средств производства. По стоимости реализованной продукции свыше 70% добычи каменного угля, производства кокса и стали приходилось в 1936 г. на Вестфалию и Рейнскую провинцию. Производство многих важнейших в военном отношении изделий (электродный кокс, аккумуляторы для автомашин, шарикоподшипники и др.) было сконцентрировано на одном или нескольких предприятиях на западе.

3. Промышленная перепись 1936 г. показала значительную зависимость Германии от заграницы в снабжении важнейшим промышленным сырьем, что особенно относилось к железной руде и к рудам других металлов, к нефти, каучуку, а также к такому сырью для производства потребительских товаров, как текстильные волокна и кожа. Средние данные переписи (потребление импортного сырья в 1936 г. примерно на 3,7 млрд. рейхсмарок, потребление собственного сырья непромышленного происхождения на 3,6 млрд. рейхсмарок и промышленного сырья и основных материалов собственного производства примерно на 2,5 млрд. рейхсмарок) показывают эту зависимость не в полной мере, так как недифференцированный учет сырья, включая богатейшее сырье Германии — уголь, искажает действительную картину. В этой зависимости от внешних рынков состояла слабость Германии в отношении военно-промышленного потенциала.

4. Наконец, сравнение мощности германской промышленности с другими странами показывало, что Германия все еще оставалась второй после Соединенных Штатов Америки индустриальной державой мира. Правда, механизация производства в Германии далеко еще не достигла американских масштабов, и еще нельзя было говорить о действительном массовом производстве ни с точки

зрения размеров капиталовложений, ни с точки зрения использования имеющихся производственных мощностей.

Выпуск продукции на каждого занятого в 1937 г. в американской промышленности был примерно в 2,2 раза больше, чем в немецкой¹. Это при значительно более коротком рабочем дне в Соединенных Штатах!

Основная причина этого отставания производительности труда в Германии заключалась в недостаточной оснащенности рабочего современными средствами производства.

Вооружение с 1936 по 1939 г.

В 1935—1936 гг. в развитии германской экономики произошло серьезное изменение — переключение на военное производство. Об этом повороте наиболее отчетливо свидетельствуют данные государственного бюджета (которые в то время считались государственной тайной). Судя по этим данным, в 1933/34 и 1934/35 гг. на армию и на производство вооружения расходовалось примерно по 1,9 млрд. рейхсмарок, что составляло около 20% всех государственных расходов, или 4% национального дохода. В сравнении с другими странами такие военные расходы являлись крайне умеренными. Так, по подсчетам Института конъюнктурных исследований, в 1934 г. военные расходы в процентах к национальному доходу составляли²:

Англия	_____	3,0
Франция (за 1932 г.)	_____	8,1
Япония	_____	8,4
Советский Союз	_____	9,0

С 1934/35 по 1935/36 г. расходы на вооружение и армию сразу более чем удвоились, а в последнем предвоенном бюджетном году они почти в 10 раз превысили уровень 1933/34 г.

¹ Economic Survey of Europe, 1948. Geneva, 1949. P. 225.

² Industrielle Mobilmachung, Statistische Untersuchungen. Hamburg, 1936. S. 20.

БЮДЖЕТНЫЕ РАСХОДЫ ГЕРМАНИИ НА ВООРУЖЕНИЕ И АРМИЮ

Бюджетный год	Все бюджетные расходы, млрд. рейхсмарок	Расходы на вооружение и армию, млрд. рейхсмарок	Доля военных расходов во всех расходах, %	Национальный доход, млрд. рейхсмарок	Доля военных расходов в национальном доходе, %
1933/34	8,1	1,9	24	46,5	4
1934/35	10,4	1,9	18	52,8	4
1935/36	12,8	4,0	31	59,1	7
1936/37	15,8	5,8	37	65,8	9
1937/38	20,1	8,2	41	73,8	11
1938/39	31,8	18,41*	58	82,1	22
* В своих мемуарах Шахт указывал, что военные расходы за 1938/39 г. составили лишь 11 млрд. рейхсмарок. Источник: «Statistisches Handbuch von Deutschland», S. 555, 600.					

Ясно, что такое скачкообразное повышение военных расходов должно было дать толчок развитию промышленного производства. Рост военных расходов официально объясняли в первую очередь тем, что после достижения полной занятости требовалось осуществление особых мероприятий, направленных на то, чтобы «своевременно приостановить почти начавшийся спад в экономике»¹. О планах же форсированной гонки вооружений упоминалось большей частью крайне осторожно с ссылками на запутанное внешнеполитическое по-

¹ Rudolf Brinkmann. Die Aufrüstung in ihrer Wirkung auf Volks- und Weltwirtschaft. «Wirtschaftspolitik aus nationalsozialistischem Kraftquell». S. 26.

ложение и на необходимые в связи с этим «меры безопасности».

Усиление военно-экономического потенциала в области промышленности происходило прежде всего в четырех направлениях:

1. Достижение автаркии в снабжении сырьем (с этой целью был разработан «четырёхлетний план»).

2. Рассредоточение промышленных предприятий из крупных центров и более равномерное распределение промышленности по всей территории Германии (создание индустриального центра и в Средней Германии).

3. Увеличение производственных мощностей.

4. Усиленная техническая рационализация в ведущих и важных в военном отношении отраслях промышленности.

К пункту 1. Достижение автаркии столь многообразно развитой промышленности, как германская, является задачей, которая по своему характеру могла бы быть разрешена только за десятилетия планомерной работы при значительном ущербе для производительности.

Постановка политической задачи достичь этой цели в течение 4 лет могла распространяться только не некоторые основные отрасли, а именно на те, которые в случае войны заслуживали бы особого внимания. К ним относились: нефть (гидрогенизация угля), искусственный каучук (буна), железная руда (в Средней Германии), искусственное волокно и легкие металлы (алюминий и магний как заменители тяжелых металлов). К этому надо добавить такие менее важные задачи, как развитие производства заменителей кожи, пластмасс (заменитель цветных металлов) и синтетических жиров.

В соответствии с природными условиями расширение производства сырья в Германии могло в порядке исключения опираться на сырье, поставленное сельским хозяйством, или на вновь открытые полезные ископаемые. Однако более важным было ускорить «индустриализацию» производства сырья и расширить сырьевые ресурсы преимущественно за счет синтети-

ческого производства или применения новых промышленных методов переработки. Если Эмени Брукс в своем известном исследовании о мировом производстве сырья еще в 1927—1928 гг. указывал на особо невыгодное положение Германии, то с течением времени после 1936 г. положение частично улучшилось прежде всего в результате работы, проведенной в химической промышленности. Однако Германия не стала и в 1938—1939 гг. полностью независимой от иностранного сырья, так же как и Франция или Великобритания.

**ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШЕГО СЫРЬЯ И МАТЕРИАЛОВ
В ГЕРМАНИИ (В ГРАНИЦАХ 1937 г.)
(В ТЫС. Т)**

Вид продукции	1928 г.	1932 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Железная руда (по содержанию железа)	2089	443	2259	2759	3368	3928
Алюминий	33	19	95	124	161	194
Магний	—	—	4	4	13	18
Синтетический каучук	—	—	1	3	5	22
Искусственное волокно	—	1	43	99	154	192
Авиационный бензин,	—	—	43	61	82	302
в том числе гид- рированный	—	—	—	4	62	—

Вид продукции	1928 г.	1932 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Прочий бензин,	—	—	1214	1446	1559	1633
в том числе гид- рированный синтетический	—	—	—	746	739	—
	—	—	—	49	123	—
Азот синтетиче- ский	—	—	777	—	914	1020
<p><i>Источник:</i> Преимущественно по данным «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» и частично по неопубликованным данным Статистического управления.</p>						

Необходимо указать на два дополнительных мероприятия в области производства и снабжения сырьем: постепенное введение регулирования производства и потребления сырья, создание так называемых «бюро контроля», которые вначале занимались исключительно регулированием экспорта и импорта, но вскоре по указанию правительства стали контролировать производство и создание запасов сырья.

В результате мероприятий по рационализации, осуществлявшихся в предыдущие годы, предприятия располагали, как правило, небольшими запасами сырья, что вызывало необходимость конкретных мер со стороны государства в области снабжения сырьем. Были созданы запасы таких важнейших видов сырья, как нефть, цветные металлы, железо, каучук, технические жиры. Перед началом Первой мировой войны подобная государственная политика по созданию резервов не осуществлялась. Однако частные предприятия в тот период имели относительно большие запасы и медленнее расходовали их.

**ЗАПАСЫ ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ СЫРЬЯ
НА КОНЕЦ 1939 Г. (В ТЫС. Т)**

Виды сырья	Запасы	Годовое потребление	Обеспеченность потребления (в месяцах)
Авиационный бензин	511	—	—
Моторное топливо	280	—	—
Дизельное топливо	150	—	—
Натуральный каучук	13,4	81	2
Железная руда	—	—	9
Алюминий	332	206	19
Магний	4,4	13,5	3,9
Медь	194	324	7,2
Свинец	201	248	10
Олово	7,8	6,8	14
Кобальт	1	0,4	30
Сурьма	2,5	2,2	13,6
Никель	10,9	10,1	13
Молибден	3,8	3,4	13,4
Хром	53	48	13,2
Марганцевая руда	197	130	18,2
Вольфрам	5,5	4,2	15,7
Ванадий	0,9	0,8	13,5
<i>Источник: «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy», 1945.</i>			

Конечно, в целом проблема сырья для промышленности Германии и в 1938—1939 гг. ни в коей мере не была решена. По важнейшим видам «стратегического сырья» — стали и алюминию — существовала сильная косвенная зависимость от импорта железной руды и бокситов. Только в отношении угля и азота немецкая промышленность не зависела от ввоза из других стран. Запасы сырья поддерживались обычно на уровне 3 — 6-месячной потребности; складские запасы хрома, вольфрама и железной руды поддерживались на уровне от 8- до 10-месячной потребности, а марганца — даже 8-месячной. Однако такие большие запасы составляли редкое исключение.

К пункту 2. Перемещение промышленных объектов из одних районов в другие имело следующие цели: промышленные предприятия должны были быть переведены из существовавших в тот период в Германии главных промышленных районов (Рурская область, Саксония, Верхняя Силезия) в стратегически относительно более безопасные «новые» промышленные центры. Область Средней Германии — в районе городов Ганновер — Магдебург — Галле — считалась безопасной в отношении воздушных налетов, а также с точки зрения наземных операций. Месторождения железной руды в районе Ганновера — Брауншвейга (имперские заводы «Герман Геринг») считались сырьевой базой нового промышленного района. «Большая часть доменных печей Германии находится вблизи границ... В результате постройки доменных печей заводов «Герман Геринг» около 33% текущего и соответственно 25% будущего производства перемещалось в стратегически безопасный район. Кроме того, места производства чугуна оказались более отдаленными друг от друга. В результате этого были выполнены важные военно-политические требования, предъявляемые в связи с развитием черной металлургии Германии»¹.

¹ Dr. Paul Rheinländer. Die deutsche Eisen- und Stahlwirtschaft im Vierjahresplan. Berlin, 1939.

**ИЗМЕНЕНИЯ В УРОВНЕ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В 1939 Г.
В ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЯХ ГЕРМАНИИ
(СТОИМОСТЬ ВАЛОВОЙ ПРОДУКЦИИ
ЗА 1936 Г. = 100)**

Отрасли промышленности	Западная Германия	Средняя Германия
Химическая и топливная	135	172
Металлообрабатывающая	114	157
Машиностроение общее и транспортное	180	193
Электротехническая	189	245
Точная механика и оптика	117	138
<i>Источник: Неопубликованные подсчеты профессора Бруно Глейца.</i>		

Перемещение промышленных предприятий не ограничивалось, конечно, металлургической промышленностью. Значительно более неблагоприятное положение с занятостью в пограничных районах, например в сравнении со среднегерманскими областями, еще раз отчетливо свидетельствует об этих процессах.

В своих исследованиях, посвященных экономике восточных районов Германии, Бруно Глейц в числе других приводит обширные материалы по вопросу перемещения промышленных объектов.

В Средней Германии темпы выпуска промышленной продукции значительно превосходили темпы в Западной Германии. Это относится особенно к таким отраслям промышленности, как химическая, металлообрабатывающая, машиностроительная, производство металлоконструкций и транспортных средств, а также электротехническая промышленность, точная механика и оптика.

К пункту 3. К сожалению, мы не располагаем достаточным количеством данных об увеличении производственных мощностей. Однако имеется два показателя,

явно говорящих об усилиях, предпринимавшихся в этом направлении. К ним относятся увеличение парка оборудования для металлообрабатывающей промышленности и сумма капиталовложений в промышленности.

Официальный учет парка оборудования для металлообрабатывающей промышленности производился дважды: в 1935 и 1938 гг. При этом выявилось довольно значительное «омоложение» станочного парка и, кроме того, его увеличение с 1,25 млн. единиц до 1,6 млн. единиц. В дальнейшем, с 1938 по 1939 г., сбыт станков увеличился еще почти на 10%¹.

Общая сумма валовых инвестиций в промышленность за 1933—1939 гг. составила около 16,4 млрд. рейхсмарок, что соответствует чистым вложениям (за вычетом амортизационных отчислений) примерно в 4,5—5 млрд. рейхсмарок. При этом все большая часть капиталов вкладывалась в отрасли промышленности, производящие средства производства.

КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ГЕРМАНИИ (В МЛН. РЕЙХСМАРОК)

Годы	Всего	В том числе в производство средств производства
1928—1932	1503	975
1933	557	309
1934	1060	700
1935	1636	1221
1936	2159	1637
1937	2843	2208
1938	3691	2952
1939	4432	3596

Источник: «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1941/42. S. 665 ff.

¹ По данным официального учета Управления военно-хозяйственного планирования.

Кроме этого, необходимо также указать на увеличение производственных мощностей в результате присоединения к Германии других территорий. С присоединением Австрии и Судетской области Чехословакии под господством Германской империи оказалось дополнительно 10 млн. жителей; в результате их присоединения число занятых в промышленности и ремеслах (включая занятых в строительстве и в сфере услуг) возросло почти на 3 млн. человек, или на 12%. О роли Австрии и Судетской области в производстве некоторых важнейших промышленных товаров можно судить по следующим данным.

**ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ
ПРОДУКЦИИ В ГЕРМАНСКИХ ГРАНИЦАХ 1937 Г. И С УЧЕТОМ
АВСТРИИ И СУДЕТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Виды продукции	Единица измерения	Объем продукции в 1939 г.	
		Германия в границах 1937 г.	Включая Австрию и Судетскую область
Бурый уголь	млн. тонн	212,1	233,7
Железная руда	тыс. тонн	14 614	17 612
Графит в породе	тыс. тонн	28,2	58,6
Сталь	тыс. тонн	21 557	22 350
Целлюлоза	тыс. тонн	1488	1896
Кожи	тыс. тонн	126	145,7
Электроэнергия	млн. кВт/ч	61 380	66 318
Источник: «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1941/42.			

К пункту 4. Рационализация в промышленности должна была решить следующие задачи: типизация (то есть уменьшение ассортимента готовых изделий с целью увеличения средней величины серий), нормализация (то есть достижение однородности в производстве деталей с целью облегчения ремонтных работ и уменьшения количества хранимых на складах запасных час-

тей), повышение часовой выработки (улучшение технологии производства), правильный выбор размеров предприятий (возможность координации всего производства). В ряде случаев цели были, правда, неодинаковыми, менялись в зависимости от политической ситуации. Отдельные кампании по осуществлению стандартизации, например в области автомобилестроения, прекращались в самом их начале, так как эти кампании сразу же оказывались в противоречии с особыми интересами частных предпринимателей. Все же в Германии выпуск промышленной продукции в 1936—1939 гг. значительно увеличился. Согласно подсчетам Института конъюнктурных исследований, увеличение объема промышленной продукции с 1936 по 1939 г. составило 27%¹. Для мирного времени это являлось исключительным достижением, так как в 1936 г. уже был достигнут наивысший уровень производства 1928—29 гг. и дальнейшего увеличения выпуска продукции часто наталкивалось на ограниченность мощностей.

Надо, конечно, учитывать, что официальная промышленная статистика с января 1939 г. включала данные по Австрии и Судетской области, следовательно, как это уже сказано в пункте 3, речь идет не только о росте выпуска продукции в расчете на ту же территорию, но и об увеличении в результате присоединения новых экономических районов. В расчете на душу населения производство возросло с 1936 по 1938 г. примерно на 14%.

О том, в какой мере Германия до 1939 г. была подготовлена к войне в промышленном отношении, можно судить лишь частично по различным темпам развития выпуска средств производства и предметов потребления. По сравнению с низшей точкой 1932 г. производство средств производства к 1939 г. почти утроилось, выпуск же предметов потребления увеличился немногим более чем в полтора раза. Правда, более быстрое развитие отраслей промышленности с высоким органическим соста-

¹ См.: Statistisches Handbuch von Deutschland. München, 1949. S. 605.

вом капитала объясняется ходом экономического цикла — в этих отраслях спады и последующие подъемы всегда более значительны, чем в менее подвижном производстве потребительских товаров. Однако уже в 1939 г. доля средств производства в общей промышленной продукции была больше, чем в 1928—29 гг. Это служит прямым показателем того, что развитие тяжелой промышленности, являющееся по меньшей мере основой всякой подготовки к войне, всячески форсировалось в политическом и экономическом отношениях.

Представления общественности об объеме германского военного производства в узком смысле этого понятия, а именно о производстве боеприпасов, вооружения, самолетов и т. д., в последние предвоенные годы были значительно преувеличенными. Правительство Германии того времени ничего не делало для того, чтобы опровергнуть эти преувеличенные представления, и даже, наоборот, считало их, по-видимому, желательными с пропагандистской точки зрения, так как тем самым военная мощь Германии казалась большей, чем на самом деле. Ничто в такой мере не характеризует эту позицию правительства, как официальное заявление Гитлера в начале сентября 1939 г. о том, что Германия за 6 предвоенных лет израсходовала на вооружение 90 млрд. рейхсмарок. Простой расчет показывает, что эта сумма была значительно завышена или что под выпуском «вооружения» в данном случае подразумевалось значительно большее, чем производство собственно военной продукции. За указанные 6 лет стоимость промышленной продукции Германии составила примерно 240 млрд. рейхсмарок. В этом случае доля военной продукции в стоимости всей промышленной продукции составила бы около 38%, то есть находилась бы на уровне, достигнутом только в последние годы максимальных военных усилий. При этом надо иметь в виду, что производство вооружения в Германии увеличивалось с 1933 по 1939 г. постепенно, и в 1938—39 гг. его доля должна была бы быть еще больше, чем указанные 38%.

К сожалению, мы не располагаем достаточным количеством исходных данных для определения уровня военного производства в годы, предшествовавшие началу войны. Во-первых, нам известно — это самые общие данные, — что в 1937 г. на вооружение было израсходовано около 0,9 млн. стального проката (что равно 6,2% общего сбыта)¹. При сравнении с данными за годы войны оказывается, что это соответствует примерно 9% проката, потребленного на вооружение в 1943 г.

Далее имеются официальные данные по авиационной промышленности², которая выпустила в 1936 г. самолетов и моторов примерно на сумму 0,9 млрд. рейхсмарок и в 1938 г. — на 1,4 млрд. рейхсмарок (в эти цифры, правда, включены и самолеты гражданского воздушного флота). В 1937 г. производство военных самолетов составляло около 10% от уровня 1943 г.; с учетом же самолетов гражданского воздушного флота в 1937 г. самолетов было произведено несколько больше, чем в 1943 г.

Наконец, известно, что с 1933 г. по 1 апреля 1939 г. бюджетные расходы Германии на вооружение и армию составили около 41 млрд. рейхсмарок. Если для учета расходов с 1 апреля 1939 г. до начала войны к этой сумме прибавить примерно треть расходов за 1939/40 бюджетный год, получим общую сумму около 47 млрд. рейхсмарок. Доля расходов на продукцию военной промышленности во всех военных расходах составляла около 30%³. Это означает, что за 1933—1939 гг. стоимость непосредственно военной продукции немногим превысила 14 млрд. рейхсмарок, то есть была равна только 6—7% общей стоимости промышленной продукции Германии. Полученный результат соответствует доле военной промышленности в общем потреблении стального проката.

¹ Данные хозяйственной группы, объединявшей металлургическую промышленность.

² Официальные данные Управления военно-хозяйственного планирования.

³ «Industrielle Mobilmachung», Statistische Untersuchungen. Hamburg, 1936. S. 92.

Очевидно, что военное производство значительно увеличивалось из года в год; рост военного производства, судя по размеру военных расходов, может быть охарактеризован следующими данными:

1933 г. = 23
1934 г. = 23
1935 г. = 49
1936 г. = 70
1937 г. = 100
1938 г. = 224

Следовательно, с 1933 по 1938 г. военное производство увеличилось почти в 10 раз; при этом, правда, нужно учитывать низкий уровень производства в исходном 1933 г. Выше было показано, что в 1937 г. объем военной продукции составлял, по-видимому, около 9% уровня 1943 г. (судя по потреблению проката это соотношение составляло 9%, а по доле военной продукции в общей стоимости промышленной продукции — 6—7% и по производству самолетов — 10%).

Если исходить из этих данных и принять за базу 1943 г., можно составить следующий индекс военного производства за предвоенные годы.

1933 г. = 2
1934 г. = 2
1935 г. = 4
1936 г. = 6
1937 г. = 9
1938 г. = 20
1939 г. = 25
1940 г. = 44

Если все же «превосходство» Германии в вооружении по сравнению с вооружением ее противников вначале казалось подавляющим, то это в основном объясняется двумя причинами. Во-первых, противники зачастую располагали накопленным за много лет до этого устаревшим вооружением (Франция). Во-вто-

рых, в начальный период войны не были введены в действие обладавшие наибольшим потенциалом промышленные мощности Соединенных Штатов Америки и СССР; к тому же текущее производство, особенно в американской промышленности, было тогда еще очень незначительным.

Согласно американским подсчетам, производство вооружения в Германии в 1939 г. примерно вдвое превышало англо-американское (подсчитано по внутренним ценам США периода 1944 г.), с другой стороны, оно едва ли превышало производство вооружения в СССР.

**ОБЪЕМ ВОЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В ГЕРМАНИИ
И В ДРУГИХ СТРАНАХ (В МЛРД. ДОЛЛ., ЦЕНЫ 1944 Г.)**

Страна	Стоимость военной продукции	
	за 1935—1939 гг.	в том числе за 1939 г.
США	1,5	0,6
Англия	2,5	1,0
СССР	8,0	3,3
Германия	12,0	3,4
<p><i>Источник: Sternberg. Kapitalismus und Sozialismus vor Gericht. Hamburg, 1951. S. 349. Ввиду различий в методике подсчетов (базис — американские цены 1944 г.) с германскими данными сопоставимо не полностью.</i></p>		

Обобщим изложенное выше. Германия вступила в 1939 г. в войну, имея расширенные и модернизированные производственные мощности, располагая довольно значительными запасами важнейшего стратегического сырья, используя в ведущих отраслях промышленности новые виды сырья. Степень сосредоточения предприятий важнейших отраслей промышленности в опасных с военной точки зрения пограничных районах была по крайней мере уменьшена. Тем самым были созданы шансы для превосходства Германии в промышленном отношении на тот случай, если бы в войну не вступили более сильные противники, если бы война не длилась бы чересчур долго и противоречия не привели бы к «истощению» в области массового производства. Германия вооружалась не столь

интенсивно, как это некоторые думали, однако на случай кратковременной войны Германия по сравнению с ее первоначальными противниками была вооружена, исходя из уровня тогдашней техники, достаточно сильно.

Несмотря на прямо противоположные заявления в политических речах, в Германии не были приняты меры на случай длительной затяжной войны. Вместе с крахом расчетов на молниеносную войну исчезло «преимущество» Германии.

Вначале казалось, что первая фаза войны подтверждает «преимущество» Германии.

Глава II

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА 1939 Г.— КОНЦА 1941 Г.

Сдвиги в экономике, вызванные войной

С началом войны в сентябре 1939 г. возникли решающие разногласия по вопросам развития промышленности. Гитлеровское правительство заявляло, что Германия экономически подготовлена к войне наилучшим образом. Так, государственный секретарь имперского Министерства хозяйства Ландфрид утверждал, что Германия «на этот раз обладает экономическим генеральным штабом»¹, которого у нее не было в 1914 г. Имперский министр хозяйства Функ дополнял эти высказывания указанием на то, что в течение многих лет Германия тайно вела экономическую подготовку к войне. В Германии, по его словам, был создан государственный аппарат управления, который должен был разрешать возникающие с началом войны особые военно-экономические проблемы². Весной 1938 г. с целью объединения всех хозяйственных ведомств в одной инстанции Функ был назначен «генеральным уполномоченным по экономике»; именно так он себя и называл.

Затем последовал поток законов и распоряжений, с одной стороны, и пропагандистских речей и тенденциозных статей — с другой; все это характерно для начала войны. Подробности в данном случае неинтересны. Необходи-

¹ Статья государственного секретаря Ландфрида к открытию 27-й Германской восточной выставки в Кенигсберге 20 августа 1939 г. напечатана в «Chronik des Krieges. Dokumente und Berichte». Berlin, 1940. S. 381. (В дальнейшем дается со ссылкой «Chronik»).

² Речь имперского министра хозяйства Функа в Вене, 14 октября 1939 г. («Chronik». S. 381).

димо лишь подчеркнуть три момента в направлении публицистики и законодательства тех дней:

а) германская пропаганда утверждала, что обычные сдвиги в экономике, вызываемые войной, якобы не имели места;

б) генеральный уполномоченный по экономике был якобы очень скоро лишен прав, которыми он наделялся именно на случай войны;

в) против ожидания был провозглашен и проводился в жизнь лозунг «business as usual» («деловая жизнь, как обычно»).

Прежде всего о сдвигах в экономике, вызываемых войной. Это явление хорошо известно из прошлого и из литературы. По мнению шведского экономиста Густава Касселя, во время Первой мировой войны Германии в экономическом отношении потребовалось «примерно 8 месяцев, чтобы преодолеть дезорганизацию, порожденную началом войны». На этот же раз, через 10 месяцев после начала войны, Лей хвастался тем, что «сегодня экономика снова развивается нормально, выпуск продукции не только нигде не снизился, а, напротив, на ряде предприятий резко возрос, причем не за счет расширения предприятий, а в расчете на одного рабочего»¹.

Трудно себе представить, чтобы можно было так не замечать столь очевидных фактов. Правда, число безработных оставалось относительно небольшим — в декабре 1939 г. оно составляло только 180 тыс. (в декабре 1938 г. число безработных, даже без учета Австрии и Судетской области, равнялось 456 тыс.); кроме того, в декабре 1939 г. было около 237 тыс. частично безработных.

Однако в области использования рабочей силы наиболее существенным последствием военной экономики являлось не высвобождение рабочих рук, а их отлив в армию, не сопровождавшийся эффективным использованием имеющихся резервов. Так, в 1940 г. количество занятых в промышленности Германии в ее довоенных границах было на 10% меньше, чем в 1939 г. (уменьшение числа занятых на 1 млн. человек); в 1941 г. это уменьшение удалось количественно возместить едва на половину за счет рабочей силы из западных и восточных областей.

¹ Воззвание Лея от 18 ноября 1939 г. («Chronik». S. 393).

Следует особо отметить тот факт, что наряду с отвлечением в армию (из числа занятых в промышленности мобилизовано в армию в 1940 г. 1,3 млн. и в 1941 г. около 1,7 млн. человек) число занятых женщин с 1939 по 1940 г. сократилось и даже в 1941 г. было лишь немногим больше, чем в 1939 г. В противоположность Англии здесь не было даже намека на «тотальную» мобилизацию рабочей силы.

Сдвиги в экономике, вызванные войной, наиболее отчетливо проявились в такой важной отрасли промышленности, как черная металлургия. Согласно подсчетам Имперского объединения производителей стали¹, с начала войны по август 1940 г. включительно выплавка стали в результате закрытия заводов в Сааре уменьшилась на 200—220 тыс. тонн в месяц. Это сокращение общей выплавки стали не могло быть возмещено за счет присоединения Восточной Силезии, так как в других частях Германии, особенно в важнейшей из них — в Рейнской провинции и в Вестфалии — производство стали также уменьшилось.

Чтобы получить представление о деятельности генерального уполномоченного по экономике, следует об-

КОЛИЧЕСТВО ЗАНЯТЫХ
В 1939 —

Территория	1939 г.			1940 г.
	мужчины	женщины	всего	мужчины
Собственно Германия	7619	2520	10 139	6792
Австрия	388	148	536	379
Судетская область	187	99	286	160
Всего	8194	2767	10 961	7331
Источник: «Kräftebilanz des Statistischen Reichsamts».				

¹ Deutschlands Gewinnung an Roheisen, Rohstahl und Walzwerkserzeugnissen im Jahre 1942. Berlin, März 1943.

ратиться к статье государственного секретаря при уполномоченном по четырехлетнему плану Кернера¹. В этой статье Кернер требовал четкого выполнения приказов, самого строгого единоначального управления военной экономикой, теснейшего постоянного сотрудничества всех связанных с военно-экономическими вопросами организаций и самоотверженной совместной работы всего народа. Первоначально предусматривалось, что единое руководство германской военной экономикой должен осуществлять специально подготовленный для решения этой задачи генеральный уполномоченный по экономике Функ. Однако уже в декабре 1939 г. было решено передать функции руководства военной экономикой Герингу и образовать Генеральный экономический совет. В упомянутой статье Кернера говорилось, что подобное решение принято «по инициативе имперского министра хозяйства Функа». Последующие годы показали, что централизованное руководство германской военной экономикой длительное время являлось иллюзией. Лишь в дальнейшем эта система была с большим трудом постепенно заменена назначаемыми без опре-

В ПРОМЫШЛЕННОСТИ
1941 ГГ. (В ТЫС.)

		1941 г.		
женщины	всего	мужчины	женщины	всего
2446	9238	7051	2546	9597
148	527	397	156	553
88	248	153	84	237
2682	10 013	7601	2786	10 387

¹ Статья государственного секретаря Кернера в сборнике «Der Vierjahresplan». Jahrgang, 1940. Heft I.

деленного плана генеральными уполномоченными по отдельным специальным вопросам, что само по себе не являлось новым конструктивным решением.

Описанная реорганизация отражает отход от принципа тотальной войны. Генеральный уполномоченный по экономике ориентировался на осуществление строгого режима военной экономики с самым жестким ограничением потребления и гражданских доходов. Это означало, что работающий в тылу должен был «находиться не в лучших условиях», чем солдат. От этой концепции почти ничего не осталось. Распоряжение о военной экономике от 1 сентября 1939 г. ограничивалось введением военных надбавок к некоторым налогам, «замораживанием» заработной платы и цен, а в остальном призывало «обеспечить дальнейшее ведение регулируемой экономической жизни». Более отчетливо об этом заявил имперский министр хозяйства Функ в одной из речей в Вене¹: «Действительно, во время войны многое развивается иначе, чем предусмотрено, а в этой войне это происходит в особенно больших масштабах, причем в весьма благоприятном для Германии направлении. Поэтому ранее намеченные планы сейчас должны быть значительно изменены, исходя из того, что экономическая жизнь не нуждается в столь большой перестройке, как это предусматривалось мобилизационными планами».

Опьянение первоначальными военными успехами привело к тому, что в Германии считали ненужным в полную силу развивать производство вооружения, надеясь обойтись без значительного напряжения сил. Ведущий немецкий экономический журнал «Дер дейче фольксвирт» писал даже о «военной экономике, предельно сходной с экономикой мирного времени»², и считал «абсурдным» утверждение о том, что во время войны необходимо вполне сознательно сводить до крайнего минимума не только номинальный, но и реальный доход народа.

¹ Речь имперского министра хозяйства Функа в Вене от 14 октября 1939 г. («Chronik». S. 381).

² «Der Deutsche Volkswirt», Leitartikel — Friedensähnliche Kriegswirtschaft, 10 November 1939.

Этим объясняется, что промышленная продукция Германии в целом за 1940 г. даже несколько снизилась против уровня 1939 г. и что это снижение только в 1941 г. сменилось незначительным ростом производства¹:

1938 г. = 100

1939 г. = 106

1940 г. = 102

1941 г. = 105

Указывая на более высокий объем промышленного производства в 1941 г., надо при этом учитывать, что население Германии (без тогдашнего генерал-губернаторства Польши и протектората Богемия и Моравия) значительно увеличилось. Влияние увеличения территории может быть в известной мере исключено путем подсчета продукции на одного жителя. Судя по таким подсчетам, довоенный уровень производства в 1941 г. далеко еще не был достигнут.

Основные звенья производства — сырье и вооружение

В развитии важных для выпуска вооружения отраслей производства и остальных отраслей промышленности наметились характерные ножницы. Об этом малоутешительном с точки зрения ведения войны состоянии промышленного производства Германии никак нельзя забывать. Отрасли промышленности, производившие предметы потребления, в первую очередь и сильнее всех почувствовали отлив рабочей силы; здесь же наиболее быстро сказалось и ухудшение со снабжением сырьем. Прежде всего сократилось производство в таких отраслях промышленности, как текстильная, швейная, обувная, стекольно-керамическая; снижение производства в этих отраслях не могло быть возмещено даже за счет использования мощностей на оккупированных территориях. С 1939 по 1941 г. общее производство предметов потребления снизилось пример-

¹ Подсчеты Германского института экономических исследований.

но на 4—5%. В результате увеличения численности населения, состоящего на снабжении, в 1941 г. на одного жителя приходилось примерно 74% того количества предметов потребления, которое имелось в 1938—1939 гг.¹.

Если исключить часть предметов потребления, которая должна была идти на снабжение армии, то окажется, что производство их для гражданского населения к 1941 г. сократилось по крайней мере на 1/3. Гражданское население вначале ощущало это сокращение не в полную силу, так как оно жило за счет собственных запасов и значительных запасов, имевшихся к началу войны в торговой сети.

В отличие от сферы производства предметов потребления, производство основных видов промышленного сырья и материалов значительно возросло. Мероприятия второго четырехлетнего плана, предусмотрительно осуществлявшиеся с 1936 г., постепенно начали давать свои результаты. Продление действия этого плана в 1940 г. и сосредоточение внимания непосредственно на задачах подготовки к войне еще более ускорили этот процесс. Кроме того, Германия значительно увеличила свой сырьевой потенциал в результате развития производства на присоединенных, а также на оккупированных территориях. Почти каждая из присоединенных, оккупированных или попавших в сферу германского влияния стран открывала новые возможности для получения важного промышленного сырья и материалов. Так, в Австрии имелась железная руда, в Чехословакии — марганцевая руда, серный колчедан и древесина, в Польше — уголь, свинец и медь, в Румынии — нефть, в Венгрии — бокситы и серный колчедан, Италия давала серный колчедан, бокситы, свинец и цинк, Франция — уголь, железную руду и бокситы, Бельгия и Люксембург располагали прежде всего углем и т. д.

Рост производства основных видов промышленного сырья и материалов в Германии, связанный частично с импортом из оккупированных стран, характеризуется следующими данными²:

¹ Подробные данные имеются в следующих изданиях: «Rohstoffbilanz der europäischen Länder», Institut für Konjunkturforschung, Berlin, 1940; *Ferdinand Friedensburg. Die Rohstoffe und Energiequellen im neuen Europa*. Oldenburg, 1943.

² Подсчеты Германского института экономических исследований.

1938 г. = 100

1939 г. = 110

1940 г. = 112

1941 г. = 130

В первые месяцы войны уровень производства вооружения в Германии был удивительно низок. Согласно американскому отчету о результатах воздушных налетов на военно-промышленные объекты Германии, в начале наступления на Польшу в Германии ежемесячно производилось около 700 самолетов, 60 танков, 1750 автомашин и одна или две подводные лодки. До конца 1941 г. в области производства вооружения решающих изменений не произошло.

СРЕДНЕМЕСЯЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
ВООРУЖЕНИЯ В ГЕРМАНИИ В 1939 — 1941 ГГ.
(В МЛН. РЕЙХСМАРОК, ЦЕНЫ 1941—42 Г.)

Виды вооружения	Сентябрь- декабрь 1939 г.	1940 г.	1941 г.
Артиллерийско-стрелковое вооружение	45	56,4	75,3
Боеприпасы	253	367	229,3
Танки	2,1	14,3	32
Полугусеничные тягачи	7,7	12,9	19
Самолеты	(260)*	345,1	371
Порох	4,4	18,6	28,2
Суда	10,3	39,5	107,8
Прочее вооружение	—	43,3	46,6
Итого	(583)	897,1	909,2

* В скобках — оценка. Источник: «Rüstungsindex des Planungsamtes».

По грубым оценкам, рост производства вооружения с 1939 по 1940 г. составил примерно 54%. В 1939 г. на производство вооружения приходилось 9%, а в 1940 и 1941 гг. — около 16% всего промышленного производства¹.

Представляет интерес не только изменение общего уровня военного производства, но и сдвиги, происходившие между отдельными его отраслями. Еще в 1940 г. первое место в германском производстве вооружения занимали боеприпасы, на которые приходилось 2/5 всех расходов на военное производство. Производство самолетов по величине произведенных расходов стояло на втором месте. На производство всего остального вооружения расходовалась значительно меньшая доля средств, идущих на военное производство.

**ДОЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ В ОБЩЕЙ СТОИМОСТИ
ПРОИЗВОДИМОГО ВООРУЖЕНИЯ В ГЕРМАНИИ (В %)**

Виды вооружения	1940 г.	1941 г.
Артиллерийско-стрелковое вооружение	6,3	8,3
Боеприпасы	40,9	25,2
Танки	1,6	3,5
Самолеты	38,5	40,8
Суда	4,4	11,9
Порох	2,1	3,1
Полугусеничные тягачи	1,4	2,1
Автомобили	(4,8)	(5,1)
<i>Источник: «Rüstungsindex des Planungsamtes».</i>		

В течение 1940 г. произошло предписанное самыми высокими инстанциями и явно выраженное сокращение производства боеприпасов² (речь Гитлера после окончания французской кампании). Предпочтение было отдано про-

¹ Подсчеты Германского института экономических исследований.

² Ср.: *Hans Kehr*. *Kriegswirtschaft und Rüstungsindustries* // «Bilanz des zweiten Weltkrieges». Oldenburg, 1953. S. 276.

изводству оружия маневренной войны (танки) и морской войны (подводные лодки). Доля военно-воздушного флота осталась примерно такой же, как и прежде, причем главным образом увеличивалось производство истребителей, а выпуск учебных самолетов был сокращен.

Однако в целом производство вооружения и военных материалов в 1941 г. было лишь немногим больше, чем в 1940 г.; его общая стоимость, подсчитанная в неизменных ценах, увеличилась всего на 1—2%. Правительство не стремилось увеличить производство вооружения, по-видимому, потому, что после больших военных успехов в Польше, Скандинавии и Франции оно не считало это необходимым. Во всех военных кампаниях, которые имели место до этого, материальные потери были значительно меньшими, чем предполагалось; конец войны казался ощутимо близким. В одном из военных обзоров указывалось: «Германия вступила в последний этап борьбы со столь подавляющим превосходством своей военной мощи, что результат этой борьбы больше не может вызывать сомнений»¹, «Der deutsche Volkswirt», 28 Februar 1941.

Недостаток сырья также ограничивал возможности значительного роста военного производства. Еще в предвоенные годы в Германии привыкли к обильному снабжению сырьем военной промышленности; при недостаточном контроле расхода сырья на единицу изделия каждая дополнительная программа производства вооружения влекла за собой неоправданно высокий спрос на железо, сталь и цветные металлы.

Руководители вермахта и промышленники, непосредственно работавшие над выполнением заказов армии, были настолько убеждены в абсолютном приоритете их требований и в безграничной мощи Германии, что они в части расхода сырья стали на путь пренебрежения принципом экономии.

В первый военный квартал 1939 г. для армии и военного строительства удавалось выделять ежемесячно только 859 тыс. тонн проката вместо запрашивавшихся 1195 тыс. тонн; в дальнейшем снабжение также намного отставало от запросов. Вместе с тем в результате стрем-

¹ «Die deutsche Rüstungsüberlegenheit»

ления к осуществлению принципа «business as usual» снабжение сырьем гражданских отраслей промышленности было относительно обильным даже на цели, которые ни прямо, ни косвенно не являлись важными с военной точки зрения. Большое влияние на такое положение оказывало мнение о том, что для окончания войны больше не потребуется осуществления значительных программ строительства.

**ЗАЯВКИ НА ПРОКАТ И ИХ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ
(СРЕДНЕМЕСЯЧНЫЕ ДАННЫЕ, В ТЫС. ТОНН)**

	Период	Заявки	Выделенные контингенты	Потребление
Вермахт				
1939 г.	IV квартал	961	653	711
1940 г.	I квартал	978	677	600
	II квартал	931	630	617
	III квартал	980	675	—
	IV квартал	853	776	—
Строительство				
1939 г.	IV квартал	234	206	119
1940 г.	I квартал	234	247	147
	II квартал	345	252	210
	III квартал	333	224	—
	IV квартал	267	241	—
Прочие потребности				
1939 г.	IV квартал	—	905	893
1940 г.	I квартал	—	980	796
	II квартал	—	969	914
	III квартал	—	1058	—
	IV квартал	—	1210	—
<i>Источник: «Rohstoffbilanzen des OKW», 1 November 1940.</i>				

Недостаточное расширение программы вооружения, явившееся результатом этого, сыграло, конечно, в последующие годы роковую роль. Правда, Германия по вооружению все еще удерживала первое место. Между тем начали сказываться результаты осуществления программы вооружения Англии, а потенциально наиболее сильный противник — Соединенные Штаты Америки делали первые усилия по созданию мощной военной промышленности. Уже к сентябрю 1941 г., за 4 месяца до вступления Соединенных Штатов Америки в войну, Конгресс США одобрил кредиты на вооружение в сумме 63 млрд. долл., что соответствовало $\frac{3}{4}$ годового национального дохода страны! Эти американские планы вооружения вначале не казались угрожающими. Известно, что военное производство Соединенных Штатов еще в 1939 г. было крайне незначительным. Составляя 15—20% стоимости военной продукции Германии, оно представляло собой фактор, которым можно было пренебречь в стратегических расчетах, так как достижение запланированного уровня массового производства неизбежно требовало длительного времени.

Однако в результате этого возникла новая проблема. Если Германия хотела победить своих врагов в военном и промышленном отношениях, она должна была мобилизовать все свои силы так, чтобы нанести поражение противнику до развертывания им новых мощностей в военной промышленности.

От начала войны против СССР до создания министерства Шпеера (с середины до конца 1941 г.)

Сокращение производства вооружения. После завершения военной кампании на юго-востоке и капитуляции Греции 22 июня 1941 г. началась роковая война с Советским Союзом, открывшаяся «самым большим сосредоточением войск в мировой истории». Это высказывание Гитлера могло характеризовать только военное значение, придававшееся новому фронту, так как в тот период не было и речи о соответствующей экономической подготовке Германии к этой войне.

Прежде всего это относится к производству вооружения. В таких важнейших отраслях военной промышленности, как производство артиллерийско-стрелкового вооружения, боеприпасов, судостроение, выпуск продукции снижался вплоть до 1942 г. — явление, которое не могло быть возмещено ростом производства танков и пороха. Индекс производства готовой военной продукции, за базу которого взят 1940 г., повысился в среднем за 1941 г. не более чем на 1% — и это в период активных военных действий.

Это обстоятельство должно быть рассмотрено весьма подробно, так как оно показывает, как мало координировались военные и экономические планы и как низко оценивался военный потенциал Советского Союза.

**ПРОИЗВОДСТВО ОРУЖИЯ В ГЕРМАНИИ ДО И ПОСЛЕ НАЧАЛА
ВОЙНЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (ПО СТОИМОСТИ,
В НЕИЗМЕННЫХ ЦЕНАХ)**

Виды вооружения	Месяц, на который приходится максимум производства в 1941 г.	Снижение к декабрю 1941 г. против максимального уровня, %	Период, за который снова был достигнут максимальный уровень 1941 г., месяцы
Легкое пехотное оружие	Апрель	38	18
Тяжелое пехотное оружие	Август	49	7
Артиллерия резерва главного командования	Апрель	67	23
Авиационное вооружение	Август	36	8
Танковые пушки	Декабрь	0	1
Зенитные орудия	Ноябрь	17	3
Все вооружение в целом	Июль	29	10
Источник: по данным «Rüstungsindex des Planungsamtes».			

О чем это говорит, если при некотором напряжении ежемесячно поставлялось, например, 50—60 тяжелых полевых гаубиц, а в конце 1941 г. их выпуск упал до 10 штук в месяц? Аналогичное положение наблюдалось и в производстве легких полевых гаубиц (в апреле 1941 г. — 140 штук, а в декабре 1941 г. — 21 штука).

Такая же картина наблюдалась и в производстве боеприпасов.

**ДОЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ БОЕПРИПАСОВ В ОБЩЕМ
ИХ ПРОИЗВОДСТВЕ В 1941 Г. (В%)**

Боеприпасы	Январь	Июнь	Декабрь
К легкому пехотному оружию	6	5	3
К тяжелому пехотному оружию	6	4	3
К танковым пушкам	5	5	5
К прочей артиллерии, к минометам	27	15	7
К зенитной артиллерии	20	27	36
Авиабомбы	24	24	28

Источник: по данным «Rüstungsindex des Planungsamtes».

Значительное увеличение доли боеприпасов зенитной артиллерии не имело существенного значения для войны на Востоке.

**ПРОИЗВОДСТВО БОЕПРИПАСОВ В ГЕРМАНИИ
ДО И ПОСЛЕ НАЧАЛА ВОЙНЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

Боеприпасы	Максимум, достигнутый в 1941 г., млн. рейхсмарок	Производство в декабре 1941 г., млн. рейхсмарок	Период, за который снова достигнут максимальный уровень 1941 г., месяцы
К легкому пехотному оружию	Апрель 12,9	6,3	15

Боеприпасы	Максимум, достигнутый в 1941 г., млн. рейхсмарок	Производство в декабре 1941 г., млн. рейхсмарок	Период, за который снова достигнут максимальный уровень 1941 г., месяцы
К тяжелому пехотному оружию	Февраль 12,8	6,9	13
К танковым пушкам	Декабрь 11,7	11,7	—
К прочей артиллерии	Февраль 69,1	15,7	15
К зенитной артиллерии	Ноябрь 89,4	77,3	20
Мины и ручные гранаты	Февраль 7,8	2,4	13
К авиационному вооружению	Сентябрь 20,7	17	9
Итого	Август 112,2	96,9	7
<i>Источник: по данным «Rüstungsindex des Planungsamtes».</i>			

По мере углубленного изучения вопросов производства вооружения все более явной становится недооценка потребностей. Так, в январе 1941 г. было произведено около 100 млн. патронов к пехотному стрелковому оружию, а в декабре — 50 млн., осколочно-фугасных гранат к легким полевым гаубицам в феврале 1941 г. — около 700 тыс., а в декабре — 9 тыс. и т. д.

Последствия такого развития сказались слишком скоро. Впервые за период войны обнаружилось сильное сокращение запасов важнейших видов оружия и боеприпасов, так как потребности Восточного фронта значительно превышали первоначальные предположения¹. Приведем лишь два примера. Парк легкой и тяжелой артиллерии достиг в июне 1941 г. своего максимума. С июля по ноябрь потребности фронта в такой артиллерии примерно

¹ По данным Управления военно-хозяйственного планирования.

покрывались текущим производством; однако в декабре 1941 г. и январе 1942 г. производство указанных артиллерийских орудий значительно отставало от потребностей фронта. Еще более значительным было сокращение запасов артиллерийских боеприпасов. В течение 9 месяцев, с июня 1941 г. по март 1942 г., их расход был столь значителен, что общие запасы сократились на 1/3. В результате боевая мощь немецкой артиллерии была подорвана. Если сопоставить стоимость всех наличных артиллерийских боеприпасов со стоимостью артиллерийского оружия, то окажется, что их соотношение составляло в середине 1941 г. примерно 4 : 1, а в начале 1942 г. — только 1,5 : 1.

Следует коротко напомнить о военном положении в этот период: неудавшаяся попытка окружения Москвы, необычайно жестокая и рано наступившая зима, провал немецкого наступления в начале декабря, непрерывные удары советских частей в течение последующих 5 месяцев, передвижение линии фронта в результате немецкого отступления на значительное расстояние от Москвы.

В перспективе же предстояло дальнейшее обострение положения. Осенью 1941 г. производство вооружения в США впервые достигло уровня военного производства Германии. Надо отметить также, что производство вооружения в Германии в период с 1940 по 1941 г. находилось в состоянии застоя, в то время как в Соединенных Штатах, Англии и Советском Союзе оно за этот же период, по данным Гольдсмита, почти удвоилось.

Германия и Япония в 1940 г. давали еще примерно 70% военного производства вышеназванных трех великих держав, а в 1941 г. — едва 40%. Гольдсмит по этому поводу отмечает: «Сейчас ясно, что это преднамеренно медленное расширение военного производства (Германии), остававшегося почти весь 1941 г. по существу неизменным, являлось крупнейшей ошибкой, допущенной Германией в области военной экономики, и именно той ошибкой, которая отняла у нее все шансы на победу».

**ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В 1940 — 1941 ГГ.
(В МЛРД. ДОЛЛ., ЦЕНЫ 1944 Г.)**

Страна	1940 г.	1941 г.
США	1,5	4,5
Англия	3,5	6,5
СССР	5	8,5
Итого	10	19,5
Германия	6	6
Япония	1	2
Итого	7	8
<i>Источник: Данные Гольдсмита, цитируемые по книге: Sternberg. Kapitalismus und Sozialismus vor Gericht. Hamburg, 1951.</i>		

Экономические причины сокращения военного производства. Какие экономические причины обусловили падение военного производства? Важную роль, без сомнения, сыграла затяжка в расширении выпуска основных видов сырья и материалов. В 1940 г. вступило в строй еще много строек из намеченных по четырехлетнему плану. В 1941—1942 гг., наоборот, в эксплуатацию вводились лишь отдельные предприятия. В результате этого общее производство сырья с 1941 по 1942 г. вообще не увеличилось. В первые месяцы 1942 г. начался глубокий, связанный с холодами спад производства, временно достигавший более 20%. Характерным является положение с производством стали. Примерно в январе 1941 г., как указывалось выше, наступил подъем в военной промышленности; к этому времени выплавка стали достигла 2,15 млн. тонн в месяц. Это было, конечно, облегчено захватом Лотарингии и Люксембурга. В марте 1941 г. в выплавке стали был достигнут максимум — 2,30 млн. тонн; затем началось прекращение прироста производства и небольшое снижение (а в феврале 1942 г. было выплавлено лишь 1,82 млн. тонн стали). Только с осени 1942 г. производство стали снова возрастает. В обстановке господствовавших в тот пери-

од представлений о материальных потребностях военного производства, по-видимому, казалось невозможным расширять выпуск вооружения при имеющемся или даже снижающемся уровне производства стали.

Кроме того, война на востоке против Советского Союза вызвала постоянно усиливающийся отлив рабочей силы из промышленности. С середины 1940 г. до середины 1941 г. число занятых немцев-мужчин сократилось почти на 1,5 млн. человек и даже количество занятых немецких женщин уменьшилось за этот же период более чем на 200 тыс. Армия поглотила дополнительно примерно 1,5—1,6 млн. человек; образовавшийся недостаток в гражданской рабочей силе покрывался за счет использования иностранцев. В результате возрастающего использования труда иностранцев произошло значительное снижение производительности труда и положение с выпуском продукции существенно ухудшилось, не говоря уже о сомнительности методов принудительной мобилизации рабочей силы.

**БАЛАНС РАБОЧЕЙ СИЛЫ В 1939—1941 ГГ.
(В ТЫС. ЧЕЛОВЕК ПО СОСТОЯНИЮ
НА 31 МАЯ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ГОДА)**

	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Гражданская рабочая сила			
Немцы — всего	39 114	34 829	33 144
мужчины	24 488	20 449	18 990
женщины	14 626	14 380	14 167
Иностранцы	301	1 154	3 033
Армия			
Фактическая численность	1366	5600	7400
Потери	—	85	185
Всего мобилизованных	1366	5685	7585
Источник: «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy». Р. 207.			

Вначале не могли решиться на большие ограничения в области производства потребительских товаров. Промышленное производство предметов потребления, сократившееся с 1939 по 1940 г. примерно на 6%, с 1940 по 1941 г. даже немного возросло.

**ПРОИЗВОДСТВО ПРЕДМЕТОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ГЕРМАНИИ
(1939 Г. = 100)**

	1940 г.	1941 г
Все производство предметов потребления	94,1	95,7
Кожевенные изделия, текстиль, одежда	94,3	95,5
Продовольственные товары	91,7	92,1
Прочие	98,2	101,9
<i>Источник: «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy». Р. 130.</i>		

Естественно, что особенно для военного периода подсчеты объема потребления не точны, так как наряду с нормированным существует ненормированное потребление, ценообразование лишено единообразия, а структура потребления подвержена быстрым и глубоким изменениям.

Однако следующие оценочные данные, взятые из доклада Кальдора, дают по крайней мере общее представление.

ДИНАМИКА ГРАЖДАНСКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ (1938 Г. = 100)

	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.
Германия (в довоенных границах)	108	100	97	88
Англия	100	87	81	79
<i>Источник: Kaldor. The German War Economy. Р. 25. «Это показывает, — говорит Кальдор, — что общее гражданское потребление в Германии по сравнению с 1938 г. только в 1942 г. было серьезно ограничено, но и в это время оно было выше, чем в Англии».</i>				

Это благоприятное для потребителей основное направление политики в области промышленности (причисляя армию также к потребителям гражданских товаров) оказало большое влияние на инвестиции. Пополнение парка машин и оборудования было в общем удовлетворительным. По данным хозяйственной группы машиностроения, небольшое снижение инвестиций в 1940 г. было быстро преодолено; в 1941 г. сбыт оборудования был больше, чем в 1939 г.

**ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ КАПИТАЛЬНОГО
ОБОРУДОВАНИЯ (В 1939—1941 ГГ.) (В ТЫС. ТОНН)**

Год	Станки	Прочие машины	Котлы и отопительные установки	Средства транспорта	Итого
1939	277	2199	776	526	3778
1940	288	1923	774	605	3590
1941	315	1979	894	772	3960

Источник: Данные соответствующих хозяйственных групп, собранные в «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy». P. 130.

Однако тем значительнее было сокращение в другом большом секторе капиталовложений — в строительстве. Сокращение жилищного строительства является вполне обычным для военной обстановки; ясно, что и в Германии число сданных в эксплуатацию жилищ резко снизилось (в тыс.):

1939 г. — 220

1940 г. — 133

1941 г. — 86

Источник: «Statistisches Handbuch von Deutschland». S. 339.

Одновременно сократилось и промышленное строительство — с 51 млн. куб. метров в 1939 г. до 36 млн. куб. метров в 1941 г., причем особенно резко уменьшилось строительство новых военно-промышленных объектов.

Это касалось в первую очередь сырьевой базы военной промышленности, а именно предприятий по синтезу минерального топлива, по производству азота и др.

В решающих отраслях затягивалось строительство давно запланированных мощностей, по-видимому, исходя из предположения, что «в настоящее время» нерентабельно создавать большие предприятия, использование которых будет невозможным в условиях «ощутимо близкого периода» мирной экономики.

В ожидании этого периода мирной экономики никого не могла смутить даже мрачная перспектива войны с Советским Союзом. С 1933 г. господствующий в Германии режим делал все, чтобы преуменьшить в глазах немцев экономические достижения Советского Союза. Общественному мнению все время внушалось представление о том, что военная промышленность СССР развита очень слабо.

Представление о действительном положении дел в Советском Союзе не проникало в широкие круги. Справедливо мнение Гольдсмита относительно причин застоя в военном производстве Германии в 1940 г.: «Полная недооценка военного производства Советского Союза наверняка являлась существенным фактором этого рокового положения».

Казалось, что первые месяцы войны против СССР оправдывают пропаганду гитлеровского правительства. Еще в октябре и ноябре 1941 г. сила Советского Союза к сопротивлению оценивалась весьма низко. Так, например, тогдашний руководитель прессы Дитрих заявлял, что германской армии удалось «в несколько месяцев разбить создаваемые десятилетиями военные силы большевиков»¹.

Отступление немцев и длившееся 5 месяцев наступление Красной армии во время особенно жестокой зимы впервые развеяли имеющиеся иллюзии. Только

¹ «Der Neubau Europas», напечатано в «Wirtschaftshandbuch, 1942», 79 Jahrgang. S. 7, издание торгового отдела газеты «Frankfurter Zeitung».

тогда немецкое руководство поняло, что нечего рассчитывать на скорый конец войны и тем самым на возможность ограничения военного производства. Поэтому весной 1942 г. в промышленном производстве Германии началась новая военно-экономическая эпоха. «Зимняя кампания открыла глаза на то, что от немецкого народа потребуются максимальные военные и экономические усилия»¹. С этого периода появилось стремление к массовому производству, к действительному использованию имеющихся резервов.

¹ «Leistungs Parole», «Der deutsche Volkswirt», 30 Januar 1942.

Глава III

ЭРА ШПЕЕРА

В феврале 1942 г. в авиакатастрофе погиб министр вооружения и боеприпасов инженер Фриц Тодт. Вместе с назначением вскоре после этого в качестве его преемника архитектора Альберта Шпеера началась новая эра германской военной промышленности — ее действительный подъем, являвшийся насущной необходимостью в сложившейся военной обстановке. Этот подъем явился прежде всего результатом новых методов руководства промышленностью.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОИЗВОДСТВА ВООРУЖЕНИЯ

Организационное сотрудничество и противоречия

Комитеты и ринги. Очень важно остановиться на развитии некоторых организационных принципов. До сих пор способы обеспечения вооружением оставались неизменными: вермахт заявлял, в чем он нуждается и в каком количестве. Балансирование программы происходило только в пределах вермахта. Это практически означает, что оно вообще не осуществлялось. Представители армии являлись на предприятия и «организовывали» там производство вооружения по своему усмотрению, — конечно, с позиций солдата, а не хозяйственника.

Но в этой важнейшей области наступили решающие перемены¹. По-прежнему вермахт должен был указы-

¹ См., например: *Paul Osthold. Weitere Straffung der Rüstungsorganisation // Der deutsche Volkswirt. 23 Oktober 1942.*

вать, в чем он нуждается, в каких количествах и как должен быть выполнен его заказ, так как в конечном итоге он отвечал за вооружение и боеспособность действующей армии.

Но как только перед промышленностью были поставлены задачи и заказы вермахта собраны в централизованном порядке и систематизированы, они переходили в ведение министерства Шпеера. Это министерство должно было определять, на каких предприятиях и какими методами будет осуществляться производство; вермахт же отвечал лишь за своевременную отгрузку заказанного вооружения желаемой конструкции и в нужном количестве. Внешне эта реорганизация нашла свое ясное отражение в том, что орган, занимавшийся вооружением при Верховном командовании вермахта, вошел в виде Управления по вооружению в состав Министерства вооружения.

Этот переворот в системе снабжения — именно так можно его назвать, если учесть привязанность к традициям в системе немецкого вермахта, — потребовал, однако, новых методов руководства промышленностью¹. Эти новые методы состояли, во-первых, в том, чтобы привлекать к руководству молодые кадры («В моем министерстве не должно быть никого старше меня», — заявлял Шпеер), и, во-вторых, в том, чтобы привлекать лучшие технические кадры специалистов и, в частности, инженеров. Надо было избежать создания раздутого центрального управленческого аппарата; вместо этого была сделана попытка увеличить ответственность аппарата на местах.

Организационные рамки для этой новой системы образовали так называемые комитеты и ринги, представляющие собой объединения предприятий или их отдельных цехов, производящих одинаковые виды продукции, под единым руководством признанного специалиста в данной отрасли производства. При этом ко-

¹ См.: *Kehrl. Kriegswirtschaft und Rüstungsindustrie // Bilanz des zweiten Weltkrieges*. Oldenburg, 1953.

митеты объединяли в основном предприятия, производящие вооружение (танки, автомобили, суда, оружие, боеприпасы и т. д.), в то время как ринги обычно объединяли субпоставщиков военных предприятий (например, ринг металлообработки, электротехники и т. д.).

«Главные» комитеты и ринги подразделялись на комитеты и ринги, которые, в свою очередь, делились на малые ринги, подкомитеты, рабочие комитеты и т. д. Таким путем должно было быть достигнуто возможно большее приближение управления к производству.

Задачи новой организации можно подробно охарактеризовать следующим образом:

а) установление рабочего времени и методов труда с целью выяснения и внедрения лучших результатов;

б) обмен патентами и документацией по технологии производства;

в) упрощение техники производства, прежде всего путем стандартизации;

г) наблюдение за расходом материалов на единицу изделия с целью экономии расходуемых материалов;

д) расширение деловых связей с отраслями промышленности — субпоставщиками;

е) загрузка, мощностей, имеющихся для соответствующего производства.

Эту обширную программу следовало прежде всего понимать как чисто технологическую и производственно-техническую. Экономические задачи комитетов и рингов состояли лишь в привлечении рабочей силы и частично в приобретении угля и в снабжении электроэнергией, а также в обеспечении загрузки производственных мощностей. Необходимое же сырье предоставлялось соответствующими имперскими управлениями непосредственно или же по контингентам вермахта.

Основная идея — создание силами промышленности отраслевых комитетов и рингов — была правильна. Однако эти новые организации были созданы при сохранении уже имевшихся организаций. Наряду с комитетами и рингами продолжали существовать хозяйственные

группы со всеми их подгруппами, созданными по отраслевому принципу (а не по видам готовой продукции). Многие предприятия в связи с многообразием производимых на них видов изделий входили в различные комитеты и ринги и примыкали одновременно ко многим хозяйственным и отраслевым группам и подгруппам. Так, например, производство изделий Главного комитета боеприпасов было рассеяно на предприятиях, относящихся к 18 различным хозяйственным группам, и наоборот, фирмы, объединенные в хозяйственной группе производителей железа, стали и изделий из жести, подчинялись 9 различным комитетам и рингам. К этому надо добавить, что в отношении хозяйственных групп действовало с начала войны пресловутое «организационное замораживание», вследствие чего все предприятия оставались в той же группе, к которой они относились осенью 1939 г.

Например, фабрики по производству пианино, которые изготовляли теперь упаковку для боеприпасов, по-прежнему находились в ведении отдела музыкальных инструментов; шоколадная фабрика, производившая теперь боеприпасы, продолжала считаться подчиненной отделу кондитерской промышленности, и часовые заводы, производившие взрыватели, по-прежнему причислялись к часовой промышленности. Ясно, что при таком положении статистическая документация, являющаяся основой всякого управления и планирования, неизбежно страдала существенными недостатками.

В свою очередь, организация комитетов и рингов, первоначально задуманных как небольшие технические объединения, также не могла считаться совершенной. Перестройка продолжалась в прежних масштабах вплоть до последнего месяца войны. Поэтому невозможно было дать действительно реальную картину организации, так как едва поступившая текущая информация снова устаревала. Многие предприятия не знали, принадлежали ли они вообще к какому-нибудь комитету или рингу, и, наоборот, лишь немногие комитеты и рин-

ги действительно следили за кругом фирм, входящих в их состав, и в соответствии с этим могли руководить ими.

Эффективные методы управления удавались постольку, поскольку комитеты и ринги могли присоединиться к уже имеющимся объединениям (например, машиностроение, точная механика и оптика). В других весьма многочисленных случаях сила побеждала разум.

Организационные принципы в различных комитетах и рингах были неодинаковы. В соответствии с вышеизложенными основными положениями комитеты должны были охватывать предприятия, выпускавшие готовое вооружение, ринги же — предприятия субпоставщиков. В этом случае каждый комитет, нуждавшийся в поставке каких-либо материалов или деталей, должен был установить контакт с соответствующим рингом, а ринг, со своей стороны, оказывался в таком положении, что вынужден был бы использовать свои производственные мощности в соответствии с потребностями отдельных комитетов.

В действительности же комитеты и ринги перемешались. Главный комитет авиационного вооружения был фактически рингом, занимавшимся вопросами, входившими ранее в компетенцию многих других рингов. Главный комитет точной механики и оптики по существу был рингом, так как он практически занимался только субпоставками. Комитет железнодорожного подвижного состава подчинил себе предприятия субпоставщиков и перестал зависеть от поставок со стороны соответствующих рингов. Главный комитет автомобильной промышленности присоединил к себе некоторые важные предприятия своих субпоставщиков. Другие комитеты (вооружения) полностью полагались на ринговую организацию.

В итоге над всеми имеющимися производственными мощностями на предприятиях субпоставщиков контроля не было, согласование программ оказывалось невозможным. Вопрос об отраслях промышленности, осущес-

ствлявших субпоставки для военного производства, будет еще раз особо рассмотрен ниже.

Далее о региональной организации. В общих чертах она была построена таким образом, что инспекция вооружения (органы Министерства вооружения) устанавливала надзор за так называемыми предприятиями группы А, в которой объединялись действительно важнейшие военные предприятия. Большое число остальных предприятий (предприятия группы С) контролировалось совершенно иначе построенной региональной организацией — хозяйственными управлениями земель (подчинялись Имперскому министерству хозяйства). Последствия были очевидны: отсутствие четкого разграничения между предприятиями групп А и С, отсутствие единой политики в использовании рабочей силы, распределении сырья, угля и энергии, обеспечении транспортом и т. д.

Хотя методы работы отдельных комитетов, как это неоднократно подчеркивалось, не были бюрократическими, зато зачастую работа велась не систематически без учета всех задач в целом. Работник Главного комитета танков думал исключительно о танках. Он делал все, что позволяли его силы, для того, чтобы выполнить «свою» программу, и выполнял ее. То, что это происходило зачастую за счет программы соседнего комитета, его не беспокоило, а признание его заслуг со стороны высшего начальства, по-видимому, оправдывало его.

Регулирование снабжения сырьем. С вопросами организации выпуска готовой продукции была также тесно связана проблема регулирования снабжения сырьем. Выше было показано, как уже с 1934 г. на основе «Нового плана» были созданы управления по контролю над внешней торговлей, а также над потреблением всех важнейших видов промышленного сырья. Эти управления, преобразованные в начале войны в имперские управления, являющиеся органами Имперского министерства хозяйства, должны были регулировать и на-

правлять использование сырья в соответствии с потребностями фронта.

Управления, возникшие в совершенно разное время и возглавлявшиеся всевозможными «имперскими уполномоченными», использовали самые различные методы руководства, так что даже для того, чтобы разобраться в жаргоне специальной терминологии регулирования, нужно было преодолеть трудности, равные борьбе со смешением языков во время вавилонского столпотворения. Так, например, имелись «разрешение на ввоз», «разрешение на покрытие потребностей», «разрешение на закупку», «контрольные номера», «право на закупку» и т. д., хотя все эти определения в каждом случае по существу выражали одно и то же. Кроме того, каждое имперское управление ревниво следило за сферой своей компетенции, так что предприятия, практически нуждавшиеся во многих видах вспомогательных материалов и сырья, должны были обращаться к большому числу организаций. В результате единства в распределении сырья не было. Так, например, если предприятие получало достаточное количество черных металлов, то ему не хватало или цветных металлов, или некоторых химикатов, или леса, или другого сырья, необходимого для производственного процесса. В результате бесконтрольности, а также в связи с «разумным предвидением» предпринимателей возникали завышенные заявки на необходимое сырье. Нередко предприниматели делали заявки на сырье, умалчивая об ожидаемом сокращении производства, чтобы сохранить прежнее количество получаемого сырья, и т. п.

В регулировании снабжения сырьем крупные изменения произошли впервые в течение 1942 г. В соответствии с распоряжением имперского министра хозяйства и министра вооружения о «новом порядке регулирования» генеральный референт Имперского министерства хозяйства Ганс Керль осуществил централизацию системы снабжения сырьем и коренным образом упростил порядок снабжения сырьем предприятий.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ИМПЕРСКИХ УПРАВЛЕНИЙ В 1942 Г.

27 февраля

Имперские управления по хлопку, хлопковой пряже и тканям, натуральному и искусственному шелку объединены в Имперское управление по текстилю.

10 марта

Образовано Имперское объединение по облагораживанию текстиля.

22 апреля

Образовано Имперское объединение по углю.

29 мая

Образовано Имперское объединение по железу.

5 сентября

Имперское управление по каучуку и Имперское управление по саже объединены в Имперское управление по каучуку.

15 октября

Создано общество по обуви.

13 ноября

Образовано общество по стеклу.

10 декабря

Имперское управление по шерсти и волосу, а также Имперское управление по лубяному волокну вошли в состав Имперского управления по текстилю.

Новые организации были созданы главным образом в виде имперских управлений, некоторые с меньшими полномочиями — в виде «обществ», некоторые с особыми задачами производственно-технической рационализации строились в виде «имперских объединений», облеченных большими полномочиями. В связи с образованием разных управлений и введением гло-

бальных контингентов для предприятий было значительно облегчено получение сырья.

Идея создания разных управлений исходила из того, чтобы все организации одной и той же отрасли (имперские управления, хозяйственные группы, картели, торговые и ремесленные организации) были объединены под единым руководством, с тем чтобы обеспечить строгое руководство данной отраслью и мобилизацию всех сил и средств. Каждое предприятие должно было входить только в одну сферу управления. Если предприятие нуждалось в материалах, регулирование снабжением которыми входило в компетенцию другого управления, то эти материалы предоставлялись одним управлением другому (глобальные контингенты) и затем распределялись по отдельным предприятиям внутри данного управления. Управление и распределение по прежнему региональному принципу осуществлялось только в отношении рабочей силы, транспортных средств и угля.

В общем эта реформа, упростившая систему снабжения сырьем, действительно облегчила предприятиям получение сырья, особенно черных и цветных металлов. Но она не была полностью осуществлена, так как еще во время образования новых органов снова произошли изменения: Министерство вооружений было преобразовано в Министерство вооружения и военного производства, претендовавшее на управление всем промышленным производством.

Вооружение и военное производство под единым руководством. Соображения, приведшие после четырех лет войны к образованию этого объединенного министерства, несложны, в таких важных отраслях, как точная механика и оптика, электротехническая промышленность, машиностроение, производство металлоизделий и т. д., производство военных материалов было чрезвычайно велико и продолжало постоянно возрастать. Было бы бессмысленным, например, планировать производство оптических товаров гражданского назначения отдельно от производства военных приборов, тем

Юлее что военное производство все больше было вынуждено использовать в качестве резервов мощности, предназначенные для удовлетворения гражданских нужд.

**ДОЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ВОЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ В ОБОРОТЕ
ОТДЕЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ГРУПП ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ПО СОСТОЯНИЮ НА ОСЕНЬ 1943 Г. (В %)**

Авиационная промышленность	100	Облагораживание материалов	17
Точная механика и оптика	70	Химическая промышленность	5
Производство железных, стальных и жестяных изделий	65	Цветная металлургия	3
Транспортное машиностроение	60	Текстильная промышленность	3
Судостроение	58	Швейная промышленность	3
Производство металлоизделий	50	Стекольная промышленность	2
Общее машиностроение	33	Кожевенная промышленность	2
Электротехническая промышленность	28	Бумажная промышленность	2
Деревообрабатывающая промышленность	25	Керамическая промышленность	2
Литейное производство	25	Лесопильная промышленность	1
Производство металлоконструкций	17	Полиграфическая промышленность	1

Источник: Результаты «дополнительной переписи» к промышленному отчету по состоянию на осень 1943 г. Данные включают только непосредственно военное снаряжение и части к нему, но не включают обмундирование солдат, например, сапоги, форму и т. д.

Остальные отрасли обрабатывающей промышленности, как химическая, швейная, стекольная и т. д., с мень-

шей долей производства военных материалов также были реорганизованы.

Для этих отраслей были созданы так называемые «производственные комитеты», которые должны были совершенствовать производство и руководить им. В этой связи имперские управления, так же как и Имперское министерство хозяйства, которому они подчинялись, были ограничены только функциями распределения. На практике, однако, это разделение осуществлялось с большими трудностями, и не случайно распоряжение обоих министерств о распределении их функций называлось в компетентных кругах «изгнанием солитера».

Начатое перед этим при помощи создания различных управлений объединение всех организаций обрабатывающей промышленности — имперских управлений, хозяйственных управлений, картелей, торговых и ремесленных организаций на всех ступенях производства и распределения — было опять прекращено и так и не было осуществлено до самого конца войны.

Как же выглядело при изменениях в организации управления промышленностью использование рабочей силы и промышленное производство страны по отдельным отраслям производства предметов потребления, основного сырья и полуфабрикатов? А главное, как развивалось производство вооружения?

Использование рабочей силы с 1942 по 1944 г.¹

До 1941 г., как было показано выше, давление на рынок рабочей силы было относительно слабым. С мая 1939 г. по май 1941 г. в армию было мобилизовано около 6 млн. человек. Рабочая сила в отраслях гражданской

¹ В данном случае мы опираемся прежде всего на хорошее изложение проблемы в «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy», Overall Economic Effects Division October 31, 1945.

промышленности пополнялась за счет использования иностранцев и военнопленных (+2,8 млн.); параллельно с этим произошло некоторое перемещение рабочей силы из торговли и ремесла в промышленность. В целом сокращение рабочей силы в этих отраслях составило примерно 10%. О том, что недостаток в рабочей силе был незначительным, свидетельствует сокращение числа занятых немецких женщин с 14,6 млн. в мае 1939 г. до 14,1 млн. в конце мая 1941 г.

Начиная с 1942 г. положение коренным образом изменилось. Потери армии сильно возросли. К необходимости пополнения рабочей силы добавилась дополнительная потребность поставить под ружье новые контингенты.

ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В 1941 — 1944 ГГ.*
(В МЛН. ЧЕЛОВЕК)

Год (на конец мая)	Всего мобилизовано	Потери (нарастающий итог)	Фактически действующие силы
1941	7,4	0,2	7,2
1942	9,4	0,8	8,6
1943	11,2	1,7	9,5
1944	12,4	3,3	9,1

* Данные касаются собственно Германии, Австрии, Судетской области Чехословакии, Мемеля. Источник: Kaldor. The German War Economy. P. 9.

Одновременно росли потери военных материалов, и спрос на вооружение и боеприпасы возрастал значительно быстрее, чем если бы это соответствовало только обычной «потребности в замене».

В связи с этим было необходимо вовлечь в процесс производства больше людей, с тем чтобы производить не только больше вооружения, сырья и полуфабрикатов, но также и товаров гражданского потребления для пострадавшего от бомбардировок населения.

Первая попытка преодолеть возникшие трудности состояла в усилившемся использовании труда иностранцев и военнопленных.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ И ВОЕННОПЛЕННЫХ
В КАЧЕСТВЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ (В МЛН. ЧЕЛОВЕК)**

Год (на конец мая)	Всего	В том числе в				
		сель- ском хозяй- стве	про- мыш- ленно- сти	ре- месле	тран- спорте	осталь- ных от- раслях
1941	3,0	1,5	1,0	0,3	0,1	0,1
1942	4,2	2,0	1,4	0,3	0,2	0,3
1943	6,3	2,3	2,8	0,4	0,3	0,5
1944	7,1	2,6	3,2	0,5	0,4	0,4

Источник: «Kraftebilanz des Statistischen Reichsamts».

Таблица ясно показывает, что увеличение количества иностранных рабочих начиная с 1943 г. резко сократилось, и если с 1942 по 1943 г. оно составило 2,1 млн., то с 1943 г. по 1944 г. — только 0,8 млн. человек (план на 1944 г. предусматривал 3,7 млн.). Это обстоятельство, безусловно связанное с развитием событий на фронтах, послужило причиной попыток более активной, чем прежде, мобилизации рабочей силы внутри Германии. В этих целях наряду с прочими были приняты следующие меры:

а. Более широкое использование кустарей. В мае 1944 г. насчитывалось 279 тыс. кустарей — ничтожный результат долголетних усилий, не давший выхода из затруднений, описанных выше.

б. Использование труда мужчин старших возрастов и трудоспособных женщин. Распоряжением от 27 января 1943 г. была введена обязательная регистрация мужчин от 60 до 65 лет, а также женщин от 17 до 45 лет. В результате зарегистрировалось 3,5 млн. человек, однако число работающих женщин возросло лишь с 14,4 млн.

в 1942 г. до 14,8 млн. в 1944 г., что составляет прирост на 0,2 млн. по сравнению с 1939 г. При росте числа вновь мобилизованных рабочих-мужчин с 1942 по 1944 г. на 3 млн. человек сокращение числа рабочих-мужчин составило в то же время 2,7 млн. Следовательно, новое пополнение из числа зарегистрированных (мужчин старших возрастов и молодежи) составило фактически около 0,3 млн. человек. Таким образом, чистое пополнение рабочих-немцев составило 0,7 млн. мужчин и женщин при 3,5 млн. зарегистрированных, то есть только 20%.

В послевоенный период в других странах было сделано много критических замечаний в отношении незначительного роста числа занятых женщин в Германии. Это объясняется отчасти принципами, которые пропагандировались национал-социалистами перед войной («Дети, церковь, кухня» — формула национал-социалистов о месте женщины в обществе). Необходимо указать также, что имелось сравнительно большое количество детей моложе 14 лет, нуждающихся в присмотре; немаловажную роль играла также довольно щедрая финансовая помощь женщинам, мужья которых были призваны в армию. Кроме того, начиная с 1943 г. усиление бомбардировок Германии удерживало многих женщин от поступления на работу.

в. Удлинение рабочего дня не имело большого значения. По данным официальной статистики заработной платы средняя рабочая неделя в промышленности в сентябре 1941 г. составляла около 49,5 часа (максимум, достигнутый во время войны); к марту 1944 г. эта цифра сократилась до 48,3 часа. Конечно, рабочий день в отраслях промышленности, важных в военном отношении, был постоянно несколько выше этой средней цифры, но даже в этих отраслях рабочая неделя продолжительностью в 50,3 часа, достигнутая в сентябре 1941 г., явилась максимумом на протяжении всей войны.

г. Большое значение имел перелив рабочей силы из одних отраслей промышленности в другие, наиболее важные в военном отношении. С мая 1941 г. по май 1944 г. число занятых в отдельных отраслях сократилось

следующим образом: ремесло — на 0,76 млн. человек, или на 20 %; торговля, банки, система страхования — на 0,55 млн., или на 16%; управление и услуги — на 0,35 млн., или на 14%; домашняя прислуга — на 0,13 млн. человек, или на 9%.

Напротив, в других отраслях имел место прирост числа занятых, который распределялся следующим образом: сельское хозяйство — на 0,49 млн. человек, или на 5%; промышленность — на 0,64 млн., или на 6%; транспорт — на 0,16 млн., или на 7%; управленческий аппарат армии — на 0,62 млн. человек, или на 73%.

Эти данные показывают, что наряду с управленческим аппаратом армии, к которому причислены также полиция и аппарат Министерства вооружения, наибольший прирост числа занятых имел место в промышленности; в самой промышленности также произошли изменения в распределении рабочей силы в пользу военных отраслей.

**ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В 1941—1944 ГГ. (ОБЩЕЕ ЧИСЛО ЗАНЯТЫХ РАБОЧИХ
И СЛУЖАЩИХ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СООТВЕТСТВУЮЩИЙ
ПЕРИОД ПРИНЯТО ЗА 100)**

Год (на конец мая)	Производ- ство ос- новных ви- дов сырья и материа- лов	Металло- обрабаты- вающая промыш- ленность	Строи- тельная промыш- ленность и промыш- ленность стройма- териалов	Прочие отрасли
1941	22	40	10	28
1942	23	43	8	26
1943	24	45	6	25
1944	25	47	6	22

Наибольший прирост числа занятых имел место в металлообрабатывающей промышленности, в которой

уже в мае 1943 г. 72% продукции шло на удовлетворение нужд армии, и в отраслях, связанных с производством сырья. Сильно сократилась занятость в строительной промышленности и промышленности стройматериалов, а также в прочих отраслях, к которым относится прежде всего производство потребительских товаров. Приведенные данные о занятости являются важным исходным пунктом для последующего анализа по отдельным отраслям промышленности.

В целом положение на рынке рабочей силы с 1941 г. до середины 1944 г. оставалось напряженным. Например, согласно отчету Управления военно-хозяйственного планирования, с 1 октября 1942 г. по конец 1943 г. прирост рабочей силы составил около 1 млн. человек, в то время как спрос на рабочую силу неизменно составлял 2,5 млн.¹. Цифры спроса, несомненно, завышены; но также несомненно и то, что имело место падение производительности труда — частично вследствие повышенной текучести рабочей силы, частично в связи с недостатком квалифицированных рабочих, частично в результате воздушных бомбардировок, воздействие которых, к сожалению, нельзя недооценивать.

«Военное производство»

«Военное производство», это обобщающее понятие, появившееся также в названии нового министерства, являлось программой. Отрасли промышленности, не производящие непосредственно вооружение, должны были продолжать работать лишь постольку, поскольку их продукция действительно была нужна с точки зрения ведения войны. Это означало свертывание производства потребительских товаров, концентрацию сырьевых отраслей промышленности и расширение отраслей — субпоставщиков военного производства.

¹ «Bericht über die deutsche Wirtschaftslage», Planungsamt, 29 Juni 1944.

Потребительские товары. Выше было показано, как неохотно шли на ограничение производства потребительских товаров в первые два года войны. Начиная с 1942 г. ограничения значительно возросли, несмотря на отчаянное сопротивление некоторых местных политических инстанций. В некоторых местах все еще считали, что до конца войны больше нет необходимости в напряжении всех сил и, более того, дело идет уже к тому, чтобы сохранить для послевоенного времени экспортные позиции значительно уменьшившегося производства потребительских товаров. Например, уже после сталинградских событий гауляйтер Саксонии заявил «резкий протест» против того, что одно из ведущих прядильных предприятий было полностью переключено на выпуск продукции военно-хозяйственного значения.

Число занятых в производстве потребительских товаров сократилось с 1942 по 1943 г. лишь незначительно. Оно составляло: в январе 1942 г. — 2,66 млн. человек, в январе 1943 г. — 2,55 млн., в сентябре 1943 г. — 2,51 млн. человек.

Если производство потребительских товаров все же ощутимо сократилось, то объясняется это прежде всего снижением производительности труда рабочих. Предприятиям военной промышленности удалось переманить к себе часть квалифицированных рабочих из промышленности, производящей эти товары (во всяком случае с условием замены переданных рабочих необученными женщинами, иностранцами и военнопленными). Из-за сокращения контингентов сырья владельцы предприятий, производящих потребительские товары, также вынуждены были ограничивать производство. Были и находчивые предприниматели (в самой Германии и в оккупированных ею странах), которые стремились из единицы сырья производить больше товаров, хотя и худшего качества, или же создавать видимость загрузки предприятий за счет производства совершенно ненужных изделий. Так, в течение длительного времени все немецкие магазины были забиты

кафелем, на котором были написаны более или менее разумные изречения и сделана дорогостоящая ручная роспись.

Начиная с 1942 г. объем производства потребительских товаров развивался следующим образом (1941 г. : 100):

1942 г. — 90

1943 г. — 94

1944 г. — 90

В 1944 г. потребительских товаров было примерно на 14% меньше, чем в 1938 г. Снабжение товарами на душу населения сократилось приблизительно на 1/3. Если же учесть, что почти 1/3 этих товаров в 1944 г. поглощалась армией (в 1939 г. — 17%), то станет ясно, что гражданскому населению оставалась лишь часть, составлявшая от 50 до 60% довоенного уровня потребления и почти на 10% меньше, чем в разгар тяжелейшего экономического кризиса в середине 1932 г. Спрос на товары также постоянно возрастал прежде всего вследствие непрерывно увеличивающегося ущерба от бомбардировок. Уже в конце 1943 г. было разрушено или сильно повреждено до 6% жилой площади. Начиная с 1943 г. текстильными изделиями снабжалось только население, пострадавшее от бомбардировок, но даже его потребности далеко не удовлетворялись. После сильных налетов на Гамбург в июле — августе 1943 г. месячная потребность в потребительских товарах возросла до 200 тыс. единиц в месяц. (Каждая единица соответствовала полной экипировке двух человек.) В конце 1943 г. потребность достигла уже 300 тыс. единиц в месяц, в то время как производство текстиля покрывало лишь примерно 1/3 «минимального военного спроса».

Кроме того, увеличилось производство низкокачественных потребительских товаров. С точки зрения количества нужно отметить, например, что в 1943 г. в Германии было переработано 930 тыс. тонн текстильного сырья против 1,1 млн. тонн в 1938 г. Надо, однако, иметь в виду, что в 1943 г. имелось 202 тыс. тонн бумажной

пряжи (12 тыс. тонн в 1938 г.). В потреблении кожи (в 1943—1944 гг. — около 270 тыс. тонн) 37% составляли различного вида заменители против 15% при примерно равном потреблении в 1938—1939 гг. В производстве обуви в 1943—1944 гг. легкая обувь составляла 42% всей продукции. Объединение производителей обуви определило среднюю длительность носки такой обуви в 4 месяца (против 36 месяцев для кожаной обуви).

Однако следует подчеркнуть три обстоятельства, сдерживавших резкое падение потребления.

1) В вышедшей в свет 16 октября 1942 г. «Программе поддержания войны» (распоряжение о заготовке важнейших потребительских товаров) была сделана попытка ограничить производство ненужных потребительских товаров.

В программе предписывалось производить определенные виды продукции и запрещалось производство остальных. Но полное осуществление подобных мер так никогда и не удалось, что свидетельствует о непреклонном стремлении некоторых предпринимателей даже во время войны (и, возможно, именно как раз во время войны) получать высокие прибыли. С 1942 по 1943 г. при помощи концентрации производства отдельных видов продукции на лучших предприятиях удалось достигнуть следующего увеличения выпуска продукции в рамках «Программы поддержания войны» (в %)¹:

Кровати	130
Гардеробы	56
Кухонные столы	35
Шкафы кухонные	52
Стулья	49

Также увеличилось производство некоторых видов стеклянных и фарфоровых изделий.

2) Некоторое облегчение в снабжении потребительскими товарами было достигнуто также в связи с ростом производства в оккупированных странах Западной Европы. Под лозунгом «перемещение заказов» предпри-

¹ По данным Управления военно-хозяйственного планирования.

ятиям оккупированных западноевропейских стран были переданы прежде всего заказы на потребительские товары, потому что при производстве этих товаров меньше разглашались производственные секреты, чем при производстве сложных изделий металлообрабатывающей промышленности. Кроме того, считали, что воздушные налеты на французские и бельгийские предприятия маловероятны.

Однако это перемещение производства лишь частично способствовало улучшению снабжения Германии, так как транспортные затруднения зачастую препятствовали перевозкам и, кроме того, необходимо было обеспечивать потребительскими товарами оккупированные страны.

ЗНАЧЕНИЕ ОККУПИРОВАННЫХ СТРАН В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМИ ТОВАРАМИ В 1943 Г.

Товары	Производство в оккупированных странах в процентах к производству в Германии
Ткань для спецодежды	27
Ткань для военного обмундирования	30
Одеяла	19
Толстая кожа	30
Кожаная, рабочая и специальная обувь	25
Обувь для лесорубов	40
Кровати	17
Гардеробы	16
Источник: «Statistische Schnellberichte», Planungsamt, Dezember 1944.	

3) Наконец, за счет относительно удовлетворительного снабжения продовольственными товарами образовался некоторый резерв.

**ПОТРЕБЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ
ГОРОДСКИМ И СЕЛЬСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ (БЕЗ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ)**

Год	Продовольственное зерно	Картофель	Сахар	Мясо	Жиры (в пересчете на чистый жир)	Яйца (млрд. штук)
	млн. тонн					
1939/40	10,6	15,3	1,17	2,7	1,50	4,5
1941/42	9,3	18,8	0,97	1,9	1,25	2,6
1942/43	8,5	22,5	0,94	1,7	1,20	2
1943/44	10	18,7	0,92	1,6	1,16	2,4

Источник: «Kriegsernährungsbilanzen».

Если учесть, что гражданское население с 1939 по 1943 г. вследствие мобилизации сократилось примерно на 10%, то количество потребляемого продовольствия по калорийному содержанию было в 1943—44 гг. примерно таким же, как в 1939—40 гг., то есть в целом довольно высоким. Питание стало, конечно, в значительной мере вегетарианским. Кроме того, сравнительно высокий уровень снабжения был достигнут за счет резкого сокращения рационов в оккупированных странах. Однако в июне 1943 г. мясной рацион обычной группы потребителей был сокращен на 50%, рацион жиров в марте 1944 г. понизился на 27%¹.

Подсчеты общего объема потребления неточны главным образом потому, что нет достаточно достоверных документов, характеризующих уровень цен для подсче-

¹ См: H.Z. Riecke. Ernährung und Landwirtschaft // Bilanz des zweiten Weltkrieges. S. 329.

та стоимости оборота. По оценкам Американской службы стратегических бомбардировок, расходы населения Германии на потребление с 1941 по 1944 г. по объему сократились примерно на 20%.

Но полный развал системы снабжения населения наступил только с осени 1944 г.

Основные виды сырья и материалов. До середины 1944 г. германская экономика не испытывала общих трудностей в снабжении сырьем. С точки зрения «балансов сырья» политика обеспечения сырьем сводилась к следующей системе мероприятий: увеличение производства и отчасти производственных мощностей; использование поставок из других стран; ограничение спроса, маловажного в военном отношении; улучшение использования сырья для целей военного производства.

РОСТ ПРОИЗВОДСТВА НЕКОТОРЫХ ВИДОВ СЫРЬЯ
В ПЕРИОД ДО 1943/44 Г.

Вид продукции	Единица измерения	Территория	1941 г.	1942 г.	1943 г.	Первое полугодие 1944 г.*
Каменный уголь	млн. тонн	Германия	246	258	269	281
Бурый уголь	млн. тонн	Германия	260	273	282	282
Сталь	млн. тонн	Герм.+окк.**	31,8	32,1	34,6	35,2
Электролитическая и рафинированная медь	тыс. тонн	Герм.+окк.	161	164	187	218
Мягкий свинец	тыс. тонн	Герм.+окк.	172	148	169	177
Цинк	тыс. тонн	Герм.+окк.	320	312	313	351

Вид продукции	Единица измерения	Территория	1941 г.	1942 г.	1943 г.	Первое полугодие 1944 г.*
Никель	тыс. тонн	Герм.+окк.	2,3	1,6	3,6	7,3
Алюминий	тыс. тонн	Герм.+окк.	324	367	378	397
Металлургиче- ский магний	тыс. тонн	Герм.+окк.	24	30	33	33
Нефть	млн. тонн	Германия	4,8	5,6	6,6	—
Синтетический каучук	тыс. тонн	Германия	71	101	119	133
Хлор	тыс. тонн	Германия	415	482	491	517
Серная кислота	тыс. тонн	Германия	1928	2052	2076	2072
Электроэнергия	млрд. кВт/ч	Германия	—	46,5	47,4	49
* В пересчете на год.						
** Собственно Германия и оккупированные страны.						
Источник: «Statistische Schnellberichte»; Planungsamt, Dezember 1944.						

1) Бесполезно спорить, какое из этих мероприятий имело наибольшее значение, но теперь, во всяком случае, кажется ясным, что в то время имел место рост производства сырья.

Производство большинства основных видов сырья и материалов в 1943 г. находилось на более высоком уровне, чем в 1941 г. или 1942 г.; в первом полугодии 1944 г., в свою очередь, производилось (в пересчете на весь год) больше, чем в 1943 г. Исключение представ-

ляют отдельные отрасли химической промышленности, например производство искусственных удобрений, систематически снижавшееся начиная с 1941 г.

Однако в целом производство основных видов сырья и материалов росло.

2) Важную роль в снабжении сырьем играло использование ресурсов и производственных мощностей оккупированных стран. В производстве многих важных видов сырья доля оккупированных стран составляла 20 и более процентов. Запасы сырья в оккупированных странах значительно облегчили положение с сырьем, однако после их потери затруднения стали ощущаться еще сильнее.

**РОЛЬ ОККУПИРОВАННЫХ СТРАН В ПРОИЗВОДСТВЕ СЫРЬЯ
В 1943 Г. (СРЕДНЕМЕСЯЧНЫЕ ДАННЫЕ)**

Вид сырья	Единица измерения	Собственно Германия	Оккупированные страны
Каменный уголь	млн. тонн	23,2	6,4
Железная руда (в расчете на чистое железо)	тыс. тонн	910	437
Сталь	тыс. тонн	2550	337
Алюминий	тыс. тонн	20,8	9,7
Электролитическая и рафинированная медь	тыс. тонн	15,6	2,1
Свинец	тыс. тонн	14,5	1,7
Никель	тонны	305	73
Хром	тонны	2278	357
Кремний	тонны	3850	3875
Азот	тыс. тонн	76,7	30,5
Хлор	тыс. тонн	40,9	5
Серная кислота	тыс. тонн	173	42
Бумага	тыс. тонн	210	49

Вид сырья	Единица измерения	Собственно Германия	Оккупированные страны
Искусственный шелк	тыс. тонн	8	8,6
Лен	тыс. тонн	5,7	4,8
Тяжелая кожа	тыс. тонн	17,4	5
Источник: «Statistische Schnellberichte», Planungsamt, Dezember 1944.			

3) Насколько поставки из неоккупированных стран облегчали положение с сырьем, полностью не установлено. Особенно важными были (1943 г.) поставки железной руды и некоторых видов легирующих металлов из нейтральных стран. Однако с обострением положения на фронтах импорт сырья из нейтральных стран резко сократился.

ИМПОРТ СЫРЬЯ ИЗ НЕЙТРАЛЬНЫХ СТРАН В 1942—1944 ГГ.

	Единица измерения	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Швеция				
Железная руда	млн. тонн	8	10,3	4,5
Целлюлоза	тыс. тонн	174**	150	110
Португалия				
Олово	тонны	649**	1236	—
Вольфрам*	тонны	1545**	930	316
Испания				
Вольфрам*	тонны	611**	463	895
Турция				
Хромовая руда	тонны	—	4950	11 700
* По содержанию металла. ** Январь — ноябрь. Источник: «Bericht über die deutsche Wirtschaftslage 1943/44», Planungsamt, 29 Juni 1944.				

4) Потребление сырья на военные нужды увеличилось после 1941 г. вначале лишь незначительно, но с 1943 г. крен в сторону интенсивного потребления сырья военной промышленностью стал более очевидным. Причем именно с этого времени значительная часть продукции гражданской промышленности также стала важной в военном отношении, так как необходимо было удовлетворить минимальные потребности населения.

В этом отношении характерно положение с азотом, производство которого сильно страдало из-за недостатка котлов низкого давления (эти котлы были еще более необходимы для производства синтетического горючего). В 1940—1941 гг. только 8% всего азота, произведенного в Германии и ввезенного из-за границы, шло на военные цели; в 1943—1944 гг. — уже более 25%. Для производства азотных удобрений соответственно предоставлялось меньшее количество азота.

В области производства стали информация неполная. В 1940 г. около 49% проката использовалось непосредственно на производство вооружения. В 1943 г., по другим методам подсчета, — почти 54%.

В 1943 г. для непосредственно военного производства было потреблено важнейших цветных металлов (в процентах к общему потреблению):

Свинца	60,4
Цинка	38,8
Меди	66,1
Алюминия	80,3

Эти цифры значительно выше, чем в предыдущие годы, при, как ни странно, снижающемся общем потреблении цветных металлов. В потреблении моторного топлива доля вермахта также значительно возросла: с 51% в 1940 г. почти до 70% в 1943 г.¹

Абсолютный и относительный рост потребления моторного топлива армией является на деле еще более значительным, если учесть, что в 1942 и 1943 гг. общее потребление было ниже, чем в 1941 г.

¹ По данным балансов нефти Имперского статистического управления.

5) Наконец, следует указать на рост экономии сырья на тонну готовой продукции (исключая изъятия из складских запасов и сбор сырья, в частности цветных металлов). Это, например, относится к сокращению применения легирующих присадок в металлургии, к снижению требований в отношении надежности артиллерийских замков. Экономия на сырье особенно наглядна в производстве оружия. Отношение веса сырья к весу готового изделия еще в 1942 г. составляло 4 : 1; к 1944 г. оно уменьшилось до 2 : 1¹.

**ПОТРЕБЛЕНИЕ МОТОРНОГО ТОПЛИВА
В ГЕРМАНИИ (В ТЫС. ТОНН)**

Год	Общее потребление	В том числе вермахтом
1940	5856	3005
1941	7305	4567
1942	6483	4410
1943	6971	4762
<i>Источник: «Kraftstoffbilanzen des Statistischen Reichsamtes».</i>		

6) В целом можно присоединиться (последующие разделы о военном производстве дадут косвенное доказательство этому) к следующему мнению, выраженному в книге «Результаты стратегических бомбардировок германской военной промышленности»: «В целом представление о том, что рост вооружений в последние годы войны не ограничивался недостатком сырья, кажется убедительным». Однако с начала 1944 г. положение с сырьем все же обострилось. Как было показано выше, производство сырья почти не сократилось, но оно и не возросло и далеко не достигло плановых заданий, составленных на базе программы развития обрабатывающей промышленности в 1943—1944 гг. Сводные подсчеты показали, что уже в июне 1944 г. план был недовыполнен на 15%, причем недовыполнение плана было еще большим по тем видам сырья, с производством которых и до этого было наибольшее «отставание»². Кроме того, постепенно, но неуклонно сокраща-

¹ См. Kaldor. The German War Economy. P. 34, 78.

² По подсчетам Управления военно-хозяйственного планирования.

лись те небольшие резервы сырья, за счет которых до сих пор росло производство в обрабатывающей, особенно в военной промышленности.

Указанные выше изменения в потреблении сырья и его экономия были возможны постольку, поскольку:

а) удалось бы еще больше ограничить переработку сырья теми отраслями гражданской промышленности, которые потребляли то же сырье, что и военная промышленность;

б) могла бы быть достигнута экономия сырья на единицу изделия в военном производстве.

Рано или поздно оба эти фактора должны были исчерпать себя, и этот момент наступил именно тогда, когда производство сырья из месяца в месяц стало сокращаться под ударами авиации противника.

Капиталовложения

а. Усиленная перестройка экономики на непосредственное обслуживание военных нужд отчетливо проявилась также в политике капиталовложений. Прежде всего это относится к строительству. В 1941 г. объем строительства (Германия в границах соответствующего периода) составлял в стоимостном выражении всего лишь половину уровня 1938 и 1939 гг. До 1944 г. произошло ограничение строительства до 1/3 довоенного уровня.

ОБЪЕМ СТРОИТЕЛЬСТВА В ГЕРМАНИИ (В МЛРД. РЕЙХСМАРОК, ЦЕНЫ 1938 Г.)

1938 г.	13,0
1939 г.	12,8
1940 г.	8,3
1941 г.	6,9
1942 г.	4,7
1943 г.	4,0
1944 г.	3,6—3,8

Источник: «Bericht über die deutsche Wirtschaftslage 1943/44».

Еще большее ограничение имело место в жилищном строительстве. В 1944 г. в собственно Германии было вновь построено и отремонтировано только 30 тыс.

квартир против 86 тыс. в 1941 г. и 320 тыс. в 1937 г. Если все же в сентябре 1943 г. в строительной промышленности был занят почти 1 млн. рабочих¹, а 5% из них — в жилищном строительстве, то это объясняется в первую очередь неотложными капиталовложениями в сырьевой промышленности, в которой в то время проводилось расширение производственных мощностей.

Потребность в ремонте сооружений, пострадавших от воздушных налетов, быстро возрастала. В начале 1944 г. ремонтом занималась уже 1/3 всех строительных рабочих. В первые пять месяцев 1944 г. строительство было сосредоточено на программе «штаба по организации производства истребителей».

Наряду с этим, как уже было сказано, важную роль играло расширение производственных мощностей, которое происходило главным образом в следующих четырех отраслях: производство синтетического топлива, синтетического каучука (буна), электроэнергии и электростали. Расширение мощностей по производству синтетического топлива отчетливо проявилось в росте его выработки.

Расходы на эти новостройки были огромны. По существующим оценкам установлено, что 12 заводов по синтезу и гидрированию топлива с общей годовой производительностью 3,3 млн. тонн топлива стоили около 4,6 млрд. рейхсмарок. На их постройку потребовалось около 2,4 млн. тонн стальных конструкций и 7,6 млн. рабочих дней². Капиталовложения на расширение мощностей в производстве искусственного каучука были, несомненно, меньше. Производство буны возросло (в собственно Германии) с 69 тыс. тонн в 1941 г. до 117 тыс. тонн в 1943 г. и 142 тыс. тонн в 1944 г. (I квартал 1944 г. в пересчете на год). С 1939 по 1943 г. производство электростали выросло на 75% (Герма-

¹ Помимо этого, 670 тыс. рабочих было занято на строительстве Атлантического вала.

² The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy. P. 76.

ния — в границах 1937 г.)¹. В 1939 г. было произведено 1121 тыс. тонн электростали, а в 1943 г. уже 1973 тыс. тонн.

Наконец, большие усилия были приложены к тому, чтобы увеличить производство электроэнергии. Росту производства электроэнергии, с одной стороны, все больше препятствовали воздушные налеты, особенно в засушливое лето 1943 г. Это вело к перегрузке действующих электростанций. С другой стороны, быстро возрастал спрос на электроэнергию в первую очередь в химической промышленности (в 1943 г. — 20,4 млрд. кВт/ч) и оставался высоким спрос в алюминиевой промышленности (6 млрд. кВт/ч). Многочисленные новостройки с начала 1940 г. до начала 1944 г. дали прирост мощностей в государственной сети электростанций примерно на 35%.

б. Вторая важная сфера капиталовложений — производство машин и оборудования — также характеризовалась растущими потребностями. Хотя годовое производство почти во всех отраслях машиностроения в 1941 г. достигло своего максимума, в последующие годы все же были достигнуты высокие показатели выпуска продукции.

ГОДОВОЙ ВЫПУСК ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА
С 1941 Г. (В ТЫС. ТОНН)

Год	Станки	Прочие машины	Котлы и отопительные установки	Транспортное машиностроение
1941	315	1979	894	772
1942	290	1881	872	931
1943	273	1500	770	1145
1944	218	987	521	906

¹ Statistisches Handbuch von Deutschland. S. 289.

Инвестиции в форме машин и оборудования оценивались в 1941 г. в 4,1 млрд. рейхсмарок, в 1942 г. — 4,2 млрд. и в 1943 г. — все еще в 3,1 млрд. рейхсмарок¹. Наряду с текущим производством, некоторое значение имел ремонт оборудования, пострадавшего от бомбардировок (в 1944 г. примерно 10—12% мощностей). Замена оборудования, разрушенного в результате воздушных налетов, не играла большой роли². Несмотря на переключение машиностроения на прямое военное производство (осенью 1943 г. до 33% мощностей машиностроения работало на военные нужды), выпуск транспортных средств был значительно увеличен, а обеспеченность станками поддерживалась на удовлетворительном уровне.

СТАНОЧНЫЙ ПАРК ГЕРМАНИИ (В ТЫС. ШТ.)

1935 г.	_____	1245
1938 г.	_____	1707
1941 г.	_____	1694
1943 г.	_____	2100

Данные о станочном парке Германии в 1943 г. намного превышают оценки экспертов английского Министерства экономической войны, по которым в Германии якобы насчитывалось лишь 981 тыс. станков. Обеспечение собственно военной промышленности оборудованием было облегчено в результате выделения соответствующих квот. В IV квартале 1942 г. 74% станков было направлено в военную промышленность, во II квартале 1944 г. — 83%.

в. В целом, несмотря на все ограничения, капиталовложения до 1943—1944 гг. были, по-видимому, достаточны для того, чтобы предотвратить появление серьезных узких мест в производстве. О том, насколько

¹ Bericht über die deutsche Wirtschaftslage 1943/44.

² The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy. P. 44.

относительно невелико было перенапряжение мощностей, свидетельствует тот факт, что практически вся промышленность работала на базе односменной системы. Руководитель технического управления Заур заявил после войны, что 90% всех рабочих работали в первую смену, 7% — во вторую и только 3% работали в третью смену.

ПРОИЗВОДСТВО ВООРУЖЕНИЯ

Теперь, когда мы проанализировали предпосылки для производства вооружения, сложившиеся в 1941—1944 гг. (организация управления промышленностью, рабочая сила, инвестиции, состояние военной экономики в целом), рассмотрим непосредственно производство вооружения. При этом необходимо еще раз подчеркнуть различие между отраслями промышленности, занимающимися субпоставками (эти отрасли организованы в ринги), и отраслями, производящими готовую военную продукцию (организованы в комитеты). Общие большие затруднения в росте производства вооружений, как установлено, возникали не из-за «производственных факторов». Ниже будет показано, что с начала 1942 г. до середины 1944 г. Германии удалось достигнуть значительно-го роста военного производства.

Субпоставки для военной промышленности

Общая характеристика. Вся сложность проблемы субпоставок для военной промышленности Германии впервые обнаружилась после 1942 г. Основное положение, что определенные производственные процессы на последней стадии производства зависят от поставок готовых частей со стороны других отраслей промышленности, было известно еще с довоенного времени. Достаточно сослаться на пример автомобильной промышленности в 1937 г., когда только готовые для сборки

части, полученные от других отраслей промышленности, составляли почти 1/3 стоимости готовой продукции.

Однако и после 1942 г., во время разгара военного производства, все внимание было приковано к готовой продукции. Это означало больше танков, больше самолетов, больше оружия. Перед заводами, занимавшимися окончательной сборкой, ставились все большие производственные задачи.

Вполне естественно, что эти предприятия, стоявшие на «переднем крае», искали помощи и сами все больше ограничивали свою деятельность сборкой, пытаясь переложить всю предшествующую сборке работу на другие заводы. Подобные стремления быстро натолкнулись на ограниченность производственных мощностей субпоставщиков. Если, например, комитет по танкам требовал больше моторов, цепей, танковых башен, оптических приборов и танковых пушек, то эти требования еще можно было удовлетворить. Но поскольку многие комитеты посылали завышенные заявки (так как от них также требовали увеличения выпуска продукции), у субпоставщиков не хватало мощностей для их выполнения. С 1942 г. до середины 1944 г. отрасли промышленности, занимавшиеся субпоставками для военной промышленности, значительно увеличили производство. Это факт, но в связи с недостатком статистических данных он может быть подтвержден лишь косвенно ростом производства готовых изделий. Можно привести следующий характерный пример.

Производство военных материалов в промышленности точной механики и оптики (материалов, представлявших собой почти исключительно субпоставки для других предприятий) в указанный период возросло почти в 4 раза.

В середине 1944 г. в этих отраслях промышленности, работавших все же не только для военной промышленности, насчитывалось около 50 тыс. предприятий с 4 млн. рабочих. Уже эти цифры — прежде всего большое число предприятий — говорят кое-что о трудностях,

препятствовавших точному планированию в этих отраслях. Отрасли промышленности, работавшие на военное производство, включали предприятия различных хозяйственных групп; к ним относятся: машиностроение, электротехника, точная механика и оптика, облагораживание материалов, литейное производство, черная металлургия и производство жести, часть промышленности металлообработки, керамической и деревообрабатывающей промышленности, химической и целого ряда других отраслей.

Несмотря на объединение в рингах, находившихся под техническим и производственным контролем Управления военных поставок, планирование было слабым в особенности оттого, что важнейшие предпосылки любого планирования — соответствующие ревизии этих отраслей и их постоянный статистический контроль — были еще слабо развиты. Даже в 1944 г. в Германии никто не знал, сколько рабочих часов расходовалось для производства одного танка «Тигр». И это в тот период, когда проблема рабочей силы являлась проблемой все возрастающей сложности.

Формы субпоставок. Изучение существовавших взаимосвязей показало наличие многообразия форм снабжения военной промышленности, которые требовали также различных форм планирования.

1. Исходные материалы, например сталь, поставлялись как полуфабрикаты. Такого рода поставки назывались «предварительными поставками». Не было необходимости их планировать по количеству конечного продукта, так как производство основных видов сырья и материалов и без того шло с полной загрузкой мощностей.

2. В промышленности была широко распространена система передачи отдельных работ мелким предприятиям (таких работ, как сверление, фрезерование, резание и т. д.). Создание такого «удлиненного станка» не представляло собой проблемы, так как деятельность привлеченных вспомогательных предприятий осущест-

влялась в тесной связи с основным предприятием и они производили обработку материалов этого основного предприятия. Подобный круг деятельности носил название «подпоставки».

3. «Субпоставки» в полном смысле этого слова имели место в тех случаях, когда предприятие другой отрасли промышленности поставляло предприятию, изготавливавшему конечный продукт, готовые для сборки части, например, покрышки автомобильным предприятиям, колесные пары паровозостроительным заводам, моторы танковым заводам и т. д.

4. При этом необходимо различать две формы субпоставок: «конструктивно связанные» и «общего назначения». «Конструктивно связанными» субпоставками были, например, поставки корпусов для танков, то есть поставок, пригодных лишь для танков, моторов для самолетов (моторов, непригодных для автомобилей), прицельных приспособлений для орудий и многое другое. Уже по способу производства этих изделий в большинстве случаев можно было определить узко определенный и ограниченный характер их использования.

5. Субпоставки общего назначения (обычные части, распространенные в торговле) могли быть использованы во многих отраслях. К такого рода субпоставкам относились, например, болты, подшипники и др. Производитель таких материалов, как правило, не знает, для кого предназначена его продукция, а потребитель из промышленности заказывает такие изделия не для выполнения определенного заказа, а для того, чтобы время от времени пополнять заводские запасы.

6. Наконец, в этой связи следует назвать еще так называемые имперские субпоставки, которые характеризовались особой формой оформления заказа. Государство закупало материалы для многих окончательных процессов производства, а также для ремонта в централизованном порядке. Затем эти материалы, например моторы, бесплатно передавались потребителям.

Планирование субпоставок. Как видим, провести даже различие в понятиях всех видов субпоставок было непростым делом. Но как только оно было осуществлено, принципы планирования, которые следовало применять, выявлялись почти сами собой. О предварительных поставках и подпоставках речь шла выше. При их планировании не возникало особых затруднений. Они даже помогали сузить проблему собственно планирования. Конструктивно связанные субпоставки должны были планироваться в тесной связи с соответствующим процессом завершения производства, чего в Германии, как правило, не было. В частности, не соблюдались количественные пропорции между конечным продуктом и поставляемыми частями. Бывали, например, случаи, когда для готовых танков не хватало пушек или оставались лишними танковые башни, так как для запланированного монтажа их потребовалось меньше, чем предусматривалось раньше. Еще сложнее обстояло дело с согласованием поставок во времени. Для производства некоторых изделий, необходимых для последующей сборки, требовалось больше времени, чем для производства конечного продукта. Например, если планирование производства оружейных прицелов и орудий совпадало по срокам изготовления, то неизбежно наступало такое положение, когда орудия были готовы в соответствии со сроками, но без необходимых прицелов.

Еще одна сложность заключалась в частой смене типов конечной продукции. При немецкой основательности и при имевшем место в войне 1939 — 1945 гг. «авторитарном» руководстве происходили частые изменения конструкции оружия, находившегося в массовом производстве, что вело к образованию «благородного лома», то есть к бесполезной затрате дефицитных материалов и драгоценного рабочего времени. При этом каждое такое изменение выдавалось руководителями комитетов за «указание фюрера» (если даже оно таковым не являлось или было лишь случайно брошенным замечанием со стороны руководства). Только в конце весны 1944 г.

вышло распоряжение, запрещающее производить текущие изменения в оружии и других военных материалах, находившихся в массовом производстве. Но в то время такое распоряжение было слишком запоздалым и не могло уже привести к установлению порядка в указанной области производства.

Попытки упорядочения снабжения. Попытки навести порядок в снабжении предпринимались в двух направлениях. Во-первых, важнейшие конструктивно связанные субпоставки отчасти обеспечивались посредством получения так называемых «контингентов», что было возможно осуществлять без затруднений на базе поштучных листов¹. Однако до решающего поворота в военном производстве, в июле 1944 г. эта работа ни в коей мере не была доведена до конца.

Второе направление заключалось во всеобщей нумерации продукции². Если каждый конечный продукт будет пронумерован, а заказчик передаст свои номера субпоставщикам, то таким образом должна возникнуть возможность статистического контроля над исполнением заказа. Эта нумерация продукции в форме «имперской нумерации товаров» и упрощенного «перечня номеров военной продукции» была подготовлена отделом отчетности в области машиностроения, являвшимся центральной организацией, ведущей картотеку в Министерстве вооружения и военного производства. Эта нумерация, однако, так и не была введена до конца войны.

Вместе с нумерацией, связанной с конечным продуктом и его частями, должна была быть разрешена еще одна проблема планирования субпоставок — различная глубина производственных процессов на разных пред-

¹ Работа Имперского управления по железу и стали, которое составило подробный справочник по этому вопросу.

² Упрощенная всеобщая нумерация продукции, подготовленная отделом отчетности в области машиностроения, по окончании войны находилась у министра вооружения и военного производства. Всеобщая нумерация продукции была направлена на обеспечение «всеобщего планирования».

приятнях. Суть дела проста. В то время, когда некоторые производители конечных продуктов ограничивались только сборкой, другие обеспечивали некоторые производственные процессы, предшествующие сборке, и производили сами многие из тех деталей, которые прочие предприятия получали в качестве субпоставок. В этих условиях контрольные цифры, например, в области использования рабочей силы для предприятий, если они в каждом отдельном случае не в одинаковой степени охватывали различные стадии производства, были различными. В результате этого руководителю комитета трудно было оценить действительное положение. Это как раз и имело место. Так, при опросе в августе 1943 г.¹ в автомобильной промышленности выяснилось, что на заводе Форда на производство трехтонного грузового автомобиля необходим был труд одного рабочего в год, а на заводах Опеля — трех рабочих в год. Возможно, заводы Форда были несколько сильнее оснащены новой техникой, чем заводы Опеля. Но различие в основном объясняется тем, что Форд занимался только сборкой, а Опель имел собственную литейную и изготовлял сам многие необходимые части. Единообразное ограничение степени охвата производственных процессов для всех предприятий какого-либо комитета наблюдалось лишь как исключение, например, в производстве железнодорожного подвижного состава. Но, как правило, проблема глубины производственных процессов или вообще выпадала из поля зрения, или, во всяком случае, не была решена. Таким образом, в рассматриваемый период в этой области ограничивались полумерами или грубыми увертками. Из специальных работ по планированию производства авиационного вооружения было известно, что в этой отрасли на предприятиях, осуществляющих предварительные поставки и субпоставки, было занято примерно столько же рабочих, как и на предприятиях, осуществляющих производство конечного продукта. Эта пропорция была положена в основу

¹ См.: Ermittlungen des Planungsamtes, 1944.

также в большинстве других отраслей военной промышленности.

Заводы субпоставщиков — объекты воздушных бомбардировок. Несмотря на все трудности, описанные выше, промышленность, работавшая над выполнением заказов военных заводов, хорошо выдержала тяжелое испытание в период с 1943 г. до середины 1944 г. Англо-американская авиация, стремясь нащупать наиболее слабые места в военном производстве Германии, удар по которым мог бы привести к нарушению всего снабжения военными материалами, осенью 1943 г. и весной 1944 г. подвергла бомбардировке специальные предприятия, занимавшиеся субпоставками для военной промышленности. В соответствии с известным «законом минимума», согласно которому слабейшее звено цепи определяет ее общую прочность, англо-американцы надеялись подорвать в целом военное производство Германии. С этой целью они стремились вывести из строя некоторые специальные предприятия, продукция которых была необходима для многих предприятий военной промышленности. Это особенно касалось шарикоподшипниковых заводов. Производство шарикоподшипников концентрировалось на небольшом числе заводов, потребность же в шарикоподшипниках была велика во всех отраслях военной промышленности (самолетостроение, производство танков, автомобилей, тягачей, судостроение и т. д.). Первые налеты англо-американской авиации на заводы шарикоподшипников были опустошительными, и в английских специальных журналах (например, в «Экономисте») утверждалось, что в этой хотя и небольшой, но важнейшей отрасли производства Германия исключена как производитель.

В течение нескольких месяцев производство шарикоподшипников упало почти на 40% и оправилось после этого падения в рассматриваемый период лишь постепенно. Потребители выходили из положения путем резкого сокращения потребления, путем мобилизации всех имеющихся складских запасов межзаводского обмена и за счет собственного производства шарикоподшипни-

ков упрощенной конструкции, как это имело место на предприятиях точной механики и оптики. Кроме того, снова было начато производство на запасных предприятиях, часть которых была наиболее защищена от воздушных налетов.

До июля 1944 г. 50% всех машин было обеспечено шарикоподшипниками прежних шарикоподшипниковых заводов.

Производство готовой военной продукции

Общая характеристика. Несмотря на неполадки в организации и различные трудности в работе предприятий, завершающих выпуск вооружения и военных материалов, в период с 1942 г. до середины 1944 г. военное производство весьма успешно развивалось. Это относилось прежде всего к выполнению производственных программ некоторых комитетов и рингов. На разных предприятиях с одинаковой производственной программой существовали значительные различия в затратах рабочего времени, что приводило к общей экономии рабочего времени за счет приближения всех затрат рабочего времени к лучшим показателям. Затраты материалов на единицу продукции в период регулирования производства со стороны военных властей были весьма высоки. Это объяснялось только тем, что на рынке все еще имелось много изделий металлообрабатывающей промышленности невоенного назначения. Наконец, было также проведено ограничение количества типов изделий, прежде всего в производстве вооружения и военных материалов.

Следующий важный шаг был сделан с осуществлением «разблагораживания» готовой продукции. Дело в том, что требования представителей вермахта насчет точности произведенных изделий в большинстве случаев были завышенными. Было решено умышленно не обращать внимание на внешнее оформление готовых изделий, чему раньше придавалось большое значение.

Снова стали придавать значение таким вопросам, как определение времени, необходимого для выпуска готовой продукции после получения заказа. Например, при производстве танков этот период составлял 9 месяцев, для большинства видов оружия — от 3 до 6 месяцев, для самолетов — около 5 месяцев, месяц для боеприпасов и т. д. Путем сокращения сроков изготовления продукции достигался такой же эффект, как если бы производственные мощности соответствующей отрасли промышленности были расширены путем нового строительства.

В общем и целом с 1942 г. до середины 1944 г. в Германии был достигнут значительный рост производства военной продукции. Военное производство Германии в указанный период выросло более чем в 3 раза; по сравнению с началом 1941 г. оно выросло почти в 5 раз. Некоторые дополнительные сведения, характеризующие развитие военного производства, таковы: объем военного производства в стоимостном выражении в начале 1942 г. составлял около 1 млрд. рейхсмарок в месяц, что соответствует, по существовавшим в металлообрабатывающей промышленности нормам, 1 млн. занятых рабочих. В июле 1944 г. объем промышленного производства достиг 3 млрд. рейхсмарок в месяц. Теоретически для обеспечения такого объема производства необходимо 3 млн. человек. В действительности число занятых рабочих в военном и связанном с ним производстве возросло далеко не так сильно.

Таким образом, преимущество военного производства перед гражданским было закреплено.

Доля вооружения и военных материалов в общем промышленном производстве непрерывно и постоянно повышалась. Она составляла (в %):

1942 г.	___ 22,5
1943 г.	___ 31,1
1944 г.	___ 39,8

Военной продукции, произведенной только в одном 1944 г., могло бы хватить для полного вооружения 225 пехотных и 45 танковых дивизий.

Широкие масштабы роста военного производства. Потребности действующей армии в оружии непрерывно воз-

растали. Все вновь созданные формирования, так же как уже давно действующие воинские части, все больше и больше нуждались в вооружении и военных материалах.

Военное производство увеличивалось в широких масштабах. В конце 1942 г. не было ни одной отрасли военной промышленности, в которой не производилось бы вооружения в значительно больших количествах, чем к началу года, а в 1943 г. общий выпуск военной продукции опять-таки был больше, чем в 1942 г.

С начала 1944 г. развитие военного производства дифференцировалось. Рост производства в некоторых отраслях военной промышленности был намного большим, чем в других; например, по сравнению с началом 1942 г. производство танков возросло в 5 раз. Артиллерийско-стрелковое вооружение и боеприпасы также производились в значительно больших количествах. Их производство возросло по сравнению с уровнем на начало рассматриваемого периода в 3 раза. Производство самолетов и полугусеничных тягачей возросло примерно в 2,5 раза по сравнению с началом 1942 г. Даже такие «отстающие» отрасли, как производство военно-морского оружия и автомобилей, были на более высоком уровне, чем перед реорганизацией военной промышленности весной 1942 г.

Не только военная промышленность в целом, но и отдельные ее части превратились в крупные отрасли промышленности. В апогее своего развития, в середине 1944 г., стоимость произведенной продукции в авиационной промышленности достигла более 1,4 млрд. рейхсмарок, стоимость произведенных в течение месяца боеприпасов равнялась почти 0,75 млрд. рейхсмарок; танков и оружия — примерно по 0,25 млрд. рейхсмарок. Даже в запущенной автомобильной промышленности, предприятия которой стали производить прежде всего танки и оружие, а также части для самолетов, боеприпасы и многие другие изделия «чужого профиля», было достигнуто значительное увеличение производства грузовых автомобилей по сравнению с довоенным уровнем.

Различный темп роста производства в отдельных отраслях военной промышленности, естественно, привел к существенным изменениям в структуре производства.

**МЕСЯЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ
И ВОЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ (В СТОИМОСТНОМ ВЫРАЖЕНИИ)**

Виды вооружения и военных материалов	Начало 1942 г.	Середина 1944 г.	Прирост, %
	млн. рейхсмарок		
Танки	37	232	527
Автомобили	52	82	58
Тягачи	20	49	145
Самолеты	441	1146	228
Военные суда	88	206	134
Боеприпасы	221	754	241
Артиллерийско-стрел- ковое вооружение	67	279	316
Порох	30	74	147
<i>Источник: «Rüstungsindex des Planungsamtes».</i>			

Так, в течение всей войны производство самолетов по стоимости продукции бесспорно стояло на первом месте. Это была, как и в других воюющих странах, наиболее дорогостоящая часть вооружения, требующая наибольших затрат. Но доля авиации в 1942—1943 гг. несколько уменьшилась, так как другие отрасли, прежде всего производство боеприпасов, потребовали большего количества рабочих, машин, сырья. Доля артиллерийско-стрелкового вооружения, а в особенности доля танков, также увеличилась. Значение судостроения уменьшилось.

Доля производства пороха в общей стоимости вооружения и военных материалов с 1942 г. до середины 1944 г. почти не изменилась, что приводило иногда к стремлению рассматривать движение производства пороха в качестве «основного индекса» всего военного производства. Такая точка зрения, вероятно, имела в себе рациональное зерно. Это положение аргументировалось следующим образом: порох является «неотъемлемым элементом» для любого оружия, поскольку в ко-

нечном итоге речь идет о том, чтобы вызвать разрушения в расположении противника. Но эти разрушения вызываются действием пороха и других взрывчатых веществ, а все оружие является лишь подсобным средством, предназначенным для того, чтобы доставить разрушительный груз до объекта разрушения. Поэтому порох и другие взрывчатые вещества являются всеобщим военным товаром, подобно тому, как каменный уголь можно назвать всеобщим промышленным товаром. С 1942 г. до середины 1944 г. действительно можно было рассматривать производство пороха как основной показатель германского военного производства. Но в критические месяцы второго полугодия 1944 г., как и в 1940 г., наблюдались значительные колебания в уровне производства пороха. В 1941 г. доля пороха в общем военном производстве была значительно выше, чем в 1942—1944 гг., а с середины 1944 г. — значительно ниже.

Если в одной из отраслей военного производства и достигалось особенно большое увеличение доли в общей военной продукции, то через небольшой промежуток в какой-либо другой отрасли добивались еще больших успехов. Эти кратковременные перемещения между отдельными отраслями военной промышленности свидетельствуют о том, что даже в годы подъема руководители германской промышленности были вынуждены браться за решение наиболее важных производственных задач, так как одновременное выполнение всех требований далеко превосходило бы производственные возможности. Это наиболее ясно видно не столько при анализе положения в крупных отраслях военной промышленности в целом (данные о которых представляют собой все-таки грубые оценки о поступающих, выпускаемых и далее обрабатываемых изделиях), сколько при рассмотрении производства отдельных изделий, являвшихся в соответствующих обстоятельствах основой важных программ вооружения.

Программы и основные звенья производства. В военное время одна программа вооружения следует за

другой. Содержание некоторых из этих программ, по крайней мере, в своих основных пунктах, доводилось в пропагандистских целях до сведения общественности. Так было со знаменитой программой Гинденбурга в 1917 г. Другие программы вооружения играли только внутренне важную роль, третьи оставались лишь на бумаге, никогда не выполнялись даже частично и по истечении некоторого времени были забыты.

**ДОЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ
И ВОЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ В ОБЩЕМ ВОЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
(В ПРОЦЕНТАХ К ОБЩЕЙ СТОИМОСТИ)**

Виды вооружений и военные материалы	1942 г.			1943 г.		1944 г.
	начало	середина	конец	середина	конец	середина
Танки	3,8	3,6	4,7	6,4	7,9	8,3
Автомобили	5,4	5,2	5,0	4,8	3,5	3,0
Полугусеничные тягачи	2,1	1,8	1,6	1,8	2,0	1,7
Самолеты	46,1	38,7	36,3	41,9	35,7	45,9
Военные суда	9,3	12,1	10,9	9,7	6,6	5,6
Боеприпасы	23,1	29,2	30,6	24,6	31,5	25,4
Артиллерийско-стрелковое вооружение	7,0	6,6	8,2	8,0	9,7	9,4
Порох	3,2	2,8	2,7	2,8	3,1	2,5
Источник: «Rüstungsindex des Planungsamtes».						

Были, наконец, и фальшивые программы, составлявшиеся заинтересованными предпринимателями без разрешения военного руководства. Эта последняя форма «программ» наиболее часто встречалась во время

войны. Ответственные лица пытались добиться осуществления своих корыстных целей при помощи разговоров о «распоряжении фюрера», даже в тех случаях, когда в гитлеровской ставке было брошено в разговоре какое-либо случайное замечание о важности того или иного вида вооружения.

Было бы заманчивым написать историю Второй мировой войны на основе рассмотрения отдельных программ вооружения, составленных при соответствующих обстоятельствах. В этом случае как в зеркале отразились бы все те принципы, из которых исходили в своих решениях руководители. Однако такое общее описание далеко выходит за рамки задач данной книги, так как пришлось бы коснуться многих военных вопросов. Для понимания же того, как развивалась военная промышленность, достаточно ограничиться некоторыми примерами, которые дают возможность понять принципы управления производством.

Если в 1942 г. на переднем плане все еще стояло производство наступательного оружия, а также необходимых для него боеприпасов, то с 1943 г. становилось все яснее, что Германия должна перейти от ведения наступательной войны к обороне. Программы обороны, составленные на основе учета этого обстоятельства, предусматривали соответствующую переориентировку производства. Этот поворот можно было видеть на всех участках промышленного производства.

В области танкостроения поворот означал прежде всего отход от производства собственно танков в пользу увеличения производства различных самоходных установок и противотанковых орудий. Для пояснения приводим некоторые данные. В начале 1942 г. ежемесячно производилось примерно 350 танков и только около 50 штурмовых орудий и ни одной самоходной установки. В начале 1944 г. производство самоходных установок было увеличено, и в середине 1944 г. наряду с 800 танками, ежемесячно покидавшими сборочные цехи, производилось в то же время 600 штурмовых орудий и 200 самоходных установок.

Проявление этого поворота в области производства другого вооружения, в особенности артиллерийского, было очевидным. Не говоря уже о росте числа артиллерийских орудий, производившихся для самоходных установок, выпускалось в большом количестве очень важное для оборонительных боев оружие — противотанковые пушки «Пак-40».

Производство пушек возросло особенно сильно — с трех в феврале 1942 г. до не менее чем 1000 в летние месяцы 1944 г. В последнее время доля этого вида оружия в общем производстве тяжелого пехотного оружия составляла свыше 50%.

Показателем выполнения программы обороны является рост производства зенитных орудий. С 1942 г. до середины 1944 г. произошло увеличение производства 20-мм зенитных орудий в 3 раза; началось производство самого крупного зенитного орудия (128-мм) при одновременном увеличении выпуска 105-мм зенитных орудий (январь 1942 г. — 12, июль 1944 г. — 92).

Важнейшим показателем того, как осуществлялась программа обороны, является производство самолетов-истребителей. Но об этом мы будем еще писать особо, так как с точки зрения организации производства самолетостроение в Германии находилось в особом положении.

Широкая программа перевооружения осуществлялась в 1944 г. под названием «программы вооружения пехоты». Становилось все более ясным, насколько высока оснащенность автоматическим оружием пехоты противника. Немецкая пехота уступала противнику в силе огня, главным ее оружием по-прежнему оставалась винтовка-98, существовавшая более 40 лет. Для того чтобы хотя бы частично ликвидировать это превосходство противника, был предусмотрен значительный рост производства стрелкового оружия. Этим объясняется введение в производство автоматической винтовки (в середине 1943 г. производилось 100 шт. в месяц, а в августе 1944 г. — уже 30 тыс. шт.), увеличение вдвое производства пулеметов в течение года, введение

в производство огнеметов «Фм. В. 41» и увеличение их выпуска в 7 раз и т. д.

Развитие производства боеприпасов в основном отражало рассмотренное выше развитие производства вооружения. В рамках программы обороны был осуществлен сильный рост производства боеприпасов для противотанковой артиллерии и танковых пушек. В период с 1942 по 1944 г. производство боеприпасов для этих целей возросло в 4 раза, а по сравнению с 1942 г. — даже в 20 раз; удвоилось производство боеприпасов для легкой зенитной артиллерии. Примерно такой же рост имел место в производстве боеприпасов для крупнокалиберной зенитной артиллерии и т. д.

В связи с осуществлением программы вооружения пехоты возросло производство боеприпасов для автоматов и пулеметов. В стоимостном выражении доля производства боеприпасов для стрелкового оружия в общем производстве боеприпасов возросла с 6% в начале 1942 г. до 24% в августе 1944 г. Старопруссский принцип экономии боеприпасов («каждый выстрел — в цель») был, по крайней мере частично, подвергнут ревизии, поскольку стали применять массированный огонь.

Говоря о производстве боеприпасов, необходимо прежде всего упомянуть о введении в производство противотанкового оружия — фауст-патронов. Впервые их производство было начато в августе 1943 г., когда было выпущено 8 тыс. фауст-патронов. В мае 1944 г. их было произведено уже 400 тыс.

Интересна также программа производства подводных лодок. Массовое производство в области военноморского строительства было ограниченным: до 1943 г. это строительство в отличие от других отраслей военной промышленности не было даже в ведении министерства Шпеера. Все же в военноморском строительстве внимание заблаговременно было сконцентрировано на мероприятиях по строительству подводных лодок. Однако надежды, вызванные первоначальными успехами подводного флота, не оправдались, так как улучшенная и усиленная оборона противника против подводных

лодок (обнаружение лодок в море, использование радарных установок, поражение лодок глубинными бомбами) привела к резко возросшим потерям. Несмотря на это, продолжали все же придерживаться установившегося ритма производства подводных лодок, ибо постоянное использование подводных лодок даже в небольшом количестве связывало большие силы противника. В 1944 г. строительство подводных лодок было начато по совершенно новым принципам, были сконструированы новые типы подводных лодок. Подводные лодки пускались в серийное производство по чертежам, без предварительного изготовления опытных образцов; в результате этого до середины 1944 г. было построено значительно большее количество подводных лодок. С середины 1944 г. добрых 2/3 судостроения сконцентрировалось на производстве подводных лодок. От строительства крупных военно-морских судов совершенно отказались.

Обычно, правда, выполнение одной программы вооружения вскоре наталкивалось на необходимость выполнять новую, в результате чего, как и в других отраслях экономики, наступала «инфляция первоочередности». В военном производстве при выполнении какой-либо программы также все чаще сталкивались с ограниченностью производственных мощностей, используемых для осуществления других программ вооружения. Некоторое время пытались выйти из такого положения за счет назначения уполномоченных по некоторым особенно важным отраслям военного производства, но вскоре наступило также «перепроизводство» подобных уполномоченных. Когда же попытались путем отмены первоочередности перейти к настоящему планированию, то было уже слишком поздно.

Прежде чем перейти к рассмотрению развития экономики в последний период войны, необходимо коротко остановиться на авиационной промышленности, в области развития которой постоянно существовал избыток всевозможных программ.

Особенности производства самолетов

Особенности планирования. Производство самолетов являлось большой самостоятельной отраслью военной промышленности Германии. В этой отрасли, включая все предварительные ступени производства, было занято около 2 млн. человек. Стоимость произведенных самолетов со всем их оснащением достигала свыше 10 млрд. рейхсмарок в год. Для того чтобы составить представление о значении этих цифр, укажем, что вся металлообрабатывающая промышленность производела товаров в 1936 г. на 9,2 млрд. рейхсмарок. Во время войны в Германии, так же как в США и Англии, авиационная промышленность стала вообще крупнейшей отраслью промышленности.

ДОЛЯ АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВО ВСЕЙ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГЕРМАНИИ

Период		Стоимость произведенной продукции, млрд. рейхсмарок	Доля в стоимости всей военной продукции, %
1942 г.	первое полугодие	3,0	43
	второе полугодие	3,4	38
1943 г.	первое полугодие	5,0	42
	второе полугодие	5,2	41
1944 г.	первое полугодие	6,2	42

Источник: «Rüstungsindex des Planungsamtes».

В рамках настоящего исследования производству самолетов необходимо уделить особое место еще по одной причине. Вплоть до образования так называемого «штаба по организации производства истребителей» (предназначенного для развертывания действительно массового производства самолетов-истребителей) в феврале 1944 г. производство самолетов развивалось так же, как и производство войскового и военно-мор-

ского вооружения, подчиненного Министерству вооружения. Это означало, что и здесь все еще действовали старые принципы организации производства, согласно которым военные органы отвечали также за осуществление производства вооружения. Окончательно ответственность за авиационную промышленность перешла к министерству Альберта Шпеера только с 1 августа 1944 г., в момент, когда это уже было поздно для организации действенного общего планирования, о чем будет сказано ниже.

Это особое положение авиационной промышленности, имевшее место на протяжении многих лет, выражалось в следующем.

1) Все производство организационно было сконцентрировано в самой авиационной промышленности. Исследование, произведенное Имперской группой промышленности осенью 1943 г., показало, что около 90% всех предприятий, производивших самолеты и авиационное вооружение, организационно были объединены в трех комитетах: строительства планерной группы, строительства винтомоторной группы и производства авиационного вооружения. Тем самым значительная часть промышленности, осуществлявшая субпоставки для военного производства и предназначенная для обслуживания всех отраслей военной промышленности в соответствии с возможностями ее производственных мощностей, была заранее предназначена обслуживать только авиационную промышленность в ущерб другим отраслям. Этот недостаток мешал общему упорядочению субпоставок.

2) Известно, что в предвоенные годы самолетостроение как отрасль промышленности было создано заново. Рост количества построенных в Германии самолетов виден из следующей таблицы.

В соответствии с этой тенденцией авиационную промышленность особенно щедро обеспечивали рабочей силой, материалами и средствами — явление, польза от которого не всегда была пропорциональна затратам. В авиационной промышленности более, чем где-либо, неуклонно действовал принцип непризнания дефицитности, выдвинутый военными кругами.

**ПРОИЗВОДСТВО САМОЛЕТОВ В ГЕРМАНИИ
С 1931 ПО 1939 Г.**

Год	Всего	В том числе военных
1931	13	—
1932	36	—
1933	368	—
1934	1968	840
1935	3183	1823
1936	5112	2530
1937	5606	2651
1938	5235	3350
1939	8295	4733
<i>Источник: J. Kuczynski. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland, Band II, 1933—1946. S. 57.</i>		

3) В связи с вышесказанным в авиационной промышленности было принято за правило составление завышенных производственных планов. Напряженные задания давались авторитетными военно-политическими органами, как правило, самим Германом Герингом. В промышленности, вынужденной строить свою работу «по команде», знали, что эти задания невыполнимы, но продолжали работать по принципу «авось» и мобилизовывали свои предприятия в соответствии с требованиями. При этом кривые плановых показателей всегда проделывали один и тот же характерный путь: ориентируясь на уровень производства в последние предшествовавшие месяцы, они вначале находились на низком и скромном уровне, затем к концу обычно одно-двухлетнего периода планирования они совершали гигантский скачок.

Но значительно раньше окончания этих периодов становилась ясной невозможность выполнения плана. В

результате составлялся новый план, повторявший ошибки предыдущего. В оставшееся время наверстывалось то, что не было сделано в первые месяцы, без исправления, однако, основной ошибки — перенапряженности всего плана.

В авиационной промышленности стало правилом, что практически срок действия производственного плана не превышал трех месяцев. Такое положение, однако, было не только в авиационной промышленности Германии. Девонс отмечает почти такое же состояние в английской авиационной промышленности в период с 1939 по 1945 г.¹.

К основным принципам планирования в авиационной промышленности относится также договоренность крупных фирм между собой. Предпринимательская инициатива, сотрудничество с частными предпринимателями привели в конечном счете к тому, что многие основные участки технического руководства и в связи с этим загрузка мощностей резервных заводов постоянно менялись и в результате выпускалось множество различных типов самолетов. Это, в свою очередь, приводило к тому, что самолеты выпускались небольшими сериями, на складах имелось недостаточное количество запасных частей, возникали трудности в обучении летного состава и многое другое.

Если при этом еще учесть принципиальные разногласия в политике самолетостроения (к ним относятся следующие проблемы: строить ли бомбардировщики или истребители, производить ли самолеты в массовом порядке «замороженной» конструкции или улучшать их качество за счет пренебрежения количеством), то в этом случае будут собраны все элементы, определяющие ход развития авиационной промышленности вплоть до 1944 г.

В этих обстоятельствах трудно дать хотя бы краткое описание производства самолетов. Приведенные ниже

¹ Ely Devons. Planning in Practice. Essays in Aircraft Planning in War Time. Cambridge, 1950.

факты могут, однако, дать некоторое представление о развитии самолетостроения.

Общее развитие самолетостроения. При рассмотрении положения с производством самолетов нецелесообразно пользоваться обычным методом — судить об этом по количеству произведенных самолетов. Производство истребителя, например, требует затраты такого количества рабочего времени, которое составляет лишь от 1/6 до 1/8 рабочего времени, необходимого для постройки тяжелого бомбардировщика.

Затраты рабочего времени на производство учебных самолетов и планеров еще меньше. В следующей таблице в качестве общей единицы измерения (за неимением лучшего критерия) принят боевой вес самолета, т.е. вес самолета без нагрузки.

ПРОИЗВОДСТВО САМОЛЕТОВ В ГЕРМАНИИ С 1941 ПО 1944 Г.
(В ТЫС. ТОНН БОЕВОГО ВЕСА)

Месяцы	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Январь	2,7	5,7	8,7	11,7
Февраль	4,1	4,5	11,5	9,4
Март	5,5	7,6	10,4	13,3
Апрель	5,0	6,9	10,9	14,4
Май	4,3	6,7	11,1	14,9
Июнь	4,4	6,6	11,3	16,2
Июль	5,6	7,3	11,9	18,5
Август	5,7	7,1	11,5	Максимум
Сентябрь	5,2	7,2	11,2	
Октябрь	4,8	6,7	12,0	
Ноябрь	4,2	6,8	10,9	
Декабрь	4,7	7,8	9,4	
	56,2	80,9	130,8	

Источник: «Rüstungsindex des Planungsamtes».

Неравномерное развитие производства, характеризующее вышеприведенными данными, частично объясняется «сезонными явлениями». В таблице указывается лишь та часть самолетов, которые прошли испытания и были приняты на вооружение военно-воздушными силами. Но так как в зимние месяцы, особенно в конце года и начале следующего, полеты затруднены, за это продолжительное время накапливались готовые, но не принятые машины, которые затем сразу все принимались, как только устанавливалась более подходящая летная погода.

Но неравномерное движение кривой производства зависело также от частых смен планов производства, а также от воздушных налетов противника.

Программы производства самолетов с 1942 г. В начале 1942 г., как и в предыдущие годы, основной задачей самолетостроения являлось производство самолетов нападения, в первую очередь бомбардировщиков (важнейший тип «Ю-88» и далеко отстающий от него «Хе-111»). Рост производства бомбардировщиков продолжался до весны 1943 г. В феврале 1943 г. было произведено 554 бомбардировщика боевым весом в 5300 тонн, что являлось максимумом.

С начала 1943 г. быстро возрастало производство истребителей. В течение немногих месяцев число произведенных истребителей возросло вдвое (с 490 в январе до 1109 в июле 1943 г.). По боевому весу в начале 1943 г. было произведено истребителей чуть ли не в половину меньше, чем бомбардировщиков; в октябре — ноябре 1943 г. впервые было построено равное количество тех и других (по боевому весу). Рост истребительной авиации Германии побудил противников сделать ее авиационную промышленность главным объектом воздушных налетов. Военно-воздушные силы Германии изматывались в непрерывных боях, их пополнение, замена и в особенности увеличение были невозможны. В течение 1943 г. авиационные заводы один за другим все снова и снова подвергались налетам.

**БОМБОВЫЙ ГРУЗ, СБРОШЕННЫЙ НА АВИАЦИОННЫЕ ЗАВОДЫ
ГЕРМАНИИ В 1943—1944 ГГ.**

	Бомбовый груз, сбро- шенный на авиацион- ные заводы (в малых английских тоннах)*	В процентах к общему бомбовому грузу
1943 г.		
I квартал	4	0,1
II квартал	1534	3,0
III квартал	2072	3,1
IV квартал	1068	1,8
1944 г.		
I квартал	7925	7,0
II квартал	8300	2,5
*Малая английская тонна эквивалентна 907,185 кг		

Американская служба стратегических бомбардировок констатировала в своем неоднократно цитированном выше исследовании¹, что бомбовый груз, сброшенный на авиационные заводы Германии в 1943—1944 гг., сильно возрос.

Первоначально руководители германской промышленности ответили на эти бомбардировки теми же мероприятиями, что и при налетах на электростанции и транспорт. С одной стороны, было организовано производство на других заводах (в связи с этим произошло значительное перемещение авиационных заводов), с другой стороны, проводилось непрерывное восстановление разрушенных мощностей.

В течение нескольких месяцев выявилось, что принимаемые меры не дают никаких результатов. Выпуск самолетов, хотя и с сильными колебаниями, но снижался, количество важнейших видов истребителей уменьшилось прежде всего.

¹ The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy.

В январе — феврале 1944 г. потери возросли до таких размеров, что положение стало нетерпимым. Ответственные руководители Имперского министерства авиации убедились в том, что при дальнейшем развитии событий в том же направлении германская авиационная промышленность, а вместе с ней и противовоздушная оборона в ближайшее время будут выведены из строя.

В этих условиях Шпееру было предложено руководить производством истребителей. Это был час рождения так называемого «штаба по организации производства истребителей», которому удалось, как будет показано, добиться значительного роста производства истребителей и штурмовиков. Организация штаба была задумана просто. Промышленники, работавшие в других отраслях военной промышленности, назначались «особо уполномоченными» на отдельные заводы и должны были ежедневно поддерживать связь с предприятиями. На случай катастроф имелись специальные санитарные и строительные штабы, которые были в постоянной готовности во время больших воздушных налетов. Само производство при мобилизации всех средств (обмен материалами и рабочей силой; доставка дефицитных материалов с предприятий неавиационной промышленности, даже с переброской самолетов; концентрация самолетостроения на небольшом количестве моделей; перевод важнейших заводов под землю и т. д.) было значительно увеличено.

И в самом деле, в течение 7 месяцев выпуск продукции удалось почти утроить. В сентябре 1944 г. было построено 2950 самолетов истребительной авиации против 1028 в феврале этого же года. При этом важную роль играло переключение мощностей со строительства бомбардировщиков на строительство истребителей. Строительство транспортных и других самолетов, а также планеров было временно прекращено. Летом 1944 г. производство самолетов в Германии на 3/4 их боевого веса состояло из самолетов истребительной авиации. Перестройка самолетостроения была, как кажется, успешной, был достигнут рекордный уровень в производстве вооружения.

Окончательные итоги эры Шпеера

Сам Альберт Шпеер характеризовал итоги работы, проделанной с 1942 г. до середины 1944 г., примерно следующим образом¹:

1. Собственно военное производство при гибкой политике переключения внимания с одного решающего участка на другой было доведено до высшего уровня и в течение 2,5 года возросло в 3 раза. В таких основных звеньях, как танкостроение, производство артиллерийско-стрелкового вооружения и самолетов истребительной авиации, было достигнуто еще большее увеличение производства. При этом были сделаны значительные успехи в рационализации производства. С декабря 1941 г. по июнь 1944 г. число занятых в военной промышленности возросло на 28%, производство же военной продукции возросло на 230%. Была достигнута экономия в затратах сырья и материалов.

В 1943—1944 г. на производство вооружения выделялось на 50 % больше стали, чем в 1939—1940 г., произведено же военной продукции почти в 2,5 раза больше. Так была достигнута «индустриализация» военного производства.

2. Промышленность, работавшая на военное производство (субпоставки), была расширена до таких размеров, что она в целом могла удовлетворять требования военной промышленности. При этом почти во всех сферах были созданы значительные резервы материалов.

3. Производство основных видов сырья и материалов в результате интенсивного осуществления планомерного расширения обладало к середине 1944 г. такими мощностями, которые давали возможность во всех областях, включая искусственный каучук, текстильное сырье, моторное топливо, еще долго продолжать войну вне зависимости от ввоза сырья из-за границы.

4. Промышленность товаров широкого потребления (называемая в министерстве специальным термином «промышленность всеобщего назначения») выпускала

¹ Дается примерно в таком же виде, как в отчете Шпеера в конце 1944 г.

без специальных защитительных мер и особых мероприятий столько всевозможных товаров, что более или менее могла удовлетворить насущные нужды армии, государственные потребности, спрос военной промышленности, а также спрос, правда, самый необходимый, населения.

«Передача всей промышленности в ведение Министерства вооружения, — добавил к этому Шпеер, — привела к соответственному сокращению производства лишь в отдельных отраслях, имевших большое значение для удовлетворения самых насущных нужд (например, в обуви) немецкого народа. В общем это было вызвано недостатком сырья».

5. Можно добавить еще, что наличие важнейших видов вооружения и военных материалов также значительно возросло (Шпеер в своем отчете не говорил об этом, так как он отвечал только за производство вооружения). Во всяком случае, с начала 1942 г. до середины 1944 г. наличие важных групп вооружения возросло в стоимостном выражении больше чем на 50% при более сильном росте количества решающих видов вооружения, например танков.

**НАЛИЧИЕ ВАЖНЫХ ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННЫХ
МАТЕРИАЛОВ (В МЛН. РЕЙХСМАРОК)**

Вооружение и военные материалы	Январь 1942 г.	Январь 1943 г.	Июнь 1944 г.
Легкое пехотное оружие	680	870	800
Тяжелое пехотное оружие	145	145	290
Легкая и тяжелая артиллерия	375	375	470
Боеприпасы для легкой и тяжелой артиллерии	770	800	820
Танки	228	414	1026
Всего	2198	2604	3406
<i>Источник: Данные Управления военно-хозяйственного планирования.</i>			

Однако здесь следует сделать две оговорки.

а) Данные о производстве вооружения, которые можно сравнить с приведенными выше записями о наличии, показывают за период с 1942 г. до середины 1944 г. более сильный рост, а именно в 6 раз. Таким образом, отношение наличия вооружения к производству постоянно ухудшалось, несмотря на все усилия в развитии промышленности, соответствующее увеличение наличия вооружения весьма значительно отставало от роста текущей продукции. Оставляя в стороне недостатки статистического учета наличия вооружения (впрочем, данные о наличии вооружения скорее завышены, чем занижены), остается только одно объяснение указанному выше факту: на соотношение производимого и наличного вооружения оказывали влияние тяжелые потери, понесенные немецкой армией в Африке, под Сталинградом, а затем все чаще и чаще и в других местах.

**НАЛИЧИЕ И ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШИХ
ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ**

Период	Производство	Наличие	Отношение производства к наличию
	млн. рейхсмарок		
январь 1942 г.	84	2198	1 : 26
январь 1943 г.	275	2607	1 : 9,5
июнь 1944 г.	546	3406	1 : 6,2
Источник: Данные Управления всенно-хозяйственного планирования.			

Подобные потери снова и снова имели место в начале 1942 г., в начале 1943 г., осенью 1943 г., весной 1944 г. Они сокращали наличие вооружения в таких размерах, которые превышали производственную мощность промышленности.

б) Еще более тревожным было положение в военно-воздушных силах. Однако в области авиации сопоставимые данные имеются, к сожалению, лишь с середины 1943 г. Эти данные показывают, что, несмотря на рост производства самолетов в целом, и в первую очередь истребительной авиации, несмотря на ускорившийся ремонт, проходивший все в больших масштабах, общая численность наличных военных самолетов не росла, а количество истребителей даже уменьшилось. Во фронтовой (тактической) авиации в первой половине 1944 г. наличие самолетов соответствовало в среднем полугодовому производству, при этом, однако, необходимо учитывать, что не все наличные самолеты этой авиации были боееспособны.

**ПРОИЗВОДСТВО, РЕМОНТ И НАЛИЧИЕ САМОЛЕТОВ
В ГЕРМАНИИ (В ШТ.)**

	Второе полугодие 1943 г.	Первое полугодие 1944 г.
Всего		
Производство	13 213	17 089
Ремонт	6142	6811
Наличие	38 925	36 999
Самолеты истребительной авиации		
Производство	5857	9823
Ремонт	1241	2852
Наличие	8298	5947

	Второе полугодие 1943 г.	Первое полугодие 1944 г.
Самолеты бомбардировочной авиации		
Производство	3157	2274
Ремонт	2790	1334
Наличие	6820	4319
Всего самолетов фронтовой (тактической) авиации		
Производство	11 395	15 299
Ремонт	5144	5496
Наличие	19 932	15 233
<i>Источник: Данные Управления военно-хозяйственного планирования.</i>		

Обширные планы развития авиационной промышленности позволяли надеяться, что с введением новых мощностей удастся добиться перелома в производстве самолетов.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на тревожное состояние с динамикой наличия вооружения и военных материалов, баланс показывает, что в середине 1944 г. военная промышленность Германии находилась на вершине своей мощи и производительности. Население уже испытывало недостаток некоторых потребительских товаров. Промышленность, выполнявшая субпоставки и производившая основные виды сырья и материалов, то тут, то там подвергалась воздушным налетам, но в целом последствия налетов не были тяжелыми. Собственно производство вооружения находилось на самом высоком уровне и было, наконец, переведено на рельсы массового производства. И даже тогда, когда поражения на фронте участились до такой степени, что их уже нельзя было объяснить «случайностью» и «предательством», казалось, что имелись условия для увеличения шансов в войне путем улучшения положения с вооружением.

ПЕРЕД РАЗГРОМОМ

«Программа победы»

Делались последние, самые последние усилия. Об этом свидетельствуют цифры планов, составленных весной 1944 г., со сроком исполнения в декабре 1944 г. С марта 1944 г., принятого за исходный месяц плана, производство должно было возрасти к декабрю этого же года следующим образом (в %):

Артиллерийско-стрелковое вооружение _____	на 98
Танки _____	на 73
Автомобили и полугусеничные тягачи _____	на 26
Планерная и винтомоторная группы _____	на 74
Боеприпасы _____	на 20
Всего _____	на 57,5

Таким образом, в течение 9 месяцев должен был быть обеспечен рост производства почти на 58%, то есть ежемесячный прирост должен был составлять 6,5%. При этом были разработаны четкие программы развития основных видов вооружения, о чем особенно наглядно говорят планы выпуска отдельных видов вооружения.

Возможность достижения прироста производства на 58% в течение 9 месяцев была сомнительной, если учесть темпы развития военной промышленности до этого. За предыдущие 9 месяцев — с июля 1943 г. по март 1944 г. — прирост составил лишь 19%; с марта по декабрь 1943 г. — только 3%.

ПЛАН НА ДЕКАБРЬ 1944 Г.,
СОСТАВЛЕННЫЙ В МАРТЕ 1944 Г.

Вооружение и военные материалы	Единица измерения	Производство	
		состояние на март	план на декабрь
Легкие гаубицы	млн. штук	3,3	5,0
Тяжелые гаубицы	млн. штук	0,6	1,2

Вооружение и военные материалы	Единица измерения	Производство	
		состояние на март	план на декабрь
Ручные гранаты	млн. штук	4,2	5,5
Минометы	млн. штук	2,6	5,0
Автоматы	тыс. штук	20,0	100,0
Пулеметы	тыс. штук	18,6	30,0
Орудия калибра свыше 75 мм	стволов	2077	7450
Танки	штук	1181	3200*
Полугусеничные тягачи	штук	1694	2270
Самолеты (включая ремонт)	штук	2687	7800
<p>* Исключая самоходные установки, в том числе реконструированные. Источники: Данные Управления военно-хозяйственного планирования.</p>			

С 1942 по 1943 г. среднегодовой прирост производства составил 56%, однако этот рост происходил с очень низкого уровня производства в исходном году (в этих условиях легче достигнуть роста производства) и при менее интенсивной воздушной войне.

Очевидно, что необходимо было чрезвычайное напряжение всех сил, при котором надлежало мобилизовать для военного производства все мощности. И все же, как это ни странно звучит, крупные специалисты рассчитывали добиться решающего превосходства над другими странами. На этом следует остановиться ниже.

Положение с производством вооружения в других странах

Важнейшим источником, который давал возможность судить, по крайней мере в кругу военных, о военном производстве за границей, было выпускаемое интендантской службой «Сравнение боеспособности». Это сравнение делалось на основе следующих соображений:

1. Объем военного производства в количественном выражении в других странах известен по видам вооружения из прессы и других сообщений.

2. Однако эти данные о производстве не могут служить материалом для сопоставления боеспособности по следующим причинам:

а) Часть вооружения остается в стране, его производящей (или получающей), для использования в учебных целях и таким образом не попадает на поле боя. Это дает право исключать из общего количества вооружения определенный процент, как не применяемый на фронте.

б) Еще одна часть из текущего производства вооружения хотя и применяется для военных действий, но не на территории Европы (в Восточной Азии, Африке и т. д.) Это дает право определенную долю, обоснованную с военной точки зрения, вычесть из текущего военного производства.

Таким образом, остается продукция, которая, будучи разделенной на такие группы, как артиллерия, пехотное стрелковое оружие, танки, авиация, дает возможность судить о силах противника на европейском театре военных действий.

Согласно таким подсчетам, летом 1944 г. выявилось огромное преимущество противника в количестве самолетов, танков и автомобилей; по количеству же боеприпасов артиллерийско-стрелкового вооружения и прочих военных материалов положение было более благоприятным для Германии.

В изучении сравнения боееспособности был сделан еще один шаг, приведший к ложным выводам, последствия которых, хотя и не подтвержденные документально, трудно переоценить. Была предпринята попытка, помимо сравнения отдельных групп вооружения, произвести общее сравнение, то есть в одной цифре выразить соотношение сил, с которыми противник выступил против Германии на Европейском театре войны.

Такое желание понятно. Надо было найти общий знаменатель, к которому можно было относить все виды вооружения и военных материалов. Возникла необходимость исчисления этого общего знаменателя и определения его методической пригодности.

Названное выше управление (интендантская служба) нашло очень тонкий метод исчисления. При этом оно руководствовалось следующей основной мыслью: так же как война есть «мать» всех вещей, так и сталь может считаться «матерью» всех видов вооружения. Исходя из этого положения, было подсчитано (это было нетрудно сделать в условиях Германии, притом без больших ошибок), сколько стали потребляется на изготовление каждого вида вооружения и военных материалов, и тогда оставалось только использовать электрические счетные машины: на производство боеприпасов надо такое-то количество стали, танков — такое-то количество, самолетов — такое-то количество и т. д. Затем все исчисленные таким образом количества стали складывались — и общее сравнение готово.

Вооружение Германии равняется X тонн стали; вооружение, применяемое противником в Европе, равняется Y тонн стали; при этом обнаружилось (документы, к сожалению, сгорели в результате бомбардировок, поэтому данные свидетельствуют лишь об общем положении), что вооружение противника только в 2 раза превосходило немецкое. Отсюда делался вывод о том, что, поскольку немцы имели якобы лучших бойцов, преимущество в отношении внутренних линий (имело

ли это место в действительности, надо было еще доказать), можно преодолеть незначительное превосходство противника в вооружении и военных материалах.

В вышеприведенных подсчетах содержится, однако, ошибка, которую может сразу же заметить даже дилетант.

Сталь не может служить общим знаменателем. В производстве того или иного вида вооружения потребление стали совершенно различно. Боеприпасы являются наиболее «сталеёмкими», то есть на каждую тонну, или на каждую тысячу рабочих часов, или на каждую тысячу рейхсмарок готовой продукции в этом виде военной продукции приходится особенно много стали. Артиллерийско-стрелковое вооружение и танки занимают среднее положение. Самолеты же на единицу продукции на 1000 рабочих часов, на 1000 рейхсмарок требуют относительно небольшого количества стали, так как не сталь является основным сырьем в самолетостроении, а алюминий или определенные сплавы легких металлов. Но, как уже было сказано, превосходство противника в «сталеёмких» боеприпасах было особенно незначительным, а в самолетах, потребляющих немного стали, особенно большим. И если все виды вооружения пересчитываются на сталь, наличие боеприпасов в среднем будет переоценено, а самолетов, наоборот, значительно недооценено.

На основе применения неправильного общего знаменателя было «подсчитано», что соотношение боеспособности в Европе на 1943 г. между «Союзом друзей» и «Союзом противников» равнялось 1:1,7, в то время как в действительности это соотношение должно было бы составить по крайней мере 1:3.

Дело не в количестве стали или во всяком случае не в первую очередь в количестве стали, которая содержится в военных материалах, а в обработке, которой подверглась эта сталь, в труде техников и рабочих, которые превращают сталь в оружие. Это соображение, возник-

шее еще во время войны, подтвердилось полностью в уже цитированных расчетах Гольдсмита. Гольдсмит пришел к следующему сопоставлению.

**ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО
ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В 1941 И 1943 ГГ.
(В МЛРД. ДОЛЛ., ЦЕНЫ 1944 Г.)**

Страна	1941 г.	1943 г.
США	4,5	37,5
Англия	6,5	11,1
СССР	8,5	13,9
Всего	19,5	62,5
Германия	6,0	13,8
Япония	2,0	4,5
Всего	8,0	18,3
Отношение военного производства СССР, США, Англии к военному производству Германии и Японии	2,4: 1	3,4:1
<i>Источник: Sternberg. Kapitalismus und Sozialismus vor Gericht. Hamburg, 1951.</i>		

Ухудшение в соотношении военного производства сопровождалось решающими политическими и военными событиями. В политическом плане надо указать на события 20 июля 1944 г., из военных событий — на высадку англо-американских войск во Франции (6 июня 1944 г.) и на крупное наступление советских войск на центральном фронте (21— 23 июня 1944 г.). Но прежде всего следовало ожидать увеличения воздушных налетов, так как сброшенный бомбовый груз резко возрастал.

**БОМБОВЫЙ ГРУЗ,
СБРОШЕННЫЙ НА ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТИНЕНТ
(В ТЫС. АНГЛИЙСКИХ МАЛЫХ ТОНН)**

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.
I квартал	0	4,7	6,8	30,8
II квартал	2,5	11,3	15,0	51,1
III квартал	6,0	13,6	17,7	66,2
IV квартал	5,1	7,6	11,0	58,1
<i>Источник: «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy». Р. 2— 4.</i>				

Только в первом полугодии 1944 г. западные союзники сбросили больше бомб, чем за все время с начала 1940 г. до начала 1943 г.

Глава IV

КАТАСТРОФА ГЕРМАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Второе издание «тотальной» войны

Когда в июле 1944 г. по стране прокатилась вторая волна пропаганды, вновь потребовавшей срочной мобилизации, немецкий народ уже почти забыл призывы к тотальной войне, последовавшие за поражением под Сталинградом. Внешним поводом к этой пропаганде явились события 20 июля 1944 г., во время которых произошло неудачное покушение на Гитлера; однако более глубокая причина «тотальной» мобилизации заключалась в том, что немецкое командование было убеждено в близком наступлении последнего этапа войны. Поэтому оно пошло на использование оставшихся резервов.

Широкое распространение получили различные изменения и ограничения в общественной и частной жизни: прекратился выпуск ряда газет, проведение концертов в общественных залах было запрещено, занятия в университетах сократили до минимума, требовательность в отношении качества преподавания стала крайне низкой; частота движения поездов и протяженность маршрутов резко сократились; значительно снизилось число почтовых отправок и т. д. Однако еще важнее было снижение призывного возраста с 17,5 до 16 лет, увеличение возрастного предела с 45 до 50 лет для женщин, подлежащих регистрации, и установление «нормальной рабочей недели» в 60 часов вместо 48 часов.

Несмотря на все попытки прессы и пропаганды, до середины 1944 г. не удалось избежать дальнейшего со-

кращения общего числа занятых. Составленный на 31 мая 1944 г. «баланс рабочей силы» показал, что на эту дату имелось 35,8 млн. занятых против 36,5 млн. на ту же дату в 1943 г. В целом сокращение количества занятых было, конечно, небольшим, однако оно затрагивало решающие отрасли промышленного производства и препятствовало — так, по крайней мере, казалось — запланированному повышению выпуска продукции. Примерные подсчеты показывали, что можно получить еще около 1,8 млн. рабочих рук или за счет использования новой рабочей силы, или за счет ее высвобождения из отраслей, не имеющих военного значения. Это одновременно давало возможность мобилизовать значительные контингенты из числа военнообязанных мужчин, освобожденных от призыва по брони. В мае 1944 г. еще имелось 2,2 млн. мужчин 1901—1927 годов рождения, признанных годными к военной службе, которые как незаменимые оставались на своих гражданских постах. Кроме того, имелось 0,4 млн. тех же возрастов, ограниченно годных к военной службе, и 3,1 млн. мужчин старших возрастов, но еще военнообязанных и годных к службе. Таким образом, выходило, что можно еще получить всего 7,1 млн. рабочих рук.

Во всяком случае, результаты этой «битвы за рабочие руки» были разочаровывающими. Общее число занятых рабочих и служащих возросло к сентябрю 1944 г. на несколько процентов, однако затем началось сокращение, в результате которого занятость оказалась ниже исходного уровня мая 1944 г. Эта тенденция понижения являлась результатом действия нескольких взаимно противодействующих факторов.

Число занятых немцев-мужчин в результате возросшего призыва в армию (вначале ежемесячно 0,2 млн.) сократилось; правда, за период с марта по сентябрь 1944 г. было вновь принято на работу 0,3 млн. женщин, но затем количество занятых женщин быстро упало ниже исходного уровня мая 1944 г. Увеличение числа иностранных рабочих-мужчин (включая военнопленных) оказалось больше невозможным; увеличивалось

лишь использование иностранной женской рабочей силы, однако и это не могло возместить снижение по другим категориям.

Баланс рабочей силы, составленный на 1 января 1945 г., еще раз отчетливо подтвердил эту понижающую тенденцию. В течение одного года германская экономика лишилась почти полумиллиона рабочих рук; на этот раз, правда, были учтены не только рабочие и служащие, но и все самодеятельное население, помогающие в работе члены семей, чиновники и т. д.

ЧИСЛО ЗАНЯТЫХ В 1944 Г.
(В МЛН. ЧЕЛОВЕК)

Занятые	Май	Август	Ноябрь	Декабрь
Рабочие и служащие	28,6	28,7	28,6	28,4
Военнопленные	1,9	1,9	1,6	—
Всего	30,5	30,6	30,2	—
Германские подданные				
Мужчины	12,0	11,8	11,4	10,9
Женщины	11,0	11,1	11,2	10,9
Итого	23,0	22,9	22,6	21,8
Иностранцы*				
Мужчины	5,7	5,8	5,6	—
Женщины	1,8	1,9	2,0	2,2
Итого	7,5	7,7	7,6	—
* Включая военнопленных. Источник: «Statistische Schnellberichte des Planungsamtes», Dezember 1944.				

Однако это снижение занятости ни в коем случае полностью не могло быть объяснено действительной нехваткой рабочей силы. Определенно можно сказать, что в народе, особенно среди женщин, быстро нарастало психологическое сопротивление против работы в воен-

ной промышленности, уменьшился также по сравнению с прошлым годом приток иностранных людских резервов. Несмотря на это, возможности привлечения рабочей силы для важных в военном отношении отраслей далеко не были исчерпаны, особенно если учесть, что из 41—42 млн. женского населения в январе 1945 г. занятыми числилось не многим более 16 млн.

Однако уже в сентябре 1944 г. выявились принципиально новые тенденции. Война приняла такое направление, что рабочая сила стала скорее излишней и время от времени появлялась безработица в различных формах, зависящих от района. Это обстоятельство было официально признано в совместном указе имперского министра вооружения и военного производства и генерального уполномоченного по использованию рабочей силы от 26 января 1945 г. Указ содержал директивы по «использованию рабочей силы при перебоях в производстве».

Такая перемена была обусловлена потерей территорий на западе и востоке и крайним усилением воздушной войны.

Территориальные потери и воздушная война — решающие причины развала

Территориальные потери. Территориальные потери, вызванные военными событиями, молниеносно развивавшимися с начала вступления войск противника на территорию Германии и оккупированных ею областей, имели для промышленного производства тяжелые последствия.

Роль оккупированных западных областей в производстве сырья, в поставках материалов и полуфабрикатов для военной промышленности и в выпуске предметов потребления была уже освещена выше. Здесь достаточно указать, что перебои в работе промышленности выходили далеко за пределы количественных сокращений, так как была нарушена взаимосвязь между отдельными

звеньями производства. Так, например, сокращение производства автомашин и морского вооружения в 1944 г. в значительной степени объяснялось большой зависимостью этих видов производства от субпоставок из оккупированных западных областей; подобное же положение существовало в производстве артиллерийско-стрелкового вооружения. Недостаток основных видов сырья (например, стали) усиливал трудности в снабжении, создавшиеся в результате воздушных налетов, а с прекращением поставок предметов потребления из оккупированных областей снабжение гражданского населения должно было еще более ухудшиться. Затем начались потери территорий и промышленных объектов в самой Германии¹. С мая 1944 г. по январь 1945 г. (перед началом последнего большого наступления советских войск) противник захватил 15% всех мощностей германской промышленности, причем даже без учета таких важных отраслей, как угольная, горнорудная, строительная. На занятые советскими войсками восточные провинции (Восточная Пруссия, Данциг, Западная Пруссия, Познань) в июле 1944 г. приходилось почти 77% всех промышленных рабочих Германии.

Воздушная война. К числу многочисленных трудностей для германской промышленности в военные годы летом 1944 г. добавилась новая, действительно решающего значения трудность — систематические воздушные налеты на транспортные объекты и предприятия, производящие сырье и материалы.

Конечно, авиация противника и до этого совершала налеты на транспортные и промышленные предприятия, однако нападению с воздуха подвергались больше отдельные объекты, например сортировочные станции, авиационные заводы, предприятия по производству синтетического бензина, а сами налеты на них носили,

¹ Здесь и ниже по данным Управления военно-хозяйственного планирования.

так сказать, попутный характер. В целом убыток, причинявшийся транспорту и промышленности, был незначителен; обычно дело шло о потерях, связанных с приостановкой производства при приближении самолетов противника.

В одном из официальных отчетов Управления военно-хозяйственного планирования¹ за 1943 г. отмечалось, что падение выпуска основных видов сырья и материалов под влиянием воздушных налетов колебалось от 1,2% в добыче каменного угля до 6,4% в производстве стали, то есть было сравнительно небольшим. Последствия крупных налетов на авиационные заводы в феврале 1944 г. также были скоро ликвидированы.

Однако весной 1944 г. положение изменилось. В соответствии с широко задуманными планами такие важнейшие с военной точки зрения сырьевые отрасли, как производство жидкого горючего и азота, подверглись уничтожающим налетам; к этому присоединились сильные налеты на транспортную сеть.

Об исключительном усилении воздушной войны можно судить по тоннажу сброшенных бомб (мины, фугасные и зажигательные бомбы).

**БОМБОВЫЙ ГРУЗ, СБРОШЕННЫЙ НА ЕВРОПУ
(В ТЫС. АНГЛИЙСКИХ МАЛЫХ ТОНН)**

1944 г.		1945 г.	
I квартал	114	I квартал	370
II квартал	334	II квартал	111
III квартал	404		
IV квартал	350		
Источник: «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy». P. 5.			

¹ Доклад министра вооружения Шпеера от 27 января 1945 г.

С 1940 г. на Германию было сброшено примерно 2 млн. тонн бомб; из них 1,2 млн. тонн, или 60%, приходится на месяцы после июля 1944 г., то есть менее чем на 16% охваченного учетом периода. Однако почти половина бомбового груза из указанных 60% была сброшена на транспортные сооружения и на предприятия нефтяной промышленности.

В результате воздушных налетов число убитых среди гражданского населения составляло в 1943 г. 8 человек на каждые 10 тонн сброшенных бомб, а в 1944 г. — только 3 человека. Однако опустошения в жилых кварталах больших городов были очень велики; только до осени 1944 г. было разрушено 1,4 млн. жилищ. Это ухудшало условия жизни и препятствовало полному использованию рабочих и служащих. Однако еще тяжелее сказывались налеты на важные в военно-экономическом отношении объекты сырьевых отраслей промышленности, на предприятия энергоснабжения и на транспортные сооружения.

Согласно данным Имперской группы промышленности, потери рабочих часов в промышленности в результате воздушных налетов составляли в марте 1944 г. примерно 3%, а в октябре уже 6%. При этом в этих данных совершенно не были учтены наиболее пострадавшие области — Рейнская провинция и Вестфалия. В других же районах Германии на 12 тыс. предприятий с 5,5 млн. занятых ежемесячно терялось свыше 1 млн. рабочих часов.

Рабочие и служащие, действительно участвовавшие в производственном процессе, составляли все меньший процент среди общего количества получавших заработную плату. В декабре 1944 г. на них приходилось только 64% против 81% в августе 1943 г. Хотя на эти данные значительное влияние оказывали болезни, прогулы, транспортные помехи, использование рабочих на специальных работах, вовлечение в фольксштурм (работы по расчистке развалин), все же они говорят о росте как прямых, так и косвенных убытков от воздушных налетов. В какой мере воздушные налеты влияли на выпуск про-

дукции промышленными предприятиями, видно из результатов обследования основных причин снижения производства, произведенного Имперской группой промышленности. Обследование проходило в период с мая 1944 г. до января 1945 г. Руководители не менее 8% всех предприятий (по стоимости валовой продукции) заявили при обследовании, что выпуск их продукции понизился примерно на 3/5 в первую очередь в результате военных действий противника. При этом воздушные налеты охватывали практически всю территорию Германии; «безопасных» районов, в которых работа промышленности могла бы протекать без помех, больше не было. Основные объекты воздушных налетов — транспорт, предприятия энергоснабжения, предприятия промышленности по производству основных видов сырья и материалов — все более превращались в настоящие очаги кризиса.

Упадок транспорта

Имперские железные дороги. До 1944 г. включительно на железных дорогах Германии все время удавалось увеличивать перевозки. Хотя в результате расширения территории, возраставшего недостатка в локомотивах и подвижном составе, а также по ряду других причин и возникало много трудностей, они все же постоянно преодолевались; число подававшихся дорогами вагонов значительно увеличилось. В 1938 г., последнем предвоенном году, за календарные сутки в среднем подавалось около 126 тыс. вагонов, а в середине 1943 г. примерно 150 тыс. (в Германии, включая генерал-губернаторство Польши). До середины 1944 г. этот уровень был почти сохранен, но затем положение из месяца в месяц стало все более обостряться.

Постоянные и систематически повторяющиеся воздушные налеты на важные узловые пункты надолго расшатывали даже такую крепко сколоченную организацию, как имперские железные дороги. Это произошло не по-

тому, что не хватало подвижного состава. В 1943 г. среднемесячное производство локомотивов было доведено по инициативе соответствующего Главного комитета до 437 штук и в дальнейшем могло быть даже сокращено (декабрь 1944 г. — 114 штук), так как спрос уменьшился. Особые ремонтные колонны быстро устраняли повреждения в станочном парке, вызванные действиями истребителей-бомбардировщиков противника. Количество локомотивов, требовавших ремонта, снижалось, а объем ремонтных работ увеличивался. Трудности в подаче вагонов возникали прежде всего из-за концентрированных, систематически повторяющихся налетов авиации на важнейшие сортировочные станции, узловые пункты, на такие сооружения, как мосты и т. д.

Дирекция железных дорог и хозяйственное руководство не относились безучастно к этому процессу. Так, например, в конце ноября был объявлен радикальный (по тогдашним понятиям) запрет некоторых перевозок с целью поддержания и обеспечения сообщения, по крайней мере, там, где оно, исходя из военного положения, могло протекать беспрепятственно. Кроме того, ввиду постоянного опасного сокращения запасов угля был введен приоритет железных дорог в снабжении углем.

Вскоре, однако, выяснилось, что введение подобных запретов имело большие недостатки. Как только запрет бывал отменен, сейчас же обнаруживалось новое узкое место, так как не удовлетворявшиеся во время действия запрета потребности снова порождали общий наплыв неперевазанных грузов. Отсюда возникло стремление к нормированию подачи вагонов с тем, чтобы осуществлялись действительно важнейшие перевозки, а менее важные откладывались. Особенно хотели избежать приемки к перевозкам таких грузов, которые при данной ситуации не могли быть доставлены на станцию назначения. Следовательно, вместо всеобщего, слепо действующего запрета перевозок старались производить ограниченную приемку важнейших грузов в пределах существовавших возможностей транспортировки.

16 декабря 1944 г. было издано «Распоряжение о мероприятиях по обеспечению важных в военном отношении перевозок», которое предусматривало учреждение должности уполномоченного по военным перевозкам со штатом местных уполномоченных. Уполномоченные должны были составлять планы перевозок, на основе которых решалось, какие грузы при данном поступлении вагонов должны быть приняты и доставлены в данный район.

Однако эти подготовительные работы продвигались вперед слишком медленно; особенно трудно было найти пути перехода от системы и методов запретов к нормированию; методы, применяемые в решении этих задач, были спорными. Представители Министерства вооружения и военного производства считали, что перейти к нормированию можно только после коренной расчистки путей. Перед этим, по их мнению, нужно было бы объявить всеобщий (тотальный) запрет перевозок с тем, чтобы расчистить линии и освободить составы, находящиеся в пути. Министерство же транспорта считало невозможным осуществление такого всеобщего запрета, так как, по его мнению, военные перевозки нельзя было прервать даже на несколько дней.

События развивались независимо от междуведомственных споров; кризис на транспорте нарастал с часу на час. Оставался в силе старый метод, и таким образом один запрет следовал за другим. Уже в декабре 1944 г. усилившиеся временные запреты настолько сузили круг принимавшихся к перевозкам грузов, что в закрытых для перевозок районах — Запад и Вена — наряду с каменным углем для нужд железных дорог могли доставляться лишь самые важные грузы, необходимые для поддержания жизни населения.

Положение не улучшилось и в январе 1945 г. В одном из отчетов указывалось: действия противника не прекращаются и пропускная способность железных дорог продолжает резко снижаться. Полностью вышли из строя важнейшие железнодорожные узлы и главные линии, а также многочисленные товарные станции и пас-

сажирские вокзалы, паровозные депо, путевые сооружения (среди них многие мосты через Рейн). Деятельность авиации противника на западе настолько активна, что на многих участках имперских железных дорог (Франкфурт-на-Майне, Майнц, Кельн) необходимы ежедневные запреты перевозок. Во второй половине января эксплуатационные условия в результате сильных морозов и больших снегопадов, прежде всего в районах Дуная — Альп, а также Рура — Вуппера, осложнились. Несмотря на продолжающиеся решительные запреты перевозок, никакой разгрузки не наступает, так как необходимы большие военные перевозки, а положение на востоке становится все напряженнее (транспорты с беженцами, непосредственные военные действия).

18 января 1945 г. было запрещено принимать грузы от и до всех железнодорожных станций на территории Германии (запрет № 67). Исключение составляли только некоторые военные грузы, перевозки горючего и цистерн целыми составами, затем нормированные ближние перевозки, срочные грузы, а также перевозки медикаментов. Из числа упакованных грузов к отправке разрешалось принимать лишь оружие, боеприпасы и оборудование связи, а также производить внутренние перевозки.

Затем во всех районах страны стали ощущаться трудности с подачей локомотивов в результате длительного нахождения составов в пути, опозданий поездов и значительной убыли железнодорожного персонала по болезни.

В феврале 1945 г. указанный выше запрет был ослаблен. Однако соответствующие власти все еще не могли прийти к соглашению по вопросу о методах регулирования перевозок; система запретов продолжала действовать, трудности на отдельных участках (в первую очередь с углем и семенным материалом) возрастали.

Примерно в конце февраля в одном из отчетов указывалось: «В результате бомбардировок Германии, которые за последние 10 дней приняли невиданные до сих пор размеры, общее положение еще более ухудшилось.

Подача вагонов, составлявшая в начале года около 80 тыс. в сутки, уменьшилась примерно на 50% и достигает лишь 25% нормальной; период оборота вагонов повысился более чем до 20 дней (против обычных 6 дней); особенно неблагоприятно сказываются разрушения средств связи. Целесообразное распределение вагонов стало невозможным; количество составов, находившихся в пути, увеличилось за несколько дней с 1500 до 2200».

Количество составов, находившихся в пути, оставалось неизбежно большим по следующим причинам: на линиях находилось много поездов с массовыми грузами без указания места назначения. Если учесть, сколько осталось у Германии территорий, видно, что под грузы подавалось слишком много вагонов; применение бурого угля вело к удлинению сроков пробега и массовым опозданиям поездов; при потере территорий поезда, которые не могли попасть в занятые противником пункты назначения, останавливались и закрывали пути; операции по разгрузке находившихся в пути составов осуществлялись слишком медленно.

Напряжение на железных дорогах Германии продолжало возрастать. Для ликвидации последствий воздушных налетов на транспортные сооружения требовалось уже 800 тыс. человек вместо прежних 140 тыс. Кроме того, на железных дорогах начались специальные операции по восстановлению разрушенных средств связи и сигнализации, а предприятия электротехнической промышленности, точной механики и оптики получили задания о предпочтительном производстве соответствующего оборудования.

В марте 1945 г. продолжавшиеся воздушные налеты, основная тяжесть которых попеременно переносилась из одного района Германии на другой, вызвали новые значительные разрушения транспортных сооружений и узловых железнодорожных пунктов. Временами Рурская область располагала лишь одной линией, связывавшей ее с другими районами (через Педерборн — Хильдесгейм). подача порожняка все более затрудня-

лась. Новый запрет отгрузок, изданный имперским министром транспорта 19 марта 1945 г. (запрет № 75), поразному затрагивал отдельные районы в зависимости от положения в них и содержал детализированную и не поддающуюся обзору массу отдельных частных указаний. На издание всеобщего запрета, который подготовил бы почву для перехода к системе нормирования, все еще никто не мог решиться.

На этом полностью прекращается составление каких-либо отчетов. В итоге всего осталось в 5 раз уменьшившееся количество вагонов, которых не хватало для того, чтобы во всех случаях обеспечить перевозки необходимого железным дорогам угля.

Внутреннее судоходство как выход из транспортных затруднений. Внутреннее судоходство длительное время считалось «потенциальным резервом» транспорта, возможности которого во время войны нисколько не исчерпывались. Недостаток тоннажа, отсутствие возможностей ремонта и недостаток персонала ограничивали перевозки по внутренним водным путям. Возникал, естественно, вопрос, имеется ли возможность найти выход из этих трудностей в условиях крайнего обострения положения с перевозками.

Однако и здесь одна трудность сменялась другой. В конце декабря 1944 г., когда железные дороги особенно нуждались в помощи, сильные морозы заставили остановить навигацию по Одеру и Эльбе. В результате разрушений от воздушных налетов сквозные перевозки по Среднегерманскому каналу оказались невозможными. Судоходство по Рейну было нарушено вследствие того, что противник разрушил мост Кёльн — Мюльгейм. В январе 1945 г. в фарватер обрушился мост на Рейне у Нойвида; на расчистку обломков требовался месяц. Дортмунд-Эмский канал сразу же после ликвидации последствий предыдущего воздушного налета снова был поврежден у Ладбергена; на его восстановление необходимо было от 7 до 10 дней. Лед в портах вызвал приос-

тановку перевозок на Эльбе и Одере. В конце января создалась угроза, что тоннаж речного флота в 800 тыс. тонн в районе Одера попадет в руки противника. Среднегерманский канал был снова восстановлен, однако поврежденный участок по оборонным соображениям еще не был снова заполнен водой. Судоходству по Рейну, как и прежде, мешали разрушенные мосты у Мюльгейма и Нойвида.

В феврале 1945 г. было прервано сообщение по Рейну у Кёльна. Судоходство по Эльбе осуществлялось полностью, за исключением некоторых помех у Дрездена (разрушение моста и затопление баржи). По Одере можно было плавать только ночью до Штеттина¹.

В марте 1945 г. обвал моста у Нинбурга и Реме прервал сообщение по Везеру; место повреждения обходили путем перегрузки на железную дорогу. На пограничных водных путях шли усиленные перевозки, однако не хватало погрузочных средств. По Эльбе наблюдались большие перевозки трюмных грузов, грузов для армии и продовольствия при избытке буксирных мощностей и достаточном количестве барж.

Вызванное обстоятельствами регулирование подачи вагонов на железных дорогах было распространено и на внутреннее судоходство, с тем чтобы путем комбинированных перевозок облегчить достижение наибольшего эффекта. Однако добиться коренной разгрузки транспорта было уже нельзя.

Кризис на транспорте в целом. В марте 1945 г. кризис на транспорте настолько обострился, что это привело к расшатыванию всей экономики. Общеэкономическое положение, в свою очередь, сказывалось на состоянии транспорта. Перевозки приостановились прежде всего потому, что не хватало транспортных средств для местных автоперевозок.

¹ Ныне польский город Щецин.

На местные перевозки влияло положение с топливом и то, что своевременно не были приняты меры по переходу на газогенераторные установки.

Трудности с транспортом возникли также потому, что не были обеспечены поставки необходимых количеств угля, и промышленность не справлялась с работами по восстановлению разрушенных транспортных объектов. Недостаток угля и плохое положение с восстановительными работами в промышленности во многом были связаны с проблемой транспорта. Короче говоря, разрушения, причиненные транспорту и всей экономике, были столь велики, что причины и их следствия перемешались и взаимно действовали друг на друга.

Однако стратегические взгляды руководства на транспортную проблему были совершенно иными. После оставления оккупированных территорий на западе и востоке был провозглашен приоритет «внутренних линий». Утверждалось, что замкнутая однородная территория Германии как военный плацдарм аналогична «позиции ежа». Небольшая протяженность транспортных линий (при их, как известно, хорошем и годном к интенсивной эксплуатации состоянии — идет ли речь о сети железных дорог, водных путях или автострадах и государственных шоссейных дорогах) якобы обеспечивала наиболее быструю передислокацию и тем самым необычайно повышала оборонную и наступательную силу¹.

Ошибочность этих рассуждений очевидна. Военные силы противника, ранее действовавшие на растянутом фронте, сосредоточились затем в значительно уменьшившемся районе наступления; следовательно, противник получил совершенно новые возможности концентрировать свои силы на отдельных наиболее важных участках и наносить быстро повторяющиеся систематические удары. Превосходство противника в вооружении было уже столь велико, что оно являлось более веским факто-

¹ Подобные утверждения содержались прежде всего в публикациях, предназначенных для зарубежного читателя, например в иллюстрированном журнале «Signal».

ром, чем концентрированное использование немецкого вооружения на сократившейся территории Германии. Развитие основных отраслей германской экономики (производство угля, энергетика, производство сырья и материалов, субпоставки и выпуск вооружения) дает неоспоримые доказательства этому.

Добыча угля, производство электроэнергии и газа

Состояние экономики во многом зависит от положения с транспортом, оно зависит также от снабжения электроэнергией. В описываемой здесь последней фазе Второй мировой войны снабжение углем ухудшилось в связи с положением на транспорте. Почти то же самое можно сказать об энергетическом хозяйстве, где, правда, прямые последствия воздушных налетов сказывались все больше и больше; снабжение газом также нарушалось в результате затруднений с транспортом и разрушений легко поражаемых газопроводов.

Добыча угля. До середины 1944 г. добыча каменного угля в Германии, как это уже было показано выше, держивалась на относительно высоком уровне. Правда, потребности в угле, как правило, превышали добычу, тем более что уголь все в больших количествах использовался как сырье для производства жидкого топлива, искусственного каучука (буны), в химической промышленности и т. д. Однако с помощью системы распределения всегда удавалось находить выход и удовлетворительное решение вопроса. С июня — июля 1944 г. положение с угледобычей все же стало быстро обостряться.

Вопрос со снабжением углем все более и более превращался из производственной проблемы в транспортную. Запасы угля в отвалах в Германии возросли с 2,3 млн. тонн в середине 1944 г. до 5,5 млн. тонн в декабре 1944 г. В других отраслях промышленности

подобное положение дел могло бы рассматриваться с военно-экономической точки зрения как показатель силы, но здесь оно принуждало к сокращению добычи и сопровождалось крайним сокращением запасов угля у потребителей. Так, в январе 1945 г. на железных дорогах имелся шестидневный запас угля, на тепловых электростанциях, работавших на угле, без дополнительного подвоза его могло хватить только на 11—12 дней, а многие промышленные предприятия из-за отсутствия угля находились накануне закрытия.

**ПОЛОЖЕНИЕ В УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1944—1945 ГГ.
(ГЕРМАНИЯ И ОККУПИРОВАННЫЕ СТРАНЫ)**

Период	Добыча	Запасы в отвалах
1944 г.		
Июнь	26,9	2,3
Июль	26,3	2,6
Август	22,6	3,6
Сентябрь	18,7	4,3
Октябрь	16,2	5,4
Ноябрь	14,2	5,4
Декабрь	14,3	5,5
1945 г.		
Январь	11,8	3
Февраль	7	—
<i>Источник: Данные Имперского объединения по углю.</i>		

Единый до тех пор военно-экономический организм Германии и в этом отношении стал распадаться на части. В юго-западных районах Германии, целиком или частично лишенных поставок рурского угля, вынуждены были приостановить производство важнейших, даже требующих немного угля видов вооружения; такие заводы, как Опель, БМВ, прекратили работу. На востоке

страны затруднения вначале испытывали лишь предприятия, потреблявшие для производства много угля. Когда, однако, в конце января из числа поставщиков угля выпала Верхняя Силезия, распределение угля пришлось полностью перестроить — ведь Верхняя Силезия еще в ноябре 1944 г. давала половину всей германской добычи угля. Ввиду неустойчивого положения на западе на железных дорогах использовался до этого именно силезский уголь, теперь же снова были вынуждены использовать рурский уголь, а затем все в большей мере переходить на бурый. В Руре же не хватало вагонов, чтобы, помимо спроса железных дорог, прочего транспорта и морского флота, обеспечить потребности в угле хотя бы еще электростанций и газовых заводов. Затем последовали потеря Саарской области (на которую приходилось 10% мощности всех угольных шахт) и практически прекращение сообщения с Рурской областью. Налеты истребителей-бомбардировщиков уже в конце февраля 1945 г. делали совершенно невозможной дневную работу железнодорожного транспорта в этом районе; узловые станции на участках использовать было невозможно. Среднедневная подача вагонов под уголь в Руре, составлявшая еще в феврале 1944 г. около 20 тыс. вагонов, сократилась к концу марта 1945 г. немногим больше чем до 700, причем и эти 700 вагонов не сразу могли покинуть участки. В середине марта в Германии ежедневно имелось 40 тыс. тонн угля, то есть 8% от количества, поступавшего год назад. Их хватало как раз на то, чтобы покрыть потребности транспорта (железных дорог, судоходства) и заводов по производству синтетического бензина; электростанции, газовые заводы, пищевая и военная промышленность если и получали уголь, то только за счет транспорта.

Признаки кризиса все более усиливались. На северо-западе Германии молочные заводы работали, например, только через день. На юго-западе движение по некоторым железным дорогам было полностью приостановлено, в Бадене 60% всех пекарен бездействовало. Использование отходов перегонки нефти временно об-

легчило положение с топливом в районах Ганновера, Фюрта и Вены и дало возможность продолжить выпуск важной военной продукции в Ватенштедте, Линце и на некоторых шарикоподшипниковых заводах. Однако это было лишь временное облегчение. В середине марта снабжение Германии углем практически прекратилось; когда в конце марта в результате наступления русских был потерян Рибницкий район, дневная добыча каменного угля сократилась до 4% от добычи, существовавшей еще в начале 1944 г.

Положение с добычей бурого угля в основном было таким же, как и с добычей каменного угля. Размеры добычи бурого угля также сокращались с конца лета 1944 г. Потеря оккупированных территорий здесь не играла никакой роли. Однако потеря угольного бассейна на левом берегу Рейна сказалась сильно. В середине февраля 1945 г. в результате развития военных действий на западе Германия лишилась более 18% всех мощностей по добыче бурого угля. В феврале военное положение принудило издать общий запрет погрузок в районе к востоку от Эльбы; нормированию подвергались лишь направления отправки грузов в зависимости от того, какие линии в этот период оставались свободными. В Средней Германии также наблюдались большие затруднения с транспортом, так как почти все передаточные станции вышли из строя и отгрузки производились по возможности водными путями. В районе Судет в результате больших налетов на Дрезден на путях сосредоточилось значительное количество составов. Области, пограничные с буроугольными бассейнами, снабжались в марте еще относительно хорошо, однако отдаленные районы были почти полностью лишены возможности получать бурый уголь. Подача вагонов под бурый уголь, составлявшая в ноябре 1943 г. и в октябре 1944 г. еще примерно 20 тыс. в день, снизилась до 9—13 тыс. вагонов в конце марта 1945 г. Таким образом, снабжение бурым углем было сильно подорвано в результате войны и не могло компенсировать недостатка в каменном угле.

В заключение следует указать, что и положение с коксом ухудшилось прежде всего в результате потерь оккупированных территорий. Затем начали сказываться затруднения с транспортом. Отвалы кокса все более и более увеличивались. (Запасы коксовых батарей в июле 1944 г. составляли 0,8 млн. тонн, а в декабре — 3,2 млн. тонн). Это принудило сократить работу коксовых батарей, так как дальнейшее накапливание кокса в отвалах было невозможно. Кроме того, сказались и последствия воздушных налетов. В течение нескольких месяцев добыча кокса в Руре сократилась на 1/5, а на всей оставшейся территории — примерно на 1/3 от уровня на начало 1944 г.

Производство электроэнергии. Положение с транспортом вызывало все более пагубные последствия: нет вагонов — нет и угля; отсутствие угля означает одновременно отсутствие электроэнергии и газа.

Производство электроэнергии на протяжении ряда лет являлось узким местом военной экономики Германии. Теперь положение значительно ухудшилось. Вначале потребности на 1944 г. определялись в 10,9 млн. кВт; но затем они уменьшились в результате ущерба от воздушных налетов и затруднений со снабжением углем во всей промышленности до 9,4 млн. кВт. Однако и эти уменьшенные потребности не могли быть полностью удовлетворены. Уже в декабре 1944 г. 15,5% общей мощности электростанций было выведено из строя в результате воздушных бомбардировок. Одновременно 9,1% мощностей выбыло по причине внеплановых ремонтных работ. Далее, вследствие затруднений со снабжением каменным углем в конце 1944 г. были недоиспользованы мощности примерно в 0,5 млн. кВт (3,4% всех мощностей электростанций). Таким образом, в целом уже в конце 1944 г. недоиспользовалась 1/3 мощности всех электростанций.

Однако трудности все более увеличивались. Объем ремонтных работ временами снижался, правда, только

потому, что важные объекты попадали в руки противника и больше не нуждались в ремонте. Водный режим вполне давал еще возможность несколько облегчить трудности. Воздушные налеты по своей силе, однако, значительно возросли и систематически повторялись на одни и те же объекты, так что восстановительные работы на электростанциях были невозможны. Производство электроэнергии, уменьшившееся с 4,3 млрд. кВт/ч в марте до 3,8 млрд. кВт/ч в декабре 1944 г., пришлось еще более сократить, так как поставки каменного угля на теплоэлектростанции с января по март 1945 г. уменьшились более чем вдвое.

Положение со снабжением электроэнергией в отдельных районах было резко различным, так как, несмотря на развитую электросеть, возможности передачи энергии из района в район были ограничены. Перегрузка линий передач приводила временами к снижению частоты до 44 периодов и тем самым к сильному падению напряжения (повреждение средств производства!). Временная передача электроэнергии из Средней Германии на запад вызывала нехватку электроэнергии в районах, ее отдающих. Приходилось все более и более ограничивать потребление электроэнергии для бытовых целей и мелких предприятий — в Рурской области уже в декабре ток подавался лишь в исключительных случаях; аналогичное положение наблюдалось и в восточных областях, близких к району военных действий. Перераспределение электроэнергии между крупными промышленными потребителями (производство легированных сталей, алюминия, химическая промышленность) только отдаляло, но не устраняло трудности. Развитие событий на востоке в конце января 1945 г. вызвало отключение новых мощностей. Особые трудности со снабжением электроэнергией возникли в Баварии, Австрии, Бюртемберге и Бадене. В марте 1945 г. распадение всей электросети в Западной Германии на отдельные звенья стало фактом. Некоторым шахтам в Руре грозило затопление, однако в

результате повреждения линии передач ток с гидроэлектростанции в Форальберге больше не мог передаваться на север.

Производство газа. В отличие от электроэнергетического, газовое хозяйство Германии не имело охватывающей всю страну единой распределительной сети; эта сеть имелась лишь в отдельных, в достаточной мере не связанных друг с другом районах. 2/3 всех газовых заводов местного значения находилось в Рурской области, а с учетом основных газопроводов в Руре находилось и базировалось на рурский уголь около 3/4 мощности всего общественного газового хозяйства. Следовательно, разрушения в Руре имели серьезные последствия для всей страны.

В октябре 1944 г. подача газа в результате воздушных налетов сократилась против уровня в марте 1944 г. в среднем примерно на 1/4; по отдельным районам сокращение подачи газа было резко различным. Но дело этим не ограничилось. До февраля — марта 1945 г. количество газа в газопроводах Рура, а также Саара сократилось на 1/3; в Средней Германии падение подачи газа достигло 2/5. Повсюду сказывались как выход из строя мощностей, так и совершенно недостаточное снабжение углем; к тому же снабжение потребителей газом ухудшилось и в результате порчи газопроводов. Вначале более успешно работали газовые заводы местного значения; однако уже в начале февраля участились сообщения о закрытии вследствие нехватки угля важнейших газовых заводов в Мюнхене и Нюрнберге; в самое ближайшее время предстояло закрытие предприятий в Габлонце, Дрездене и др.

Развал угольного, электроэнергетического и газового хозяйства не остался без последствий. Он вовлек в водоворот остальные отрасли — производство основных видов сырья, обрабатывающую промышленность и машиностроение, строительную промышленность и прежде всего производство вооружения. При

этом нельзя было не ожидать непрерывного нарастания трудностей; на отдельных участках наступало временное облегчение (например, со снабжением углем в результате использования отходов с нефтеперегонных заводов), однако в целом отрицательно действующие факторы, как правило, накапливались.

Производство основных видов сырья и материалов

Выше уже было показано, что производству основного сырья и материалов в Германии до середины 1944 г. практически не было причинено значительного ущерба. Правда, объем производства в этой отрасли, несмотря на соответствующие планы, не увеличился, но все же в целом оставался, за некоторыми исключениями, на уже достигнутом уровне. Затем положение изменилось. Все усиливающееся сокращение выпуска продукции сначала затронуло область производства топлива, затем оно распространилось на химическую промышленность и на все остальные важнейшие отрасли производства сырья и материалов; в конечном итоге это способствовало упадку обрабатывающей промышленности.

При этом в первую очередь и особенно сильно пострадало производство наиболее важных в военном отношении видов сырья и материалов.

Жидкое топливо. Нет необходимости останавливаться на военном значении производства жидкого топлива; недаром у союзников еще в Первой мировой войне появилось крылатое выражение: «они были вынесены к победе на волне нефти»¹.

До начала массовых воздушных налетов на предприятия нефтяной промышленности в мае 1944 г. в результате ряда различных мероприятий почти удавалось

¹ По этому вопросу см. также: *Ferdinand Friedensburg. Das Erdöl im Weltkrieg. Stuttgart.*

обеспечивать все потребности в жидком топливе. Хотя потребление авиационного бензина не обеспечивало осуществления широко задуманных планов командования военно-воздушных сил, все же в период наивысшего уровня производства, в марте 1944 г., было произведено и импортировано 185 тыс. тонн, а потреблено и экспортировано — 156 тыс. тонн; кроме того, на складах хранился запас в размере 3,6-месячной потребности. В марте 1944 г. потребление находилось на годовом уровне в 1,88 млн. тонн. С этим можно сравнить следующие плановые наметки на случай войны (в млн. тонн):

1938 г. (12 июля)	_____	3,0
1939 г. (июль)	_____	1,9
1943 г. (весна)	_____	3,0

Положение с бензином и дизельным топливом облегчалось в результате резкого сокращения гражданского потребления, но одновременно до 1943 г. значительно увеличивалось и их производство (а также импорт). В марте 1944 г., явившемся переломным месяцем, производство как авиационного, так и обычного бензина превышало запланированное на начало года.

Воздушные налеты на важнейшие предприятия по производству жидкого топлива, начавшиеся в мае 1944 г., приводили к уничтожению гидрогенизационных заводов. Только в этой отрасли производства топлива за период с мая 1944 г. по февраль 1945 г. было недополучено 2,8 млн. тонн, в том числе за первые 3 месяца — 1,7 млн. тонн. В ходе этих налетов производство гидрогенизированного топлива упало до 5% от уровня в мае 1944 г., то есть практически приостановилось. В результате военных событий на юго-востоке одновременно резко сократился импорт нефтепродуктов; объем его снизился до 10—15% объема импорта в начале указанного периода. Добыча нефти в самой Германии вначале форсировалась всеми способами; однако она ни в коей мере не могла возместить потерь, а затем также значительно сократилась в результате вступления в Австрию советских войск.

Общее поступление жидкого топлива упало к декабрю 1944 г. до 1/3, а в марте 1945 г. примерно до 1/5 первоначального уровня, при этом в первую очередь наиболее сильно снизилось поступление топлива для карбюраторных авиационных двигателей.

ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ ТОПЛИВА И БОМБОВЫЙ ГРУЗ, СБРОШЕННЫЙ НА ЗАВОДЫ ЖИДКОГО ТОПЛИВА

Период	Производство (в тыс. тонн)			Бомбовый груз, сбро- шенный на заводы жид- кого топлива (в малых английских тоннах)
	авиа- ционный бензин	обычный бензин	дизельное топливо	
1944 г.				
Январь	159	118	117	114
Февраль	164	106	94	81
Март	181	134	100	0
Апрель	175	126	89	570
Май	156	94	74	5146
Июнь	52	75	69	17 697
Июль	35	48	69	21 404
Август	17	59	69	26 320
Сентябрь	10	48	52	10 997
Октябрь	20	53	57	12 542
Ноябрь	49	50	55	35 023
Декабрь	26	50	66	13 900
1945 г.				
Январь	11	50	64	12 505
Февраль	1	50	77	22 635
Март	—	39	39	30 937
Источник: «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy».				

Мероприятия, направленные на ликвидацию последствий воздушных налетов (программа Гайленберга), результатов не дали. На длительное время не могло быть успешным осуществление принципа — «сведение на нет последствий вражеских налетов путем восстановительных работ при самой интенсивной эксплуатации заводов, подвергающихся налетам». В результате самоотверженной работы некоторые заводы восстанавливались по 5—6 раз, однако они снова подвергались уничтожающим налетам. К тому же превосходство противника в воздухе было так велико, что начиная с 1945 г. уже не оставалось времени для осуществления восстановительных работ в промежутках между воздушными налетами; заводы разрушались до окончания ремонта. Осуществление задуманной позже программы подземного строительства, по которой предусматривалось создание 7 крупных и большого количества мелких заводов синтетического горючего и нефтепродуктов, должно было обеспечить до конца 1945 г. ежемесячное производство в подземных условиях 300 тыс. тонн жидкого топлива (что почти соответствует уровню производства в I квартале 1944 г.). Однако, по данным иностранных источников, производственные мощности, введенные в действие к марту 1945 г., обеспечивали подземное производство всего 52 тыс. тонн жидкого топлива в месяц.

Эта перебазировка заводов под землю стала бесполезной, так как снабжение сырьем было подорвано по всем линиям (сокращение ввоза и производства в оккупированных странах, освобождение противником своих нефтяных районов и т. д.).

Здесь нет необходимости делать выводы о влиянии такого положения на ход военных событий — они ясны. При незначительных запасах топлива — запасы авиационного бензина в апреле 1945 г. составляли 11 тыс. тонн при месячной потребности в 195 тыс. тонн — падение производства должно было скоро привести к катастрофе; поставки топлива потребителям в различных отраслях хозяйства практически вообще пришлось прекратить. Это означало,

что предприятия были лишены совершенно необходимых смазочных материалов, прекращен выпуск всех тех изделий, особенно химических продуктов, сырьем для которых являются побочные продукты и отходы при производстве жидкого топлива, значительно сокращены автоперевозки, в результате чего произошло дальнейшее обострение транспортной проблемы. Если бы не воздушные налеты, то производство синтетического горючего в декабре 1944 г. превысило бы на 20% уровень его производства в январе 1944 г. Тем самым общий спрос на моторное топливо был бы покрыт даже без поставок из Румынии. Однако вместо этого собственное производство в Германии в конечном итоге давало лишь 1/4 запланированного количества. Таким образом, и на этот раз минеральное топливо превратилось в решающий военный фактор.

Химические продукты. Положение на химических заводах, включая заводы по производству синтетического каучука, было таким же. Химические заводы, сконцентрированные в отдельных пунктах и легко подверженные разрушениям, представляли собой легко уязвимую цель для англо-американской авиации. В этой отрасли также постоянно делались попытки восстанавливать разрушенные предприятия. В результате этих работ до конца 1944 г. удавалось поддерживать уровень производства, обеспечивающий самые необходимые потребности. Однако с начала 1945 г. и это стало невозможным. В результате воздушных налетов спрос на химические продукты в обрабатывающей промышленности постоянно снижался, и за счет этого временами создавалось своеобразное «полное удовлетворение спроса». Однако для ведения войны уровень снабжения химическими товарами был крайне низким.

В частности, с весны 1944 г. по февраль 1945 г. производство азота, метанола, соды и азотной кислоты сократилось на 90%, таково же было падение производства синтетического каучука (буны); выпуск карбида и серной кислоты упал на 2/3, производство синтетических жирных кислот с января 1945 г. вообще прекратилось.

**ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШИХ ХИМИЧЕСКИХ ПРОДУКТОВ
В 1944 — НАЧАЛЕ 1945 Г. (В ТЫС. ТОНН)**

Период	Азот	Синтетический каучук	Метанол (чистый)	Сода	Азотная кислота
1944 г.					
Январь	70	11,6	25,3	113	74,7
Февраль	72	11,2	23,1	110	80,9
Март	84	12,7	16,4	115	75,7
Апрель	86	11,5	21,4	121	69,7
Май	69	8,9	17,4	127	72,3
Июнь	63	10,7	20,6	128	70,4
Июль	57	10	13	132	62,8
Август	44	6,2	9,6	124	59,7
Сентябрь	40	4,9	5,2	100	59,1
Октябрь	37	5,7	10,1	91	46
Ноябрь	24	5,6	11,2	68	50
Декабрь	21	1,8	4,6	50	—
1945 г.					
Январь	8	—	2,5	10	8
Февраль	6	—	—	—	—

Источник: «Statistische Schnellberichte des Planungsamtes».

В результате развития военных событий на западе сконцентрированные в значительной мере в этой части страны химические предприятия довольно скоро оказались в зоне военных действий; вскоре они вообще попали в руки противника.

Черные металлы. Производство стали в Германии и в оккупированных ею странах в целом за 1944 г. должно было составить 37,2 млн. тонн, то есть 3,1 млн. тонн в месяц. В I квартале 1944 г. этот запланированный уровень производства был почти достигнут; производство стали в оккупированных странах за январь — март составило 1,47 млн. тонн (около 0,5 млн. тонн в месяц), превысив когда-либо ранее достигнутый уровень, а в самой Германии (включая присоединенные территории) — 7,7 млн. тонн (2,57 млн. тонн в месяц) по сравнению с максимальным уровнем в 8,06 млн. тонн за I квартал 1943 г.

**ПРОИЗВОДСТВО СТАЛИ В ОККУПИРОВАННЫХ СТРАНАХ
В 1943—1944 ГГ. (В ТЫС. ТОНН)**

Страна или область	1943 г.	1944 г.	
		первое полугодие	в целом
Польша	261	128	—
Мёрт и Мозель (Лотарингия)	1093	459	—
Бельгия	1704	544	—
Северная Франция	822	338	—
Голландия	161	70	—
Итого	4041	2408*	2648
<p><i>* Включая Северную Италию и Центральную Францию (869 тыс. тонн). Источник: «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy». Р. 253.</i></p>			

Затем, однако, произошел перелом. В результате наступления противника на Западе практически уже с III квартала 1944 г. находившиеся там заводы полностью прекратили производство, исходя из уровня производства в III квартале, это означает недополучение за весь 1944 г. более 3 млн. тонн стали.

К тому же начались усиленные воздушные налеты на металлургические заводы в самой Германии, особенно в районе Рура. При этом падение производства все в большей мере объяснялось повреждениями объектов, а не простоями во время воздушных тревог. Таким образом, прямое действие воздушных налетов усиливалось.

**СОКРАЩЕНИЕ ВЫПЛАВКИ СТАЛИ В ГЕРМАНИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ
ВОЗДУШНЫХ НАЛЕТОВ (В ТЫС. ТОНН, В ГРАНИЦАХ
СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЛЕТ)**

	Сокращение выплавки в целом	В том числе	
		в результате воздушных тревог	в результате разрушений
Северо-запад			
1943	1947	642	1305
1944	3477	780	2697
Юго-запад			
1943	184	183	1
1944	264	127	137
Прочие районы			
1943	148	130	18
1944	485	267	218
Итого			
1943	2279	955	1324
1944	4226	1174	3052
Источник: Данные Имперского объединения по стали.			

Только во втором полугодии 1944 г. было недовыплавлено стали около 3 млн. тонн.

К 1945 г. в Руре было получено только 2/3 обычного объема чугуна, а стали и проката — 3/4. После Рурской области в ноябре 1944 г. главным объектом налетов авиации противника стали металлургические заводы Средней Германии. Сначала были парализованы сталеплавильные и прокатные заводы, а в начале 1945 г. также и доменные. В феврале 1945 г. в Средней Германии в результате бомбардировок уже бездействовало 2/5 всех мощностей по выплавке чугуна и 2/5 по выплавке стали. Металлургические заводы на востоке и юго-востоке Германии сравнительно меньше пострадали от действий авиации, однако выход из строя мощностей в других районах сказывался и на всем объеме производства. Так, к февралю 1945 г. только в результате прямого и косвенного влияния воздушных налетов производство стали упало до половины того уровня, которого можно бы достигнуть, если бы не было налетов авиации. Кроме того, происходило сокращение производства из-за занятия противником отдельных районов.

В результате всех вышеуказанных обстоятельств производство стали сократилось к февралю 1945 г. до 0,6 млн. тонн против максимального уровня в 3,2 млн. тонн в марте 1944 г. В марте же 1945 г. оно, без сомнения, было еще меньше и не превышало 10—15% от первоначального уровня. Уже в конце 1944 г. выплавка стали «была значительно ниже уровня, необходимого для поддержания планового производства вооружения и военных материалов».

Прочие виды основного сырья и материалов. В данном случае нет необходимости подробно останавливаться на положении с производством всех видов сырья и материалов. Производство цемента, например, уже к концу 1944 г. снизилось до 600 тыс. тонн в месяц против почти 1,2 млн. тонн в середине 1943 г.¹ В 1943 г. ввоз алюминия из оккупированных стран достигал временна-

¹ Здесь и ниже по данным «Statistische Schnellberichte».

ми 4 тыс. тонн в месяц, а его ежемесячное производство в самой Германии составляло до 40 тыс. тонн; в декабре 1944 г. в Германии и в оккупированных ею странах было произведено всего не более 30 тыс. тонн алюминия. Производство электролитической и рафинированной меди за тот же период снизилось более чем в 2 раза (с 22 тыс. тонн ежемесячно в 1943 г. до 7—8 тыс. в декабре 1944 г.), таким же было положение с важнейшими легирующими металлами — ванадием, вольфрамом; сокращение производства марганца было еще большим.

Целлюлозно-бумажная промышленность в августе 1944 г. давала еще почти 15 тыс. тонн натронной целлюлозы, а в декабре того же года — только 6,4 тыс. тонн; производство бумаги за этот период упало вдвое. В области текстильного сырья наиболее сильно пострадало производство искусственного шелка, а также бумажной пряжи. В декабре 1944 г. было произведено искусственного шелка вдвое меньше, чем в августе.

Можно было бы привести много других соответствующих данных, подтверждающих правильность утверждения, высказанного в начале этого раздела, о том, что производство основных видов сырья и материалов в Германии с июля 1944 г. по февраль 1945 г. уменьшилось почти на 2/3.

Складские запасы. Поразительно, что при столь критическом положении с производством основных видов сырья и материалов, выпуск продукции обрабатывающей промышленности сократился в значительно меньшей степени. Действительно, к февралю 1945 г. объем производства в обрабатывающей промышленности уменьшился по сравнению с максимальным уровнем, достигнутым в июле 1942 г., примерно наполовину. Это относительно более устойчивое положение в обрабатывающей промышленности объяснялось главным образом наличием запасов основного сырья. В конце 1943 г.

стоимость складских запасов на различных ступенях промышленного производства оценивалась: сырья в 7,5 млрд. рейхсмарок, полуфабрикатов примерно в 12 млрд. рейхсмарок.

Эти запасы покрывали примерно 8—10-месячные потребности обрабатывающей промышленности. При этом речь частично шла о бережно накопленных запасах (например, цветных металлов), сделанных под руководством государственных организаций. Кроме того, многие промышленные предприятия сами стремились вложить хотя бы часть своих свободных средств в материальные ценности и поэтому держали большие запасы полуфабрикатов, которые нередко могли быть скрыты от контрольно-хозяйственных органов под видом «запущенных в производство».

Конечно, трудно точно установить, на какой срок могло бы хватить этих запасов. Во-первых, соответствующая статистика не дает данных, достаточных для определения, действительно ли эти склады находились в еще доступных районах страны; во-вторых, данные статистики являлись несколько устаревшими и, в-третьих, текущее поступление, то есть производство, в последние месяцы было так незначительно, что это вело к неоправданной переоценке значения имевшихся запасов. Наконец, большие запасы, как это было показано на примере с углем, не всегда являлись показателем хорошего состояния экономики.

С конца 1943 г. по конец 1944 г. сократились запасы только моторного топлива и некоторых легирующих металлов; запасы некоторых видов сырья даже возросли, частично в результате того, что в последний момент был организован их вывоз из оккупированных районов, и частично вследствие падения потребления.

Во всяком случае, мимо факта наличия запасов пройти нельзя. Эти запасы дали возможность обойтись без поставок черных металлов в первом квартале 1945 г., они значительно облегчили положение с алюминием и т.д. Прежде всего наличие запасов дало возможность

поддерживать снабжение основными химикалиями на более высоком уровне, чем это позволяли уменьшившиеся производственные возможности.

Конечно, на длительный период времени использование запасов не могло явиться выходом из затруднения в снабжении промышленности сырьем: чем дальше, тем сильнее на положении обрабатывающей промышленности сказывалось падение производства сырья. Однако резкое сокращение производства в обрабатывающей промышленности началось раньше, чем на ее работе полностью сказались трудности с сырьем.

Обрабатывающая промышленность

Во всех отраслях обрабатывающей промышленности, охватывающей, помимо производства вооружения, строительство, машиностроение, производство полуфабрикатов и деталей (субпоставки), а также потребительских товаров, произошло значительное падение производства. Это сокращение производства отчасти соответствовало намерениям руководителей государства, а частично было вызвано воздушными налетами, территориальными потерями, транспортными затруднениями, недостатком электроэнергии, газа, сырья и полуфабрикатов.

Потребительские товары. Все имеющиеся отдельные показатели, касающиеся производства предметов потребления, прежде всего говорят о значительном снижении выпуска продукции в этой отрасли. Это снижение началось весной 1944 г. и особенно усилилось в начале 1945 г.¹ С мая 1944 г. по январь 1945 г. стоимость валовой продукции пищевкусовой промышленности уменьшилась на 14%, а во всех остальных отраслях

¹ Здесь и ниже по данным «Statistische Schnellberichte».

производства потребительских товаров — на 40%. При этом большая часть выпускавшейся продукции предназначалась для армии и связанных с ней организаций.

В результате такого развития промышленности население Германии в течение 1945 г. должно было получать предметов потребления на 85—90 % меньше, чем в довоенное время.

К тому же положение со снабжением в отдельных частях Германии было еще хуже, чем об этом можно судить по данным о производстве. Калорийность получаемых средним потребителем продуктов, составлявшая в середине 1943 г. более 2 тыс. калорий против примерно 3 тыс. калорий в 1936—1938 гг., снизилась затем до 1412 калорий на человека в день. Однако из-за затруднений с транспортом и это количество не везде удавалось полностью обеспечить. Трудности с перевозками мешали даже распределению текстильных товаров, собранных в порядке пожертвований. 6 млн. беженцев удалось снабдить предметами домашнего обихода лишь в совершенно недостаточных количествах.

Машиностроение, строительство. Осенью 1944 г., в условиях ухудшившейся обстановки, было отдано распоряжение о большом сокращении производства машин. Поскольку около 100 тыс. рабочих было переведено в военную промышленность, в I полугодии 1945 г. следовало ожидать сокращения производства в машиностроении по сравнению с 1943 г. примерно на 1/3. В действительности, если судить по немногим имеющимся документам¹, уже в конце 1944 г. — начале 1945 г. наступило сокращение производства почти на 2/5, которое, вероятно, продолжалось и в 1945 г. Практически по причинам транспортных затруднений снабжение народного хозяйства машинами прекратилось.

¹ По данным специального опроса Управления военно-хозяйственного планирования.

Положение в строительной промышленности было в основном таким же, что и в машиностроении. Объем промышленного производства в этой отрасли в 1944 г. едва поддерживался на уровне 1943 г. В конце 1944 г. последовало всеобщее запрещение нового строительства и, кроме того, сильное сокращение снабжения цементом незаконченных строительством объектов. Так, еще в январе 1945 г. было выделено 500 тыс. тонн цемента, но уже в феврале вместо 400 тыс. выдано только 150 тыс. тонн цемента. Сокращение произошло в военно-промышленном строительстве, армейских стройках и лишь во вторую очередь — в строительстве химической промышленности. Ограничения следовали за ограничениями. Даже по чрезвычайному плану строительства предприятий черной металлургии продолжали строить лишь те объекты, которые должны были быть готовы к 1 апреля 1945 г. (при этом исходили из того, что эти объекты находились в районах страны, располагавших избытком электроэнергии; практически едва ли это было так). Строительство электростанций было прекращено. Перевод заводов под землю больше не осуществлялся. В конце марта 1945 г. программа строительства была ограничена минимумом, что также являлось признаком истощения производительных сил. «Программа чрезвычайного строительства», составленная к этому времени, предусматривала только восстановление гидрогенизационных и энергетических установок (программа Гейленберга), новое строительство в сжатые сроки надземных и подземных гидрогенизационных установок; восстановление транспортных сооружений, строительство железнодорожных путей и ремонтных мастерских для железных дорог; строительство аэродромов для мощных самолетов и постов воздушного наблюдения; мероприятия по проведению восстановительных работ в Руре, несколько специальных военных программ. Даже этот перечень показывает, что допускаемый объем строительства был чрезвычайно мал и

явно недостаточен для равномерной работы военной промышленности и нормального хода военного производства.

Производство деталей и частей. Нарушение работы транспорта вызывало наиболее тяжелые последствия в производстве деталей и частей, осуществляемом широко разветвленной сетью заводов субпоставщиков. Хотя производство некоторое время и могло продолжаться на базе имеющихся запасов сырья, поставки для потребителей были не обеспечены.

Приведем некоторые приблизительные данные из этой обширной области. Производство литья к февралю 1945 г. сократилось на 1/2, это же относится к выпуску поковок и литой стали, производство проволоки сократилось меньше чем до 1/3. Автомобильные рессоры в начале 1945 г. производились в количестве вдвое меньшем, чем летом 1944 г., производство спиральных пружин для оружия снизилось еще сильнее, пружины для самолетных люков вообще не производились. Выпуск листовой пружинной стали уменьшился на 75%, обычных пружин — на 66%. Производство поршней, а также радиаторов и коленчатых валов для автомобилей уменьшилось на 1/2. Несколько лучше обстояло дело с выпуском подшипников качения и скольжения, шаровых соединений и шарниров Гука, шариков и роликов.

Ограничение производства на предприятиях потребителей, то есть на заводах, производивших готовое вооружение, происходило частично само по себе, так как спрос упал в связи с сокращением объема программ. Кроме того, была сделана попытка регулировать спрос через управления по распределению заказов. Наконец, был организован обмен сырьем и материалами между предприятиями, который, однако, развивался во многих случаях слишком медленно и начался с большим опозданием.

В целом промышленность, занимающаяся субпоставками для военного производства, была еще в сравнительно лучшем положении, чем другие отрасли промышленности, о которых писалось выше. Как звено цепи, расположенное ближе всего непосредственно к военному производству, эта промышленность могла поддерживать производство вооружения и военных материалов. Однако чем дальше, тем сильнее резкое ухудшение положения в других отраслях промышленности и особенно в производстве основных видов сырья и материалов оказывало непосредственное воздействие на производство вооружения и военных материалов.

Военное производство в последний период войны

Общая характеристика. Последствия катастрофически обостряющихся трудностей во всех сферах экономики не пощадили и военного производства Германии. Внешне это проявлялось в следующем: максимум производства в июле 1944 г. явился наивысшим уровнем производства вооружения и военных материалов, который когда-либо достигался Германией; затем началось снижение, прерываемое короткими фазами подъема, и, наконец, производство быстро покатило к полному развалу.

ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ГЕРМАНИИ С ИЮЛЯ 1944 Г. ПО МАРТ 1945 Г.

Период	Производство		Изменение по отношению	
	млрд. рейхсмарок*	январь — февраль 1942 г. =100	к предыдущему месяцу	к июлю 1944 г.
			млрд. рейхсмарок	
1944 г.				
Июль	2,99	322	—	—

Период	Производство		Изменение по отношению	
	млрд. рейхсмарок*	январь — февраль 1942 г. =100	к предыдущему месяцу	к июлю 1944 г.
			млрд. рейхсмарок	
Август	2,76	297	— 0,23	— 0,23
С е н т я б р ь	2,80	301	+ 0,04	— 0,19
Октябрь	2,54	273	— 0,26	— 0,45
Ноябрь	2,49	268	— 0,05	— 0,50
Декабрь	2,45	263	— 0,04	— 0,54
1945 г.				
Январь	2,11	227	— 0,34	— 0,88
Февраль	1,62	175	— 0,49	— 1,37
Март	1,34	145	— 0,28	— 1,65
* В неизменных ценах.				
Источник: «Rüstungsindex des Planungsamtes».				

В течение 8 месяцев военное производство Германии было отброшено до уровня июня 1942 г. Таким образом, работа 24 месяцев была сведена на нет за треть этого времени. Притом в это же время военное производство противников Германии резко возросло. В середине 1944 г. только Соединенные Штаты выпускали вооружения в 3,5 раза больше, чем Германия, а к февралю—марту 1945 г. — даже если считать неизменным уровень американского производства — выявилось восьмикратное превосходство в вооружении одних только американцев.

При рассмотрении отдельных отраслей военного производства существенных отклонений от общей тенденции не обнаруживается. Выпуск военно-морского и военно-

воздушного вооружения снизился до уровня начала 1942 г., то же можно сказать о производстве пороха и тягачей; производство в автомобильной промышленности сократилось еще сильнее. Выше чем на среднем уровне было производство артиллерийско-стрелкового вооружения и танков, а также боеприпасов, представлявших собой новые важнейшие участки военного производства. Остатки старых планов, а именно «программы обороны» и в особенности «программы вооружения пехоты», продолжали осуществляться на прежнем высоком уровне. Прежде всего здесь следует указать на производство легкого пехотного оружия (винтовки, автоматы, автоматические винтовки), тяжелого пехотного вооружения (новые минометы калибром 210 мм и легкие пехотные пушки). Из боеприпасов предпочтительно производили патроны для автоматов, снаряды для 37- и 88-миллиметровых зенитных пушек и в наибольшей степени — противотанковые фауст-патроны. До самого конца войны был высоким выпуск 38-тонных самоходных установок.

Однако что могли значить эти отдельные успехи, являвшиеся в тех условиях исключением? Производство тяжелого оружия (легкие и тяжелые полевые гаубицы), имевшего решающее значение, самолетов, танков, боеприпасов для тяжелого оружия настолько сократилось, что было невозможно организовать регулярное и достаточное пополнение. Военные последствия подобного развития очевидны.

Последние усилия. Позицию руководителей Германии в условиях падения военного производства можно отчетливо проследить на нескольких этапах.

Сначала была занята выжидательная и уклончивая позиция. Производство отдельных видов вооружения все еще возрастало, и в целом индекс военного производства в сентябре снова возрос по сравнению с августом 1944 г. Возникает вопрос, не был ли этот индекс просто неправильно подсчитан. Ведь такой показатель, в конечном итоге, не определяет технической

мощности оружия; возможно, он не учитывал и последних достижений в создании новых видов вооружения.

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ,
ПРОИЗВОДСТВО КОТОРЫХ ВЕСНОЙ 1945 Г.
НАХОДИЛОСЬ НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ**

Вооружение и военные материалы	Единица измерения	1944 г., июль	1945 г.		
			январь	февраль	март
Винтовки	тыс. штук	—	8,4	19,9	24,7
Автоматы выпуска 1938 и 1940 гг.	тыс. штук	11,4	25,7	30,0	30,0
Автоматические винтовки	тыс. штук	20,5	41,7	34,3	48,6
Огнемёт «W-41/42/46»	тыс. штук	3,8	4,7	6,4	8,1
Миномёт 210 мм	штук	—	45	30	18
Легкие пехотные пушки	штук	190	204	165	180
Боеприпасы для автоматов (марки МП-44)	млн. штук	46,8	110	100	70
Боеприпасы для 37 мм зенитных пушек	млн. штук	2	2,4	2,4	2,6
Боеприпасы для 88 мм зенитных пушек	млн. штук	1,1	1,2	1,26	1,1
Фауст-патроны большие	тыс. шт.	120	1200	1150	429
Фауст-патроны малые	тыс. штук	72	6	6	523
Самоходные установки 38-тонные	штук	83	436	401	301

Источник: «Unterlagen des Planungsamtes».

Методически можно соединить данные по отдельным видам вооружения и военных материалов и дать общую картину по своему усмотрению, но падение производства все же осталось фактом; оно усилилось в октябре 1944 г. и затем неудержимо продолжалось вплоть до полного развала.

Следующий этап проходил под знаком, если так можно выразиться, применения «малых средств» против падения производства. Считалось, что нет необходимости во всех случаях выпускать новую продукцию; ремонтные работы при тех обстоятельствах считались более рациональными. За то время, которое необходимо для строительства одного корабля, можно отремонтировать несколько кораблей. Таким образом, в военно-морском строительстве был установлен приоритет ремонтных работ и ограничено строительство новых судов. В авиационной промышленности также был взят курс на предпочтительное усиление ремонтных работ. Во второй половине 1944 г. было отремонтировано около 6800 самолетов, из них почти 4 тыс. истребителей, почти 1000 самолетов тактической авиации и свыше 600 бомбардировщиков. Доля отремонтированных самолетов в общем числе самолетов, полученных армией, возросла с 18% в октябре до 25% в декабре 1944 г.

Далее, было прекращено конструирование новых видов вооружения, требующего длительного времени производства. В вооружении, находившемся в серийном производстве, по возможности избегали делать изменения в конструкции. Главное внимание уделялось производству простых, не требовавших большого количества сырья видов вооружения и военных материалов, испытанных уже с военной точки зрения. В этом отношении характерным примером является производство противотанковых фауст-патронов, выпуск которых с 0,4 млн. шт. в октябре возрос до 1,1 млн. шт. в ноябре и до 1,3 млн. шт. в декабре 1944 г. (на производство каждого фауст-патрона затрачивалось 8 рабочих часов, себестоимость была равна от 25 до 30 рейхсмарок). На отдельных узкоограниченных участках производства требования к качеству

продукции остались прежними, так как таким путем надеялись противостоять численному превосходству противника. Это относилось, в частности, к программе производства истребителей, исключительно марки «Me-262» — весьма хорошей машины. Самолеты этой марки выпускались в постепенно возрастающем количестве (сентябрь 1944 г. — 19; декабрь 1944 г. — 124; март 1945 г. — 286). Новые типы подводных лодок строились также в больших количествах, однако в рассматриваемые нами последние месяцы войны производство подводных лодок тормозилось в результате крупных воздушных налетов и потери производственных мощностей на восточных территориях. Из мелких подводных лодок строили преимущественно лодки марки «Тюлень».

Наконец, были приняты меры по упрощению формальностей при сдаче продукции и в результате сокращения времени прохождения продукции от завода к действующей армии был получен, по выражению компетентных организаций, разовый «прирост» в размере четырехнедельной продукции.

Но этими малыми средствами нельзя было ограничиться, так как падение производства продолжалось. Концентрированные воздушные налеты на Рурскую область парализовали работу предприятий черной металлургии и дезорганизовали деятельность транспорта.

ПЛАНЫ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ГЕРМАНИИ
И ИХ ВЫПОЛНЕНИЕ ВЕСНОЙ 1945 Г.
(СТОИМОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА
В ЯНВАРЕ — ФЕВРАЛЕ 1942 Г. = 100)

Вооружение и военные материалы	Дата составления плана	По плану				Фактически		
		январь	февраль	март	декабрь	январь	февраль	март
Танки	Декабрь 1944 г.	872	916	928	1208	557	385	221

Вооружение и военные материалы	Дата составления плана	По плану				Фактически		
		январь	февраль	март	декабрь	январь	февраль	март
Самолеты	9 января 1945 г.	371	384	411	597	231	168	136
Автомобили	Декабрь 1944 г.	110	118	131	152	60	44	—
Полугусенич- ные тягачи	5 декабря 1944 г.	261	294	310	385	147	129	—
Суда	Декабрь 1944 г.	374	397	402	362	164	143	109
Боеприпасы	5 декабря 1944 г.	351	372	380	—	224	191	157
<i>Источник:</i> Данные Управления военно-хозяйственного планирования.								

Планы военного производства должны были быть направлены на то, чтобы большая часть военной промышленности была сохранена до введения в действие новой системы противовоздушной обороны. Рассчитывали, что с осуществлением этой новой программы противовоздушной обороны за относительно короткий срок, в течение нескольких месяцев, предприятия Рурской области снова смогут начать работать и это даст возможность поднять военное производство. Последующие программы вооружения составлялись исходя из этой предпосылки. Они свидетельствуют о сильной переоценке возможностей Германии. Однако в конце декабря 1944 г. — начале января 1945 г. таковым было официальное представление об имевшихся еще возможностях развития военного производства.

События быстро развивались дальше. Воздушные налеты, кризис на транспорте, кризис в снабжении электроэнергией и металлами сами по себе вынуждали к новым

ограничениям, к тому же в конце января началось наступление советских войск¹, что привело к потере Верхней Силезии, которая, как и Познань — Западная Пруссия и район Варты, имела решающее значение в производстве артиллерийских орудий. Декабрьские планы оказались устаревшими; в январе планы военного производства были выполнены следующим образом (в %):

Танки _____	63
Самолеты _____	70
Автомобили _____	55
Полугусеничные тягачи _____	55
Судостроение _____	44
Боеприпасы _____	63

И такое всеобщее невыполнение проявилось уже в первый месяц после составления плана. Именно в этот период зародилась «чрезвычайная программа». Утверждалось, что «чрезвычайная программа» должна была действовать до того времени, когда в Силезии и Руре снова будет возможным начать военное производство.

Указанная программа должна была осуществляться в три этапа:

1) «Комплектование» важнейших видов снаряжения из готовых деталей, которые еще имелись в наличии вследствие длительности процесса производства в некоторых отраслях промышленности. Для транспортировки этих деталей до соответствующих предприятий создавались особенно благоприятные условия.

2) Изготовление других видов вооружения и военных материалов из текущей продукции предприятий.

3) Примерно с мая — июня 1945 г. должна была вступить в силу сама «чрезвычайная программа», рассчитанная на минимальные поставки черных металлов. «Теория» такого «комплектования» (I и II этапы реализации «чрезвычайной программы») была сформулирована следующим образом²: «Сильное сокращение производ-

¹ На самом деле крупное зимнее наступление советских войск в 1945 г. началось 12 января. — *Прим. ред.*

² По высказываниям Ганса Керля — ведущего работника Управления военно-хозяйственного планирования вермахта.

ства черных металлов не должно, по возможности более длительное время, влиять в особенности на военное производство. Многие из важных обеспеченных сырьем процессов производства требуют значительного количества времени для своего осуществления. Предусмотренный выпуск находящихся в производстве изделий может быть продолжен, если изготовление изделий будет обеспечиваться всеми средствами. Производство не должно срываться из-за недостатка дефицитных деталей.

Изготовление таких деталей для «комплектования» находящегося в производстве вооружения выступает в этих условиях на передний план». Далее указывалось: «При существующем положении решающим является осуществление в возможно большем объеме этого «комплектования», таким образом удастся задержать падение военного производства в ближайшие месяцы».

**ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ПРОГРАММА ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
В 1945 Г. (ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 1942 Г. = 100)**

Виды вооружения	План (первые два этапа)*			Фактическое выполнение
	март	июнь	август	март
Легкое пехотное оружие	215	294	126	270
Тяжелое пехотное оружие	351	443	422	162
Легкая артиллерия	444	572	572	208
Тяжелая артиллерия	233	237	237	178
Тяжелые зенитные орудия	373	389	389	227
Авиационное вооружение	136	191	191	168**

Виды вооружения	План (первые два этапа)*			Фактическое выполнение
	март	июнь	август	март
Дымометы	120	24	24	148**
Танки	715	126	126	221
Самолеты	280	—	—	136
<p>* Программа от 13 марта 1945 г., по самолетам (индекс количества) — от 21 февраля 1945 г.; эта программа в дальнейшем пересматривалась.</p> <p>** Февраль 1945 г.</p> <p>Источник: Данные Управления военно-хозяйственного планирования</p>				

Из таблицы видно, что в первые месяцы частично рассчитывали еще на рост производства (возрастающее «комплектование»), затем — на сохранение этого уровня и даже снижение. Новый рост военного производства предполагался в будущем, после возврата Рура и Верхней Силезии.

Но даже эти планы, значительно сокращенные и в заключительной фазе вообще не предусматривавшие производства многих важных изделий, уже при составлении не учитывали реальных возможностей. План был составлен в марте, когда, безусловно, были известны производственные возможности на март, и все же он был выполнен только по легкому пехотному оружию (продолжение выполнения программы вооружения пехоты); в значительной части (по самолетам, танкам, тяжелому пехотному оружию, легкой артиллерии) план был недовыполнен более чем наполовину уже в том же месяце, когда он был составлен. Тяжелых артиллерийских орудий производилось меньше, чем предусматривалось даже на самой низкой конечной ступени (3-й фазе) «чрезвычайной программы». Остальные отрасли

военной промышленности также приближались к этому уровню, как будто совершенно не было «комплектования» и тем самым улучшения положения за счет использования запасов. Действительно, использование запасов не могло уже улучшить положение с производством вооружения. Мощности, которыми еще сегодня располагали, на завтра оказывались в руках противника, а если они еще были в руках немцев, то нарушение средств сообщения и транспорта исключало возможности маневрирования.

При этом динамика наличия вооружения и военных материалов в действующей армии показывала явные признаки быстро приближавшегося военного кризиса. Характерно в этом отношении положение с наличием тяжелого пехотного оружия. С середины 1944 г. началось сокращение наличия этого вида вооружения, сначала в связи с отступлением на западе, а затем — на востоке. Летом 1944 г. фронт потреблял едва одну треть вновь произведенного в течение месяца тяжелого пехотного оружия, в октябре — уже 4/5. Общего наличия стрелкового оружия летом 1944 г., судя по имевшемуся в то время уровню потребления, могло бы хватить на 25 месяцев, а в октябре 1944 г. — уже только на 7 месяцев. К этому необходимо добавить два момента. Во-первых, с октября 1944 г. быстро сокращалось наличие вооружения, с другой стороны — с декабря 1944 г. началось быстрое падение военного производства. Уже в марте 1945 г. поступление вновь произведенной продукции составляло лишь 1/3 от (правда, особенно высокого) потребления на фронтах в августе 1944 г. Не было необходимости в специальных расчетах, чтобы увидеть, что обеспечение войск тяжелым пехотным оружием примерно к концу лета 1945 г. должно было бы полностью прекратиться.

Такая же картина наблюдалась и в отношении других видов вооружения: легкого пехотного оружия (хотя вначале производство его еще было в состоянии удовлетворить спрос), артиллерии и в особенности в отношении боеприпасов. Острота положения с производством боеприпасов

особенно быстро сказывается из-за кратковременности процесса их производства. Производство самолетов покрывало едва лишь половину потерь (если говорить об истребителях). В авиационной промышленности возникла перспектива полного развала через несколько месяцев.

Но, как почти всегда в мировой истории, крах наступил раньше математически подсчитанного срока. Общественные организационные формы, как и в 1918 г., развалились раньше, чем пришло к концу военное производство, и вооружение войск совершенно перестало пополняться.

Распад Германской империи

Весна 1945 года. В дни и недели, предшествовавшие падению Берлина, на улицах поспешно набранные группы горожан строили баррикады; ополченцы, плохо или совершенно не обмундированные, несли «службу», даже не имея оружия, и обучались применению фаустпатронов по картинкам немногих еще выходивших в свет газет, так как не хватало обучающего персонала; поток беженцев из восточных областей, воздушные тревоги, взрывы бомб, затемнение, развал городского транспорта, хвосты очередей перед плохо снабжаемыми продовольственными магазинами, беспорядочная, неорганизованная эвакуация учреждений, организаций и фирм в целях «дальнейшей работы» в центре, на севере и юге Германской империи.

В связи с этим ослабла центральная власть, прекратились совместная работа и согласование между ведомствами. Курьер за курьером покидали столицу Германии для того, чтобы восстановить прерванные связи; они или вообще не возвращались, или возвращались поздно, когда должно было приниматься новое решение. В народе говорили: курьерами не «излечиться» от развала¹.

¹ В оригинале игра слов: der Kurier — курьер, kurieren — лечить.

Полное нарушение связи и взаимодействия между отдельными имперскими управлениями в области военного производства наиболее ярко проявилось и официально было признано в соответствующих документах в период назначения так называемых «уполномоченных по вооружению». В своих районах эти особо уполномоченные действовали самостоятельно и по своему усмотрению от имени министра вооружения; таким образом, центральная власть сама выпустила бразды правления из своих рук. Отдельные районы стали полностью самостоятельными, управление военной промышленностью прекратилось. Центральное планирование было заменено ничем не регулируемой и не направляемой инициативой отдельных уполномоченных.

Правда, в продолжение старых традиций еще «форсировалось» выполнение особых программ. Программа производства зенитных орудий, составленная с учетом всей необходимости ее исполнения, должна была ликвидировать опасность воздушных налетов; однако упадок производства имел место и в этой отрасли военной промышленности.

Еще в марте 1945 г. особым уполномоченным по производству истребителей марки «Me-262» был назначен один из испытанных руководителей Главного комитета, с тем чтобы хотя бы в последние минуты добиться осуществления широких планов организации противовоздушной обороны Германии. Но в каких условиях проходила деятельность этого «уполномоченного»? Перед воротами важнейших заводов стоял уже противник, да и вообще взлет готовых самолетов не мог идти в ногу с их производством, так как не хватало специальных взлетных площадок. Рост производства приводил к росту трудностей по сдаче готовой продукции, так как забыли создать крупные аэродромы, необходимые для того, чтобы самолеты могли подняться в воздух и могли приземлиться в очень короткие сроки. Этот факт является еще одним свидетельством неудовлетворительности систематизации и координации планирования в последней фазе войны.

В заключение необходимо сказать несколько слов о состоянии промышленного производства в районах деятельности отдельных уполномоченных по вооружению. С мая 1944 г. по январь 1945 г. промышленное производство в стоимостном выражении по областям сократилось следующим образом (в %)¹:

Рейн — Рурна _____	43
Юго-Запад _____	58
Север _____	32
Центр _____	20
Бавария _____	28
Дунай — Альпы _____	9
Северо-Запад _____	34
Силезия, Судетская область, протекторат Чехия и Моравия _____	30

Продолжение этого статистического ряда было дописано историей. Противник вторгся в Германию со всех сторон, разрушил еще действовавшие кое-где военные заводы или захватил их. В апреле 1945 г., после 70 месяцев войны, судьба германской военной промышленности была решена.

* * *

Рассмотрим еще раз во взаимной связи некоторые из вышеприведенных фактов. Весной 1945 г. в Германии добывалось угля всего немногим более 4% по отношению к максимальному уровню, достигнутому ранее. Производство топлива на заводах по гидрогенизации снизилось до 5% от прежнего уровня. Важные химические продукты, такие как азот и метанол, производились в количествах, равных лишь 1/10 от прежнего уровня производства. Мощности сталелитейных заводов в Руре были на 3/4 разрушены или выведены из строя, государственные электростанции — более чем на 1/2. Имперские железные дороги могли предоставить лишь

¹ Подсчеты Имперской группы промышленности.

1/6 вагонов от того количества, которое они могли подавать еще только год тому назад. Производство товаров широкого потребления на душу гражданского населения сократилось до 10—15% от довоенного уровня. Прежде всего в течение нескольких месяцев военное производство сократилось вдвое при быстро таявшем наличии вооружения и возраставшем спросе со стороны действующей армии.

С экономической точки зрения и с точки зрения производственных возможностей промышленности больше не было шансов на победоносное окончание войны. Этот факт стал очевидным по крайней мере со времени перелома в производстве военных материалов в августе 1944 г.

Глава V

ПОПЫТКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

Общие замечания

Нижеследующие страницы написаны в последние месяцы войны, в январе — марте 1945 г., и, не считая некоторых дополнительных материалов, собранных позднее, остались в том же виде. В то время, в 1945 г., оценка состояния промышленного производства Германии и особенно военного производства с 1939 по 1945 г. казалась еще преждевременной.

Ганс Керль, бывший начальник Управления военнo-хозяйственного планирования Министерства вооружения, после войны опубликовал краткий отчет под названием «Военная экономика и производство вооружения». Он приходит к следующему решающему, на его взгляд, выводу: «Военная экономика и производство вооружения, способные удовлетворять нужды войны, возможны лишь при условии более или менее обеспеченной безопасности воздушного пространства». Этой безопасностью не было уже с весны или с середины 1944 г.

Это, безусловно, верно. Однако наряду с этим имеется ряд других выводов, которые наиболее удачно сформулировал английский экономист Николас Кальдор в своем докладе, сделанном в Манчестерском обществе статистики.

Использование военно-экономического потенциала какой-либо страны, как справедливо указывает Кальдор, зависит в первую очередь от следующих четырех факторов: имеющиеся производственные мощности, обеспеченность сырьем, положение с рабочей силой,

способности руководителей промышленности, инженеров и техников.

Что касается производственных мощностей, то в целом в течение всей войны в Германии не было постоянных серьезных узких мест. Конечно, возникали в отдельных отраслях по временам трудности, например в производстве электроэнергии, синтетического горючего, электростали. Но и эти трудности преодолевались более или менее действенно при помощи новых инвестиций или различных организационных мероприятий. Большой станочный парк, относительно непродолжительный рабочий день в машиностроении, абсолютное преобладание работы в одну смену — все это является убедительным доказательством того, что производственные мощности не являлись наиболее слабым звеном в военной промышленности.

В отношении снабжения сырьем Германия, как было показано выше, сильно зависела от импорта. Однако все рогатки в снабжении сырьем были с течением времени более или менее преодолены. Для решения сырьевой проблемы был предпринят ряд мер: рост производства сырья в самой Германии; ввоз сырья из присоединенных и оккупированных стран; использование трофеев, захваченных в ходе военных действий; увеличение импорта из неоккупированных стран и, не в последнюю очередь, перемещение потребления сырья в важные в военном отношении отрасли и сокращение потребления специфических материалов на единицу изделия. До середины 1944 г. не ощущалось затруднений общего характера в снабжении сырьем растущего военного производства. Конечно, при этом необходимо иметь в виду, что до 1942—1943 гг. рост военного производства был сравнительно небольшим. В случае сохранения тех темпов роста военного производства, какие были в 1943—1944 гг., вполне вероятно, что вскоре был бы достигнут предел, за которым наступила бы нехватка сырья.

В области использования рабочей силы в течение всей войны, по мнению Кальдора, оставались неисчер-

панними значительные резервы. Женский труд применялся сравнительно мало по причинам, указанным выше («соображения идеологического порядка», хорошее денежное обеспечение жен военнослужащих и т. д.). Однако вследствие отказа от использования на производстве значительной части немецких женщин пришлось усилить привлечение труда иностранцев и военнопленных. Использование труда иностранных рабочих не только способствовало снижению производительности труда и разглашению производственных секретов, но и имело еще более далеко идущие последствия: «Массовый угон населения приводил также к массовой партизанской войне», то есть к росту сопротивления в оккупированных странах и к обострению противоречий, имевшему для Германии роковые политические последствия.

Лишь незначительный рост среднего рабочего дня в промышленности (1939 г. — 47,8 часа, наивысший уровень в марте 1943 г. — 49,1 часа), так же как и динамика роста числа домашней прислуги, ясно показывает сохранение резервов в этой области. В Англии уже в 1943 г. домашней прислуги было на 2/3 меньше, чем в 1939 г., в Германии ее количество с 1939 по 1944 г. даже несколько возросло. Мнение Кальдора, что «самая точная проверка неполноты тотальной мобилизации в Германии может быть произведена на примере домашней прислуги», может быть признано правильным, но с оговоркой, так как домашние хозяйки могли заниматься высококвалифицированным профессиональным трудом, когда дома их заменяла низкоквалифицированная прислуга.

Военно-экономическая организация со всей ее неразберихой была уже описана выше. Учреждение генерального уполномоченного по экономике еще до войны, его упразднение — сразу же после начала войны; параллельное существование организаций вермахта и различных организаций министерств; создание новых министерств; непрерывное назначение особых уполномоченных, чрезвычайных комиссаров; отсутствие цен-

трализации всех этих властей в одной инстанции — все это лишь немногие постоянно встречающиеся примеры.

Кроме того, возникают и политические аспекты этого вопроса — параллельное существование правительства, армии и партии, а также иерархия властей, отдающих приказы, вплоть до Гитлера, который единолично принимал важнейшие решения. Эта военная экономика «стоит как монумент бесполезности, возникший в результате системы личной диктатуры». Кальдор судит об этом следующим образом: «В соответствии с современными понятиями организация военной экономики Германии ни в коем случае не может быть признана особенно действенной. И хотя (на бумаге) с началом войны все было подвергнуто твердому контролю, фактическое осуществление контроля было зачастую негибким и крайне поверхностным. Дело контроля страдало от наличия множества различных контрольных органов, сфера деятельности которых не была четко разграничена, а также от пристрастия нацистов к лишению власти обычных чиновников в пользу создававшихся в спешке специальных комиссариатов, которые непредусмотрительно и без соответствующего плана ставились над существовавшими ранее управлениями. Осуществлению контроля мешали постоянные трения и конфликты по вопросам компетенции между государственными и партийными чиновниками, мешал этому и принцип вождизма. Этот принцип означал, что никто, кроме фюрера, не имел полной власти по координированию и никто не был уверен в том, что он не будет снят со своего поста или не будет лишен ранее полученных полномочий. Хотя в отдельных отраслях экономики, в особенности тех, которые находились под контролем министерства Альберта Шпеера, а также в сельском хозяйстве, руководимом очень способным государственным секретарем Баке, достигли определенных положительных результатов, основная проблема ведения войны осталась не решенной до конца. Эта проблема — обеспечение надлежа-

щей координации и руководства, что является предпосылкой для всеобщей мобилизации всех сил и средств на ведение войны».

Развитие экономики под руководством Альберта Шпеера

Новая структура организации военной экономики под руководством Шпеера с начала 1942 г. до середины 1944 г. привела, безусловно, к значительным успехам. В этот период производство вооружения и военных материалов возросло в 3 раза; в результате единого планового руководства и индивидуальной инициативы был найден переход от ремесленного индивидуального производства к промышленному массовому производству.

Успехи в производстве, достигнутые под руководством Шпеера, Кальдор называет «единственным успехом, который может отметить военная экономика Германии».

При этом, как уже было сказано выше, вместе с ростом производства осуществлялась значительная экономия материалов на единицу изделий. По отношению к 1939—1940 гг. производство вооружения возросло втрое, а расход черных металлов увеличился только на 50%, потребление цветных металлов в этот же период значительно сократилось.

**ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ОБЩЕЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ
ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ СЫРЬЯ**

Год	Военная продукция (1940 г. = 100)	Потребление, тыс. тонн			
		сталь	медь	свинец	цинк
1939	—	—	315	220	232
1940	100	15 800	230	187	304
1941	101	—	278	226	332
1942	146	—	167	176	304

Год	Военная продукция (1940 г. = 100)	Потребление, тыс. тонн			
		сталь	медь	свинец	цинк
1943	229	18 600	140	145	261
1944	285	—	130	130	250
1944 (июль)	332	—	—	—	—

Одновременно было достигнуто значительное увеличение производительности труда. Безусловно, расчеты производительности для военного времени возможны лишь с большими оговорками, особенно в связи с тем, что перемещение заказов в оккупированные страны искажает действительную картину. При росте производства на 200% число занятых (в производстве готовой военной продукции и на предприятиях, непосредственно обслуживавших производство вооружения) возросло на 30% — это означает рост производительности на одного занятого примерно на 135%! Даже в условиях необычайного обострения трудностей во второй половине 1944 г. производительность каждого занятого была вдвое выше, чем в конце 1941 г. и начале 1942 г.

Остается упомянуть еще о технических новшествах и упрощении типов вооружения; большое число новых видов оружия находилось в производстве еще в конце 1944 г. и начале 1945 г.

Полный обзор технических аспектов в настоящем исследовании не может быть дан: новые реактивные самолеты, а также самолеты-снаряды — V-1 (ФАУ-1) и V-2 (ФАУ-2), новые типы подводных лодок являются характерными примерами. Что касается, например, пулемета 45 (с облегченным на 1/3 весом при вдвое большей скорострельности), новых электрических дистанционных взрывателей и многого другого, то для характеристики их производства нет соответствующих цифровых данных.

**ПРОИЗВОДСТВО НОВЫХ ВИДОВ ОРУЖИЯ
В КОНЦЕ ВОЙНЫ**

Период	Типы самолетов				Оружие		Типы подводных лодок	Малые подводные лодки	
	«Me-163»	«Me-262»	«Ar-234»	Всего	«ФАУ-1»	«ФАУ-2»	XXIII	«Тюлень»	«Саламандра»
1944 г.									
Июль	12	52	5	69	3000	—	4	—	38
Август	13	14	10	44	2771	—	4	—	125
Сентябрь	33	78	18	133	3419	—	7	3	110
Октябрь	61	116	40	226	3387	—	7	35	57
Ноябрь	22	78	40	166	1895	650	5	61	—
Декабрь	89	114	33	286	2600	618	5	70	28
1945 г.									
Январь	30	155	34	271	2000	700	—	—	—
Февраль	3	225	15	332	2482	616	—	—	—
Март	—	—	—	—	2027	490	—	—	—
Источник: «Statistische Schnellberichte».									

Сравнение производства вооружения в Первой и Второй мировых войнах дает представление о чрезвычайно больших усилиях по производству вооружения в войне 1939—1945 гг. Уровень военного производства в середине 1944 г. был примерно в 2—3 раза выше, чем в 1918 г., при несравненно большей эффективности произведенного вооружения, чем во время Первой мировой войны.

**ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ГЕРМАНИИ В ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ
МИРОВЫХ ВОЙНАХ (МЕСЯЧНЫЕ ДАННЫЕ)**

Вооружение и военные мате- риалы	Единица измере- ния	Осень 1918 г.	1944/45 г.	
			мак- симум	состояние на конец периода
Порох и другие взрывчатые вещества	тыс. тонн	12	70	29
Винтовки	тыс. штук	250	268	147
Стальные шлемы	тыс. штук	250	435	261
Пулеметы	тыс. штук	15	31	25
Полевые пушки	тыс. штук	2 — 2,5	5,6	2,75
Тяжелые орудия	штук	400— 500	323	163
Артиллерийские снаряды	млн. штук	11	27,5	21,1
Самолеты	штук	2000	4200	—

Опасные заблуждения

И все же было бы опасным заблуждением объяснить экономическое поражение Германии во Второй мировой войне «упущенными возможностями». Конечно, имеется целый ряд подтверждающих примеров. Так, указывают, что в 1940 и 1941 гг. существовала военная экономика, «сходная с экономикой мирного времени». В этом случае повторяется утверждение Раймонда В. Гольдсмита: «Теперь ясно, что преднамеренно медленный рост военного производства... был крупнейшей ошибкой, которую сделала Германия в области военной экономики, за которую она поплатилась потерей шансов на победу». Но, с другой стороны, если бы рост военного производства начался раньше (и был более интенсивным), то в конечном итоге это не дало бы шансов на победу. Так, например, подсчитано¹, что без усиления воздушной войны военное производство Герма-

¹ Kaldor. The German War Economy.

нии могло бы возрасти по отношению к максимуму, достигнутому летом 1944 г., еще на 20—30%. Но в этом случае производство вооружения натолкнулось бы на ограниченность сырьевых ресурсов, то есть на узкое место, которое неизбежно препятствовало бы росту военного производства.

**СНАБЖЕНИЕ ВАЖНЕЙШИМИ ВИДАМИ СЫРЬЯ В 1944—1945 ГГ.
(СНАБЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ В СЕРЕДИНЕ 1944 Г. = 100)**

Виды сырья	Страны-противники		Германия
	середина 1944 г.	начало 1945 г.	начало 1945 г.
Топливо	2920	3117	31
Уголь	220	252	80
Кокс	175	202	75
Железо и сталь	367	366	32
Марганец	881	907	94
Молибден	5000	5089	21
Никель	1378	1399	15
Вольфрам	887	887	51
Хром	453	464	0
Алюминий	358	291	76
Каучук	748	748	69
Взрывчатые вещества	228	294	138
Для сравнения: использование рабочей силы	136	192	44
Источник: Материалы Научно-совещательного отдела.			

Рост производства вооружения стран—противников Германии, который можно было предвидеть, был настолько велик, что даже при дальнейшем росте германского производства отставание Германии становилось бы все большим и большим. Приведенная выше таблица говорит об этих перспективах на основании докумен-

тально подтвержденных данных, имевшихся в Германии незадолго до конца войны.

У Германии не было никаких шансов экономически выиграть это соперничество заводов. Фактически Германия была решающим образом ослаблена в экономическом отношении в результате прежде всего воздушной войны и территориальных потерь. Если бы эти факторы не действовали так интенсивно, то и тогда, в конце концов, решающую роль сыграло бы превосходство противника в людях, сырье и производственных мощностях.

Бессмысленность войны и военного производства

Настоящее исследование преследует лишь информационные цели — показать развитие промышленного производства и в особенности военного производства Германии с 1939 по 1945 г. Однако в заключение целесообразно еще раз указать на экономическую бессмысленность войны, а тем самым и военного производства.

Война 1939—1945 гг. оставила после себя расстроенную финансовую систему, разрушенные производственные мощности, людские жертвы, последствия которых до сих пор не могут быть оценены даже приблизительно.

Государственный долг¹ возрос с 15 млрд. рейхсмарок по состоянию на 1 января 1933 г. почти до 390 млрд. марок в апреле 1945 г., что почти в 5 раз превышает национальный доход довоенного времени и более чем в 9 раз национальный доход 1946 г. Общее наличие ликвидных средств, характеризующее «избыток денег», в 1945 г. было в 5 раз больше, чем в 1938 г. Результат известен: обесценение валюты, материальные убытки, прежде всего у средних слоев и лиц с постоянной заработной платой, рантье и пенсионеров, изменение в распределении имущества, сопровождаемое сильным обострени-

¹ *Eduard Wolf. Geld- und Finanzprobleme der deutschen Nachkriegswirtschaft, «Die deutsche Wirtschaft zwei Jahre nach dem Zusammenbruch». Berlin, 1947. S. 195.*

ем социальных противоречий. Потери национального богатства, с точки зрения материальной ценности вещей, оценены Нишлагом¹ в 47% от уровня 1939 г., из которых, однако, 12—13% приходится на долю территорий, лежащих к востоку от Одера — Нейсе.

В отношении людских потерь некоторые исследователи² приходят к выводу, что «население Германии сократилось более чем на 6,5 млн. человек, в преобладающей части за счет незаменимых людей лучших возрастов». Из числа 2 млн. военнотружеников и гражданских лиц, которые были ранены или остались на длительное время инвалидами в результате войны, большая часть также не способна более к полноценному труду. Только на территории ФРГ на рубеже 1940—1950-х гг. проживало около 2 млн. пострадавших от войны. Из них только 470 тыс. человек получили легкие ранения.

Эти цифры относятся только к Германии и, таким образом, являются лишь частью общих итогов, касающихся всего мира. Да и одни цифры ни в коем случае не достаточны для того, чтобы показать размеры человеческих страданий, социального ущерба и потерь культурных ценностей.

То, что можно сказать о войне в целом, касается и военного производства. Пользуясь приблизительными данными, можно утверждать, что с 1939 по 1944 г. немецкая промышленность поставила для армии различных товаров на 120 млрд. рейхсмарок (в ценах 1939 г.). Это эквивалентно стоимости примерно 20 млн. квартир, то есть на эти средства каждой немецкой семье можно было бы предоставить совершенно новую квартиру. Этот экономический абсурд невозможно охарактеризовать лучше, чем это сделал Густав Штольпер в своей книге «Экономика Германии с 1870 г. по 1940 г.»³:

¹ Robert Nieschlag. Die Kriegssachschaden, «Die deutsche Wirtschaft zwei Jahre nach dem Zusammenbruch». Berlin, 1947. S. 37.

² См., напр.: Helmut Arntz. Die Menschenverlusten im zweiten Weltkrieg, «Bilanz des zweiten Weltkrieges». S. 443.

³ Gustav Stolper. Die deutsche Wirtschaft 1870 bis 1940. Stuttgart, 1950.

«Экономический строй Германии сам по себе... не делал необходимым ограничиться исключительно или преимущественно производством вооружения и другими непроизводительными целями и принести в жертву этим целям жизненный уровень народа. Очень легко заметить, что экономически одни и те же методы могли бы служить мирным целям, что можно было бы строить квартиры вместо военных укреплений, автомобили вместо танков, производить удобрения вместо пороха и, наконец, — экспортные товары для покрытия импорта масла вместо пушек. Как и в догитлеровский период, мирная Германия могла бы всегда найти рынки для своих товаров.

Решающее значение имели политические, а не экономические факторы».

ПРИЛОЖЕНИЯ

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Общие замечания

В период 1939—1945 гг. в Германии, как и во всех воевавших странах, промышленная статистика, особенно статистический учет количества произведенной продукции получила значительное развитие. Расширение статистического учета, соответствовавшее задачам того времени, происходило не всегда последовательно и систематически. В частности, если речь шла о «регулировании экономики», то есть о статистике, обеспечивавшей задачи контингентирования, распределения и контроля, различные системы статистических показателей особенно быстро сменяли друг друга.

Обычная статистика количества промышленной продукции при оценке ее данных нередко приводила к ошибочным выводам, так как на смену старым в качестве заменителей («эрзаца») приходили новые изделия, нередко худшего качества, а также потому, что в результате резкого разграничения в потреблении военного и «гражданского» секторов высокие показатели производства ни в коем случае не позволяли делать выводов о высоком уровне снабжения гражданского населения.

Применительно к Германии дополнительные трудности возникали в связи с неоднократными изменениями территории страны в период с 1937 по 1945 г.

Из приведенных данных видно, что различия были существенны. «Старая империя», то есть Германия в довоенных границах по состоянию на конец 1937 г., имела 66 млн. жителей; в мае 1940 г. в Германской империи проживало 90 млн. человек, а с учетом протектората Чехия и Моравия и областей, находившихся под управлением Германии, — 117 млн. человек. Очевидно, что исследование промышленного развития Германии с 1938 по 1945 г. приводит

к различным результатам в зависимости от того, в каких границах рассматривается территория страны.

Настоящая работа должна показать, какими промышленными мощностями располагала Германия как воюющая держава. Поэтому мы считаем целесообразным исходить из территории Германии по состоянию на рассматриваемый период. В соответствии с этим авторы стремились исследовать положение во всей «Великой Германии», то есть в собственно Германии и в находившихся под ее управлением в исследуемый период присоединенных областях и протекторате Чехия и Моравия. Наряду с этим в работе сделана попытка по возможности показать в общих чертах положение и в отдельных частях Германии.

Источники

Важнейшие публикации, появившиеся после поражения Германии:

1) «Statistisches Handbuch von Deutschland» (München, 1949). Эта работа содержит преимущественно данные о «гражданской промышленности».

2) «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy» (The United States Strategic Bombing Survey, October 1945). В этой работе главный упор делается на собственно военное производство; обе работы удачно дополняют друг друга.

При подготовке первого варианта настоящей книги (в январе — апреле 1945 г.) в распоряжении авторов было большое количество сводных статистических работ, которые были недоступны для общественности.

Имеются в виду в числе других следующие публикации:

1) Срочные ежемесячные статистические отчеты о военной промышленности, изданные Главным отделом статистики Управления военно-хозяйственного планирования, «Statistische Schnellberichte zur Kriegsproduktion» (Planungsamt, Hauptabteilung Planstatistik).

2) Срочные ежемесячные статистические отчеты о производстве вооружения, изданные Главным отделом статистики Управления военно-хозяйственного планирования, «Statistische Schnellberichte zur Rustungsproduktion» (Planungsamt, Hauptabteilung Planstatistik).

3) Ежемесячные данные о промышленном производстве, изданные Имперским статистическим управлением: «Monatszahlen über die industrielle Produktion» (Statistisches Reichsamt).

4) Военно-экономические балансы Имперского статистического управления с 1939 по 1944 г.: «Kriegswirtschaftliche Kraftebilanz» (Statistisches Reichsamt) 1939 bis 1944.

5) Статистические отчеты имперских объединений и управлений.

6) Обзор уровня вооружения Главного штаба вооруженных сил: «Überblick über die Rüstungsstand» (OKW).

7) Статистический ежегодник за 1939/40, 1941/42 гг.: «Statistisches Jahrbuch 1939/40, 1941/42».

Кроме этого, удалось использовать большое количество разовых отчетов, например годовой отчет Управления военно-хозяйственного планирования за 1943/44 г. (29 июня 1944 г.), годовой отчет за 1944 г., составленный тем же управлением (27 января 1945 г.), справки по специальным вопросам и т.д.

К сожалению, большая часть этих документов затеряна. Поэтому не все вопросы, вызывающие сомнение, могли быть выяснены впоследствии путем критического анализа источников.

Замечания к отдельным разделам

А. Рабочая сила. Важнейшим документом по этому вопросу является «Военно-хозяйственный баланс рабочей силы», составленный Имперским статистическим управлением, а также «Баланс рабочей силы в промышленности», составленный этим же управлением. В настоящей книге были использованы балансы по состоянию на май 1944 г., которые содержали важные исправления балансов за предыдущие годы; в 1944 г. впервые были охвачены учетом надомные рабочие.

Б. Инвестиции. Источники указаны при отдельных таблицах. Дополнительно были привлечены данные хозяйственной группы машиностроения и имперские промышленные переписи 1935 и 1938 гг., которые до сих пор не были опубликованы. Также были использованы данные

«Дополнительной переписи к отчету о промышленности» (ноябрь 1943 г.), в которой впервые было произведено деление данных об обороте и занятости по группам отраслей: производство вооружения и военных материалов, прочее производство для нужд армии, производство на экспорт, производство по государственным заказам и прочее.

В. Основные виды сырья и материалов. Главным источником в этой области являлась текущая статистика Управлений военно-хозяйственного планирования, Управления по военным поставкам, Имперского объединения по углю. Опубликованные индексы производства были в свое время подсчитаны Германским институтом экономических исследований.

Г. Потребительские товары. Наиболее неполны имеющиеся данные о производстве потребительских товаров. Здесь следует обратить внимание прежде всего на различие между производством продукции и снабжением гражданского населения. Снижение качества продукции могло быть учтено лишь в незначительной части. Например, в данных о текстильных изделиях бумажная пряжа была выделена отдельно.

К индексам производства товаров широкого потребления следует относиться осторожно. Эти индексы подсчитаны американским специалистом путем поправки данных о стоимости оборотов на индекс цен. Однако при этом нет никакой уверенности в том, что использованный индекс цен в достаточной степени отражает произошедший рост цен.

Д. Производство вооружения. Индекс производства вооружения был в свое время подсчитан Германским институтом экономических исследований. Отдельные данные о военном производстве относятся к производству в «Великой Германии», то есть включают производство в оккупированных областях.

Упомянутая выше «Дополнительная перепись к отчету о промышленности» приводится здесь в части, касающейся военного производства. Состояние промышленности, занимавшейся субпоставками для военной промышленности, отражено лишь в немногих статистических данных.

ИЗМЕНЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ С 1938 ПО 1944 Г.

Дата	Присоединенные территории	Площадь, кв. км	Год переписи	Население, тыс. человек	Территория Германской империи на соответствующий период		
					Дата	площадь, кв. км	Население, тыс. человек
		—	—	—	Февраль 1938 г.	470 544	66 031
13 марта 1938 г.	Австрия	83 764	1934	6759	С марта 1938 г.	554 308	72 790
13 октября 1938 г.	Судетская область	28 971	1933	3636	С октября 1938 г.	583 279	76 426
23 марта 1939 г.	Мемельская область	2416	1939	155			
1 сентября 1939 г.	Свободный город Данциг	1893	1939	392	С сентября 1939 г.	587 680	79 922
26 октября 1939 г.	Восточные территории (польские)	91 973	1939	9936	С октября 1939 г.	679 653	89 858
18 мая 1940 г.	Эйпел, Мальмеди, Морэнэ	1 219	1940	82	С июля 1940 г.	680 872	89 940
Источник: «Statistisches Handbuch von Deutschland». S. 6.							

**ПРОТЕКТОРАТ ЧЕХИЯ И МОРАВИЯ И ОБЛАСТИ
ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ГЕРМАНИИ**

Дата	Область	Пло- щадь, кв. км	Год переписи	Населе- ние, тыс. человек
Март 1939 г.	Протекторат Чехия и Моравия	48 901	1939	7485
	Генерал-губерна- торство Польши	142 207	1941	16 963
Июль 1940 г.	Эльзас	8 294	1936	1219
	Лотарингия	6 228	1936	696
	Люксембург	2 586	1941	290
Май 1941 г.	Югославские территории: нижняя Штирия, Южная Каринтия, Верхняя Крайна	9 620	1941	775
Источник: «Statistisches Handbuch von Deutschland». S. 6.				

А. РАБОЧАЯ СИЛА

1. МОБИЛИЗАЦИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ГЕРМАНИИ (ВКЛЮЧАЯ АВСТРИЮ, СУДЕТСКУЮ И МЕМЕЛЬСКУЮ ОБЛАСТИ) В 1939—1944 ГГ. (В МЛН. ЧЕЛОВЕК)

	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1944 г.
	конец мая						конец сентября
Гражданская рабочая сила							
Немцы, в том числе:							
мужчины	20,4	19,0	16,9	15,5	14,2	13,5	24,5
женщины	14,4	14,1	14,4	14,8	14,8	14,9	14,6
Итого	39,1	34,8	33,1	31,3	30,3	29,0	28,4
Иностранцы и военнопленные	0,3	1,2	3,0	4,2	6,3	7,1	7,5
Итого	39,4	36,0	36,1	35,5	36,6	36,1	35,9
Армия							
Мобилизовано	1,4	5,7	7,4	9,4	11,2	12,4	3,0
Потери	—	0,1	0,2	0,8	1,7	3,3	3,9
Итого	1,4	5,6	7,2	8,6	9,5	9,1	9,1
Всего немцев, охваченных учетом	40,5	40,5	40,5	40,7	41,5	41,4	41,4
Всего	40,8	41,6	43,3	44,1	46,1	45,2	45,0

Источники: Nicholas Kaldor, The German War Economy, Manchester Statistical Society, d May 22-n, 1946; «Kriegswirtschaftliche Kräftebilanz, Stat. Reichsamt (Abteilung VI); OKW, Zusammenstellung über die personelle und materielle Rüstungslage der Wehrmacht, Heeres Personalamt.

**2. ВОЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БАЛАНС РАБОЧЕЙ СИЛЫ
ЗА 1939—1944 ГГ.
(ГЕРМАНИЯ В ГРАНИЦАХ НА 1 СЕНТЯБРЯ 1939 Г.)**

Отрасли хозяйства	Количество занятых в экономике Германии*									
	(в тыс. человек)							(в %)		
	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1939 г.	1940 г.	1944 г.	
I. Производство и транспорт	29 861	27 131	27 499	27 115	28 191	27 807	75,8	75,3	77,8	
а) Сельскохозяйственное производство	11 224	10 699	10 734	11 234	11 301	11 185	28,5	29,7	31,3	
Сельское хозяйство	10 850	10 345	10 360	10 898	10 973	10 862	27,5	28,7	30,4	
Лесоводство	295	278	294	255	242	234	0,8	0,8	0,7	
Молочное хозяйство	71	70	74	74	80	83	0,2	0,2	0,2	
Рыболовство	8	6	7	7	7	7	0,0	0,0	0,0	
б) Промышленность и транспорт	18 637	16 432	16 765	15 880	16 889	16 622	47,3	45,6	46,5	

Промышленность	10 945	9 981	10 344	9 943	10 998	10 803	27,8	27,7	30,2
Ремесла	5336	4230	4040	3504	3387	3282	13,5	11,7	9,2
Транспорт	2124	2018	2170	2228	2299	2334	5,4	5,6	6,5
Энергетическое хозяйство	231	204	210	206	205	203	0,6	0,6	0,6
II. Распределение	4603	3966	3628	3323	3081	2866	11,7	11,0	8,0
Торговля	3020	2595	2331	2024	1865	1721	7,7	7,2	4,8
Туризм	844	685	670	669	686	663	2,1	1,9	1,8
Банки, включая рейхсбанк	221	190	184	179	168	151	0,6	0,5	0,4
Страховое дело	109	91	87	83	72	61	0,3	0,3	0,2
Оптовая торговля продовольственными товарами	328	328	281	292	215	204	0,8	0,9	0,6
Розничная торговля молочными продуктами	80	77	75	77	76	67	0,2	0,2	0,2

Количество занятых в экономике Германии*								
Отрасли хозяйства	(в тыс. человек)						(в %)	
	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1939 г.	1940 г. 1944 г.
III. Управление	2677	2472	2521	2641	2402	2322	6,8	6,9 6,5
Общественное управление, 1669	1568	1621	1736	1469	1451	4,2	4,4	4,1
Здравоохранение	536	510	513	553	623	617	1,4	1,4 1,7
Прочее	472	393	387	352	311	255	1,2	1,1 0,7
IV. Штабы вермахта и военная охрана	692	984	1144	1131	1412	1357	1,7	2,7 3,8
V. Домашняя прислуга	1 582	1489	1489	1461	1442	1 378	4,0	4,1 3,9
Итого	39 415	36 042	36 281	35 671	36 527	35 730	100,0	100,0 100,0
*Немцы, иностранцы и военнопленные по состоянию на 31 мая соответствующих лет. Источник: Данные Имперского статистического управления (отдел VI), согласованные с Имперской группой промышленности.								

**3. КОЛИЧЕСТВО ЗАНЯТЫХ В ПРОИЗВОДСТВЕ ВООРУЖЕНИЯ,
НА ВЫПОЛНЕНИИ ДРУГИХ ЗАКАЗОВ ВЕРМАХТА
И В ПРОИЗВОДСТВЕ ТОВАРОВ ДЛЯ ГРАЖДАНСКИХ НУЖД В НОЯБРЕ
1943 Г. (В ТЫС. ЧЕЛОВЕК)**

Хозяйственная группа	Общее количество занятых			
	всего	в производстве вооружения и военных материалов	в выполнении прочих заказов вермахта	в производстве для гражданских нужд и экспорта
Текстильная промышленность	888,1	20,4	370,4	497,3
Швейная промышленность	319,9	6,1	67,5	246,3
Кожевенная промышленность	186,6	1,1	116,5	69,0
Керамическая промышленность	99,3	—	27,8	71,5
Стекольная промышленность	92,7	0,8	33,5	58,4
Деревообрабатывающая промышленность	289,5	70,9	126,0	92,6
Целлюлозно-бумажная промышленность	124,4	1,0	45,0	78,4
Переработка бумаги	107,7	4,0	39,1	64,6
Полиграфическая промышленность	202,4	0,2	40,3	161,9
Пищевая промышленность	454,1	0,5	113,0	340,6
Пивоваренная промышленность	78,8	—	6,3	72,5
Сахарная промышленность	59,4	—	3,0	56,4
Спиртовая промышленность	22,0	—	7,0	15,0
Литейное производство	282,3	67,2	124,8	90,3
Производство металлоконструкций	195,8	29,4	68,5	97,9

Хозяйственная группа	Общее количество занятых			
	всего	в производстве вооружения и военных материалов	в выполнении прочих заказов вермахта	в производстве для гражданских нужд и экспорта
Судостроение	173,1	169,8	—	—
Общее машиностроение	1217,8	397,0	321,5	499,3
Транспортное машиностроение	426,0	258,6	77,9	89,5
Авиационная промышленность	760,3	760,3	—	—
Электротехническая промышленность	634,5	171,3	272,8	190,4
Точная механика и оптика	164,8	113,4	3,5	47,9
Производство железных, стальных и жестяных изде- лий	712,9	466,2	118,4	128,3
Облагораживание материалов	299,2	44,3	141,2	113,7
Производство металлоизделий	222,1	117,0	34,0	71,1
Производство стройматериалов	296,8	—	71,2	225,6
Цветная металлургия	156,7	3,8	57,3	95,6
Производство жидкого топлива	132,4	—	—	—
Лесопильная промышленность	155,1	0,8	90,7	63,6
Химическая промышленность	820,2	34,4	178,9	606,9
<p>Источник: Неопубликованные данные, основывающиеся на «Дополнительной переписи» Имперской группы промышленности к промышленному отчету. Некоторые данные не согласовываются друг с другом (например, по производству стальных конструкций), однако в настоящее время они уточнены быть не могут. В целом же эти данные достаточно правильно характеризуют действительное распределение рабочей силы в тот период.</p>				

**4. ЗАНЯТЫЕ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РАБОТОЙ НА ВЕРМАХТ
С 1939 ПО 1943 Г.
(ГЕРМАНИЯ, ВКЛЮЧАЯ АВСТРИЮ И СУДЕТСКУЮ ОБЛАСТЬ)**

Год (по состоянию на конец мая)	Вся промышленность	Производство основных видов сырья и материалов	Металлообрабатывающая промышленность	Строительная промышленность и строительство строительных материалов	Все прочие отрасли
Общее количество занятых, тыс. человек					
1939	10 960	2214	3757	1403	3583
1940	9678	2101	3652	1047	2879
1941	10 014	2232	3965	1042	2775
1942	10 007	2294	4366	783	2565
1943	10 879	2545	5000	690	2645
В том числе занятых работой на вермахт, тыс. человек					
1939	2400	465	1074	424	437
1940	4855	1222	2276	602	755
1941	5453	1411	2727	544	771
1942	5615	1374	3074	354	813
1943	6636	1728	3607	322	979
Доля занятых работой на вермахт, %					
1939	21,9	21,0	28,6	30,2	12,2
1940	50,2	58,2	62,3	57,5	26,2
1941	54,5	63,2	68,8	52,2	27,8
1942	56,1	59,9	70,4	45,2	31,7
1943	61,0	67,9	72,1	46,7	37,0
Источники: За 1939—1942 гг. «Der Kriegseinsatz der Industrie im Jahre 1942» (Reichsgruppe Industrie, Dezember 1942); за 1943 г. неопубликованный обзор той же Имперской группы. Опубликовано в «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy», October 31, 1945. P. 212.					

Б. ИНВЕСТИЦИИ

1. ИНВЕСТИЦИИ В ГЕРМАНИИ ¹ (В МЛРД. РЕЙХСМАРОК, ЦЕНЫ 1938 Г.)

Год	Здания и сооружения	Оборудо- вание	Всего	Индекс (1938 г. = 100)
1938	13,0	2,9	15,9	100
1939	12,8	3,5	16,3	103
1940	8,3	3,7	12,0	76
1941	6,9	4,1	11,0	69
1942	4,7	4,2	8,9	56
1943	4,0	3,7	7,7	48
1944*	3,7	2,6	6,3	40

*Собственная оценка.

Источники: «Bericht über die deutsche Wirtschaftslage 1943/44П, Bericht des Planungsamts, 29 Juni 1944. Судя по совпадающим отдельным данным из других источников (см., например, «Die deutsche Bauwirtschaft im Kriegseinsatz», General-bevollmächtigter für die Regelung der Bauwirtschaft, April 1943, S. 13), речь идет об инвестициях в ценах 1938 г.

2. КОЛИЧЕСТВО ЗАНЯТЫХ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ (В ТЫС. ЧЕЛОВЕК)

Период	Германия в довоенных границах	«Великая Германия»*
1939 г., конец мая	2530	2530
1940 г., » »	1721	1721
1941 г., » »	1769	2012
1942 г., » »	1239	1455
1943 г., » »	1444	1335
1944 г., » »	1130	1314
1944 г., конец ноября	Около 1000	

*Имеется в виду Германия вместе с аннексированными территориями. — Прим. ред.

Источник. Данные баланса рабочей силы, опубликованные в работе «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy». P. 57.

¹ В границах соответствующих лет.

3. ПРОМЫШЛЕННОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ НАДЗЕМНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Год	Промышленное строительство		Общественное строительство	
	число зданий, тыс.	кубатура, млн. куб. м	число зданий, тыс.	кубатура, млн. куб. м
1937, Германия в довоенных границах	73,0	63,8	3,1	12,7
1938, то же	70,1	61,5	3,5	15,6
1939, " "	53,4	51,0	2,3	7,8
1939, «Великая Германия»	56,3	53,3	2,4	8,0
1940, то же	34,4	42,0	1,3	4,6
1941, " "	27,0	36,4	1,2	2,9
Источник: «Die Deutsche Bauwirtschaft im Kriegseinsatz», April 1943.				

4. ПОСТУПЛЕНИЕ¹ НОВЫХ ЖИЛИЩ (В ТЫС.) (ГЕРМАНИЯ В ГРАНИЦАХ 1937 Г.)

Год	Поступление за счет строительства и реконструкции	Чистое поступление	Год	Поступление за счет строительства и реконструкции	Чистое поступление
1928	330	310	1936	332	310
1929	339	318	1937	336	320
1930	330	311	1938	303	285
1931	252	234	1939	220	206
1932	159	141	1940	117	105
1933	202	178	1941	80	62

¹ Поступление — приток за счет нового строительства, реконструкции, надстройки, пристройки минус убыль в результате перестройки, пожаров и разрушений.

Год	Поступление за счет строительства и реконструкции	Чистое поступление	Год	Поступление за счет строительства и реконструкции	Чистое поступление
1934	319	284	1942	50	39
1935	264	241	1943	—	30
			1944	30	—

Источники: специальный выпуск № 42 Конъюнктурного института: «Leistungen und Aufgaben im Deutschen Wohnungs und Siedlungsbau»; statistisches Handbuch von Deutschland. S. 340; «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy». P. 231.

5. ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ¹

Год	Строительная известь, млн. т	Строительный гипс, тыс. т	Обычный кирпич, млрд. шт.	Огнеупорный кирпич, млрд. шт.	Легкие строительные плиты, тыс. куб. м	Оконное стекло, тыс. т
1938	2,8	575	8,0	1,3	666	365
1939	3,0	504	7,2	1,4	794	379
1940	1,7	362	4,4	1,0	679	402
1941	1,9	329	4,1	1,0	702	435
1942	1,9	306	3,1	0,8	671	461
1943	1,8	316	3,1	0,8	732	442
1944	1,5	224	2,0	0,7	658	425

¹ За 1938—1939 гг. Германия в довоенных границах, с 1940 г. — включая Австрию и Судетскую область, с 1941 г. — включая также восточные оккупированные районы («Остгау») и с 1942 г. — территорию гражданского управления восточных и западных оккупированных стран.

**6. ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ СРЕДСТВ
ПРОИЗВОДСТВА В 1939—1944 ГГ.**

Изделие	Единица измерения	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Станки	тыс. т	277	288	315	290	273	218
Прочие машины	» »	2199	1923	1979	1881	1500	987
Отопительное оборудование и котлы	» »	776	774	894	872	770	521
Железнодорожные материалы	» »	526	605	772	931	1145	906,
Грузовые автомобили	тыс. шт.	—	—	62,4	78,2	81,9	69,0
Локомотивы	шт.	—	1688	1918	2637	5243	3495
Вагоны	тыс. шт.	—	28,2	44,8	60,9	66,3	45,2
Велосипеды	» »	—	—	—	—	689	513
Сбыт электротехнических изделий	млн. рейхсмарок	3990	4300	5180	5370	5916	6500
Сбыт изделий точной механики и оптики	» »	601	703	870	941	—	—
в том числе оптики	» »	214	299	391	442	—	—
Источники: Данные промышленной группы машиностроения, «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy». Р. 231; «Statistisches Handbuch von Deutschland»; отчет Управления военно-хозяйственного планирования от 27 января 1945 г.							

**7. УЧАСТИЕ В ПРОИЗВОДСТВЕ ОРУЖИЯ ОТДЕЛЬНЫХ
ОТРАСЛЕЙ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В III КВАРТАЛЕ 1943 Г.
(В МЛН. РЕЙХСМАРОК)**

Хозяйственная группа	Общий импорт	В том числе				
		непосредственные и косвенные заказы вермахта	в том числе вооружение и военные материалы	работы на экспорт	общественные заказы	прочее
Производство металлоконструкций	482	241	72	21	113	107
Судостроение и транспортное машиностроение	2153	1701	1394	46	—	—
Общее машиностроение	2223	1607	888	153	294	670
Авиационная промышленность и собственные предприятия вермахта	2163	2163	2163	—	—	—
Электротехническая промышленность	1786	1249	482	104	—	—
Точная механика и оптика	393	303	271	27	5	58
Изделия из железа, стали и жести	1616	1325	1057	55	—	—
Облагораживание материалов	879	545	130	44	—	—
Металлоизделия	531	361	280	56	—	—
Итого:	12 226	9495	6737	506	2225	
Источник: Данные дополнительного использования к промышленному отчету (III квартала 1943 г.).						

В. ОСНОВНОЕ СЫРЬЕ И МАТЕРИАЛЫ

1. СНАБЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ СЫРЬЕМ ПЕРЕД ВОЙНОЙ (1938 г.) СОБСТВЕННАЯ ПРОДУКЦИЯ В % К ПОТРЕБЛЕНИЮ

Уголь	116
Нефть	10
Железная руда ¹	28
Марганец ¹	55
Хром	—
Медь ²	8
Олово ²	2
Свинец ²	37
Цинк ²	82
Никель ²	7
Бокситы	2
Серный колчедан	25
Сера	47
Графит ¹	111
Асбест	7
Цемент	107
Каменная поваренная соль ¹	118
Калийная соль ¹	143
Фосфаты ¹	1
Древесина	85
Пробка ³	0
Хлопок	—
Лен	64
Конопля	11
Масличные культуры	6
Натуральный каучук	—
Шерсть	16
Шелк	—
Волосья кожи ³	50
Телячьи шкуры ³	60
Лошадиная кожа ³	54

¹Германия (в довоенных границах), Австрия, Чехословакия и Польша.

²Германия в довоенных границах и Австрия.

³Данные официальной статистики за 1936 г. (Германия).

Источник: «Rohstoffbilanz der europäischen Länder», обработка Германского института экономических исследований. Берлин, 1940 г.

**2. ИНДЕКС ПРОИЗВОДСТВА
ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ СЫРЬЯ И МАТЕРИАЛОВ¹
(ГЕРМАНИЯ В ГРАНИЦАХ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЛЕТ)
(1942 Г. = 100)**

Группа	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Первичные носители энергии	71	76	93	95	100	104	92
в том числе уголь	71	77	93	95	100	105	93
Природные ископаемые (кроме угля)	55	71	81	99	100	108	97
Сталь и чугун	77	78	70	100	100	108	90
Цветные металлы	77	74	78	100	100	99	100
Основные химикалии	77	90	92	100	100	107	92
Моторное топливо	38	55	61	86	100	117	83
Строительные материалы	202	202	147	150	100	113	113
Целлюлоза и бумага	117	131	123	118	100	102	78
Текстильное сырье	56	72	78	92	100	104	94
Итого:	77	85	86	100	100	106	90
То же на базе 1938 г. = 100	100	110	112	130	130	138	117

В состав групп включены:

Первичные носители энергии — каменный и бурый уголь, нефть, гидроэлектроэнергия. *Уголь* — каменный, бурый и твердый бурый уголь. *Природные ископаемые* — железная руда, руды цветных металлов, серный колчедан, каменная и выварочная соль, калийная соль, нефть. *Сталь и чугун* — сырая сталь, серый и гемантовый чугун. *Цветные металлы* — медь, свинец, цинк, никель, алюминий, магний. *Основные химикалии* — карбид, сода, соляная кислота, хлор, синтетический азот. *Моторное топливо* — производство авиационного и прочего карбюраторного горючего, газ для моторов, дизельное горючее, мазут, смазочные масла. *Строительные материалы* — индексы Имперского статистического управления. *Целлюлоза и бумага* — целлюлоза, древесная масса, бумага. *Текстильное сырье* — штапельное волокно, искусственный шелк, лен, конопля, вторичная пряжа, шерсть, хлопок.

¹ Собственные подсчеты.

**3. ВЛИЯНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ОБЪЕМ
ПРОИЗВОДСТВА¹
(1936 г. = 100)**

Группа	1938 г.	1944 г.
Уголь		
Довоенная Германия	104	101
В границах соответствующих лет	120	159
Прочие природные ископаемые		
Довоенная Германия	133	155
В границах соответствующих лет	128	237
Бумага		
Довоенная Германия	103	59
В границах соответствующих лет	107	79
Цветные металлы		
Довоенная Германия	—	169
В границах соответствующих лет	—	201

**4. ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ПРОИЗВОДСТВА ВАЖНЕЙШИХ
СЫРЬЕВЫХ ТОВАРОВ
(1941 г. = 100)**

Месяц	1942 г.		1943 г.	
	по плану	фактиче- ски	по плану	фактиче- ски
Январь	110	109	115	111
Февраль	109	105	114	108
Март	112	117	116	113
Апрель	113	109	115	108
Май	113	109	117	105
Июнь	112	107	116	104

¹ Собственные подсчеты.

Месяц	1942 г.		1943 г.	
	по плану	фактиче-ски	по плану	фактиче-ски
Июль	114	109	119	97
Август	117	105	120	90
Сентябрь	117	105	118	76
Октябрь	119	108	121	73
Ноябрь	119	108	121	64
Декабрь	119	109	119	55
Источник: Подсчеты Управления военно-хозяйственного планирования. Индексы включают следующие виды сырья: каменный уголь, бурый уголь, алюминий, прокат, серную кислоту, метанол, синтетический азот, карбид, технические масла, каучук, искусственный шелк, целлюлозу, нефть, железное, стальное и чугунное литье.				

**5. ПОСТУПЛЕНИЕ КАМЕННОГО УГЛЯ
С 1938/39 ПО 1943/44 Г.¹
(В МЛН. Т)**

Поступление	1938/ 39 г.	1939/ 40 г.	1940/ 41 г.	1941/ 42 г.	1942/ 43 г.	1943 /44 г.
I. Добыча						
В Германии в довоенных границах	232,3	233,7	239,5	241,5	250,3	249,1
В присоединен- ных областях	8,0	34,0	76,0	76,4	90,1	98,5
Итого	240,3	267,7	315,5	317,9	340,4	347,6
II. Импорт	—	—	1,5	2,9	2,9	2,4
III. Добыча в оккупирован- ных странах	92,5	96,9	87,3	89,9	89,3	84,7
Всего	332,8	364,6	404,3	410,7	432,6	434,7
Источник: Статистические отчеты Имперского объединения по углю.						

¹ Хозяйственный год в угольной промышленности.

**6. ДОБЫЧА УГЛЯ ЗА СМЕНУ
В ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В РУРЕ (В КГ)**

Год	На каждого подземного рабочего
1937	2054
1938	1970
1939	2064
1940	2013
1941	1959
1942	1848
1943	1656
1944, 1-е полугодие	1617

Источник: Данные Имперского объединения по углю.

**7. РАСХОД УГЛЯ С 1938/39 ПО 1943/44 Г.¹
(В МЛН. Т)**

Расход	1938/39 г.	1939/40 г.	1940/41 г.	1941/42 г.	1942/43 г.	1943/44 г.
<i>1. Сбыт потребителям в Германии (включая присоединенные)</i>						
Транспорт	23	24	30	31	33	35
Государственные предприятия	30	32	37	41	45	46
Промышленность	88	94	105	109	110	112
Бытовое потребление и мелкие предприятия	48	53	68	65	62	55
Итого	189	203	240	246	250	248

¹ Хозяйственный год в угольной промышленности.

Расход	1938/39 г.	1939/40 г.	1940/41 г.	1941/42 г.	1942/43 г.	1943/44 г.
II. Экспорт						
Италия	7	7	12	11	12	7
Польша и оккупированные области Советского Союза	—	1	6	8	17	16
Прочие	29	18	22	19	22	26
Итого	36	26	40	38	51	49
III. Собственное потребление шахт	26	34	40	42	43	45
Всего	251	263	320	326	344	342
Источник: Статистические отчеты Имперского объединения по углю.						

**8. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОНТИНГЕНТОВ
НА ЧЕРНЫЕ МЕТАЛЛЫ ПО ГРУППАМ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
В 1939—1944 ГГ.**

Год и квартал	Военная промышленность		Общий контингент	Доля контингентов, непосредственно получаемых военной промышленностью
	непосредственно	косвенно		
	среднемесячные (в тыс. т)			
1939 г., I квартал	859	?	?	
1940 г., I »	924	911	1835	50,4
II »	979	905	1884	52,0
III »	909	976	1885	48,2
IV »	1024	1180	2204	46,5

Год и квартал	Военная промышленность		Общий контингент	Доля контингентов, непосредственно получаемых военной промышленностью
	непосредственно	косвенно		
	среднемесячные (в тыс. т)			
1941 г., I квартал	1058	1200	2258	46,9
II »	1033	1342	2375	43,5
III »	1167	1352	2519	46,3
IV »	932	1377	2309	40,4
1942 г., I квартал	1154	1490	2644	43,6
II »	1174	1603	2777	42,3
III »	1100	1117	2217	49,6
IV »	1253	1358	2611	48,0
1943 г., I квартал	1414	1240	2654	53,3
II »	1475	1421	2896	50,9

Источник: Данные Управления снабжения военной промышленности.

9. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КВОТ НА ЧЕРНЫЕ МЕТАЛЛЫ С 1943 ПО 1944 Г.

Год и квартал	На производство вооружения	Прочие отрасли военной промышленности	Резервы фюрера	Всего	Доля программ производства вооружения
	среднемесячные (в тыс. т)				(в %)
1943 г., III квартал	1298	1132	1	2431	53,4
IV »	1269	1088	17	2374	63,5

Год и квартал	На производство вооружения	Прочие отрасли военной промышленности	Резервы фюрера	Всего	Доля программ производства вооружения
	среднемесячные (в тыс. т)				(в %)
1944 г., I квартал	1338	1188	36	2562	52,2
II *	1363	1218	25	2600	52,4
III *	1246	1057	25	2328	53,5
IV *	1179	805	70	2054	57,4
Источник: Данные Управления снабжения военной промышленности.					

**10. ПОЛОЖЕНИЕ С ВАЖНЕЙШИМИ ЦВЕТНЫМИ МЕТАЛЛАМИ
(СРЕДНЕМЕСЯЧНЫЕ ДАННЫЕ)**

Металл	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.— начало 1944 г.
Свинец (тыс. т)						
а	18,0	20,7	18,7	20,6	23,5	18,2
б	19,9	18,1	22,0	17,9	17,0	17,1
в	0,8	0,6	1,1	2,0	1,4	
Медь (тыс. т)						
а	26,0	26,5	27,4	28,7	26,2	19,7
б	26,7	23,8	29,7	18,1	16,9	16,5
в	0,3	0,5	1,3	1,7	1,5,	
Цинк (тыс. т)						
а	23,7	33,1	38,7	33,3	35,2	32,2

Металл	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.— начало 1944 г.
б	20,8	26,0	34,9	31,9	} 31,8	28,8
в	3,8	1,5	2,4	5,5		
Олово (т)						
а	345	960	975	1170	693	1003
б	565	705	880	565	718	} 683
в	—	—	25	125	72	
Никель (т)						
а	710	1145	735	460	636	911
б	845	950	745	625	} 784	794
в	—	20	25	40		
Магний (т)						
а	1265	1490	2305	3015	3760	3900
б	1125	1365	2315	2725	3700	3700
Алюминий (тыс. т)						
а	—	27	34	35	36	37
б	} —	—	—	—	32	41
в						
¹ Сентябрь — декабрь 1939 г. ² Начало 1944 г. а — поступление полуфабрикатов сырого металла и отходов; б — потребление; в — экспорт. Источник: Данные Управления военно-хозяйственного планирования.						

**11. БАЛАНС ЖИДКОГО ТОПЛИВА В «ВЕЛИКОЙ ГЕРМАНИИ»
В 1940—1944 ГГ. (В ТЫС. Т)**

Поступление	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
I. Производство в Германии и присоединенных странах	3963	4839	5620	6563	4684
в том числе:					
авиационное топливо	643	889	1384	1783	1044
прочее карбюраторное топливо	1122	1156	1088	1163	960
моторный газ	225	275	321	389	210
дизельное топливо	781	1113	1274	1409	912
мазут	730	810	836	1006	900
смазочные масла	462	596	717	813	658
II. Производство в оккупированных странах	—	—	(180)	520	252
в том числе:					
авиационное топливо	—	—	—	4	—
прочее карбюраторное топливо	?	?	?	132	108
дизельное топливо	?	...	180	180	96
мазут	120	—
смазочные масла	84	48
III. Импорт	1599	2040	1572	1860	852
в том числе:					
авиационное топливо	84	12	108	120	—
прочее карбюраторное топливо	672	1080	1008	1044	432
дизельное топливо	468	696	360	492	348
мазут	315	180	72	168	72
смазочные масла	60	72	24	36	—

Поступление	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
IV. Использование складских запасов	242	1203	191	145	—
в том числе:					
авиационное топливо	—	359	—	83	—
прочее карбюраторное топливо	—	272	45	60	—
моторный газ	—	—	—	1	—
дизельное топливо	11	288	9	—	—
мазут (бункерный)	—	251	134	—	—
смазочные масла	31	33	3	1	—
V. Невыясненные источники	485	38	162	—	
в том числе:					
авиационное топливо	238	—	—	—	—
прочее карбюраторное топливо	125	35	61	—	—
дизельное топливо	95	—	—	—	—
мазут	27	3	101	—	—
VI. Все поступление	6389	8120	7619	8956	(5554)
в том числе:					
авиационное топливо	965	1260	1492	1990	(1044)
прочее карбюраторное топливо	1919	2543	2197	2267	(1500)
моторный газ	225	275	321	390	(210)
дизельное топливо	1555	2097	1823	2081	(1122)
мазут	1172	1244	1042	1294	(972)
смазочные масла	553	701	744	934	(706)

Потребление	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
<i>I. Потребление в Германии и присоединенных странах</i>	5856	7305	6483	6971	—
<i>II. Армия (без учета потребления смазочных масел)</i>	3005	4567	4410	4762	
в том числе:					
авиационное топливо	863	1163	1287	1745	—
прочее карбюраторное топливо	852	1609	1481	1158	—
моторный газ	—	—	18	25	—
дизельное топливо	543	806	812	883	—
мазут	747	989	812	951	—
<i>III. Хозяйство</i>	2303	2072	1430	1514	—
в том числе:					
прочее карбюраторное топливо	848	650	357	472	—
моторный газ	211	249	296	336	—
дизельное топливо	1009	942	661	611	—
мазут	235	231	116	95	(77)
смазочные масла					
армия	548	666	643	192	—
хозяйство				503	—
<i>IV. Экспорт</i>	13	644	799	599	—
в том числе:					
прочее карбюраторное топливо	2	284	359	159	—
моторный газ	—	—	—	28	—
дизельное топливо	3	301	326	264	—
мазут	3	24	13	1	
смазочные масла	3	35	101	147	—

Потребление	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
<i>V. Пополнение складских запасов</i>	509	1	79	27	—
в том числе:					
авиационное топливо	102	—	79	—	—
прочее карбюраторное топливо	217	—	—	—	—
моторный газ	3	1	0	—	—
дизельное топливо	—	—	—	2	—
мазут (бункерный)	187	—	—	25	—
смазочные масла	—	—	—	—	—
<i>VI. Невьясненные статьи расхода</i>	11	170	157	1358	—
в том числе:					
авиационное топливо	—	97	126	245	—
прочее карбюраторное топливо	—	—	478	—	—
моторный газ	11	25	7	0	—
дизельное топливо	—	48	24	321	—
мазут	—	—	—	222	—
смазочные масла	—	—	—	92	—
<i>VII. Все потребление</i>	6389	8120	7619	8956	(5554)
в том числе:					
авиационное топливо	965	1260	1492	1990	(1044)
прочее карбюраторное топливо	1919	2543	2197	2267	(1500)
моторный газ	225	275	321	390	(210)
дизельное топливо	1555	2097	1823	2081	(1122)
мазут	1172	1244	1042	1294	(972)
смазочные масла	553	701	744	934	(706)
<i>Источник: Данные Хозяйственной группы топлива и материалы Управления военно-хозяйственного планирования.</i>					

Г. ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ТОВАРЫ

1. ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШИХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ В 1938—1944 ГГ.

Изделие	Единица измерения	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Кожа	тыс. т	131,7	127,2	82,1	83,0	93,8	106,4	70,9
Кожаная обувь на кожаной или резиновой подметке	млн. пар	89,7	76,0	55,0	70,3	75,6	71,6	56,6
Прочая обувь	» »	72,2	72,0	54,9	57,1	61,3	92,6	89,6
Переработка текстильного сырья	тыс. т	1076	1081	959	986	937	930	—
Посуда фарфоровая	» »	—	79	70	77	69	69	74
Посуда стеклянная	» »	—	635	698	796	888	721	—
Основной источник: «Statistisches Handbuch von Deutschland».								

2. ДОЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ОБЩЕМ ОБОРОТЕ ОТРАСЛЕЙ,
ПРОИЗВОДЯЩИХ ПРЕДМЕТЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В III КВАРТАЛЕ 1943 Г.
(В МЛН. РЕЙХСМАРОК)

Отрасли промышленности									
Весь оборот	1992,5	542,5	519,6	578,1	181,2	269,4	2675,7	500,5	372,4
В том числе сбыт:									
вермахту	876,7	124,8	223,4	393,1	67,0	107,8	668,9	40,0	18,7
на экспорт общественным заказ- чикам и прочим потребителям	69,7	13,6	23,4	9,2	26,5	13,2	13,4	1,5	0,41046
Доля общественных заказчиков и прочих потребителей, %	52,5	74,5	52,5	30,4	48,4	55,1	74,5	91,7	94,9
Источник: Данные дополнительной переписи Имперской группы промышленности.									

Д. ПРОИЗВОДСТВО ВООРУЖЕНИЯ

1. ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ

Вооружение и военные материалы	Единица измерения	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
I. Артиллерийско-стрелковое вооружение						
Винтовки и карабины, всего	тыс. шт.	1,352	1,359	1370	2 244	2 586
Автоматическое оружие для пехоты	» »	171	325	317	435	787
Минометы	» »	4	4	10	23	31
Зенитная артиллерия и автоматическое авиационное вооружение ¹	» »	1	23	57	130	320
Орудия калибром свыше 75 мм	» »	5	7	12	27	41
II. Бронированные машины						
Легкие броневики и танки	тыс. шт.	0,8	2,3	3,6	7,9	10,0
Средние танки	» »	1,4	2,9	5,6	9,4	12,1
Сверхтяжелые танки	» »	—	—	0,1	2,5	5,2
Все танки и броневики (боевой вес)	тыс. т	37	83	140	369	622

III. Самолеты ²						
Дневные истребители	шт.	1776	2964	4476	9121	20 042
Ночные	»	—	—	432	1066	3 763
Штурмовики	»	648	696	1092	2817	4 971
Бомбардировщики	»	2964	3456	4428	5019	2 596
Разведчики	»	990	1070	980	1030	1 535
Вся фронтовая авиация	»	8070	9540	12 950	22 050	34 350
Учебные самолеты	»	1650	1090	1150	2280	3 215
Итого военных самолетов (без планеров)	»	10 250	11 030	14 700	25 220	37 950
IV. Автомашины и тягачи						
Гусеничные мотоциклы	шт.	—	420	985	2450	4 490
Грузовые автомашины	тыс. шт.	—	62,4	78,2	81,9	—
Полугусеничные машины и тягачи	» »	3,2	7,5	10,7	37,4	27,8

¹ К этому нужно прибавить танковые пушки (в 1944 г. 252 штуки).

² В общем числе военных самолетов учтено больше видов самолетов, чем указано здесь по отдельным позициям.

Вооружение и военные материалы	Единица измерения	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
V. Боеприпасы						
Боеприпасы к винтовкам и пистолетам	млрд. шт.	2,95	1,34	1,34	3,17	5,38
Боеприпасы к прочему пехотному оружию	млн. шт.	29,4	19,7	40,0	118,4	170,6
Боеприпасы к легким зенитным орудиям и к авиационному вооружению	» »	—	77	130	196	263
Боеприпасы к артиллерийским орудиям калибром свыше 75 мм	» »	27	27	57	93	108
Боеприпасы в целом	тыс. т	865	540	1270	2558	3350
VI. Морское вооружение						
Подводные лодки (водоизмещение)	тыс. т	—	162	193	221	234
Источник: Отчет Управления военно-хозяйственного планирования.						

2. ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНОВ ПОСТАВОК ВООРУЖЕНИЯ В 1944 Г.

Группа	План поставок	Фактические поставки	Недовыполнение плана, в %
	в шт.		
Легкие танки	14 496	10 012	31
Средние »	18 140	12 096	37
Сверхтяжелые танки	7667	5232	32
Фронтовые самолеты	49 901	34 350	31
Военные самолеты вообще	54 625	37 950	31
Грузовые автомашины	154 298	89 069	42
Полугусеничные тягачи	13 565	7644	44
Источник: Отчет Управления военно-хозяйственного планирования от 27 января 1945 г.			

3. ПРОИЗВОДСТВО ВАЖНЕЙШИХ ДЕТАЛЕЙ И АГРЕГАТОВ, ИДУЩИХ НА УКОМПЛЕКТОВАНИЕ ВООРУЖЕНИЯ

Изделия	Единица измерения	1943 г.	1944 г.
I. Электротехника			
Переносные радиостанции	тыс. шт.	25,4	38,5
Полевые радиотелефонные аппараты	» »	26,6	18,9
Авиационные радиоаппараты	» »	103,0	135,6
Радиолампы	млн. шт.	16,9	17,8
Прожекторы диаметром 150 см	тыс. шт.	2,2	3,3
» » 200 см	» »	1,0	2,5
» » 60 см	» »	2,0	1,7

Изделия	Единица измерения	1943 г.	1944 г.
II. Точная механика и оптика			
Оптические прицелы для танков	тыс. шт.	11,2	16,9
Оптические прицелы самоходных орудий	» »	6,6	16,0
Винтовочные оптические прицелы, четырехкратные	» »	12,5	98,6
Зеркальные прицелы для авиационного вооружения	» »	43,2	105,7
Пулеметные прицелы, модель 40	» »	13,8	49,7
Прицельные приспособления, модель 35	» »	24,9	49,3
Стереотрубы 14Z	» »	15,8	30,5
Панорамы, модель 36	» »	10,3	38,3
III. Прочее			
Проволока для заграждений	тыс. т	217,5	213,0
Лопаты	млн. шт.	22,0	20,7
Стальные крюки	» »	3,2	3,1
Походные кухни	тыс. шт.	13,1	13,2
Пехотные двуколки	» »	38,5	40,7

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

Ганс Керль

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА И ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В начале Первой мировой войны термин «военная экономика» почти не имел никакого содержания и значения. Моторизация армии переживала свое зародышевое состояние. Танки и самолеты стали настоящим оружием лишь несколько лет спустя, в ходе самой войны. Метод окопной войны, однако, привел к таким битвам, которые поглощали огромное количество техники. Расширение театров военных действий вызывало необходимость создания миллионных армий, считавшихся прежде невероятными. Огромные потери живой силы из года в год увеличивали потребности армий в людских резервах. Тотальная блокада, почти полностью лишившая германскую экономику возможности ввозить сырье, крайне ограничила новые капиталовложения в производство и расход сырья на нужды гражданского сектора.

Так, необыкновенно возросшая потребность в людских резервах и в технике вместе с экономической блокадой положили начало новым тотальным войнам. С самого начала Первой мировой войны Вальтер Ратенау решительно указывал на огромное значение экономического фактора для ведения войны. Когда ему наконец удалось убедить в этом политических руководителей Германии, было уже слишком поздно. Колоссальные достижения немецкой промышленности и попытка при-

способить военное производство к требованиям, предъявленным изменившимся характером войны, вместе с новыми принципами руководства экономикой страны, осуществлявшимися Ратенау с большим рвением и знанием дела, уже не могли отвести удар судьбы. Материально техническое превосходство противника окончательно решило исход войны в его пользу.

Поэтому с конца Первой мировой войны в Германии ни у кого не было сомнения в том, что обязательной предпосылкой для успешного ведения войны является мощная военная экономика. Война в наш век охватывает весь народ и всю экономику страны. Она стала тотальной. Первая мировая война наметила черты будущей тотальной войны: моторизация, воздушная война, битвы с участием огромного количества техники и максимальное использование экономических и людских ресурсов всей страны.

Тотальная война революционизировала экономическую жизнь страны. Поэтому теперь военная экономика не может измеряться масштабами мирного времени. Она имеет свои собственные законы.

Военная экономика Германии в период Второй мировой войны характеризовалась следующими моментами:

1. Привлечением миллионов рабочих в вооруженные силы (во Второй мировой войне под ружьем находилось свыше 2/3 мужского населения в возрасте от 18 до 45 лет).

2. Мощным подъемом производства для удовлетворения нужд вооруженных сил и военной промышленности.

3. Необходимостью расширения промышленных мощностей и перевода гражданских предприятий на военное производство путем дополнительных капиталовложений.

4. Резкой активизацией деятельности транспорта (железные дороги, автотранспорт, флот, воздушный транспорт и т. д.) для снабжения вооруженных сил и пе-

реброски войск при расширении сухопутных театров военных действий.

5. Сильно возросшим спросом предприятий военной промышленности на сырье, в особенности на железо и другие металлы, резину, лес и т. д., а также на текстильные материалы и кожу для нужд вооруженных сил.

6. Необычайно возросшим спросом на взрывчатые вещества и всевозможное горючее для моторизованных войск, танков, самолетов, военных кораблей и т. д.

7. Сократившейся в результате блокады возможностью ввоза товаров и сырья. Затруднениями и срывами в работе транспорта. Сократившейся ввиду уменьшения доходов от экспорта платежеспособностью по различным статьям импорта.

8. Перебоями в промышленности и на транспорте, а также в производстве и распределении энергий, вызванными главным образом воздушными налетами противника.

Короче говоря, в военное время — в условиях сокращения количества рабочих рук и уменьшения подвоза сырья и готовой продукции, а также в условиях постоянно ухудшающегося быта трудящихся — военная экономика должна непрерывно расти за счет новых и новых капиталовложений.

Так как уже в мирное время вся экономика Германии полностью или почти полностью использовала свои возможности и резервы (рабочую силу, транспорт, источники энергии), автоматически возникла необходимость расширения производственных мощностей, с одной стороны, и сильных ограничений гражданского сектора — с другой. В условиях большой зависимости германской экономики в 1939 году от ввоза сырья следовало ожидать, что не все запросы сухопутных войск, авиации и флота будут своевременно и полностью удовлетворены. Наряду с общим недостатком экономических ресурсов военная экономика Германии еще до начала войны переживала отдельные трудности, которые в ходе войны были дополнены новыми экономическими затруднениями. Всякие же недостатки и трудности в во-

енной экономике, которые не могут быть быстро и легко устранены, требуют от политических руководителей страны определенной гибкости в руководстве.

Для того чтобы решить сложнейшие задачи, поставленные тотальной войной, необходимо, чтобы руководство экономикой осуществлялось планомерно и было всесторонним и дальновидным. Его целью является удовлетворение военных нужд, которым следует отдавать предпочтение перед потребностями гражданского населения. Поэтому спрос, предъявляемый гражданским сектором в военное время, должен быть значительно сокращен за счет снижения норм потребления для гражданского населения, то есть за счет снижения жизненного уровня народа, а также благодаря изъятию значительной части предметов потребления, имеющихся в домашнем хозяйстве, торговле и промышленности, или, наконец, за счет прекращения и отсрочки общественных работ по строительству зданий, задержки дополнительных капиталовложений, приостановки ремонтных работ и т. п.

Если какая-либо промышленность не может удовлетворить полностью спрос на свою продукцию, то потребности гражданского сектора в этой продукции приравниваются к потребностям военного характера, ибо в данном случае такая продукция служит уже поддержанию работоспособности человека, а следовательно, и делу продолжения самой войны. Поскольку, например, азот применяется одинаково и для производства взрывчатых веществ, и для удобрений, то предоставлять промышленности, производящей взрывчатые вещества, неограниченное право использования азота нельзя, так как иначе азота не хватит для производства удобрений, а от этого сократится количество производимых сельскохозяйственных продуктов и, таким образом, будет поставлено под угрозу продовольственное снабжение самих вооруженных сил.

Господствующее в военных кругах мнение о том, что удовлетворить спрос вооруженных сил можно за счет снижения норм гражданского потребления, совершен-

но не соответствует действительности. Оно неправильно уже потому, что спрос военного характера концентрируется на определенном сырье (горючем, взрывчатых веществах, железе, металлах, резине и т.д.), на некоторых отраслях промышленности (самолетостроении, танкостроении, строительстве подводных лодок, производстве оружия), на которые никак не распространяется спрос гражданского сектора. А для того, чтобы обеспечить ввоз самых необходимых материалов для военной промышленности, нельзя забывать и о том, что определенный процент невоенной продукции должен быть оставлен для экспорта.

Для разрешения всех поставленных перед военной экономикой задач необходимо следующее:

а) подробный статистический учет всех производственных факторов, то есть создание полной картины всего экономического потенциала страны;

б) уточнение и регламентирование спроса, а также проверка количества и качества предметов потребления;

в) определение точных сроков для заканчивающихся, продолжающихся или вновь начинающихся промышленных и военных строительных работ;

г) постоянный контроль за тем, в какой степени производство обеспечивает все имеющиеся потребности.

Если военная экономика не в состоянии покрыть весь ранее установленный спрос, тогда должны быть определены новые границы спроса, а при известных обстоятельствах должны быть сделаны и выводы об объеме и уровне оснащения того или другого вида вооруженных сил, что, в свою очередь, не может не оказать определенного влияния на стратегическое руководство в войне.

К решению всех вопросов об экономических возможностях страны следует подходить с точки зрения динамики событий. При этом нужно исходить не только из признания необходимости полного использования экономической мощи страны — нужно постараться исчерпать все имеющиеся возможности, чтобы увеличить эту мощь, обращая главное внимание на ликвидацию про-

рывов на отдельных важных участках производства, потому что такой прорыв значительно уменьшает весь объем выпускаемой продукции. Не было бы никакого смысла увеличивать производство боеприпасов, не обращая внимания на то, могут ли все находящиеся в производстве гранаты быть наполнены взрывчатым веществом. Нет смысла и строить самолеты без учета имеющегося в распоряжении авиационного горючего и т. д.

Во Второй мировой войне фактором, наиболее точно определяющим уровень военного производства, было главным образом сырье. В свою очередь, в планировании использования сырьевых ресурсов «ведущим сырьем» было железо. Все остальные виды сырья, необходимые для какого-либо производства, планировались в зависимости от количества железа, выделенного для этого производства, иными словами, железо как дефицит определяло не только объем всей продукции, но и размеры капиталовложений. Поэтому распределение запасов железа стояло во время войны в центре всего хозяйственного планирования. Однако такое важное положение железа само по себе отнюдь не исключало широких мероприятий по регулированию снабжения почти во всех областях экономической жизни. Управление экономикой в войне является вопросом не мировоззрения, а целесообразности. Каждое цивилизованное государство обязано заниматься им для того, чтобы как можно эффективнее и разумнее использовать имеющиеся в его распоряжении ресурсы. Недостатки во время войны не могут быть оставлены без внимания. Нельзя надеяться на то, что развивающаяся экономика сама устранил их. Противник не ждет. Всякое руководство экономикой, и тем более тотальной экономикой во время войны, таит в себе опасность бюрократизма и застоя. Поэтому одна из главнейших задач руководителей военной экономики — найти правильный синтез частной инициативы и государственного руководства. Совместная работа, общая направленность мыслей, единообразное приложение своих умений и знаний, равно как и идейное богатство экономистов, являются такими

предпосылками, которые в войне приобретают еще большее значение, чем в мирное время. Их нельзя заменить военными приказами. Знания специалистов в области экономики и промышленности должны использоваться не только в процессе производства, но и в процессе конструирования и при составлении производственных программ, так как современная война требует массового производства оружия, а всякое массовое производство требует простой конструкции, минимального числа усовершенствований и большой серийности.

К сожалению, во Второй мировой войне все эти истины были нами поняты и учтены слишком поздно. Решающим для успешного и целенаправленного развития военной экономики является полный учет того, что может дать вся военная экономика в целом. Ее руководители должны иметь полное представление о том, какие предпосылки определяют размеры промышленного производства. Они должны постоянно думать о том, какие из этих предпосылок можно изменить и в какой срок; они должны учитывать возможность экономического влияния на ход войны за счет увеличения производственных мощностей и снятия ограничений в использовании того или иного вида сырья и материалов. Разумеется, что перед каждой страной встают свои проблемы, связанные с военной экономикой, и, например, мощной экономике США присущи совершенно иные проблемы и задачи, нежели экономике Германии. Изоляция последней от мировых рынков сбыта, почти полное отсутствие экономических резервов и недостаток всех основных видов сырья не могут не оказать существенного влияния на выбор Германией стратегических целей и средств, с помощью которых эти цели могут быть достигнуты.

Получить максимальный эффект при затрате минимальных сил можно и должно в первую очередь в производстве вооружения. Тот, у кого имеются большие запасы сил и средств, может позволить себе производить такие виды оружия, о которых другой, не располагающий подобными средствами, не может и думать. Япония

сделала для себя из этого соответствующие выводы. Например, строить линкоры мы не могли ни до войны, ни во время нее, потому что затраты материалов, рабочей силы и производственных мощностей не оправдывались теми результатами, которые можно было получить, применив это оружие в войне. Не было смысла и увеличивать выпуск зенитных орудий, совершенно независимо от их эффективности, потому что мы просто не могли себе позволить растрачивать боеприпасы для такого оружия, которое на каждые две тысячи выстрелов производит одно попадание. Что же касается реактивного снаряда «Фау-2», то колоссальные затраты на производство этого огромного и чрезвычайно сложного снаряда опять-таки не окупались эффективностью его действия. Ведь если взглянуть на это дело трезво, то такой снаряд является обыкновенной бомбой, несущей в себе всего-навсего 1 т взрывчатки, причем совершенно нельзя предугадать заранее, куда этот снаряд упадет. Пожалуй, единственным немецким оружием, отвечающим требованию максимальной эффективности при минимальной затрате сил и средств на его производство, было противотанковое ружье «фауст-патрон». Несмотря на то что их появление относится к самому концу войны, даже в то время количество выпускаемых фауст-патронов доходило до одного миллиона штук в месяц. Это оружие можно назвать типичным оружием экономически бедных стран. Всякое крупное стратегическое планирование должно основываться на том, имеются ли для его осуществления необходимые экономические ресурсы (проблема перевозки войск на советской территории, обеспечение подвоза снабжения для африканского театра военных действий — наглядные примеры неправильного планирования).

Как чисто военное планирование, так и планирование военной экономики и военной промышленности обязательно предполагают наличие главного и второстепенных направлений. Если экономические ресурсы страны ограничены, то при подготовке любой крупной военной операции необходимо так рассчитать силы и средства и

так ввести их в действие, чтобы получить максимальный эффект. Это опять-таки возможно только в том случае, если основное направление в военной экономике совпадает с решением Верховного командования вооруженных сил. Но решения, конечно, следует готовить на основании данных, полученных в результате тщательного анализа обстановки, не оставляя места для интуиции. Путь, которым мы, к сожалению, шли во время Второй мировой войны, по крайней мере в первые годы, когда мы вначале ставили военные цели, а затем каждый «потребитель», исходя из этих целей, выводил «свои» требования и заказы на различное оборудование и технику и тем вносил сущую неразбериху в военную экономику, — этот путь, безусловно, ведет к самым серьезным ошибкам, ибо в этом случае промышленность настолько загружается заказами, что выполнить их не представляется возможным. Если все заказы в сумме являются невыполнимыми, то высший руководящий орган обязан решить, какими заказами можно или нужно пренебречь, чтобы удовлетворить более важные требования. Стратегические и тактические выводы для ведения войны и вообще всей политики, а если нужно, то и для заключения мира, делаются, как правило, на основании данных о состоянии вооруженных сил и экономики страны.

Состояние германской экономики в начале войны

Состояние германской экономики в начале войны может быть охарактеризовано следующим образом: к мировой войне Германия во всех отношениях была неподготовленной.

1. Снабжение сырьем, как важнейшая предпосылка всякого вооружения, было крайне ограниченным. Запасы сырья имелись лишь в некоторых районах и то в крайне недостаточных количествах. Ввоз сырья был сильно сокращен в результате блокады. «Заводы четырехлетнего плана», которые должны были значительно осла-

бить зависимость немецкой промышленности от импорта стратегического сырья, работали не на полную мощность. По плану они должны были расширить свое производство только в 1943 году. Спешные закупки, например, резины, а также черных металлов и легирующих металлов в июле и августе 1939 года не могли ликвидировать нехватку сырья. Германия не располагала ни одним видом сырья в достаточном количестве и не имела возможности добыть его в требуемых размерах. В самом начале войны один ответственный чиновник сказал автору данной статьи, что он имеет точные сведения о том, что война продлится «максимум семь месяцев, после чего запасы меди кончатся». Говоря так, этот чиновник, очевидно, не учел огромного количества меди, которое находилось в обращении в самой промышленности и, как потом оказалось, могло быть в значительной степени использовано для нужд войны. Положение с запасами меди характерно и для многих других видов сырья.

2. Размеры военного производства были самыми минимальными. В мае 1940 года, например, было произведено немногим больше 40 танков, в то время как в 1944 году, после двух лет бомбардировок, в результате которых многие заводы оказались разрушенными, ежемесячно выпускалось более 2 тыс. танков. В начале войны германская промышленность ежемесячно производила до 1 тыс. различных самолетов, включая гражданские, учебные и транспортные. Летом 1944 года одних лишь истребителей выпускалось ежемесячно 4 тыс. штук. Таких примеров можно привести очень много. Складов военного имущества имелось самое ограниченное количество. Поэтому за первые 14 дней войны с Польшей немецкая бомбардировочная авиация истратила весь запас бомб. Немецкая артиллерия только потому не сумела израсходовать весь запас снарядов, что во время молниеносных кампаний в Польше и Франции артиллерия применялась значительно реже, чем это было предусмотрено военными планами. Доля военной продукции в валовой продукции германской промышленности

составляла в 1940 году, то есть в первый год войны, менее 15%, в 1941 году — 19, в 1942 году — 26, в 1943 году — 38 и в 1944 году — 50%.

3. Положение с рабочей силой на всем протяжении войны было неудовлетворительным как в количественном, так и в качественном отношении. Предоставление брони производилось без учета квалифицированных кадров и специалистов, необходимых для научно-исследовательской и другой важной работы в тылу. Мобилизация женщин для работы в промышленности и на транспорте также отличалась большой непродуманностью.

4. Организация. В противоположность тому, насколько хорошо удалось решить организационно и технически проблему питания населения и армии, другие области хозяйства страны оказались в запущенном состоянии, руководство ими осуществлялось формально и совершенно не отвечало требованиям военного времени. Это объясняется отчасти всем ходом разработки и создания военно-экономических планов. Дело в том, что все планирование, в том числе и в области промышленности, находилось преимущественно в руках представителей вооруженных сил. Таким образом, первые хозяйственные планы составляли не хозяйственники, а солдаты. А когда война началась, то по соображениям секретности и ведомственного партикуляризма военные руководители не сочли нужным что-либо изменять в существующем порядке. Следствием этого явилось злополучное разделение промышленности на военные предприятия, подчинявшиеся вооруженным силам, и прочие заводы, которыми ведало министерство экономики. Правда, министр экономики Германии во время войны был возведен в ранг «генерального уполномоченного по экономике» и был посвящен в мобилизационные планы и приготовления. Но последние касались лишь формальной стороны дела и ничего не могли изменить в порочном разделении немецкой экономики на два лагеря. Последствия этого основного зла не были ликвидированы до самого конца войны. Наметив в 1936 году так

называемый «четырёхлетний план», руководители Германии думали, что с его помощью им удастся добиться единого решения для всех экономических проблем. Однако осуществлялся этот план слишком неметодично и ограниченно, а затрачиваемые при этом усилия не объединялись и не направлялись общим руководством. Организация военной экономики страдала непоследовательностью и отсутствием единства. Заводское оборудование и методы управления хозяйством были унаследованы еще от довоенной системы. Возникшие еще перед войной экономические трудности и рост дефицита вызывали острую необходимость некоторых мероприятий по упорядочению управления экономикой. Постепенно число этих мероприятий выросло до внушительных размеров, однако привести их к общему знаменателю, то есть координировать их, никому не удалось. Руководители германской экономики не осознали необходимости «тотального» управления экономикой страны и потому, конечно, не могли придать ее развитию целостный характер, несмотря на то что для организации такого центрального руководства у них еще до войны имелись достаточные организационные предпосылки.

С началом подъема экономики и осуществления «четырёхлетнего плана», а также с началом производства вооружения важнейшие области экономики стали особенно нуждаться в дополнительных кредитах, в строгом контингентировании сырья и регулировании выпуска продукции. Все это осуществлялось системой так называемых «государственных управлений» (например, государственное управление по добыче железа, государственное управление по металлам, государственное управление по минеральным маслам и т. д.). Эти «управления» представляли собой центральные служебные инстанции. Являясь частью аппарата Министерства экономики, они ведали всеми вопросами, связанными с каким-либо определенным сырьем или группой товаров. Они имели право распределять имеющееся сырье, регулировать его потребление, ограничивать капиталовложения в ту или иную отрасль промышленности или

полностью изымать их, изменять по своему усмотрению производственные программы, создавать запасы готовой продукции и направлять товары по определенным каналам. Государственными управлениями руководили специальные имперские уполномоченные, назначавшиеся частично из самих промышленников, частично из чиновников. С годами эти уполномоченные довели руководство своими управлениями и, следовательно, соответствующими отраслями промышленности и хозяйства до совершенства.

В качестве мобилизационного органа была создана еще и районная ведомственная организация наподобие земельных, окружных и других управлений продовольственного снабжения. На них возлагалось, с одной стороны, распределение предметов широкого потребления и предметов обихода по указанию государственных управлений (то есть распределение карточек на предметы одежды, мыло, уголь и др.), а также выдача всевозможных удостоверений. С другой стороны, они должны были проводить государственные мероприятия по оказанию поддержки тем предприятиям, которые не были официально объявлены военными. Последние, в свою очередь, были подотчетны инспекциям вооруженных сил и военно-промышленных управлений, на которые, со своей стороны, опирались заготовительные инстанции всех трех видов вооруженных сил, а также военно-экономический штаб и штаб вооружений.

И все же полного разделения немецкой экономики на два лагеря не произошло и не могло произойти ввиду сильного переплетения интересов и внутренней связи всех промышленных предприятий между собой, что, однако, не могло не привести к бесконечному дублированию и путанице.

Нормирование предметов обихода и предметов массового потребления принесло вскоре весьма удовлетворительные результаты. Система нормирования вполне оправдала себя и тогда, когда начались воздушные налеты противника на немецкие города и когда основной задачей органов нормирования стало уже не

снабжение населения карточками на промтовары, а обеспечение потерпевших от воздушных налетов предметами первой необходимости.

Регулирование выпуска готовой продукции и размеров капиталовложений все больше и больше страдало от наличия громадного количества служебных инстанций, занимавшихся этими вопросами. В данной статье слишком мало места, чтобы описать подробнее их деятельность. Однако во всей работе по управлению экономикой особое место занимали «чрезвычайные уполномоченные», направлявшиеся центральными органами власти на места для проведения «ударных» мероприятий. Постепенно центральным органам, в особенности органам управления земель и округов, удалось совместными усилиями уменьшить организационную путаницу и неразбериху на местах. Благодаря проделанной колоссальной работе и желанию всех работать целеустремленно многие трудности, созданные вначале неправильной организацией руководства экономикой, были вскоре устранены. И все же полностью наладить четкое и эффективное руководство экономикой, несмотря на все принятые меры, не представлялось возможным. Это объясняется прежде всего тем, что в верхах не было ясного представления об общем росте и развитии экономики, не было общего учета экономического потенциала; отдельные мероприятия оставались несогласованными, и, самое главное — не был выработан такой план развития экономики, который соответствовал бы нашим экономическим ресурсам. У нас не было Кабинета министров.

Часто объем и рост капиталовложений и производства зависел больше от личной инициативы ответственных за это служебных инстанций и уполномоченных, чем от срочности и необходимости тех или иных заказов.

Промышленники, однако, обладали удивительной способностью ориентироваться в этом лабиринте служебных инстанций, которые зачастую буквально противоречили друг другу. Но нередко даже самые настойчивые из директоров промышленных предприятий не мог-

ли пробиться сквозь эту организационную трясину. Сотрудничество компетентных специалистов по экономике и производству вооружений было сначала недостаточным, и поэтому проблемы, связанные с серийным производством какого-либо вида продукции, часто оставались неразрешенными до конца. Всевозможные заказы военным заводам делались главным образом не с точки зрения рационального использования материалов и денежных средств, а большей частью исходя из практики недостаточно компетентных в вопросах экономики заготовительных инстанций, которые часто руководствовались ошибочными соображениями. После того как руководство германской экономикой было возложено на Шпеера, недостатки и пороки в аппарате управления, вызванные двойственностью подчинения и организационным хаосом, удалось частично устранить.

Отсутствие у руководителей Германии общей картины развития экономики привело в первые годы войны к неправильной оценке экономических возможностей и, следовательно, к решающим ошибкам в военном планировании.

После войны на Западе

Война на Западе резко изменила военно-экономическую обстановку в Германии. Во-первых, значительно улучшилось положение с сырьем. Норвегия, Голландия, Бельгия и главным образом Франция накопили в своих портах за первые семь месяцев войны огромные запасы стратегического сырья: металлов, горючего, резины, сырья для текстильной промышленности и т. д., которые теперь оказались в руках немцев в качестве военных трофеев. Промышленность этих стран также была хорошо снабжена сырьем и могла выполнять крупные немецкие заказы, не нуждаясь в новом сырье. База производства железа и стали была значительно расширена тем, что угольные шахты, рудники и сталелитейные заводы Голландии, Бельгии, Франции и Польши достались нам

почти невредимыми. Германии, таким образом, была предоставлена исключительная возможность развить свою экономику за счет крупнейших промышленных предприятий захваченных стран. Положение с рабочей силой в сельском хозяйстве значительно улучшилось благодаря тому, что сюда было направлено около 1 млн. польских военнопленных, а нехватка рабочих рук в промышленности была компенсирована использованием на немецких заводах французских военнопленных. Количество военнопленных было так велико, что использовать их всех в Германии в то время оказалось невозможным и ненужным, поэтому сотни тысяч голландских и бельгийских военнопленных были отпущены к себе на родину. Позднее часть их с большим трудом была опять завербована для работы в Германии. В отдельных отраслях военной промышленности сильно увеличилась тяга к передаче заказов предприятиям оккупированных районов, как это было, например, с производством автомашин во Франции. Но в общем начиная с лета 1940 года Германия даже наполовину не исчерпала своих экономических возможностей. Решающего увеличения выпуска военной продукции, к сожалению, не наступило. Незначительный расход боеприпасов в войне на Западе привел к тому, что некоторые отрасли промышленности стали сокращать объем своей продукции. Расширению производства мешала также и неуверенность промышленников в необходимости выпускать новые типы танков, самолетов и орудий. Небольшие потери материальной части в только что закончившейся молниеносной войне привели к недооценке техники в современных кровопролитных и насыщенных техникой сражениях. Надежда наших руководителей на быстрое завершение любой войны тормозила деятельность многочисленных служебных инстанций. Даже ответственные лица не обладали достаточной фантазией, чтобы представить себе масштабы будущей воздушной войны и принять соответствующие меры для организации активной обороны территории Германии с воздуха. Производство такого средства противовоздушной оборо-

ны, как истребители, оставалось поразительно низким, и количество выпущенных истребителей не превышало 10—20% годовой продукции последующих лет. Оглядываясь назад, можно без преувеличения сказать, что экономически война была проиграна Германией еще в 1940—1941 годах. Ни мощь вооруженных сил, ни производительность военной промышленности не были доведены до наивысшего возможного уровня, и потерянное тогда время уже не могло быть наверстано.

В войну с Советским Союзом мы вступили в июне 1941 года, имея всего лишь 2,5 тыс. танков. Эта цифра соответствовала месячной продукции 1944 года. В 1942 году судьба самых решающих сражений на Востоке зависела от наличия или нехватки всего лишь каких-нибудь пяти-шести сотен танков, то есть такого количества, которое в 1943—1944 гг. выпускалось в течение одной недели. То, что развитие военной экономики Германии пошло на убыль именно в течение этих двух лет, в немалой степени объясняется ее организационной раздробленностью и неправильным руководством. Одни военные органы управления, безусловно, не могли решить столь трудную и ответственную экономическую задачу. Это стало понятным уже вскоре после начала войны. Поэтому для большего напряжения усилий в этой области главный строитель немецких автострад доктор Тодт был назначен министром вооружений и боеприпасов. Он пытался разрешить эту задачу, руководя действиями управлений вооружений армии, авиации и флота, а также действиями заготовительных инстанций только с помощью своего сравнительно небольшого штаба. При этом он недооценил того момента, что его деятельность должны были неизбежно тормозить неповоротливость и бюрократизм ведомственного аппарата, охватывавшего не одну тысячу людей. Поэтому, несмотря на все усилия, он не мог добиться самого главного — быстроты. Правда, в некоторых ведущих отраслях военной промышленности были достигнуты большие успехи, но в конце 1941 года сам Тодт вынужден был признать, что его попытка расширить военное производство под руко-

водством представителей вооруженных сил оказалась напрасной. Тогда у него родилась идея возложить ответственность за производство вооружений на самих промышленников. Однако в январе 1942 года он погиб при воздушной катастрофе, а обязанности министра вооружений и военного производства принял в феврале 1942 года, то есть в тот момент, когда немецкая армия переживала кризис в России, не кто иной, как Альберт Шпеер.

Развитие военной экономики в 1942—1943 годах

Кризис немецкой армии в России зимой 1941 года создал чрезвычайно угрожающее положение и в отношении проблемы вооружений. Немецкая армия потеряла в России очень много военной техники. Нужно было заново вооружить целые дивизии и даже армии. Кроме того, требовалось сформировать и вооружить новые части и соединения. Вступление в войну США дало повод ожидать, что они увеличат производство вооружений, а это могло принести определенную пользу и России. Для того чтобы решить все эти задачи, нужно было значительно увеличить выпуск всех военных материалов. Шпеер был убежден, что осуществить это прежними методами ему не удастся, и поэтому переложил ответственность за производство всех важных предметов вооружения, а позднее и всей военной продукции на самих промышленников. Он потребовал для себя самых широких полномочий и получил их. Они касались всей военной экономики. Поэтому Шпеер если не формально, то фактически вступил на место Геринга. Ответственность за вооружение армии немедленно легла непосредственно на Шпеера. Несколько позднее, по желанию Дёница, на него была возложена ответственность и за вооружение военно-морского флота. Однако полное право распоряжаться самолетостроением, что было от-

нюдь не в пользу немецкой авиации, Шпеер получил от Геринга лишь через некоторое время. Несмотря на это, Шпеер благодаря своим хорошим отношениям с фельдмаршалом Мильхом сумел оказать влияние и на эту отрасль промышленности.

Секрет успеха Шпеера состоял в том, что от него исходила какая-то огромная живительная сила, с помощью которой он увлекал за собой буквально всех. Кроме того, на него не повлияли и существовавшие до него недостатки и те противоречия, которыми была полна до него вся военная экономика Германии. Обладая способностью быстро и правильно оценивать обстановку, быстро принимать соответствующие решения и проводить их в жизнь, он весьма разумно использовал свои полномочия, никогда не руководствуясь предвзятыми мнениями. В течение нескольких месяцев им было создано много так называемых «комитетов» и «центров», где сотни специалистов-хозяйственников занимались планированием и практическим руководством военной экономикой. В этой системе каждая отрасль военной промышленности имела свой «главный комитет», руководившийся специалистами в данной отрасли. Руководителями «главных комитетов» иногда назначались самые лучшие и активные промышленники. Комитеты имели право свободного подбора сотрудников, которые в большинстве своем приходили сюда из промышленности. Каждый «главный комитет» разделялся на подкомитеты, которые несли ответственность за определенный вид вооружения. Так, например, в главном комитете пехотного оружия один особый подкомитет руководил производством пулеметов, другой — производством полевых гаубиц и т. д. Наряду с этим для руководства поставками военных материалов создавались так называемые «центры». Именно в вопросах поставок и оказывалось всегда больше всего непредвиденных трудностей, без устранения которых невозможно было составить ясные производственные программы и рациональнее использовать производственные мощности. До появления «центров» военные заготовительные

инстанции направляли свои заказы, скажем, на танки, какой-либо ведущей танкостроительной фирме, а та, в свою очередь, «выбирала» для производства различных частей танков отдельные «подходящие» предприятия. Это приводило к неуравновешенной загрузке предприятий. Теперь же «центры» стабилизировали работу промышленности. Если, например, кому-то требовались зубчатые колеса, то все заказы шли в «центр зубчатых колес», который заботился о том, чтобы загрузка предприятий производилась равномерно и целесообразно. Для каждого «комитета» и «центра» составлялись определенные производственные программы, которые они должны были выполнять точно к установленному свыше сроку. В этих организациях день и ночь трудились тысячи специалистов-хозяйственников (это была почетная работа), которые в очень трудных условиях добивались исключительных результатов. Лейтмотивом всей работы была типизация выпускаемой продукции, экономия материалов и рабочей силы, устранение или предотвращение кризисов сырья и рационализация производства. «Комитеты» и «центры» Шпеера немало сделали и для того, чтобы максимально, насколько это позволяли условия воздушной войны, концентрировать и специализировать производство. Между отдельными заводами был налажен широкий обмен опытом, позволявший быстро передавать достижения лучших заводов другим предприятиям.

Кроме того, важной задачей «комитетов» было путем соответствующей организации производственного процесса сократить необходимое количество специалистов на предприятиях и сделать возможным использование в промышленности неквалифицированных рабочих. Нет сомнения, что в ходе выполнения этой задачи удалось добиться существенных технических успехов. В то же время руководители «комитетов» и «центров» нередко в своей деятельности вмешивались в дела неподотчетных им организаций и служебных инстанций, что давало повод для возникновения многих трений. Но решающим оставалось то, что к работе в «комитетах» и «центрах»

привлекались тысячи хозяйственников, не привыкших к бюрократии и имевших большой практический опыт. Действуя быстро, решительно и целеустремленно, эти хозяйственники буквально всколыхнули всю немецкую экономику и создали предпосылки для колоссального увеличения объема выпускаемой военной продукции. От руководителей предприятий, технического персонала и рабочих потребовалось не только исключительное напряжение сил и выдержка, но и большая изобретательность, чтобы под градом бомб и в условиях постоянных перемещений заказов выполнять поставленные им задачи по расширению производства. И ни саботаж, ни «итальянские забастовки» иностранных рабочих ни разу не сорвали выпуск военной продукции.

Наряду с расширением производства предметов вооружения Шпеер интенсивно увеличивал добычу угля, выплавку железа и производство других видов основной продукции. Для руководства угольной промышленностью было создано специальное Имперское угольное объединение, а для руководства железнорудной промышленностью — Имперское объединение по производству железа. Оба этих объединения возглавили наиболее опытные специалисты-хозяйственники. Распределением остальных сырьевых ресурсов и производством основных материалов, а также регулированием гражданского производства ведали созданные еще раньше хозяйственные группы. Их полномочия были теперь расширены, и они вполне успешно справлялись со своими задачами.

Выпуск предметов широкого потребления был ограничен. Эти предметы шли в первую очередь на удовлетворение нужд пострадавших от воздушных налетов. Таким образом удавалось высвободить некоторую часть производственных мощностей для производства военных материалов. Нехватка рабочей силы компенсировалась привлечением к работе на предприятиях женщин, перемещением заказов в оккупированные районы и вербовкой иностранных рабочих. Гражданские заводы и фабрики переводились на военные рельсы настолько

успешно, что, например, текстильные фабрики вскоре стали лучшими предприятиями по изготовлению электротехнического оборудования и даже боеприпасов. Как правило, немецкие заводы и фабрики не ограничивались только выполнением и перевыполнением производственных задач, они внедряли широкий режим экономии, и в особенности металлов и компонентов для очистки и повышения качества стали, что значительно сократило потребление сырья. Большое применение нашли себе и эрзац-материалы, особенно в тех случаях, когда нехватка сырья была совершенно непреодолимой. Благодаря производству и внедрению газогенераторов сильно снизился расход жидкого и твердого топлива. Регулярно проводились широкие кампании по сбору железного лома и металлов. Для того чтобы доставить промышленности необходимые ей резину и в особенности металлы для производства особых сортов стали, весьма успешно применялись прерыватели блокады¹. Предприятия, имевшие особо важное значение, строились под землей для более надежной защиты их от бомбардировок с воздуха. В общем и целом нарисовать более или менее полную картину всех событий этих лет почти невозможно. Это была поистине гигантская и вместе с тем трагическая попытка в лихорадочной спешке и в условиях постоянного ухудшения обстановки на фронте наверстать упущения первых лет войны. И хотя руководители германской экономики поняли, что аппарат управления не в состоянии справиться с существующими в этой области беспорядками, они не смогли провести радикальной реформы управления хозяйством, потому что для этого у них не было ни сил, ни времени. Правда, определенного успеха удалось добиться за счет создания так называемого центрального планового управления, деятельность которого была направлена на то, чтобы получить не имевшуюся ранее общую картину

¹ Специально оборудованные и вооруженные торговые суда или корабли ВМФ (чаще всего подводные лодки), которым ставилась задача прорвать блокаду на море и доставить нужное стратегическое сырье.

положения в экономике, определить наибольшие трудности, дать правильные указания для их устранения или, если это оказывалось невозможным, сделать выводы из создавшегося положения.

Центральное плановое управление было создано слишком поздно (в ноябре 1943 года), однако оно сумело подготовить необходимые материалы, на основе которых «совет четырех» под председательством самого Шпеера принял соответствующие решения. Деятельность этого управления была особенно затруднена тем, что непрерывно ухудшающаяся обстановка на фронте увеличивала потребность в вооружениях, причем в своих просьбах и требованиях каждая служебная инстанция стремилась заручиться «приказом фюрера», чтобы произвести наибольший эффект. В течение 1942 и 1943 годов центральное плановое управление разработало под руководством Шпеера нечто вроде общего плана, которым благодаря тщательному контингентированию железа как «ведущего сырья» был установлен приблизительный объем валовой продукции отдельных отраслей промышленности. В соответствии с установленными нормами распределения железа были определены и нормы расхода всех остальных видов сырья, рабочей силы, топлива, транспортных средств и т. д. В результате удалось постепенно ликвидировать ошибки руководства, связанные с постоянными изменениями, вносимыми в программу выпуска той или иной продукции, и неправильным контингентированием сырья. Между сопредельными отраслями промышленности, как, например, между танкостроением и производством бензина, между производством боеприпасов и взрывчатых веществ, были установлены более тесные и правильные отношения. Однако и центральное плановое управление не могло остаться в стороне от общей тенденции, вызванной сложившимися обстоятельствами, составлять завышенные производственные программы, которые промышленным предприятиям были иногда не под силу.

Последствия новой системы управления и планирования отразились на производстве вооружений, естест-

венно, не сразу, но характерным признаком того, что эта система была правильной, явилось непрерывное увеличение выпуска продукции вплоть до середины 1944 года. Выше уже указывалось на увеличение доли военной продукции в валовой продукции всей германской промышленности. Наряду со значительным увеличением добычи и производства сырья и основных материалов (угля, железа, жидкого топлива, синтетического каучука, химического волокна и т. д.) эта эпоха характеризовалась сильным ростом производства вооружений. Эти достижения лучше всего видны из следующих показателей¹:

Наименование продукции	1942	1943	1944
Танки, шт.	9300	12 700	27 000
Орудия, шт.	11 800	17800	40 000
Самолеты, шт.	14 500	25000	38 000
Подводные лодки, т	191 000	202 000	233 000
Боеприпасы*	1 270 000	1 650 000	3 350 000

*В расчетных тоннах Генштаба.

Приведенные выше данные за 1944 год не дают полного представления о степени роста производства вооружений, так как начиная с сентября 1944 года оно резко сократилось, отчего общие цифры на 1944 год выглядят сильно заниженными. Средние цифры месячного производства в первой половине года значительно выше тех, которые можно вывести из общих цифр таблицы.

Несмотря на сокращение производства предметов широкого потребления, население не страдало от недостатка этих предметов. Здесь, так же как и в военной промышленности, были достигнуты значительные успе-

¹ К сожалению, автор не располагает данными о производстве вооружения в 1940—1941 годах.

хи в деле производства важнейших предметов потребления и обихода, необходимых для удовлетворения потребностей как внутри страны (особенно выросших в связи с налетами авиации противника), так и в вооруженных силах. В 1942 году, например, три миллиона солдат на Восточном фронте были обеспечены зимним обмундированием на 4—5 месяцев. Некоторое представление о снабжении населения предметами широкого потребления дают следующие цифры товарооборота розничной торговли Германии начиная с 1939 года (в млрд. марок):

1939 г. —	37,8
1940 г. —	35,7
1941 г. —	35,4
1942 г. —	33,7
1943 г. —	33,0

В количественном отношении сокращение производства предметов первой необходимости для гражданского населения является еще более сильным, если учесть, что розничные цены в среднем повысились на 10%. И все же в тех условиях это было существенным достижением, если, например, доля торговли предметами домашнего обихода составляла 65% всего товарооборота, а текстильными товарами и одеждой — 78% по сравнению с 1939 годом. Совершенно исключительное значение приобрела задача удовлетворения предметами первой необходимости пострадавших от налетов авиации противника, если учесть, что к середине 1943 года общее количество пострадавших увеличивалось ежемесячно на 250—300 тыс. человек. Это были пострадавшие, которые потеряли буквально все, кроме того, что случайно оказалось одетым на них самих. (Понесшие частичный ущерб учтены наравне с потерявшими все.) Следствием воздушных налетов на крупные города, и в особенности на жилые кварталы, было также и уничтожение большого количества складов розничной и оптовой торговли, а также складов промышленных

предприятий. Все это поглощало немалое количество текущей продукции. Наряду с производством вооружений и продукции мирного характера Германия поддерживала еще и значительное производство на экспорт в нейтральные, дружественные и оккупированные страны. Статистика важнейших статей экспорта приводится в нижеследующей таблице (в млн. марок):

Год	Общая стоимость вывезенных товаров	Общая стоимость вывезенных товаров (по ценам 1938 г.)	Общая стоимость вывезенных товаров (%) к 1938 г. (по ценам 1938 г.)
1938	5619	5619	100,0
1939	5222	5856	104,2
1940	4868	3756	67,0
1941	6841	4391	78,1
1942	7560	4451	79,2
1943	8600	4597	81,8

Военная экономика и воздушная война

С середины 1943 года на военную промышленность Германии и военную экономику в целом стали оказывать большое влияние участившиеся налеты авиации противника. Главное место в программе строительства немецкой авиации с давних пор занимало наступательное оружие, то есть бомбардировщики и истребители-бомбардировщики. Но их применение на фронте было весьма затруднено в связи с увеличением числа и расширением территории театров военных действий. Отсутствие достаточного количества аэродромов на Востоке увеличивало износ материальной части. Усиленные приготовления, проводившиеся Англией и США в области самолетостроения, не были своевременно учтены Гер-

манией ни в отношении их масштабов, ни в отношении той опасности, которую представляли собой новые радарные установки противника, позволявшие ему значительно повысить качество бомбометания. Все надеялись на то, что обеспечить ПВО страны удастся исключительно за счет зенитной артиллерии. Лишь позднее Мильху удалось добиться увеличения производства истребителей. Но производство их для массового использования, учитывая очень быстрый износ, оставалось до начала 1944 года очень незначительным (до 1 тыс. машин в месяц). К тому же истребители, предназначенные для обороны самой Германии, постоянно изымались из системы ПВО страны для облегчения положения на фронтах.

Поистине серьезной воздушная обстановка над Германией стала с того времени, когда начались ужасающие массированные налеты авиации противника на жилые кварталы больших городов, в результате которых жилые дома один за другим превращались в сплошные развалины. Однако даже эти налеты не могли сломить дух сопротивления населения и решающим образом снизить выпуск военной продукции благодаря рассредоточению и перемещению многих строительных и сборочных заводов в другие районы. Потери в промышленности от воздушных налетов удалось значительно сократить. Стратегически важные предприятия были спрятаны под землю и уже в первой половине 1944 года стали давать продукцию.

За периодом бомбардировок густонаселенных городов последовал период налетов на предприятия ключевых отраслей промышленности (танковые, моторостроительные, шарикоподшипниковые, автомобильные и другие заводы). С начала 1944 года главным объектом воздушных налетов стали авиационные заводы. В феврале 1944 года в течение нескольких дней воздушным атакам подверглось 50% авиационных заводов, причем многие из них были почти целиком разрушены. Но благодаря огромным усилиям дирекций заводов и рабочих коллективов каждый раз удавалось вновь восстанавли-

вать производство или перемещать заводское оборудование в другое место. Правда, выполнение программы замедлялось, но производство, несмотря на сыпавшийся сверху град бомб, непрерывно возрастало и достигло максимального уровня в июле 1944 года. Зачастую заводы продолжали выпуск продукции в таких условиях, в которых в мирное время всякая работа была бы прекращена. Производство вооружений в 1944 году находилось на таком уровне, который в нормальной обстановке позволял обеспечить любые потребности всех вооруженных сил. Но в этот момент на Востоке и на Западе противники нанесли немецкой армии совершенно небывалый урон. Отступая, немецкие войска бросали на поле боя огромное количество боевой техники. Наряду с созданием полных комплектов вооружения для новых крупных формирований приходилось уделять большое внимание вопросам пополнения и замены вышедшей из строя техники. Несмотря на эти крайне неблагоприятные обстоятельства и огромную дополнительную нагрузку от бесконечных воздушных налетов противника, валовой выпуск промышленной продукции в Германии увеличился в 1944 году в среднем на 60% по сравнению с 1943 годом. Валовой продукции 1944 года вполне хватило бы на то, чтобы полностью вооружить и оснастить 225 пехотных и 45 танковых дивизий.

Программа строительства подводных лодок нового типа, защищенных специальной обшивкой от действия радарных установок противника, в основном выполнялась. Уже в декабре 1944 года военно-морскому флоту было передано свыше 30 таких подводных лодок. К тому же времени было построено и снабжено горючим на три месяца свыше 900 реактивных самолетов, однако никто и никогда не сможет сказать, почему эти самолеты не были использованы массированно для отражения воздушных налетов противника. Исход воздушной войны был решен, когда в конце апреля 1944 года противник начал бомбить электростанции и заводы по производству синтетического бензина, азота и синтетического каучука. Эти предприятия были наиболее уязвимыми, так

как они в противоположность другим военным предприятиям концентрировались по преимуществу в одном весьма небольшом по площади районе. Максимальные цифры добычи и производства сырья и основных материалов, то есть главным образом угля, железа и химических продуктов, были достигнуты в апреле 1944 года. Ниже приводится таблица, цифры которой наглядно показывают максимальный уровень добычи и производства основных материалов и катастрофический упадок в развитии германской экономики в 1944 году.

**ДОБЫЧА И ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНЫХ МАТЕРИАЛОВ
(В ТЫС. ТОНН) В 1943—1944 ГГ.**

	Средне- сячный вы- пуск 1943 г.	1944 год			
		март	июль	ок- тябрь	де- кабрь
Каменный уголь	22 300	24 700	22 600	16 200	14 300
Сырая сталь	2500	2700	2500	2000	1000
Минеральные масла	625	733	346	?	200
Азот	77	84	57	37	20
Синтетический каучук	9,6	12	10	5	1,8
Взрывчатые вещества	34	—	49	36	31

Производство важнейших видов продукции не снизилось только благодаря тому, что начиная с марта 1944 года в одной лишь химической промышленности более 250 тыс. рабочих непрерывно занимались восстановлением заводов, разрушенных неоднократно воздушными налетами противника. Весьма интересным является тот факт, что, например, бензиновые заводы, на которые за один лишь налет было сброшено свыше 2 тыс. бомб и которые неискушенному наблюдателю представлялись грудой исковерканных труб и балок, были

через 6 — 8 недель снова сданы в эксплуатацию, а через несколько дней опять разрушены. Поскольку вражеская авиация могла совершать лишь определенное количество крупных воздушных налетов в месяц, возникло настоящее соревнование за то, чтобы быстро налаживать вышедшее из строя оборудование хотя бы на несколько недель или даже дней. В сентябре 1944 года бывали дни, когда в Германии не производилось ни одной тонны бензина, а в октябре — ноябре того же года производство бензина снова налаживалось. До середины года еще кое-как удавалось обеспечить вооруженные силы горючим за счет предельной экономии и использования всех имеющихся запасов. Но с начала второй половины года, когда все запасы горючего оказались исчерпанными, нехватка горючего превратилась в существенную помеху, срывавшую или чрезвычайно замедлявшую подготовку и проведение всех оперативных мероприятий немецкого командования.

Конец

Экономические события 1944 года характеризуются, с одной стороны, сильным развитием военной экономики и увеличением выпуска военной продукции, а с другой — огромными разрушениями, вызванными воздушной войной. Поэтому общее положение стало настолько противоречивым, что нам представляется целесообразным подытожить все вышесказанное.

В течение первых четырех месяцев 1944 года германская военная экономика развивалась под знаком дальнейшего увеличения мощности. Показатели роста добычи сырья и производства основных материалов поднялись в марте и апреле на новую, высшую ступень. Осуществление мероприятий, начатых еще в 1943 году, сделало возможным и в дальнейшем увеличивать производство вооружения. И в этой области в июле и августе были отмечены новые, максимальные показатели.

Успешное продвижение союзников во Франции в июле 1944 года обусловило изменение военной и политической обстановки. Изгнание немецких войск из большей части оккупированных областей привело к ухудшению экономического положения Германии и глубоко повлияло на ее экономическую мощь. В связи с оккупацией противником Бельгии, Франции, а позднее Румынии, Балкан и Финляндии сырьевой базис оставшейся в руках немцев территории существенно изменился. Промышленное производство в связи с прекращением поставок из бывших оккупированных районов и возникновением угрозы для промышленности пограничных районов было поставлено в весьма критическое положение. Интенсивные воздушные налеты на немецкие авиационные заводы, начавшиеся в феврале этого года, не достигли своей цели. Производство самолетов постоянно увеличивалось. Зато начавшиеся с мая систематические концентрические налеты на заводы и склады горючего возымели свое действие и, несмотря на широкие восстановительные работы, положили начало резкому падению производства горючего и азота (производство их тесно связано). Начиная с осени нехватка бензина сильно отразилась на снабжении армии и населения. И все же, несмотря на все эти трудности, германская экономика в сентябре все еще не была сломлена и выпускала такое количество продукции, которое еще могло кое-как удовлетворять уменьшившиеся потребности в результате сокращения территории.

С октября воздушным налетам стали подвергаться всевозможные объекты на транспорте: сортировочные станции, железнодорожные линии, мосты, каналы и т. д. Перемежаясь с дезорганизующими атаками самолетов на бреющем полете, бомбардировки парализовали всю транспортную сеть страны. Поэтому еще до поражения Германии на Восточном фронте, в январе 1945 года, германскую экономику можно было до некоторой степени восстановить, только полностью изменив обстановку в воздухе, то есть лишив авиацию противника господства в воздухе. Сосредоточение воздушных налетов на

объекты транспорта обеспечило противнику наибольший успех. Если бы союзники сделали это не в самом конце войны, то военная экономика Германии была бы соответственно парализована гораздо раньше.

Анализ состояния германской экономики в конце 1944 года показывает, что, несмотря на все тяжелые испытания, разрушения и захват противником части территории, она обладала еще некоторой производственной мощностью и совершенно необычайной живучестью. Прорывы в промышленности и на транспорте почти всегда удавалось ликвидировать своевременными и решительными мерами, которые своей эффективностью объяснены прежде всего дисциплинированности и самоотверженности всего населения страны.

Первые тревожные признаки существенного разлада на транспорте, личный состав которого в течение долгого времени, несмотря на все трудности, успешно выполнял свой долг, появились в конце 1944 года. Сокращение перевозок отрицательно сказалось на использовании оставшихся еще запасов сырья и материалов и привело к временной, а в некоторых случаях и к окончательной остановке многих предприятий.

С тех пор как после катастрофы под Сталинградом и выхода из войны Италии окончательно выявилось, что противник целиком захватил в свои руки все воздушное пространство Германии, рабочие военных предприятий совершенно потеряли всякую надежду на счастливый исход войны. И все-таки каждый независимо от политических убеждений продолжал упрямо стоять на своем посту. Люди верили в то, что им нужно выиграть время для каких-то «мирных переговоров», которые предотвратят «безоговорочную капитуляцию». Поэтому сопротивление Германии окончательно было сломлено только тогда, когда вместо ожидаемого постепенного улучшения противовоздушной обороны (предполагалось использование в системе ПВО реактивных истребителей) население и промышленность страны оказались беззащитными от вражеских бомбардировок и обстрела с воздуха, когда большая часть Германии была окку-

пирована войсками противника и когда миллионные потоки беженцев с востока и запада создали такой невообразимый хаос, в котором навсегда исчезла всякая возможность организованной жизни и работы.

Вальтер Кумпф

ОРГАНИЗАЦИЯ ТОДТА

Огромный технический прогресс нашего века, большие масштабы операций, равно как и повышенные требования к полевым сооружениям, путям подвоза, мостам, аэродромам и т.п., вызвали необходимость наряду с сохранением всех существовавших традиций создавать крупные формирования строительных войск.

В последние мирные годы перед Второй мировой войной стало ясно, что для разрешения всех огромных задач, связанных со строительством оборонительных и других сооружений, нужно найти новые технические методы и новые организационные формы.

Примером для строительства оборонительных сооружений, а именно «линии Зигфрида» (1937 год) явилась постройка «имперских автострад». Строительство этой особой сети дорог дальнего сообщения, начатое в 1934 году, поставило перед строителями и их руководством задачу невиданных до сего времени масштабов. Решить эту задачу удалось только благодаря тесному взаимодействию всех строительных организаций, а также в результате более рационального и эффективного использования всех имеющихся сил и средств. Между строительными и поставляющими организациями было установлено тесное деловое сотрудничество и урегулированы вопросы использования специалистов и оборудования. Сосредоточение большого количества рабочей силы на отдельных наиболее важных участках потребовало проведения особых мероприятий для организованного размещения рабочих неподалеку от места работ. Сверх того, в административном порядке были решены и

некоторые вопросы, касающиеся трудового права, как, например, вопрос о заработной плате, о тарифных расценках и пр. Эти новшества были разработаны и осуществлены под непосредственным руководством генерал-инспектора путей сообщения Германии. Все предпринятые меры настолько себя оправдали, что опыт строительства дорог был использован и при строительстве «линии Зигфрида», правда, в несколько измененной и расширенной форме, отвечающей новым условиям. Этой формы придерживались во время проведения оборонительных работ на всем протяжении от голландской до швейцарской границы. По имени вдохновителя и руководителя этих работ вся строительная организация вскоре стала называться организацией Тодта.

Все мероприятия организации Тодта проводились на основании подрядов на строительство и поставки, заключаемых между генерал-инспектором и фирмами или корпорациями, причем основой для них служили оправдавшие себя ранее положения и нормы различных инструкций вроде «Инструкции о подрядах» и др.

Новый вид организация Тодта приобрела тогда, когда в начале войны на Западе возникла необходимость использовать ее за пределами Германии для решения вопросов, связанных непосредственно с военными действиями. Из «строительных управлений линии Зигфрида» были созданы управления фронтового строительства, на которые в первую очередь возлагалась задача восстановления шоссейных и железнодорожных мостов, ремонт полотна шоссейных и железных дорог и т.п. При штабе каждой армии было создано главное строительное управление, куда входило определенное количество строительных управлений и строительных отрядов. Строительные отряды формировались строительными фирмами и в большинстве случаев носили их названия. Руководили ими сотрудники строительных управлений и фирм. Фронтовые соединения организации Тодта были моторизованы и могли следовать непосредственно за продвигающимися вперед войсками.

Во время первых работ организация Тодта не имела еще специальной формы одежды. Рабочие носили в основном гражданскую одежду, в которой они работали в самой Германии. Разумеется, что в районе боевых действий это оказалось невозможным. Поэтому из запасов бывшей чехословацкой армии рабочим была выдана единая форма оливкового цвета, значительно отличавшаяся от обычной военной формы цвета хаки. В связи с этим возникли новые трудности. В приказе командующего 6-й армией в начале июня 1940 года о новом обмундировании для организации Тодта отмечалось, что носящие такую форму — немцы, а не солдаты противника, что их нельзя ни обстреливать, ни брать в плен. Этот приказ весьма наглядно иллюстрирует создавшееся положение. Когда же и после приказа недоразумения не прекратились, к этой форме была введена нарукавная повязка со свастикой. Таким образом, мероприятие чисто военно-делового характера привело к тому, что у многих сложилось впечатление, будто бы вся организация Тодта является партийной организацией¹.

С этого времени ни одно крупное строительное мероприятие на фронте или в тылу было уже немыслимо без организации Тодта, и нет такого театра военных действий, где бы не использовались ее отряды.

Особым испытанием для организации Тодта была война на Востоке. Там наряду со строительными работами невиданных до того времени масштабов на нее была возложена и задача доставки из Германии строительных материалов, и обеспечение бесперебойного снабжения войск.

С течением времени между руководящими инстанциями организации Тодта и командованием немецких войск установились весьма тесные отношения. Постепенно на эту организацию были возложены все строительные задачи, имевшие военный характер. Руководители оперативных групп организации, находившихся в

¹ Организация Тодта имела почти такую же форму одежды, что и партийные организации (напр., отряды СС, СА и др.).

распоряжении групп армий, одновременно являлись и «строительными уполномоченными», возглавлявшими строительную службу этих групп армий. Им подчинялись и строительные части всех трех видов вооруженных сил.

К обширным и многосторонним фронтовым задачам организации Тодта во второй фазе войны прибавились еще и задачи в тылу: ликвидация последствий воздушных налетов противника и строительно-технические мероприятия, связанные с переводом особо важных промышленных предприятий в более надежные помещения.

Общее руководство организацией Тодта находилось в Берлине. В связи с ростом организации и расширением круга ее деятельности она превратилась из существовавшего при управлении генерального инспектора путей сообщения отдела в Министерстве вооружений и военного производства в самостоятельное управление организации Тодта.

Организация Тодта была совершенно новым органом как для строительной администрации и всего строительного хозяйства, так и для армии. Она не числилась ни в одном мобилизационном плане и не была связана ни с какими традициями. Собственно говоря, она являлась больше «импровизацией», чем «организацией». Прежде всего она не была «ведомством» в обычном понимании этого слова, хотя с течением времени ей приставили некоторое подобие «административной головы». Она представляла собой лишь некую форму сотрудничества хозяйственников и строителей с целью более рационального выполнения крупнейших строительных задач и полного учета военных нужд.

Именно в объединении хозяйства и администрации и заключалась сила этой организации. Всюду, где удавалось выявить хоть какие-либо экономические возможности для строительства, эта организация выполняла свои задачи настолько правильно и точно, как этого не сделали бы никакие другие строительные войска. В рамках данной статьи невозможно дать подробное опи-

сание всех мероприятий и работ, проведенных организацией Тодта за время войны. Однако следует все же указать на отдельные наиболее крупные и трудоемкие работы. К первым крупным укреплениям, построенным за пределами Германии, надо отнести огневые позиции для корабельных и железнодорожных орудий на французском побережье Ла-Манша, из которых впоследствии возник Атлантический вал с его многочисленными специальными сооружениями. Строительство крупных баз подводных лодок на побережье Атлантического океана выдвинуло такие проблемы, которые потребовали совершенно новых методов изготовления железобетонных и стальных конструкций. Действия войск и снабжение их в горных условиях (на Балканах и в Норвегии) поставили организацию Тодта перед таким объемом строительных работ, который в нормальных условиях в самой Германии потребовал бы для своего завершения не одно десятилетие. При этом надо учесть, что особые климатические условия северных областей Норвегии и Финляндии в значительной степени затрудняли планирование и проведение строительных работ. Совершенно новые проблемы, естественно, возникли и в широких просторах недостаточно обжитых (по западным понятиям) восточных районов: усиление проезжей части тысяч километров грунтовых и проселочных дорог и превращение их в мощные автогужевые дороги с современным тяжелым каменным или асфальтовым покрытием. На северном и центральном участках фронта, где из-за отсутствия твердого грунта нельзя было строить автогужевые дороги, приходилось сооружать бревенчатые гати и щитовые дороги, используя на это миллионы стволов деревьев. Было построено большое количество мостов, причем многие из них имели такие огромные пролеты, какие до сих пор вообще не встречались в подобных деревянных конструкциях. А восстановление разрушенной Днепровской плотины в Запорожье следует рассматривать вообще как особое достижение, равноценное самым сложным инженерным сооружениям Запада. Для того чтобы расширить сеть русских желез

ных дорог, не обеспечивавших регулярного снабжения немецких войск, необходимо было не только перешить их с широкой колеи на нормальную европейскую, но и построить новые магистральные и полевые железные дороги. Разрушенные в результате военных действий заводы тяжелой промышленности на Днестре и в Донбассе были полностью восстановлены и пущены в эксплуатацию. Чтобы более или менее правильно оценить проблемы, стоявшие перед строителями, членами организации Тодта, нужно вспомнить о тех несомненно колоссальных трудностях, которые обременяли нас именно на восточном и юго-восточном участках фронта. Это были прежде всего ненормальные по нашим понятиям климатические условия; это были трудности, связанные с доставкой материалов, машин и оборудования с баз, расположенных в Германии и отдаленных иногда на несколько тысяч километров, по ненадежным и часто выходившим из строя путям подвоза; это были, трудности, вызванные необходимостью, не прибегая ни к чьей помощи, собственными силами защищать от партизанских налетов все строительные участки, места расквартирования рабочих, транспорт и склады материалов и оборудования. В котлах под Сталинградом, Холмом, Демянском и Никополем рядовой состав организации Тодта выполнял свой долг точно так же, как выполняли его солдаты всех прочих боевых частей.

Разумеется, большая доля импровизации и отсутствие всяких традиций, наблюдавшиеся в организации Тодта, вызывали и некоторую неурядицу в ее работе. Наиболее неприятным было отсутствие свободного предпринимательского сотрудничества с руководящим аппаратом вооруженных сил, работавшим в соответствии со строгими правилами и канонами. Для безупречной деятельности такой большой специальной организации совершенно необходимым было единое руководство, осуществляемое одной инстанцией, скажем, управлением организации Тодта Министерства вооружений. Это было необходимо хотя бы из соображений рационального распределения сил и средств и удовле-

творения огромных потребностей всех строительных отрядов в автомашинах, оборудовании, инструментах и строительных материалах. Отдавая свое приказание о целях, месте и сроках окончания строительных работ, войсковой начальник уже больше ни о чем не заботился, предоставляя организации Тодта право найти лучшее решение и осуществить его, исходя из наличия имеющихся в ее распоряжении сил и средств.

Как и всюду, успех или неуспех совместной работы строителей и военных зависел в организации Тодта лично от ответственного лица и исполнителя. Однако, чтобы быть справедливым, нужно сказать, что совместные усилия администрации, хозяйственников и армейских командиров, основанные на высокой степени сознательности всех участвующих в строительстве, в условиях того времени полностью себя оправдали.

ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ В ГЕРМАНИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

В конце войны с Польшей, 23 сентября 1939 года, главный штаб вооруженных сил опубликовал исчерпывающий заключительный отчет об этой войне. В этом отчете говорится: «Выдающиеся достижения различных служб тыла в деле восстановления и ремонта мостов, шоссейных и железных дорог, в которых наивысшей оценки заслуживают и действия военизированных отрядов трудовой повинности, чрезвычайно облегчили командованию решение его задач».

Эта особая оценка отрядов военизированной трудовой повинности Верховным командованием показывает, что книга об опыте Второй мировой войны не может обойти молчанием германскую службу трудовой повинности.

В американской прессе еще во время войны подчеркивалось, что германская система трудовой повинности была частью «тотальной мобилизации германской рабочей силы». «В Первую мировую войну, — говорится там, — Германия не проводила подобной мобилизации

рабочей силы (она была начата лишь на более поздней стадии войны), а во время Второй мировой войны немцы смогли получить превосходство над своими противниками только благодаря тому, что их стратегия с самого начала основывалась на использовании рабочей силы в очень крупных масштабах».

Создание немцами организации Тодта, а также германской службы трудовой повинности и службы чрезвычайной технической помощи входило в общие планы германской стратегии и оказалось важным не только для идеологического воспитания молодежи, но и дало большие практические результаты¹.

Отряды военизированной трудовой повинности отражали самое существо современной германской стратегии, потому что основой ее были моторизованные подвижные соединения, которые нуждались в хорошей дорожной сети. Самолеты также могут использоваться только тогда, когда в распоряжении имеются стартовые и посадочные площадки, которые в случае разрушения можно весьма быстро восстановить. При большой протяженности современных театров военных действий непрерывное снабжение может осуществляться только в том случае, если дорожная сеть, мосты и железные дороги — то есть все излюбленные объекты авиации противника — находятся в полной исправности или если они могут быть быстро отремонтированы после нанесения им какого-либо ущерба.

Служба трудовой повинности не была изобретением Третьей империи. Еще во время Первой мировой войны главное командование сухопутных войск потребовало — параллельно с использованием солдат на фронте — организации «отечественной вспомогательной службы», которая, однако, в то время не получила большого развития. После Первой мировой войны, когда экономика переживала упадок, когда молодежь почти не имела работы и безработица принимала все более

¹ Cp. Varfts A. Hitler's Second Army // Infantry Journal. Washington, 1943.

угрожающие размеры, в различных областях по инициативе местных властей были созданы добровольные организации трудовой повинности. В чрезвычайной директиве германского правительства от 5 июня 1931 года говорилось, что трудовая повинность вводится в интересах лиц, не имеющих работы и получающих пособие по безработице. Это распоряжение было дополнено специальным разъяснением, что в отряды трудовой повинности может вступать не только безработный, но и каждый немец.

Национал-социалисты продолжили эти начинания, превратив трудовую повинность в мероприятие для воспитания молодого поколения в духе фашизма. 26 июня 1935 года был издан закон об обязательной трудовой повинности.

Согласно этому закону, «все немецкие юноши и девушки в возрасте от 19 до 25 лет» были «обязаны служить определенное время своему народу в системе государственной трудовой повинности». Это должно было убедить молодых людей в нравственной ценности труда, ослабить классовые противоречия, уничтожить пренебрежительное отношение к простому ручному труду и усилить общественное сознание всех слоев населения.

Война очень быстро превратила трудовую повинность, направленную прежде всего на выполнение задач невоенного характера, в чисто военный инструмент. В период всеобщей мобилизации 60% руководителей лагерей трудовой повинности были призваны на военную службу. Вызванная этим нехватка руководителей для службы трудовой повинности послужила причиной закрытия большого количества лагерей. В связи с растущим спросом на пополнения в последующие годы войны Верховное командование вооруженных сил было вынуждено уменьшить возрастные ограничения для призыва в армию. При этом трудовая повинность должна была распространяться не только на очередные, но и одновременно на следующие, более молодые возрастные контингенты. Продолжительность обязательной трудовой повинности, составлявшая в мирное время

6 месяцев, в ходе войны все более сокращалась. В 1944 году она равнялась уже 2 месяцам. Отбывающие трудовую повинность при уходе из системы государственной трудовой повинности переводились прямо в армию резерва, а иногда и в учебные сборно-призывные пункты действующей армии. Время перевода устанавливалось каждый раз в зависимости от потребности вооруженных сил в людях и определялось Верховным командованием. Организовать нормальное обучение и воспитание в системе государственной трудовой повинности в этих условиях было весьма затруднительно. Использование лиц, отбывающих трудовую повинность в продолжение более длительного времени в качестве «воспитателей», допускалось лишь в исключительных случаях.

В начале войны многие отряды военизированной трудовой повинности были превращены в строительные батальоны. В эти батальоны было добавлено некоторое количество военнообязанных старших возрастов, которые не прошли в свое время кадровую службу в армии. Командирами этих батальонов были назначены армейские офицеры. Подобное объединение неоднородных по возрасту и подготовке людей не оправдало себя, и уже в 1940 году от таких строительных батальонов пришлось отказаться. Вместо этого было решено параллельно с созданием армейских строительных частей формировать строительные части военизированной трудовой повинности. Эти части проходили общую подготовку на родине, а затем по мере необходимости главный штаб вооруженных сил объединял каждые 4—6 батальонов (по 200 человек в каждом) в группы и направлял их в распоряжение высших командных инстанций: групп армий, отдельных армий, воздушных флотов, авиагрупп и военно-морских станций. Командовали этими группами их старые начальники по службе трудовой повинности. Группы были оснащены главным образом велосипедами, отчасти грузовыми автомашинами, вооружены винтовками и частично пулеметами и обучены стрельбе.

При использовании таких групп в качестве обычных полевых войск в составе вооруженных сил командование ими осуществляли те высшие командиры и начальники, в распоряжение которых они поступали. Между начальником главного штаба вооруженных сил и имперским руководителем службы трудовой повинности существовала договоренность использовать эти формирования только для самообороны и лишь в исключительных случаях непосредственно в бою, потому что для этого они были недостаточно обучены и вооружены. Кроме того, было решено не использовать эти части трудовой повинности для охраны и надзора за военнопленными в лагерях и на строительстве, потому что выполнение подобных задач могло отрицательно сказаться на воспитании молодого поколения. Ответственность за выполнение поставленных задач нес командир группы (части) трудовой повинности, подчинявшийся непосредственно командующему того соединения или объединения, которому его группа (часть) была придана, причем распоряжаться бойцами трудовой повинности самостоятельно этот командующий не имел права, равно как и не имел права заниматься вопросами укомплектования отрядов трудовой повинности личным составом. Это вменялось в обязанности начальника имперской службы трудовой повинности. Таким образом, постоянно «молодевший» в ходе войны личный состав отрядов трудовой повинности получал вполне правильное воспитание. Такое распределение командных функций в системе трудовой повинности, в общем, быстро привилось и оправдало себя. Трудовые успехи и образцовое поведение строительных частей службы трудовой повинности нашли полную признательность со стороны командования вооруженных сил. Строительные части службы трудовой повинности использовались на всех театрах военных действий, за исключением Северной Африки и Италии. В России их перестали использовать с 1943 года по ходатайству начальника службы трудовой повинности, потому что большая фи-

зическая нагрузка, особые условия местности и суровость климата чрезвычайно отражались на здоровье молодежи.

Строительные части службы трудовой повинности занимались прокладкой и ремонтом дорог и путей, наводили временные мосты, помогали в строительстве постоянных мостов, строили и ремонтировали аэродромы, склады продовольствия и военных материалов, разгружали эшелоны, а также привлекались для строительства укреплений на побережье Франции.

В первые годы войны значительная часть отрядов трудовой повинности была занята на различных работах в пределах самой Германии. Однако особые условия войны в России постепенно изменили общую обстановку, и строительные части трудовой повинности, работавшие далеко на востоке, нередко вступали в бой, как это произошло, например, в оборонительном сражении под Ржевом летом 1942 года. Их боевые действия и высокая дисциплинированность личного состава и командиров заслужили особую похвалу и признательность со стороны командования фронтовых частей.

Если трудовая повинность для юношей в ходе войны потеряла свой прежний смысл и превратилась в обычную военную службу, то трудовая повинность для девушек приобрела большое значение вообще только во время войны. Призыв военнообязанных мужчин, особенно в сельскохозяйственных районах, вызвал нехватку рабочей силы. И без того перегруженные заботами сельские женщины нуждались теперь в поддержке еще больше, чем когда-либо. Эта задача и была возложена на женские отряды трудовой повинности. В сентябре 1939 года постановлением правительства добровольный призыв женщин и девушек на трудовые работы был превращен в обязательную трудовую повинность. Правда, осуществить это постановление в полном объеме было пока нельзя, потому что разместить целый годовой контингент при полугодовом сроке службы не представлялось тогда возможным. Трудовая повинность среди женщин приобрела большой размах уже в ходе самой

войны за счет увеличения женских трудовых лагерей и подготовки достаточного количества начальствующего состава из женщин, так что в последующие годы в женских отрядах трудовой повинности одновременно находилось до 80 тыс. девушек.

Но даже и это не могло удовлетворить растущие потребности государства в рабочей силе. Поэтому по постановлению правительства была создана специальная «военно-вспомогательная служба», в системе которой «девушки-рабочие» должны были работать в течение полугода после прохождения ими службы — также в течение 6 месяцев — в отрядах государственной трудовой повинности. Девушки, находившиеся на военно-вспомогательной службе, привлекались для работы в военной промышленности, в военной администрации, на транспорте и т. д. Ответственность за качество работы они несли перед директором того предприятия, куда были назначены, а в остальном подчинялись руководящему составу службы трудовой повинности. Их воспитанием в свободное от работы время занимались их прежние начальницы из отрядов и групп трудовой повинности.

* * *

Общее ухудшение обстановки на фронтах стало с 1943 года оказывать на службу трудовой повинности большое влияние. Чтобы высвободить для фронта побольше людей и одновременно пополнить личный состав зенитной артиллерии, 400 зенитных батарей были переданы службе трудовой повинности. Благодаря хорошо налаженной подготовке начальствующего состава службы трудовой повинности уже через некоторое время оказалось возможным сделать некоторых начальников отрядов командирами батарей.

В последний год войны служба трудовой повинности должна была оказать помощь армии резерва и взять на себя задачи боевой подготовки призывников. Из-за нехватки инструкторов и преподавателей военного дела и

недостатка в учебном оружии, а также из-за отсутствия достаточного времени для обучения эта задача, вызванная исключительно тяжелой военной обстановкой, решалась весьма неудовлетворительно. К непосредственной службе в армии привлекались даже женские отряды трудовой повинности. Нередко целые отряды женщин и девушек целиком переводились в авиацию в качестве вспомогательных отрядов связи. В последней фазе войны женщинами из отрядов трудовой повинности было укомплектовано много прожекторных батарей ПВО Германии. Здесь уже тактическое и техническое руководство осуществлялось в зависимости от обстоятельств командованием военно-воздушных сил.

Таким образом, в течение последних двух лет войны под влиянием ухудшающейся военной обстановки служба трудовой повинности все больше и больше превращалась в импровизированную военную организацию. Правда, она еще называлась службой трудовой повинности, но от ее прежнего облика почти ничего не осталось. С этим приходилось мириться, и родители, если они сами не находились на фронте, вынуждены были скрепя сердце отдавать государству своих еще не оперившихся птенцов¹.

Герман Теске

ВОЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРАНСПОРТА

Не будучи специалистом, нельзя составить себе относительно правильного представления о том, какое решающее значение придается транспорту в войне и какую огромную роль он сыграл в победах и поражениях Второй мировой войны. Между тем достаточно лишь взглянуть на карту, чтобы понять исключительные трудности, стоявшие перед немецким транспортом, когда оккупированная Германией территория простиралась

¹ В конце 1944 г. в армию были призваны 15-летние подростки.

от Атлантического океана до Волги и от Нордкапа до Ливии. На суше, на воде и в воздухе пролегали пути, по которым перебрасывались войска и осуществлялось снабжение. Наряду с точным и тщательным планированием и расчетом маршрутов, емкости транспорта и погрузочных мощностей транспортникам приходилось весьма часто прибегать и к импровизации. Это происходило тогда, когда транспорт утонул в грязи, когда шины лопались от осколков бомб и снарядов, а моторы стыли в условиях адских морозов русской зимы. Германская транспортная служба никогда не была в состоянии подготовиться к решению таких грандиозных задач. И можно сказать, что весь ход войны в конечном счете определялся тем, как выполнял свои задачи транспорт.

Основные цели транспорта во Второй мировой войне оставались такими же, как и во времена конных упряжек и парусного флота: работать быстрее противника и быть в состоянии перевезти большее количество людей и материалов, чем противник. Огромные расстояния, новые технические средства быстрого преодоления пространства и увеличившееся во много раз количество перевозок сделали транспорт решающим военным фактором.

Вопросы, связанные с транспортом, вызвали некоторое изменение и в работе штабов. Теперь оперативные отделы крупных штабов уже не могли принимать «кабинетных» решений и выдвигать свои требования службе тыла, а должны были сначала рассчитать, осуществимы ли их планы вообще с точки зрения снабжения и транспорта. «В современной маневренной войне тактика уже перестала быть главным объектом внимания. Решающим фактором является теперь организация такого снабжения, которое позволяет совершать маневр...»¹

¹ Высказывание генерала Тома, цитируемое Лидделлом Гартом в книге «The German Generals Talk», N.Y., 1948.

Пути сообщения

В центре внимания любого оперативного планирования всегда находились и будут находиться вопросы, имеющие отношение к транспорту, к путям сообщения, их состоянию и пригодности для использования, а также вопросы, связанные со степенью их уязвимости для противника. Из-за того, что немецкое Верховное командование пренебрежительно отнеслось к этим вопросам и осенью 1941 года не учло трудностей, которые встретились в России (распутица и суровая русская зима), судьба транспорта оказалась в этой войне поистине трагической.

Наиболее надежными и самыми эффективными путями сообщения во Второй мировой войне были железные дороги. При высокоразвитой железнодорожной сети Западной Европы иного, разумеется, нельзя было и ожидать. В России значение железных дорог еще более возросло. Этому способствовали огромные расстояния, плохое качество шоссейных и грунтовых дорог, суровые климатические условия, а также необходимость быстрых перебросок войск для усиления того или иного участка фронта. В конце концов железнодорожное сообщение превратилось в оперативный фактор первой величины, ибо от него зависело все, начиная со снабжения и кончая эвакуацией войск. Критерием общей мощности железнодорожной сети была не только пропускная способность отдельных участков пути, но и все эксплуатационные устройства и сооружения, то есть сеть связи, система сигнализации, железнодорожные мастерские и погрузочно-разгрузочная мощность станций. В то время как в Западной Европе почти все эти предпосылки были налицо, примитивное русское оборудование требовало затраты дополнительных усилий. Из всех работ, вероятно, самой простой была перешивка колес. Наиболее трудоемким оказалось строительство временных полевых железных дорог в бездорожных районах, где из-за распутицы иногда совершенно прекращалось всякое сообщение.

Вторым по важности путем сообщения для преодоления больших расстояний являлась автогужевая дорога. Автомобильные дороги были в основном двух типов: во-первых, широко разветвленная сеть первоклассных шоссейных дорог (лучшие среди них — французские *routes nationales*¹) и, во-вторых, более мощные, но немногочисленные германские автострады с раздельным движением. Интересно, что немецкое Верховное командование с самого начала утверждало, что для войны эти дороги большого значения не имеют. Совершенно несомненным было то, что в случае воздушного нападения эти дороги легко отыскивались самолетами противника, а атакованному с воздуха крупному войсковому соединению такая дорога не давала почти никакой возможности уклониться. В ходе войны выяснилось также, что, несмотря на попытки замаскировать автострады, они всегда служили для авиации противника хорошими ориентирами.

Еще в начале войны было принято решение упорядочить и расширить сеть дорог в оккупированных районах, продолжив дорожную сеть Германии во все стороны, и обозначить сквозные дороги, идущие с востока на запад и с севера на юг, буквами и цифрами. В 1942 году, то есть в то время, когда протяженность сухопутных коммуникаций была максимальной, одна из них начиналась у Атлантического океана и заканчивалась у Волги. Конечно, степень пригодности дорог на отдельных участках была различной: широкие и прямолинейные французские дороги сменялись извилистыми и подчас очень узкими дорогами Германии, а в России начинались (не считая автостраду Минск — Москва и некоторые другие дороги в промышленных районах) так называемые «тракты», то есть естественные проезжие дороги, состояние которых, по европейским понятиям, было совершенно непригодным для эксплуатации.

В процессе расширения театров военных действий важными путями сообщения для германских вооруженных сил стали и морские пути вдоль побережья Норве-

¹ *Routes nationales* (франц.) — национальные дороги.

гии, на Балтике и в Средиземном море. Все они находились под сильной угрозой налетов вражеской авиации, корабли здесь подрывались на минах, их часто атаковали подводные лодки. Как и на железных дорогах, надежность сообщения по морю в большой степени зависела от наличия хорошо оборудованных портов и пунктов с запасами горючего, которые, в свою очередь, определяли размеры используемых судов. Поэтому, например, недостаточное количество пригодных портов в Финляндии и Ливии сильно повлияло на осуществление оперативных замыслов немецкого командования.

Во Второй мировой войне впервые в истории получил широкое применение воздушный транспорт. Авиация играла большую роль в перевозках войск и военных материалов, не говоря уже о том, что она была единственным средством транспорта во время проведения воздушно-десантных операций. Исключительные особенности авиации сделали возможным ее применение для снабжения, пополнения и эвакуации окруженных группировок. Именно с этого времени начинается история создания воздушных мостов, которые, пройдя ряд организационных и технических усовершенствований, стали основным средством сообщения между разобщенными группировками войск. Воздушные мосты в Нарвик, на Крит и к Демянскому котлу имели большой успех, хотя при этом и были очень большие потери. Это объясняется тем, что с удлинением воздушной трассы, проложенной над территорией противника, увеличивается и уязвимость воздушного пути. Не обладая значительным превосходством в воздухе, невозможно строить свои оперативные планы на бесперебойной работе воздушного транспорта, ибо это неизменно таит в себе огромный риск. Как раз поэтому снабжение по воздуху окруженной под Сталинградом немецкой группировки и оказалось невыполнимым. Наконец, для разгрузки железных дорог, в особенности при перевозках негабаритных грузов, широко использовались внутренние водные пути. Однако последняя война показала, что они очень часто подвергались минированию. Не считая рек, пред-

назначавшихся для транспортировки угля в самой Германии, основной водной магистралью был Дунай, потому что по нему в Германию доставлялась румынская нефть. Для приемки ее в Вене и Регенсбурге имелись соответствующее портовое оборудование и склады.

Немцами не было использовано (вероятно, по причине нехватки сырья) еще одно средство транспорта — нефтепровод, который в будущем, безусловно, приобретет очень большое значение. Он освободит остальные пути сообщения, легко уязвимые для противника. В Советском Союзе такой нефтепровод имелся еще в довоенное время. Он проходил от Кавказских нефтяных промыслов до Донецкого бассейна. Высадившись во Франции, западные союзники также построили несколько подобных нефтепроводов, проложив их от портов Атлантического океана вслед за продвигавшимся вперед фронтом вплоть до самого Рейна.

Наконец, специфически русским путем сообщения была железная дорога, проложенная по льду. Через южную оконечность Ладожского озера русские по льду проложили довольно мощную временную железную дорогу, по которой осуществлялось снабжение окруженного Ленинграда. Необходимым условием для такого предприятия является наличие мелководного, не имеющего течений бассейна. Однако подобная же попытка шведов организовать снабжение финнов в финско-русской войне 1939—1940 гг. и проложить автомобильную дорогу через замерзший Ботнический залив успеха не имела.

Средства сообщения

Самым основным транспортным средством для снабжения, переброски и эвакуации войск по-прежнему оставались железные дороги, и в частности их подвижной состав. Однако именно эта проблема была для Германии наиболее трудной. Удивительным фактом является то, что «Великая Германская империя» располагала в 1939 году гораздо меньшим парком паровозов и

вагонов, чем «кайзеровская» империя в 1914 году. Виною этому была переоценка мотора. Полностью исправить эту ошибку не удалось и в ходе самой войны. Захваченные у русских паровозы и вагоны не играли почти никакой роли, ибо, отступая, советские войска оставляли после себя очень мало подвижного состава. Для того чтобы использовать даже этот малочисленный подвижной состав, управление имперских железных дорог создало специальную подвижную мастерскую, которая за весьма короткий срок сумела переоборудовать русские ширококолейные вагоны для движения по нормальной колее.

Вторым по важности транспортным средством для подвоза снабжения в России был гужевой транспорт. Дело в том, что для использования моторизованного транспорта в России не хватало дорог с твердым покрытием. Кроме того, ограниченное применение автотранспорта было обусловлено тяжелыми климатическими условиями, нехваткой горючего, а также тем, что начиная с 1941 года разрыв между потерями и производством новых автомашин становился все более и более ощутимым. Преимущество запряженной лошадьми повозки в оперативном отношении заключалось в том, что она могла неотступно сопровождать немоторизованные войска, скажем, от Польши до самой Нижней Волги, а тактически, по указанным выше причинам, она являлась соединительным звеном между тыловыми базами снабжения и фронтом, а иногда и единственным спасением последнего.

Оперативное и тактическое использование автотранспорта в начале войны на западноевропейском театре позволило значительно увеличить сравнительно небольшую скорость продвижения полевых войска. Очень часто небольшие войсковые соединения и наиболее важные предметы снабжения перебрасывались к местам прорыва на автомашинах. Этим самым достигался какой-либо тактический успех или устранялся оперативный кризис. Однако требования, связанные с моторизацией войска, и в особенности с моторизацией танковых и «гренадерских» моторизованных дивизий,

к сожалению, не позволяли Верховному командованию усилить этот важнейший вид транспорта. Большой спрос на автомашины, который не мог быть покрыт из ресурсов самих вооруженных сил, заставлял изымать часть машин из транспортного парка народного хозяйства, а также реквизировать машины частных владельцев. Это, разумеется, создало определенные трудности в важных в военном отношении отраслях хозяйства. Большие нагрузки на автомашины в армии привели, естественно, к тому, что большинство машин частных владельцев вышло из строя, а при огромном разнообразии марок и систем обычный и сравнительно несложный ремонт в полевых условиях оказался невозможным.

Особенно остро ощущалась нехватка небольших морских судов для переброски войск и снабжения на самых крайних флангах германского фронта, то есть в Северной Африке и в Норвегии. Не хватало также и танкеров. Так, например, один зафрахтованный шведский танкер вынужден был целых четырнадцать дней стоять на рейде близ Турку в Финляндии, так как большая осадка не позволяла произвести разгрузку в самом порту, а финские лихтеры были заняты где-то в другом месте.

Опыт войны показал, что массовое использование такого средства, как транспортная авиация, было также весьма ограничено, во-первых, ее медлительностью и неповоротливостью, а во-вторых, необходимостью завоевания полного господства в воздухе. Таким образом, все более или менее удачные немецкие воздушно-десантные операции представляли собой пирровы победы, ибо потери транспортной авиации в районе Роттердама и над Критом решающим образом сократили численность германского транспортного воздушного флота.

Вооруженные силы и транспорт

Потребности фронта в транспорте во время войны были, разумеется, колоссальными. Основные направления в использовании транспорта менялись в зависи-

мости от обстановки и от замыслов командования. Иногда общее направление менялось буквально в течение одной ночи, как это случилось, например, весной 1941 года, когда Югославия неожиданно перешла на сторону противника и в связи с этим потребовалось внести значительные изменения в железнодорожные перевозки войск, уже осуществлявшиеся полным ходом в направлении к границам Советского Союза.

До сих пор еще распространено неправильное мнение, что на фронте транспорт существует главным образом для перевозки материальной части и предметов снабжения. Это происходит из глубокого непонимания того, какое огромное значение имеют транспортные сооружения для оперативного руководства войной. Еще Мольтке (старший) понимал всю важность этого момента. Только в очень спокойные времена, когда еще не проводилось крупных оперативных маневров и снабженцы могли беспрепятственно пополнять свои склады, количество перевозок военных грузов превышало количество войсковых перевозок.

Ниже приводится в качестве примера несколько цифр, показывающих соотношение между количеством грузовых и войсковых эшелонов в полосе группы армий «Центр» в период тяжелых оборонительных боев 1944 года.

Месяц	Грузовые эшелоны	Войсковые эшелоны
Январь	814	1005
Февраль	726	745
Март	736	1169
Апрель	738	969
Май	857	963
Июнь	661	1013
Июль	373	1589
Август	439	1523

Эти цифры относятся к группе армий, состоявшей из пяти армий различной численности, насчитывавшей в общей сложности от 1,5 до 1,8 млн. человек. Составить расчет эшелонов снабжения включительно до дивизии невозможно, потому что документально все железнодорожные перевозки оформлялись непосредственно на группы армий или на армии. Кроме того, потребности более мелких тактических соединений, таких, как армейские корпуса и дивизии, были настолько разнообразны в отношении численности, состава и выполняемых этими соединениями задач, что высчитать какую-то определенную норму расхода совершенно невозможно.

Внутренние пути сообщения использовались в основном для нужд военной промышленности и продовольственного снабжения — следующих «главных потребителей» транспорта. Перемещение и децентрализация военной промышленности, перевозка железной руды из Нарвика и с юга России, доставка никеля и меди из Лапландии и Югославии, распределение по нефтеперегонным заводам румынской и австрийской нефти, перевозки угля из Рурской области, из Северной Франции и Верхней Силезии, доставка русского хлеба и голландских овощей в Германию и оккупированные страны, а также многое другое приводили к постоянной перегрузке и без того не справляющегося со своими задачами транспорта. И можно сказать, что если немецкий транспорт и не всегда удовлетворял все потребности армии и тыла, то несомненно, что организационные усилия и импровизаторский талант транспортников достойны всяческой похвалы и главная заслуга в этом деле принадлежит служащим государственных железных дорог.

Это станет понятным, если подумать о том, какие усилия прилагали обе воюющие стороны к тому, чтобы активными действиями нарушить перевозки или по крайней мере затруднить их. К этому прибавлялись и искусно используемые противниками естественные трудности, связанные с условиями погоды, распутицей, морозами (в России), тропической жарой (в Африке), приливами и отливами. Использованы были и «побежденные» средст-

вами радиолокации туман и густые облака, под прикрытием которых немецкое население чувствовало себя вначале в безопасности.

Средствами борьбы на морских коммуникациях были подводные лодки, самолеты и мины. Все эти три вида оружия использовались друг против друга, постоянно совершенствуясь в лабораториях и на опытных станциях. Ввиду своих ограниченных возможностей на море Германия потеряла у берегов Норвегии, а также на Балтийском и Средиземном морях гораздо больше, чем Англия в Атлантическом океане.

Если в Первую мировую войну активных атак на тыловые коммуникации и транспортные сооружения на суше почти не предпринималось, то с 1942 года они стали оказывать большое влияние на весь ход войны, что является, вероятно, самым ярким признаком возросшего значения транспорта в войне. Сухопутный транспорт подвергался атакам авиации и партизан, действия которых носили ярко выраженный оперативный характер.

Так, например, перед самым вторжением и во время него англо-американская авиация массированными и отдельными налетами уничтожила все товарные станции и железнодорожные мосты в Нормандии, которые могли быть использованы для подвоза немецких резервов. Позднее англо-американские воздушные силы стали контролировать все пути подхода немецких войск и таким образом воспрепятствовали немцам продемонстрировать свое традиционное искусство маневрирования.

В Белоруссии, в тылу сильнейшей ключевой позиции Восточного фронта, на коммуникациях немецких войск действовала руководимая из Москвы партизанская армия численностью 80—100 тыс. человек. Действия партизан были согласованы по времени и пространству с операциями русских войск на фронте. В марте 1943 года крупный партизанский отряд взорвал железнодорожный мост важнейшей стратегической железной дороги в самом центре немецкой ударной группировки, готовившейся к наступлению на Курск. В ночь перед общим на-

ступлением русских на участке группы армий «Центр», в конце июня 1944 года, мощный отвлекающий партизанский налет на все важные дороги на несколько дней лишил немецкие войска всякого управления. За одну эту ночь партизаны установили около 10,5 тыс. мин и зарядов, из которых удалось обнаружить и обезвредить только 3,5 тыс. Сообщение по многим шоссейным дорогам из-за налетов партизан могло осуществляться только днем и только в сопровождении вооруженного конвоя. Подобную же деятельность партизаны развили и в Югославии, Италии и некоторых районах Франции и Бельгии.

Немецкое Верховное командование считало их действия в большинстве случаев «булавочными уколами», потому что транспортные организации всегда быстро находили выход из создавшегося положения и в результате упорного труда незамедлительно восстанавливали разрушенное. Немецкие военные руководители слишком недооценивали тот факт, что в связи с этими дополнительными работами по устранению повреждений силы транспортной службы постоянно отвлекались от их непосредственных задач по эксплуатации и строительству новых путей сообщения.

Организация военно-транспортной службы

Организация военно-транспортной службы имела весьма сложную структуру. Ее отдельные элементы были сильно разобщены, и в ней постоянно велась неустоимая бюрократическая борьба за полномочия.

Начальник транспортной службы вооруженных сил ограничивался в основном урегулированием вопросов, связанных с железнодорожным транспортом, на что полностью уходили все силы его широко разветвленной организации. Эта организация, представители которой находились на всех фронтах, во всех оккупированных и дружественных странах, руководила выполнением транспортных задач, стремясь при этом учесть все осо-

бенности данной местности в отношении установившихся там принципов руководства, в вопросе подбора обслуживающего персонала и эксплуатации материальной части.

Начальнику военно-транспортной службы подчинялась организация, которая территориально охватывала всю сферу влияния Германии в Европе. Главной ее задачей было «привести мощность транспорта в соответствие с требованиями, предъявляемыми фронтом» (Инструкция для уполномоченных офицеров по транспорту 1938 года). Ее опорой на фронте были оперативные отделы военно-транспортных управлений групп армий, которые возглавлялись офицерами Генерального штаба, и подчиненные им уполномоченные офицеры по транспорту, находившиеся в штабах армий. В тыловых районах и на родине эту задачу выполняли территориальные управления военно-транспортной службы. Они осуществляли контроль через подчиненные им транспортные комендатуры, сферы действий которых совпадали со сферами действий гражданской железнодорожной администрации. Их работу можно сравнить с работой огромной экспедиционной конторы, заказчиками которой являлись высшие командные инстанции, органы службы тыла, а также сырьевое хозяйство и военная промышленность.

Начальнику военно-транспортной службы подчинялись и так называемые полевые железнодорожные батальоны, общая численность которых составляла 11 тыс. человек. Профессиональные железнодорожники, ставшие солдатами, вели в них непосредственную фронтową работу. Полевые железнодорожные батальоны полностью себя оправдали.

Кроме того, начальник военно-транспортной службы имел в своем распоряжении железнодорожные саперные войска. Эти войска были сведены в бригады, численность которых постоянно колебалась в пределах 15 тыс. человек в каждой. Командовали бригадами генералы военно-транспортной службы. Продвигаясь вслед за войсками, эти бригады должны были производить первый

восстановительный ремонт путей и объектов и организовывать фронтową аварийную службу. При отступлении на них возлагалась обязанность разрушать железнодорожные сооружения с целью воспрепятствовать слишком быстрому продвижению противника. В обороне в их задачи входило развитие и усиление фронтowej железнодорожной сети, ремонт повреждений, причиненных противником, и строительство временных железных дорог. Незаметная и нередко связанная с большими потерями трудная работа этих войск, постоянно находившихся позади фронта, заслуживает самой высокой оценки.

Большая и столь необходимая для фронта инициативность и оперативность работы управления военнотранспортной службы, развитая еще талантливым генералом Гренером в годы Первой мировой войны, к сожалению, не получила должного признания у Гитлера и не была полностью использована его авторитарным и часто необъективным в вопросах военного руководства аппаратом.

Служба начальника тыла, имея в своем распоряжении автомобильный и гужевой транспорт, решала задачи по подвозу снабжения и эвакуации войск между фронтом и станциями отправления (назначения), а также выполняла задачи по оказанию помощи железным дорогам в критические моменты и в тех районах, где отсутствовало всякое железнодорожное сообщение. Если одних железных дорог было недостаточно или железнодорожные пути не были еще восстановлены, снабжение осуществлялось по временным железным дорогам, а также при помощи автомобильного и гужевого транспорта. Немалую роль при этом играло и строительство новых дорог и путей, которым руководили высшие командные инстанции на фронте и в тылу. Проведение этих работ, в свою очередь, вызывало необходимость завоза туда большого количества предметов снабжения и материалов, для чего приходилось изыскивать дополнительные транспортные возможности.

Морские и воздушные перевозки осуществлялись самостоятельно штабом оперативного руководства войной на море и командованием ВВС. В случае необходимости переброски войск и снабжения морем или по воздуху главное командование сухопутных войск делало заявку соответствующим инстанциям. Во избежание простоев и для обеспечения бесперебойной работы транспорта все заинтересованные организации должны были установить между собой самое тесное взаимодействие, и если, например, требовалось быстро разгрузить корабль, то железнодорожные товарные вагоны должны были подаваться к причалу в соответствующем количестве и в точно установленные сроки.

Примеры и опыт

Железнодорожные перевозки, связанные со стратегическим развертыванием немецких войск в начале Второй мировой войны, то есть в 1939—1940 годах, проходили без всяких осложнений, так как имелось вполне достаточно времени. Война с Польшей показала, что политическая капитуляция руководства противника одновременно парализует и его транспортную сеть. В свою очередь, война на Западе убедила всех в том, что современная война, предполагающая большие передвижения войск, делает необходимым привлечение к руководству транспортом большого числа специалистов. К сожалению, это не всегда было так. Если бы авиация противника уже в то время направила свои удары по скопившемуся на железных и шоссейных дорогах в ожидании отправки транспорту, война могла бы пойти по совершенно иному пути. Тремя годами позже противник извлек урок из своего горького опыта и действиями авиации и партизан создал транспорту Италии такие же трудности, как и год спустя, в 1944 году, до и во время вторжения во Францию. Когда ремонтные и восстановительные бригады уже не могли успевать восстанавливать разрушенное, пришлось прибегнуть к методу «ост-

ровной работы», заключавшемся в том, что неповрежденный участок пути образовывал так называемый «остров», где сообщение осуществлялось оставшимся на этом участке подвижным составом, а перевозки от одного острова к другому производились при помощи автоколонн, рассчитанных на два рейса. Впервые этот метод был применен в 1941 году во время наступления в России.

В пределах самой Германии железнодорожные перевозки военного и военно-экономического характера можно было осуществлять вплоть до 1945 года, несмотря на частые налеты вражеской авиации. Это оказалось возможным благодаря большой разветвленности сети и хорошему состоянию железных дорог, а также благодаря очень гибкому и находчивому руководству транспортом со стороны управления германских железных дорог.

Сообщение с отдаленными театрами военных действий, главным образом в Северной Африке и Северной Финляндии, дало весьма ценный опыт. Оперативными целями на этих театрах военных действий были жизненно важные транспортные сооружения и центры, как Суэцкий канал и порт Мурманск. Достигнуть этих целей не удалось. Однако это случилось не потому, что войска или их командование оказались беспомощными, а потому, что германское Верховное командование в своей стратегической концепции значительно переоценило собственные транспортные возможности в этих районах и недооценило возможностей противника. Отсутствие пригодных для эксплуатации морских судов, малочисленность гаваней и портов с достаточной пропускной способностью и сильно сократившиеся возможности подвоза к фронту выгруженных на конечных пунктах войск и предметов снабжения — все это значительно сокращало мощность германского транспорта.

Сокращение транспорта явилось одной из причин ухода немецких войск из Северной Африки. А в Северной Финляндии 20-й горнострелковой армии, вероятно, потому, что ее склады были полны и она не нуждалась

в снабжении, была поставлена новая, на этот раз транспортно-стратегическая задача. Эта армия должна была стать своего рода *armee couverture*¹ для 5-го воздушно-го флота, который наносил удары по караванам союзников, направлявшимся североатлантическим путем в Мурманск и снабжавшим советские войска, оказавшиеся на этом участке фронта в очень тяжелом положении. Это привело к тому, что с 1942 года конвои вынуждены были изменить свой курс и выбрать себе более длинный путь — в Южную Персию.

Решающее значение оперативные коммуникации приобрели в России.

Ни в одной другой стране оперативное руководство не зависело в такой степени от надежности коммуникационных линий, шедших к фронту, и рокадных путей, как на широких просторах русской земли. Исключительно малая, по западным понятиям, интенсивность движения транспорта и тяжелые климатические условия, из-за чего зачастую прекращалось всякое сообщение, а также удачные действия партизан в тылу заставили немецкую армию и ее командование совершенно изменить свое отношение и пользоваться любыми имеющимися путями и средствами транспорта.

Русское командование сознательно использовало эти моменты и постоянно опиралось на железные дороги при отступлении, в обороне и наступлении, благодаря чему русские часто проявляли поразительное мастерство, быстро перебрасывая крупные боевые соединения на самые ответственные участки фронта, обходясь при этом без помощи тыловых служб. Функции последних сократились благодаря снабжению войск прямо по железным дорогам, без перевалки. Такой метод обеспечивал наибольшую подвижность.

Однако Гитлер еще в 1941 году не захотел принять в расчет большое стратегическое значение транспорта и вопреки советам всех военных экспертов прервал обещавшее успех наступление на Москву перед самым его

¹ *Armee couverture* (франц.) — армия прикрытия.

завершением, перенеся по военно-экономическим соображениям основное усилие кампании 1941 года на Украину. Этим самым он отказался нанести самый сокрушительный стратегический удар, который тогда мог бы привести Советский Союз к поражению. Он отказался выбить самую сердцевину всей русской железнодорожной сети ради достижения цели, которая в результате падения Москвы так или иначе была бы в руках группы армий «Юг».

Поучительным примером оперативного значения транспорта является поддержка боевых действий 3-й танковой армии весной 1944 года в районе Витебска всевозможными транспортно-техническими мероприятиями. Здесь нужно было отбить атаки превосходящих сил русских и удержать этот самый северный бастион группы армий «Центр». Чтобы разгрузить главную магистральную дорогу Брест — Минск — Орша, по которой уже шло снабжение трех других армий, снабжение Витебска осуществлялось вначале по проходящей несколько к северу параллельной ей дороге Лида — Полоцк. 26 декабря 1944 года эта дорога была перерезана прорвавшимися на узком участке русскими войсками. Попытки восстановить положение контратаками оставались безуспешными. Теперь снабжать войска, ведущие бои за Витебск, пришлось по дороге Брест — Орша, и без того уже перегруженной и постоянно подвергавшейся налетам крупных партизанских отрядов. Кроме того, она проходила очень близко от линии фронта и поэтому могла быть перерезана в любое время.

Удержание Витебска любой ценой имело решающее значение не только для группы армий «Центр», но также и для группы армий «Север», потому что в случае успеха немецких войск русские не смогли бы продолжать свое наступление в направлении Западной Двины без опасения, что их левый фланг окажется слишком растянутым. Но так как от удержания Витебска зависела судьба обеих групп армий, а обороняющие его войска нуждались в снабжении по железной дороге, приходилось искать какой-то другой выход. Этот выход был найден вначале

в прокладке временной железной дороги, которая началась от станции (Парафьяново) не очень загруженного участка дороги, позволявшей производить массовую перевалку грузов. Однако эта дорога проходила через район очень интенсивного партизанского движения, так называемую «Советскую республику Лепель», в результате чего строители и транспортники несли здесь серьезные потери, а материальной части партизаны причиняли значительный ущерб.

Пока не была пущена в эксплуатацию временная дорога (строительство ее затянулось на несколько месяцев), 3-я танковая армия вынуждена была снабжаться только по весьма опасной дороге Орша — Витебск. Русское командование видело это и, конечно, пыталось перерезать единственный путь снабжения защитников Витебска, взяв под артиллерийский обстрел самое уязвимое место этой дороги — открытый для наблюдения мост через р. Черниченку.

Несмотря на это, железнодорожный транспорт работал с января по апрель 1944 года настолько успешно, что обороняющие Витебск немецкие войска ни в чем не чувствовали недостатка. Начиная с середины апреля ремонтники уже не могли восстанавливать все поврежденные партизанами места. Дорога оказалась перерезанной.

Между тем железнодорожные саперные части предусмотрительно начали строительство обходной линии длиной 5,9 км, которая шла по глубокой ложбине, поросшей лесом. Через 17 дней работы (21 апреля 1944 года) этот участок был сдан в эксплуатацию, причем обнаружить его русским не удалось. Так как 28 мая была открыта и упомянутая выше временная железная дорога, снабжение Витебска с этого момента было вновь обеспечено.

Этот пример прекрасно иллюстрирует тактику русских, всегда стремящихся к тому, чтобы различными методами (прорывом фронта, действиями партизан или артиллерийским огнем) перерезать коммуникации, ведущие к объекту атаки. Но этот же пример сви-

детельствует и о том, что немецкие транспортники и строители (железнодорожные саперы, строители временных железных дорог и служащие государственных железных дорог) отлично справлялись с этими трудностями.

Проблемы, связанные с транспортом, противник относил, как правило, к вопросам стратегического порядка, а у держав оси не хватало сил и средств для такого срыва работы транспорта, который мог бы повлиять на проведение русскими тех или иных операций.

Наибольшую трудность для противника представляли транспортные перевозки в Россию через страны Среднего Востока и Китай, потому что державы оси широко использовали незащищенность чересчур растянутых коммуникаций западных союзников и, посылая туда свои подводные лодки и самолеты, успешно топили караваны судов. В мае 1941 года, например, тоннаж потопленных судов противника в три раза превысил производительность английских судоверфей и в два раза — тоннаж вновь строящихся судов на всех американских и английских верфях. При этом было потоплено так много танкеров противника, что он вынужден был использовать даже норвежские китобойные суда. В марте 1942 года из 31 судна, шедшего в Россию, было потоплено 6, а из 62 судов, вышедших в море в апреле, в порты назначения не пришло 18 судов противника. В общей сложности в 1942 году было потоплено 15% всех судов, зафрахтованных Россией.

Причина высоких потерь заключалась в том, что путь через Северную Атлантику в Мурманск находился, как мы уже говорили, под постоянным контролем немцев. Потери транспортных судов противника начали сокращаться только с осени 1942 года, когда в результате лихорадочной работы в Иране было закончено строительство и начата эксплуатация мощных портов и железных дорог. Для того чтобы пустить эти дороги, пришлось везти издалека 92 тепловоза, 2 тыс. товарных вагонов и свыше 370 км рельсов. Все это привело к тому, что уже

в 1943 году общее количество потерь торгового флота союзников сократилось до 2%¹.

Однако и этот канал снабжения России через Иран в 1942 году был временами почти закрыт в результате блокады Средиземного моря. На переход морем вокруг Африки требовалось 70 дней, и поэтому расход судов здесь был намного больше. Это обстоятельство сильно отразилось на боях в Северной Африке и отчасти способствовало успехам Роммеля.

Частичное облегчение в этом деле принес организованный американцами воздушный мост: США — Бразилия — Нигерия — Картум.

В оперативном отношении опыт войны, неизбежно связанной с большими перемещениями людских и материальных ресурсов, сводится к тому, что оперативное планирование целиком и полностью зависит от наличия и состояния транспорта. Это наглядно доказали налеты немцев на Суэцкий канал и на Мурманск. Кто хочет добиться наибольшего оперативного успеха, обязан заблаговременно обеспечить себя достаточными запасами военного имущества и продовольствия или принять меры к улучшению состояния дорог и транспорта. Типичным примером этого служит вторжение союзников во Францию в 1944 году, когда они в течение целого ряда лет занимались строительством десантного флота, искусственных портов и т. п.

Стратегия больших расстояний, необходимость в большой подвижности войск и огромный спрос на транспортные средства на суше, на море и в воздухе — все это делает транспорт одним из важнейших факторов современной войны. Это в полной мере доказано всем ходом Второй мировой войны, в которой в противоположность Первой мировой войне важное место занимала постоянная борьба на основных и второстепенных коммуникациях. Однако отводить транспорту главенствующую роль в последней войне значило бы умалять значение военного искусства.

¹ Приведенные выше цифры взяты из книги: *Stettinius E.R. Jr. Welt in Abwehr, Leih — Pacht.*

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Все планирующие и руководящие организации, отвечавшие за продовольственное снабжение и сельское хозяйство Германии, находились перед началом и в ходе Второй мировой войны под впечатлением продовольственных трудностей и неудач Первой мировой войны. У каждого немца, пережившего Первую мировую войну, глубоко запечатлелось в памяти воспоминание о холодной зиме и брюквенной похлебке. Каждый чувствовал на себе, насколько сильно годы нужды отразились на физических и моральных силах фронта и тыла. Здоровью многих молодых людей в эти годы был нанесен большой ущерб, от которого они уже никогда не могли оправиться.

Поэтому задачей руководителей сельского хозяйства и продовольственного снабжения было понять ошибки в продовольственной политике в войне 1914—1918 годов и по возможности не допускать их в новой войне.

Зависимость продовольственного снабжения населения от ввоза продуктов, которая в результате блокады в Первую мировую войну привела Германию к продовольственной катастрофе, продолжала существовать для нас и в период между 1919 и 1939 годами, пожалуй, в еще более острой форме, так как потеря Западной Пруссии и Познани¹ означала потерю наиболее важных в аграрном отношении районов.

Таким образом, можно было рассчитывать, что и во Второй мировой войне Германия будет блокирована, а ввоз продовольственных продуктов ограничен.

Ошибки Первой мировой войны

Ошибки Первой мировой войны в области продовольственного снабжения заключались главным образом в различных упущениях. То, что сегодня, после

¹ Указанные области, согласно Версальскому договору, были переданы Польше в 1919 г.

40 лет всяких тревог и недоразумений, принято как первая необходимость всеми зависящими от импорта странами — я имею в виду создание достаточных запасов продовольствия на случай войны, — было нами позабыто, позабыто главным образом потому, что в то время никто не думал о затяжной войне. Кроме того, у нас не было такой центральной организации, которая могла бы руководить сельскохозяйственным производством и наладить учет источников поступления продуктов вплоть до самой последней деревни. Положение было таково, что для принятия ответственных решений не имелось необходимых статистических материалов. Следствием этого явилось то, что, например, общее количество свиней, выведенных на убой, оказалось большим, чем это было нужно, а в то же самое время огромные запасы картофеля сгнили без употребления. Основанное в 1916 году главное военно-продовольственное управление не могло уже наверстать всего упущенного перед войной и во время нее. Все мероприятия оказались слишком запоздалыми. И только тогда, когда нехватка продуктов стала исключительно острой, было решено перейти к нормированию отдельных продуктов питания. Однако выдача продовольствия по карточкам производилась большей частью с задержками и не полностью. В ходе затянувшейся войны снабжение сокращалось не только в результате блокады, но и за счет уменьшения производства сельскохозяйственных продуктов внутри страны. Сельское хозяйство Германии нуждалось в рабочей силе и средствах производства. Быстро снижалась плодородность земли, сельскохозяйственное производство замирало. Принудительные хозяйственные мероприятия проводились в сельском хозяйстве непоследовательно. Бургомистры и жандармы, на которых крестьяне смотрели, как на своих врагов, проявили себя как весьма неподходящий инструмент контроля за выполнением норм поставок. Крестьянин постоянно доказывал, что установленные нормы поставок не соответствуют объему его производства. В крупных центрах промышленных районов голод начался еще

зимой 1916/17 года, да и солдаты на фронте лишь немногим лучше, чем население в тылу, снабжались на родине.

Отсутствие продовольственных планов на случай наступательной войны

По сравнению с 1914 годом Германия в отношении продовольственного снабжения находилась в 1939 году в совершенно иных условиях. Существовавшие в ту пору учреждения вопреки всему тому, что ставилось им в вину на Нюрнбергском процессе, не имели ничего общего с планированием агрессивной войны. Из таких отдельных мероприятий, как, скажем, создание продовольственных запасов, видно, что политические руководители Германии рассчитывали перед 1939 годом скорее на то, что в случае войны Германия будет вынуждена длительное время питаться за счет собственных источников, чем на то, что она получит в результате оккупации большие области, обладающие избыточными запасами продовольствия. Даже само решение Министерства продовольствия о создании необходимых запасов продуктов было вызвано соображениями возможного временного отпадения от Германии таких провинций, как Восточная Пруссия и Рейнская область.

Всегерманская корпорация производителей сельскохозяйственных продуктов и ее контрольные рыночные органы возникли не в рамках военных приготовлений. «Рыночный устав» довоенных лет своим появлением обязан главным образом обстановке, существовавшей до 1933 года, когда в результате безработицы и падения покупательной способности населения значительно снизился уровень потребления продуктов, и в особенности высококачественных пищевых продуктов, что не могло не вызвать на рынке скрытого превышения предложения над спросом. Поэтому появление первых тенденций регулировать рынок относится к значительно более раннему времени, чем создание Всегерманской

корпорации производителей сельскохозяйственных продуктов. Эти тенденции проявились вначале в попытках наладить организованный сбыт излишков ржи и молока. Аппарат Всегерманской корпорации производителей сельскохозяйственных продуктов был тесно связан с крестьянами, благодаря чему он мог призывать их к выполнению поставленных задач и своевременной сдаче произведенных сельскохозяйственных продуктов. Независимо от идей, приведших к созданию этого аппарата, он оказался в дальнейшем образцовым органом продовольственного снабжения. Он представлял собой именно такую организацию, которой нам недоставало в Первую мировую войну. Кроме того, он располагал исключительно хорошо разработанным статистическим материалом, который в любое время мог явиться основой для регулирования производства продуктов сельского хозяйства и их потребления.

Организация продовольственного хозяйства

Юридической базой для создания Всегерманской корпорации производителей сельскохозяйственных продуктов и ее разветвленной системы стал изданный 13 сентября 1933 года «Закон о создании временной Всегерманской корпорации производителей сельскохозяйственных продуктов и о мероприятиях по контролю за рынком и урегулированию цен на продукты». Согласно этому закону, сельскохозяйственная корпорация стала самоуправляющейся общественной организацией. В служебном порядке она контролировалась Министерством продовольствия и сельского хозяйства и подразделялась на более мелкие территориальные корпорации земель, округов и общин. В центральном управлении имелись свой «штаб» и административное управление. Административное управление, а также земельные и окружные корпорации состояли из трех (главных) отделов: 1-й — «Люди», 2-й — «Двор», 3-й — «Рынок».

В задачу 2-го главного отдела административного управления входило способствовать развитию производства. Для этого были введены так называемые «дворовые карты», заполнявшиеся каждым сельскохозяйственным производителем и представлявшие соответствующим инстанциям сельскохозяйственной корпорации, а на специальном «дворовом совете» принимались те или иные решения по выбору культур и увеличению масштабов производства. Этот совет подготовил начавшуюся в 1934 году кампанию «по борьбе за увеличение производства сельскохозяйственных продуктов».

3-й главный отдел занимался вопросами учета, обработки и переработки сельскохозяйственных продуктов. Ему подчинялись «главные объединения», созданные в период с 1934 по 1936 год. Это были объединения всех производителей продуктов сельского хозяйства, а также представителей обрабатывающей и перерабатывающей пищевой промышленности и органов распределения. Так, например, существовали главное объединение германского зернового и фуражного хозяйства, главное объединение германского скотоводческого хозяйства и т.д. В земельных корпорациях им соответствовали хозяйственные объединения таких же отраслевых групп. Главные объединения осуществляли руководство производством тех или иных продуктов еще в мирное время. Другими исполнительными органами рыночного контроля являлись специальные государственные управления по заготовке сельскохозяйственных продуктов, которых имелось пять. Важнейшим из них было государственное управление по заготовке зерна, фуража и сельскохозяйственных продуктов. Задачей этих государственных управлений в мирное время было создавать запасы из излишков отечественных продуктов и в случае необходимости покрывать недостаток продуктов за счет этих запасов, а также ввозить продовольствие из-за границы в таких количествах, в такие промежутки времени и по таким ценам, которые бы оказывали желательное для Министерства продовольствия и сельского хозяйства

действие на внутренние рынки. В отличие от главных объединений, государственные управления подчинялись непосредственно Министерству продовольствия. Таким образом, в начале войны существовала организация, имевшая уже довольно большой опыт работы в мирных условиях и умело направлявшая поток сельскохозяйственных продуктов. Теперь нужно было только сделать эту организацию более компактной и установить прочные связи между самым последним «распределителем» (розничным торговцем) и потребителем.

Резервы продовольствия в начале войны

В противоположность 1914 году германское государство в 1939 году имело, как уже было упомянуто, настоящий, то есть выходящий за пределы нормального, резерв основных продовольственных товаров. В соответствии с дефицитами продовольственного хозяйства он составлял около 6 млн. тонн зерна и около 600 тыс. тонн жиров. Создание запасов других пищевых продуктов представлялось излишним. Собственного производства сахара, например, вполне хватало для нормального снабжения населения. Урожай картофеля в мирное время использовался для непосредственного питания населения только на 25%. поголовье скота было также достаточным, чтобы обеспечить снабжение населения мясом. Однако разведение скота зависело от регулярного подвоза фуража. Ввоз хлеба и фуража составлял около 2 млн. тонн в год, жира — 400 тыс. тонн. Даже в условиях сокращения ввоза нормальные урожаи и правильно налаженное распределение продуктов давали возможность ожидать, что имевшихся в начале войны запасов зерна и жиров хватит по меньшей мере на три года. Запасы других пищевых продуктов в начале войны создавались только в той мере, в какой это было необходимо для обеспечения населения сезонными продуктами в соответствии с потребностью рынка.

Переход от системы свободных рынков мирного времени к принудительной экономике военного времени был подготовлен и проведен как часть общеэкономических мобилизационных мероприятий. При «штабе» Все-германской корпорации производителей сельскохозяйственных продуктов и при корпорациях земель имелись так называемые отделы продовольственного обеспечения, которые занимались подготовкой материальной части и людских резервов, необходимых для этого перехода. Они работали по указаниям Министерства продовольствия. Таким образом, государственное руководство Третьего рейха извлекло соответствующий урок из ошибок в продовольственном снабжении, имевших место в Первую мировую войну. Теперь в Германии имелась тщательно продуманная организация, были пополнены запасы продовольствия, рассчитанные на длительную войну, а нормирование пищевых продуктов началось гораздо раньше, чем появилась какая-либо нехватка в них.

Продовольственное хозяйство военного времени

Перестройка мирного продовольственного хозяйства на военный лад произошла без каких-либо особых трудностей. Согласно «Распоряжению об управлении хозяйством» от 27 августа 1939 года и «Распоряжению о временном нормировании сельскохозяйственных продуктов» от того же числа, продовольственное хозяйство было превращено в особую отрасль военного хозяйства.

Организаторами всех мероприятий стали продовольственные управления земель и округов, каждое из которых состояло из двух отделов: отдела А, обеспечивавшего заготовку продовольствия, и отдела Б, ведавшего его распределением. Отделы А земельных (провинциальных) управлений создавались сельскохозяйственными корпорациями земель, а подобные им отделы окружных управлений — сельскохозяйственными корпорациями округов. Отделы Б формировались соответст-

вующими государственными административными властями (правительствами или президентами земель и соответственно — ландратами или обербургомистрами). Начальниками продовольственных управлений земель были председатели земельных корпораций, а начальниками окружных управлений — председатели окружных корпораций. Таким образом, возник четко организованный, самоуправляющийся аппарат контроля за распределением продуктов, на который были возложены административные функции и который стал частью общего государственного аппарата.

Такое слияние административных и исполнительных органов произошло только на местах, в верхах же этого не было. Административное управление Всегерманской сельскохозяйственной корпорации осталось независимым от Министерства продовольствия и сельского хозяйства. Оно хотя и руководствовалось распоряжениями Министерства продовольствия, однако посылало отделам А продовольственных управлений земель и земельным корпорациям свои директивы, в то время как Министерство продовольствия отдавало свои приказы о нормировании продовольствия отделам Б земельных продовольственных управлений.

Это приводило к дублированию и трениям, которых можно было бы избежать. Подобное расчленение двух высших служебных инстанций было тем более неразумным, что министр продовольствия и сельского хозяйства являлся одновременно и председателем Всегерманской сельскохозяйственной корпорации. Поэтому их можно было объединить без особых трудностей, как это и было сделано в среднем и низшем звеньях этих организаций. Только в последней фазе войны нехватка людей заставила Министерство продовольствия и административное управление объединить свою работу.

В главных объединениях, которым до войны не разрешалось заниматься торговыми делами, в начале войны были созданы отделы торговых операций. Поскольку почти для каждой группы товаров существовали свои государственные управления, последние вошли в состав

главных объединений в качестве отделов торговых операций. Так, например, государственное управление по закупке зерна вошло в главное объединение германского зернового хозяйства. Там, где не было соответствующих государственных управлений, как, например, при главном объединении германского картофельного хозяйства, были созданы особые отделы торговых операций. Главные объединения составляли для определенных видов продуктов планы ведения хозяйств и распределения пищевых продуктов, которые проверялись и утверждались Министерством продовольствия. В целом слияние органов самоуправления и государственных ведомств обеспечило вполне оправдавшее себя соединение практического хозяйственного опыта с навыками администрирования.

Нормирование пищевых продуктов

Основой ведения хозяйства были обязательные поставки пищевых продуктов государству. Они стали проводиться с вступлением в силу распоряжения от 27 августа 1939 года. Растительные продукты подлежали обязательной сдаче с момента «отделения их от земли», продукты животноводства — с момента их получения. Обязательной сдаче не подлежали лишь те сельскохозяйственные продукты, которые были необходимы для питания крестьян и для прокорма скота (по установленным нормам). Определенное количество зерна оставлялось в качестве семенного фонда. Таким образом, в сельском хозяйстве с самого начала были определены хотя и несколько ограниченные, однако довольно ясные правовые нормы.

Связь потребителя с так называемым «последним распределителем» (то есть розничным торговцем) осуществлялась по продовольственной карточке. С ней вместе и возникло вызвавшее впоследствии столько ненависти понятие «среднего потребителя». Карточная система снабжения учитывала потребности различных

возрастных групп населения, а также, насколько это было возможно, и уровень производительности труда различных рабочих, и прежде всего — физического труда, так как только этот труд может быть фактически измерен. Вооруженные силы, если они не находились на оккупированной территории, за счет которой они и довольствовались, получали продовольствие по своим нормам снабжения. В соответствии с весьма различными возрастными особенностями гражданского населения и большой физической нагрузкой, испытываемой солдатами, нормы выдачи жиров были сравнительно низкими, а мяса, наоборот, — очень высокими. Крестьянское население получало карточки только на те виды продуктов, которых оно само не производило. Особое внимание при установлении норм на продукты питания с первого и до последнего дня войны уделялось снабжению беременных женщин и маленьких детей. Вся система нормирования постоянно согласовывалась с германским Министерством здравоохранения, и его медицинские рекомендации соблюдались в той мере, в какой это допускало продовольственное положение в стране.

Наряду с нормальными карточками имелся еще целый ряд различных специальных продовольственных карточек: от карточки отпускника и карточки, выдаваемой по случаю бракосочетания, до особых карточек дополнительного питания, выдававшихся при налетах вражеской авиации. Таким образом, до некоторой степени удовлетворялись более или менее все возникающие потребности. Продовольственные талоны, собранные «последним распределителем», служили оправдательным документом для нарядов на продовольствие, посредством которых устанавливался спрос и одновременно обеспечивалось достаточное его удовлетворение. Продовольственные карточки были действительны в течение четырех недель. В ходе войны система нормирования постоянно дополнялась и становилась все более «гибкой», а вышеизложенный принцип распределения оставался неизменным с первого и до последнего дня войны.

Нормы на пищевые продукты устанавливались Министерством продовольствия. Чем сильнее затягивалась война, тем большее политическое значение приобретали всякие изменения норм, и в особенности сокращение их. Небольшие изменения каждый раз согласовывались с высшим партийным руководством, а более крупные требовали вмешательства самого Адольфа Гитлера. Часто требовались недели, чтобы убедить его в неизбежности тех или иных сокращений и получить на это его согласие.

О том, как проходило снабжение населения продуктами питания в течение войны, говорят следующие данные:

СРЕДНИЕ НОРМЫ ВЫДАЧИ ПРОДУКТОВ
(В ГРАММАХ)

Период выдачи	Хлеб	Крупа	Мясо	Жиры	Сахар	Мармелад	Примечания
1-й период (28.08— 24.09.36)	—	600	2800	1360	1120	700	Хлеб, картофель и молоко без ограничений
25-й период (30.06— 27.07.41)	9000	600	1600	1050	900	700	Карто- фель — без ограничений
50-й период (31.05— 27.06.43)	9000	600	1000	800	900	700	Картофель — 12 000
75-й период (30.04— 27.05.45)	5800	300	1000	500	375	—	Картофель — 10 000

Из этих данных ясно видно, что снижение средних норм до минимума, необходимого для существования (1800 калорий), произошло лишь в самой последней фазе войны.

На так называемые «политические нормы» Министерство продовольствия не имело никакого влияния. Это объяснялось чисто политическими соображениями. Особых норм для заключенных в концентрационных лагерях установлено не было, они получали столько же, сколько и другие заключенные и содержащиеся под стражей, то есть на 20% меньше пайка среднего потребителя-немца. Иностранные рабочие и военнопленные из западных стран получали продукты питания по таким же нормам, как и гражданское население Германии. Не вызывает сомнений, что от принципа «политических пайков», который, кстати, является отнюдь не немецким изобретением, в будущем придется отказаться. На Нюрнбергском процессе неоднократно отмечалось, что «политические пайки» в Германии во время войны были значительно большими, чем те, которые средний потребитель получал по своим карточкам в послевоенные годы.

**КОЛИЧЕСТВО КАЛОРИЙ, ПОТРЕБЛЯЕМОЕ ОДНИМ
ЧЕЛОВЕКОМ В ДЕНЬ
(ПО СРЕДНИМ НОРМАМ)**

Период выдачи	Промежуток времени	Калории
—	1936/38	3000
2—14	1939/40	2435
15—27	1940/41	2445
28—40	1941/42	1928
41—53	1942/43	2078
54—66	1943/44	1981
67—79	1944/45	1671
80—92	1945/46	1412

Продовольственные трудности

К концу 1941/42 хозяйственного года запасы зерна и жиров сократились до минимума. С этого времени население Германии и ее вооруженные силы стали, что называется, перебиваться с хлеба на воду, то есть с трудом дотягивать от одного урожая до другого. На все вопросы и пожелания об увеличении пайков некоторым категориям потребителей — запросы вполне оправданные, с точки зрения просящих, Министерство продовольствия отвечало контрвопросом: за счет каких категорий? Из-за этого, например, не был разрешен неоднократно поднимавшийся вопрос об установлении единого пайка для рабочих восточных и западных районов, вызванный тем, что имевшие место перегибы первых лет войны сменились вполне здравыми соображениями целесообразности.

Во Второй мировой войне в отличие от Первой вплоть до последних дней продовольственные карточки отоваривались полностью. Технически это было возможно только благодаря той строгой системе учета и распределения, о которой мы уже говорили выше. Но, конечно, и эта система могла давать положительные результаты только в том случае, если все продовольствие, предусмотренное продовольственным балансом, составленным для каждой группы продуктов питания, в действительности имелось в наличии.

Военно-продовольственные планы составлялись с большой тщательностью Министерством продовольствия на основе данных различных главных объединений задолго до начала каждого нового военно-хозяйственного года и постоянно сверялись с действительным положением вещей в области производства и потребления продуктов питания.

В самый разгар войны, в 1942/43 хозяйственном году, на территории Германии (в границах на 1 сентября 1939 года) было израсходовано (в млн. т):

Наименование продуктов	Израсходовано вообще	В том числе вооруженными силами
Хлеб (зерно)	11,20	3,0
Картофель	26,30	3,80
Сахар*	146	0,17
Мясо	2,50	0,80
Жиры всех видов	1,29	0,19
*Без учета расходов, связанных с изготовлением мармелада и т. п.		

Блокада и внешняя торговля

Организованная союзниками блокада не отрезала Германию от всех ее источников ввоза, как это было в Первую мировую войну. По сути дела, она лишилась только возможности ввозить товары из Америки и других далеко отстоящих от нее стран. Поставки продовольствия в счет погашения торговых сделок и договоров продолжались в большом объеме и во время войны. Так, например, Дания была оккупирована еще в 1940 году, но, несмотря на это, ее поставки в Германию не прекращались в течение всей войны. С 1939 по 1944 год она вывезла в Германию свыше 150 тыс. тонн мяса и 50 тыс. тонн жиров (главным образом сливочного масла). На основании торгового договора, заключенного между Германией и Советской Россией, последняя поставила около 500 тыс. тонн зерна в первый и 1,1 млн. тонн зерна во второй год войны, т.е. в 1939 и 1940 гг. Впоследствии поставки по торговым договорам значительно сократились.

Их место заняли поставки из оккупированных Германией областей. Однако хвастливые речи руководителей Третьего рейха создали в широких общественных кругах совершенно ложное представление о размерах этих по-

ставок. Часто высказывалось и высказывается мнение, что Германия во время Второй мировой войны могла поддерживать свое продовольственное снабжение на сравнительно высоком уровне только благодаря ограблению оккупированных областей. Это мнение ошибочно, хотя и проникло в общественность из протоколов Нюрнбергского процесса. Правильно лишь то, что Гитлер действительно заявил на одном из совещаний руководящих немецких должностных лиц в оккупированных областях, состоявшемся 6 августа 1942 года, что если кому-нибудь в этой войне и придется голодать, то голодать должны не немцы, а население оккупированных районов. Правильно также и то, что на другом подобном заседании он предъявил гауляйтерам чрезвычайно высокие требования о поставках продовольственных товаров из оккупированных областей. Однако эти требования, за некоторым исключением, никогда не были выполнены. По молчаливому согласию между немецкой администрацией оккупированных областей и ответственными должностными лицами Германии объем этих поставок был сокращен. Если брать за основу старые (до 1919 года) границы рейха, как это делали обвинители на Нюрнбергском процессе, то из оккупированных областей на эту территорию Германии, включая поставки вооруженным силам, было вывезено до конца 1943/44 хозяйственного года (в 1944/45 хозяйственном году поставки продовольствия из оккупированных областей почти полностью прекратились) следующее количество основных продуктов сельского хозяйства (в тыс. т):

Наименование продуктов	Общее количество поставок	В среднем в год
Хлеб (зерно)	7500	1500
Жиры	128	26
Мясо	1700	340

В то же время оккупированные Германией страны Центральной и Западной Европы в результате одной лишь блокады, лишившей их возможности ввозить товары из других стран, теряли ежегодно 7,5 млн. тонн зерна и около 1,2 млн. тонн жиров.

Зерно поступало главным образом из Франции и Советской России. Балканы, которые должны и могли стать главным поставщиком продовольствия, во второй половине войны почти совершенно прекратили поставки. Большие размеры поставок мяса и мясопродуктов объясняются тем, что, как и в Германии, в оккупированных областях были в принудительном порядке проведены мероприятия по убою скота, для того чтобы привести поголовье скота в соответствие с кормовой базой.

В общий баланс ввоза и вывоза продуктов из оккупированных областей не включены значительные поставки Германии отдельным странам. Так, наряду с союзными странами (Финляндия и Италия) значительное количество зерна получали Бельгия и Норвегия, а Чехия, являясь протекторатом Германии, кроме зерна, регулярно получала и жиры. Кроме того, незадолго до «освобождения» Бельгии сами западные союзники послали ей зерно, чтобы обеспечить снабжение населения до нового урожая.

Рассматривая критически приведенные выше цифры, следует учесть и то обстоятельство, что значительное количество продовольствия, которое Германия получала с оккупированных территорий, уходило на снабжение дислоцированных там немецких войск, что ни в коей мере не противоречит положениям Гаагской конвенции. За пять лет войны эта часть составила 5,9 млн. т зерна, 370 тыс. т жиров и 1,7 млн. т мяса. Из этих цифр следует, что почти все продовольствие, которое Германия получала с оккупированных районов, потреблялось находившимися там войсками.

Кроме того, следует принять во внимание то, что большое количество иностранных рабочих и военнопленных должны были также снабжаться за счет ввозимого и производимого в границах старой кайзеровской

Германии. Их спрос на три основных вида продуктов составил в общей сложности 2,3 млн. т зерна, 265 тыс. т жиров и 400 тыс. т мяса. Поэтому представлялось вполне законным заставить эти страны поставлять продовольствие своим рабочим. Из всего этого явствует, что снабжение территории старой Германии шло в основном не за счет оккупированных районов.

Оккупированные районы

С другой стороны, нельзя отрицать и того, что изъятие продовольственных продуктов из оккупированных областей наряду с блокадой и большими сокращениями производства создало в них большие продовольственные трудности. Помещаемые ниже данные, составленные Экономическим советом Лиги Наций (1945 год)¹, показывают размеры продовольственных норм в некоторых оккупированных областях Европы в сравнении с нормами, существовавшими в Германии и Италии.

Эти цифры, однако, не дают еще правильного представления о действительном уровне снабжения населения. В отдельных странах, как, например, во Франции, Прибалтийских странах и в Польше, существовал довольно крупный черный рынок, который создавал дополнительную возможность для снабжения широких слоев населения. В материалах Экономического совета Лиги Наций об этом говорится следующее: «Крестьяне стремились скрыть свои продукты, продать их на черном рынке, а зерно либо скормить скоту, либо употребить для своих собственных нужд»². Относительно положения в Польше в том же источнике сообщается, что эта страна является преимущественно аграрной и что продовольственные трудности там испытывает больше городское, чем сельское население³.

¹ «World Economic Survey», Eleventh Year 1942—1944, Series of League of Nations Publications, II. A. 4,5. S. 125. Table 2.

² Там же. S. 31. Table 2.

³ Там же. S. 129. Table 2.

**КАЛОРИЙНОСТЬ ПАЙКА СРЕДНЕГО ПОТРЕБИТЕЛЯ
НА ЯНВАРЬ 1941—1944 ГГ.**

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г
Германия	1990	1750	1980	1930
Италия	1010	950	990	1065
Бельгия	1360	1365	1320	1555
Протекторат (Чехия)	1690	1785	1920	1740
Финляндия	1940	1491	1630	1780
Франция	1365	1115	1080	1115
Прибалтий- ские страны	—	1305	1305	1420
Голландия	2050	1825	1765	1580
Норвегия	1620	1385	1430	1480
Польша	845	1070	855	1200

То же самое с небольшими изменениями можно сказать и о других оккупированных областях, и главным образом о России. Наиболее плохо снабжалось население Греции, а продовольствие, предусмотренное для отправки туда из Германии, нельзя было перевезти из-за весьма ограниченных транспортных возможностей и частых налетов партизан, взрывавших железные дороги и полностью срывавших движение по ним. Несмотря на помощь Греции со стороны Международного комитета Красного Креста, здесь разразился настоящий голод, принявший катастрофические размеры не только в городах, но и в сельской местности. Оказать греческому населению какую-либо помощь германские власти были не в состоянии.

Положение с продовольствием стало катастрофическим и в крупных городах Голландии, когда на последнем году войны вследствие забастовки железнодорожников и перенесения боевых действий на территорию Голландии было совершенно нарушено всякое сообще-

ние между городом и деревней. Однако до этого времени благодаря хорошо организованному сотрудничеству между оккупационными властями и местной администрацией положение со снабжением было здесь относительно сносным. В крупных городах Франции наихудшее положение создалось перед самой высадкой союзников, но и после того, как вся Франция была снова в руках союзников, положение не улучшилось из-за разрухи на транспорте.

Наряду с тем, что Германия вывозила продовольствие из оккупированных ею областей, германские оккупационные власти всячески стремились увеличить упавшее во время войны производство сельскохозяйственных продуктов в этих областях. Так, «Восточное торговое общество сельскохозяйственного спроса» (ставшее позднее центральным), созданное вначале для управления бывшими крупными польскими поместьями, забрало в свое ведение во Франции в 1940 году большое количество хозяйств, покинутых владельцами во время боевых действий, и добилося там весьма значительных результатов. В Россию, где сталинская тактика «выжженной земли» нанесла сельскому хозяйству тяжелый урон (при вступлении немецких войск в Россию в исправном состоянии и в состоянии, пригодном для ремонта, было найдено лишь 40% сельскохозяйственного инвентаря), из Германии было вывезено одних лишь сельскохозяйственных машин на сумму 173 млн. марок, в том числе тракторов на 48 млн. марок. Необходимо учесть, что эти суммы подсчитаны по старым, «замороженным», ценам.

Аграрные планы для будущей Европы

Кроме всего вышесказанного, руководители сельского хозяйства и политические руководители Германии строили очень серьезные и далеко идущие планы по специализации сельскохозяйственного производства в Европе после окончания войны, основой которых долж-

ны были стать идеи, заложенные в книге министра Баке «За свободу сельского хозяйства в Европе». В Берлине в 1942 году начал функционировать специальный научно-исследовательский институт земледелия и продовольственного хозяйства Европы, главной задачей которого во время войны было опровергнуть на основании объективного цифрового материала бессмысленные представления политических руководителей о возможностях оккупированных районов. Кроме того, здесь разрабатывались конкретные планы сотрудничества европейских стран в области сельского хозяйства на основании использования природных условий стран и имеющихся рынков сбыта. Единственным документом, подготовленным институтом и имевшим практическое значение для сельского хозяйства, был выпущенный в виде аграрного устава приказ о систематическом роспуске колхозов, который должен был обеспечить мирное завоевание на свою сторону населения оккупированных областей Советской России. В германском Министерстве продовольствия прекрасно понимали, что количество продовольствия, которое можно получить от той или иной области, зависит от самих производителей, а для того, чтобы они производили продукты питания, нужно более или менее добровольное сотрудничество населения этих областей.

Производство сельскохозяйственных продуктов в Германии

В противоположность сложившемуся повсюду мнению снабжение Германии продуктами питания осуществлялось главным образом за счет продукции, произведенной на территории самой Германии. По расчетам профессора Е. Вермана¹, доля ввоза продуктов питания в общем сельскохозяйственном производстве Герма-

¹ Schaubilder zur deutschen und europäischen Ernährungswirtschaft.

нии (в границах на 1 сентября 1939 года) составляла в процентах:

1938/39 г. — 9,8
1939/40 г. — 7,5
1940/41 г. — 8,0
1941/42 г. — 10,0
1942/43 г. — 14,8
1943/44 г. — 12,9

Из этих цифр еще яснее, чем из сказанного выше о производительности оккупированных районов, видно, что снабжение Германии продовольствием осуществлялось главным образом за счет внутренних средств, а не за счет ввоза. При этом следует учесть, что количество людей, которых нужно было снабжать, увеличилось с 79,2 млн. в 1938/39 до 88,8 млн. человек в 1943/44 хозяйственном году и что, следовательно, к концу войны нужно было снабжать продовольствием на 10 млн. человек больше, чем в начале войны.

Тому, что уровень снабжения продовольствием населения и армии не снижался вплоть до самых последних бурных недель войны, способствовало главным образом то, что сельскохозяйственное производство в центральных районах Германии удалось удержать примерно в рамках мирного времени.

СБОР УРОЖАЯ В ВОЙНАХ 1914—1918 И 1939—1945 ГГ.
В ПРОЦЕНТНОМ ОТНОШЕНИИ К СРЕДНЕМУ УРОЖАЮ
ДОВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (ТЕРРИТОРИЯ ГЕРМАНИИ
В ГРАНИЦАХ 1939 Г.; ПО ПОДСЧЕТАМ ПРОФ. Е. ВЕРМАНА)

Год	Количество		
	зерна	карто- феля	сахарной свеклы
1908—1913 (среднегодовой)	100	100	100
1914	98	99	110
1915	80	118	67
1916	80	55	66

Год	Количество		
	зерна	карто- феля	сахарной свеклы
1917	56	76	64
1918	64	64	60
1935—1938 (среднегодовой)	100	100	100
1939	104	105	126
1940	90	106	122
1941	84	88	119
1942	86	101	120
1943	92	75	117
1944	78	80	100

Эта таблица показывает, что снижение валового сбора главных сельскохозяйственных культур в первые четыре года войны происходило значительно медленнее, чем в 1914—1918 гг. Уменьшение валового сбора зерновых в 1941 и 1942 гг. и картофеля в 1943 году объясняется главным образом неблагоприятными условиями погоды. Поддерживать производство сельскохозяйственных продуктов на указанном уровне было возможно лишь благодаря тому, что даже в ходе войны в сельском хозяйстве сохранилось достаточное количество рабочей силы и средств производства. Благодаря использованию иностранных рабочих и военнопленных на сельскохозяйственных работах серьезного недостатка в рабочей силе никогда не наблюдалось. Лишь к концу войны стала ощущаться нехватка в руководителях сельскохозяйственных производств. Выпуск машин и инвентаря не был снижен вплоть до 1943 года. Тракторный парк увеличился с 70 тыс. машин в конце 1933 года до 140 тыс. машин в конце 1944 года. Производство запасных частей для сельскохозяйственных машин было обеспечено вплоть до самого конца войны. Сырье, необходи-

мое для изготовления сельскохозяйственных машин и запасных частей, распределялось самим Министерством продовольствия, которое, являясь единственным органом, имевшим правильные данные о потребностях сельского хозяйства, могло направлять усилия промышленности на покрытие самых необходимых статей спроса. Удовлетворение потребностей сельского хозяйства в минеральных удобрениях было также, за исключением фосфатов, вполне достаточным. Еще в 1943 году на каждый гектар обрабатываемой площади имелось в распоряжении (в кг) следующее количество минеральных удобрений (цифры на 1917—1918 гг. даны в скобках): азота — 12,9 (3,1), калийных солей — 30,8 (26,5), фосфатов — 10,3 (11,4). Решающим для поддержания уровня производства сельскохозяйственных продуктов наряду с относительно достаточным снабжением азотом было сохранение скота как производителя естественных удобрений. Однако ввиду некоторых обстоятельств поголовье свиней, например, все же сократилось с 27 млн. голов в 1938/39 году до 18,6 млн. голов в 1943/44 году. Поголовье крупного рогатого скота, наоборот, почти не уменьшилось и составляло 23,25 млн. голов по сравнению с 23,8 млн. голов в 1938/39 хозяйственном году.

Снабжение углем и транспорт

Благодаря проницательности имперского комиссара по углю германская пищевая промышленность снабжалась углем до последнего дня войны. Сотрудничество Министерства продовольствия с другими специальными ведомствами в вопросах обеспечения бесперебойного снабжения фронта и тыла было в общем и целом также очень хорошо налажено. Министерство путей сообщения, несмотря на все другие поставленные перед ним задачи, всегда аккуратно выполняло требования продовольственного сектора, обеспечивая его необходимым количеством вагонов. В последние месяцы вой-

ны, когда крупные сортировочные станции были разрушены воздушными налетами противника, Министерство продовольствия и Министерство путей сообщения занимались совместно составлением планов по перевозкам смешанных грузов. Такие эшелоны посылались в снабжаемые районы с очень небольшими интервалами, так что иногда машинист одного поезда видел последние вагоны другого. Ремонт дорог производился настолько быстро, что уже через несколько часов после разрушения полотна или моста эшелоны получали возможность двигаться дальше.

В сентябре 1944 года министр вооружений Шпеер, который с самого первого дня пребывания на своем посту заботился о выполнении не только своих собственных задач, но и задач, связанных со снабжением армии и страны, выделил для проведения снабженческих мероприятий крупную часть своего аппарата в помощь Министерству продовольствия. Как правило, трудности, с которыми сталкивалась пищевая промышленность, возникали только в результате воздушных налетов противника, и, например, в последние месяцы войны мощность мельниц была все еще вполне достаточной для того, чтобы перемалывать то количество зерна, которое требовалось для удовлетворения населения хлебным пайком. В Министерстве продовольствия в это же время родилась мысль выдавать рожь в необмолоченном виде с соответствующими указаниями об употреблении.

Вплоть до самого конца войны качество пищевых продуктов оставалось вполне удовлетворительным. Это прежде всего относится к хлебу, который, несмотря на высокий помол, был значительно лучше, чем в Первую мировую войну. Единственными продуктами, качество которых во время войны снизилось, были животное масло и маргарин, где несколько повысилось процентное содержание воды, молоко, жирность которого значительно снизилась, и колбаса, в которую стали добавлять различные примеси. Суррогатных продуктов в отличие от Первой мировой войны не было, если не считать суррогатного кофе. Даже овощей имелось сравнительно

достаточное количество благодаря расширению общей площади огородов. Брюква как продукт питания в эту войну почти не употреблялась. Зато фруктов не было совершенно. Для выращивания и в особенности для хранения их отсутствовали всякие возможности. Минимальное количество фруктов, которое все же удавалось получать, полностью шло на изготовление мармелада, качество которого было довольно хорошим.

Нерациональное кормление скота

Чтобы обеспечить население продовольствием в трудных условиях снабжения, нужно увеличить потребление растительных продуктов и сократить потребление продуктов животноводства. В 1938/39 хозяйственном году 23,3% всех растительных продуктов, выращенных на своей территории и ввозимых из-за границы, уходило непосредственно на снабжение населения. В 1943/44 хозяйственном году количество их составляло 28,1%. Остальная часть растительных продуктов шла на корм скоту. Из них наибольшая часть приходилась на силос, который, разумеется, мог служить только для кормления животных. Главным конкурентом человека в потреблении основных пищевых продуктов является свинья. При кормлении свиней зерном или картофелем непроизводительная потеря калорий составляет 80%. Поэтому во время войны было оставлено лишь такое поголовье свиней, которое можно было прокормить тем зерном, картофелем и другими продуктами питания, которые оставались после удовлетворения человеческих потребностей. В случае необходимости или нехватки продовольствия этот остаток мог использоваться и для удовлетворения потребностей населения, а поголовье свиней можно было соответственно уменьшать. Характерно, что беспорядочного убоя свиней, наблюдавшегося в Первую мировую войну, на этот раз не было. Приходилось только из года в год приводить в соответствие поголовье свиней и степень откармливания скота с

имеющимися остатками фуражных фондов. Решающим в деле правильного и бесперебойного снабжения населения хлебом и картофелем являлось четко организованное руководство. Когда же война приобрела затяжной характер, снабжение гражданского населения продуктами животноводства было снижено до предела. Несмотря на это, принцип первоочередности обеспечения пищевыми продуктами населения постоянно оставался в силе.

Поведение населения

Хозяйственная дисциплина населения как среди потребителей, так и среди производителей была во Второй мировой войне значительно выше, чем в Первой. Черный рынок не приобрел больших размеров вплоть до самого конца войны, да и существовал он главным образом в оккупированных районах. Сельское хозяйство Германии вполне справлялось с теми задачами, которые были на него возложены в отношении поставок продовольствия. Политически дифференцированных норм поставок, как в нынешней советской зоне оккупации, не имелось. К мерам принуждения приходилось прибегать лишь очень редко. Наряду с применением жестких административных мер, характерных для авторитарного государства, практиковались беседы знающих дело специалистов, которые убеждали крестьян в необходимости осуществлять поставки сельскохозяйственных товаров, если последние еще раньше сами не понимали необходимости проведения тех или иных мероприятий; эти беседы, несомненно, оказывали свое действие на основную часть крестьянства. Так, например, несмотря на постоянно снижавшуюся производительность молочно-товарных хозяйств, удалось увеличить поставки молока с 16,15 млн. т в 1939 году до 18 млн. т в 1943 году и этим самым соответственно повысить производство животных жиров. На изменения цен немецкий крестьянин реагировал поразительно хорошо. Снижение или

повышение цен на свиней оставалось до последнего времени самым надежным средством регулирования степени их откормки и приведения производства мяса в соответствие с имеющимися запасами фуража. Повышение цен на обычный ячмень, в котором с 1942 года стала нуждаться пищевая промышленность для производства хлеба, до уровня цен на пивоваренный ячмень значительно способствовало увеличению производства ячменя.

Заключение

В заключение можно сказать, что система производства и распределения продовольственных продуктов во время Второй мировой войны в основном себя оправдала. Но отчет о продовольственном хозяйстве был бы незаконченным, если бы мы не вспомнили о людях, которые были свидетелями и участниками этих событий. На всех участках, больших и малых, они работали с первого и до последнего дня в тесном сотрудничестве друг с другом и с полным сознанием своей ответственности за поставленные перед ними задачи. Бесспорная заслуга в этом деле принадлежит Герберту Баке, бывшему в начале войны статс-секретарем Министерства продовольствия, а в конце войны ставшему министром; его высокие человеческие качества и ясный ум до последних дней накладывали на всю работу снабженцев особый отпечаток.

Очень трудно ответить на вопрос о том, что может быть использовано в будущем из того опыта, который был накоплен во время Второй мировой войны. Однако если теория и практика руководства продовольственным хозяйством в период с 1939 по 1945 год оправдали себя, то это еще не означает, что в будущем надо действовать по такому же шаблону для преодоления различных продовольственных трудностей. Сейчас количество факторов, которые при предварительном планировании не могут быть учтены, стало гораздо большим, чем в

1939 году. К этому следует прибавить, что по сравнению с 1939 годом Западная Германия в настоящее время испытывает в продовольственном снабжении значительно большие трудности. Доля производства пищевых продуктов в самой Германии в общем продовольственном балансе составляет сейчас лишь 55% по сравнению с 83% в довоенное время. К традиционному ввозу зерна и жиров прибавился еще и импорт сахара, который является не деликатесом, а важным продуктом питания.

С окончанием Второй мировой войны международное положение Германии коренным образом изменилось. Интересы мировой политики в основном переместились из Европы на запад и восток. Говорить сейчас о том, что мир во всем мире обеспечен, могут только самые беспечные оптимисты. В условиях осложнения международных отношений, за которое сегодня Германия не несет никакой ответственности, и при существующей политической обстановке ожидать новой блокады нельзя; зато, безусловно, следует рассчитывать на сильное сокращение импорта вследствие неизбежной нехватки у нас торгового флота.

Если в случае мобилизации экономики будет принято решение о создании необходимой продовольственной базы, то, учитывая предыдущий опыт, мы должны будем выполнить следующие три условия:

1. Создать такую организацию, которая будет проводить все продовольственные мероприятия. Она должна быть построена с таким расчетом, чтобы производством, заготовкой и распределением продуктов ведал один и тот же орган. Необходимо стремиться к созданию такой организации, в которой государственное руководство и опыт администрирования сочетались бы с практическим хозяйственным опытом представителей отдельных профессий. Возможность создать такую организацию без предварительной подготовки представляется сомнительной. Вместе с тем отсутствие такой организации приведет к столь же плачевным результатам, к которым мы пришли во время Первой и после окончания Второй мировой войны.

2. Создать соответствующие потребностям запасы зерна, сырья для производства маргарина, сахара и кормов для скота. Как велики должны быть эти запасы, зависит от факторов, известных только правительству.

3. Сделать все приготовления к тому, чтобы постоянно поддерживать собственное производство сельскохозяйственных продуктов на высоком уровне. Для этого нужно учитывать рост тракторного парка и обеспечить дополнительные запасы тракторного горючего. Если же по тем или иным причинам строгое нормирование продовольствия не вводится, то лучшим средством обеспечить снабжение и одновременно поддержать производство на высоком уровне является создание большого стратегического продовольственного резерва. Такой резерв при условии максимального рассредоточения продовольственных складов будет, несомненно, самым лучшим средством пресечь или по крайней мере значительно ослабить рыночную панику и мешочничество в случае нарушения подвоза продуктов.

Из опыта военных и послевоенных лет следует сохранить только одно — регулирование потребления продовольственных продуктов путем компенсации дефицитных продуктов другими. Только в этом случае руководство продовольственным хозяйством не будет нарушено. Осуществить управление при абсолютной нехватке всех видов продовольствия невозможно. Если нормы потребления не обеспечивают населению минимальный прожиточный минимум, всякая хозяйственная дисциплина исчезает и начинается борьба всех против всех.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АЛЬБЕРТА ШПЕЕРА

Примерно в начале августа 1939 г. беззаботной компанией с Гитлером направлялись мы в чайный домик на скале Кельштайн. Длинная кавалькада машин взбиралась по извилистой дороге, пробитой по приказу Бормана в горе. Через высокий, отделанный бронзой портал мы вошли в одетый мрамором влажный холл, а затем — в лифт из отполированной до блеска меди.

Во время пятидесятиметрового подъема Гитлер как-то вне всякой связи, словно продолжая какой-то внутренний монолог, сказал: «Вероятно, вскоре произойдет нечто огромное. Даже если бы я и должен был послать туда Геринга. В крайнем случае я и сам мог бы поехать туда. Я ставлю все на эту карту». Этот намек повис в воздухе.

Ровно через три недели мы услышали, что германский министр иностранных дел ведет переговоры в Москве. Во время ужина Гитлеру передали записку. Он пробежал ее глазами, на какое-то мгновение, краснея на глазах, он окаменел, затем ударил кулаком по столу так, что задрожали бокалы, и воскликнул: «Я поймал их! Я их поймал!» Но через секунду он овладел собой, никто не отваживался задавать какие-либо вопросы, и трапеза пошла своей обычной чередой.

После нее Гитлер пригласил лиц из своего окружения к себе: «Мы заключаем пакт о ненападении с Россией. Вот, читайте. Телеграмма от Сталина». Она была адресована «Рейхсканцлеру Гитлеру» и кратко информировала о состоявшемся единении. Это был самый потря-

сающий, волнующий поворот событий, который я мог себе представить, — телеграмма, дружественно соединявшая имена Гитлера и Сталина. Затем нам был показан фильм о параде Красной армии перед Сталиным с огромной массой войск. Гитлер выразил свое удовлетворение тем, что такой военный потенциал теперь нейтрализован, и повернулся к своим военным адъютантам, собираясь обсудить с ними качества вооружения и войск на Красной площади. Дамы оставались по-прежнему в своем обществе, но, естественно, тут же узнали новость от нас, которая вскоре была обнародована и по радио.

Ночью мы вместе с Гитлером стояли на террасе и восхищались редкостной игрой природы. Очень интенсивное полярное сияние в течение целого часа заливало красным светом расположенный напротив, овеянный сказаниями Унтерсберг, тогда как над ним полыхало небо всеми цветами радуги. Невозможно было себе представить более эффектную постановку финала «Сумерек богов». Наши лица и руки казались неестественно красными. Внезапно Гитлер сказал одному из своих военных адъютантов: «Похоже на поток крови. На этот раз без применения силы не обойтись».

Еще несколькими неделями ранее центр интересов Гитлера заметно переместился в военную область. Часто в многочасовых беседах с одним из четырех своих военных адъютантов (полковник Рудольф Шмундт от руководства вермахта, капитан Герхард Энгель от сухопутных сил, капитан Николаус фон Белов от люфтваффе и капитан Карл-Йеско фон Путкаммер от военно-морского флота) Гитлер стремился добиться ясности в своих собственных планах. Молодые и не скованные казармой офицеры были, по-видимому, к нему особенно приближены, тем более что он, все время искавший поддержки своих планов, находил ее среди них легче, чем в кругу скептических генералов, отвечавших за конкретные участки.

В те же дни, сразу после обнародования германо-русского пакта, адъютанты, однако, были заменены политическими и военными ведущими лицами Рейха, включая Геринга, Геббельса, Кейтеля и Риббентропа. Геббельс первым заговорил открыто и с озабоченностью о вырисовывающейся военной опасности. Станным образом этот, в остальном столь радикальный пропагандист считал риск очень серьезным и пытался рекомендовать окружению Гитлера мирную политическую линию, он позволял себе весьма несдержанные высказывания о Риббентропе, которого считал главным представителем партии войны. Мы, из частного окружения Гитлера, видели в нем, как и в Геринге, выступавшем также за поддержание мира, слабых людей, разложившихся в благоденствии власти, просто не желающих ставить на карту приобретенные привилегии.

Хотя именно в эти дни под откос была пущена реализация главного дела моей жизни, я полагал, что решение вопросов национального масштаба должны иметь приоритет над частными интересами. Мои сомнения перекрывались самоуверенностью, которую излучал в те дни Гитлер. Он казался мне героем античной легенды, который без колебаний, сознавая свою силу, пускается на самые рискованные приключения и с гордой независимостью преодолевает все преграды.

Собственно военная партия, кто бы помимо Гитлера и Риббентропа к ней ни принадлежал, оперировала следующей аргументацией: «Допустим, что сейчас мы, благодаря нашему быстрому перевооружению, имеем соотношение сил 4 к 1. Со времени оккупации Чехословакии противная сторона сильно вооружается. Но прежде, чем ее военное производство полностью развернется, пройдет полтора-два года. Только начиная с 1940 года она начнет ликвидировать наше солидное превосходство. И лишь когда она выйдет на количественный уровень нашей военной продукции, начнется постепенное ухудшение превосходства немецкого потенциала. Ибо, для того чтобы сохранить его, нам при-

шлось бы учетверить объемы производства. Но это нам не по силам. Даже если противник выйдет на половину нашей продукции, общее соотношение постепенно будет меняться не в нашу пользу. К тому же именно сейчас у нас во все рода войск поступает вооружение нового типа, тогда как у противной стороны — устаревшая техника».

Соображения такого рода вряд ли подействовали на принятие Гитлером решений как главный аргумент, но они, несомненно, повлияли на выбор момента. Поначалу он говорил: «Я задержусь в Оберзальцберге возможно дольше, чтобы набраться энергии для надвигающихся тяжелых дней. Только когда дело дойдет до принятия роковых решений, я поеду в Берлин».

Но уже несколькими днями позднее колонна автомашин Гитлера двинулась по автобану в Мюнхен. Десять машин с большими, в целях безопасности, интервалами. Население необычно тихо реагировало на проезд Гитлера. Почти никто не махал приветственно руками. И в Берлине, в окрестности Рейхсканцелярии, было на редкость спокойно. Обычно же, как только над зданием поднимался личный штандарт Гитлера, извещавший о его прибытии, здание осаждалось людьми, приветствовавшими его при въезде и выезде. Из дальнейшего хода событий я, естественно, оказался исключенным; тем более что в эти напряженные дни распорядок работы Гитлера существенно смещался.

С переездом двора в Берлин все его время было занято сменявшимися одно другим совещаниями. Совместные трапезы по большей части выпадали. Среди наблюдений, которые удержались в моей памяти, со всей свойственной ей прихотливостью сохранилась четкая, в чем-то комическая картина: итальянский посол Бернардо Аттолико за несколько дней перед нападением на Польшу, хватая воздух на бегу, врывается в Рейхсканцелярию. Он примчался с известием, что Италия на первых порах не сможет выполнить своих союзнических обязательств. Дуче облек этот отказ в невыполнимые требо-

вания немедленных поставок такой массы военных и народнохозяйственных товаров, следствием которых могло быть только резкое ослабление вооруженных сил Германии. Гитлер высоко оценивал военный потенциал Италии, особенно ее военного флота, реорганизованного и располагавшего большим количеством подводных лодок; того же мнения он был и относительно итальянских ВВС. На какой-то момент Гитлеру показалось, что гибнет вся его стратегия, поскольку он исходил из того, что решимость Италии вступить в войну дополнительно припугнет западные державы. Заколебавшись, он на несколько дней отложил нападение на Польшу, о котором уже был отдан приказ.

Отрезвление тех дней уже вскоре сменилось, однако, новым эмоциональным подъемом, и интуитивно Гитлер пришел к выводу, что даже и при выжидательном поведении Италии объявление войны Западом отнюдь не предreshено. Предложенная Муссолини дипломатическая инициатива была им отвергнута: он не позволит более удерживать себя от решительных действий. Войска, уже давно приведенные в боевую готовность, нервничают, сезон благоприятной погоды быстро промелькнет, следует помнить и о том, что при затяжных дождях соединениям будет угрожать опасность завязнуть в польской грязи.

Произошел обмен дипломатическими нотами с Англией по поводу Польши. Гитлер выглядел переутомленным, когда в один из вечеров в зимнем саду канцлерской резиденции он в узком кругу с убежденностью заявил: «На этот раз мы не повторим ошибки 1914 года. Теперь все дело в том, чтобы свалить вину на сторону противника. В 1914 году это было сделано по-дилетантски. Сейчас все бумаги Министерства иностранных дел просто никуда не годятся. Я сам пишу ноты лучше». При этом у него в руке была исписанная страница, возможно, проект ноты из Министерства иностранных дел. Торопливо он попрощался, не приняв участия в ужине, и исчез в верхних помещениях. Впоследствии в заключе-

нии я прочитал этот обмен нотами; при этом у меня не сложилось впечатления, что Гитлер преуспел в своих намерениях.

Ожидание Гитлера, что после капитуляции в Мюнхене Запад снова проявит уступчивость, было подкреплено секретной информацией, согласно которой некий офицер британского генерального штаба проанализировал потенциал польской армии и пришел к выводу, что сопротивление Польши будет быстро сломлено. С этим Гитлер связывал надежду, что генеральный штаб сделает все для того, чтобы отсоветовать своему правительству ввязываться в столь бесперспективную войну. Когда же 3 сентября за ультиматумами западных держав все же последовало объявление войны, Гитлер после короткого замешательства утешал себя и нас мыслью, что Англия и Франция, очевидно, объявили войну только для видимости, чтобы не потерять лицо перед всем миром. Он совершенно уверен, что, несмотря на объявление войны, до боевых действий дело не дойдет. Поэтому он приказал вермахту придерживаться оборонительной линии и, приняв это решение, мнил себя чрезвычайно умным и тонким.

За суматошностью последних дней августа последовало какое-то странное затишье. На некоторое время Гитлер вернулся к своему обычному дневному ритму, он даже вновь заинтересовался архитектурными делами. В своем кругу за столом он объяснял: «Мы хотя и находимся с Англией и Францией в состоянии войны, но если мы с нашей стороны уклонимся от активных боевых действий, то все уйдет в песок. И напротив, если мы пустим на дно какое-нибудь судно и будут многочисленные жертвы, то там усилится партия войны. Вы понятия не имеете, каковы эти демократы: они были бы рады как-нибудь выпутаться из этой истории. А Польшу они просто бросят в беде!» Даже когда немецкие подлодки оказались в выгодной позиции против военного французского корабля «Дюнкерк», Гитлер не дал разрешения на атаку.

Британский налет на Вильгельмсхафен и гибель «Атении» ничего не оставили от его расчетов.

Ничему не наученный, он оставался при своем: Запад слишком жидок, слишком дрябл и упадочен для серьезной войны. Возможно, ему было очень неприятно признаться себе и своему ближайшему окружению в том, что он ошибся. У меня свежо воспоминание о том удивлении, с которым было встречено известие о вступлении Черчилля в качестве военно-морского министра в военный кабинет. Со злосчастливым сообщением прессы в руке Геринг появился на пороге из апартаментов Гитлера, плюхнулся в ближайшее кресло и сказал устало: «Черчилль в кабинете. Это означает, что война действительно начинается. Теперь у нас с Англией война». По этому и некоторым иным наблюдениям можно было понять, что такое начало войны не соответствовало предположениям Гитлера. Временами он заметно терял так успокоительно действовавшую ауру непогрешимого фюрера.

Иллюзии и принятие желаемого за действительное связаны с нереалистическим складом ума и способом работы Гитлера. На деле он ничего не знал о своих противниках и отказывался пользоваться той информацией, которая была в его распоряжении. Он больше полагался на свои спонтанные озарения, как бы ни были они, взятые по отдельности, противоречивы. В соответствии со своей поговоркой, что всегда существуют две возможности, он хотел войны в этот как будто бы самый благоприятный момент и в то же время не готовился к ней должным образом. Он видел в Англии, как он однажды выразился, «нашего врага номер один» и все же надеялся на мирное урегулирование с ним.

Я не верю, чтобы Гитлер в те первые сентябрьские дни полностью отдавал себе отчет в том, что он неправомо развязал мировую войну. Он просто хотел сделать еще один шаг вперед; он был готов, как и год назад, во время чехословацкого кризиса, рискнуть, но он только и готовил себя к риску, а не к собственно большой

войне. Его программа перевооружения флота была намечена на более поздний срок, боевые корабли, как и первый авианосец, еще только строились. Он знал, что эти суда смогли бы в полной мере показать противнику свои боевые свойства, действуя только в примерно равноценных по составу и силе соединениях. К тому же он также столь часто говорил о недооценке подводного оружия в Первой мировой войне, что он вряд ли сознательно начал бы Вторую, не выставив сильный флот подлодок.

Но все тревоги, казалось, рассеялись в первые же дни сентября, когда польский поход принес немецким войскам ошеломительный успех. Вскоре к Гитлеру как будто бы вернулась его бывшая уверенность, а позднее, в самый разгар войны, я неоднократно от него слышал, что польскому походу обязательно нужно было быть кровавым: «Вы что думаете, это было бы счастьем для армии, если бы мы заняли Польшу снова без борьбы, после того как мы заполучили Австрию и Чехословакию без боя? Поверьте мне, этого не вынесет и самая лучшая армия. Победы без пролития крови деморализуют. Так что это было не просто счастье, что дело пошло по-другому, но мы должны были бы видеть тогда в бескровной победе и известную ущербность, и поэтому я в любом случае нанес бы удар».

Население воспринимало положение с самого начала войны гораздо серьезнее, чем Гитлер и его окружение. Из-за всеобщей нервозности в один из первых дней сентября в Берлине была объявлена ложная воздушная тревога. Вместе со многими берлинцами я отсиживался в общественном бомбоубежище. Они с испугом смотрели в будущее, настроение в помещении было подавленным.

Совсем иначе, чем при начале Первой мировой войны, полки не засыпали цветами. Улицы оставались пустыми. На Вильгельмплац не собирались толпы людей, которые вызывали бы Гитлера. Вполне в соответствии с общим настроением Гитлер однажды ночью приказал

запаковать его чемоданы и погрузить их в машину, чтобы выехать на Восток, на фронт. Три дня спустя после нападения на Польшу я был через одного из его адъютантов призван для прощания в Рейхсканцелярию и застал там, во временно затемненном жилом помещении, Гитлера, взрывавшегося по пустякам. Подъехали машины, он коротко попрощался со своими остающимися придворными. Никто на улице не обратил внимания на это историческое событие — Гитлер уезжал на им же инсценированную войну. Конечно, Геббельс мог бы организовать ликование масс в любом объеме, но, видать, и ему было не до того и не по себе.

Даже во время мобилизации Гитлер не забыл своих деятелей искусств. В конце лета 1939 года адъютант Гитлера по сухопутным войскам затребовал из военных округов военно-учетные документы, разорвал их и выбросил. Таким образом они перестали существовать для армейских столов учета. В списке, составленном Гитлером и Геббельсом, архитекторы и скульпторы занимали, впрочем, скромное место: основную массу освобожденных от воинской службы составляли певцы и актеры. Открытие, что для будущего очень важны молодые ученые, было сделано с моей помощью только в 1942 г.

Еще тогда, из Оберзальберга, я отдал моему бывшему начальнику, а в то время секретарю моей приемной Вилли Нагелю распоряжение подготовить создание группы срочной технической помощи под моим руководством. Наш хорошо сработавшийся аппарат строительных управлений мы собирались использовать для восстановления мостов, расширения шоссежных дорог или для иных надобностей в районах боевых действий. Впрочем, наши представления были весьма смутными. Поначалу все ограничилось тем, что приготовили спальные мешки и палатки да перекрасили мою «БМВ» в защитный цвет. В день объявления всеобщей мобилизации я отправился в Верховное командование сухопутных войск на Бендлерштрассе. Генерал-полковник

Фромм, как этого и следовало ожидать в прусско-немецком учреждении, сидел спокойно в своем кабинете, тогда как вся машина крутилась по плану. С охотой он принял мое предложение; мой автомобиль получил военный номер, а я сам — военное удостоверение личности. На этом, впрочем, на первый раз и закончилась моя воинская служба.

Гитлер сам без долгих разговоров запретил использовать меня во вспомогательных частях армии и потребовал от меня дальнейшей работы над его планами. Тогда я, по крайней мере, предоставил в распоряжение армии и ВВС рабочих и технические службы с моих строек в Берлине и Нюрнберге. Мы взяли на себя строительство экспериментального ракетного центра в Пенемюнде и срочные объекты авиапромышленности. Я проинформировал об этом Гитлера. К своему изумлению, однако, вскоре я получил необычно резкое письмо от Бормана: как мне могло прийти в голову подыскивать себе новые задачи, приказа на это не было дано. Гитлер поручил ему передать мне распоряжение о продолжении всех строек без всякого ограничения.

Примерно в начале октября германский посол в Москве граф фон Шуленберг сообщил Гитлеру, что Сталин лично проявил интерес к нашим стройкам. Серия фотографий наших макетов была выставлена в Кремле. Но наши самые масштабные объекты по указанию Гитлера остались в тайне, чтобы, как он выразился, «не навести Сталина на вкус». Шуленберг предложил мне слетать в Москву для пояснений к фотографиям. «Он может вас там задержать», — заметил Гитлер полушутя и не разрешил поездку. Несколько позднее германский посланник Шнурр сообщил мне, что Сталину понравились мои проекты.

29 сентября из Москвы вернулся Риббентроп со второй московской встречи с германо-советским договором о границе и дружбе, которым закреплялся четвертый раздел Польши. За столом у Гитлера он рассказывал, что еще никогда не чувствовал себя так хорошо, как среди сотрудников Сталина: «Как если бы я находился

среди старых партийногеноссен, мой фюрер!» Гитлер с каменным лицом промолчал на этот взрыв энтузиазма обычно столь сухого министра иностранных дел. Сталин казался, как рассказывал Риббентроп, довольным соглашением о границе, а после окончания переговоров собственноручно обвел карандашом на приграничной, теперь советской территории район, который он подарил Риббентропу под огромный охотничий заказник. Этот жест тут же вызвал реакцию Геринга, который не мог согласиться с тем, чтобы сталинская прибавка досталась лично министру иностранных дел, и выразил мнение, что она должна отойти Рейху и, следовательно, ему, Имперскому егерьмайстеру. Из-за этого разгорелся яростный спор между обоими господами охотниками, окончившийся для министра иностранных дел тяжелым огорчением, так как Геринг оказался более напористым и пробивным.

* * *

Гитлер потребовал, чтобы во время войны не только форсировалось со всей настойчивостью возведение берлинских построек. Он, кроме того, под влиянием своих гауляйтеров прямо-таки в инфляционных масштабах расширил круг городов, подлежащих коренной реконструкции. Поначалу это были только Берлин, Нюрнберг, Мюнхен и Линц, теперь же своими личными указами он объявил еще двадцать семь городов — в том числе Ганновер, Аугсбург, Бремен и Веймар — так называемыми «городами перестройки». Ни меня, ни кого-либо еще при этом никогда не спрашивали о целесообразности подобных решений. Я просто получал копию очередного указа, подписанного Гитлером после того или иного совещания. По моим тогдашним оценкам, как я писал об этом 26 ноября 1940 г. Борману, общая стоимость этих планов, и прежде всего замыслов партийных ин-

станций в «городах перестройки», должна была бы составить сумму в 22—25 миллиардов марок.

Мне казалось, что все эти заявки ставят под угрозу сроки моих строительных объектов. Сначала я попытался особым распоряжением Гитлера прибрать все эти градостроительные планы под свой контроль. Когда же это было сорвано Борманом, я после долгой болезни, которая дала мне возможность поразмышлять над многими проблемами, заявил 17 января 1940 г. Гитлеру, что будет лучше, если я сосредоточусь на доверенном мне строительстве в Берлине и Нюрнберге. Гитлер моментально согласился: «Вы правы. Было бы жалко, если бы вы растворились в общей текучке. В крайнем случае разрешаю вам от моего имени заявить, что я, фюрер, не желаю вашего подключения к этим планам с тем, чтобы вас не слишком отвлекали от собственно художественных задач».

Я очень широко воспользовался этим и уже в ближайшие же дни сложил с себя все партийные должности. Возможно — если я сегодня верно оцениваю комплекс моих тогдашних мотивов, — мое решение было направлено и против Бормана, который с самого начала относился ко мне холодно. Впрочем, я чувствовал себя неуязвимым, поскольку Гитлер часто отзывался обо мне как о человеке незаменимом.

После того как 25 июня 1939 г. своим указом «об обеспечении необратимости победы» Гитлер распорядился о немедленном возобновлении работ на берлинских и нюрнбергских стройках, я спустя несколько дней поставил рейхсминистра доктора Ламмерса в известность, что «я не намерен на основе указа фюрера еще во время войны снова приступить к практической реконструкции Берлина». Однако Гитлер не согласился с таким толкованием и приказал продолжать строительные работы, даже если общественное мнение и было в основном негативным. Под его давлением было решено, что, несмотря на военное время, берлинские и нюрнбергские объекты должны быть готовы к ранее установлен-

ным срокам, т.е. самое позднее в 1950 г. Под его нажимом я подготовил «Срочную программу фюрера», и Геринг сообщил мне затем, в середине апреля 1941 г., что ежегодная потребность в 84 млн. тонн металлоконструкций будет обеспечена. Для маскировки от общественности эта программа шла под названием «Военная программа работ по развитию водных путей и рейхсбана Берлина». 18 апреля я обсуждал с Гитлером увязанные с этой программой сроки сдачи Дворца для собраний, зданий Верховного командования вермахта, Рейхсканцелярии, дворца фюрера — короче, средоточия его власти вокруг Адольф Гитлер-плац, к возможно более скорому завершению всего этого ансамбля он, несмотря на войну, сохранял пламенный интерес. Одновременно было основан трест для производства этих работ, в который были сведены семь наиболее мощных немецких строительных фирм.

В середине ноября 1940 г. в Берлин прибыл Молотов. Гитлер посмеялся в кругу своего обычного застольного кружка над пренебрежительным сообщением своего врача доктора Карла Брандта, что сопровождавшие советского Председателя Совета народных комиссаров и наркома иностранных дел лица попросили из страха перед инфекцией все тарелки и обеденные приборы тщательно прокипятить.

В жилом покое фюрера в Бергофе, в Оберзальцберге, стоял огромный глобус. Несколькими месяцами позднее я увидел на нем пометки этих неблагоприятно проходивших переговоров. Со значительным выражением лица один из адъютантов от вермахта указал на небольшую, проведенную карандашом линию — с севера на юг по Уралу. Она была проведена Гитлером в качестве будущей границы разграничения сфер влияния с Японией. 21 июня 1941 г., накануне нападения на Советский Союз, Гитлер пригласил меня в свое берлинское жилье и приказал проиграть для меня несколько тактов

из «Прелюдий» Листа. «В ближайшее время вы будете часто это слышать, это — наши победные фанфары, позывные для русского похода. Как вам они нравятся? Уж гранита и мрамора мы оттуда получим, сколько потребуется».

Теперь уже Гитлер не скрывал своей мании величия; то, что уже давно проглядывало в его строительных проектах, должно было теперь быть закреплено войной, или, как он выражался, «кровью». Аристотель писал в своей «Политике»: «Истина в том, что величайшие несправедливости исходят от тех, кто стремится к сверхмере, а не от тех, кого нужда давит».

Меня угнетала мысль, что теперь, в самой решающей стадии мировой войны, любой ценой следовало продолжать осуществление столь масштабных градостроительных замыслов. 30 июля 1941, т.е. пока еще развивалось стремительное продвижение немецких войск в России, я предложил доктору Тодту, «генеральному уполномоченному по делам германского строительства», законсервировать все строительные объекты, не являющиеся абсолютно необходимыми с военной точки зрения. Тодт высказался в том духе, что при нынешнем благоприятном ходе операций этот вопрос может быть отложен на несколько недель. И он был отложен, поскольку мои ходатайства перед Гитлером оставались напрасными. Он не давал согласия на какое бы то ни было сокращение и столь же скупое делился с военной промышленностью рабочей силой и материалами со своих личныхстроек, как это бывало уже, когда затрагивались объекты его особого пристрастия — автобаны, партийные сооружения и берлинские проекты.

В середине сентября 1941 г., когда вторжение в Россию уже заметно отставало от высокомерных прогнозов, по приказу Гитлера были существенно расширены наши договоры о поставках гранита из Швеции, Норвегии и Финляндии для моих берлинских и нюрнбергских объектов. Ведущим норвежским, финским, итальян-

ским, бельгийским, шведским и голландским фирмам были розданы заказы на тридцать миллионов рейхсмарок. Для доставки грандиозных объемов гранита в Берлин и Нюрнберг мы учредили 4 июня 1941 г. свой собственный транспортный флот и собственные верфи в Висмаре и Берлине для строительства тысячи барж с грузоподъемностью по 500 тонн.

Мое предложение приостановить гражданское строительство оставалось даже тогда без внимания, когда в России уже начала вырисовываться зимняя катастрофа 1941 г. 29 ноября Гитлер заявил мне напрямик: «Еще в ходе этой войны я начну возведение зданий. Я не допущу, чтобы война помешала мне осуществить мои планы».

Гитлер не просто настаивал на выполнении планов. После первых успехов в России он еще и увеличил число трофейных танков, которые предстояло выставить на гранитных постаментах и которые должны были служить дополнительным художественным средством убранства улиц, придавая им высокогероическое звучание. 20 августа 1941 г. я, по поручению Гитлера, сообщил немало изумившемуся адмиралу Лорей, опекуну берлинского цейгхауса, что между Южным вокзалом и Триумфальной аркой («Стройобъект Т») намечается установить около тридцати тяжелых орудий. «Гитлер собирается также разместить их, — продолжал я, — и в некоторых точках Великой улицы и Южной оси. Так что общая потребность в экспонатах тяжелого вооружения достигает двух сотен. А у входа в наиболее важные общественные здания должны быть выставлены танки особенно тяжелых типов».

Представления Гитлера о государственно-правовой конструкции его «Германского Рейха немецкой нации», хотя в общем и представлялись довольно расплывчатыми, но в одном пункте была полная ясность: в непосредственной близости от норвежского города Дронтхайм, учитывая благоприятное стратегическое местоположение, должна была возникнуть самая крупная база воен-

но-морских сил; помимо верфей доков и прочего предстояло построить город на 250 тыс. немецкого населения и включить его в Рейх. 1 мая 1941 г. я получил от вице-адмирала Фукса из Верховного командования военно-морских сил необходимые исходные данные о размерах площади под крупную государственную верфь. 21 июня гросс-адмирал Редер и я сделали Гитлеру в помещении Рейхсканцелярии соответствующий доклад. В итоге Гитлер определил общие контуры города. Даже год спустя, 13 мая 1942 г. он во время одного из совещаний по вопросам вооружений вернулся к проекту этой базы. На специальных картах он внимательно подобрал наилучшее расположение для дока и приказал при помощи взрывов построить в огромной гранитной горе подземную базу для подводных лодок. В целом Гитлер исходил из того, что Сен-Назер и Лориан во Франции, а также британские острова в силу своего исключительно благоприятного географического положения должны войти в систему баз военно-морского флота. По совершенному произволу он распоряжался базами, правами, интересами других. Его концепция мирового господства поистине не знала границ.

В этой же связи находилась и его идея основать в занятых нами областях Советского Союза немецкие города. 24 ноября 1941 г., т.е. уже во время зимней катастрофы, гауляйтер Майер, заместитель рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга, сделал мне предложение возглавить отдел «градостроительство» и разработать планы изолированных городов со всем необходимым для оккупационных гарнизонов и гражданского населения. Мне в конце января 1942 г. все же удалось отказаться от предложения, потому что у меня были опасения, что разработка градостроительных планов в одном единственном ведомстве поведет к обезличенной унификации будущих городов, и поэтому предложил доверить эту задачу каждому крупному немецкому городу.

С того времени, как я в начале войны взял на себя стройки армии и ВВС, наша организация значительно выросла. По масштабам, которыми мне пришлось оперировать несколькими месяцами позднее, 26 тыс. строительных рабочих, занятых на наших военных объектах, в конце 1941 г. были, конечно, величиной незначительной. Но тогда я очень гордился своим скромным вкладом в общее дело. Это и успокаивало мою совесть — я работал не только над планами Гитлера для мирных времен. Наиболее важной была «Программа Ю-88», которая должна была обеспечить расширение производства нового двухмоторного пикирующего бомбардировщика. Три крупных завода, каждый больше, чем «Фольксваген», были построены в Брюнне, Граце и Вене — впервые в нашей практике — из сборного железобетона и всего за восемь месяцев. Но уже с конца 1941 г. наша работа осложнялась нехваткой горючего. Даже для нашей особой срочности программы снабжение горючим было в сентябре 1941 г. сокращено до трети, а с 1 января 1942 г. — даже до одной шестой потребности. Типичный пример того, как Гитлер, предпринимая поход на Россию, зарвался по сравнению с нашими возможностями. Попутно мне были поручены работы по устранению последствий бомбардировок в Берлине и строительство бомбоубежищ. Тем самым я, еще не зная этого, уже готовился к моей будущей деятельности на посту министра по делам вооружения. И не только в том смысле, что я на низовом уровне разглядел те узкие места, из-за которых произвольно менялись программы и пересматривались категории срочности производства, но и получил представление о механизме власти и взаимных претензиях внутри руководства.

Так, как-то я принимал участие в одном заседании у Геринга, во время которого генерал Томас выразил неудовольствие завышенными экономическими требованиями руководства. Геринг буквально наорал на заслуженного генерала: «Да каким образом это вас вообще касается? Или, может быть вы, а не я, являетесь уполно-

моченным за четырехлетку? Вам вообще надлежит по-малкивать, потому что решение всех этих вопросов фюрер всецело доверил мне». При решении такого рода вопросов генерал Томас никак не мог рассчитывать на поддержку своего шефа генерал-полковника Кейтеля, поскольку Кейтель и сам бывал рад, если его миновали такие наскоки Геринга. Хорошо продуманный экономический план Управления по делам экономики в Верховном командовании вермахта из-за таких вот вещей и не выполнялся. Но и Геринг, как я тогда уже это понял, ничего не предпринимал. А если он все же что-то и делал, то привносил совершенную неразбериху, так как он никогда не утруждал себя вниканием в проблемы и его решения были по большей части чисто импульсивны.

Несколько месяцев спустя, 27 июня 1941 г., я в качестве уполномоченного по строительству промышленных объектов для производства вооружений участвовал в совещании между Мильхом и Тодтом. Гитлер уже был уверен, что русские полностью разгромлены, и поэтому дал распоряжение срочно форсировать развитие авиапромышленности для следующей своей акции, покорения Англии. Мильх настаивал — и это был его долг — на соблюдении установленной Гитлером приоритетности, что приводило доктора Тодта ввиду военного положения в отчаяние. Ведь и у него было задание — срочно нарастить производство вооружений для сухопутных войск, но у него не было специального указания Гитлера, которое давало бы его заданию зеленый свет. Под конец совещания Тодт так признал свое бессилие: «Лучше всего, господин фельдмаршал, если вы меня возьмете в ваше министерство в качестве сотрудника».

Осенью 1941 г. я отправился в Дессау, на предприятия «Юнкерс», чтобы скоординировать с генеральным директором Коппенбергом планы строительства и производства. В конце переговоров он провел меня в закрытое помещение и показал мне графическое изображение, сопоставлявшее выпуск бомбардировщиков в ближайшие годы американцами и нами. Я спросил его, что думает

наше руководство относительно столь удручающих цифр. «Да в том-то и дело, что они не хотят им верить», — ответил он. Не владея собой, он расплакался. Вскоре после этого Коппенберг был смещен с поста директора заводов «Юнкерс». Геринг же, главнокомандующий люфтваффе, ведущего тяжелые бои, нашел предостаточно времени 23 июня, на второй день нападения на Советский Союз, чтобы в полной униформе осмотреть выставленный в Трептов-парке макет в натуральную величину своего рейхсмаршальского ведомства.

Моя последняя за последующую четверть века командировка по делам искусства привела меня в Лиссабон, где 8 ноября открывалась выставка «Новое немецкое зодчество». Из-за этой поездки я не смог навестить некоторых парижских знакомых — Вламinka, Дерэна, Деспю, которые по моему приглашению осмотрели макеты нашего берлинского градостроительства. Повидимому, они приняли наши планы и сооружения к сведению молча: во всяком случае, наша учрежденческая летопись не упоминает ни единого слова об их впечатлениях. Я познакомился с ними во время своих поездок в Париж и неоднократно оказывал им поддержку заказами своего ведомства. Курьез заключался в том, что у них было больше свободы, чем у их немецких коллег. Когда я уже во время войны как-то посетил парижский Осенний салон, то увидел стены, увешанные полотнами, которые в Германии были бы заклеимлены как вырожденческие. Гитлер тоже слышал об этой выставке. Его реакция была столь же поразительной, сколь и логичной: «Да разве нам нужен духовно здоровый французский народ? Да пусть себе вырождается! Тем лучше для нас».

Пока я находился в Лиссабоне, на восточном театре военных действий разразилась настоящая транспортная катастрофа. Немецкая войсковая организация не справлялась с русской зимой. К тому же советские войска основательно разрушали при отступлении все локомотивные депо, водокачки и другие технические соору-

жения своих железных дорог. В опьянении летних и осенних успехов, когда казалось, что «русский медведь уже убит», никто всерьез не озаботился восстановлением этих служб. Гитлер тоже не понял, что для того, чтобы справиться с трудностями русской зимы, следовало бы своевременно предпринять транспортно-технические меры.

Я услышал об этих трудностях от руководящих чиновников Рейхсбана, от генералов сухопутных войск и ВВС. Сразу же я предложил Гитлеру использовать 30 тыс. из подчиненных мне 65 тыс. строительных рабочих под руководством инженеров для восстановления путевого хозяйства. Непостижимо, но факт: лишь после двухнедельного промедления, 27 декабря 1941 г. Гитлер согласился, отдав соответствующее распоряжение. Вместо того чтобы еще в начале ноября самому настаивать на подобном решении, он, исполненный решимости не капитулировать перед действительностью, несмотря на катастрофу, все еще требовал, чтобы его триумфальные сооружения были сданы к намеченным срокам.

В тот же день я встретился с доктором Тодтом в его скромном доме на Хинтерзее под Берхтесгаденом. В качестве поля деятельности мне была отведена вся Украина. Технические службы и рабочие все еще беззаботно продолжавшихся строительством автобанов брали на себя Центр и Север России. Тодт только что вернулся из инспекционной поездки по восточному театру военных действий. Он видел замерзшие на путях санитарные поезда с насмерть замерзшими ранеными, видел беды частей в отрезанных от всего мира снегами маленьких деревнях и городках, почувствовал недовольство и отчаяние среди немецких солдат. Подавленно и пессимистично звучал его вывод: мы не только физически не способны переносить такие нагрузки, но и духовно погибнем в России. «Это борьба, — продолжал он, — в которой превосходство за примитивными людьми, которые способны вынести все, даже злую игру природы. Мы слишком чувствительны и потому обречены. В ко-

нечном счете победителями будут русские и японцы». Гитлер также, еще в мирное время и, очевидно, под влиянием Шпенглера, развивал схожие идеи, говоря о биологическом превосходстве «сибиряков и русских». Когда же начался поход на Восток, он отбросил свой аргумент в сторону, поскольку он противоречил его намерениям.

В середине 1941 г. Геринг осматривал наш город-макет, установленный на Паризер-плац. Покровительственно он сделал весьма необычное замечание: «Я сказал фюреру, что после него я считаю вас величайшим человеком, какой только есть у Германии». Но тут же он, второй человек в иерархии, счел необходимым одновременно и несколько ослабить эти слова: «В моих глазах вы вообще самый великий архитектор. Я хотел бы так сказать: как высоко я ставлю фюрера по его политическим и полководческим способностям, так же высоко я ценю вас в вашем зодческом творчестве».

После девяти лет работы в качестве архитектора Гитлера я занял вызывавшее восхищение и неуязвимое положение. Последующие три года указали мне совсем иные задачи, которые по временам и впрямь делали меня самым важным человеком вслед за Гитлером.

Зепп Дитрих, один из самых старых приверженцев Гитлера, а в описываемое время командующий танковым корпусом СС, находившимся под сильным давлением русских под Ростовом, вылетал 30 января на самолете из личной авиаэскадрильи фюрера в Днепропетровск. Я попросил прихватить и меня. Мой штаб уже находился в этом городе, чтобы подготовиться к ремонтным работам в Южной России. Вполне естественная мысль попросить в свое распоряжение самолет не при-

ходила мне в голову. Небольшой штрих, показывающий, как скромно я оценивал свою роль в военных действиях.

Тесно прижатые друг к другу, мы сидели в бомбардировщике «Хейнкель», оборудованном под пассажирскую машину. Под нами — унылые заснеженные равнины Южной России. В крупных хозяйствах мы видели сожженные амбары и коровники. Чтобы легче ориентироваться, мы летели вдоль железнодорожной линии. Составов было почти не видно, чернели обгоревшие здания станций. Производственные постройки разрушены, редко можно было увидеть проезжие дороги, но и они были пусты. Просторы, над которыми мы летели, пугали смертельной тишиной, проникавшей, казалось, и в наш самолет. Полосы мокрого снега, через которые мы пролетали, нарушали монотонность; нет, наоборот, они ее только усиливали. Этот полет заставлял остро осознать, какой опасности подвергались войска, почти отрезанные от поставок из тыла. В предвечерние сумерки мы приземлились в Днепропетровске, крупном русском промышленном центре.

«Стройштаб Шпеера», как многие специалисты в духе того времени, связывая практические задачи с определенной личностью, называли нас, с грехом пополам размещался в спальном вагоне. Время от времени паровоз давал немного пару, чтобы не допустить замерзания отопительной системы. Столь же убога была обстановка и в вагоне-ресторане, который служил рабочим помещением и местом отдыха.

Восстановление полотна шло гораздо труднее, чем можно было предполагать. Русские разрушили все разъезды; нигде не было ремонтных мастерских, нигде — незамерзающих водокачек, нигде — станционных зданий и действующих стрелок. Простейшие вещи, для решения которых дома достаточно было бы телефонного звонка одного из служащих, вырастали здесь в проблему, даже если речь шла всего лишь о костылях или строительном лесе.

Снег валил и валил. Железнодорожное и шоссейное движение было полностью парализовано, сугробы заваляли взлетную полосу аэродрома. Мы были отрезаны от мира, мой отлет домой приходилось откладывать. Время заполняли приходы моих строителей, устраивались товарищеские вечера, распевались песни, Зепп Дитрих витийствовал и горячо воспринимался присутствующими. Я же при этом помалкивал, не отваживаясь, при моей риторической бездарности, сказать несколько слов своим людям. Распеваемые командованием группы войск песни все были какие-то печальные, о тоске по родине и унылости русских просторов. В этом неприкрыто проглядывало то душевное напряжение, которое давило на наши аванпосты. И все же это были сами по себе довольно выразительные, полюбившиеся в армии песни.

Тем временем общее положение давало пищу для невеселых размышлений. Небольшая танковая колонна русских прорвала фронт и приближалась к Днепропетровску. На заседаниях обсуждалось, что мы можем двинуть против них. У нас почти ничего не было для обороны: несколько винтовок и одно брошенное кем-то оружие без снарядов. Русские подошли на 20 километров и беспорядочно кружили по степям. Произошла одна из обычных на войне ошибок: они не использовали свое преимущество. Небольшой бросок к длинному мосту через Днепр и его поджог — он был ценой тяжких трудов восстановлен из дерева — на все зимние месяцы отрезал бы от снабжения армию, стоявшую юго-восточнее Ростова.

Я отнюдь не расположен к героизму, а поскольку я за семь дней своего пребывания все равно ничего бы не мог наладить, а только проедать скудные запасы моего инженерного состава, я решил отправиться с поездом, собиравшимся прорваться на Запад через все снежные заносы. Мой штаб устроил мне дружеские — и я думаю, не без чувства облегчения — проводы. Всю ночь мы ползли со скоростью десяток-другой километров в час,

потом останавливались, расчищались пути, двигались дальше. Мы должны уже были бы быть намного западнее, когда под утро наш состав прибыл на какой-то заброшенный вокзал.

Станным образом мне все показалось знакомым: обгоревшие пакгаузы, дымок над несколькими спальными вагонами и вагонами-ресторанами, солдатские патрули. Оказывается, мы вернулись в Днепропетровск, вынудили заносы. В подавленном настроении приблел я к вагону-ресторану с моим штабом. Мои сотрудники были не только ошарашены, но на их физиономиях читалось, пожалуй, даже раздражение. Разве они не опустошили по случаю отъезда шефа, а затем и до раннего утра все свои запасы спиртного?

В тот же день — это было 7 февраля 1942 г. — в обратный полет должна была отправиться машина, с которой Дитрих прибыл сюда. Командир Найн, ставший вскоре пилотом моего персонального самолета, готов был забрать меня. Уже только дорога до аэродрома была тяжелой. При температуре много ниже нуля и ясном небе бушевал буран, гоня огромные снежные массы. Русские в ватниках тщетно пытались расчистить метровые сугробы.

Не без трудностей около одиннадцати вечера мы все же взлетели с кое-как расчищенного аэродрома. Пунктом назначения машины был Растенбург в Восточной Пруссии, где базировалась авиаэскадрилья фюрера. Мне-то нужно было в Берлин, но самолет был не мой, и я был рад, что меня подбросят на приличное расстояние. Благодаря этой случайности я впервые попал в восточнопрусскую ставку Гитлера.

В Растенбурге я дозвонился до кого-то из его адъютантов. Не доложит ли он Гитлеру о моем местопребывании на случай, если тот захочет переговорить со мной. Я не видел его с начала декабря, и для меня было бы большой наградой услышать от него лично несколько приветственных слов. Машина из гаража при ставке доставила меня в нее. Прежде всего я досыта наелся

в столовой, в которой вместе садились за стол Гитлер, его генералы, политические сотрудники и адъютанты. Гитлера не было видно. В это время ему делал доклад доктор Тодт, министр вооружения и боеприпасов, и они обедали вдвоем в личных помещениях фюрера. Не теряя времени, я обсудил с начальником транспорта сухопутных сил генералом Герке и командующим железнодорожными войсками наши проблемы на Украине.

После ужина, на котором на этот раз присутствовал и Гитлер, совещание с Тодтом продолжилось. Последний освободился лишь поздно вечером, выглядел после долгого и, по-видимому, нелегкого совещания напряженным и очень усталым. Он казался просто подавленным. Мы посидели вместе несколько минут, он молча тянул бокал вина, ни словом не упоминая о причинах своего огорчения. Из вяло текущего разговора выяснилось, что Тодт на следующий день утром летит в Берлин и что в самолете есть одно свободное место. Он охотно согласился взять меня с собой, и я был рад избежать долгого железнодорожного пути. Мы договорились о времени вылета ранним утром, и д-р Тодт попрощался в надежде сколько-нибудь поспать.

Ко мне подошел адъютант Гитлера. Было около часа пополудни, время, в которое мы и в Берлине нередко обсуждали наши планы. Гитлер выглядел не менее переутомленным и расстроенным, чем Тодт. Обстановка его кабинета была подчеркнута скупой; он не позволил себе здесь даже удобных мягких кресел. Мы заговорили о берлинском и нюрнбергском строительстве, и Гитлер как-то сразу приободрился, оживился. На его землистом лице появились краски. В конце беседы он попросил меня поделиться моими южнорусскими впечатлениями и, заинтересованно подбрасывая вопросы, помогал мне. Трудности восстановительных работ на железнодорожном транспорте, снежные бураны, непонятное поведение русских танков, товарищеские посиделки с их горестными песнями — все это постепенно выливалось из меня.

Когда часа в три утра я доложил Гитлеру о своем убытии в Берлин, то я все же отказался от самолета Тодта, который должен был вылететь через пять часов. Я слишком устал и сначала хотел выспаться. В маленькой спальне я размышлял, а кто из окружения Гитлера не делал этого после двухчасовой, с глазу на глаз, беседы, какое впечатление у него осталось от меня. Я был доволен: я снова уверился в том, что удастся возвести вместе с ним задуманные постройки, в чем я уже подчас сомневался перед лицом положения на фронтах. В эту ночь мы снова воплотили в жизнь наши планы минувших дней, еще раз взвинтились до галлюцинаторного оптимизма.

Утром меня разбудил телефон. Д-р Брандт возбужденно доложил: «Доктор Тодт только что погиб в авиационной катастрофе». С этой минуты все для меня переменилось.

За последние годы мое отношение к д-ру Тодту стало намного теснее. В его лице я потерял старшего вдумчивого коллегу. Нас многое объединяло: оба мы происходили из состоятельных семей, были земляками из Бадена и оба получили высшее техническое образование. Мы оба любили природу, жизнь в крестьянских домах, прогулки на лыжах, нас объединяла и сильная нелюбовь к Борману. Тодт рассорился с ним уже из-за одного того, что партсекретарь Гитлера своим дорожным строительством изуродовал весь ландшафт вокруг Оберзальцберга. Частенько мы с женой бывали у него в гостях. Тодты жили в маленьком, скромном доме, чуть в сторону от озера Хинтерзее в берхтесгаденской местности. Никто из тамошних жителей не подозревал, что это знаменитый дорожно-строительный инженер и создатель автобанов.

Д-р Тодт был одним из немногих скромных, ненавязчивых людей в правительстве, человеком, на которого всегда можно было положиться, от которого невозможно было ожидать интриг. С характерным для него сочетанием тонкокожести и трезвости, столь частым именно

среди инженерной интеллигенции, он с трудом вписывался в руководящий слой национал-социалистического государства. Он вел одинокий, уединенный образ жизни, без личных контактов с партийными кругами. Даже к трапезам у Гитлера он появлялся чрезвычайно редко, хотя ему там всегда были рады. Именно его сдержанность придавала ему особый авторитет; куда бы он ни пришел, он всегда оказывался в центре всеобщего внимания. Даже Гитлер демонстрировал ему и его деятельности свое высочайшее уважение, доходившее до обожания, тогда как Тодт сохранял по отношению к нему личную независимость, оставаясь, конечно, лояльным партийгеноссе из первой когорты.

В столовой ставки за завтраком оживленно обсуждалось, кто мог бы наследовать Тодту. Все сходились на том, что его не заменишь: ведь д-р Тодт занимал сразу посты трех министров. В ранге министра он был начальником всего дорожного строительства, начальником всех водных путей рек и мелиоративных сооружений, а также всех электростанций и, кроме того — личным уполномоченным Гитлера, министром по производству вооружений и боеприпасов. В рамках четырехлетнего плана Геринга он возглавлял строительную отрасль и сверх того создал Организацию Тодта, которая возвела Западный вал, строила на побережье Атлантики базы-бункеры для подводных лодок, да еще и дороги в оккупированных странах — от Северной Норвегии до Южной Франции и России.

Таким образом, Тодт сосредоточил в последние годы жизни в своих руках важнейшие технические программы. Поначалу, еще сохраняя видимость различных ведомств, его создание представляло собой будущее министерство по делам техники, тем более что в партии он возглавлял главный отдел техники и одновременно еще и председательствовал в головном объединении всех технических объединений и союзов.

Уже в первые часы после гибели Тодта мне стало ясно, что на меня падет какая-то из важных областей

всеобъемлющих задач Тодта. Потому как еще весной 1939 г. во время одной из своих поездок к Западному валу Гитлер заметил вскользь, что если с Тодтом что случится, то он подумывает о передаче мне его задач по строительству. Позднее, летом 1940 г., Гитлер официально принял меня в своем кабинете в Рейхсканцелярии и поведал мне, что Тодт перегружен. Поэтому он решил передать мне все строительные программы, включая и строительство на побережье Атлантики. Тогда мне удалось убедить Гитлера, что будет лучше, если строительство и вооружение останутся в одних руках, поскольку они тесно связаны друг с другом. Гитлер к этому вопросу не возвращался, а я ни с кем не поделился. Это предложение могло не только чувствительно задеть Тодта, но и повредить его престижу.

Поэтому я был подготовлен к поручению такого рода, когда примерно в час дня меня пригласили к Гитлеру. Выражение лица его шеф-адъютанта Шауба было особо многозначительно. Гитлер принял меня в отличие от вчерашнего вечера официально как фюрер Империи. Стоя, серьезно и протокольно он принял мои соболезнования, ответил на них немногими словами, а затем произнес напрямик: «Господин Шпеер, я назначаю вас преемником министра Тодта во всех его должностях». Я был ошарашен. Он уже протянул мне руку и хотел отпустить меня. Я подумал, что он неточно выразился, и ответил, что приложу все усилия для того, чтобы заменить доктора Тодта в его обязанностях по строительству. «Нет, во всех его должностях, включая и вооружение». — «Но ведь я ничего не понимаю...» — вставил я. «Я верю, что вы потянете, — перебил меня Гитлер, — кроме того, у меня никого другого нет! Немедленно свяжитесь с министерством и принимайтесь за дело!» — «Тогда, мой фюрер, вы должны облечь это в форму приказа, потому что я не могу поручиться, что я справлюсь с этой задачей». Гитлер отдал краткий приказ, выслушанный мной молча.

Не произнеся ни единого неформального слова, столь до сих пор между нами обычных, он принялся за свои бумаги. Это было проверкой нового рабочего стиля, который отныне должен был установиться между нами. До этой минуты Гитлер как архитектор дарил мне свое в известном смысле коллежское расположение. Теперь же начинался совсем другой этап, с первого же мгновения которого он возводил дистанцию служебных отношений с подчиненным ему министром.

Когда я направился к двери, вошел Шауб: «Прибыл господин рейсмаршал и хотел бы, мой фюрер, срочно с вами переговорить. Вы его не вызывали». Гитлер взглянул на него с раздражением и тоской: «Пригласите». И, обращаясь ко мне: «Задержитесь». В энергичном порыве в кабинет вступил Геринг и после нескольких слов соболезнования сказал с большим запалом: «Лучше всего, если функции доктора Тодта в рамках четырехлетнего плана я возьму на себя. Это снимет шероховатости и проблемы, которые возникали из-за его вмешательства». По-видимому, Геринг прибыл на личном поезде из своего охотничьего имения в Роминтене, удаленного километров на сто от ставки. Учитывая, что несчастье произошло в половине десятого, он, вероятно, весьма поспешал.

Гитлер ни словом не откликнулся на инициативу Геринга: «Я уже назначил преемника Тодта. Вот господин имперский министр Шпеер с этой минуты принял на себя все функции доктора Тодта». Сказанное было настолько недвусмысленно, что исключало всякие возражения. Геринг казался испуганным и озадаченным. Через несколько секунд расстроенный и сразу какой-то отчужденный, ни единым словом не прореагировав на новость, сообщенную Гитлером, он сказал: «Вы, мой фюрер, разумеется, не возражаете, если я не приму участия в похоронах доктора Тодта? Вам известно, какие острые расхождения у нас с ним были. Для меня невозможно присутствовать при сем». Теперь я уже не могу с полной отчетливостью вспомнить ответ Гитлера, поскольку я вообще был оше-

ломлен этой первой дискуссией о моей министерской стезе. Насколько помню, Геринг в конце концов согласился участвовать в церемонии с тем, чтобы его конфликт с Тодтом не вышел наружу. При том значении, которое система придавала декорациям, было бы в высшей степени необычно и заметно, если бы второй человек в государстве не появился на государственном акте в честь погибшего министра.

Не может быть ни малейших сомнений в том, что Геринг попытался с налету взять Гитлера на бордаж, и я тогда уже предполагал, что Гитлер этого ожидал и потому провел мое назначение в столь спешном порядке.

Выполнять свои, Гитлером ему доверенные задачи в качестве министра вооружений доктор Тодт мог только прямыми приказами, касающимися промышленности. Геринг же как уполномоченный фюрера по делам четырехлетки считал себя ответственным за военный хозяйственный комплекс в целом. Он и его аппарат поэтому всегда принимали в штыки самостоятельные действия Тодта. В середине января 1942 г., недели за две до гибели, Тодт участвовал в одном из совещаний по военно-экономическим вопросам; Геринг набросился на него тогда настолько резко, что Тодт еще в тот же самый день заявил Функу о невозможности сотрудничества. В подобных ситуациях Тодту очень вредила его униформа генерал-майора люфтваффе, из-за которой он, несмотря на свой министерский пост, в военной иерархии оказывался в подчинении Геринга.

После этого краткого обсуждения мне ясно было только одно: Геринг не будет моим союзником, а Гитлер, казалось, склонен был поддержать меня, если у меня с Герингом возникнут трудности.

Какой риск и какое легкомыслие заключались в спонтанном выборе и назначении меня Гитлером в качестве руководителя трех или даже четырех министерств, от которых зависела судьба его государства! Я был типич-

ный аутсайдер как для армии, так и для партии и экономики, я никогда в своей жизни не имел ни малейшего отношения к вооружению, я даже не служил солдатом и ни разу не применял, хотя бы в качестве охотника, огнестрельное оружие. Только особой склонностью Гитлера к дилетантизму можно объяснить подбор им непрофессиональных сотрудников. Ведь еще ранее он назначил виноторговца министром иностранных дел, своего партфилософа — министром по делам восточных территорий, а военного летчика — хозяином над всей экономикой. А теперь он еще сделал архитектора министром вооружений! Совершенно ясно, что Гитлер предпочитал доверять ключевые посты любителям. Специалистам, как например, Шахту, он не доверял всю жизнь.

То, что накануне меня занесло в ставку и что я отказался от совместного полета с Тодтом, а также и то, что второй раз в моей жизни — как ранее в связи с кончиной профессора Троотса — моя карьера определялась уходом предшественника, имело в глазах Гитлера значение особо примечательного поворота providения. Когда мне впоследствии удалось добиться первых успехов, он нередко подчеркивал, что несчастье должно было постигнуть Тодта, чтобы производство вооружений вышло на новый уровень.

По сравнению с не очень удобным доктором Тодтом Гитлер заполучил в свои руки очень, особенно на первых порах, послушный инструмент. В этом смысле происшедшая смена вполне отвечала закону негативного отбора, которым и определялось окружение Гитлера. Поскольку каждое противоречие решалось им через выбор более услужливого кандидата, постепенно, в ходе многолетнего процесса, он создал себе окружение, которое со все большей готовностью отзывалось на его предначертания и все бездумней претворяло их в жизнь.

Историки уделяют моей деятельности на посту министра определенное внимание и склонны рассматривать мои берлинские и нюрнбергские стройки по сравнению

с ней как нечто второстепенное. Для меня же моя архитектурная работа и впредь оставалась задачей жизни. Свое ошеломительное возвышение я рассматривал как невольный перерыв в ней на время войны, как своего рода воинскую службу. Я надеялся как архитектор Гитлера добиться признания и даже славы, тогда как значение даже очень важного министра должно было без остатка раствориться в лучах славы, исходящей от Гитлера. Поэтому я скоро потребовал от Гитлера обещания, что после войны он назначит меня своим архитектором. Тот факт, что я посчитал необходимым заручиться такого рода обещанием, показывает, в какой зависимости мы чувствовали себя от Гитлера, даже при решениях самого личного характера. Гитлер ответил положительно без всяких колебаний, высказав свою уверенность в том, что я как его первый архитектор окажу еще немало ему и его Рейху ценнейших услуг. Говоря о своих планах на будущее, он часто выражался мечтательно: «Вот тогда мы уединимся на пару месяцев, чтобы пройти еще разок по всем нашим градостроительным планам». Однако вскоре такие замечания стали чрезвычайно редкими.

Первой реакцией на мое назначение на пост министра был прилет 9 февраля в ставку из Берлина личного референта Тодта обер-регирунгсрата Конрада Хааземана. У Тодта имелись более влиятельные и высокопоставленные сотрудники, поэтому я истолковал направление личного референта как попытку подвергнуть мой авторитет испытанию. Хааземан с самого же начала обратил мое внимание на то, что с его помощью я мог бы познакомиться с качествами моих будущих сотрудников. На это я коротко ответил, что намереваюсь сам составить себе о них впечатление. В тот же вечер я отправился ночным поездом в Берлин. Охота к полетам у меня была на некоторое время отбита.

Когда на следующее утро мы проезжали окраины столицы Империи с их заводами и железнодорожным хозяйством, меня мучила тревога, справлюсь ли я с эти-

ми мне чуждыми и огромными техническими задачами. У меня были немалые сомнения, гоюсь ли я для новой должности, осилю ли содержательные проблемы, соответствую ли я личным качествам, требуемым от министра. Когда наш поезд вползал на Силезский вокзал, у меня сильно билось сердце и мне было не по себе.

Нужно же было так случиться, чтобы именно я во время войны занял один из ключевых постов, хотя в общении с незнакомыми людьми был скорее скован, у меня не было дара легко выступать на собраниях, и даже на заседаниях мне нелегко было формулировать свои мысли точно и понятно для всех. Что скажут армейские генералы, когда я, несущий клеймо не-солдата и художника, должен буду быть их партнером? И правда, вначале вопрос о том, как я выгляжу со стороны и не роняю ли я свой авторитет, доставлял мне не меньше забот, чем собственно деловые проблемы.

Серьезная трудность ожидала меня в управленческом аппарате моей новой сферы работы. Я отдавал себе отчет, что в глазах старых сотрудников Тодта неизбежно должен был выглядеть самозванцем. Им хотя и было известно, что я был добрым знакомым их шефа, но они знали меня и как просителя, который иногда заглядывал к ним по вопросам снабжения стройматериалами. На протяжении многих лет они самым тесным образом были связаны с доктором Тодтом.

Сразу же после прибытия в министерство я обошел комнаты всех ответственных сотрудников, избавив их таким образом от необходимости формального визита-представления. Я также распорядился, чтобы в кабинете доктора Тодта, хотя его обстановка и была не совсем в моем вкусе, за время моего пребывания на этом посту ничего не менялось.

Утром 11 февраля 1942 г. я должен был участвовать в торжественной встрече останков доктора Тодта на Анхальтском вокзале. Меня эта церемония, так же как и состоявшаяся в построенном мной мозаичном зале Рейхсканцелярии панихида с прослезившимся Гитле-

ром, потрясли. Во время скромного прощания над могилой Дорш, один из ближайших сотрудников Тодта, торжественно заверил меня в лояльности. Двумя годами позднее, когда я был тяжело болен, он ввязался в интригу, затеянную Герингом против меня.

Работа началась немедленно. Статс-секретарь Министерства авиации, генерал-фельдмаршал Эрхард Мильх приглашал меня на совещание, которое должно было состояться в большом зале его министерства 13 февраля и на котором предстояло с частями всех трех родов войск вермахта, а также с представителями экономических кругов обсудить общие вопросы производства вооружений. На мой вопрос, нельзя ли это совещание чуть отодвинуть, чтобы я мог хоть немножко оглядеться, Мильх ответил в свойственном ему несколько задиристом тоне, впрочем, соответствовавшем нашим хорошим отношениям: промышленники со всей страны уже съезжаются, и не собираюсь ли я праздновать труса. Пришлось согласиться. За день до совещания меня вызвали к Герингу. Это был мой первый визит к нему в ранге министра. Он начал с теплых слов о своем отношении ко мне, своему бывшему архитектору. Он надеется, что в этом ничто не изменится. Геринг, если хотел, мог быть покоряюще, хотя и несколько преувеличенно, любезным. А затем вдруг он выложил свое требование: с моим предшественником у них было письменное соглашение. Аналогичный документ заготовлен и для меня и будет мне переслан для подписи. В нем записано, что я, отвечая за армию, не вмешиваюсь в вопросы четырехлетнего плана. Нашу беседу он закончил довольно темным намеком, что дальнейшее я узнаю на совещании у Мильха. Я ничего на все это не ответил и завершил разговор в том же сердечном тоне. Поскольку четырехлетний план охватывал всю экономику, то с подписанием заготовленного Герингом соглашения я становился бы просто недееспособным.

Я предчувствовал, что на совещании у Мильха меня ожидает что-то необычное. Чувствуя себя еще далеко

неуверенно, я не скрыл своих опасений и сомнений от Гитлера, находившегося в Берлине. По тому впечатлению, которое Геринг должен был оставить у Гитлера в связи с моим назначением, я мог рассчитывать на понимание. «Хорошо, — сказал Гитлер, — если против вас будет что-то затеваться или вы столкнетесь с трудностями, прервите заседание и пригласите его участников в зал заседаний кабинета. Я скажу господам необходимое».

Зал заседаний считался «святым местом», быть в нем принятым — это должно было произвести сильное впечатление. Намерение Гитлера обратиться к кругу людей, с которыми мне предстояло работать, — лучшего старта я не мог себе пожелать. Большой пленарный зал Министерства авиации был полон. Присутствовали тридцать участников: важные фигуры от промышленников, среди них генеральный директор Альберт Феглер, руководитель Имперского союза германской промышленности Вильгельм Цанген, начальник сухопутных войск резерва генерал-полковник Эрнст Фромм вместе с подчиненным ему шефом отдела вооружений генералом Леебом, генерал-адмирал Витцель, начальник отдела вооружений ВМФ, генерал Томас в качестве начальника отдела Верховного командования вермахта по вопросам военной экономики и вооружений, а также несколько уполномоченных, отвечающих за различные разделы четырехлетнего плана, и другие ответственные сотрудники Геринга. Мильх по праву хозяина дома занял место председателя, пригласив Функа сесть справа, а меня — слева от него. В кратком вступительном слове он рассказал о трудностях в экономике вооружения и неразберихе, порождаемой конкуренцией трех родов войск вермахта. За ним выступил Феглер от «Ферейнигте Штальверке» с очень разумными рассуждениями о том, как военная экономика страдает от приказов и контрприказов, от споров вокруг степеней срочности той или иной продукции, от постоянной смены приоритетов. У нас есть еще не раскрытые резервы, которые при таком раз-

доре просто не видны, так что необходимо срочно оздоровить обстановку. Решения должен принимать кто-то один, кто этот один — промышленности все равно.

Следующими взяли слово генерал-полковник Фромм от армии и генерал-адмирал Витцель от ВМФ и с некоторыми оговорками присоединились к Феглеру. И другие участники высказались в том же духе; при этом ясно прозвучало желание иметь дело с одним начальствующим лицом, который взял бы руководство. Еще во время моей работы на авиапромышленность я осознал всю остроту этого требования.

Наконец поднялся Имперский министр экономики Функ и обратился непосредственно к Мильху. «Мы все, — сказал он, — здесь сходимся во мнении, ход совещания это показал. Поэтому речь может лишь идти о том, кто будет этот руководитель». «И кто мог бы лучше, чем вы, дорогой Мильх, подойти для этой роли? Вы, пользующийся полным доверием нашего высокочтимого рейхсмаршала. Я полагаю, что говорю от имени всех присутствующих, когда прошу вас взять эту задачу на себя», — несколько патетично для этой аудитории воскликнул он.

Все это было, несомненно, обговорено заранее. Функ еще продолжал говорить, когда я прошептал Мильху на ухо: «Совещание будет продолжено в зале заседаний кабинета. Фюрер выразил желание высказаться о моих задачах». Мильх, человек умный и с быстрой реакцией, ответил на предложение Функа, что он высоко ценит выраженное доверие к нему, но что он не может принять на себя общее руководство.

Тут я в первый раз взял слово: я передал приглашение фюрера и одновременно заявил, что дискуссия будет продолжена в четверг, 18 февраля, в здании моего министерства, поскольку предположительно в зале кабинета речь пойдет о моих задачах. Мильх закрыл заседание.

Позднее Функ признался мне, что накануне заседания Билли Кернер, статс-секретарь Геринга и одна из

ключевых фигур в четырехлетнем плане, настойчиво просил его предложить кандидатуру Мильха на роль уполномоченного принимать центральные решения. Функ считал само собой разумеющимся, что Кернер просил его об этом не без ведома Геринга.

Уже приглашение Гитлера само по себе должно было дать почувствовать всем посвященным в прежнее соотношение сил, что я получил более сильную позицию, чем та, которую мой предшественник когда-либо имел.

Теперь Гитлер должен был выполнить свое обещание. Он в своем кабинете предложил мне кратко проинформировать его о совещании, затем попросил меня оставить его на несколько минут одного, так как ему надо сделать заметки. Затем он вместе со мной прошел в зал заседаний кабинета и сразу же взял слово.

Гитлер говорил около часа. Он пространно рассуждал о задачах военного сектора экономики, подчеркнул, насколько важно увеличение объемов производства вооружений, упомянул о ценных кадрах, которые следует активизировать в промышленности, и с удивительной открытостью коснулся конфликта с Герингом: «Этот человек не может в рамках четырехлетнего плана разглядеть «промышленность вооружения». Необходимо — так продолжал Гитлер — вычленить эти задачи из четырехлетнего плана и передать мне. Да, посты даются, но посты и берутся, это случается. Мощности для наращивания продукции налицо, но много просто халатности. В тюрьме Функ мне рассказал, что во время Нюрнбергского процесса Геринг затребовал из архива это заявление Гитлера, равносильное смещению, чтобы отвергнуть обвинения в использовании принудительного труда.

Гитлер осторожно обошел проблему единой инстанции для всей промышленности вооружений: он говорил о вооружении армии и военно-морского флота, сознательно исключая ВВС. Я бы также поостерегся отстаивать перед ним иную точку зрения, так как речь шла бы при этом о политическом решении, и по порядкам этой

системы это повело бы только к путанице. Гитлер завершил свою речь обращением к присутствующим: сначала он расписал мои организационные достижения в строительстве (что вряд ли могло убедить участников совещания), охарактеризовал мою новую деятельность как личную жертву (что в этом кругу перед лицом критической обстановки на фронте казалось, наверное, естественным) и выразил надежду, что я при решении поставленных задач буду везде встречать не только поддержку, но и спортивно-честное отношение: «Ведите себя по отношению к нему как джентльмены!» — слова, необычные для Гитлера. Что же касается собственно моих задач, то тут он не высказался со всей определенностью, а для меня это было даже и к лучшему.

Так Гитлер еще никогда не вводил нового министра в должность. И в менее авторитарной системе подобный дебют означал бы неоценимую помощь. В нашем же государстве последствия были просто поразительными, даже для меня самого. Длительное время я двигался в своего рода пустом пространстве, не встречая ни малейшего противодействия и мог практически делать все, что считал необходимым.

Функ, который вместе со мной провожал Гитлера в его апартаменты в Рейхсканцелярии, по дороге растроганно и клятвенно обещал предоставить все в мое распоряжение и оказать любую помощь. И он сдержал свое обещание, если не принимать во внимание незначительные исключения.

Борман и я постояли, беседуя уже о пустяках, еще несколько минут с Гитлером в его жилой комнате. Прежде чем удалиться в свои верхние помещения, он еще раз дал мне совет по возможности более полно использовать возможности промышленности, потому что именно там я найду ценнейшие силы. Мысль эта была для меня не нова, потому что Гитлер и до этого часто подчеркивал, что крупные задачи лучше всего решаются непосредственно экономикой, а министерская бюрократия, против которой у него были предубеждения, только ско-

ывает ее инициативу. Я воспользовался удобным случаем в присутствии Бормана заверить его, что я собираюсь добиваться выполнения своих задач, главным образом привлекая специалистов из промышленности. Но для этого необходимо, чтобы партийная принадлежность не была предварительным условием, потому что, как известно, очень многие из них далеки от партии. Гитлер согласился, поручил Борману учесть мое пожелание. И, в самом деле, по крайней мере до покушения 20 июля 1944 г. мое министерство было избавлено от неприятных проверок партканцелярии Бормана.

Вечером того же дня я договорился с Мильхом, который пообещал мне перейти от завистливого соперничества между производством вооружения для ВВС и армии, которым до сих пор определялись отношения «вооруженцев» ВВС, к вооружению армии и ВМФ. Именно в первые месяцы мне были важны его советы, из этого вскоре выросла сердечная дружба, длящаяся до сего дня.

* * *

До совещания в моем министерстве оставалось пять дней, до него я должен был сформулировать свои представления. Как ни странно это может показаться, самое главное, принципиальное мне было ясно. С самого первого дня, как лунатик, я брел по направлению к системе, которая только и могла обеспечить успех в производстве вооружений. Впрочем, как уже говорилось, еще во время моей двухлетней работы на вооружения удалось заглянуть снизу «во многие принципиальные недостатки, которые я не увидел бы сверху».

Я разработал организационный план, вертикальные линии которого изображали готовую продукцию — танки, самолеты или подлодки, т.е. вооружения всех трех родов войск вермахта. Вертикальные столбы были опоясаны многочисленными кольцами, каждое из кото-

рых должно было изображать определенный контингент поставок, необходимых для всех орудий, танков, самолетов и иных видов вооружения. Здесь, в этих кружках, я и представлял себе сведенными воедино производство, например, кованых изделий или подшипников или электротехнического оборудования. Профессиональное мышление в трех измерениях подтолкнуло меня к изображению этой новой организационной схемы в объеме и перспективе.

В бывшем зале заседаний Академии искусств снова встретились ведущие фигуры военной промышленности и управленческих инстанций, ответственных за вооружение. После моего часового доклада моя схема была принята к сведению без каких-либо дискуссий. Не было также возражений и против полномочий единого руководства производством вооружений. Это закрепляло требования совещания 13 февраля и замыкало его на моей персоне. Я даже осмелился предложить присутствующим пустить по кругу для подписи мое заявление — весьма необычная процедура во взаимоотношениях имперских ведомств.

Впечатление от речи Гитлера было, однако, еще достаточно свежо. Первым о своей полной поддержке моего предложения заявил Мильх и, не раздумывая долго, подписал испрашиваемые мною полномочия. У остальных участников совещания возникли оговорки формального характера, которые Мильх тем не менее, используя свой авторитет, быстро развеял. Только представитель военно-морских сил генерал-адмирал Витцель упорствовал до последнего и дал свое согласие только условно.

На следующий день, 19 февраля, я вместе с фельд-маршалом Мильхом, генералом Томасом и генералом Ольбрихтом, представлявшим генерал-полковника Фромма, отправился в ставку фюрера, чтобы изложить Гитлеру мои организационные планы и доложить ему о положительном ходе совещания. Гитлер был согласен со всем.

Сразу же после моего возвращения Геринг потребовал меня к себе, в свой охотничий замок Каринхалл, удаленный более чем на семьдесят километров к северу от Берлина, в шорфхайдской пустоши.

Из-за вызовов к Герингу всегда терялся полноценный рабочий день. И на этот раз я мог, прибыв после долгой езды своевременно, к 11 часам, еще битый час рассматривать картины и гобелены в геринговской гостиной. Наконец, он спустился по лестнице из своих личных покоев второго этажа в развевающемся зеленом бархатном халате, романтично и картинно. Наши приветствия прозвучали довольно холодно. Мелкими шагами он впереди нас направился в свой зал-кабинет и занял место за гигантским письменным столом. Я скромно опустил голову. Геринг был в высшей мере раздражен, горько посетовал, что я его не пригласил на заседание в зале кабинета министров, и протянул мне подготовленное его министерияль-директором по четырехлетнему плану Эрихом Нойманом заключение о юридических последствиях возникшего по моей инициативе документа. С проворностью, которой я при его грузности никогда в нем не предполагал, он вскочил возмущенно на ноги и, потеряв от возмущения контроль над собой, начал бегать туда-сюда по огромному помещению. Все его уполномоченные — бесхарактерные трусы. Поставив свои подписи, они навеки попали в подчинение ко мне, и это — даже не спросив его! Мне невозможно было вставить и словечко, что в данной ситуации я почитал за благо. Косвенно его горькие упреки адресовались и мне, однако то, что он не посмел сделать мне упрек в некорректном поведении, намеком говорило об ослаблении его позиции. «Подобное выхолащивание своей власти я не потерплю», — заявил он в заключение. Он немедленно отправится к Гитлеру и сложит с себя должность «уполномоченного по четырехлетнему плану».

Впрочем, к этому времени это не было бы потерей, потому что Геринг, который поначалу, вне всякого со-

мнения, с большой энергией продвигал четырехлетний план, к 1942 г. имел уже устойчивую репутацию сонливого, питающего отвращение к работе человека. Даже чисто внешне он производил какое-то ненадежное впечатление, без разбору ухватывался за новые и слишком многие идеи, изливал свою энергию толчками и мыслил нереалистично.

Бесспорно, что, принимая во внимание политические последствия, Гитлер не принял бы отставку Геринга, а заключил бы компромисс. Вот это-то и надо было упредить, потому что его компромиссов боялись все стороны: трудности ими не устранялись, а обстановка становилась еще неопределеннее и сложнее.

Я понимал, что я должен что-то сделать, чтобы подкрепить пошатнувшийся престиж Геринга. Во всяком случае, я стал уверять его, что нововведения, появившиеся по желанию Гитлера и одобренные его, Геринга, генеральными уполномоченными, ни в коей мере не покушаются на его позиции как руководителя четырехлетнего плана. Мое предложение устроило Геринга: я заявил о своей готовности подчиниться ему и выполнять свою долю работы в рамках четырехлетнего плана.

Уже через три дня я снова был у Геринга и положил ему на стол проект, в соответствии с которым я становился «генеральным уполномоченным по вооружениям в рамках четырехлетнего плана». Геринг был согласен, хотя он и считал необходимым обратить мое внимание на то, что я слишком много на себя беру и что в моих же собственных интересах было бы ставить себе более скромные цели. Еще два дня спустя, 1 марта, он подписал распоряжение. Я был уполномочен «обеспечить производству вооружений... в общехозяйственной жизни тот приоритет, который ему подобает во время войны». Я добился большего, чем документом от 18 февраля, вызвавшим такой протест Геринга.

16 марта, вскоре после того как Гитлер, очень довольный тем, что он был избавлен от всяких личных трудностей в отношении с Герингом, подтвердил эту

формулировку, я дал сообщение о своем назначении в прессу. Для этого я разыскал старую фотографию, на которой Геринг в восторге от моего проекта здания ведомства Рейхсмаршала дружески возлагает свои руки на мои плечи. Я хотел тем самым показать, что кризис, о котором начали поговаривать, миновал. Правда, пресс-бюро Геринга обратило мое внимание на то, что только Геринг имел право опубликовать фотографию и распоряжение.

Новые огорчения не заставили себя ждать. Вдруг став очень тонкокожим, Геринг пожаловался мне, что от итальянского посла ему стало известно о комментариях зарубежной прессы, в которых подчеркивалось, что новый министр объехал его в четырехлетнем плане. Подобные публикации могут погубить его авторитет в промышленности. После этого могло считаться тайной Полишнеля, что Геринг роскошества своего образа жизни покрывал за счет финансовых поступлений от промышленности; у меня возникло ощущение, что он опасался за свой авторитет и соответствующего сокращения поступлений. Тогда я предложил пригласить крупнейших промышленников в Берлин на совещание, во время которого я признаю свою подчиненность ему. Это предложение необыкновенно пришлось ему по душе — к нему моментально вернулось хорошее расположение духа.

Вскоре около полусотни промышленников были вызваны Герингом в Берлин. Я открыл заседание кратким вступлением, в котором выполнил обещанное Герингу, тогда как он в своей пространной речи распространялся о важности вооружений, вменял присутствующим в обязанность помогать изо всех сил и т.д. и т.п. Мои полномочия и задачи не были упомянуты ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Какая-то вялая сонливость, определявшая поведение Геринга в те годы, позволяла мне и впредь работать свободно, без помех. Надо полагать, он не раз ревниво отзывался у Гитлера о моих успе-

хах, но в последующие два года он почти не пытался что-либо изменить прямым вмешательством.

Полномочия, полученные мной от Геринга, при его снижавшемся авторитете представлялись мне недостаточными. Поэтому уже вскоре, 21 марта, я дал Гитлеру на подпись документ со следующей констатацией: «Любые интересы немецкой экономики должны быть подчинены необходимым требованиям производства вооружений». Этот указ Гитлера в условиях авторитарной системы был равносителен предоставлению мне высшей экономической власти.

Государственно-правовые формы нашей организации были — как, впрочем, и все остальное — довольно неопределенными и несли черты импровизации. Сфера моей деятельности и мои обязанности так и не были точно зафиксированы. Да я и не считал это целесообразным и не без успеха уклонялся от этого. В результате мы могли определять круг нашей компетенции от случая к случаю, по мере надобности и находчивости сотрудников. Юридическое закрепление прав, которые можно было бы вывести из-под моей почти неограниченной власти, Гитлером по личной склонности слегка прикрываемой, только повело бы к спорам о компетенциях с другими министерствами, без шансов на достижение удовлетворительного взаимопонимания.

Неопределенности такого рода были подобны раковым новообразованиям в гитлеровской системе правительственного правления. Но я с этим мирился в той мере, в которой они шли мне на пользу, и до тех пор, пока Гитлер подписывал все документы, которые я ему представлял. Когда же он перестал слепо удовлетворять мои требования — а в частных вопросах он уже довольно скоро перестал делать это, — мне ничего не оставалось, как либо бездействие, либо хитрости.

С предоставленными мне Гитлером полномочиями, с миролюбиво настроенным Герингом за спиной я смог приступить к построению задуманной мной «самоответственности промышленности», которую я изобразил на

своей схеме. Сегодня практически общепризнано, что неожиданно быстрый рост производства вооружений был обеспечен внедрением этой системы организации, принципы которой сами по себе не были новыми. Генерал-фельдмаршал Мильх, как и мой предшественник Тодт, уже начали поручать руководство отдельными направлениями промышленности вооружений крупным организаторам производства из ведущих предприятий. Но и Тодт воспринял уже готовую идею: подлинным новатором «самоответственности промышленности» был выдающийся еврейский организатор германской военной экономики в Первую мировую войну Вальтер Ратенау. Из своего опыта он понял, что значительный рост производства достигается благодаря обмену между предприятиями технологическими новинками, разделению труда между ними, унификации и стандартизации продукции. Это и позволило ему еще в 1917 г. прийти к обобщению принципиального характера: создание выше указанных предпосылок «обеспечивает удвоение роста продукции на том же оборудовании и неизменных трудовых затратах». На чердачном этаже министерства Тодта сидел один из старых сотрудников Ратенау, работавший у последнего в отделе добычи и поставок сырья и составивший впоследствии отчет о его структуре и деятельности. Именно отсюда д-р Тодт черпнул опыт.

Мы сформировали «главные комитеты» по отдельным видам вооружений и «главные кольца» для обеспечения поставок. Тринадцать главных комитетов образовали в итоге вертикальные элементы, «столбы» моей вооруженческой организации. Они были связаны между собой равным числом главных колец.

Помимо главных комитетов и колец я учредил еще комиссии перспективных разработок, в которых армейские офицеры заседали вместе с лучшими конструкторами. Эти комиссии должны были держать под контролем новые конструкторские разработки, вносить предложения по технологии еще на стадии конструиро-

вания и приостанавливать работу над ненужными новшествами.

Руководителям главных комитетов и главных колец вменялось в обязанность наблюдать за тем, чтобы по возможности на каждом предприятии производился бы только один вид продукции, зато в максимальном количестве. Постоянная обеспокоенность Гитлера и Геринга, находившая свое выражение в непрестанных и быстрых пересмотрах производственных программ, заставляла предприятия гнаться за четырьмя или пятью одновременными заказами, по возможности — еще и от различных родов войск. Это позволяло при внезапном аннулировании одного заказа переключать высвобождающиеся мощности на выполнение остающихся. Часто и вермахт делал только краткосрочные заказы. Так, например, до 1942 г. производство боеприпасов ориентировалось по объемам их расхода, который во время серии блицкригов происходил рывками. Соответственно и производство то свертывалось, то расширялось, т.е. создавалась ситуация, препятствовавшая специализации предприятий на полном и непрерывном производстве боеприпасов. Мы позаботились об определенных гарантиях под заказы и старались загружать предприятия по возможности меньшим ассортиментом продукции.

Уже одни только эти меры означали шаг от кустарного изготовления вооружений к индустриальному производственному процессу. Поразительные успехи не заставили себя ждать; показательно, что это произошло не на современных предприятиях, где уже перед войной провели рационализацию, как, например, в автомобильной промышленности, и где вряд ли был возможен рост продукции. Я усматривал свою задачу главным образом в том, чтобы выявлять и формулировать проблемы, скрытые многолетней рутинной. Решения же их я предоставлял специалистам. Увлеченный своей задачей, я стремился не к сокращению дел, за которые я отвечал, а к их умножению. Тут сошлось все — восхищение

Гитлером, чувство долга, честолюбие, самоутверждение. Как-никак в свои 36 лет я был самым молодым имперским министром. Вскоре «индустриальная организация» насчитывала более десяти тысяч сотрудников и вспомогательного персонала, в самом же министерстве работали 218 чиновников. Такое соотношение соответствовало моим представлениям о подчиненной работе министерства по сравнению с ведущей — «самоответственности промышленности».

Обычный порядок работы министерства предусматривал, что министр получает основную информацию о текущих делах от статс-секретаря, своего заместителя. Последний служил своего рода ситом, которое отсеивало информацию по своему усмотрению и своим представлениям о важности. Я поломал этот порядок и подчинил непосредственно себе не только свыше десятков руководящих лиц нашей «индустриальной организации», но и еще десять руководителей отделов министерства. В принципе они все должны были сами договариваться между собой, но я зарезервировал за собой право вмешиваться по серьезным проблемам или в случае разногласий.

Столь же нетрадиционен был и сам метод работы. Те из чиновников, которые заостенели в государственно-бюрократической рутине, презрительно отзывались о «динамичном министерстве» или о «министерстве без оргплана», о «бесчиновном министерстве». За моей спиной поговаривали о «методах работы с засученными рукавами» или об американских методах. Мое высказывание «Четкое разграничение компетенций прямо-таки подталкивает людей ни о чем остальном не заботиться» было протестом против поделенного на касты способа мышления. В этом протесте была и некоторая схожесть со взглядами Гитлера на импровизационное руководство государства импульсивным гением.

Неудовольствие многих возбуждал и несколько провокационный принцип моего подхода к кадровой политике. Еще в самом начале своей деятельности я поста-

новил, как это было закреплено в документе фюрера от 19 февраля 1942 г., что к руководителям на важнейших постах, если они «старше пятидесяти пяти лет, прикрепляется заместитель не старше сорока лет».

Всякий раз, когда я докладывал Гитлеру о своих организационных планах, он демонстрировал отсутствие всякого интереса к ним. У меня складывалось впечатление, что он неохотно занимался подобными вопросами и что в определенных областях он был не способен отличить главное от второстепенного. Не любил он также и четкого разграничения компетенций. Иногда он намеренно давал каким-нибудь инстанциям или лицам аналогичные или схожие задания. «А там, — нередко и с удовольствием говаривал Гитлер, — пробьется более сильный».

Уже через полгода после моего назначения мы увеличили выход продукции во всех переданных нам областях. Продукция в августе 1942 г. согласно «Индексу конечного продукта германской промышленности вооружений» выросла по сравнению с февралем по вооружениям на 27%, по танкам — на 25%, а выпуск боеприпасов почти удвоился — плюс 97%. Общее производство военной продукции увеличилось за этот отрезок времени на 59,6%.

Через два с половиной года, несмотря на только сейчас по-настоящему начавшиеся бомбардировки, мы подняли наше производство вооружений до рекордного уровня — от среднегодового индекса 98 за 1941 г. до 322 в июне 1944 г. При этом занятая рабочая сила возросла примерно на 30%. Удалось наполовину сократить расход живого труда на единицу продукции. Мы как раз достигли того эффекта рационализации, о котором в 1917 г. писал Ратенау: «Удвоение продукции на том же оборудовании и при неизменных трудовых затратах».

Решающим фактором примечательного роста продукции были, оставляя в стороне организационные новшества, примененные мной демократические методы:

управления экономикой. В принципе они подразумевали полное доверие к руководителям промышленности до тех пор, пока оно не было чем-либо основательно подорвано. Этим вознаграждалась инициатива, поощрялись сознание своей ответственности и готовность брать решения на себя — у нас же все эти качества основательно искоренялись. Давление и принуждение хотя и обеспечивали поддержание уровня производства, но закрывали всякий путь нестесненному саморазвитию. Я подчеркивал, что «промышленность ни обманывает нас сознательно, ни обкрадывает, ни пытается навредить нашей военной экономике».

Насколько партия болезненно воспринимала наши новшества, я почувствовал в полной мере после 20 июля 1944 г. Подвергаясь со всех сторон нападкам, я вынужден был тогда отстаивать свою систему делегированной ответственности в письме Гитлеру.

Было что-то парадоксальное в общих, пошедших в прямо противоположных направлениях тенденциях, как они обозначились с 1942 г. в противостоящих друг другу государствах. Тогда как американцы, например, почувствовали необходимость дисциплинировать свои промышленные структуры авторитарными методами, мы стремились ослабить заорганизованность нашей экономической системы. Подавление всякой критики снизу с течением времени повело к тому, что ошибки и аварии, просчеты и параллелизм вообще не принимались во внимание высшим руководством. Теперь же снова появились органы, в которых можно было спорить, вскрывать недостатки и ошибочные решения и намечать пути их исправления. Иногда мы пошучивали, что еще немного, и мы введем у себя снова парламентскую систему. Наши новые порядки создавали предпосылки для некоторого противовеса слабостям, присущим всем авторитарным режимам. Важные проблемы должны были решаться не только военно-приказным путем, сверху вниз. Впрочем, для этого были необходи-

мы руководители, способные выслушать аргументы и контраргументы, прежде чем принять четкое и обоснованное решение.

Именно среди руководителей предприятий наша система раскрыла не востребованный прежде потенциал. Еще в самом начале своей деятельности я призвал их в специальном циркуляре «доводить до меня ваши основные заботы и наблюдения в большем объеме, чем до сих пор». Я ожидал потока писем — никакого отклика. Поначалу я подозревал, что их от меня скрывают, но они не поступали на самом деле. Как я позднее узнал, руководители предприятий опасались карательных мер со стороны гауляйтеров.

В избытке было критики сверху, но необходимого ее дополнения критикой снизу добиться почти не удавалось. Став министром, я часто испытывал нечто вроде парения в воздухе, поскольку мои решения оставались без всякого критического отклика.

Успехом нашей работы мы обязаны тысячам технических специалистов, которые и до этого уже отличились своими особыми достижениями и на которых мы теперь возложили ответственное руководство крупными подразделениями промышленности вооружений. Это пробуждало в них придушенный энтузиазм, мой неортодоксальный стиль руководства стимулировал их увлеченность делом.

При этом я предпочитал иметь дело с «неудобными сотрудниками, чем с удобными марионетками». Партия же, наоборот, затаила глубокое недоверие к аполитичным специалистам. «Пристрели мы парочку руководителей предприятий, другие уж как-нибудь добились бы больших успехов», — рассуждал Заукель, один из самых радикальных партийных фюреров.

На протяжении двух лет я считался неприкасаемым. После же генеральского заговора 20 июля 1944 г. Борман, Геббельс, Лей и Заукель воздали мне полной мерой. Я апеллировал письмом к Гитлеру: считаю свое положение недостаточно прочным для дальнейшей работы, если

она будет впредь оцениваться под политическим углом зрения.

Беспартийные сотрудники моего министерства находились под необычной для гитлеровского государства правовой защитой. Вопреки протесту Министерства юстиции я в самом начале своей работы на новом посту добился того, что уголовное дело по обвинению в причинении вреда военной технике могло быть заведено только по моему представлению. Это особое установление служило защитой для сотрудников даже после 20 июля 1944 г. Глава гестапо Эрнст Кальтенбруннер отдал на мое усмотрение решение вопроса о том, следует ли возбуждать дело против трех генеральных директоров (против Бюхера из АЭГ, Феглера из «Ферейнигте штальверке» и Ройша из «Гутехоффнунгсхютте»), ведших между собой «пораженческие» разговоры. Моя ссылка на то, что сам характер нашей работы требует откровенной оценки ситуации, спасла их от ареста. С другой стороны, были предусмотрены суровые наказания за злоупотребления введенной мною «системой доверия», т.е. если, например, сотрудники давали ложную информацию, которую мы вообще не собирались перепроверять, и припрятавали важное сырье, тем самым недодавая вооружение фронту.

С самого первого дня я рассматривал нашу огромную организацию как временную. Точно так же, как я сам намеревался после войны вернуться в архитектуру и поэтому заручился гарантией Гитлера, я полагал уместным пообещать встревоженным руководителям промышленности, что наша организационная система обусловлена исключительно условиями военного времени; нельзя представить себе, чтобы в мирных условиях предприятия отказались бы от своих наиболее работоспособных кадров или передавали бы свои технологические новинки конкурирующим фирмам.

Несмотря на технический и производственный прогресс, объем военного производства времен Первой мировой войны не был достигнут даже на пике военных

успехов, в 1940—1941 гг. В первый год войны с Россией производилась всего одна четверть артиллерийских орудий и боеприпасов от уровня осени 1918 г. Даже три года спустя, весной 1944 г., когда мы после всех наших успехов приближались к наивысшей точке производства, выпуск боеприпасов все еще был менее того, что в Первую мировую войну давали вместе тогдашняя Германия и Австрия с Чехословакией.

Это отставание я всегда, помимо всего прочего, относил и на счет бюрократизма, против которого я тщетно боролся. В управлении по боеприпасам, например, численность персонала была в десять раз больше, чем во времена Первой мировой войны. Требование упростить управление пронизывает мои выступления и письма с 1942 и до конца 1944 г. Утром 20 июля, за несколько часов до покушения, я писал Гитлеру, что американцы и русские научились добиваться большего эффекта более простыми организационными средствами, тогда как мы не добиваемся соответствующих результатов из-за устаревших организационных форм. Данная война — это война и двух организационных систем: «борьба нашей, сверхвзлелеянной организации против искусства импровизации на противоположной стороне». Если мы не придем к другой организационной системе, то будущее поколения сделают вывод, что наша устаревшая, скованная традицией и ставшая громоздкой система организации должна была проиграть.

Одним из самых поразительных явлений войны остается тот факт, что Гитлер старался оградить свой народ от тягот, которые Рузвельт или Черчилль взваливали на свои народы без всяких колебаний. Разрыв между тотальной мобилизацией рабочей силы в демократической Англии и халатным подходом к этому вопросу в авторитарной Германии отражает обеспокоенность режима возможным отливом народного благоволения.

Руководящие круги не желали сами приносить жертвы, но они не ожидали их и от народа, стараясь поддерживать его по возможности в добром расположении духа. В частных разговорах Гитлер иногда давал понять, что, памятуя уроки 1918 г., любая осторожность не будет чрезмерной. Для упреждения недовольства расходовались большие, чем в демократических странах, средства — на обеспечение населения потребительскими товарами, на военные пенсии или на пенсии вдовам погибших на фронте мужчин. Тогда как Черчилль ничего не обещал своему народу, кроме «крови, слез, тяжелой работы и пота», у нас на всех этапах и при всех кризисах войны монотонно звучал пароль Гитлера «Окончательная победа будет за нами». Это было признанием политической слабости, в этом просматривались серьезные опасения утраты популярности, из которой мог бы развиться внутривластный кризис.

Встревоженный поражениями на Восточном фронте, я в начале 1942 г. подумывал не только о тотальной мобилизации всех вспомогательных ресурсов. Я настаивал одновременно на том, что «война должна быть завершена в кратчайший срок; если это не удастся, то Германия ее проиграет. Мы должны закончить ее до конца октября, до начала русской зимы, или мы ее окончательно проиграем. И выиграть ее мы можем только тем вооружением, которое у нас есть в данный момент, а не тем, которое появится в будущем году». Совершенно необъяснимым для меня образом этот анализ ситуации дошел до «Таймс», опубликовавшей его 7 сентября 1942 г. Статья действительно резюмировала позицию, разделявшуюся мною, Мильхом и Фроммом.

«Наше чувство всем нам подсказывает, что в этом году мы стоим перед решительным поворотом нашей истории», — публично заявил я в апреле 1942 г., не подозревая, что мы уже вплотную подошли к нему, — окружение 6-й армии в Сталинграде, гибель Африканского корпуса, успешные наземные операции противника в Северной Африке, а также первые массированные налеты на германские города. Да и с точки зрения военной

экономики мы оказались на переломе: вплоть до осени 1941 г. она была приспособлена к быстротечным войнам с продолжительными перерывами между ними. Теперь же шла непрерывная война.

Я полагал, что партийной верхушке следует немедленно начать мобилизацию всех резервов. Это представлялось мне тем более оправданным, что Гитлер сам 1 сентября 1939 г. торжественно заявил в рейхстаге, что нет таких лишений, которые он не был бы готов разделить лично.

И в самом деле, теперь он согласился на замораживание всех, опекаемых имстроек, даже в Оберзальцберге. На это распоряжение я сослался через две недели после вступления в должность в своей речи перед самой трудной аудиторией — перед гауляйтерами и рейхсляйтерами: «Недопустимо, чтобы на наши сегодняшние решения оказывали влияние наши замыслы будущих мирных работ. У меня имеется указание фюрера докладывать ему о всех подобных, безответственных помехах, чинимых нашей промышленностью вооружений». Это была неприкрытая угроза, которую я, маневрируя, чуть смягчил признанием, что до начала последней зимы каждый из нас лелеял свои особые желания. Но нынешнее военное положение требует приостановки всех излишних строительных работ в гау. Наш долг — подать хороший пример и в тех случаях, когда экономия рабочей силы и материалов была бы и незначительной.

У меня была полная уверенность в том, что каждый из присутствующих последует моему призыву. И все же после выступления меня окружило много гауляйтеров и крайсляйтеров, старавшихся получить в виде исключения разрешение на какие-то строительные объекты. Первым среди них был сам рейхсляйтер Борман, успевший заручиться у подверженного колебаниям Гитлера распоряжением противоположного содержания. Рабочие на объектах в Оберзальцберге, которым к тому же требовались автотранспорт, стройматериалы и горючее, и в самом деле остались там до конца войны, хотя

через три недели после совещания я настоял на новом приказе Гитлера о консервации этой стройки.

За Борманом протиснулся гауляйтер Заукель, он хотел спасти возведение в Веймаре своего «партийного форума». Он также неуклонно продолжал строительство до самого конца войны. Роберт Лей сражался за свинарник в своей образцово-показательной усадьбе. Ему я отказал в этой абсурдной просьбе письменно, позволив себе порезвиться при выборе формулировки исходящих данных: «Руководителю Имперской организации НСДАП и Руководителю Трудового фронта. Относительно Вашего свинарника...»

Да и сам Гитлер уже после моего призыва распорядился (помимо продолжения работ в Оберзальцберге) начать перестройку обветшавшего замка Клесхайм под Зальцбургом в роскошную резиденцию для гостей — проект стоимостью в несколько миллионов. Гиммлер же сооружал для своей любовницы огромную виллу недалеко от Берхтесгадена в такой тайне, что я об этом узнал лишь в последние недели войны. Гитлер сам поощрил одного гауляйтера (это было уже после 1942 г.) к перестройке замка Позен, одного отеля да еще и к строительству личной резиденции, и все это с огромным расходом фондируемых материалов! Еще в 1942—1943 гг. продолжалось строительство персональных поездов для Лея, Кейтеля и прочих, что требовало немало дефицитных материалов и квалифицированной рабочей силы. Индивидуальные строительные замыслы партфункционеров оставались мне по большей части неизвестными. При всевластии рейхс- и гауляйтеров я не мог добиться над ними контроля, и лишь редко удавалось наложить вето на тот или иной проект, да и то на него не обращали внимания. Даже летом 1944 г. Гитлер и Борман поставили своего министра вооружений в известность, что некая мюнхенская фирма по изготовлению багетов и рам не должна привлекаться к военным заказам. Впрочем, еще несколькими месяцами ранее от производства для армии опять же по их указанию были

освобождены «фабрики и приравниваемые к ним художественные промыслы», занятые изготовлением ковров и штофных материалов для послевоенных сооружений Гитлера.

Всего лишь через девять лет после прихода к власти руководящий слой был в такой степени коррумпирован, что даже на критическом этапе войны не мог отказаться от ставшего уже привычным стиля жизни на широкую ногу. Всем им «для представительства» были необходимы просторные дома, охотничьи угодья, поместья и замки, многочисленная прислуга, обильные застолья, подвалы с изысканными коллекциями вин. Кроме того, они прямо-таки помешались на опасениях за свою жизнь, и в этом было что-то гротескное. Гитлер сам, куда бы он ни прибывал, первым делом приказывал строить для него бункеры, мощность перекрытий которых, соответственно увеличивавшемуся весу бомб, выросла под конец до пяти метров. Целые системы бункеров были возведены в Растенбурге, в Берлине, на горе Оберзальцберг, в Мюнхене, в гостевом замке в Зальцбурге, в ставках под Наугеймом и на Сомме, а в 1944 г. он распорядился пробить в горах Силезии и Тюрингии еще две ставки, что потребовало привлечения сотен необходимых нам специалистов по шахтенному строительству и тысяч рабочих.

Из всех первоочередных задач, обрушившихся сразу же на меня, самой неотложной был вопрос с рабочей силой. В середине марта, как-то поздно вечером, я посетил одно из ведущих берлинских предприятий по вооружению «Райнметалл-Борзиг» и увидел, что хотя его цехи и набиты ценнейшим оборудованием, но оно не используется: для второй смены не хватало рабочих. Так же обстояло дело и на других заводах вооружений. Помимо всего прочего возникали трудности с электроэнергией в дневное время, тогда как в вечерние и ночные часы кривая нагрузки электросетей существенно шла вниз. Поскольку одновременно шло строительство новых промышленных предприятий общей стоимостью примерно

в 11 миллиардов марок, которые мы не смогли бы обеспечить оборудованием, мне показалось разумным законсервировать большую их часть, а высвободившуюся таким образом рабочую силу перебросить для организации второй смены на действующих предприятиях.

Гитлер обнаружил понимание такой логики и подписал директиву о сокращении объемов строительства до трех миллиардов. Однако он заупрямился, когда встал вопрос о консервации долгосрочных строительных объектов химической промышленности стоимостью примерно в один миллиард марок. Ему хотелось всего и сразу, и свой отказ он мотивировал следующим образом: «Допустим, война с Россией закончена. Но у меня есть и далеко идущие планы, а для этого мне нужно больше синтетического горючего, чем сейчас. Новые предприятия должны строиться, даже если срок их сдачи через несколько лет». Годом позднее, 2 марта 1943 г., я считал необходимым констатировать, что нет смысла строить заводы под программы будущего, не могущие быть завершенными строительством до 1 января 1945 г.». Ошибочное решение Гитлера начала 1942 г. продолжало висеть камнем на нашей промышленности вооружений еще и в сентябре 1944 г., в катастрофической обстановке на фронтах.

Хотя его решение нанесло существенный ущерб моему плану свертывания значительной части строительной отрасли, все же удалось высвободить несколько сотен тысяч строительных рабочих, которых можно было переключить на военное производство. Но тут возникло неожиданное новое препятствие. Руководитель группы по трудовым ресурсам в рамках четырехлетнего плана министерства-директор д-р Мансфельд без обиняков заявил мне, что у него не хватает власти, чтобы сломить сопротивление гауляйтеров, несогласных с направлением освобождающихся строителей из одного гау в другой. И в самом деле, гауляйтеры при всех их интригах и соперничестве моментально выступали как единая когорта, как только возникала угроза одному из их «суве-

ренных прав». Мне было ясно, что, несмотря на мои тогда очень сильные позиции, в одиночку я никогда с ними не справлюсь. Нужно было привлечь кого-то из их рядов, чтобы через особое полномочие от имени Гитлера преодолеть и эту трудность. Мой выбор пал на старого приятеля, многолетнего статс-секретаря Геббельса, Карла Ханке, занимавшего с января 1941 г. пост гауляйтера Нижней Силезии и входившего в этот круг. В принципе Гитлер согласился с прикомандированием ко мне специального уполномоченного. Но на этот раз Борман успешно обошел меня. Поскольку было известно, что Ханке мой приятель, то его прикомандирование не только означало бы усиление моей власти, но и вторжение в бормановскую сферу компетенции.

Когда через два дня я снова высказал свое пожелание Гитлеру, то он, относясь с пониманием к проблеме, отклонил моего кандидата: «Ханке еще слишком молод как гауляйтер, и ему будет непросто завоевать необходимый авторитет. Я переговорил с Борманом. Мы возьмем Заукеля».

Я и Заукель были приглашены в ставку Гитлера. Вручая приказ о назначении, Гитлер указал, что проблемы нехватки рабочих рук просто не существует, и повторил примерно то же, что уже говорил 9 ноября 1941 г.: «На территории, работающей прямо на нас, проживает 250 миллионов человек. Ни у кого не должно быть сомнений, что мы сумеем этих людей полностью запрячь в работу». Гитлер уполномочил Заукеля самым решительным образом заполнять незанятые рабочие места рекрутами из оккупированных областей. Так начался роковой этап моей деятельности. В последующие два с половиной года я засыпал Заукеля требованиями о поставках иностранной рабочей силы для принудительного труда в производстве вооружений.

Первые недели были отмечены безупречным сотрудничеством. Заукель обещал Гитлеру и мне расширить все узкие места с рабочей силой и самым пунктуальным образом заполнять места призванных в вермахт. Со

своей стороны я помогал ему укрепить свой авторитет и, где мог, оказывал ему поддержку. В мирное время среднегодовой приход примерно 600 тысяч молодых людей в экономику уравнивал отток рабочей силы по возрасту или смерти. Теперь же не только они, но и частично промышленные рабочие призывались в вермахт. Поэтому в 1942 г. военной экономике не хватало более миллиона рабочих. Обещания Заукеля остались, мягко говоря, невыполненными. Надежды Гитлера заполучить без особых проблем с территории с населением в 250 миллионов человек рабочую силу на пустующие рабочие места разбились из-за неэффективности немецких органов в оккупированных странах и противодействия рекрутов: они скорее предпочитали уходить в леса к партизанам, чем позволить насильственно мобилизовать себя для работы в Германии.

Когда на заводы прибыли первые группы иностранных рабочих, наша «индустриальная организация» изложила мне свои возражения: наши квалифицированные рабочие, имеющие бронь, заняты на самых ответственных производственных участках, а теперь их собираются заменить иностранцами; хотя именно здесь налицо самый острый дефицит рабочих рук. Сотрудники из промышленности положили мне на стол статистику, согласно которой в Первую мировую войну значительно шире, чем сейчас, использовался труд немецких женщин. Они показали мне фотографии потока рабочих после окончания рабочей смены на одном и том же заводе боеприпасов в 1918 г. и в 1942 г.: тогда это были преимущественно женщины, теперь же — почти исключительно мужчины. Приложили они и иллюстрации из американских и английских журналов, доказывавшие, что в этих странах на всех военных заводах женщины составляют более значительную часть рабочих коллективов, чем у нас.

Когда в начале апреля 1942 г. я потребовал от Заукеля более широкого привлечения немецких женщин на военные предприятия, он с порога заявил мне, что во-

прос, откуда и каких брать рабочих, а также где их использовать, относится всецело к его компетенции; как гауляйтер, он подчиняется только Гитлеру и только перед ним несет ответственность. В заключение он предложил оставить решение этих вопросов на усмотрение Геринга как уполномоченного по четырехлетнему плану. Во время совещания, которое состоялось опять в Каринхалле, Геринг выглядел чрезвычайно польщенным. К Заукелю он обращался с преувеличенной любезностью и гораздо холоднее ко мне. Мне едва удалось изложить свои взгляды — Заукель и Геринг все время перебивали меня. Самый веский аргумент Заукеля заключался в том, что заводской труд несет в себе опасность нравственного ущерба для немецкой женщины, от него пострадает не только «душевная и эмоциональная жизнь», но и ее плодovitость. Геринг со всей решительностью присоединился к этим доводам. Чтобы уйти со спокойной душой, Заукель сразу же после обсуждения связался без моего ведома с Гитлером и заручился его поддержкой.

Это было первым ударом по моим до того считавшимся неуязвимыми позициям. О своей победе Заукель оповестил своих коллег-гауляйтеров в особом письме, в котором между прочим подчеркивалось: «Для существенного облегчения перегрузок, которым подвергаются немецкие домохозяйки, и в первую очередь многодетные матери, а также в целях охраны их здоровья, фюрер дал мне указание доставить из восточных областей в Рейх примерно 400—500 тысяч отборных, здоровых и сильных девушек».

В то время как в Англии в 1943 г. численность прислуги уменьшилась на две трети, в Германии она оставалась практически неизменной до конца войны — 1,4 млн. Сверх того, немалая доля от полумиллиона украинок использовалась в качестве прислуги партийными функционерами, о чем вскоре в народе и начали шептаться.

Производство вооружений воюющими сторонами зависит от того, как распределяется потребление стали. Во время Первой мировой войны немецкая военная промышленность потребляла 46,5% всей стали в чисто вооруженческих целях. Вскоре после вступления в должность я установил, что в отличие от прошлого доля вооружений в общем расходе стали составляла лишь 37,5%. Для увеличения доли вооружений я предложил Мильху производить распределение сырья совместно.

Поэтому 2 апреля мы снова отправились в Каринхалль. Сначала Геринг многословно рассуждал на все мыслимые темы, но в конце концов заявил о своей поддержке нашего плана создать специально плановое управление в аппарате, обслуживающем четырехлетний план.

«Центральное планирование» очень скоро стало одним из важнейших учреждений нашей военной экономики. Собственно говоря, трудно было понять, почему подобный межведомственный орган, координирующий отдельные программы и следящий за соблюдением приоритетов, не был создан уже давно. До 1939 г. Геринг вроде бы лично заботился об этом, а позднее не было просто никого, кто авторитетно мог бы отвечать за становящиеся все более сложными и ответственными проблемы и восполнить несостоятельность Геринга. Хотя директива Геринга о «Центральном планировании» предусматривала, что он может единолично принять любое решение, если посчитает необходимым. Но, как я и предполагал, он никогда не вспоминал об этом, а у нас не было причин когда-либо беспокоить его.

Заседания «Центрального планирования» проходили в большом зале моего министерства. Они были бесконечными, с тьмой участников. Министры и статс-секретари появлялись лично. При поддержке своих подчиненных они вели подчас драматическую борьбу за свою долю сырья. Проблема этой работы заключалась в том, чтобы дать гражданскому сектору экономики как можно

меньше, но все же столько, чтобы производство вооружений не пострадало из-за сбоев в других отраслях или вследствие недостаточного снабжения населения.

Сам я прилагал усилия к тому, чтобы добиться резко-го сокращения производства потребительских товаров, тем более что в начале 1942 г. легкая промышленность производила всего на три процента меньше, чем в мирное время. В 1942 г. ее удалось потеснить в пользу военной продукции, но всего на двенадцать процентов. Поэтому как уже тремя месяцами позднее Гитлер сожалел о своем решении «переструктурировать производство в интересах промышленности вооружений» и постановил 28—29 июня 1942 г. «возобновить выпуск продукции для общего снабжения населения». Я протестовал, приводя в качестве аргумента соображение, что «такая установка побудит к новому сопротивлению против нынешней линии всех тех, кто до сих пор хотя и с неудовольствием, но все же придерживался приоритета производства вооружения». Я недвусмысленно имел в виду партфункционеров. Мои возражения остались без ответа.

Снова мое стремление ввести тотальную военную экономику разбилось о нерешительность Гитлера.

Для наращивания вооружений были нужны не только рабочие и больше стандартной, нелигированной стали; железнодорожное сообщение также должно было отвечать повышенным требованиям, хотя оно не вполне еще оправилось от катастрофы, пережитой зимой в России. Доставка важнейшей военной продукции шла с невыносимой медлительностью.

5 марта 1942 г. Юлиус Дорпмюллер, наш министр путей сообщения, очень живой, несмотря на свои 73 года, господин, поехал вместе со мной в ставку, чтобы доложить Гитлеру транспортные проблемы. Я разъяснил Гитлеру катастрофическое положение на транспорте, но так как Дорпмюллер поддержал меня лишь отчасти, Гитлер, как и всегда, предпочел более оптимистическую оценку ситуации. Он отложил решение, заметив, что «последствия, вероятно, не будут столь уж тяжелыми, как это представляется Шпееру».

Через две недели он согласился с моей настоятельной просьбой назначить в качестве преемника 65-летнего статс-секретаря Министерства путей сообщения одного молодого чиновника. Но Дорпмюллер придерживался категорически иного мнения. «Мой заместитель слишком стар? — переспросил он, когда я сообщил ему о решении. — Он же молодой человек. Когда я в 1922 г. возглавлял одну из дирекций рейхсбана, он как раз начинал в должности советника рейхсбана». Ему как-то удалось замять этот кадровый вопрос. Однако через два месяца, 21 мая 1942 г., Дорпмюллер вынужден был сделать мне следующее заявление: «На немецкой территории рейхсбан располагает столь незначительным количеством вагонов и паровозов, что он не может более нести ответственность за транспортировку даже самых срочных грузов». Подобная характеристика положения Дорпмюллером, зафиксировала наша ведомственная хроника, «равносильна объявлению рейхсбаном банкротства». В тот же день Имперский министр путей сообщения предложил мне пост диктатора на транспорте, но я отклонил это предложение.

Еще через два дня я представлял Гитлеру молодого советника рейхсбана доктора Ганценмюллера. Он сумел зимой привести в порядок развалившееся железнодорожное сообщение на обширной части территории России, от Минска до Смоленска. На Гитлера он произвел благоприятное впечатление: «Этот человек мне понравился. Тотчас же назначаю его статс-секретарем». На мою реплику о том, не стоило ли сначала переговорить об этом с Дорпмюллером, он воскликнул: «Ни в коем случае! Я просто вызову вас, Шпеер, с вашим молодым человеком в ставку. А затем, независимо от этого, должен приехать и Имперский министр путей сообщения».

По распоряжению Гитлера оба путейца были размещены в ставке по различным баракам, так что доктор Ганценмюллер вошел в кабинет Гитлера один, без министра, ничего не подозревая. Рассуждения Гитлера были занесены в тот же день в протокол: «Проблема

транспорта — одна из самых ключевых, поэтому она должна быть решена. Всю свою жизнь, а более всего прошлой зимой, я сталкивался с коренными вопросами, для которых должно было быть найдено решение. От так называемых специалистов, от людей, собственно, призванных осуществлять руководство, я все время слышал: «Это невозможно, так не получится». Этим я не могу довольствоваться. Существуют проблемы, которые непременно должны быть решены. Там, где настоящие вожди, они всегда решались и будут решаться! Этого не добиться вежливыми приемами. Но мне нет дела до вежливости, точно так же как мне безразлично, что скажут потомки о тех методах, к которым я вынужден прибегнуть. Для меня существует только один вопрос, который должен быть решен: мы должны выиграть войну, или Германия понесется на всех парах навстречу своей гибели».

Гитлер рассказал затем, как он противопоставил свою волю генералам, которые во время зимней катастрофы настаивали на отступлении. После этого он перешел к требованиям, которые я ему порекомендовал для восстановления регулярного сообщения. Не пригласив ожидавшего в приемной министра и не спросив его, Гитлер назначил Ганценмюллера новым статс-секретарем, поскольку он доказал на фронте, что у него достаточно энергии, чтобы привести в порядок «заклинившуюся ситуацию на транспорте». И только сейчас министр Дорпмюллер и его министериаль-директор Лейббрандт были приглашены на совещание. «Я решил, — заявил Гитлер, — вмешаться в дела транспорта, поскольку от него зависит дело победы». Затем он привел свой стандартный аргумент: «В свое время я начинал с нуля как безвестный солдат мировой войны и начал действовать лишь тогда, когда все другие, казавшиеся более меня пригодными для руководства, провалились. У меня была только воля, и я пробился. Весь мой жизненный путь доказывает, что я никогда не капитулирую. Военные задачи должны быть решены. Я повторяю:

для меня слово «невозможно» не существует». И почти срываясь на крик: «Для меня его просто не существует!» Лишь после этого он сообщил министру путей сообщения, что он назначил бывшего советника рейхсбана новым статс-секретарем. Возникла довольно неприятная ситуация как для министра, для нового статс-секретаря, так и для меня.

О профессионализме Дорпмюллера Гитлер всегда отзывался с уважением. И Дорпмюллер мог поэтому предполагать, что вопрос о его новом заместителе будет с ним обсуждаться. Но Гитлер, по-видимому, хотел (что частенько бывало, если ему приходилось иметь дело со специалистами) тактикой свершившихся фактов избежать неприятных разногласий. И в самом деле, Дорпмюллер пережил это унижение безответно.

Прямо тут же Гитлер решил, что генерал-фельдмаршал Мильх и я должны временно действовать в качестве диктаторов на транспорте. Он обязал нас следить за тем, чтобы поставленные требования «выполнялись в максимально возможном объеме и в максимально краткие сроки». Обезоруживающим заявлением «Война не может быть проиграна из-за транспорта, стало быть, его проблемы должны быть решены» Гитлер заключил совещание.

И на самом деле, они были решены. Молодой статс-секретарь сумел довольно простыми средствами устранить пробки на дорогах, ускорить движение и удовлетворить возросшие запросы промышленности вооружений. Главный комитет по рельсовому транспорту следил за тем, чтобы двинулось с мертвой точки дело с ремонтом паровозов, пострадавших от русской зимы. От прежнего полукустарного строительства паровозов мы перешли к серийному их производству и преумножили продукцию. Нам удалось и впредь поддерживать транспорт, несмотря на возросшие объемы продукции для фронта, поддерживать транспорт в приличном состоянии; тем более что оставление нами оккупированных территорий автоматически вело к сокращению транс-

портных путей. Так продолжалось до тех пор, пока систематические налеты с осени 1944 г. снова не превратили транспорт в самое узкое место нашей военной экономики, и теперь уж окончательно.

Когда Геринг прослышал о нашем намерении в несколько раз увеличить производство паровозов, он вызвал меня в Каринхалль. С полной серьезностью он предложил мне строить локомотивы из... бетона, поскольку у нас нет достаточного количества стали. «Локомотивы из бетона, разумеется, не прослужат так долго, как из железа, — заметил он. — Но тогда нужно соответственно их больше изготовить». Как это сделать технически, он, впрочем, не знал. Он еще не один месяц настаивал на этой абсурдной идее, из-за которой я потратил два часа на дорогу, два часа прождал в приемной и приехал домой с голодным желудком, потому что в Каринхалле участников заседаний не кормили обедом — единственное ограничение в доме Геринга в русле тотальной военной экономики.

Через неделю после назначения Ганценмюллера, во время которого прозвучали столь впечатляющие слова о разрешении проблем транспорта, я снова был у Гитлера. В соответствии с моим представлением, что в критических ситуациях руководство само должно подавать пример, я предложил Гитлеру временно приостановить использование салон-вагонов высшим руководством рейха и партии. При этом я не имел в виду его. Гитлер уклонился от решения, ссылаясь на то, что скверные возможности расквартирования на Востоке заставляют использовать вагоны под жилье. Я попытался поправить его: основная масса вагонов используется на территории Рейха — и представил ему длинный список бесчисленных высокопоставленных пассажиров салон-вагонов. Успеха я не имел.

С генерал-полковником Фридрихом Фроммом я регулярно встречался в отдельном кабинете ресторана «Хорхер». Во время одной из таких встреч, в апреле 1942 г., он высказался в том смысле, что война может

закончиться победой лишь в том случае, если мы изобретем оружие с совершенно новыми свойствами. Он поддерживает контакты с группой ученых, которые вот-вот создадут оружие, способное уничтожить целые города, которое, может быть, выведет из войны вообще островное английское государство. Фромм предложил как-нибудь навестить их. В любом случае важно переговорить с этими людьми.

Примерно в это же время мое внимание на запущенность работ в области ядерных исследований обратил руководитель одного из самых крупных немецких сталльных концернов, председатель Общества кайзера Вильгельма, д-р Альберт Феглер. От него я впервые услышал о совершенно недостаточной поддержке, которую оказывало фундаментальным исследованиям Имперское министерство образования и науки, в условиях войны, естественно, бедное и слабое. 6 мая 1942 г. я обсуждал этот вопрос с Гитлером и предложил в качестве представительной фигуры поручить это дело Имперскому советнику по вопросам исследований Герингу. Месяц спустя, 9 июня 1942 г., Геринг был назначен на эту должность.

Тогда же, в начале лета, со мной встретились три ответственных руководителя промышленности вооружений Мильх, Фромм и Витцель в Харнакхаузе, берлинском центре Общества кайзера Вильгельма с тем, чтобы составить себе общее представление о состоянии германских атомных исследований. Среди ученых, чьи имена я сейчас уже не могу вспомнить, находились будущие лауреаты Нобелевской премии Отто Хан и Вернер Гейзенберг. После ряда докладов об экспериментах в различных направлениях исследований Гейзенберг доложил о «раздроблении атома и о работах по созданию урановой установки и циклотрона». Гейзенберг посетовал на невнимание к ядерным исследованиям со стороны ответственного за это Министерства образования, на скудность средств и технического обеспечения, а также указал на то, что вследствие призыва в армию научных

работников немецкая наука отстает в той области, где она еще несколько лет тому назад занимала ведущие позиции: скудные информации из американских специальных журналов позволяют прийти к выводу, что там на ядерные исследования расходуются очень крупные денежные и технические средства. Поэтому надо предполагать, что Америка уже сейчас вырвалась вперед, что, принимая во внимание революционные возможности расщепления атома, может повести к трудно предсказуемым последствиям.

После доклада я спросил Гейзенберга, как ядерная физика может быть практически использована для изготовления атомных бомб. Его ответ был отнюдь не обнадеживающим. «Хотя, — сказал он, — научное решение найдено и теоретически ничто не препятствует созданию бомбы, однако производственно-технологические предпосылки для этого могут быть созданы самое раннее через два года и то в случае, если с сегодняшнего дня будет оказываться самая широкая поддержка». Продолжительность сроков Гейзенберг объяснял, в частности, тем, что в Европе существует единственный и очень маломощный циклотрон, который к тому же может использоваться из-за режима секретности далеко не полностью. Я предложил за счет средств, которыми я располагал как министр вооружений, построить такие же или даже еще более мощные циклотроны, как в Соединенных Штатах. На это Гейзенберг возразил мне, что из-за ограниченности опыта мы первоначально могли бы построить только сравнительно небольшую установку.

Тем не менее генерал-полковник Фромм пообещал демобилизовать из вермахта несколько сотен научных сотрудников, тогда как я, со своей стороны, предложил исследователям сообщить мне, какие мероприятия, финансовые средства и материалы необходимы для продвижения вперед в области ядерных исследований. Спустя какое-то время поступили заявки на несколько сот тысяч марок, на сталь, никель и другие фондируе-

мые материалы в количествах, совершенно несущественных. Кроме того, речь шла о строительстве бункера и нескольких бараков, а также выражалась просьба включить уже находящийся в процессе строительства первый немецкий циклотрон в высшую категорию срочности исполнения. Несколько озадаченный и недовольный незначительностью требований, когда речь идет о столь важном деле, я увеличил сумму расходов до двух миллионов марок и пообещал необходимые материалы. Большого, как представлялось, они все равно не смогли бы освоить, во всяком случае у меня сложилось впечатление, что для дальнейшего хода боевых действий атомная бомба не будет иметь значения. Зная склонность Гитлера форсировать фантастические проекты, предъявляя к ним неразумные требования, я очень кратко проинформировал его о конференции по расщеплению ядра и наших мерах поддержки исследований. Более развернутые и оптимистические доклады поступили к Гитлеру от его фотографа Хайнриха Хофмана, дружившего с Имперским министром почт Вильгельмом Онезорге, а также, вероятно, от Геббельса. Онезорге интересовался расщеплением ядра и содержал — так же как и СС — свою собственную исследовательскую группу под руководством молодого физика Манфреда фон Арденна. В том, что Гитлер предпочел не прямой путь информации от людей, ответственных за дело, а черпал ее из ненадежных и некомпетентных источников, снова проявилась его склонность к дилетантству, а равно — непонимание им природы фундаментальных исследований.

Время от времени Гитлер беседовал и со мной о возможностях атомной бомбы, но материя с очевидностью была выше его понимания, он был неспособен осознать революционный характер ядерной физики. В моих записях упоминаются две тысячи двести различных вопросов, которых мы касались на наших беседах, и только один раз, и то крайне лаконично, упоминается расщепление ядра. Хотя он подчас и размышлял о его перспек-

тивах, все же моя информация о беседе с физиками утвердила его в том, что нет смысла заниматься этим более энергично; тем более что профессор Гейзенберг не дал окончательного ответа на мой вопрос о том, удастся ли удержать высвобождаемую расщеплением ядра энергию под контролем или же пойдет непрерывная цепная реакция. Гитлера, очевидно, не приводила в восторг мысль, что под его руководством Земля может превратиться в пылающую звезду. По временам он отпускал шуточки по поводу ученых, которые в своем оторванном от действительности стремлении проникнуть во все тайны природы превратят Землю в один прекрасный день в сплошной костер; но до этого еще далеко, и он наверняка не доживет до этого.

Что Гитлер, ни минуты не раздумывая, обрушил бы атомные бомбы на Англию, я понял по его реакции на последние кадры кинорепортажа о бомбардировках Варшавы осенью 1939 г. С ним и Геббельсом мы сидели в его берлинской гостиной — дым от пожарищ застилал небо, пикирующие бомбардировщики набрасывались на свои цели, искусный, спрессовывающий время киномонтаж позволял проследить полет бомбы, затем вертикальное взмывание самолетов и всепоглощающие клубы дыма, пламени и пыли от взрывов. Гитлер был в восхищении. Фильм заканчивался монтажными кадрами: бомбардировщик пикировал на контуры британских островов, следовал взрыв, и остров разлетался на мелкие кусочки. Воодушевление Гитлера было безгранично. «Так с ними и произойдет! — восклицал он самозабвенно. — Так мы их уничтожим!»

По предложению ядерщиков мы уже осенью 1942 г. отказались от работ над атомной бомбой. После того — как на мой повторный вопрос о сроках последовал ответ, что она может появиться не ранее чем через три-четыре года. К этому времени война должна была уже давно кончиться. Вместо этого я дал согласие на разработку энергетического уранового котла, приводящего

в движение машины, к чему проявил интерес ВМФ для установки на подводных лодках.

Во время одного из посещений крупповских заводов мне показали отдельные компоненты нашего первого циклотрона. Я спросил инженера, разработавшего его конструкцию, не можем ли мы немедленно сделать шаг к гораздо более масштабной установке. Он подтвердил мне то, что я уже слышал от профессора Гейзенберга: нам не хватает технических знаний и опыта. Где-то в районе университетских клиник в Гейдельберге мне летом 1944 г. продемонстрировали расщепление атомного ядра. На мои вопросы отвечал профессор Вальтер Боте, заявивший, что этот циклотрон будет очень полезен для медицинских и биологических исследований. Я сделал вид, что удовлетворен.

Летом 1943 г. возникла — из-за эмбарго нашего импорта вольфрама из Португалии — критическая ситуация с выпуском самых важных видов продукции. Тогда я приказал использовать для этого класса вооружений урановые стержни. Передача промышленности урановых запасов общим объемом около 1200 тонн показывает, что мысль о создании атомной бомбы летом 1943 г. уже была отброшена мной и моими сотрудниками.

Не исключено, что в 1945 г. нам и удалось бы изготовить атомную бомбу. Но для этого следовало бы на самой ранней стадии создать все — технические, кадровые и финансовые — предпосылки для этого, примерно такие же, как для разработки ракеты дальнего действия. И с этой точки зрения Пенемюнде был нашим не только наиболее крупным, но и самым неудачным проектом.

То, что «тотальная война» в этой области не состоялась, отчасти связано, впрочем, и с идеологическими пристрастиями. Гитлер благоговел перед физиком Филиппом Ленардом, нобелевским лауреатом за 1905 г. и одним из немногих старых приверженцев Гитлера из мира науки. Ленард поучал Гитлера, что ядерной физикой и теорией относительности евреи распространяют

свое разлагающее влияние. Со ссылкой на своего знаменитого партийгеноссе Гитлер нередко во время своих неформальных трапез называл ядерную физику «еврейской физикой», что затем было подхвачено не только Розенбергом, но, по-видимому, заставляло и министра образования проявлять сдержанность при поддержке ядерных исследований.

Но даже если бы Гитлер не переносил свои партдоктрины на ядерную физику, даже если бы состояние фундаментальных исследований в июне 1942 г. и оправдывало бы вложение в изготовление атомной бомбы не нескольких миллионов, а многих миллиардов марок, то и тогда, учитывая перенапряжение нашей военной экономики, мы были бы не в состоянии выделить достаточное количество фондированных материальных средств и квалифицированной рабочей силы. Ведь не только превосходство Соединенных Штатов в производственной базе позволило им приняться за этот гигантский проект. Германская индустрия вооружений вследствие все более интенсивных воздушных налетов уже давно оказалась в критическом положении, что само по себе не благоприятствовало развертыванию крупномасштабных программ. Впрочем, при предельной концентрации сил к 1947 г. мы могли бы и получить немецкую атомную бомбу. Но определенно — не в одно время с американцами, в августе 1945 г. Исчерпание наших последних резервов хромовых руд все равно положило бы конец войне самое позднее 1 января 1946 г.

Таким образом, уже в самом начале своей министерской деятельности я столкнулся с нагромождением ошибок. Сегодня покажется странным, что во время войны Гитлер часто повторял: «Войну проиграет тот, чьи ошибки будут покрупнее!» Гитлер целой цепочкой своих ошибочных решений в самых различных областях приближал конец этой войны заведомо, учитывая соотношение производственных потенциалов, для нас проигрышной. Стоит вспомнить только о его нечетком планировании воздушной войны против Англии или о нехватке

подводных лодок в начале войны, да вообще — об отсутствии генерального плана войны. Многочисленные указания в немецкой мемуарной литературе на коренные ошибки Гитлера действительно обоснованны. Но это не означает, что войну можно было бы и выиграть.

Дилетантизм был одной из характернейших черт Гитлера. Он никогда не учился какой-либо профессии и, в сущности, всегда был аутсайдером. Как и все самоучки, он слабо себе представлял, что такое настоящие профессиональные знания. Не будучи способным к комплексному охвату проблем, присущих всякому крупному начинанию, он с какой-то ненасытностью взваливал на себя все новые и новые функции. Не обремененный традиционными представлениями, его быстрый, подвижной ум иногда выдавал смелые неортодоксальные решения, которые не пришли бы в голову специалисту. Стратегические успехи первых военных лет можно напрямую связать с его неисправимой неграмотностью в правилах игры и его дилетантски не омраченной решительностью. Поскольку противная сторона исходила из определенных правил, не понимала природы самоупоения Гитлера-самоучки, то и возникали ошеломляющие эффекты, которые в сочетании с военным превосходством закладывали предпосылки его успехов. Когда же посыпались неудачи, он, как и большинство непрофессионалов, потерпел крах. Вот тут-то незнание им правил игры и обнаружило себя как своеобразная несостоятельность, а его изъясн уже перестал быть преимуществом. Чем более тяжкими становились неудачи, тем сильнее и безогляднее выступал на передний план его неисправимый дилетантизм. Склонность к неожиданным и ошеломляющим решениям была долгое время его силой, теперь же она приближала его гибель.

Раз в две-три недели я уезжал из Берлина на несколько дней в ставку Гитлера, сначала — в Восточной Пруссии, потом — на Украине, чтобы предоставить на его усмотрения многие конкретные технические вопросы, которыми он как Верховный главнокомандующий интересовался. Гитлер знал все виды вооружений и боеприпасов по их калибрам, длине стволов и дальности боя, в его голове прочно сидели данные о важнейших видах вооружений на складах и об объемах их месячного производства. Ему не составляло труда детальнейшим образом сопоставлять выпуск продукции с нашими программами и делать из этого свои выводы.

Выглядевшая несколько наивно слабость Гитлера блеснуть цифровыми данными — теперь уже в области вооружений, как прежде в автомобилестроении или архитектуре, — также обнаруживала в нем дилетанта. Он всегда старался выглядеть ни в чем не уступающим специалистам, а то и превосходящим их. Подлинный профессионал не станет, и вполне оправданно, перегружать свою голову деталями, которые он может уточнить по справочнику или получить от помощника. Гитлеру же, напротив, важно было для самого себя продемонстрировать свои знания. В этом была для него особая радость.

Свои сведения он черпал из огромной книги в красном переплете с широкой поперечной желтой полосой. Этот непрерывно пополнявшийся реестр тридцати-пятидесяти видов вооружения и боеприпасов всегда лежал на его прикроватном столике. Иногда во время совещаний по военным вопросам порученец по его приказанию приносил эту книгу, если ему требовалось перепроверить какую-то цифру, названную кем-либо из участников и моментально поставленную им под сомнение. Книга открывалась, и раз за разом подтверждалась правота Гитлера и безжалостно обнажалась неинформированность какого-нибудь генерала. Память Гитлера на цифры была кошмаром его окружения.

Гитлеру удавалось таким образом запугать большинство окружавших его офицеров, и, наоборот, он испытывал неуверенность, если напротив сидел настоящий профессионал. Он даже не отстаивал своего мнения, встретив сопротивление специалиста.

Мой предшественник Тодт нередко прихватывал с собой на совещания двух своих наиболее близких сотрудников, Ксавера Дорша и Карла Заура; бывало, что сопровождал его и кто-нибудь из экспертов. Но в принципе Тодт считал важным докладывать лично, привлекая своих сотрудников лишь при особо сложных частных вопросах. Я же с самого начала не утруждал себя запоминанием цифр, которые все равно лучше сидели в голове Гитлера. Чтобы полнее использовать почтение Гитлера к специалистам, я всегда брал на совещания классных экспертов по отдельным пунктам повестки дня.

Это избавляло меня от кошмара бомбардировок цифрами и техническими данными, буквально втапывавшими в землю. Я появлялся в ставке, как правило, в сопровождении двух десятков гражданских лиц. Очень скоро в избранном кругу № 1 начали подшучивать над этими «шпееровскими нашествиями».

Технический горизонт Гитлера точно так же, как его взгляд на мир и его эстетические пристрастия, да и сам стиль его жизни, замыкался Первой мировой войной. Его технические интересы были односторонне сфокусированы на традиционном вооружении армии и флота. В этой области он постоянно развивался и обогащал свои познания. Именно здесь он нередко выдвигал убедительные и практичные идеи. Но он определенно недооценивал, например, разработки в области радарной техники, атомной бомбы, реактивных истребителей и ракет. Во время своих довольно редких полетов на новеньком «Кондоре» он опасливо спрашивал, насколько надежен механизм шасси и сработает ли он при посадке. С недоверием отметил, что старый «Ю-52» с жестким креплением шасси ему больше по душе.

Часто вечером того же дня после наших совещаний Гитлер излагал перед своим военным окружением только что обретенные познания. Он любил как бы между прочим преподнести их как свои собственные.

Когда появился русский танк «Т-34», Гитлер торжествовал: он увидел в нем подтверждение правоты своего давнего требования снабжать танки более длинными орудийными стволами. Еще до моего назначения министром я как-то в саду Рейхсканцелярии стал свидетелем горьких сетований Гитлера на упрямство управления сухопутных войск по вооружениям. Оно не поняло смысла его требований оснастить танк длинноствольной пушкой, обеспечивающей большую начальную скорость полета снаряда. У армейского управления по вооружениям были свои контраргументы: длинный ствол на не предназначенном для этого танке поведет к перегрузке его передней части, столь радикальное новшество чревато опасностью того, что вся конструкция потеряет устойчивость.

Тогда как армия хотела получить танк, скоростные характеристики которого уравнили бы его с «Т-34», Гитлер настаивал на оснащении танков тяжелой, с большей пробивной мощностью пушкой и более толстой броней для защиты. И в этом вопросе он был подкован: держал в голове цифры, помнил результаты испытаний на поражение и на начальную скорость снарядов. Свою теорию он обыкновенно подкреплял примером боевых кораблей: «У кого в морском бою преимущество в дальности, тот может открыть огонь с дальней дистанции, даже всего если один километр. А если еще к тому же и превосходящая и броневая мощь... то тогда превосходство по всем статьям. А что вы хотите? У корабля с лучшими ходовыми качествами остается только одна возможность: использовать их для бегства. Или вы, может быть, хотите мне доказать, что благодаря своей большей скорости он в состоянии взять верх над более прочной броней и лучшей артиллерией? Не иначе обстоит

дело и с танками. Более легкий и быстрый танк вынужден пасовать перед более тяжелым».

Мои люди в этих дискуссиях не принимали непосредственного участия. Наша задача была выпускать танки в соответствии с заказом, а уж кто — Гитлер ли, генеральный ли штаб сухопутных войск или его управление по делам вооружений — определяет его, нам было безразлично. Вопросы тактики боя нас не касались, споры велись в основном среди офицеров. В 1942 г. Гитлер еще старался не обрывать подобные дискуссии окриком. Тогда он еще спокойно выслушивал возражения и спокойно же приводил свои аргументы. Хотя, конечно, его аргументы имели особый вес.

Поскольку «Тигр» в первоначальном своем варианте был рассчитан на 50 тонн, а затем под давлением Гитлера дошел до 57 тонн, то мы решили освоить тридцатитонный танк нового типа, который, как говорило уже его название «Пантера», должен был отличаться большими скоростью и маневренностью. Это достигалось его относительной легкостью и мощностью двигателя от «Тигра». Однако в течение года, по настоянию Гитлера, на него было навешано столько брони и больших по калибру орудий, что в конце концов он с 48 тоннами вышел на проектный вес «Тигра».

Чтобы как-то уравновесить странное превращение быстрой «Пантеры» и тихоходного «Тигра», мы несколько позднее принялись за серию малых, легких и поэтому опять-таки более скоростных танков. Чтобы обрадовать и усложнить Гитлера, фирма «Порше» разработала документацию для сверхтяжелого танка весом в 100 тонн, который уже по одной этой причине мог бы производиться только штучно. Для введения шпионов в заблуждение мы назвали это чудовище «Мышь». Порше, впрочем, сам заразился тягой Гитлера к сверхтяжелому вооружению и по временам подбрасывал ему информацию о параллельных программах у противников. Однажды Гитлер вызвал генерала Буле и потребовал: «Я только что слышал, что у противника начинает поступать новый

тип танка с броней, далеко превосходящей все то, что есть у нас. Вы уже располагаете его характеристиками? Если наши сведения верны, то следует срочно... следует срочно разработать новую противотанковую пушку. Пробивная способность ее снарядов должна быть... В общем, увеличить калибр или удлинить ствол — одним словом, отреагировать на это немедленно! Моментально!»

Было большой ошибкой, что Гитлер взял на себя не только верховное командование вермахтом, но и сухопутными силами, а в их составе в качестве «хобби» возглавил разработку бронетанкового вооружения. При нормальном положении дел подобные вопросы должны были бы решаться в дискуссиях между офицерами Генерального штаба, армейского управления по вооружению и комитетом промышленности по вопросам вооружений. Главнокомандующий сухопутных войск подключался бы лишь в исключительных случаях. Но это противоречило бы привычке давать офицерам-специалистам самые детальные наставления. Сложившаяся практика была столь же ненормальна, сколь и пагубна. Ведь Гитлер тем самым снимал с них ответственность и воспитывал своих офицеров в духе безразличия.

Принимаемые Гитлером решения вели не только к обилию параллельных разработок, но и ко все менее обозримым проблемам материально-технического обеспечения. Особенной помехой было то, что он не придавал значения достаточному обеспечению войск запчастями. Генеральный инспектор бронетанковых войск генерал-полковник Гудериан неоднократно обращал мое внимание на то, что при быстром ремонте с минимальными расходами можно было бы иметь в своем распоряжении больше боеспособных танков, чем наращиванием производства новых машин в ущерб запчастям. Поддержанный моим ответственным сотрудником Зауром, Гитлер настоял на приоритете новой продукции, которая могла бы быть сниженной на 20% при усло-

вии, что мы бы возвращали в строй выбывшие, не поддающиеся ремонту машины.

В центре многочисленных совещаний у Гитлера стояло утверждение программы вооружений для армии. Подход Гитлера был таким: чем больше я требую, тем больше и получаю. К моему удивлению, программы, выполнение которых специалисты-производственники считали невыполнимыми, оказывались в конце концов даже превзойденными. Авторитет Гитлера высвобождал резервы, которые никто не мог заранее учесть. Начиная с 1944 г., впрочем, он разрабатывал утопические программы, а наши попытки разместить их по предприятиям вели скорее к снижению выпуска продукции.

В конце июня 1942 г. я, как и все, узнал из газет о новом генеральном наступлении на Востоке. В ставке царил радостная приподнятость. Каждый вечер шеф-адъютант Шмундт давал по карте гражданским лицам при ставке объяснения о продвижении наших войск. Гитлер ликовал. Он снова оказался прав в споре со своими генералами, которые отговаривали от общего наступления и рекомендовали оборонительную тактику с частичными улучшениями линии фронта. Теперь и генерал Фромм, который в начале операции высказался в разговоре со мной в том смысле, что такая оффензива — «слишком большая роскошь» для бедняка, приободрился. Левый фланг восточнее Киева становился все протяженнее. Были приложены немалые усилия для обеспечения сносного движения по железным дорогам завоеванных территорий и материального обеспечения войск.

Не прошло и трех недель после начала операции, как Гитлер перебрался в ставку, оборудованную вблизи украинского города Винница. Русские были довольно пассивны в воздухе, а Запад был, даже для опасливого Гитлера, слишком далек, так что на этот раз он не потребовал строительства особых бункерных сооружений. Вместо бетонных укреплений возник очень симпатичный поселок домиков, рассеянных в лесу.

В противоположность первым неделям наступления, когда мы за столом в приподнятом настроении обсуждали быстрое продвижение наших войск по южнорусским равнинам, через два месяца лица присутствующих начали становиться все более озабоченными, и даже Гитлер поубавил свою самоуверенность.

Правда, наши войска овладели нефтяными промыслами Майкопа, а передовые танковые подразделения вели бои уже на Тереке и пробились через не имеющие транспортных дорог степи к южной Волге. Но темп наступления первых недель был все же утрачен. Не успевала доставка грузов на фронт; запчасти, находившиеся непосредственно в частях, были уже израсходованы — в результате ударный напор передовых частей ослабевал. Да и месячные объемы нашего военного производства отнюдь не соответствовали потребностям наступательных боев такого размаха, на необозримом пространстве. В тот момент мы выпускали всего лишь треть танков и четверть артиллерийских стволов от уровня 1944 г. Уж не говоря о большом при таких расстояниях износе техники и без всяких военных действий. При испытаниях на танкодроме в Куммерсдорфе мы исходили из того, что тяжелый танк нуждается в ремонте ходовой части или двигателя через каждые 600—800 километров.

Гитлер не хотел ничего понимать. В своем стремлении использовать мнимую слабость противника он хотел протолкнуть измотанные передовые части на южные склоны Кавказа, в Грузию. Поэтому он отвлекал от слабого авангарда значительные силы, которым ставилась задача выйти через Майкоп к Сочи, а оттуда — вдоль узкого приморского шоссе еще дальше на юг, к Сухуми. Настойчивыми приказами он направлял главный удар сюда, полагая, что области к северу от Кавказа сами по себе станут легкой добычей.

Но войска были на пределе сил. Несмотря на все приказы Гитлера, они не могли продвигаться вперед. Во время совещаний Гитлера знакомили с результатами

аэрофотосъемок непроходимых ореховых лесов в районе Сочи. Начальник Генерального штаба Гальдер пытался убедить Гитлера в безуспешности действий на юге. Русским ничего не стоило взрывами круто обрывавшихся у приморского шоссе гор сделать его на длительное время непригодным для транспорта, да оно и так было слишком узким для передвижения крупных соединений. Но Гитлер был непоколебим: «Эти трудности преодолимы, как и всякие другие. Нужно только сначала закрепиться вдоль шоссе. И тогда путь на просторы южнее Кавказа будет открыт. Там мы можем приостановить наши войска и дать им роздых, создать склады. А затем, через год-другой, мы оттуда развернем наступление в подбрюшье Британской империи. Скромными силами мы освободим Персию и Ирак. А индусы с восторгом встретят наши дивизии».

И профану становилось очевидным, что наше наступление выдохлось. Тут поступило сообщение, что подразделение горных егерей овладело Эльбрусом, самой высокой точкой Кавказа, пиком, окруженным обширными глетчерами, и установило на нем германское боевое знамя. Конечно, это было бессмысленное дело; впрочем, вполне безобидного свойства, всего-навсего приключение заядлых альпинистов. Мы все проявили даже определенную снисходительность к этому эпизоду, казавшемуся нам совершенно незначительным и несущественным. Мне уже до этого приходилось видеть Гитлера в бешенстве. Но редко он так взрывался, как по получении этого донесения. Припадок ярости длился несколько часов, как если бы этой выходкой был сорван весь его стратегический замысел. Даже несколько дней спустя он перед всем и каждым поносил «этих сумасшедших скалолазов», которых «следовало бы отдать под военный трибунал». «В самый разгар войны они играют в свои честолюбивые игрушки, — продолжал он возмущенно, — занимают этот идиотский пик, когда я приказал сосредоточить все силы на прорыве к Суху-

ми. Из этого прекрасно видно, как выполняются мои приказы».

Срочные дела позвали меня в Берлин. Через несколько дней командующий кавказской группировкой войск был, несмотря на энергичное заступничество Йодля, смещен. Вернувшись через две недели в ставку, я застал Гитлера в ссоре с Кейтелем, Йодлем и Гальдером. Он больше не протягивал им для приветствия руку и не появлялся за совместным столом. Отныне и уже до конца войны он приказывал накрывать для себя в своем бункере, куда лишь очень редко приглашались самые избранные. Отношения Гитлера с его военным окружением были навсегда испорчены.

Впрочем, с Кейтелем, который в течение нескольких недель с огорченным лицом ходил чуть не на цыпочках и демонстрировал радование, Гитлер вскоре стал обращаться несколько дружелюбнее. Также — и с Йодлем, который по своему обыкновению вообще внешне оставался невозмутим, дело как-то наладилось. Начальник Генерального штаба генерал-полковник Гальдер должен был, однако, оставить свой пост: спокойный, замкнутый человек, возможно, не поспевал за вульгарным динамизмом Гитлера и всегда казался несколько беспомощным. Полной противоположностью ему был его преемник Курт Цайтцлер — прямолинейный, без всяких рефлексий, с зычным голосом при докладах. Он не был из самостоятельно мыслящих военных и являл собой то, что Гитлер, вероятно, и желал видеть: надежного «вспомогательного работника», который, как об этом частенько говорил сам Гитлер, «не размышляет подолгу над тем, что я приказал, а со всей энергией берется за исполнение». Поэтому Гитлер и подобрал его себе не из круга высшего генералитета. До этого Цайтцлер занимал скромную должность в армейской иерархии; он сразу был повышен на две должностные ступеньки.

После назначения нового начальника Генерального штаба Гитлер позволил мне, единственному гражданскому лицу, принимать участие в так называемых обсуж-

дениях ситуации. Я мог расценить это как особое выражение его удовлетворенности неуклонно шедшими вверх показателями военного производства. Он вряд ли дал бы такое разрешение, если бы опасался потери своего престижа в моих глазах в случае несогласия с ним, горячих споров, разногласий. Буря миновала. Гитлер снова овладел собой. Ежедневно, примерно в обеденное время, происходила «большая ситуация», она всегда продолжалась два-три часа. Гитлер, единственный из всех, сидел за длинным столом для карт в простом кресле с плетеным сиденьем. Вокруг стола стояли участники совещания: кроме адъютантов здесь были штаб-офицеры Верховного командования вермахта, Генерального штаба сухопутных войск, офицеры связи с люфтваффе, с ВМФ, с войсками СС и с Гиммлером. В основном это были молодые симпатичные офицеры, по большей части в полковничьем звании или майора. Между ними свободно ходили вокруг стола Кейтель, Йодль и Цайтцлер. Часто приходил и Геринг. Как жест особого уважения или принимая во внимание его грузность, Гитлер приказывал принести для него обитую табуретку, на которую он и опускался подле Гитлера.

Лампочки на длинных подвесках, как в конторах, освещали разложенные карты. Обзор начинался всегда с восточного театра военных действий. Три-четыре склеенные вместе карты Генерального штаба, каждая размером 2,5×1,5 м, последовательно выкладывались Гитлером на стол. Сначала шел север Восточного фронта. На картах было нанесено каждое, даже незначительное событие истекшего дня, любая атака, даже рекогносцировки, и почти каждая пометка комментировалась начальником Генерального штаба. Карты по частям передвигались по столу так, чтобы Гитлер всегда имел в удобной для чтения близости соответствующий фрагмент. Если происходили значительные события, то движение карт замедлялось, приостанавливалось, причем Гитлер очень точно отмечал всякое изменение по сравнению с предыдущим днем. Уже сама подготовка еже-

дневного доклада по Восточному фронту, который продолжался час-два, а при важных событиях — и значительно дольше, была чудовищной нагрузкой для начальника Генерального штаба и его офицеров, которые должны были бы заниматься более важными вещами. Будучи профаном, я удивлялся, как во время доклада Гитлер определял диспозиции, передвигал туда-сюда дивизии или отдавал приказы по частностям.

По крайней мере, еще в 1942 г. он со спокойствием (а может быть, и с уже начинавшимся общим притуплением) воспринимал сообщения о тяжелых просчетах. Во всяком случае, внешне он не позволял себе каких-либо реакций отчаяния — образ возвышающегося надо всеми, ничем не рушимого полководца не должен быть омрачен. Он часто подчеркивал, что его окопный опыт Первой мировой войны открыл ему более глубокий взгляд на все военные тонкости, чем академия Генерального штаба его военным советникам. Несомненно, в некоторых ограниченных областях это было так. Но, по мнению многих офицеров, именно этот «окопный взгляд» создал у него неверное представление о процессе военного руководства. Здесь ему скорее мешало его детализированное звание, звание ефрейтора. Генерал-полковник Фромм как-то заметил в обычной для него лаконичной манере, что уж лучше бы Верховным главнокомандующим было гражданское лицо, чем, как назло, ефрейтор, к тому же никогда не воевавший на Востоке и уже поэтому мало понимающий его особые проблемы.

Гитлер «по-сапожничьи», мелочно, занимался латанием дыр. При этом неизбежно и отрицательно сказывалось то, что по картам лишь в самых общих чертах можно было составить себе представление об особенностях местности. В начале лета 1942 г. он лично определил участок, на котором должны были вступить в бой шесть первых танков «Тигр», от которых — как и всегда при появлении нового типа вооружения — он ожидал сенсации. С богатой фантазией расписывал он нам, как советские 77-миллиметровые противотанковые пушки,

пробивавшие, даже с большой дистанции, лобовую часть наших танков, тщетно дают выстрел за выстрелом и как, наконец, «Тигры» проутоживают их позиции. Штаб обратил его внимание на то, что избранная им местность — болотистая почва по обе стороны дороги — не позволит танкам маневрировать. Гитлер отверг эти возражения, не резко, но с видом собственного превосходства. Так был дан сигнал к первой атаке «Тигров». Все напряженно ожидали результатов. Я несколько беспокоился за техническую часть. Но до технической генеральной репетиции дело не дошло. Русские спокойно пропустили танки мимо своих противотанковых позиций с тем, чтобы ударить по менее защищенным бокам первой и последней машин. Два прямых попадания! Оставшиеся четыре — ни назад, ни вперед, ни в сторону — кругом болото. Скоро и их вывели из строя. Гитлер молча пережил эту полную неудачу. Он никогда о ней не вспоминал.

Положение на западном театре военных действий, тогда еще в Африке, докладывал после «Востока» генерал-полковник Йодль. И здесь Гитлер стремился вникнуть в каждую деталь. Роммель вызывал неудовольствие Гитлера, так как часто на протяжении нескольких дней слал лишь очень невнятные донесения о своих действиях и передвижениях, т.е. «темнил» перед ставкой, чтобы затем неожиданно преподнести совершенно изменившуюся ситуацию. Гитлер, испытывавший к Роммелю личную симпатию, хотя и с раздражением, но мирился с этим.

Координацией действий на различных военных театрах должен был, собственно говоря, заниматься Йодль как начальник штаба вермахта. Но Гитлер взял эти функции на себя, с тем чтобы потом о них и не думать. По существу, компетенция и ответственность Йодля не были четко определены. Но чтобы вообще иметь какой-то участок работы, штаб вермахта стал осуществлять самостоятельное командование на отдельных театрах военных действий, так что, в конце концов, у армии возникли

два конкурирующих генеральных штаба, между которыми Гитлер выступал в роли мирового судьи, что вполне отвечало его уже упоминавшемуся принципу разделения. Чем более критической становилось положение, тем ожесточеннее спорили друг с другом соперничающие штабы о переброске отдельных дивизий с Востока на Запад и наоборот.

Когда мы заканчивали с «армейским положением», в обобщенной форме докладывалось «воздушное положение» за истекшие сутки, а затем и «морское». Как правило, доклады делались офицером связи или адъютантом от данного рода войск, и очень редко — самим главнокомандующим. Налеты на Англию, бомбардировки немецких городов — об этом докладывалось сжато, также — и о последних успехах в войне подводных лодок. В руководстве войной в воздухе и на море Гитлер предоставлял верховным командующим авиации и флота самую большую свободу действий, вмешивался, по крайней мере в то время, редко и исключительно в тоне советов.

В заключение совещания Кейтель протягивал Гитлеру несколько бумаг на подпись. Обычно это были отчасти высмеиваемые, отчасти внушавшие страх «прикрывающие приказы», т.е. распоряжения, которые должны были в будущем защитить его, Кейтеля, или кого-либо другого от всякого рода упреков Гитлера задним числом. Я воспринимал тогда эту практику как недопустимое злоупотребление подписью Гитлера, поскольку форму приказов нередко получали совершенно несовместимые друг с другом намерения и представления и создавали тем самым непроглядный и сбивающий с толку хаос.

Открытое несогласие по серьезным вопросам стало проявляться примерно с осени 1942 г., но пока еще в очень осторожной форме. Гитлер прощал возражения скорее лицам извне, чем из круга своего ежедневного общения, несогласие последних он просто не выносил. Он сам, стараясь в чем-то убедить, начинал издали и

по возможности дольше пережевывал общие фразы. Его оппоненту просто не удавалось вставить словечко. Если в ходе обсуждения возникал спорный вопрос, то Гитлер ловко обходил его, перенося решение на потом. Он исходил из того, что военачальники опасаются показаться в присутствии своих штаб-офицеров слишком сговорчивыми. Возможно также, он рассчитывал, что его красноречие и личная магия возымеют большее действие при разговоре в более узком кругу. При телефонных разговорах оба эти достоинства срабатывали лишь весьма относительно: вероятно, поэтому у него была нелюбовь к разрешению серьезных спорных проблем по телефону.

Кроме «большой ситуации» поздно вечером проводилась еще и «вечерняя ситуация», на которой кто-нибудь из офицеров Генерального штаба помоложе докладывал о событиях последних часов. Этот доклад Гитлер выслушивал в одиночестве. Если перед этим мы были вместе, то иногда он прихватывал и меня. При этом он чувствовал себя намного свободнее, чем при «большой ситуации», вся атмосфера была раскованной.

Окружение Гитлера также отчасти виновато в том, что он чем дальше, тем больше уверовал в свои сверхчеловеческие способности. Уже генерал Бломберг, первый и последний военный министр Гитлера, охотно восхвалял необычайный стратегический гений Гитлера. В атмосфере непрестанных гимнов и громовых аплодисментов даже куда более скромная и уравновешенная личность, чем Гитлер, могла бы утратить все масштабы и критерии самооценки.

Верный своей натуре, Гитлер охотнее принимал советы от тех, кто еще оптимистичнее и еще иллюзорнее, чем он сам, оценивали обстановку. Всегда, когда Гитлер принимал решения, которые большинством офицеров, хотя и молча, не разделялись, Кейтель был именно тем, кто из всех сил и убежденно старался поддержать его. Постоянно находясь в непосредственной близости к Гитлеру, он всецело подпал под его влияние. С течени-

ем лет он из заслуженного, буржуазно-солидного генерала превратился в лстивого, неискреннего, растерявшего интуицию слугу. В сущности, Кейтель стал жертвой своей бесхарактерности. Бесперспективность любой дискуссии с Гитлером привела к тому, что он вообще отказался от всякого своего мнения. А если бы он попробовал упорно сопротивляться, то был бы заменен другим Кейтелем.

Когда в 1943—1944 гг. шеф-адъютант Гитлера и начальник управления кадров сухопутных войск Шмидт при поддержке многих генералов попытался добиться замены Кейтеля энергичным генерал-фельдмаршалом Кессельрингом, Гитлер заявил, что он не может отказаться от Кейтеля, потому что тот «верен, как пес». Наверное, Кейтель наиболее полно воплощал собой тот тип, в котором Гитлер нуждался среди ближайшего окружения.

Генерал-полковник Йодль тоже очень редко открыто перечил Гитлеру. У него была своя тактика. По большей части он таил свои мысли про себя, что помогало перебросить мосток через какое-нибудь затруднительное положение, чтобы позднее переубедить Гитлера, а то и добиться пересмотра уже принятого решения. Его иногда пренебрежительные отзывы о Гитлере говорили, что он сохранил относительно трезвый взгляд на положение вещей. Подчиненные Кейтеля, как, к примеру, его заместитель генерал Варлимон, не могли быть более смелыми, чем он сам. Ведь Кейтель не брал их под защиту, если они подвергались нападкам Гитлера. Иногда они пытались отменить заведомо неразумные приказы, внося в них дополнения, смысл которых, видимо, не доходил до сознания Гитлера. Под руководством вечно пасующего и несамостоятельного Кейтеля Верховное командование вермахта вынуждено было искать обходные пути для достижения целей.

Не исключено, что в малодушном подчинении генералитета воле Гитлера было повинно и постоянное перенапряжение. Порядок работы Гитлера вклинивался в

повседневное нормальное функционирование Верховного командования вермахта, из-за чего люди часто лишались нормального сна. Подобные чисто физические перегрузки играют, по-видимому, большую роль, чем это принято считать, особенно если длительное время находиться под прессом требований самых высших достижений. Кейтель и Йодль даже в личном общении производили впечатление усталых, опустошенных. Чтобы несколько разрядить круг изношенных людей, я хотел помимо Фромма внедрить в ставку фюрера своего друга фельдмаршала Мильха. Я несколько раз брал его с собой, чтобы-де доложить о проблемах «центрального планирования». Пару раз это получилось удачно, Мильх сумел заручиться положительным отношением Гитлера к своему плану и разработать вместо предусмотренного серийного производства тяжелых бомбардировщиков программу выпуска истребителей. На это вскоре последовал запрет Геринга появляться ему в ставке.

После полудня 7 ноября 1942 г. я сопровождал Гитлера в спецпоезде в Мюнхен. Во время таких поездок, когда он был избавлен от рутины ставки, с ним было легче обсудить некоторые, требующие времени общие вопросы производства вооружений. Его персональный поезд был оборудован радио-, телеграфной и телефонной связью. Йодль и еще несколько генштабистов также сопровождали Гитлера.

Общее настроение было напряженным. Мы уже опаздывали на четыре часа, потому что у каждой крупной станции мы задерживались, чтобы подключиться к имперской телефонной сети и получить последние сведения. С самого раннего утра в пути находилась целая армада транспортных судов противника, которая в сопровождении боевых кораблей направлялась, очевидно, через Гибралтар в Средиземное море.

В былые времена Гитлер обыкновенно во время остановок появлялся в окне своего вагона перед народом. Теперь же контакты с внешним миром, казалось, были ему нежелательны. Шторы на окнах со стороны перрона

были опущены. Как-то мы с Гитлером поздним вечером сидели в его отделанном полисандровым деревом вагоне-ресторане за обильным ужином. И никто из нас сначала не обратил внимания, что на соседнем пути стоял товарняк; из телячьих вагонов на нас и наш стол пристально смотрели немецкие солдаты, возвращавшиеся с Восточного фронта, измученные, отошавшие, многие раненные. Приподнимаясь со стула, Гитлер вдруг увидел мрачную картину всего в двух метрах от своего окна. Ни приветствия, ни вообще какой-либо реакции. Приказ порученцу немедленно опустить шторы. Так во второй половине войны закончилась одна из редких встреч Гитлера с фронтовыми солдатами, такими же, каким он сам некогда был.

На каждой второй станции поступали сведения о все большем числе морских подразделений, миновавших пролив. Развертывалась беспрецедентная операция. Пролет позади! Все суда, сведения о которых поступали от воздушной разведки, шли уже по Средиземному морю на Восток. «Величайшая военно-морская десантная операция в мировой истории состоялась», — так уважительно отозвался Гитлер, возможно, размышляя в этот момент, что не кто иной, как он сам, был решительным противником операций такого рода. Возможно, на секунду забывая, что эта операция направлена была не против кого-либо, а против него самого. До следующего утра десантный флот задержался к северу от алжирского и марокканского побережий.

В течение ночи Гитлер развил несколько версий столь загадочного поведения: наиболее правдоподобным ему казалось, что речь идет об огромной поставке всего необходимого для поддержки наступления против теснимого немецкого Африканского корпуса. «Подразделения судов сгруппировались только для того, — рассуждал он, — чтобы под покровом защищающей от немецкой авиации ночи проскользнуть пролив между Сицилией и Африкой. Или — и этот вариант больше соответствовал видению им смелых боевых операций —

противник еще сегодня ночью высадится в Центральной Италии, там он вообще не встретил бы сопротивления. Немецких войск там нет, а итальянцы дадут деру. Так они смогут отсечь Северную Италию от Юга. Что же будет тогда с Роммелем? Очень скоро с ним будет покончено. У него нет резервов, а путь для поставок будет отсечен!» Гитлер просто упивался возможностями, которые открывались столь масштабной операцией, возможностями, которые уже давно ему были недоступными. Он все более входил в роль противника: «Я бы немедленно же захватил Рим и сформировал бы там новое правительство. Или, и это возможный третий вариант, я высадился бы в Южной Франции. Мы все время шли на компромисс, вот теперь и получим! Ни укреплений, ни вообще немецких войск там внизу. Это ошибка, что мы там ничего не выставили. Правительство Петена, конечно, не будет оказывать сопротивления!» Казалось, на какой-то момент он забывал, что сам был главной мишенью сгущавшейся смертельной опасности.

Размышления Гитлера в ту ночь шли как бы по касательной к подлинной реальности. Ему не пришло бы никогда в голову осуществлять подобный десант без увязки с государственным переворотом. Высадить войска в безопасной позиции на континент, откуда они смогут методично, без ненужного риска разворачивать свои порядки — такая стратегия была чужда его природе. Но одно для него в эту ночь стало ясно — второй фронт начал отныне превращаться в реальность.

Поздней осенью 1942 г. во время одной из «ситуаций» Гитлер с триумфом заявил: «Теперь русские уже посылают своих кадетов на фронт. Это недвусмысленное свидетельство того, что они на пределе. Подрастающим поколением офицеров жертвуют только тогда, когда уже ничего не осталось».

Несколькими неделями позднее, 19 ноября 1942 г., до Гитлера, перебравшегося незадолго перед тем в Оберзальцберг, дошли первые донесения о крупном зимнем наступлении русских, которому через два с не-

большим месяца суждено было завершиться капитуляцией наших войск в Сталинграде. После интенсивной артиллерийской подготовки значительные силы Красной армии прорвали под Серафимовичем позиции румынских дивизий. Гитлер попробовал объяснить катастрофу презрительными отзывами о низких боевых качествах своих союзников, да и вообще преуменьшить ее масштабы. Но почти сразу же русским удалось нанести удары и по немецким дивизиям, фронт начал разваливаться.

Он расхаживал по большому залу Бергхофа взад и вперед: «Наши генералы снова повторяют свои старые ошибки. Они всегда переоценивают силы русских. По всем фронтовым сводкам видно, что у противника не хватает людского материала. Они ослаблены, они потеряли слишком много крови. Но такого рода сводки никто, разумеется, не желает принимать во внимание. А русские офицеры имеют такую скверную подготовку, что с ними совсем невозможно организовать наступление. Мы-то знаем, что для этого нужно! Рано или поздно русский остановится — выдохся! Тем временем мы подбросим туда несколько свежих дивизий, и они снова восстановят порядок». В уединенности Бергхофа он не понял, что надвигается. Через три дня, однако, поскольку устрашающие доклады не прекращались, он поспешно выехал в Восточную Пруссию.

Еще несколько дней спустя в Ростенбурге на карте Генерального штаба я увидел Южный фронт от Воронежа до Сталинграда; на отрезке в 200 километров многочисленные красные стрелы обозначали наступательное продвижение советских войск, лишь местами прерывавшиеся небольшими голубыми кружками — это были последние очаги сопротивления остатков немецких и союзнических дивизий. Сталинград уже был в «красном кольце». Почувствовав тревогу, Гитлер приказал всем другим фронтам, а также частям на оккупированных территориях, срочно перебросить подразделения на Юг, поскольку оперативных резервов совсем не было.

А ведь генерал Цейтцлер задолго до краха обращал его внимание на то, что каждая из дивизий на Юге России занимает необыкновенно большие отрезки фронта и что они не выдержат энергичного наступления советских войск.

Когда вокруг Сталинграда сомкнулось кольцо, Цейтцлер с покрасневшим, утомленным от бессонницы лицом настойчиво отстаивал свою точку зрения, что 6-я армия должна пробиваться на запад. Он представил подробнейшую информацию о голодных продовольственных нормах, о нехватке горючего, из-за чего засевшим в руинах или окопавшимся в снежных полях солдатам уже не может обеспечиваться горячее питание, и это при низких температурах. Гитлер оставался невозмутимым и решительным, как если бы он хотел показать, что опасения Цейтцлера — всего лишь паника: «Отданный мной приказ о контрударе с Юга скоро деблокирует Сталинград, и положение будет восстановлено. У нас уже бывали подобные ситуации, и в конце концов мы ими овладевали». Он распорядился, чтобы позади готовившихся к контрнаступлению соединений уже сейчас сосредотачивались составы с продовольствием и необходимыми материально-техническими грузами, которые сразу же после прорыва кольца улучшили бы снабжение. На это Цейтцлер возражал: выделенные для контрудара силы слишком малы, и Гитлер его не перебивал. Вот если бы им на самом деле удалось воссоединиться с прорвавшейся на запад 6-й армией, тогда они смогли бы закрепиться южнее на новых рубежах. Гитлер приводил свои доводы, но Цейтцлер не сдавался. Наконец, когда спор длился уже более получаса, терпение Гитлера лопнуло: «Сталинград должен быть удержан. Должен — это ключевая позиция! Если мы поднимем сумеем перерезать переправы русских через Волгу, мы поставим их в труднейшее положение. Как иначе они смогут доставлять хлеб из Южной России на Север?» Звучало это не очень убедительно. У меня было чувство, что

Сталинград для него стал чем-то вроде символа. Дискуссия после этого спора на какое-то время была закончена.

На следующий день ситуация еще более ухудшилась. Уговоры Цейтцлера стали еще более настойчивыми. Настроение в «ситуационной» комнате было подавленным, даже сам Гитлер выглядел переутомленным и угнетенным. Снова он затребовал расчеты об объеме ежедневных поставок для поддержания боеспособности группировки в 200 тысяч солдат.

Еще сутки спустя судьба оказавшихся в котле армий была решена. В «ситуационной» комнате появился Геринг, свеженький, сияющий — ни дать, ни взять, опереточный тенор, играющий роль победоносного рейхсмаршала. Глубоко огорченный, с каким-то молящим оттенком в голосе, Гитлер обратился к нему: «Как обстоят дела со снабжением Сталинграда по воздуху?» Геринг вытянулся в стойку и торжественно заявил: «Мой фюрер! Снабжение по воздуху 6-й армии гарантируется мною лично. Вы можете на меня положиться!» Как позднее я узнал от Мильха, генеральный штаб ВВС действительно произвел расчеты и пришел к выводу, что снабжение Сталинградского котла по воздуху невозможно. Да и Цейтцлер сразу же после рапорта Геринга высказал сомнение. На это Геринг ему резко ответил, что проведение необходимых расчетов — исключительная компетенция люфтваффе. Гитлер, который мог быть столь дотошным при возведении многоэтажных цифровых колонок, в тот день даже не поинтересовался, каким образом, откуда будут высвобождены необходимые самолеты. От слов Геринга он ожил и снова обрел свою былую решительность: «Тогда Сталинград должен быть удержан! Бессмысленно дальше рассуждать о прорыве 6-й армии, при котором она растеряла бы всю свою тяжелую технику и перестала бы быть боеспособной. 6-я армия остается в Сталинграде!»

Хотя Геринг знал, что судьба окруженных в Сталинграде армий зависела от его торжественного обеща-

ния, тем не менее 12 декабря 1942 г. он разослал приглашение на торжественное открытие после реставрации пострадавшей от бомбежки Берлинской оперы, где давалось праздничное представление «Нюрнбергских майстерзингеров» Рихарда Вагнера. В парадных формах и фраках мы расселись в просторной ложе фюрера. Жизнерадостный спектакль оказался в столь мучительном конфликте с событиями на фронте, что я еще долго упрекал себя за то, что последовал приглашению.

Вскоре я снова был в ставке. Цейтцлер ежедневно представлял сводки командования 6-й армии о количестве полученных по воздуху продовольствия и боеприпасов. Они измерялись немногими процентами от обещанного. Хотя Гитлер непрестанно требовал от Геринга отчета, но тот все время вилял: виновата погода — туман, дожди со снегом или бураны, — не позволяет выполнить намеченные поставки. Но как только погода исправится к лучшему, он выйдет на обещанный тоннаж.

Стало неизбежным дальнейшее сокращение фронтовых рационов. Цейтцлер распорядился подавать ему в казино Генштаба точно такое же питание и заметно похудел. Через несколько дней Гитлер заметил ему, что считает неуместным подобные жесты солидарности. Не на это следует расходовать свою нервную энергию начальника Генерального штаба. Цейтцлер обязан немедленно вернуться к нормальному питанию. Одновременно Гитлер запретил на несколько недель подавать шампанское и коньяк. Настроение становилось все более скверным; с окаменевшими лицами, молча собирались мы небольшими группами. Никто уже не мог больше разговаривать о неуклонной гибели еще несколько месяцев тому назад столь победоносной армии.

Когда я снова оказался в ставке между 2 и 7 января 1943 г., Гитлер продолжал еще жить надеждами. Контрудар, который в соответствии с его приказом должен был разорвать кольцо вокруг Сталинграда и обеспечить

снабжение погибавших там войск, потерпел провал еще две недели назад. Какой-то небольшой шанс, возможно, еще и сохранился, если бы решиться на оставление котла.

В приемной «ситуационной» комнаты в один из этих дней я стал свидетелем того, как Цейтцлер вцепился в Кейтеля и буквально заклинал поддержать его хотя бы сегодня у Гитлера, чтобы тот отдал приказ об оставлении котла. Сейчас последние минуты, когда еще можно избежать ужасной катастрофы. Кейтель дал решительные и торжественные заверения помочь. Но как только во время «ситуации» Гитлер снова заговорил о необходимости упорства в Сталинграде, Кейтель с взволнованным лицом подошел к нему и ткнув на карте в небольшой кусочек города, окруженный красными кольцами, изрек: «Мой фюрер, это мы удержим!»

В этом безнадежном положении Гитлер 15 января 1943 г. предоставил фельдмаршалу Мильху чрезвычайные полномочия, дававшие ему право, через голову Геринга, отдавать любые распоряжения для снабжения Сталинграда военными и гражданскими самолетами. В те дни я часто звонил Мильху, который обещал спасти моего брата, попавшего там в окружение. Но при общей неразберихе оказалось невозможным разыскать его. От него приходили отчаянные письма. Он заполучил желтуху, весь отек, его поместили в госпиталь, но там он не выдержал и вернулся к своим товарищам на артиллерийский наблюдательный пункт. С тех пор он бесследно пропал. Мои родители и я переживали то же, что обрушилось на сотни тысяч семей, в которые еще какое-то время после закрытия котла приходили воздушной почтой письма, прежде чем настал конец. О катастрофе, за которую полную ответственность несли он и Геринг, Гитлер впоследствии не проронил ни слова. Вместо этого он отдал приказ о формировании новой 6-й армии, которой предстояло возродить боевую славу погибшей.

После моих первых успехов на ниве вооружений в отношении ко мне Геббельса раздражение, которое он после своей истории с Лидой Бааровой и не скрывал, сменилось благорасположением. Летом 1942 г. я обратился к нему с просьбой задействовать свой аппарат — киножурналы, еженедельники и газеты получили соответствующие указания. Мой авторитет рос. Нажатием кнопки министр пропаганды сделал меня одной из известнейших личностей Рейха. Этот подросший капитал мои сотрудники использовали, в свою очередь, в их повседневных трениях с государственным и партийным аппаратом.

Было бы неверно делать умозаключения относительно личности Геббельса, основываясь на заигранном фанатизме его речей, и представлять его себе человеком с клочущим темпераментом. Он был усердным трудогой, дотошным в претворении своих идей в жизнь, не терявшим при этом, однако, из поля зрения общую картину. У него была способность абстрагировать проблему от сопутствующих обстоятельств, что позволяло ему, как это мне тогда представлялось, приходить к дельным суждениям. Это впечатление возникало не только благодаря его цинизму, но и логическому ходу его мыслей, по которому было видно, что посещение университета не прошло бесследно. Только в общении с Гитлером он казался скованным.

На первой, столь успешной стадии войны он не обнаруживал особенного тщеславия; напротив, еще в 1940 г. он говаривал о своем намерении после победоносного завершения войны всецело посвятить себя своим многочисленным личным хобби, а ответственность должно будет принять на себя новое поколение.

В декабре 1942 г. катастрофический поворот событий побудил его чаще приглашать к себе трех своих коллег: Вальтера Функа, Роберта Лея и меня. Выбор был по-

казателен для него: мы все были дипломированными выпускниками высших учебных заведений.

Сталинград нас потряс — даже не в первую очередь трагедией солдат 6-й армии, а тем, что подобная катастрофа могла приключиться под командованием Гитлера. До этого любой неудаче можно было противопоставить успех, который уравнивал все потери, жертвы и поражения или, по крайней мере, позволял о них не думать. В первый раз мы потерпели поражение без эквивалента взамен.

«В начале войны, — рассуждал Геббельс во время первого из этих обсуждений, в январе 1943 г., — мы, ограничиваясь полумерами внутри страны, добились слишком крупных военных успехов. Поэтому мы уверовали, что можно и далее одерживать победы без чрезмерного напряжения. Англичанам в этом смысле повезло, они уже в самом начале пережили Дюнкерк. Это поражение стало оправданием для самых суровых ограничений мирных привычек и запросов. Сталинград — это наш Дюнкерк. Созданием только хорошего настроения войны теперь не выиграть».

Геббельс сослался на агентурные данные своего разветвленного аппарата о беспокойстве и недовольстве в обществе. Оно требует отказа от всякой роскоши, которая народу отнюдь не на пользу. Вообще же чувствуется не только готовность к величайшим усилиям. Чувствительные ограничения просто необходимы для восстановления доверия к руководству.

Необходимость основательных жертв диктовалась и положением в промышленности вооружений. Гитлер потребовал не только нового рывка производства. Для покрытия неслыханных потерь на Восточном фронте в вермахт призывались одновременно 800 тыс. молодых квалифицированных рабочих. Любое сокращение численности немецкого костяка рабочей силы неминуемо должно было увеличивать и без того немалые трудности. Но воздушные налеты показали также, что в тяжело пострадавших городах жизнь шла по заведенному по-

рядку. Даже налоговые поступления почти не снизились, несмотря на то что документация финансовых ведомств погибала в огне! Отталкиваясь от идеи, заложенной в нашей системе «самоответственности промышленности», я выдвинул предложение поставить в центр отношений с населением вместо недоверия доверие и одновременно тем самым сократить наши надзирающие и управляющие власти, в которых было занято без малого три миллиона человек. Обсуждались разнообразные проекты. Например, предложить плательщикам налогов самим оценивать свое имущество и доходы, или же отказаться от перераспределения налогов, или же ввести твердую ставку для налога на заработную плату. Какую роль при миллиардных суммах, которые ежемесячно уходят на войну, могут играть несколько сот миллионов марок, которые, возможно, будут скрыты от государства единицами нечестных людей, доказывали Геббельс и я.

Еще больше волнений вызвало, впрочем, мое требование приравнять продолжительность рабочего времени чиновников к рабочему дню на военных заводах. По арифметическим прикидкам, это бы высвободило около 200 тыс. управленцев для работы на вооружение. Кроме того, резким снижением жизненного уровня высших слоев я хотел высвободить для этой же цели еще несколько сот тысяч пар рабочих рук. На одном из заседаний «Центрального планирования» я предельно жестко охарактеризовал последствия моих радикальных предложений: «Они означают, что на время войны, если она станет затяжной, мы, грубо говоря, должны опролетаризоваться». Сегодня я с удовлетворением отмечаю, что я не смог тогда пробить свои планы: Германия оказалась бы перед лицом невероятных перегрузок послевоенных месяцев еще более экономически и административно ослабленной и дезорганизованной. Но убежден я и в том, что в аналогичной ситуации, например, в Англии, подобного рода идеи были бы последовательно претворены в жизнь.

Гитлер довольно неохотно согласился с нашим планом решительного упрощения административных процедур и аппаратов, а также с сокращением потребления и ограничением развлекательно-культурной сферы. Однако моя попытка передоверить осуществление этой программы Геббельсу разбилась о бдительного Бормана, который опасался прироста власти у своего честолобивого соперника. Вместо Геббельса реализация замысла была поручена д-ру Ламмерсу, союзнику Бормана по триумвирату, чиновнику без фантазии и инициативы, у которого волосы вставали дыбом от такого неуважения к бюрократии, по его мнению, совершенно необходимой.

Не кто иной, как Ламмерс, начал председательствовать вместо Гитлера на возобновившихся с января 1943 г. заседаниях кабинета министров. На заседания приглашались не все члены кабинета, а только те, чьи вопросы стояли в повестке дня. То, что заседания проводились в зале Имперского кабинета, свидетельствовало о том, какую власть уже сосредоточила «тройка» в своих руках и на какую замахивается.

Заседания эти проходили довольно остро: Геббельс и Функ придерживались моих радикальных взглядов, министр внутренних дел Фрик, как и Ламмерс, выражали, чего и следовало ожидать, озабоченность; Заукель с ходу заявил, что он поставит любое потребное количество рабочих рук, включая и специалистов, из оккупированной заграницы. Даже когда Геббельс требовал, чтобы руководящие кадры партии умилили свой практически не знавший ограничений уровень жизни, ему ничего не удавалось добиться. Обычно державшаяся в тени Ева Браун подключила Гитлера, когда прослышала о возможном запрете перманента и прекращении выпуска косметической продукции. Гитлер сразу же заколебался, он порекомендовал мне вместо запрета незаметное «вымывание из ассортимента краски для волос и других косметических товаров», а также — «прекращение принятия в ремонт аппаратов для перманента».

Несколько заседаний в Рейхсканцелярии убедили Геббельса и меня, что от Бормана, Ламмерса и Кейтеля нечего ожидать оживления производства вооружений. Наши усилия прочно увязли в бессмысленных мелочах.

18 февраля 1943 г. Геббельс произнес свою речь о «тотальной войне». Она была адресована не только населению, но косвенно — и руководящим кругам, которые не хотели принять наши радикальные меры по мобилизации всех резервов страны.

За речью Геббельса о тотальной войне последовал жест, восторженно воспринятый общественностью: Гитлер приказал закрыть берлинские фешенебельные рестораны и дорогие увеселительные заведения. Геринг попробовал взять под защиту свой особенно любимый ресторан Хорхера. Однако он сдался, когда группа организованных Геббельсом демонстрантов перебила камнями окна ресторана. Результатом было серьезное осложнение во взаимоотношениях между ними.

Во второй половине мая 1943 г. Геринг сообщил мне, что он собирается при моем участии выступить с речью о немецком вооружении во Дворце спорта. Я согласился. Несколькими днями позднее я, к своему изумлению, узнал, что Гитлер поручил это выступление Геббельсу. Когда мы согласовывали наши тексты, министр пропаганды посоветовал мне подсократить свой текст, так как он намеревается говорить в течение часа. «Если ваша речь не будет существенно короче, чем полчаса, то интерес публики ослабнет». Как обычно, мы направили наши тексты Гитлеру, с пометкой на моем, что речь будет сокращена на треть. Гитлер вызвал меня в Оберзальцберг. В моем присутствии он прочитал пересланные через Бормана черновики, решительно черкал и, как мне показалось, с воодушевлением в течение не-

скольких минут сократил текст Геббельса наполовину. «Вот, Борман, возьмите, передайте Геббельсу и скажите, что речь Шпеера я считаю отличной». Так в присутствии интригана Бормана Гитлер поднял мой престиж выше престижа Геббельса. После этого эпизода им обоим должно было быть ясно, что я, как и прежде, пользуюсь уважением. Я же мог рассчитывать в трудную минуту на поддержку Гитлера даже и против его ближайших сторонников.

А речь моя, с которой я выступил 5 июня 1943 г. и в которой впервые был обнародован значительный прирост производства вооружений, оказалась уязвимой по двум направлениям. Из партийных рядов я мог слышать: «Вот видите, и без чрезвычайных жертв дела идут неплохо. Для чего же тогда мы должны волновать народ драконовскими мерами?» С другой же стороны, от генералитета и с фронта при заминках с поставками слышались сомнения в правдивости сообщенных мной данных.

Советское зимнее наступление выдохлось. Наши растущие объемы военного производства помогли не только закрыть образовавшиеся дыры на Восточном фронте. Новые поставки вооружений позволяли Гитлеру, несмотря на потери техники зимой, подготовить новую наступательную операцию: следовало отсечь дугу, образовавшуюся под Курском. Начало этой операции под кодовым названием «Цитадель» несколько раз откладывалось, потому что Гитлер возлагал большие надежды на применение новых танков. От нового типа с электропередачей, сконструированного профессором Порше, он ожидал чудес прежде всего.

За непритязательным ужином в заднем буфете Рейхсканцелярии, отделанном в баварском стиле, я случайно услышал от Зеппа Дитриха, что Гитлер собирается отдать приказ не брать впредь пленных. Во время наступательных боев войск СС местного значения было установлено, что советские войска расправляются с пленными. Импульсивно Гитлер возвестил о тысячекратном кровавом возмездии.

Я был озадачен и встревожен тем, как мы умеем себе вредить. Ведь Гитлер сам рассчитывал на сотни тысяч пленных, мы уже долгие месяцы пытались хоть как-нибудь заткнуть не менее крупные, чем на фронте, дыры в людских резервах на производстве. Поэтому уже при ближайшей встрече с Гитлером я выразил свои сомнения относительно такого приказа. Переубедить его на этот раз оказалось нетрудно, он сам как бы с облегчением отменил свое указание, отданное СС. В тот же день, 8 июля 1943 г., он приказал Кейтелю заготовить директиву о том, что все пленные передаются в распоряжение военной промышленности.

Споры относительно судьбы военнопленных оказались излишними. Наступление началось 5 июля, но, несмотря на массированное применение нашего самого современного оружия, создать котел не удалось. Ожидания обманули Гитлера. После двух недель боев он отступил. Эта неудача была очень показательна: теперь уже и в самое благоприятное время года законы войны диктовались советским противником.

Генеральный штаб сухопутных войск еще после второй зимней катастрофы, Сталинграда, добивался строительства в оперативном тылу второй оборонительной линии, но не нашел поддержки Гитлера. Теперь и сам Гитлер был согласен на возведение в 20—25-километровой глубине от линии фронта оборонительных сооружений. На это Генеральный штаб, в свою очередь, предложил в качестве оборонительного рубежа западный берег Днепра, возвышавшийся на 50 метров над равнинным восточным. И времени для строительных работ было еще достаточно, поскольку Днепр лежал в тылу, более чем в 200 километрах от линии фронта. Однако Гитлер просто отменил это. Он, во времена своих успешных походов столь охотно восхвалявший немецких солдат как лучших в мире, теперь заявил: «Строительство оборонной линии за спиной невозможно по психологическим причинам. Как только войскам станет известно, что за сотню километров от линии боев находятся ук-

репленные позиции, никто не сможет повести их в бой. При первом же удобном случае они без сопротивления откатятся назад».

О том, что по приказу Манштейна и с тихого согласия Цейтцлера организация Тодта приступила в декабре 1943 г. вопреки запрету к возведению оборонительной линии по Бугу, Гитлер узнал от моего заместителя Дорша. Советские войска еще находились в 150—200 километрах к востоку от реки. И снова Гитлер в необычайно резкой форме и точно с тем же самым обоснованием, что и полгода назад, приказал немедленно прекратить строительство. В этих тыловых строительных работах усматривается, как он в возбуждении выразился, новое доказательство пораженческих настроений Манштейна и его группы войск.

Упрямство Гитлера только помогало советским войскам держать наши армии в состоянии постоянного передвижения. В России, начиная с ноября, при промерзлой земле, нечего и думать о закапывании в землю. Но время было упущено. Солдаты были снова выданы всем невзгодам стихии. К тому же и неважное качество зимнего оснащения немецких войск было дополнительной уязвимой точкой по сравнению с неприятелем, гораздо лучше в этом отношении обеспеченным.

Не только по этим решениям можно было судить, что Гитлер отказывался признать факт — перелом уже наступил. В начале 1943 г. он потребовал строительства пятикилометрового шоссе и железнодорожного моста через Керченский пролив, хотя мы там уже давно строили канатную дорогу, которая и вступила в строй 14 июня с дневной пропускной способностью в тысячу тонн. Такой объем грузов худо-бедно обеспечивал потребности находившейся в обороне 17-й армии. Но Гитлер не отказался от своих планов прорваться через Кавказ в Персию. Свой приказ о строительстве моста он недвусмысленно обосновывал необходимостью снабжения передовых частей на Кубани техникой и свежими пополнениями для новой наступательной операции. Его

генералы уже давно перестали об этом думать. Во время посещения группой фронтовых генералов кубанского плацдарма все они высказали свои сомнения в том, удастся ли еще при численном превосходстве сил противника вообще удержать позиции. Когда я передал Гитлеру эти опасения, он высказался пренебрежительно: «Все пустые отговорки! Енике, как и всему Генеральному штабу, просто недостает веры в новое наступление».

Чуть позже, летом 1943 г., генерал Енике, командующий 17-й армией, был вынужден запросить через Цейтцлера разрешения на отвод войск с выдвинутого кубанского плацдарма. В предвидении советской зимней наступательной операции он собирался закрепиться на более выгодной позиции в Крыму. Гитлер же ответил на это еще с большей категоричностью требованием ускорить строительство моста для своих наступательных замыслов. Тогда уже было очевидно, что мост этот никогда не будет достроен. 4 сентября последние немецкие части начали оставлять последние плацдармы.

Гудериан, Цейтцлер, Фромм и я обсуждали кризис военного руководства. Летом 1943 г. генерал-полковник Гудериан, генеральный инспектор бронетанковых войск, обратился ко мне с просьбой свести его для неофициального разговора с Цейтцлером, начальником Генерального штаба сухопутных войск. Между ними возникали недоразумения, проистекавшие из нечеткого разграничения обязанностей. У меня с обоими генералами сложились почти дружеские отношения, и роль посредника мне было сыграть нетрудно. Но тут выяснилось, что Гудериан связывал с этой встречей более далеко идущие намерения. Он хотел согласовать общую тактику в вопросе о новом главнокомандующем сухопутными войсками. Мы встретились в моем жилище на Оберзальцберге.

Противоречия между Цейтцлером и Гудерианом очень быстро были выяснены. Разговор же сосредото-

чился на положении, которое возникло вследствие того, что Гитлер, хотя и взял на себя верховное командование армией, на деле не выполнял эту функцию: интересы сухопутных войск должны бы отстаиваться более энергично в их взаимоотношениях с двумя другими составными частями вермахта, а также с СС, высказал свою точку зрения Цейтцлер, — Гитлеру же как Верховному главнокомандующему всего вермахта полагалось бы быть более беспристрастным. Главнокомандующий сухопутными войсками, дополнил его Гудериан, просто обязан поддерживать тесный личный контакт с командующими армиями, отстаивать потребности своего рода войск, а также решать коренные вопросы материально-технического снабжения. У Гитлера же — и здесь оба собеседника были совершенно едины — нет для такого реального представительства интересов сухопутных войск ни времени, ни склонности. Он назначает и смещает генералов, которых едва знает. Выверенную же кадровую политику может проводить только тот главнокомандующий, который постоянно общается со своими офицерами. В армии хорошо известно, продолжал Гудериан, что в обоих других родах войск, в люфтваффе и ВМФ, Гитлер отдал кадровую политику полностью на усмотрение их главнокомандующих, как и Гиммлеру. Только в армии почему-то по-другому.

Каждый из нас изъявил готовность завести при удобном случае с Гитлером речь о назначении нового верховного главнокомандующего сухопутных сил. Уже самые первые и осторожные намеки, которые Гудериан и я сделали независимо друг от друга, натолкнулись на исключительно жесткую реакцию уязвленного Гитлера. Тогда я не знал, что чуть ранее зондаж в этом же направлении предприняли фельдмаршалы фон Клюге и фон Манштейн. Гитлеру должно было показаться, что намечается заговор.

Время, когда Гитлер охотно откликался на все мои кадровые и организационные пожелания, уже отошло в прошлое. «Тройка» (Борман, Ламмерс и Кейтель) прила-

гала усилия не допустить дальнейшего расширения моей власти, даже если это и диктовалось интересами наращивания военного производства. Против совместной инициативы, моей и Деница, в пользу передачи под мое ведение и производства вооружения для военноморского флота они, впрочем, не смогли привести каких-либо убедительных доводов.

С Деницем я познакомился сразу же по вступлении в должность, когда он был командующим подводным флотом. Он принял меня в Париже. Общие заботы при строительстве крупной базы подводных лодок на Атлантическом побережье сблизили Деница и меня в последующие месяцы. Главнокомандующий ВМФ Редер, казалось, без удовольствия наблюдал за этим. Без лишних слов он запретил Деницу обсуждать напрямик со мной технические вопросы.

В конце 1942 г. очень удачливый капитан подводной лодки Шютце рассказал мне о серьезных раздорах между морским командованием в Берлине и Деницем: среди подводников поговаривают о том, что вскоре их командующий будет смещен. Еще через несколько дней я узнал от статс-секретаря Наумана, что цензор, отвечающий за флот в Министерстве пропаганды, вымарал имя Деница на всех фотографиях для прессы, запечатлевших совместную инспекционную поездку Редера и Деница.

Когда в начале января я был в ставке, Гитлер был очень раздражен сообщениями зарубежной печати о морском сражении, о котором руководство ВМФ проинформировало его в очень общих чертах. Как-то незаметно он перевел разговор на возможности рационализации производства подводных лодок, а затем стал спрашивать о причинах моего неудовлетворительного сотрудничества с Редером. Я доложил ему о запрете согласовывать технические вопросы с Деницем, об опасениях подводников относительно судьбы их командующего, о цензуре фотографий. Наблюдая за Борманом, я к этому времени уже понял, что у Гитлера срабатывает

только очень осторожно подогретое недоверие. Попытки же любого прямого воздействия оказывались бесперспективными, потому что Гитлер отказывался принять решение, если ему начинало казаться, что оно ему навязано. Поэтому я только слегка дал понять, что с помощью Деница могут быть устранены все препятствия на пути наших планов выпуска подводных лодок. Я, действительно, хотел добиться смещения Редера. Но, зная, насколько Гитлер цепляется за старых сотрудников, я не питал преувеличенных надежд.

30 января Дениц был произведен в гросс-адмиралы и одновременно назначен главнокомандующим ВМФ. Редер же стал адмирал-инспектором флота, что гарантировало ему не более чем торжественные похороны за счет государства.

Дениц сумел до самого конца войны, благодаря профессиональной решительности и технической грамотности, оградить флот от импровизационного вмешательства Гитлера. Теперь я с ним встречался довольно часто для обсуждения программы строительства подлодок. А началось это тесное сотрудничество с диссонанса. Не запросив моего мнения, Гитлер после первого же доклада Деница перевел все виды морского вооружения в категорию высшей срочности, тогда как за три месяца до этого, 22 января 1943 г., абсолютно приоритетной была определена расширенная танковая программа. Естественно, что обе программы оказались в состоянии конкуренции. Мне не понадобилось, правда, входить к Гитлеру с запросом, потому что Дениц прежде, чем дело дошло до острых столкновений, понял, что он больше выиграет от сотрудничества с мощным аппаратом вооруженческой промышленности, чем от заверений Гитлера. Мы вскоре достигли соглашения о передаче морского вооружения моей организации. При этом я дал гарантию, что отстаиваемая Деницем флотская программа будет выполняться: вместо ежемесячного выпуска двадцати небольших подводных лодок с общим водоизмещением 16 тыс. тонн отныне должны были

производиться сорок субмарин с водоизмещением свыше 50 тыс. тонн. Кроме того, мы договорились удвоить число поставляемых промышленностью минных тральщиков и катеров.

Дениц заявил мне, что только освоением совершенно нового класса подводных лодок можно предотвратить полное угасание подводной войны. Флот намеревается перейти от прежнего типа «надводного судна», которое изредка погружается под воду, к лодкам с оптимальной гидродинамической формой, которые за счет удвоения мощности электрических двигателей и кратного увеличения емкости аккумуляторов обладали бы гораздо большими крейсерскими скоростями и радиусом подводного действия.

Как всегда в подобных случаях, самым главным было найти для этой программы подходящего руководителя. Мой выбор остановился на швабе Отто Меркере, отлично себя до этого зарекомендовавшем в производстве пожарных автомашин. Это было вызовом всем инженерам-кораблестроителям. 5 июля 1943 г. Меркер представил морскому командованию свою новую систему производства. Как это уже делалось при серийном выпуске кораблей американской фирмой «Кайзер», впредь подводные лодки, точнее — их отдельные сектора, должны были, включая всю механическую и электрическую часть, полностью монтироваться внутри страны с тем, чтобы затем сухопутным или водным путем транспортироваться на побережье и там в очень сжатые сроки соединяться друг с другом. Тем самым мы обходили узкое место — верфи, которые блокировали всякое дальнейшее расширение программы строительства флота. В заключение этого совещания Дениц, почти растроганный, произнес: «Этим начинается новая жизнь».

В начале у нас не было ничего, кроме четкого представления о внешнем виде новых подводных лодок. Для их разработки и детального конструирования была учреждена особая комиссия разработчиков, руководство которой, вопреки традиции, осуществлял не кто-нибудь

из ведущих инженеров, а адмирал Топп, выделенный для этих целей Деницем. Не понадобились и обычные в таких случаях долгие споры о разграничении компетенций. Сотрудничество между адмиралом и Меркером наладилось так же безупречно гладко, как у меня с Деницем.

Точно через четыре месяца после первого заседания комиссии, 11 ноября 1943 г., были готовы все чертежи, а еще месяц спустя мы с Деницем, спустившись в корпус, уже смогли осмотреть изготовленный из дерева макет новой субмарины водоизмещением в 16 тыс. тонн. Еще во время работы над чертежами главный комитет по кораблестроению размещал заказы в промышленности — метод, успешно опробованный нами при налаживании производства танков типа «Пантера». Это позволило нам уже в 1944 г. передать подводникам для испытаний первые подводные лодки с новыми характеристиками. Наше обязательство выдавать по сорок судов ежемесячно мы бы, несмотря на общую катастрофическую ситуацию, в начале 1945 г. выполнили, если бы не уничтожение в результате воздушных налетов трети всех лодок еще на верфях.

Тогда Дениц и я часто задавались вопросом, что нам мешало перейти к новому классу подводных лодок значительно раньше. Ведь не были применены какие-либо особые технические новинки, принципы конструкции были известны уже много лет. Специалисты уверяли, что с вводом в строй этой модели в подводной войне открылась бы новая победная страница. После войны это подтвердил американский ВМФ, включивший этот тип подлодок в свою программу.

Через три дня после подписания Деницем и мной общей директивы относительно новой военно-морской программы, 26 июля 1943 г. я получил от Гитлера согласие на подчинение ее моему министерству. По тактическим соображениям я обосновывал это требование теми перегрузками, которые сразу же возникли в связи с программой для ВМФ и других возложенных Гитлером

задач. С переводом крупных предприятий легкой промышленности на военное производство, так я аргументировал Гитлеру, нам должны быть переданы не только 500 тыс. рабочих, но и их оборудование, их административные и конструкторские штабы, т.е. они должны подключиться к реализации срочных военных программ как целостные производственные единицы. Тем временем большинство гауляйтеров воспротивились подобной реорганизации. Министерство экономики оказалось слишком маломощным, чтобы преодолеть это сопротивление.

После необычайно длительной процедуры, по ходу которой всем причастным имперским министрам и иным инстанциям четырехлетнего плана предлагалось высказать свои замечания, Ламмерс созвал 26 августа министров на заседание в зале Имперского кабинета. Во многом благодаря великодушию Функа удалось добиться единодушия в том, что впредь в ведение моего министерства передается все военное производство. Волею-неволей Ламмерс должен был пообещать информировать Гитлера через Бормана об этом решении. Еще через несколько дней Функ и я поехали в ставку фюрера, чтобы заручиться его окончательным одобрением.

Велико же было мое удивление, когда Гитлер в присутствии Функа прервал мои пояснения к закону и раздраженно заявил мне, что он должен пресечь дальнейшие комментарии. Всего несколько часов тому назад Борман предостерегающе обратил его внимание на то, что я попытаюсь сегодня склонить его к подписанию документа, который не согласован ни с Имперским министром Ламмерсом, ни с рейхсмаршалом. Он не позволит подобным образом втягивать себя в наши сопернические игры. Когда же я попробовал разъяснить, что Ламмерс в полном соответствии со своим рангом Имперского министра заручился согласием статс-секретаря Геринга по четырехлетке, он снова и необычно резким образом оборвал меня: «Я счастлив, что по крайней мере в лице Бормана у меня есть верный Экехарт».

В словах недвусмысленно слышалось обвинение в намерении ввести его в заблуждение.

Функ передал этот эпизод Ламмерсу. Из ставки мы направились навстречу Герингу, который в своем салон-вагоне направлялся туда из своего охотничьего заповедника в оминтенской пустоши. Поначалу Геринг был в раздражении; совершенно очевидно, ему дали тоже одностороннюю информацию и предостерегли от нас. Но благодаря любезному красноречию Функа все же удалось, в конце концов, сломать лед и пройтись пункт за пунктом по всему проекту закона. Геринг, казалось, со всем согласился, после того как было добавлено предложение: «Полномочия рейхсмаршала Великой германской империи в качестве ответственного за четырехлетний план сохраняются в полном объеме». Ограничение для реальной практики совершенно несущественное, тем более что большинство важнейших разделов четырехлетки все равно через «Центральное планирование» уже управлялись мной.

В знак своего согласия Геринг подписал наш проект и известил Ламмерса по телеграфу, что теперь все возражения сняты. После этого и Гитлер был готов подписать законопроект, который и был ему представлен 2 сентября. Из Имперского министра по производству вооружений и боеприпасов я стал Имперским министром по производству вооружений и военной продукции.

Опьянение первых месяцев, в которое меня ввергли создание новой организации, успех, признание, скоро уступило место времени забот и все усложняющихся проблем. Обеспокоенность вызвалась не только нехваткой рабочих рук, нерешавшимися вопросами снабжения и придворными интригами. Воздушные налеты британской авиации заставляли меня забыть о Бормане, Заукеле и «Центральном планировании». В то же время

они способствовали росту моего престижа, потому что, несмотря на причиняемый ущерб, производили мы все же не меньше, а больше.

Эти налеты обрушили войну в наш быт. В горящих и опустошенных городах мы день за днем на себе чувствовали войну во всей ее реальности, и это побуждало нас к предельному трудовому напряжению.

Не сломили они и волю к сопротивлению народа. Напротив, из посещений заводов, из контактов с простыми людьми я скорее вынес впечатление о растущем ожесточении. Не исключаю, что потери 9% продукции, как мы их оценивали, были с лихвой компенсированы трудовыми усилиями.

Наиболее чувствительные потери возникли вследствие крупномасштабных мер противовоздушной обороны. 10 тыс. тяжелых зенитных орудий устали в 1943 г. в небо Рейха и оккупированных западных территорий. А ведь их можно было бы использовать в России против танков и иных наземных целей. Без второго, воздушного фронта над нашей родиной наша противотанковая мощь, уже только имея в виду одни боеприпасы, примерно удвоилась бы. К тому же она отвлекала сотни тысяч молодых солдат. Треть оптико-механической промышленности была занята выполнением заказов для приборов наведения противозенитных батарей, в продукции электротехнической промышленности до половины объема занимали радарные установки и приборы связи и оповещения ПВО. Поэтому обеспечение наших фронтовых частей современной аппаратурой, несмотря на высокий уровень развития немецкой промышленности электрооборудования и оптики, было много хуже, чем в вооруженных силах Запада.

Представление о том, какие трудности на нас надвигаются уже в следующем году, мы получили в ночь с 30 на 31 мая 1942 г. во время налета англичан на Кельн, когда они, собрав все силы, задействовали 1046 бомбардировщиков.

По чистой случайности на следующее утро Мильх и я были вызваны к Герингу, пребывающему на этот раз не в Каринхалле, а в замке Фельденштайн во франконской Швейцарии. Рейхсмаршала мы застали в дурном расположении духа. Он не желал признать достоверность донесений о бомбардировке. «Такое количество бомб просто невозможно сбросить за одну ночь, — рычал он на своего адъютанта. — Свяжите меня с гауляйтером Кельна». Мы стали свидетелями абсурдного телефонного разговора.

— Доклад вашего полицей-президента — вонь и ложь!

Гауляйтер, по-видимому, возражал.

— А я вам говорю как рейхсмаршал, что сообщенные цифры просто немыслимо высоки. Как мы можем докладывать нашему фюреру подобные фантазии?!

Насколько можно было судить, гауляйтер на другом конце провода стоял на своем.

— Как вы думаете считать зажигалки? Ведь ваши цифры — всего лишь оценка. А я еще раз повторяю вам, что они во много раз завышены. Все неверно! Немедленно же скорректируйте ваши цифры в донесении фюреру. Вы что, хотите сказать, что я вру?! Я уже отправил фюреру свое донесение с настоящими цифрами. И они окончательные!

Тремя днями позднее я был в ставке. Возбуждение, вызванное налетом на Кельн, еще не улеглось. Я рассказал Гитлеру о странном телефонном разговоре между Герингом и гауляйтером Гроз. Конечно, я высказал предположение, что данные Геринга, вероятно, ближе к истине, чем сообщенные гауляйтером. Но у Гитлера уже сложилось свое мнение на сей счет. Он предъявил Герингу информацию вражеской прессы о численности бомбардировщиков и сброшенных бомб. Они были еще выше, чем в донесении кельнского гауляйтера. Гитлер был страшно возмущен тактическим финтом Геринга, но частично возлагал вину и на штаб люфтваффе.

На следующий день он принял Геринга как обычно, и вопрос этот не затрагивался.

Уже 20 сентября 1942 г. я обратил внимание Гитлера на то, что из-за прекращения поставок танков с завода в Фридрихсхафене и подшипников из Швейнфурта мы окажемся в трудном положении. Гитлер приказал создать вокруг этих городов усиленную противовоздушную оборону. Уже в 1943 г. можно было бы внести перелом в ход войны, если бы, как мне это стало ясно довольно рано, перейти от малоосмысленных бомбардировок по огромным площадям к концентрированным налетам на центры оборонной промышленности. 11 апреля 1943 г. я предложил Гитлеру поручить группе промышленников определить в качестве первоочередных целей важные для советской экономики объекты энергетики. Но через месяц не мы, а британская авиация предприняла первую попытку решительно повлиять на ход войны нанесением одного уничтожающего удара по центральному нервному узлу военной промышленности в расчете на эффект прогрессирующего паралича. Ведь можно привести в негодность мотор, вытащив всего-навсего какую-нибудь малюсенькую деталь. 17 мая 1943 г. девятнадцать бомбардировщиков британских королевских ВВС предприняли попытку уничтожением плотин в Рурской области вывести из строя оплот нашей промышленности вооружений.

Доставленное мне ранним утром донесение было чрезвычайно тревожным. Крупная плотина, перекрывающая долину Мене, была разрушена, и вода вырывалась наружу. О трех других плотинах информации пока еще не поступало. На рассвете мы приземлились на аэродроме в Верле, успев с воздуха посмотреть на картину разрушений. Электростанция у подножья разрушенной плотины, со всем ее тяжелым оборудованием, была начисто сметена. Поток затопил долину Рура.

Внешне незаметным, но тяжким следствием наводнения оказался выход из строя насосных станций во всей долине Рура — они были забиты песком и илом.

Промышленность замерла, под угрозой оказалось водоснабжение населения. Мой доклад, почти немедленно же направленный в ставку, «произвел на фюрера, — как это зафиксировал дневник ставки, — сильное впечатление. Документы им оставлены у себя».

Англичанам все же не удалось разрушить три оставшиеся плотины, что повлекло бы почти полную остановку системы водоснабжения всей Рурской области на летние месяцы. Самая высокая из них, в Зорпетале, пострадала от прямого попадания. Я в тот же день побывал там. Пролом от попадания оказался, к счастью, чуть выше уровня водоема. Еще бы на несколько сантиметров глубже — и небольшой сочащийся ручей превратился бы в ревущий поток, который смел бы насыпную, из земли и скальных глыб, плотину. Этой ночью англичане, совершившие налет всего несколькими бомбардировщиками, были близки к гораздо более крупному успеху, чем все предыдущие налеты тысяч самолетов. Они допустили всего одну, до сих пор непостижимую для меня ошибку: они разделили свою эскадру бомбардировщиков и тогда же уничтожили плотину в Эдертале, отстоявшую на семьдесят километров и не имевшую ни малейшего значения для снабжения Рура водой.

Уже через несколько дней 7 тыс. рабочих, переброшенных мною со строительства Атлантического вала, принялись за восстановительные работы на плотинах Мене и Эдер. До начала осенних дождей, 23 сентября 1943 г. брешь в плотине Мене, подводной глубиной в 22 м и надводной высотой в 77 м, была перекрыта. Поэтому удалось накопить осенне-зимние осадки для нужд будущего лета. В ходе ремонтных работ английская авиация упустила свой второй шанс: достаточно было всего нескольких бомб, чтобы разрушить видные издалека стройплощадки, а попадание нескольких зажигалок спалило бы дотла строительные леса и опалубки.

После таких уроков я все время спрашивал себя и других, почему наши ВВС с их существенно сократившимися возможностями не предпринимают таких же

точечных высокоэффективных налетов? В конце мая 1943 г., через две недели после акции англичан, я повторил Гитлеру свое предложение о создании рабочего штаба, который бы отобрал наиболее важные цели в индустриальном потенциале противника. Как это часто и бывало, Гитлер заколебался: «Мне представляется малоперспективным пытаться убедить Генеральный штаб ВВС в целесообразности привлечения для консультаций по выбору целей коллег из мира промышленности. Я уже неоднократно обращал на это внимание генерала Ешоннека. Ну, — закончил он как-то неопределенно, — попробуйте как-нибудь сами переговорить с ним об этом». Было ясно, что Гитлер не собирался сказать свое веское слово: ему недоставало понимания решающего смысла подобных операций. Вне всякого сомнения, он уже ранее, между 1939 г. и 1941 г., упустил свой шанс, когда бомбил английские города без всякой увязки с войной подводных лодок; тогда следовало бы нанести удары прежде всего по тем английским верфям, производственные возможности которых из-за необходимости обеспечения конвоирования транспортных судов уже были на пределе. И вот теперь он снова не уловил шанс. Да и англичане так же безголово действовали, если не считать того единственного удара по плотинам.

Несмотря на скепсис Гитлера и вполне сознавая свое бессилие повлиять на стратегию люфтваффе, я все же не сдался. 23 июня я сформировал из экспертов-индустриалов комиссию по определению приоритетных целей для воздушных налетов. Наша первая рекомендация касалась британской угледобывающей промышленности, о которой в специальной литературе были исчерпывающие данные — основные центры, местоположение, производственные мощности и пр. Но рекомендация эта опоздала года на два: у нас уже не было сил для подобных операций.

Учитывая это, следовало бы принять другое совершенно очевидное решение — ударить по русским элек-

тростанциям. Как показывал опыт, в этом случае можно было не опасаться отпора ПВО. Кроме того, энергетическое хозяйство СССР имело одну структурную особенность. Тогда как на Западе в ходе поступательного промышленного развития сложилась система, связывающая воедино многие электростанции средней величины, в Советском Союзе были, по преимуществу в комплексе с широко раскинувшимися промышленными центрами, возведены гигантские электростанции. Основная часть всего электроснабжения Москвы, к примеру, обеспечивалась единственной электростанцией в верховьях Волги. В то же время, согласно полученной нами информации, в советской столице было сосредоточено до 60% производства необходимых деталей для оптического и электротехнического оборудования. Разрушением всего нескольких электростанций на Урале можно было бы парализовать выплавку стали и выпуск танков и боеприпасов. Прямое попадание в турбины или в трубы подачи к ним воды обрушило бы такие водные массы, что разрушительный эффект был бы во много раз больше, чем от несчетного количества бомб. А так как советские электростанции сооружались часто с привлечением немецких фирм, то мы могли получить о них весьма точные сведения.

26 ноября Геринг отдал приказ придать 6-му воздушному корпусу под командованием генерал-лейтенанта Рудольфа Майстера бомбардировщики дальнего действия. В декабре соединения были сосредоточены под Белостоком. Мы изготовили из дерева макеты электростанций для тренировки летчиков. В начале декабря я поставил Гитлера в известность о том, что Мильх сообщил начальнику штаба люфтваффе Гюнтеру Кортену, с которым у него были дружеские отношения, о наших планах. 4 февраля я писал последнему: «Еще и сегодня налицо благоприятные перспективы воздушных операций против Советского Союза... Я определенно надеюсь, что это (имелись в виду налеты на электростанции в районе Москва — Верхняя Волга) может оказать серьез-

ное воздействие на боеспособность Советов». Успех, как и всегда в подобных случаях, зависел от нескольких случайных факторов. Конечно, я не верил, что успех бомбардировок будет иметь решающее значение. Но я все же надеялся, как я и отметил в письме Кортену, на такое ослабление наступательного потенциала русских, который, даже и с учетом американских поставок, смог бы быть компенсирован лишь через несколько месяцев.

И снова мы опоздали на два года. Зимнее наступление русских заставило нас отступать, положение складывалось критическое. Гитлер, как и вообще нередко в тяжелых ситуациях, обнаруживая поразительную близорукость, заявил мне в конце февраля, что «корпусу Майстера» приказано уничтожить железнодорожные линии, чтобы затруднить русским снабжение их передовых частей. Мои возражения, что в России почва сильно промерзает и что бомбежки дадут лишь весьма поверхностный эффект, абсолютно не возымели действия. «Корпус Майстера» потратил все свои силы на бессмысленные вылеты, будучи, естественно, не в состоянии сковать оперативные передвижения русских.

Остатки интереса Гитлера к идее точечной стратегии были окончательно поглощены его неизбывной жадой возмездия Великобритании. И после гибели «корпуса Майстера» у нас все еще было достаточно бомбардировщиков для реализации подобных планов. Гитлер был охвачен иллюзорными надеждами на то, что несколько массированных налетов на Лондон заставят англичан отказаться от агрессивных налетов на Германию. Только поэтому он еще и в 1943 г. настаивал на конструировании и производстве новых тяжелых бомбардировщиков. Соображение, что для них мы могли бы подобрать куда более важные цели на востоке, не производило на Гитлера ровного никакого впечатления, хотя изредка, даже еще и летом 1944 г., он и соглашался с моими доводами. Он, как и наш штаб ВВС, были не в состоянии повести воздушную войну в соответствии с новыми тех-

нологическими, а не устаревшими узковоенными установками.

Пока я все еще старался обосновать перед Гитлером и Генеральным штабом люфтваффе выбор более стратегически важных целей, западный противник провел за неделю с 25 июля по 2 августа пять мощных налетов на один и тот же крупнейший центр — Гамбург. Операция эта противоречила всем тактическим соображениям и все же имела катастрофические для нас последствия. Первые же налеты вывели из строя городской водопровод, и пожарные команды ничего не могли сделать при всех последующих налетах. Возникали огромные пожары. Загорался асфальт улиц. Люди погибали от удушья в подвалах или обугливались на улицах. Последствия этой серии налетов можно было сравнить только с катастрофическим землетрясением. Гауляйтер Кауфман снова и снова призывал по телеграфу Гитлера посетить город. Не добившись успеха, он предложил, чтобы Гитлер принял делегацию от особенно отличившихся спасательных команд. Но и это было отклонено.

В Гамбурге впервые разыгралось то, что Геринг и Гитлер замыслили для Лондона в 1940 г. Как-то за ужином в Рейхсканцелярии Гитлер сам себя взвинчивал до пьянящей ярости всеразрушения: «Вы когда-нибудь рассматривали карту Лондона? Он так плотно застроен, что достаточно одного большого пожара для уничтожения всего города, как это более 200 лет назад уже и было. Геринг берется массированным применением зажигательных бомб нового типа вызвать пожары в самых различных частях города. Повсюду пожары. Тысячи пожаров! Затем они сливаются в один огненный смерч. Идея Геринга совершенно правильная: осколочными снарядами тотального разрушения Лондона не достичь, а зажигалками — можно! Ну что они смогут со своими пожарными службами, когда это начнется?»

Гамбург встревожил меня в высшей степени. На заседании «Центрального планирования» 29 июля я рассуждал: «Если воздушные налеты такого масштаба будут

повторяться, то через три месяца мы будем избавлены от массы вопросов, о которых мы сегодня еще спорим. И мы проведем тогда заключительное заседание «Центрального планирования». Через три дня я поставил Гитлера в известность, что производство вооружений разваливается, и одновременно заявил ему, что воздушные налеты такого размаха на любые шесть других крупных городов вообще положат ему конец. Он выслушал это без всякой внешней реакции: «Но вы приведете все это в порядок», — были его единственные слова.

И верно, Гитлер оказался прав, мы привели все в порядок — но благодаря не нашей центральной организации, которая при всем желании могла давать только общие распоряжения, а отчаянным усилиям самих пострадавших, прежде всего самих рабочих. На наше счастье, серия налетов такой ожесточенности, как на Гамбург, больше не повторялась. Противник тем самым дал нам возможность извлечь уроки и приспособливаться к характеру его действий.

Следующий тяжелый удар должен был постичь нас 17 августа 1943 г., две недели спустя после Гамбурга. В воздух поднялся американский воздушный флот для первой своей стратегической воздушной операции. Ее целью были крупные заводы шарикоподшипников в Швейнфурте. Их производство и без того было узким местом, сковывавшим наши усилия по наращиванию вооружений.

Однако уже при этом первом налете противник допустил просчет. Вместо того чтобы сосредоточиться на шарикоподшипниковых заводах, соединение из 376 «летающих крепостей» разделилось, и 146 самолетов атаковали одновременно сборочный авиационный завод в Регенсбурге, вполне удачно, но с незначительными последствиями. Нас продолжало спасать то, что английская авиация по-прежнему беспорядочно бомбила другие города.

Выпуск для военной техники особенно важных шарикоподшипников калибра от 6,4 см до 24 см сократился на 38%.

Несмотря на большую уязвимость Швейнфурта, нам пришлось налаживать производство шарикоподшипников там же. Эвакуация привела бы к полной остановке производства на три-четыре месяца. Наше тяжелое положение не позволяло переместить производство шарикоподшипников, хотя противнику было известно их местоположение.

В июне 1946 г. Генеральный штаб британского Королевского воздушного флота запросил моего мнения о возможных последствиях налетов на шарикоподшипниковые заводы. Я ответил следующим образом: «Производство военной продукции снизилось бы в следующие два месяца и было бы полностью парализовано в четыре месяца при условии:

1. если бы удар был нанесен одновременно по всем заводам шарикоподшипников (Швейнфурт, Штейр, Эркнер, Канштат, а также во Франции и Италии);

2. если бы налеты, независимо от фотосъемок результатов бомбардировки, были бы повторены три-четыре раза с интервалом в две недели;

3. если бы после этого каждые два месяца на протяжении полугода массированными налетами были бы исключены всякие восстановительные работы».

После нанесенного нам первого удара мы смогли справиться с величайшими трудностями только потому, что мы пустили в ход запасы шарикоподшипников со складов вермахта, хранившиеся там для ремонта техники. Кроме того, мы использовали шарикоподшипники, проходившие обкатку. После обкатки, требующей шести-восьми недель, скудная продукция, нередко даже просто в рюкзаках, доставлялась на сборочные заводы. Не додумался ли противник, тревожно спрашивали мы себя в те дни, до такой стратегии, которая позволила бы ему периодическими разрушениями всего каких-то пя-

ти-шести небольших объектов парализовать тысячи заводов вооружений?

Второй удар последовал лишь спустя два месяца. 14 октября 1943 г. мы обсуждали с Гитлером проблемы производства вооружений в его восточнопрусской ставке, когда нас прервал Шауб: «С вами хочет срочно переговорить рейхсмаршал. У него на этот раз радостная весть!» Как нам тут же передал Гитлер, новый налет на Швейнфурт закончился большой победой нашей противоздушной обороны. Вся местность усыпана американскими бомбардировщиками. Обеспокоенный, я попросил у Гитлера разрешения прервать совещание, чтобы я сам мог немедленно же позвонить в Швейнфурт. Но все линии были повреждены, не отвечал ни один завод. С помощью полиции мне все же удалось связаться с мастером одного из предприятий. «Все заводы, — сказал он мне, — потерпели тяжелые разрушения». Масляные ванны вызвали сильные пожары в цехах. Поэтому ущерб много больше, чем от первой бомбардировки. На тот раз мы потеряли от нашего шарикоподшипникового производства (калибра 6,4 см и до 24 см) 67%.

Первым, что я сделал после этого второго налета, было назначение одного из моих самых энергичных сотрудников, генерального директора Кесслера, уполномоченным по производству шарикоподшипников. Резервы наши были опустошены. Попытки закупить подшипники в Швеции и Швейцарии оказались малоуспешными. И все же нам удалось избежать полной катастрофы тем, что мы стали, где это только было возможно, применять подшипники скольжения. Ну, и не в последнюю очередь благодаря тому, что противник снова, к нашему недоумению, приостановил свои налеты на заводы шарикоподшипников.

В феврале 1944 г. картина изменилась. На протяжении четырех суток по два раза подверглись налетам Швейнфурт, Штейр и Канштат. Затем снова — Эркнер, Швейнфурт и опять Штейр. Всего за шесть недель наше

производство шарикоподшипников калибра 6,4 см упало до 29% прежнего объема.

Но с начала 1944 г. налеты на объекты шарикоподшипникового производства снова неожиданно прекратились. Из-за своей непоследовательности неприятель опять выпустил успех из своих рук. Если бы в марте — апреле он продолжил свои бомбардировки с той же интенсивностью, нам очень скоро пришел бы конец. А так ни один танк, ни один самолет, ни какое-либо иное изделие промышленности вооружений не выпало из производства, хотя объем нашей продукции с июля 1943 г. по апрель 1944 г. возрос на 17%. В нашей области, казалось, находил себе подтверждение тезис Гитлера, что можно сделать невозможное и что все мрачные прогнозы и опасения слишком преувеличены.

Только после войны я узнал, чем объяснялось странное поведение противника: в штабах ВВС полагали, что в гитлеровском государстве все важнейшие виды производств были незамедлительно эвакуированы из городов, подвергавшихся наибольшей угрозе. 19 декабря 1942 г., т.е. за восемь месяцев до первого налета на Швейнфурт, я специальной директивой для всех предприятий оборонной промышленности приказал: «Нарастающая сила воздушных налетов противника вынуждает нас принять неотложные меры для передислокации производств, имеющих особо важное значение для выпуска вооружений». Но этому сопротивлялись со всех сторон. Гауляйтеры противились размещению в их городах производств, опасаясь нарушения их почти мирного покоя, руководители моих самых ответственных видов производства, со своей стороны, не хотели подвергать себя каким-либо неудобствам политического свойства. Так что почти ничего не было сделано.

После второго налета на Швейнфурт 14 октября 1943 г. снова было решено часть подлежащих восстановлению производственных цехов, участков рассредоточить по близлежащим деревням, другую часть — в еще пока безопасные города на востоке Германии. Это были

меры предосторожности на будущее, но упорство, с которым со всех сторон сопротивлялись этим планам, оказалось неожиданно сильным. Затем в январе 1944 г. обсуждался вопрос о размещении подшипникового производства в пещерах, а в августе мой уполномоченный по подшипникам сетовал, что столкнулся с «трудностями при пробивании строительства для перемещения производства подшипников».

Вместо того чтобы стремиться парализовать сквозные производственно-технические связи и зависимости, Королевские ВВС повели воздушную войну против Берлина. 22 ноября, когда я проводил в своем кабинете совещание, примерно в 19.30 была объявлена тревога. Когда звенья самолетов появились над Потсдамом, я прервал совещание, чтобы поспешить в расположенную поблизости башню с зенитной батареей, с площадки которой я, как это чаще всего и бывало, наблюдал за налетом. Едва я поднялся наверх, как пришлось тут же искать укрытия, потому что мощные взрывы, несмотря на толщину стен, сотрясали башню. На меня сверху напирали контуженные зенитчики, которых взрывной волной швырнуло на стены, многие были ранены. В течение двадцати минут разрыв шел за разрывом. В помещении башни сверху сквозь клубы бетонной пыли, сыпавшейся со стен, была видна плотно сбившаяся толпа людей. Когда бомбовый град миновал, я отважился снова обратиться на площадку — находящееся совсем рядом мое министерство превратилось в один сплошной колоссальный пожар. Я сразу же поехал туда. Несколько секретарш со шлемами на головах пытались спасти папки с бумагами, а поблизости то и дело взрывались бомбы замедленного действия. Там, где был мой кабинет, я увидел только огромную воронку.

Налеты на Берлин, увиденные с этой площадки, являли собой незабываемое зрелище. И нужно было все время помнить о жестокой реальности, чтобы совсем не очароваться им: иллюминация осветительных парашютов, прозванных берлинцами «рождественскими елка-

ми»; затем вспышки взрывов, исчезающие в клубах и пламени пожаров; волнующая игра несчетных прожекторов, бороздящих небо: вот они высветили самолет, а тот пытается вырваться из слепящего плена, секундная вспышка, если в него удавалось попасть... Этот апокалипсис разворачивался, как грандиозное представление.

Как только самолеты улетали, я на своей машине сразу же отправлялся в те концы города, которые подверглись особенно сильным ударам с воздуха и где находились важные заводы. Мы ехали по только что разбомбленным, засыпанным щебнем улицам, дома полыхали. Уцелевшие жильцы сидели и стояли перед руинами, какая-то спасенная мебель и пожитки валялись на тротуарах. Тяжелый воздух от удушающего дыма, копоти и огня. Многими овладевало странное, истерическое веселье, хорошо известное по описаниям катастроф. Над городом нависало сплошное облако дымов и пожарищ. И даже в дневное время все казалось каким-то фантастическим и ночным.

Не раз я пытался передать Гитлеру эти впечатления. Но всякий раз он, едва я успевал начать, перебивал меня вопросом: «Кстати, Шпеер, сколько танков вы сможете дать в следующем месяце?»

Через четыре дня после разрушения моего министерства, 26 ноября 1943 г., после очередного массированного налета на Берлин тяжелые пожары охватили наш ведущий танковый завод «Алькет». Одному из моих сотрудников Зауру пришла мысль позвонить по еще действующей линии напрямик в ставку и попросить их связаться с пожарными, минуя таким образом разрушенный главный почтамт Берлина. Так о пожаре узнал и Гитлер и, не запрашивая никаких дополнительных данных, отдал распоряжение о немедленном стягивании к пострадавшему заводу всех пожарных команд, даже из отдаленных пригородов.

Тем временем и я подроспел на «Алькет». Основная часть главного цеха хотя и сильно обгорела, но сам по-

жар уже был потушен. Во исполнение приказа Гитлера мне представлялись для рапорта командиры все новых и новых прибывающих пожарных подразделений, даже из таких неблизких городов как Бранденбург, Ораниенбург или Потсдам. А так как прибывшие по личному приказу фюрера пожарные не могли быть даже мной отправлены на тушение других, очень сильных пожаров, то к утру все улицы заводской округи были забиты празднующими пожарными частями, в то время как в других районах города распространялся, не встречая никакого сопротивления, огонь.

Чтобы еще энергичнее вовлечь своих сотрудников в проблемы авиации, мы с Мильхом организовали в сентябре 1943 г. специальную конференцию в испытательном центре люфтваффе в Рехлине, на берегу Мюрицзее. Мильх и его специалисты выступили среди всего прочего и с докладами о программах авиационной техники у противника. Они продемонстрировали нам тип за типом планшеты с изображениями новейших самолетов, но прежде всего — графические кривые роста производства самолетов противника в сравнении с нашими возможностями. Больше всего нас напугали данные о многократном увеличении выпуска четырехмоторных бомбардировщиков для дневных операций. Выходило, что все уже пережитое нами — всего лишь прелюдия.

Естественно возник вопрос, насколько Гитлер и Геринг осведомлены об этих новейших данных. Мильх с горечью сказал мне, что уже не один месяц он тщетно пытается добиться того, чтобы его эксперты по вооружениям противника могли бы сделать доклады Герингу. Но тот и слышать об этом не желает. Я также неизменно терпел поражение, сколько ни пытался привлечь внимание Гитлера к этой информации: «Не дайте ввести себя в заблуждение! Все это направленная дезинформация. А эти пораженцы из военно-воздушного министерства, конечно, попадают на эту удочку!» Такими отговорками он отметал все предупреждения еще и зимой 1942 г.

Ни на йоту не изменил он своего отношения и теперь, когда в горы щебня превращались один за другим наши города.

Рост производства военной продукции работал на укрепление моего положения вплоть до осени 1943 г. После того как мы в основном исчерпали промышленные резервы Германии, я приложил немало усилий для использования потенциала других европейских стран, находившихся под нашим влиянием. Гитлер какое-то время был в нерешительности. Оккупированные восточные земли в будущем вообще подлежали дезиндустриализации, потому что, как он полагал, промышленность способствует коммунизму и вскармливает нежелательный слой интеллигенции. Но обстоятельства во всех занятых странах оказались императивнее всех гитлеровских представлений. Он практически смотрел на вещи, чтобы понять преимущества, которые для обеспечения армии вытекали из сохранения в целостности промышленности.

Франция была в этом смысле самой важной из всех завоеванных нами промышленных стран. Но до начала 1943 г. ее промышленный потенциал почти ничего нам не дал. Принудительные мобилизации Заукелем рабочей силы причинили там больше вреда, чем принесли пользы. Потому что французские рабочие, уклоняясь от них, попросту бежали со своих предприятий, немалая часть которых выпускала продукцию для наших вооружений. В мае 1943 г. я впервые пожаловался на это Заукелю, а в июле на заседании в Париже я предложил, чтобы, по крайней мере, те предприятия, которые работали на нас, были бы ограждены от набегов Заукеля.

У меня и моих сотрудников было намерение наладить в первую очередь во Франции, но также в Бельгии и Голландии, массовое производство потребительских това-

ров — одежды, обуви, текстиля, мебели для гражданского населения с тем, чтобы предприятия аналогичского профиля в Германии переориентировать на военную продукцию. Сразу же, как только в мое распоряжение в первых числах сентября перешла вся немецкая промышленность, я пригласил французского министра промышленности в Берлин. Министр Бишелонн, профессор Сорбонны, имел репутацию чрезвычайно способного и энергичного человека. Не без некоторых пререканий с Министерством иностранных дел я все же добился, чтобы его принимали как гостя немецкого правительства.

За пять дней до прибытия Бишелонна Гитлер еще раз подтвердил, что идея планирования производства в европейском масштабе им одобряется и что Франция, наряду с другими странами, должна получить равноправное представительство. И Гитлер, и я исходили из того, что Германия сохраняет за собой право решающего голоса.

17 сентября я принял Бишелонна, с которым у меня очень скоро установились неформальные, почти дружеские отношения. Мы оба были молоды, оба верили, что нам принадлежит будущее, и оба надеялись, что когда-нибудь мы исправим ошибки находящегося у власти поколения мировой войны. Я был бы готов отменить территориальное обкрадывание Франции, осуществленное Гитлером, тем более что, по моим представлениям, не столь уж и важно, где проходят государственные границы в Европе, связанные воедино совместным производством. Бишелонн и я свободно парили в этом мире мечтаний и иллюзий.

В последний день переговоров Бишелонн попросил о беседе наедине. Главой его правительства Лавалем, начал он, ему запрещено затрагивать в разговорах с вами вопрос о депортации рабочей силы из Франции в Германию. И все же — не готов ли я обсудить его? Я согласился. Он изложил свои соображения. Под конец я спросил, удовлетворяют ли его определенные защитные меры

от депортаций с французских промышленных предприятий. «Если это реально, то тогда разрешаются все мои проблемы, в том числе и в рамках только что нами согласованной программы, — с облегчением заявил он. — Но ведь это означает, и я должен сказать это совершенно честно, практически конец всяким депортациям». Это для меня было очевидно, но только таким образом я и мог что-то заполучить от французской промышленности для наших целей. Мы действовали вопреки всем правилам. Бишелонн пренебрег указанием Лавалея, а я дезавуировал Заукеля, и оба на свой страх и риск достигли соглашения с весьма серьезными последствиями.

Согласованный производственный план был выгоден для обеих сторон. Я получал дополнительные производственные мощности для выпуска военной продукции, французы же по достоинству оценили возможность производства в разгар войны потребительских товаров. По согласованию с командующим французскими войсками были определены заводы, изъятые из заукелевской практики насильственной мобилизации рабочей силы, о чем и извещали вывешенные на них охранные грамоты за моей личной подписью. А так как следовало укрепить основной костяк французской индустрии, гарантировать работу транспорта и продовольственное снабжение, под конец вне сферы Заукеля оказались почти все ведущие предприятия, общим числом в десять тысяч.

На следующей неделе я ознакомил аппарат Заукеля с достигнутыми договоренностями. Я призвал их добиваться того, чтобы французские рабочие принялись за работу на французских заводах. Их численность будет впредь засчитываться в выполненные квоты «откомандирования для нужд немецкого военного производства».

Десять дней спустя я был в ставке, чтобы своим докладом Гитлеру опередить Заукеля: было известно, что успевший первым выложить свои аргументы получал фору. В самом деле, Гитлер казался довольным

моим соглашением и заявил даже, что риск приостановки производства вследствие беспорядков или стачек вполне приемлем. Этим был почти что положен конец рейдам Заукеля во Францию. Вместо прежних ежемесячных 50 тысяч в Германию стали уже скоро депортироваться всего только 5 тысяч. Прошло несколько месяцев, и 1 марта 1944 г. Заукель с раздражением рапортовал: «Мои службы во Франции докладывают мне, что там все подошло к концу. Во всех префектурах слышишь одно и то же: министр Бишелонн заключил с министром Шпеером соглашение. Лаваль заявил мне: «Больше я не поставляю людей в Германию». Вскоре после переговоров с Бишелонном я подобным же образом стал действовать в Голландии, Бельгии и Италии.

20 августа 1943 г. Генрих Гиммлер был назначен Имперским министром внутренних дел. До этого он, хотя и был рейхсфюрером все охватывающих СС, о которых говорили как о «государстве в государстве», но как глава одной из структур полицейского типа оставался, как это ни странно, подчиненным Имперского министра Фрика.

Власть гауляйтеров, возвращаемая Борманом, вела к раздроблению власти Рейха. Сознательно заложенная Гитлером двойственность системы заключалась в том, что Борман был начальником гауляйтеров как партийных функционеров, в то же время и министр внутренних дел был их прямым начальником в государственной их ипостаси имперских комиссаров по вопросам обороны. При слабом Фрике это не сулило Борману никаких опасностей. Знатоки нашей политической сцены оценивали новое назначение Гиммлера как появление у Бормана серьезного соперника.

Я рассуждал так же и питал определенные надежды на его власть. Прежде всего я ожидал, что он, вопреки Борману, задержит прогрессирующий организационный распад единого имперского административного аппарата. Гиммлер немедленно ответил согласием на мое

предложение привлекать к ответственности строптивых гауляйтеров.

6 октября 1943 г. я выступал перед рейхс- и гауляйтерами. Отклики на мою речь показали, что налицо некий поворот. Свою задачу я видел в том, чтобы открыть глаза политическому руководству Рейха на истинное положение вещей, лишить его надежды на скорое применение нового типа сверхтяжелых ракет и дать почувствовать, что теперь уже противник диктует нам характер военного производства. Следовало, наконец, внести изменения во все еще сориентированную на мирную продукцию экономику страны, передать из шести миллионов, занятых в легкой промышленности, по меньшей мере полтора миллиона военным предприятиям, тогда как товары повседневного потребления должны впредь производиться во Франции. Я признал, что такое разделение обеспечивает Франции более благоприятные исходные позиции для послевоенного времени. «Но я считаю, — продолжал я перед словно окаменевшей аудиторией, — что если мы хотим выиграть войну, то мы и должны в первую очередь быть готовыми к жертвам».

Еще сильнее я спровоцировал гауляйтеров следующим довольно дерзким заявлением: « Попрошу вас принять к сведению, что прежняя практика самоустранения отдельных гау от закрытия предприятий легкой промышленности не может быть и не будет терпимой. Если в течение ближайших двух недель гау не последуют добровольно моему призыву, то я буду своим личным распоряжением закрывать производство. И могу вас заверить, что я преисполнен решимости добиться уважения к власти Рейха, чего бы это ни стоило! У меня есть соответствующая договоренность с рейхсфюрером СС Гиммлером, и я буду обращаться с теми гау, которые откажутся от проведения намеченных мероприятий, как они того заслуживают».

По-видимому, гауляйтеров взбудоражила не столько общая жесткая тональность речи, сколько именно эти

заключительные слова. Не успел я закончить речь, как некоторые из них с яростью набросились на меня. Предводительствуемые одним из самых старых среди них, Бюркелем, они с возбужденными криками и размахиванием рук обвинили меня в том, что я-де пригрозил им концлагерями. Чтобы внести ясность в этот пункт, я попросил председательствовавшего Бормана дать мне еще раз слово. Но Борман лишь отрицательно покачал головой. Лицемерно дружелюбно он сказал, что это излишне — нет никаких недоразумений, и все ясно.

На следующее утро я обратился к Гитлеру с просьбой сказать несколько умиротворяющих слов своим политическим соратникам. Но, как и всегда, он пощадил чувства своих старых боевых друзей. Со своей стороны, Борман проинформировал Гитлера о моей стычке с гауляйтерами. Гитлер дал мне почувствовать, что все гауляйтеры крайне возмущены, не распространяясь подробнее о причинах. Из последующего стало совершенно ясно, что в какой-то мере Борману уже удалось подорвать мой кредит доверия у Гитлера. Не теряя после этого успеха ни минуты, он стал еще энергичнее долбить в одну точку. Я сам дал ему козыри в руки. С этих пор я уже не мог с уверенностью полагаться на лояльное отношение Гитлера.

В начале ноября 1943 г. советские войска вплотную приблизились к Никополю, центру добычи марганцевой руды. Однажды мне позвонил начальник Генерального штаба Цейтцлер и взволнованно сообщил, что у него только что был очень острый спор с Гитлером — тот настаивал на сосредоточении под Никополем всех находящихся на том отрезке фронта дивизий. Без марганца, очень возбужденно доказывал Гитлер, война будет в самое ближайшее время проиграна! Шпееру не позднее чем через три месяца придется остановить производство, потому что у него нет запасов. Цейтцлер настоятельно просил о помощи. Вместо концентрации войск уместнее было бы начинать их отвод, если мы не хотим получить новый Сталинград.

Немедленно после этого разговора я связался со своими специалистами по металлургии, Рехлингом и Роландом, для выяснения положения вещей с марганцем. Спорунет, марганец — одна из важнейших добавок при варке стали, но после звонка Цейтцлера уже было вполне ясно, что «так или эдак» марганцевые шахты на юге России для нас потеряны. Мои консультации со специалистами дали потрясающе положительный результат. 11 ноября я направил телеграммы Гитлеру и Цейтцлеру: «При сохранении теперешней технологии запасов марганца в пределах Рейха хватит на двенадцать месяцев. Имперское объединение металлургических заводов гарантирует, что в случае утраты Никополя и при соответствующих изменениях технологического процесса запасов марганца достаточно на восемнадцать месяцев, при этом не наступит критического истощения резервов других легирующих добавок». Тогда же я установил, что и при оставлении расположенного поблизости Кривого Рога, который Гитлер намеревался удержать ценой крупного оборонительного сражения, производство стали в Германии не понесет какого-либо урона.

Когда через два дня я прибыл в ставку, Гитлер, находившийся в отвратительном состоянии духа, набросился на меня с дотоле непривычной резкостью: «Как вам могло прийти в голову направить записку о положении с марганцем начальнику Генерального штаба?» Я-то рассчитывал застать Гитлера успокоенным и от растерянности только выдавил: «Но, мой фюрер, это же отличный результат!» Гитлер, однако, не стал вдаваться в суть дела. «Вы не должны направлять начальнику Генерального штаба каких-либо бумаг! Если вам что-либо нужно, то потрудитесь обращаться ко мне! По вашей милости я попал в невыносимое положение. Я только что приказал сосредоточить для обороны Никополя все наличные силы. Наконец-то у меня был повод, который заставил бы группу армий действительно воевать! И тут появляется Цейтцлер с вашей докладной. И я оказываюсь лжецом! Если мы потеряем Никополь, то по вашей вине.

Я запрещаю вам раз и навсегда, — уже просто орал он, — направлять какие бы то ни было записки любым другим лицам. Понятно? Я запрещаю!»

И все же моя памятная записка возымела действие. Гитлер вскоре перестал настаивать на битве из-за марганцевых шахт. А так как советский нажим на этом участке фронта ослаб, то Никополь мы потеряли только 18 февраля 1944 г.

Во второй памятной записке, переданной мной в тот же день Гитлеру, содержались результаты подсчета наших запасов всех легирующих материалов. Формулировкой, что «здесь не учитываются поставки с Балкан, из Турции, из Никополя, Финляндии и Северной Норвегии», я хотел осторожно намекнуть, что потеря этих источников представляется мне вероятной. Памятная записка была снабжена комментарием: «Наименьшие запасы мы имеем по хрому. Особенно отрицательно то обстоятельство, что без хрома высокоразвитая военная промышленность не может функционировать. Если упадут Балканы и Турция, то потребности в хrome могут быть удовлетворены только на протяжении пяти месяцев. Это означает после израсходования его запасов в отливках, могущих продлить производство еще на два месяца, постепенную остановку производства важнейших видов вооружений, т.е. всех видов самолетов, танков, автомашин, противотанковых снарядов, подводных лодок, почти всех артиллерийских орудий, еще примерно через три месяца сверх сказанного срока, так как к этому времени будут полностью исчерпаны резервы, скрытые в системе доставки».

Это означало ни много ни мало, что через десять месяцев после потери Балкан война будет закончена. Гитлер, не проронив ни слова, выслушал мой доклад, из которого вытекало, что не Никополь, а Балканы предрешают исход войны. Затем он, расстроенный, просто отвернулся. Он переключился на моего сотрудника Заура, чтобы обсудить с ним новую программу выпуска танков.

До лета 1943 г. Гитлер в начале каждого месяца звонил мне, чтобы по телефону получить самые свежие данные о выпуске военной продукции, которые он тут же вносил в заготовленные списки. Я называл цифры в заранее согласованном порядке, и Гитлер по обыкновению поощрял меня восклицаниями: «Отлично! Просто чудесно! В самом деле 110 «Тигров»? Это больше, чем вы обещали... А сколько «Тигров» вы думаете осилить в следующем месяце? Сейчас важен каждый танк». Нередко в заключение разговора он сообщал коротко о положении на фронте: «Сегодня мы взяли Харьков. И дальше пошло хорошо. Благодарю за информацию. Поклон вашей супруге. Она в Оберзальцберге? Еще раз кланяюсь». В ответ на мою благодарность и приветственную формулу «Хайль, майн фюрер!» он иногда отвечал: «Хайль, Шпеер». Эта формула означала своего рода награду, которую он очень редко использовал, и только в общении с Герингом, Геббельсом или другими ветеранами, и в которой можно было услышать легкую иронию над официально установленным приветствием «Хайль, майн фюрер».

Постепенно звонки прекратились, хотя я затрудняюсь сейчас назвать какой-то определенный момент. Во всяком случае, по-видимому, с осени 1943 г. Гитлер взял за правило связываться для получения ежемесячной информации с Зауром. Я не протестовал против этого, признавая за Гитлером право взять у меня обратно то, что он мне доверил. Но поскольку Борман поддерживал как с Зауром, так и с Доршем, старыми членами партии, подчеркнуто добрые отношения, то я стал постепенно чувствовать себя в своем собственном министерстве довольно неуверенно.

Я попробовал упрочить свою позицию тем, что каждому из десяти начальников управлений придал по одному заместителю из промышленности. Но как раз Дорш и Заур сумели не допустить этого для своих должностей. Когда же признаков того, что под руководством Дорша в министерстве сформировалась фронда, стало

более чем достаточно, я произвел 21 декабря 1943 г. своего рода «государственный переворот», назначив на должности руководителей управления по кадрам и оргуправления двух моих старых надежных коллег по временам моей работы в строительстве. Им я подчинил и до того самостоятельную «организацию Тодт».

На следующий день я скинул тяжкое бремя уходящего 1943 г. с его многочисленными личными разочарованиями и интригами и отправился в самый удаленный и самый пустынный уголок подвластной нам Европы, в Северную Лапландию. Иначе, чем в 1941 г. и 1942 г., когда Гитлер запретил мне путешествие в Норвегию, Финляндию или в Россию по причине их рискованности и моей для него незаменимости, на этот раз согласие последовало немедленно.

На рассвете мой новый самолет, четырехмоторный «Кондор» производства заводов Фоккевульф, с особо вместительными дополнительными бензобаками и соответственно очень большой дальностью полета, взял курс на север. Со мной летели скрипач Зигфрид Боррис и любитель-фокусник, ставший после войны знаменитостью под именем Каланга; вместо того чтобы самому произнести речи, я хотел доставить рождественское удовольствие солдатам и рабочим «организации Тодт» на севере. С высоты бреющего полета мы разглядывали озера Финляндии, предмет моих мечтаний в годы юности, по которым моя жена и я надеялись когда-нибудь попутешествовать со складной лодкой и палаткой. Вскоре после полудня мы приземлились в ранних сумерках этого северного края на заснеженном и обозначенном керосиновыми лампами, самом примитивном аэродроме недалеко от Рованиеми.

Сразу же на следующий день мы отправились в открытой автомашине на север, покрыв расстояние в 600 километров до небольшого порта на побережье Ледовитого океана, Петсамо. Ландшафт напоминал своим однообразием вершины альпийских гор, но переливы освещения, со всеми полутонами — от желтого к красно-

му, вызванные движением скрытого за горизонтом солнца, были неправдоподобно прекрасны. В Петсамо мы провели несколько рождественских увеселительных мероприятий для рабочих, солдат и офицеров, за которыми последовали еще вечера и в ряде других населенных пунктов. Одну ночь мы провели в блочном домике генерала, командующего фронтом на Ледовитом океане с тем, чтобы посетить передовые базы на полуострове Рыбачий, нашем самом северном и самом малогостеприимном отрезке фронта, всего в восьмидесяти километрах от Мурманска.

Во время этой своего рода инспекционной поездки я со всех сторон, от солдат и офицеров, слышал жалобы на недостаточные поставки легкого вооружения для пехоты. Особенно ощущался недостаток в легких и удобных автоматах. Солдаты отчасти выходили из нужды с помощью советских трофеев.

Упрек фронтовиков нужно было бы прямо адресовать Гитлеру. Пехотинец Первой мировой войны, он испытывал слабость к привычному карабину. Летом 1942 г. он отклонил наше предложение запустить в серию уже разработанный и опробованный автомат и настаивал, что ружье лучше отвечает задачам пехоты. Следствием его окопного опыта, как я теперь в этом убедился на практике, было то, что из-за его преклонения перед тяжелым вооружением танками мы запустили конструирование и производство оружия для пехоты.

Немедленно после своего возвращения я постарался исправить это упущение. Наша программа вооружения для пехоты, готовая уже в начале января, опиралась на точные расчеты потребности в нем и требований к нему, представленных Генеральным штабом сухопутных сил и командующим резервной армией. Гитлер, сам себе главный эксперт по вооружению сухопутных войск, дал добро лишь полгода спустя. Но с этого времени он не упускал случая поставить нам в упрек, если намечалось отставание от программы. За три квартала мы добились значительного роста выпуска легкого вооружения, а по

автоматическому оружию (автомат-карабин-44) даже двадцатикратного рывка при, естественно, минимальном исходном уровне. Такого скачка мы могли бы добиться двумя годами ранее, поскольку могли без особого труда задействовать мощности, не забытые производством тяжелого вооружения.

На следующий день я осмотрел никелевый завод в Колосйокки, единственный наш поставщик никеля и, собственно, цель моего рождественского вояжа. Там громоздились горы неотправленной никелевой руды, тогда как наши транспортные средства в огромных количествах в тот момент были отвлечены на возведение электростанции с мощнейшим бетонным укрытием от бомбежек. По возвращении я перевел строительство электростанции в более низкую категорию срочности, и вывоз никелевой руды сразу же вырос.

Через несколько дней я был уже в ставке Гитлера. По подсказке Бормана он созвал большое совещание, на котором при участии всех основных министров должна была быть принята производственная программа на 1944 г., а Заукель собирался выступить со своими жалобами на меня. Накануне я предложил Гитлеру провести узкое совещание под председательством Ламмерса и обсудить на нем те разногласия, которые только мы и могли уладить. Едва я кончил, как Гитлер грубо, ледяным голосом ответил, что он не потерпит, чтобы участников совещания ставили под такое давление. Он не желает выслушивать согласованные за спиной мнения, и принимать решения он будет сам.

Натолкнувшись на такой отпор, я отправился с моими сотрудниками к Гиммлеру, у которого по моей просьбе уже находился генерал Кейтель. Я намеревался согласовать хотя бы с ними общую тактику, чтобы воспрепятствовать возобновлению заукелевских депортаций из оккупированных стран Запада. Кейтель как высший воинский начальник и Гиммлер как ответственный за полицейский контроль на всей занятой нами территории испытывали определенные опасения ввиду возможного усиления

партизанских движений. Они оба, как мы условились, заявят на совещании, что не располагают для новых мобилизационных акций Заукеля необходимыми исполнительными службами и что возобновление насильственной мобилизации ставит под угрозу порядок. При такой поддержке я рассчитывал окончательно покончить с депортациями и добиться более жестких мер для мобилизации наших собственных резервов, прежде всего — для вовлечения немецких женщин в производство.

Однако Гитлер, видимо, был подготовлен Борманом к обсуждению этого вопроса не хуже, чем Гиммлер и Кейтель — мной. Уже во время приветствий он своей холодностью и нелюбезностью дал всем участникам совещания почувствовать, что он расстроен. Знаящие его почитали при таких симптомах за благо не поднимать неотложных вопросов, ибо результат был непредсказуем. В другой раз я оставил бы даже самые важные для меня вопросы спокойно лежать в папке и ограничился бы вещами заведомо безобидными. Но от повестки дня заседания деваться было некуда. Уже в самом начале Гитлер запальчиво оборвал меня: «Я не позволю вам, господин Шпеер, сделать очередную попытку предвосхитить итоги совещания. Я руковожу дискуссией, и я буду после нее принимать решения. А не вы! Запомните это!»

Гитлеру во гневе, в дурном расположении духа никто не мог перечить. Мои союзники, Кейтель и Гиммлер, теперь и не помышляли о том, чтобы высказать свое мнение. Наоборот, они дали Гитлеру заверения, что приложат все усилия, чтобы поддержать программу Заукеля. Гитлер начал поочередный опрос присутствующих отраслевых министров о необходимом им количестве рабочей силы, тщательно записывал называвшиеся ими цифры, сам суммировал их, а затем обратился к Заукелю: «Партайгеноссе Заукель, вы в состоянии обеспечить в наступившем году доставку четырех миллионов рабочих? Да или нет?» Заукель принял самодовольный вид: «Конечно, мой фюрер, я вам это обещаю! Вы можете

быть уверенным, что я это выполню, но для этого у меня снова должны быть развязаны руки в занятых регионах». Какие-то мои возражения, что вполне реально большую часть этих миллионов мобилизовать в самой Германии, Гитлер резко пресек: «Кто отвечает за обеспечение рабочей силой: вы или партайгеноссе Заукель?» Тонем, не допускавшим возражений, Гитлер приказал Кейтелю и Гиммлеру дать их аппаратам указания по более энергичному выполнению программы доставки рабочей силы. Кейтель только повторял: «Конечно, мой фюрер!» Гиммлер молчал, битва уже казалась совсем проигранной. Чтобы хоть что-то спасти, я задал Заукелю вопрос, может ли он, независимо от мобилизации в западных странах, гарантировать также необходимое количество рабочих рук для закрытых предприятий. Он ответил хвастливо, что не видит тут трудностей. Тогда я попробовал зафиксировать приоритеты и добиться от Заукеля обещания, что только после покрытия потребностей секретных предприятий он займется доставкой заграничной рабочей силы. Заукель согласился на это, сделав успокоительный жест. Гитлер немедленно же включился: «Что еще вам, господин Шпеер, нужно, коль скоро партайгеноссе Заукель вам это обещает? Ваши тревоги относительно французской промышленности должны быть после этого удовлетворены!» Продолжение дискуссии могло пойти на пользу только Заукелю.

Совещание закончилось. Гитлер несколько помягчел и обменялся с присутствующими, не исключая и меня, несколькими доброжелательными словами. В последовавшие за этим совещанием месяцы ровно ничего не изменилось — заукелевские транспорты уже никогда больше не поступали. Впрочем, это было лишь в малой мере связано с моими усилиями по расстройству его планов с использованием моих служб во Франции или военных властей. Их выполнение подрывалось общим падением авторитета оккупационных властей, их растущим нежеланием создавать себе дополнительные трудности, а также — ширящимся движением маки.

Итоги совещания имели только один результат, всецело касающийся меня лично. Манера обращения Гитлера со мной всем показала, что я в опале. А имя победителя в моем споре с Заукелем было Борман. С этих пор мы начали все чаще сталкиваться поначалу с замаскированными, а затем и открытыми нападками на моих сотрудников в промышленности. Все чаще мне приходилось защищать их в партканцелярии от политических подозрений и даже обращаться в службу безопасности СД.

Непрерывное, без всякого отдыха, почти двухлетнее напряжение дало теперь о себе знать. В свои 38 лет я физически был на грани истощения. Боль в колене не покидала меня почти никогда. Все резервы были исчерпаны. 18 января 1944 г. меня положили в больницу.

Профессор Гебхардт, группенфюрер СС и известный в европейском спортивном мире специалист по болезням коленного сустава, возглавлял больницу Красного Креста в Хоэнлихене, примерно в ста километрах к северу от Берлина, расположившуюся прямо в лесу на берегу озера. Не подозревая того, я попал в руки врача, бывшего одним из немногих личных друзей Гитлера, с которым он был на «ты». Свыше двух месяцев провел я в несколько отстоящем от главного корпуса частном доме, в очень скромно обставленной больничной палате. Остальные помещения были заняты моими секретаршами, установлена прямая связь с министерством, так как я собирался выполнять свои служебные обязанности.

Заболевание министра в Третьем рейхе было связано с проблемами, не учитывать которые было нельзя. Уж слишком часто отстранение того или иного влиятельного лица Гитлер объяснял его нездоровьем. Поэтому в политических кругах сразу же настораживались, услышав о болезни кого-либо из близких сотрудников Гитлера. А так как я и в самом деле заболел, казалось разум-

ным оставаться по возможности активным. Я просто и не мог выпустить свой аппарат из рук, потому что у меня, как и у Гитлера, не было подходящего заместителя. Несмотря на все старания моего окружения оградить мой покой, обсуждения, переговоры по телефону и диктовка распоряжений и прочих бумаг нередко заканчивались к полуночи.

Мне приходилось прикладывать большие усилия, чтобы удержать свои позиции во время болезни. Я попросил Клопфера, статс-секретаря Бормана, как-то приструнить партийные инстанции, а также ходатайствовал о том, чтобы не чинили трудностей промышленникам. Сразу же после моего заболевания советник партаппарата гау Берлина по вопросам экономики стал забирать в свои руки функции, которые прямо затрагивали самую сердцевину моей работы. Я обратился с призывом к Функу и его сотруднику Олендорфу, недавно перешедшему к нему от Гиммлера, занять более открытую позицию к «самоответственности промышленности» и поддержать меня в конфликте с бормановским советником по вопросам экономики. Не преминул воспользоваться моим отсутствием и Заукель, чтобы в специальном «имперском призыве побудить производителей вооружений к полной самоотдаче». Столкнувшись с этими происками моих недоброжелателей, старавшихся повернуть против меня мое отсутствие, я обратился с письмом к Гитлеру, в котором изложил свою обеспокоенность и просил о помощи. Двадцать три машинописные страницы за четыре дня — несомненное свидетельство охватившей меня тревоги. Я пожаловался на притязания Заукеля, использовавшего бормановского советника по вопросам экономики, и просил подтвердить, что за мной сохраняются безусловные властные полномочия во всех вопросах и задачах в пределах моей компетенции. В сущности, мои требования повторяли именно то, чего я безуспешно пытался, к возмущению гауляйтеров, самыми энергичными словами добиться на заседании в Познани. Далее я писал, что планомер-

ное руководство всем производством возможно только в том случае, если «на мне замыкаются самые разнообразные ведомства и инстанции, которые дают руководству предприятий советы и указания, делают выговоры, прибегают к наказаниям».

Спустя четыре дня я снова писал Гитлеру, причем с откровенностью, которая, собственно, уже не отвечала характеру наших отношений, я информировал его о министерской камарилье, которая за моей спиной саботирует отдаваемые мною распоряжения; меня вводят в заблуждение, определенный круг бывших сотрудников Тодта во главе с Доршем просто предает меня. Поэтому я вынужден заменить Дорша человеком, который пользовался бы моим доверием.

Вне всякого сомнения, именно это письмо, в котором я ставил Гитлера в известность о смещении одного из тех, кому он оказывал свое покровительство, было особенно неумно. Я нарушал неписаное правило режима, согласно которому все кадровые вопросы следовало решать в личном разговоре с Гитлером, в особо подходящий момент и очень умело. А я напрямую выложил ему обвинения в адрес ответственного сотрудника в нарушении лояльности и недостойных личных качествах. А то, что, кроме всего прочего, я направил копию письма и Борману, могло быть истолковано только как глупость или открытый вызов. Я отметал тем самым весь опыт изощренного тактика из гитлеровского окружения. В основе своей мой шаг, по видимому, имел определенный протест, к которому меня привело изолированное положение.

Болезнь слишком отдалила меня от всемогущего олимпа власти Гитлера. На все мои инициативы, требования и жалобы он не реагировал ни негативно, ни позитивно — я обращался в пустоту, он просто не отвечал. Уже не могло быть и речи обо мне как министре-любимце или даже как о возможном его наследнике: нашептывания Бормана и несколько недель болезни исключили меня из его круга. Какую-то роль сыграла в этом и отмеченная многими особенность Гитлера просто списывать

человека, который на продолжительное время исчезал из его поля зрения. Если исчезнувший появлялся снова, то картина могла опять измениться. Во время болезни я вполне усвоил этот урок. Я ни возмущался своим новым положением, ни отчаивался. Ослабленный болезнью, я чувствовал только усталость и подавленность.

Окольными путями до меня, наконец, дошло, что Гитлер не пожелал отказываться от Дорша, своего старого товарища по партии с 20-х годов. Геринг, Борман и Гиммлер уловили эти смещения акцентов и сумели использовать их, чтобы окончательно подорвать мой авторитет министра. Конечно, каждый по отдельности, каждый — по своим мотивам и, вероятно, без согласования друг с другом. О смещении Дорша нечего было теперь и думать.

23 февраля 1944 г. меня навестил Мильх. Американские 8-й и 15-й воздушные флоты сосредоточили свои налеты на авиационные предприятия. В ближайшие месяцы выпуск самолетов мог, по его мнению, составить не более трети уровня от предыдущих месяцев. Мильх привез с собой письменное обоснование для образования по примеру так называемого Рурского штаба, весьма успешно занимавшегося восстановительными работами в Рурской области, «Истребительного штаба», чтобы совместными усилиями обоих министерств справиться с проблемами вооружений для авиации. Разумнее, наверное, было бы в этой ситуации дать уклончивый ответ. Но мне хотелось сделать все возможное, чтобы помочь в нужде ВВС, и я дал согласие. Нам обоим, Мильху и мне, было ясно, что создание такого штаба будет первым шагом к слиянию производства вооружений и самих министерств и для остававшегося последнего рода войск вермахта.

Лежа в постели, я первым делом позвонил Герингу, который отказался подписываться под нашей инициативой. Я не согласился с возражением Геринга, что тем самым я залезаю в сферу его компетенции. Я связался с

Гитлером, которому идея понравилась, но который сразу же стал холоден и уклончив, как только я назвал возможную кандидатуру руководителя штаба — гауляйтера Ханке. «Я сделал большую ошибку, когда отдал Заукеля для руководства трудовыми ресурсами, — обосновывал он свою позицию. — По своему рангу гауляйтера он должен принимать только окончательные решения, а тут ему приходится вести долгие переговоры, идти на компромиссы. Никогда я не дам больше ни одного гауляйтера для подобных задач». Гитлер постепенно накалялся: «Пример Заукеля с точки зрения всех гауляйтеров наносит ущерб самому рангу. Эту задачу возьмет на себя Заур!» Гитлер резко оборвал разговор. Это было его второе вмешательство за краткий промежуток времени в мою кадровую политику. Голос Гитлера оставался в продолжение всего разговора холодным и нелюбезным. А может быть, он был расстроен чем-то другим. Но поскольку и Мильх отдавал предпочтение ставшему за время моей болезни еще более влиятельным Зауру, я без всякой предвзятости согласился с приказом Гитлера.

Терапевт профессор Кох считал, что высокогорный воздух Зальцбурга не полезен для моего легкого. В парке дворца Клессхайм, ныне доме для гостей Гитлера под Зальцбургом, был выстроен совершенно очаровательный, богато изукрашенный павильон в форме трилистника, Клееблатт (архитектор Фишер фон Эрлах). 18 марта отреставрированный миниатюрный замок был отведен для моего пребывания, поскольку в большом дворцовом помещении в эти дни остановился «имперский регент» Хорти, прибывший для переговоров. Через сутки эти переговоры привели к тому, что Гитлер ввел войска в Венгрию — его последнее вторжение в чужую страну. Уже в день моего прибытия ко мне во время перерыва в переговорах заглянул Гитлер.

Я не видел его два с половиной месяца и впервые за все годы нашего знакомства вдруг заметил его непро-

порционально широкий нос и сероватый цвет кожи, вообще мне лицо его показалось отталкивающим — первый симптом того, что я стал отдаляться от него и видеть его без всякого приукрашивания. Почти целый квартал я был вне его личного воздействия, весь в своих болезнях и переживаниях в связи с моим отстранением. Впервые за годы упоения и лихорадочной деятельности я мог поразмышлять о всем пути, проделанном мной вместе с этим человеком. Прежде достаточно было нескольких его слов, какого-то жеста, чтобы с меня слетала всякая усталость и пробуждалась новая энергия. Теперь же, несмотря на сердечность тона, я и после его ухода чувствовал себя утомленным и опустошенным. Единственное, о чем я мечтал, — по возможности скорее оказаться вместе с женой и детьми в Меране, провести там несколько недель, восстановить силы. Но я не знал только — для чего? Потому что цели у меня теперь не было.

Но тут, во время пятидневного пребывания в Клессхайме, во мне снова взыграло стремление к самоутверждению: я остро почувствовал, что с помощью наговоров и злопыхательства сделано все, чтобы меня окончательно сбросить со счетов. На следующий день меня с днем рождения по телефону поздравил Геринг. Я, несколько преувеличивая, сообщил ему о своем вполне приличном самочувствии, он заявил мне, отнюдь не с соболезнованием, а как-то особенно радостно: «Но послушайте, это же совсем не так! Профессор Гебхардт сообщил мне вчера, что у вас серьезная болезнь сердца. И без шансов на существенное улучшение, именно так он сказал. Может быть, вы просто этого не знаете». Прощаясь, не пожалев хвалебных слов о всем мной сделанном, он недвусмысленно намекнул на мой предстоящий отход от дел. На это я ответил, что рентген и кардиографическое обследование не выявили заболевания. Геринг возразил: да вас просто неверно информируют, и проигнорировал мои объяснения. Конечно, Гебхардт ввел его в заблуждение.

Да и Гитлер с озабоченным видом заявил в узком кругу, где присутствовала моя жена: «Шпеера больше нет!» У него был разговор с Гебхардтом, отозвавшимся обо мне как о развалине.

На высоком холме над Мераном расположен замок Гойан. Здесь я провел шесть самых лучших недель за все свое министерское время, единственные — вместе с семьей. Гебхардт снял квартиру далеко внизу, в долине, и почти не использовал предоставленные административные права для вмешательства в мои контакты с внешним миром и встречи.

В дни моего пребывания в Меране Геринг, переживавший прилив необычной активности, привлек моих обоих сотрудников, Дорша и Заура, к совещаниям у Гитлера. Со мной он не только не посоветовался, но даже и не поставил об этом в известность. Совершенно очевидно, что после многочисленных неудач последних лет он захотел воспользоваться удобным случаем, чтобы снова укрепить свои позиции второго, после Гитлера, человека. И в этих целях он приподнимал, разумеется, за мой счет, обоих моих сотрудников, которые как соперники представлялись ему совершенно безопасными. Кроме того, он распространил слух, что моя отставка — дело чуть ли не решенное, и как раз в эти же недели запросил отзыв гауляйтера Верхнедунайской гау Айгрубера об отношении партии к генеральному директору Мейндлю, с которым был связан дружескими узами. Свой запрос он обосновал своим намерением предложить Гитлеру кандидатуру Мейндля в качестве моего преемника. Но тотчас же заявил о своих амбициях и Лей, и без того перегруженный многочисленными постами Имперский оргляйтер партии: если Шпеер уйдет, то он — хотя его об этом никто не просил — взвалит на себя и эту работу: уж как-нибудь справится!

Борман и Гиммлер попытались тем временем скомпрометировать в глазах Гитлера всякого рода наветами моих остальных руководящих работников, начальников отделов. Только окольными путями (Гитлер не

считал необходимым поставить меня в известность) до меня дошло известие, что по отношению к трем из них: Либелю, Вэгелю и Шиберу — Гитлер был настолько резок, что следует ожидать их скорого снятия. Видно было, что достаточно было нескольких недель, чтобы из памяти Гитлера улетучились воспоминания о днях в Клессхайме. Помимо Фромма, Цейтцлера, Гудериана, Мильха и Деница, только один министр экономики Функ из высшего руководящего круга Рейха оказался в числе тех, кто проявил ко мне за время моей болезни внимание.

Уже на протяжении нескольких месяцев Гитлер, ища спасения от бомбовых ударов, требовал перевода промышленных предприятий в пещеры и в подземные бетонированные цеха. Я ему на это возражал: бомбардировщики нельзя победить бетоном. Потому что, имея мы даже в нашем распоряжении не один год, все равно было бы невозможно разместить всю военную промышленность под землей или укрыть бетоном. А кроме того — и в этом наше счастье, — противник наносит удары как бы по разветвленной дельте нашей промышленности вооружений, этой реки со многими притоками. Усиленным прикрытием этой дельты мы его только подтолкнем к еще более массированным бомбардировкам там, где промышленный поток стекает по узкому и глубокому руслу. Я имел в виду химию, угледобычу, энергоснабжение и многие другие отрасли, которые стали для меня сплошным ночным кошмаром. Совершенно бесспорно, что Англия и Америка были вполне в состоянии уже в тот момент, т.е. в начале 1944 г., в течение самого короткого времени полностью парализовать одну из этих опор всей индустрии и лишить всякого смысла дальнейшие усилия по прикрытию производства.

14 апреля Геринг овладел инициативой и пригласил Дорша к себе. Он, Геринг, многозначительно завел он речь, может себе представить только одну организацию, способную выполнить ответственное задание фюрера — строительство серий особо крупных бункеров.

Дорш ответил, что возведение подобных сооружений на территории Рейха, собственно, не входит в задачи этой организации, ведущей строительство на оккупированных территориях. Но если есть необходимость, он может немедленно показать проект такого бункера, хотя и спроектированного для Франции. В тот же вечер Дорш был вызван к Гитлеру: «Я впредь буду лично следить за тем, чтобы отныне такие крупные объекты на территории Рейха строились только вами». На следующий день Дорш смог предложить несколько подходящих для размещения подобных объектов мест, а также изложить свои организационные и технические соображения по обеспечению шести гигантских бункеров, каждый площадью в 100 тыс. кв. метров. В ноябре 1944 г., по заверениям Дорша, они все будут готовы. Гитлер тут же издал одну из тех спонтанных директив, которых все так боялись. В соответствии с ней он подчинил Дорша непосредственно себе и присвоил этому строительству самую высокую степень приоритетности, так что Дорш получил право вмешиваться по своему усмотрению в абсолютно любую стройку. Нетрудно было предсказать, что эти шесть гигантских бункеров не могут быть построены за полгода, более того, что их никогда не удастся ввести в строй. Несложно было распознать правду, уж если ложь была настолько примитивна.

До сих пор Гитлер считал излишним извещать меня о всех предпринятых им шагах, которыми он быстро ликвидировал мои полномочия. Естественно, мое уязвленное самолюбие, пережитое оскорбление наложили свой отпечаток на письмо, которое я 19 апреля написал ему и в котором открыто выражал сомнения в правильности принятых решений. Это письмо открыло целый ряд писем и памятных записок, в которых под покровом выяснения деловых вопросов шел процесс становления самосознания, высвобождения способности самостоятельного мышления, долгие годы изуродованной, смятенной демонической волей Гитлера. Приниматься за строительство столь крупных сооружений в настоя-

щее время, писал я в этом письме, самообман, потому что «при всех усилиях едва ли возможно обеспечить даже самые примитивные предпосылки для размещения немецкого трудового населения, иностранной рабочей силы и одновременно — для восстановления наших военных предприятий. Для меня сегодня не вопрос выбора — приниматься ли за долгосрочные объекты... напротив, я должен все время закрывать еще не законченные строительством заводы военного производства, чтобы сохранить минимально необходимые условия для поддержания немецкого производства вооружений».

Изложение различий в подходах я завершил упреком Гитлеру в том, что он ведет себя некорректно: «Еще в бытность мою вашим строителем я всегда следовал принципу предоставления моим сотрудникам самостоятельности в их работе. Этот принцип, правда, приводил меня к тяжким разочарованиям, потому что не всякий выдерживает испытание известностью, и кое-кто, добившись... немалого признания, предал меня». Гитлер мог без труда понять, что я имел в виду Дорша. Не без некоторой назидательности я писал далее: «Но это никогда не заставит меня отойти от этого железного принципа. По моему мнению, это единственное, следуя чему, особенно на руководящих постах, можно править и созидать». Строительная отрасль и производство вооружений именно в данный момент представляют собой одно целое. Дорш мог бы и впредь нести ответственность за строительство на занятых территориях, в Германии же я хотел бы передать руководство в руки старого сотрудника Тодта Вилли Хенне. И оба они должны бы выполнять свои обязанности под общим руководством лояльного сотрудника Вальтера Бругмана. Гитлер отвел кандидатуру Бругмана, а через пять недель, 26 мая 1944 г., он погиб при довольно неясных обстоятельствах, как и мой предшественник Тодт, в авиационной катастрофе.

Мое письмо было передано Гитлеру накануне его дня рождения моим старым сотрудником Фрэнком. В письме содержалась просьба об отставке, если Гитлер не может согласиться с моим общим подходом. Как мне стало известно из самого надежного источника — от старшей секретарши Гитлера Йоганны Вольф, Гитлер пришел в крайнее раздражение от моего письма и сказал: «Даже Шпееру полагается знать, что и для него существуют высшие государственные соображения».

В подобном духе он уже высказался шесть недельми ранее, когда я распорядился временно приостановить строительные работы на возводимых по его личному указанию бомбоубежищах для высокопоставленной публики, поскольку возникла острая необходимость работ по расчистке завалов после одного особо тяжелого воздушного налета. По всей видимости, у него сложилось впечатление, что я собираюсь по своему усмотрению истолковывать его указания, во всяком случае, его раздражение нашло свой выход именно в этом обвинении. В тот раз он уполномочил Бормана со всей категоричностью, несмотря на мою болезнь, указать мне, что «приказы фюрера обязательны к исполнению каждым немцем, они ни при каких обстоятельствах не могут быть отменены, или приостановлены, или задерживаться с исполнением». Тогда же Гитлер пригрозил, что в противном случае «виновный в этом государственный служащий за противодействие приказу фюрера арестовывается полицией и направляется в концентрационный лагерь».

Только-только я узнал, и снова окольными путями, о реакции Гитлера, как мне позвонил Геринг с Оберзальцберга. Ему известно о поданном мной прошении об отставке, и по высочайшему полномочию он должен мне заявить, что только фюрер имеет исключительное право принимать решение, когда министру позволено оставить службу. Напряженный разговор длился с полчаса, пока мы не пришли к компромиссному решению: «Вместо отставки продлевается мое лечение, и как министр

я незаметно исчезну из поля зрения». Геринг почти с восторгом согласился с такой формулировкой: «Отличный выход! Так и сделаем! И фюрер примет это!» Гитлер, всегда в щекотливых случаях старавшийся избегать конфронтации, не рискнул вызвать меня и сказать мне в лицо, что он после всего должен сделать соответствующие выводы и отправить меня в отпуск. По той же нерешительности он и через год, когда дошло до открытого разрыва, не попытался настоять на освобождении меня от моих обязанностей. Задним числом мне кажется, что была возможность подогреть неудовольствие Гитлера до такой степени, чтобы отставка стала неизбежной. Во всяком случае, те, кто решил остаться в ближайшем окружении, делал это по своей воле.

Как бы ни расценивать мои мотивы, во всяком случае, мне импонировала идея от всего отойти. Предвестников окончания войны я мог почти ежедневно вживе видеть на голубом южном небе, когда на нахально низком полете появлялись бомбардировщики американского 15-го флота со своих итальянских баз; пролетев над Альпами, они направлялись бомбить немецкие промышленные объекты. Ни одного нашего истребителя, ни одного выстрела зенитной артиллерии. Эта картина абсолютной беззащитности была красноречивее любых известий. Если до сих пор удавалось как-то компенсировать потери в вооружениях, оставляемых при отступлении, то теперь, пессимистически размышляя я, при такой массивной войне с воздуха все скоро придет к своему концу. Что могло быть более благоразумным, чем воспользоваться предложенным Герингом шансом и перед лицом неумолимо надвигающейся катастрофы незаметно исчезнуть с руководящей должности? Мысль покинуть свой пост, чтобы прекращением работы ускорить конец Гитлера и режима, у меня, при всех несогласиях, все же не возникала, и при подобной ситуации, скорее всего, не пришла бы мне в голову и сегодня.

Мои размышления о самоустранении были нарушены во второй половине апреля появлением одного из

наиболее близких мне сотрудников, Роланда. В мире промышленников уже прослышали о моем намерении уйти в отставку, и Роланд появился, чтобы отговорить меня от нее: «Вы не имеете права выдать промышленность, которая и по сей день идет за вами, тем, кто придет вам на смену. Можно себе представить, что это будут за типы! Для нашего будущего сейчас решающим является один пункт: как может после проигранной войны быть сохранена необходимая промышленная база. И для этого вы должны оставаться на своем посту!» Насколько я помню, именно тогда перед моим внутренним взором впервые возникла картина «выжженной земли», когда Роланд заговорил об опасности того, что потерявшая от отчаяния голову правящая верхушка может приказать разрушать промышленный потенциал. Вот тогда, в тот день, я впервые почувствовал, как во мне рождается нечто, совершенно независимое от Гитлера, имеющее отношение исключительно к моей земле и моему народу: первое шевеление ответственности, еще очень расплывчатое и призрачное.

Уже через несколько часов, после полуночи, у меня собрались фельдмаршал Мильх, Заур и д-р Фрэнк. Они всю вторую половину дня потратили на дорогу от Оберзальцберга. Мильх должен был передать мне устное послание Гитлера; он просил передать мне, что очень высоко ценит меня и что его отношение ко мне остается неизменным. Это звучало почти как объяснение в любви. Впрочем, спустя 23 года Мильх сказал мне, что он очень просил Гитлера подбодрить меня несколькими добрыми словами. Еще несколькими неделями ранее меня они бы тронули, я был бы счастлив, воспринял бы их как награду. Теперь же моя реакция была: «Нет, довольно, я сыт этим. Я ничего не желаю больше об этом слышать!» Мильх, Заур и Фрэнк заседали на меня. Хотя поведение Гитлера я считал пошлым и неискренним, мне все же не захотелось обрывать свою министерскую деятельность, особенно после того, как Роланд заставил меня почувствовать и еще один вид ответственно-

сти. Только после нескольких часов переговоров я уступил с условием, что Дорш снова возвращается под мое начало и что восстанавливается прежнее положение. По вопросу об огромных бункерах, впрочем, я уже склонен был сдаться: это уже не имело значения. На следующий день Гитлер подписал заготовленный мной ночью документ, шедший навстречу этому требованию: Дорш будет под моим руководством строить бункеры, отнесенные к категории высшей срочности.

Через три дня, однако, я понял, что поспешил со своим решением. Поэтому я решился снова писать Гитлеру. Я понял, что неизбежно попаду в крайне неблагоприятную ситуацию. А именно: если я поддерживаю Дорша при строительстве бункеров материалами и рабочей силой, тогда я должен буду принимать на себя все неудовольствие имперских органов из-за срыва их программы. А если я не смогу выполнять требования Дорша, то между нами начнется бюрократически-бумажная перепалка и взаимные обвинения. Поэтому, как продолжал я в письме, было бы более последовательным «возложить на Дорша заодно и ответственность и за все прочие строительные объекты, интересы которых будут так или иначе ущемляться сооружением бункеров». Учитывая все эти обстоятельства, писал я в заключение, в современных условиях лучшим решением было бы отделение всей строительной отрасли от производства вооружения и военной продукции. Поэтому я предлагал присвоить Доршу звание «генерального инспектора по строительству» с непосредственным его подчинением Гитлеру. Любое же другое решение повлечет за собой осложнения, связанные с моим личным отношением к Доршу.

И тут я поставил точку, потому что, пока писал, принял решение прервать свой отпуск и отправиться на Оберзальцберг к Гитлеру. Но тут опять возникли сложности. Гебхардт, ссылаясь на предоставленные ему Гитлером полномочия, сразу же засомневался относительно полезности для моего здоровья этой поездки. Про-

фессор Кох же несколькими днями ранее заверил меня, что я безо всякого риска могу пользоваться самолетом. В конце концов, Гебхардт позвонил Гиммлеру, тот дал добро, но с условием, что перед разговором у Гитлера я поспешу его.

Гиммлер говорил ясным языком, что в таких положениях воспринимается как облегчение. Отделение строительства от министерства вооружений и передача его Доршу уже давно решено на совещании у Гитлера, на котором присутствовал и Геринг. И он, Гиммлер, просил бы меня не создавать тут какие-либо трудности.

Едва я успел прибыть на Оберзальцберг, адъютант Гитлера предложил мне принять участие в общем чаепитии. Я же хотел иметь разговор с Гитлером по вопросам служебным. Непринужденная атмосфера за чаем могла бы почти наверняка как-то сгладить накопившиеся между нами трудности, а этого-то я и хотел избежать. Я отклонил приглашение. Гитлер понял смысл этого необычного жеста, и вскоре мне было назначено время для беседы в Бергхофе.

Гитлер приготовился к официальному приему — в форменной фуражке, с перчатками в руке он встретил меня у входа в Бергхоф и проводил как протокольного гостя в свою квартиру. Поскольку мне была неясна психологическая подоплека такого приема, на меня все это произвело сильное впечатление. С этого момента началась у меня особая, в высшей степени шизофреническая фаза отношения к нему. С одной стороны, он меня выделял, оказывал особые знаки внимания, к которым я не мог оставаться равнодушным, а с другой стороны, я медленно, но все отчетливее начинал осознавать все более роковую для немецкого народа суть его политики. И хотя прежние чары еще не совсем выдохлись, а Гитлер вновь проявил свой особый инстинкт в обращении с людьми, мне становилось все труднее сохранять по отношению к нему безусловную лояльность.

И не только в момент сердечного приветствия, но и в последующей беседе фронты каким-то странным обра-

зом поменялись местами: на этот раз он обхаживал меня. Мое предложение вывести строительную промышленность из-под моей компетенции и передать ее Доршу Гитлер отверг: «Я не сделаю этого ни в коем случае. Да у меня и нет человека, которому бы я мог доверить строительство. К несчастью, д-р Тодт погиб. Вы же знаете, господин Шпеер, что для меня значит строительная промышленность. Поймите же! Я заранее согласен со всеми мероприятиями, которые вы сочтете необходимыми в строительстве». Гитлер противоречил сам себе: ведь незадолго до этого в присутствии Гимmlера и Геринга он же сообщил о своем решении, что на этот участок назначается Дорш. Так легко, как это часто бывало и в прошлом, он перешагнул через свое решение, а заодно — и через чувства Дорша. Полный произвол его решений ярко свидетельствовал о его глубочайшем презрении ко всем людям. Впрочем, я должен был также учитывать, что и эта перемена в его позиции вряд ли надолго. Поэтому я ответил Гитлеру, что решение должно быть рассчитано на длительную перспективу. «Я не могу позволить себе еще одну дискуссию по этому вопросу». Гитлер пообещал остаться твердым. «Мое решение окончательно. Я и не подумаю менять его». В заключение он назвал пустячными все обвинения против троих моих начальников отделов, расставание с которыми я уже считал неизбежным.

После всех переживаний, перегрузок и какой-то судорожной активности последнего времени я испытывал в тот вечер чувство удовлетворения: казалось, что все сложности и конфликтные узлы распутаны. Меня угнетала неуверенность последних недель. Я не могу работать без доверия ко мне и уважительного отношения к результатам моей работы. А сейчас я мог еще и считать себя победителем в борьбе за власть, которую мне навязали Геринг, Гимmlер и Борман. Сейчас они, бесспорно, испытывали разочарование: они-то полагали, что со мной все кончено. Может быть, рассуждал я то-

гда, Гитлер понял, что за игра ведется против меня и что его недостойно в нее втянули.

Спустя два дня я снова отправился к Гитлеру, на этот раз с Доршем, чтобы представить его как руководителя строительной отрасли под моим кураторством. Реакция Гитлера была именно такой, как я ее себе представлял: «Я полностью предоставляю вам, дорогой Шпеер, самому принять решение о распределении компетенций в вашем министерстве. Это ваше дело, кого и на какой участок вы ставите. Естественно, я полностью согласен с Доршем, но общая ответственность за строительную промышленность остается на вас».

Подчеркнуто холодно я проинформировал Геринга о новой ситуации; я его даже объехал, решив назначить Дорша своим представителем по вопросам строительства в рамках четырехлетнего плана. Поскольку, как писал я не без скрытого сарказма, «я исхожу из того, что, зная доверие, питаемое вами к господину министерально-директору Доршу, вы без всякого сомнения согласитесь с его кандидатурой». Геринг ответил кратко и раздраженно: «Со всем согласен. Уже подчинил Доршу весь строительный сектор люфтваффе».

Гиммлер вообще никак не прореагировал. В подобных ситуациях он уподоблялся рыбе, которую никак не ухватить. А у Бормана, впервые за два года моей министерской работы, ветерок подул в мою сторону. Он моментально понял, что я добился серьезного успеха и что все очень старательно на протяжении месяцев закрученные интриги лопнули.

В середине мая 1944 г. во время посещения гамбургских верфей гауляйтер Кауфман доверительно сообщил мне, что даже спустя более полугода раздражение в их среде от моего выступления перед гауляйлерами все еще не улеглось. Почти все гауляйтеры относятся ко мне негативно. Борман подпитывал это настроение. Кауфман предостерегал меня от опасности, которая грозит мне с этой стороны.

Я отнесся к этой информации достаточно серьезно, чтобы при следующей же встрече обратить на нее внимание Гитлера. В этот раз он одарил меня еще одним небольшим жестом внимания, пригласив меня в первый раз в свой отделанный деревянными панелями кабинет в бельэтаже Бергхофа. Здесь он обычно вел очень личные или очень доверительные разговоры. Тонем почти дружеским он посоветовал мне избегать всего, что могло бы восстановить гауляйтеров против меня. Вообще же я никогда не должен недооценивать власть гауляйтеров, потому что это может только омрачить мое будущее. Недостатки и особенности их характеров ему хорошо известны, многие из них простецкие рубаки, довольно грубоватые, но очень преданные. Их следует принимать такими, каковы они есть. Из разговора ясно следовало, что Гитлер отнюдь не собирает свое отношение ко мне ставить в зависимость от удовольствия или неудовольствия Бормана. Тем самым натиск Бормана на меня был сорван и на этом участке.

В тот момент, возможно, и у Гитлера в единый клубок сплелись весьма противоречивые чувства, когда он, поделившись своим намерением наградить Гиммлера высшим орденом Рейха, как бы искал моего понимания, что и я одновременно не достаиваюсь такой же награды. Рейхсфюрер СС имеет совершенно исключительные заслуги, добавил он почти извиняющимся тоном. Я, пребывая в счастливом состоянии духа, ответил, что я скорее бы питал надежду после завершения войны быть награжденным в качестве архитектора не менее высоким орденом за заслуги перед искусством и наукой. Тем не менее Гитлер казался несколько обеспокоенным, как я восприму отданное Гиммлеру предпочтение.

В тот день меня больше беспокоило, что Борман может подsunуть Гитлеру с соответствующими комментариями статью из английского «Обсервера» за 9 апреля 1944 г., в которой меня характеризовали как чужеродное тело в партидеологическом механизме. Чтобы упредить его, я дал Гитлеру с некоторыми юмористическими

замечаниями перевод этой статьи. Гитлер, не спеша, надел очки, основательно уселся и принялся за чтение: «В известном смысле Шпеер для Германии сегодня важнее, чем Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс или даже чем генералы. Как-то так получилось, что все они стали работать на подхвате у этого человека, который, действительно, обеспечивает работу гигантского двигателя и выжимает из него максимум возможного. Его пример — чистый образец свершающейся революции менеджеров. Шпеер — не один из тех опереточно-живописных наци, которые всегда на виду. Вообще неясно, есть ли у него какие-либо иные, чем самые расхожие, политические убеждения. Он спокойно мог бы присоединиться к любой другой партии, которая обеспечила бы ему работу и карьеру. Это ярко выраженный тип преуспевающего среднего человека — хорошо одет, вежлив, непродан. По образу жизни его семьи (жена и шестеро детей) — типично средний класс. В гораздо меньшей степени, чем кто-либо другой из немецких руководителей, он напоминает о чем-то типично немецком или типично национал-социалистском. Он, скорее всего, служит воплощением того типа, который во все возрастающей мере начинает играть важную роль во всех воюющих странах, — чистого техника, не принадлежащего к какому-либо определенному классу, блестящий человек без знатного происхождения, у которого нет иной цели, кроме как пробиться, опираясь всецело на свои технические и организационные способности. Именно отсутствие психологического и духовного балласта и непринужденность, с которой он обращается с ужасной технической и организационной механикой нашей эпохи, позволяет в общем-то заурядному типу в наши дни продвинуться очень далеко. Это время принадлежит им. От гитлеров и гиммлеров мы можем избавиться, но шпееры, что бы в дальнейшем ни произошло с этим конкретным человеком, будут еще долго среди нас». Гитлер внимательно прочитал комментарий до конца, сложил листок вдвое и молча отдал его мне, но с каким-то почтением.

На протяжении последующих недель и месяцев мне, вопреки всему, все отчетливее сознавался разлад между Гитлером и мной. И теперь он рос неудержимо. Нет ничего более трудного, чем восстановить авторитет, который однажды уж был поставлен на карту. Теперь, после того как я в первый раз оказал Гитлеру сопротивление, я стал самостоятелен в своих мыслях и поступках. На мою непокорность он вместо того, чтобы прийти в раздражение, отреагировал почти беспомощно, а затем — и знаками особенного внимания. Он отказался от своей позиции, хотя уже определил ее раньше в присутствии Гиммлера, Геринга и Бормана. А то, что и я со своей стороны сделал уступку, не обесценивало открытия, что при решительном напоре можно и от Гитлера добиться удовлетворения непростых намерений.

И все же этот новый опыт не принес мне ничего, кроме самых первых размышлений о принципиально сомнительном характере этой системы власти. Тогда меня, пожалуй, больше возмущало то, что господствующий слой ничем не хотел разделить с народом те лишения, которых он от него требовал; что он бездумно распоряжался людьми и ценностями, погряз в интригах и тем самым представлял напоказ свое моральное разложение. По-видимому, все это вместе и подталкивало меня к медленному ослаблению уз с этой системой. Еще очень колеблясь, я начинал прощаться, прощаться с моей предшествующей жизнью, ее заботами, привязанностями и с неумением думать, которое и было во всем повинно.

8 мая 1944 г. я вернулся в Берлин, чтобы снова приступить к исполнению своих служебных обязанностей. День 12 мая я не забуду никогда, потому что в этот день война с точки зрения техники была проиграна. До этого момента производство военной техники примерно покрывало, несмотря на существенные потери, потребности вермахта. С налетом же в тот день 935 дневных бомбардировщиков 8-го американского воздушного флота

на целый ряд предприятий по производству горючего в центре и на востоке Германии началась новая эпоха войны в воздухе. Она предвещала конец немецкой промышленности вооружений.

Со специалистами подвергшихся бомбардировке заводов «Лойна» мы с трудом пробирались через хаос изорванных и покореженных трубопроводов. Химическое производство оказалось очень уязвимым для бомбовых ударов. Даже самые оптимистические прогнозы не обещали возобновления производства раньше, чем через много недель. Наша суточная продукция горючего после этого налета упала с 5850 т до 4820 т. Правда, у нас еще было в резерве 574 000 т авиационного бензина, т.е. примерно объем трехмесячного производства. На протяжении еще 19 месяцев они могли бы уравнивать потери производственных мощностей.

После того как я составил себе представление о последствиях этой бомбардировки, я полетел 19 мая 1944 г. на Оберзальцберг, где был принят Гитлером в присутствии Кейтеля. Я доложил о надвигающейся катастрофе: «Противник нанес нам удар по одному из наиболее уязвимых наших мест. Если и дальше дело пойдет так, то у нас скоро не останется производства горючих материалов, о котором стоило бы упоминать. Наша единственная надежда, что и у противника генеральный штаб ВВС умеет думать и планировать не лучше, чем наш собственный!» Кейтель, всегда старавшийся выслужиться перед Гитлером, попытался представить все как всего лишь неприятность средней руки, заявив, что он со своими резервами сумеет преодолеть трудности, и закончил стандартным аргументом, пускавшимся в ход обычно Гитлером: «Да разве мало было трудностей, которые мы преодолели», — и, встав перед Гитлером во фронт, отчетливо заявил: «Мы справимся и с этим, мой фюрер!»

Как оказалось, Гитлер не разделял оптимизма Кейтеля; он предложил провести совещание с участием Геринга, Кейтеля и Мильха, а также промышленников — Крауха, Пляйгера, Бютефиша, Э.Р. Фишера и начальни-

ка Управления планирования и сырьевых ресурсов. Геринг попытался отвести приглашение представителей промышленности по производству горючего: при обсуждении столь важных проблем нам не следует расширять круг участников. Но Гитлер уже назвал имена.

Еще через четыре дня мы собрались в неудобной передней Бергхофа, ожидая окончания какого-то совещания у Гитлера. Тогда как я просил представителей промышленности нарисовать Гитлеру картину без прикрас, Геринг использовал последние минуты перед началом заседания для того, чтобы уговорить их не высказываться слишком пессимистично. Очевидно, он опасался, что прежде всего на него обрушатся упреки Гитлера.

Мимо нас быстро прошли высшие офицеры, участники только что закончившегося заседания, и адъютант пригласил сразу же нас. Рукопожатие Гитлера было коротким и безразличным. Нам предложили занять места. Гитлер заявил, что он собрал присутствующих, чтобы составить себе представление о последствиях последнего налета. Затем он представил слово представителям промышленности. Как и следовало ожидать от людей трезвых и расчетливых, они все высказались в том духе, что при систематическом повторении налетов положение станет безнадежным. Гитлер поначалу попытался рассеять все пессимистические прогнозы репликами вроде «Вы с этим справитесь» или «Бывали у нас ситуации и посложнее». Естественно, Кейтель и Геринг моментально их подхватывали, стараясь превзойти Гитлера в своей демонстрации уверенности в будущем и ослабить впечатление от высказанных нами соображений, а Кейтель особенно подчеркивал наличие у него резервов. Но промышленники оказались из более твердого дерева, чем гитлеровское окружение, — они непоколебимо настаивали на своих тревожных прогнозах, подкрепляя их конкретными данными и цифровыми выкладками. Неожиданно Гитлер стал их даже поощрять к совершенно трезвому анализу положения. Подумалось, что он захотел услышать, наконец, горькую правду,

что он устал от всех приукрашиваний, наигранного оптимизма, лживого прислуживания. Результаты обсуждения он резюмировал сам: «С моей точки зрения, производство горючего, синтетического каучука и азота представляет собой особенно уязвимый пункт обеспечения боевых действий, поскольку необходимые для производства вооружений базовые материалы выпускаются на слишком малом числе предприятий». В этот момент Гитлер, выглядевший в начале совещания угрюмым и каким-то отсутствующим, производил впечатление собранного, трезвого, остро схватывающего суть человека — вот только несколькими месяцами позднее, когда катастрофа уже разразилась, он снова не пожелал смотреть правде в лицо. Геринг же, когда мы опять оказались в передней, начал нас упрекать в том, что мы сверх всякой меры обременили Гитлера заботами и пессимистическим мусором.

После шестнадцати дней лихорадочных восстановительных работ мы только что вышли на прежний уровень производства горючего, когда 28—29 мая 1944 г. на нас обрушилась вторая волна бомбардировок. На этот раз всего 400 бомбардировщиков 8-го американского воздушного флота удалось причинить нам еще более серьезные разрушения, чем почти вдвое большей армаде при первом налете. Одновременно, почти в эти же дни, 15-й американский воздушный флот обрушил удары на важнейшие нефтеочистительные заводы нефтяных промыслов в Румынии, под Плоешти. Теперь уже наша продукция разом сократилась наполовину. Наши пессимистические высказывания на Оберзальцберге тем самым вполне подтвердились всего пятью днями позднее, а геринговские успокоительные заверения были в очередной раз опровергнуты. Отдельные замечания Гитлера в последовавшие дни позволяли сделать вывод, что престиж Геринга вновь упал до критической точки.

Не теряя времени, я постарался воспользоваться этим ослаблением позиций Геринга, причем не только в сугубо деловых интересах. Опираясь на достижения

в выпуске истребителей, мы имели все основания поставить перед Гитлером вопрос о полной передаче в мое министерство производство всех видов авиационного вооружения. Но еще больше меня подзуживало желание расквитаться с Герингом за его поведение во время моей болезни. 4 июня я написал Гитлеру, который все еще продолжал руководить войной с Оберзальцберга, своего рода прошение «повлиять на рейхсмаршала в том духе, чтобы он пригласил меня по собственной инициативе и сделал бы предложение включить производство всего авиационного вооружения в сферу деятельности моего министерства». Гитлер принял спокойно этот направленный против Геринга выпад. Напротив, он увидел в моем обращении к нему за посредничеством тактичное стремление пощадить гордость и авторитет Геринга. И весьма остро и определенно добавил: «Авиационное вооружение должно перейти в ваше министерство, тут и спорить-то не о чем. Я незамедлительно приглашу рейхсмаршала к себе и сообщу мое решение, а вы с ним обсудите детали передачи».

Геринг не старался укрыться за банальной сердечностью приема. Наша беседа состоялась в его приватном кабинете на Оберзальцберге. Он уже был в курсе дела, Гитлер его проинформировал. Геринг резко отозвался о неустойчивости решений Гитлера. Еще две недели тому назад он намеревался отнять у меня строительную отрасль, все уже было решено, а потом, после краткой беседы со мной, Гитлер все переиграл обратно. И так все время. Фюрер, к сожалению, слишком часто оказывался человеком, меняющим свои решения. Но, естественно, если это желание фюрера, он, Геринг, передаст мне и авиационное вооружение. Но голос его звучал подавленно: понять все это, право же, трудно — ведь совсем недавно Гитлер сам считал, что диапазон моих задач и без того чрезмерно широк.

Хотя эту внезапную смену неблагоприятия на благоволение я считал чрезвычайно симптоматичной и предчувствовал в ней большую опасность для своего собст-

венного будущего, нужно признаться, что мне не казалось несправедливым, что на этот раз мы поменялись ролями. От демонстративного унижения Геринга я отказался. Вместо того чтобы представить Гитлеру проект постановления, мы с Герингом договорились, что он сам оформит своим приказом переход авиационного вооружения в мое министерство.

Передача производства вооружения для авиации была незначительным интермеццо по сравнению с развитием событий в стране вследствие превосходства противника в воздухе. Значительная часть его авиации была занята поддержкой наземного вторжения, и все же после передышки продолжительностью всего в две недели новая серия налетов вывела из строя многие предприятия по производству горючего. 22 июня были уничтожены мощности для производства 9/10 авиационного бензина, суточный объем его производства снизился всего до 632 т. Когда интенсивность налетов несколько ослабла, мы еще раз повысили его уровень до 2307 т, что составляло ровно 40% прежнего объема. Но еще через четыре дня, 21 июля, с выпуском всего 120 т мы практически оказались на мели. 98% производства горючего для авиации остановилось.

Впрочем, противник дал нам все же возможность запустить часть производств химического гиганта «Лойна», благодаря чему мы к концу июля смогли поднять суточную выдачу горючего для авиации до 609 т. Теперь уже считалось успехом, если нам удавалось дать хотя бы десятую часть прежнего объема. Но повторявшиеся налеты настолько разладили систему трубопроводов на химических заводах, что не только прямые попадания, но и просто удары взрывной волны, проседание грунта повсюду вызывали нарушение герметичности монтажных систем. Ремонт их был практически невозможен. В августе мы дали 10%, в сентябре — 15%, в октябре опять — 10% наших прежних объемов. И только в ноябре 1944 г. мы, несколько неожиданно даже для самих себя, выдали 28% (633 т в сутки). Причесанные отчеты различ-

ных органов вермахта, записано в нашей учрежденческой хронике 22 июля 1944 г., вызывают у министра опасения, что критическое положение в полном объеме руководством не осознается. Моя обеспокоенность продиктовала мне шестью днями позднее памятную записку Гитлеру о положении с горючим, которая в значительной своей части была почти идентична другой, более ранней, от 30 июня. В обеих отмечалось, что ожидаемые в июле и августе потери производственных мощностей с неизбежностью поведут к израсходованию основных резервов авиабензина и иных видов горючего и в результате возникнет непреодолимая пропасть, что может иметь «трагические последствия».

Одновременно я предложил Гитлеру некоторые варианты, которые могли бы нам позволить избежать столь тяжких последствий или, по крайней мере, оттянуть их. В качестве важнейшего инструмента я испрашивал у Гитлера полномочий на тотальную мобилизацию на восстановительные работы всех наличных трудовых ресурсов. Я предложил предоставить Эдмунду Гайленбергу, очень крепкому руководителю отрасли боеприпасов, неограниченные возможности для ремонтных работ предприятий горючего, вплоть до реквизиции любых строительных материалов, свертывания других производств и переброски оттуда рабочей силы. Сначала Гитлер отклонил это: «Если я дам такие полномочия, то у нас сразу же сократится выпуск танков. Так не пойдет! Этого я не могу допустить ни в коем случае». Было видно, что он все еще не осознал серьезности положения, хотя мы уже не раз и не два беседовали о надвигающейся угрозе. «Танки, — пытался я объяснять снова и снова, — утрачивают всякий смысл, если мы не обеспечим их достаточным количеством горючего». Только после того, как я пообещал ему поддержание выпуска танков в прежних объемах, а Заур это обещание подкрепил, Гитлер поставил свою подпись. Через два месяца на восстановительных работах на заводах по производству синтетического топлива было занято 150 тысяч рабочих,

в том числе — наиболее квалифицированных, остро необходимых в производстве вооружений. К концу осени мы мобилизовали уже 350 тысяч.

Диктуя стенографистке свою памятную записку, я возмущался некомпетентностью руководства. Передо мной лежали доклады моего планового отдела о ежесуточных потерях производственных мощностей, о недопроизводстве продукции и о предполагаемых сроках возобновления работы. Но последнее могло стать возможным при единственном условии, что удастся не допустить дальнейших вражеских налетов или, по крайней мере, резко их ограничить. Я прямо-таки умолял Гитлера в своей памятной записке от 28 июля 1944 г. «использовать существенно большую часть вновь производимых истребителей для прикрытия неба над Германией». Неоднократно я заклинал Гитлера подумать, не является ли более целесообразным «обезопасить в первую голову прикрытием истребительной авиации заводов синтетического топлива с тем, чтобы в августе и сентябре стало возможным хотя бы частичное возобновление выпуска продукции, чем действовать прежними методами, зная наверняка, что в сентябре или октябре ВВС как на фронте, так и в тылу будут парализованы отсутствием горючего».

Я уже вторично ставил Гитлера перед этим выбором. После нашего тогдашнего совещания на Оберзальцберге в конце мая Гитлер принял план Галланда, согласно которому из произведенных сверх плана истребителей предполагалось создать особый воздушный флот для защиты немецкой территории. Со своей стороны, Геринг на представительном совещании в Каринхалле торжественно пообещал — после того как присутствовавшие представители нефтехимической промышленности еще раз описали ему безнадежность положения — ни при каких условиях не отправлять воздушный флот «Рейх» на фронт. Но после начала вторжения на Западе Гитлер и Геринг перебросили его во Францию. За несколько недель без какого-либо видимого эффекта он

там был выведен из строя. И вот теперь, в конце июля, Гитлером и Герингом снова были даны заверения, снова был сформировано соединение в 2000 истребителей для защиты рубежей отечества. В сентябре оно должно уже было быть введено в действие, и снова недомыслие обрекло эту оборонительную меру на неудачу.

В своем выступлении 1 декабря на одном из совещаний по вопросам вооружений я поделился следующими соображениями о последнем периоде: «Следует отдавать себе отчет в том, что те люди, которые в штабах противника разрабатывают налеты, исходя из соображений нанесения урона нашему хозяйству, кое-что смыслят в немецкой экономике, что у них — в отличие от наших бомбардировок — умное планирование. Нам еще повезло, что противник только в последние полгода или три квартала начал действовать последовательно в духе этого планирования... а до этого, если встать на его точку зрения, делал глупости». Произнося эти слова, я еще не знал, что уже 9 декабря 1942 г., т.е. двумя годами ранее, экспертное заключение американского «Экономик уорфозер дивижн» гласило, что гораздо эффективнее «произвести максимальное разрушение в отдельных, действительно решающих отраслях промышленности, чем незначительные... во многих. В первом случае результаты взаимно кумулируются; следует с непреклонной решимостью придерживаться однажды принятого плана». Замысел был верный, но исполнение его — посредственное.

В августе 1942 г. Гитлер на совещаниях с руководством военно-морского флота заявлял, что успешная десантная операция противника предполагает овладение им одним из крупных портов. Без этого противник, высадившийся на каком-либо ограниченном отрезке берега, будет не в состоянии создать необходимое транспортное обеспечение людей и техники, чтобы выстоять перед контрударами немецких вооруженных сил. При огромной протяженности французской, бельгийской и голландской береговых линий создание единой

системы укреплений из близко друг от друга расположенных и друг друга поддерживающих бункеров намного превзошло бы возможности немецкой строительной индустрии. Кроме того, откуда было взять столько солдат, чтобы заполнить такую оборонительную систему. Поэтому было решено только вокруг самых крупных портов возвести несколько бункеров, тогда как промежуточные отрезки побережья получали на значительном расстоянии друг от друга только наблюдательные бункера. 15 тысяч небольших бункеров должны были послужить солдатам укрытием во время артподготовки десантной операции. Гитлеру представлялось, что в момент самой высадки неприятеля немецкие солдаты вступят во встречный бой, тогда как слишком прикрытая позиция сковывает такие необходимые в бою достоинства, как мужество и готовность к самопожертвованию. Эти оборонительные сооружения были спланированы лично Гитлером — вплоть до мельчайших деталей, даже отдельные разновидности бункеров он, обычно в ночные часы, рисовал сам. Это были эскизы, но очень точно выполненные. Без ложной скромности он утверждал, что его проекты самым идеальным образом учитывают все потребности фронтового солдата. Эти эскизы, почти без всяких изменений, принимались генералами военно-инженерных войск и спускались вниз для исполнения.

За два года торопливого строительства мы на эти цели израсходовали 13 302 000 кубометров бетона стоимостью в 3,7 млрд. марок, туда же ушли 1,2 млн. тонн металла, оторванного от промышленности вооружений. И все эти гигантские расходы были опрокинуты всего за две недели после высадки неприятеля благодаря одной-единственной гениальной технической идее. Как известно, десантные части прибуксовали свои собственные портовые сооружения. Построенные по очень точным чертежам, они были смонтированы под Арроманшем и Омаха на открытом берегу с разгрузки точными эстакадами и прочим оборудованием, которые по-

зволили обеспечить подвоз и разгрузку боеприпасов, техники, продовольствия и контингентов подкрепления. Это опрокинуло все оборонительные планы.

Роммель, назначенный Гитлером в конце 1943 г. на должность Инспектора обороны побережья, обнаружил больше здоровой дальновидности. Незадолго до этого назначения он был вызван Гитлером в восточнопрусскую ставку. После продолжительной беседы Гитлер проводил фельдмаршала до отведенного ему бункера, где его уже поджидал я. Дискуссия получила новый импульс, когда Роммель без всяких экивоков заявил Гитлеру: «Мы должны сковать противника при первом же десанте. Бункеры вокруг портовых городов для этого малопригодны. Только очень простые, но эффективные заграждения и препятствия по всему берегу могут настолько осложнить высадку, что наши контрмеры сработают». Роммель выражался определенно и четко: «Не удастся это, и тогда, несмотря на Атлантический вал, десантная операция проходит успешно. В Триполи и Тунисе в последнее время проводились такие массированные бомбардировки, что даже наши отборные части были совершенно деморализованы. Если вы не в состоянии это пресечь, то тогда и все остальные мероприятия ничего не дадут, включая и заграждения». Роммель был вежлив, но держал всех на дистанции, он избегал, почти подчеркнуто, употребление обращения «мой фюрер». Он снискал себе у Гитлера репутацию настоящего специалиста, в особенности по отражению наступлений с Запада. Только поэтому он и воспринимал критические высказывания Роммеля спокойно. Последний аргумент — о массированных бомбардировках — он, кажется, ждал заранее: «Именно это я и хотел вам, господин фельдмаршал, сегодня показать». Гитлер подвел нас к экспериментальному образцу покрытой сверху до низу тяжелой броней машине, на которой было смонтировано 88-миллиметровое зенитное орудие. Солдаты продемонстрировали подготовку к отражению атаки, систему, не допускающую отклонения ствола при вы-

стреле. «Так сколько же таких орудий вы сможете нам, господин Заур, поставить в ближайшие же месяцы?» Заур пообещал несколько сот штук. «Вот видите, при помощи таких вот бронированных противозенитных орудий вполне возможно не допустить концентрации неприятельских бомбовозов над нашими дивизиями». Роммелю, по-видимому, надоело полемизировать со столь дилетантскими представлениями. Во всяком случае, он только пренебрежительно, чуть ли не сочувственно улыбнулся. Гитлер, заметив, что он не вызвал у собеседника того эффекта, на который рассчитывал, коротко попрощался и, расстроенный, направился со мной и Зауром к своему бункеру на следующее совещание. Об этом эпизоде он не обмолвился ни словом. Позднее, когда высадка десанта уже произошла, Зепп Дитрих дал мне очень наглядный отчет о деморализующем воздействии ковровых бомбардировок на его элитную дивизию. Те из солдат, которые выжили, утратили психологическое равновесие, стали апатичными, и их боеспособность, даже тех, кому удалось избежать ранений, была подавлена на несколько дней.

6 июня около десяти часов утра я находился в Бергхофе, когда один из адъютантов Гитлера сообщил, что ранним утром начался десант. «Фюрера уже разбудили?» Он отрицательно покачал головой: «Нет, новости докладываются ему только после завтрака». Поскольку в последние дни Гитлер все время говорил, что противник, скорее всего, начнет с отвлекающего наступления, чтобы оттянуть наши части от действительного места высадки, то никто и не хотел будить Гитлера, чтобы не наслушаться упреков в совершенно неверной оценке обстановки.

На состоявшейся несколькими часами позднее в гостинице Бергхофа «ситуации» Гитлер, казалось, только укрепился в своем предвзятом представлении, что противник стремится ввести его в заблуждение. «Вы еще помните? Среди вороха донесений, которые мы получили за последние дни, было одно, которое точно предска-

зывало место, день и час высадки десанта. Вот это-то и усиливает мое предположение, что сейчас речь еще не может идти о настоящем десанте». Эта информация, по словам Гитлера, была подброшена ему шпионской сетью противника, чтобы отвлечь его внимание от подлинного места операции и заставить его ввести в действие свои дивизии слишком рано и не на том месте. Так, введенный в заблуждение точным донесением, он отказался от своего прежнего и правильного представления, что побережье Нормандии может оказаться наиболее вероятным местом вторжения.

В предшествующие высадке недели Гитлер получил от конкурирующих разведывательных организаций СС, вермахта и МИДа противоречащие друг другу агентурные данные о ее времени и месте. Как и во многих иных областях, Гитлер и здесь взялся сам за труднейшую даже для специалистов работу — оценку достоверности поступившей информации, надежности ее источников. Он всю иронию изложил над бездарностью различных служб и в конце концов вообще высказался о бессмысленности разведывательных служб: «Как вы полагаете, сколько из этих проверенных агентов оплачиваются западными союзниками? Они снабжают нас заведомо ложной информацией. Я пока даже и не стану извещать Париж. Пока все это надо задержать. Это только будет нервировать наши штабы».

Только к полудню был решен самый насущный вопрос — выдвинуть находящийся во Франции резерв Верховного командования вермахта против высадившегося англо-американского десанта. Гитлер оставил за собой право принимать решение о передвижении каждой дивизии. Очень неохотно уступил он требованию командующего западной группой войск фельдмаршала Рундштедта ввести эти дивизии в бой. Из-за этой потери времени две танковые дивизии уже не смогли воспользоваться ночью с 6 на 7 июня для броска вперед. Днем же их продвижение было сильно затруднено бомбардировками противника, и они понесли тяжелые по-

тери людей и техники, прежде чем вступили в соприкосновение с противником. Этот для всего хода войны столь важный день прошел, как этого и можно было ожидать, отнюдь не в лихорадочной активности. В критических ситуациях Гитлер всегда старался сохранять спокойствие, и его штаб копировал эту сдержанность. Проявить нервозность или озабоченность — значило бы погрешить против установившегося здесь тона и стиля отношений.

На протяжении нескольких последующих дней Гитлер в своем, весьма примечательном, но и становящемся все более абсурдным недоверии, сохранял уверенность, что речь идет все же об отвлекающем десанте, проводимом с единственной целью вынудить его к невыгодной диспозиции в оборонительных операциях. По его мнению, настоящая высадка произойдет все же совсем в другом месте, совершенно не прикрытом войсками. Да и флотское руководство считало избранную союзниками местность неподходящей для крупномасштабного десанта. По временам он ожидал основного удара в районе Кале, как бы требуя от противника, чтобы тот подтвердил его правоту: еще в 1942 г. он приказал установить там под бетонным панцирем метровой толщины корабельные орудия главного калибра. Этим и объяснялось то, что он не ввел в бои на побережье Нормандии стоявшую под Кале 15-ю армию.

Было и еще одно соображение, укреплявшее Гитлера в ожидании наступления от Па-де-Кале. Здесь располагались 55 стартовых площадок для запуска ракетных снарядов по Лондону, число запусков которых могло бы достигать нескольких сотен в день. Гитлер предполагал, что настоящая высадка десанта должна произойти прежде всего в месте дислокации этих снарядов. Почему-то он никак не хотел согласиться, что союзники и из Нормандии очень скоро могли бы занять эту область Франции. Он прежде всего рассчитывал на то, что в тяжелых боях удастся сузить район развертывания десанта противника.

Гитлер, да и все мы ожидали, что этот новый вид оружия «Фау-1» вызовет в стане противника ужас, хаос и общий паралич. Мы переоценили его действенность. Я, правда, принимая во внимание невысокую скорость полета этих ракетных снарядов, советовал Гитлеру запускать их только при низкой облачности. Но он с этим не считался. Когда 12 июня по отданному Гитлером в спешке приказу были катапультированы первые «Фау-1», то из-за организационных неполадок на позицию были доставлены лишь десять ракет, и только пять из них достигли Лондона. Гитлер уже успел позабыть, что он сам порол горячку, и весь свой гнев обрушил теперь на конструкторов-разработчиков. Во время «ситуации» Геринг поспешил свалить всю вину на своего противника Мильха, а Гитлер уже был готов отдать приказ о снятии с производства этих, как он теперь полагал, совершенно неудачных ракет. Но когда начальник пресс-бюро ознакомил его с преувеличенными, сделанными в сенсационном духе сообщениями лондонской прессы о разрушительном эффекте «Фау-1», настроение его резко изменилось. Теперь он уже настаивал на увеличении их производства. Тут выступил Геринг и заявил, что эти ракеты — крупное достижение его люфтваффе и что он лично всегда требовал их разработки и всемерно ей содействовал. О Мильхе, козле отпущения предыдущего дня, даже не вспомнили.

До начала высадки англичан и американцев Гитлер подчеркивал, что с первого же дня будет лично руководить операциями во Франции. Для этой цели Организация Тодт, истратив бесчисленные миллионы марок, многие сотни километров телефонного кабеля, прорву бетона и дорогостоящее прочее оборудование, построила две ставки. В те дни, теряя Францию, Гитлер оправдывал чудовищные расходы тем, что, по крайней мере, одна из этих ставок расположена точно на будущей западной границе Германии и может поэтому использоваться как часть всей оборонительной системы. 17 июня он посетил эту расположенную между Суассо-

ном и Лаоном ставку, так называемую В-2, чтобы в тот же день возвратиться на Оберзальцберг. Он был недоволен: «У Роммеля сдали нервы, стал совсем пессимистом. Сегодня же добиться чего-либо могут только оптимисты». После таких высказываний смещение Роммеля могло быть только делом времени. Так он высказывался, будучи еще убежденным в непреодолимости своих оборонительных рубежей, которые он выдвинул против десанта. В тот вечер он поделился со мной, что В-2 не очень-то надежна, так как расположена в зараженной партизанами Франции.

Почти одновременно с первыми крупными успехами операции вторжения 22 июня 1944 г. началось наступление советских войск, которое скоро закончилось потерей двадцати пяти немецких дивизий. Теперь продвижение Красной армии уже невозможно было сдерживать и летом. Даже в эти недели, когда рушились три наших фронта — на западе, востоке и в воздухе, — Гитлер еще раз доказал, что у него железные нервы и поразительная выдержка.

Когда 24 июня 1944 г., т.е. в самые критические дни трехкратной военной катастрофы, о которой уже была речь, я попытался на совещании по вопросам вооружений вдохнуть в присутствующих уверенность в завтрашнем дне, я потерпел весьма ощутимое фиаско. Когда сегодня я читаю текст той речи, я ужасаюсь моей почти гротескной лихости, с которой я старался уверять серьезных людей, что предельное напряжение всех сил еще может привести к успеху. В заключение своих соображений я выразил убежденность в том, что мы в нашей области справимся с надвинувшимся кризисом, что и в будущем году мы обеспечим такой же прирост продукции, как и в прошедшем. Меня куда-то несло в потоке речи; я говорил о надеждах, которые в свете действительного положения дел должны были казаться полетом фантазии. Правда, ближайшие месяцы действительно, показали, что мы все еще можем наращивать производство вооружений. Но разве не был я достаточно реали-

стичным в целой серии памятных записок для Гитлера, в которых я определенно указывал на приближающийся конец? Одно было реальным сознанием, другое — верой. В полнейшем разрыве одного с другим выражалось какое-то особое помрачение разума, с ними встречало все ближайшее окружение Гитлера неотвратно надвигающийся конец.

Только в самом последнем абзаце моей речи снова прорезалась мысль об ответственности, выходящей за рамки личной лояльности, к Гитлеру ли, к своим ли сотрудникам. Прозвучала она как заурядная ораторская завитушка, но я вкладывал в нее большее: «Мы исполняем свой долг, с тем чтобы выжил наш немецкий народ». Это было именно то, что аудитория промышленников и хотела услышать. Сам я впервые публично присягнул более высокой ответственности, к которой во время своего визита в апреле взывал Роланд. Эта мысль постоянно во мне крепла. Мало-помалу я начинал видеть в ней новую задачу, ради претворения которой еще стоило работать.

Было ясно, что убедить я капитанов промышленности не смог. Сразу после моей речи и в последующие дни работы конференции прозвучало немало голосов, полных безнадежности. Еще десять дней назад Гитлер согласился сам выступить перед промышленниками. Теперь мне казалось особенно важным, чтобы подавленные участники конференции испытали мобилизующую силу его речи.

Неподалеку от Бергхофа еще до войны по приказу Бормана была выстроена гостиница для бесчисленных пилигримов к Оберзальцбергу, чтобы дать им возможность отдохнуть или даже провести ночь неподалеку от Гитлера. В кофейном зале гостиницы «Платтерхоф» 26 июня собрались примерно сто представителей промышленности вооружений. На совещании в Линце я уловил, что их неудовольствие направлено в том числе и против все большего распространения власти партийного аппарата на экономическую жизнь. И в самом деле,

среди многих партфункционеров все прочнее утверждалась мысль о некоей разновидности государственного социализма. Налицо было стремление распределить между гау все находящиеся в собственности государства предприятия и подчинить их предприятиям, принадлежащим гау; кое-где эта тенденция сумела добиться уже первых успехов. В первую очередь речь шла о предприятиях, перебазированных в подземные помещения, сооружение и финансирование которых осуществлялось государством, а руководящий персонал, квалифицированные рабочие коллективы и оборудование поставлялись частными фирмами. После окончания войны над ними первыми нависала опасность попасть под контроль государства. Именно наша, обусловленная обстановкой войны система управления, да еще и оказавшаяся очень эффективной, могла бы стать основой государственно-социалистического экономического порядка; получалось так, что как раз наша промышленность, добивавшаяся все больших достижений, давала в руки партийным вождям своего рода инструмент для подготовки ее собственной гибели.

Я попросил Гитлера учесть эту обеспокоенность в его выступлении. Он предложил мне наметить несколько ключевых мыслей. И я набросал их ему: дать сотрудникам предприятий, работающих по методу «самоответственности промышленности», заверения, что в надвигающиеся тяжелые времена им будет оказана помощь; далее — подчеркнуть, что их оградят от вмешательства местных партинстанций, а также, наконец, решительно заверить в «неприкосновенности частной собственности на заводы, в том числе и в случаях их временного перебазирования как госпредприятий в подземные производственные помещения; свободная экономика после войны и принципиальное отклонение всяких проектов огосударствления промышленности».

Произнося речь, в которой Гитлер по смыслу придерживался моих заготовок, он производил какое-то заторможенное впечатление. Допускал оговорки, спотыкался,

не заканчивал предложения, опускал логические переходы и местами просто путался. Все это свидетельствовало о предельном переутомлении. Как раз в эти дни обстановка на Западном фронте ухудшилась настолько, что падение первого крупного порта, Шербурга, было уже предопределено. Этот успех западных союзников означал решение всех их проблем транспортных поставок, что, в свою очередь, должно было значительно повысить боеспособность армии вторжения.

Поначалу Гитлер отмел все идеологические предрассудки, «потому что имеет право на существование только одна догма, и смысл ее краток: правильно то, что само по себе полезно». Этим он подтвердил еще раз свой прагматический склад ума и, в сущности говоря, по точному смыслу слов, снова взял назад все гарантии, данные индустрии.

Гитлер дал простор своему пристрастию к историко-философским теориям, довольно смутным концепциям развития, путано заверял, «что творческая сила не только создает, но и созданное ею берет под свое управление. Это исходная точка того, что мы понимаем вообще под категорией частного капитала, или частного имущества, или частной собственности. Поэтому это совсем не так, как думает коммунист, что будущее якобы принадлежит коммунистическому уравнительному идеалу, а как раз наоборот — чем дальше вперед будет развиваться человечество, тем все более дифференцированными будут индивидуальные достижения, а потому и распоряжение заработанным целесообразнее всего передать тем, кто свершает эти достижения... Единственную предпосылку для любого действительно восходящего развития, да, для дальнейшего развития всего человечества» я усматриваю в «поощрении частной инициативы. Когда эта война завершится нашей победой, тогда частная инициатива германской экономики вступит в свою самую великую эпоху! Что тогда должно быть создано! Только не верьте, что я тогда открою несколько государственных проектных бюро или несколько госу-

дарственных контор по экономике... И когда снова придет эпоха германской мирной экономики, тогда у меня не будет иного интереса, чем дать возможность работать величайшим гениям германской экономики... Я им очень благодарен, что они обеспечили выполнение военных задач. Примите как мою величайшую благодарность мое обещание, что в будущем моя признательность не ослабнет и что никто в немецком народе не сможет выступить и сказать, что я когда-либо нарушал мою программу. А это значит, что если я вам говорю, что после войны немецкая экономика вступит в эпоху своего величайшего расцвета, величайшего во все времена, то вы должны воспринимать это как обещание, которое в один прекрасный день сбудется».

На протяжении его негладкой и беспорядочной речи ему почти не хлопали. Мы были словно громом пораженные. Возможно, эта сдержанность аудитории подтолкнула его к тому, что он вдруг стал запугивать руководителей промышленности тем, что последует за проигранной войной: «Не может быть никаких иллюзий, что в случае проигрыша войны может выжить какая-то частная немецкая экономика. С уничтожением всего немецкого народа погибнет, что совершенно естественно, и немецкая экономика. И погибнет не только потому, что ее враги не желают сталкиваться с немецкой конкуренцией, — это все же слишком поверхностный взгляд, — а потому, что речь идет вообще о вещах принципиальных. Идет битва, в которой столкнулись два решающих мировоззрения: или откат человечества на несколько тысячелетий назад, в самое примитивное состояние, с массовым производством, которым управляет исключительно государство, или дальнейшее развитие человечества путем поощрения частной инициативы». Несколькими минутами позднее он снова вернулся к этой мысли: «Если война будет проиграна, то вам не придется заниматься переводом хозяйства на мирные рельсы. Тогда для каждого в отдельности взятого останется только продумать свой частный перевод отсюда в мир

лучший: совершит ли он его сам, по доброй воле, или же он предпочтет быть повешенным, или захочет работать в Сибири — таковы вот размышления, которыми тогда придется заняться каждому в отдельности». Эти фразы Гитлер произнес почти издевательски, во всяком случае, в них слышался отзвук презрения к этим «трусливым бюргерским душонкам». И это не осталось незамеченным, и уже одно это разбило все мои надежды на то, что речь Гитлера даст новый импульс руководителям промышленности.

По мере того как положение ухудшалось, Гитлер становился все более нетерпимым и еще более неприступным для любого довода, который оспаривал принятые им решения. Его ожесточение имело самые серьезные последствия и в области военной техники, они грозили обесценить наше как раз самое ценное достижение из арсенала «чудо-оружий» — истребитель «Me 262», самый современный, с двумя реактивными двигателями, перешагнувший скорость в 800 км/ч, с вертикальным набором высоты, какого не было ни у одного самолета противника.

Еще в 1941 г., будучи архитектором, при посещении авиазаводов Хейнкеля в Росток я услышал оглушительный рев одного из первых реактивных двигателей, установленного на испытательном стенде. Конструктор, профессор Хейнкель, усиленно настаивал на использовании этого революционного изобретения в самолетостроении. Во время конференции по вопросам вооружений на испытательном аэродроме люфтваффе в Рехлине в сентябре 1943 г. Мильх протянул мне молча только что доставленную телеграмму. Это был приказ Гитлера о немедленном снятии с серийного производства истребителя «Me 262». Мы решили как-то обойти запрет. Но работы велись теперь уже по другой катего-

рии срочности — совсем не с той, которая была бы настоятельно нужна.

Примерно месяца через три, 7 января 1944 г., Мильху и мне было срочно приказано прибыть в ставку. Вырезка из английской газеты, сообщавшая о приближении успешных испытаний английских реактивных самолетов, все перевернула. Полный нетерпения, Гитлер потребовал, чтобы в самые краткие сроки было изготовлено максимально возможное количество самолетов такого типа. Поскольку же все подготовительные работы были тем временем временно прекращены, то мы смогли пообещать выпуск таких машин не ранее июля 1944 г. и в количестве не более шести десятков в месяц. С января 1945 г. их месячное производство должно было вырасти до 210 единиц.

Уже на этом совещании Гитлер дал понять, что подумывает о том, как бы этот истребитель использовать в качестве сверхскоростного бомбардировщика. Специалисты из ВВС были сражены. Правда, тогда они еще верили, что сумеют найти убедительные аргументы, чтобы в конце концов отговорить Гитлера от этой затеи. Но произошло прямо противоположное: упрямо Гитлер потребовал снятия всего бортового вооружения, чтобы увеличить бомбовый вес. Реактивным самолетам нет нужды обороняться, сказал он, благодаря своему превосходству в скорости они все равно не могут подвергнуться атаке истребителей неприятеля. Полный скепсиса в отношении нового изобретения, он распорядился, что для обеспечения щадящего фюзеляж и двигатели режима первое время следует совершать главным образом полеты по прямолинейным маршрутам и на большой высоте, а для снижения физических перегрузок на еще не до конца прошедшем испытании самолете согласиться со снижением скоростей.

Эффективность этих малых бомбардировщиков с бомбовым грузом всего около 500 кг и с весьма примитивными приборами наведения на цель оказалась до смешного ничтожной. В качестве же истребителя каж-

дая из этих реактивных машин могла бы, благодаря своим скоростным качествам, сбивать по несколько американских четырехмоторных бомбардировщиков, которые день за днем обрушивали на немецкие города тысячи тонн взрывчатки.

В конце июня 1944 г. Геринг и я снова предприняли — снова тщетно — попытку переубедить Гитлера. К этому времени летчики-истребители уже налетали немало часов на новых машинах и настаивали на их использовании против американских воздушных флотов. Гитлер ушел от ответа: летчики-истребители, рассуждал он, готовый бездумно пустить в ход любой аргумент, будут при быстром взлете или крутом маневре испытывать из-за скоростных свойств машины гораздо более сильные физические перегрузки, чем те, к которым они привыкли, и опять-таки из-за своих бешеных скоростей они будут в воздушном бою проигрывать истребителям противника, более медленным и вследствие этого более увертливым. То же, что новые истребители имеют возможность лететь на большей высоте, чем самолеты сопровождения американских бомбардировщиков, и то, что высокие скорости позволяли бы им успешно атаковать тихоходные соединения американских бомбардировщиков, не имело для Гитлера, если уж у него сложилось иное мнение, ровно никакого значения. И чем больше пытались мы переубедить его, тем упрямее он становился и утешал нас дальними перспективами, когда он, естественно, разрешит использование части этих машин в качестве истребителей.

Самолеты, об использовании которых мы вели спор в июне, существовали тогда всего в нескольких проходивших испытания вариантах; тем не менее от приказа Гитлера зависело планирование военного производства на длительную перспективу, ведь именно с этим истребителем генеральные штабы родов войск связывали надежды на решительный поворот в войне в воздухе. Все, кому служебное положение хоть в какой-нибудь мере позволяло подступиться к этой проблеме, пытались пе-

реубедить Гитлера перед лицом нашего отчаянного положения в войне в воздухе. Йодль, Гудериан, Модель, Зепп Дитрих и, конечно, влиятельные генералы ВВС настойчиво сопротивлялись чисто дилетантскому решению Гитлера. Но результатом было только его усиливавшееся раздражение против них. Ему не без основания чудилось, что все эти попытки определенным образом ставят под вопрос его полководческую и техническую компетентность. Осенью 1944 г. он, наконец, избавился от этого спора и вызываемой им неуверенности способом весьма примечательным — он просто запретил всякое дальнейшее обсуждение этой темы.

Когда я сообщил по телефону генералу Крайпе, недавно назначенному начальником Генерального штаба ВВС, что в своем докладе Гитлеру в середине сентября я собираюсь написать и по вопросу о реактивных самолетах, он мне настоятельно советовал не затрагивать эту тему даже намеками: одно упоминание о «Me 262» выведет его совершенно из себя и создаст новые трудности. К тому же Гитлер сразу же подумает, что моя инициатива подсказана им, начальником Генерального штаба люфтваффе. Пренебрегая этой просьбой, я все же тогда еще раз упрекнул Гитлера в том, что использование машины, сконструированной как истребитель, в качестве бомбардировщика бессмысленно и в условиях нынешнего военного положения просто ошибочно, что подобного мнения придерживаются не только летчики, но и армейские офицеры. Гитлер отмахнулся от моих упреков, и я — после стольких безуспешных усилий — счел за благо вернуться к узковедомственному мышлению. Ведь и впрямь вопросы боевого применения самолетов столь же мало касались меня, как и определение их типов, запускаемых в производство.

Реактивный самолет был не единственным новым, с превосходящими вооружение противника боевыми свойствами оружием, которое в 1944 г. должно было быть передано разработчиками для серийного производства. У нас были летающие управляемые снаряды,

ракетоплан, обладавший еще более высокой скоростью, чем реактивный самолет, самонаводящаяся по тепловому излучению ракета против самолетов, морская торпеда, способная преследовать, ориентируясь по шуму моторов, военное судно, даже если бы оно удира-ло, постоянно меняя свой курс. Была завершена разработка ракеты «земля—воздух». Авиаконструктор Липпиш подготовил чертежи реактивного самолета, далеко обогнавшего тогдашний уровень самолетостроения, — летающего крыла.

Можно сказать, что мы прямо-таки испытывали трудности от обилия проектов и разработок. Концентрация на нескольких немногих типах вооружения позволила бы, конечно, многое довести до конца намного раньше. Недаром на одном из совещаний ответственной инстанции было решено не столько увлекаться впредь новыми идеями, а отобрать из наших уже реальных проектных заделов разумное и соответствующее нашим производственным возможностям количество типов и решительно продвигать их.

И ведь снова Гитлер оказался тем, кто, несмотря на все тактические ошибки союзников, сделал те шахматные ходы, которые помогли им в 1944 г. добиться успеха в воздушном наступлении. Он не только затормозил разработку реактивного истребителя и приказал превратить его в легкий бомбардировщик — он носился с идеей тяжелой ракеты, которая должна была принести Англии Возмездие. С конца июля 1943 г. по его приказу огромный производственный потенциал был переключен на создание ракеты, получившей название «Фау-2», 14 метров длиной и весом в три тонны. Он требовал выпуска 900 таких ракет в месяц. Абсурдной была сама идея противопоставить бомбардировочной авиации образца 1944 г., которая на протяжении многих месяцев (в среднем по 4100 вылетов в месяц) сбрасывала с четырехмоторных бомбардировщиков ежедневно три тысячи тонн взрывчатки на Германию, ракетные залпы, которые могли бы доставлять в Англию 24 т взрывчатки,

т.е. бомбовый груз налета всего шести «летающих крепостей».

Это, по-видимому, была моя самая тяжелая ошибка за время руководства немецкой военной промышленностью — я не только согласился с этим решением Гитлера, но и одобрил его. И это — вместо того, чтобы сконцентрировать наши усилия на создании оборонительной ракеты «земля—воздух». Еще в 1942 г. под кодовым названием «Водопад» ее разработка продвинулась настолько далеко, что было уже почти возможно запускать ее в серию. Но для этого на ее доводке нужно было бы сосредоточить все таланты техников и ученых ракетного центра в Пенемюнде под руководством Вернера фон Брауна.

Имея длину в восемь метров, эта реактивная ракета была способна с высокой прицельной точностью поражать бомбардировщики противника на высоте до 15 километров и обрушивать на них 300 кг взрывчатки. Для нее не имели значения время суток, облачность, мороз или туман. Уж если мы смогли позднее осилить месячную программу производства 900 тяжелых наступательных ракет, то, вне всякого сомнения, смогли бы наладить ежемесячный выпуск нескольких тысяч этих небольших и более дешевых ракет. Я и сегодня полагаю, что ракеты в комбинации с реактивными истребителями могли бы с начала 1944 г. сорвать воздушное наступление западных союзников с воздуха на нашу промышленность. Вместо этого огромные средства были затрачены на разработку и производство ракет дальнего действия, которые, когда осенью 1944 г., наконец, дошло дело до их боевого применения, обнаружили себя как почти полная неудача. Наш самый дорогой проект оказался и самым бессмысленным. Предмет нашей гордости, какое-то время и мне особенно импонирующий вид вооружения обернулся всего лишь растратой сил и средств. Помимо всего прочего, он явился одной из причин того, что мы проиграли и оборонительную воздушную войну.

Еще с зимы 1939 г. у меня установились тесные связи с исследовательско-конструкторским центром в Пенемюнде, хотя на первых порах лишь в роли строительного подрядчика. Мне бывало приятно в этом кружке далеких от политики молодых научных работников и изобретателей, во главе которых стоял 27-летний Вернер фон Браун, человек целеустремленный и как-то по-особенному реалистически нацеленный в будущее. Было необычно уже одно то, что такому молодому, без многолетней проверки делом за плечами коллективу дали возможность работать над проектом стоимостью во многие миллионы марок, тем более что практическое осуществление лежало в далеком будущем. Под отеческим попечительством полковника Вальтера Дорнбергера эти молодые люди, избавленные от бюрократических препон, могли работать свободно, а иногда и развивать выглядевшие почти утопическими идеи.

Я был просто захвачен тем, что я увидел здесь еще в 1939 г. в виде первых набросков: это было как планирование чуда. Эти технари с их фантастическими картинками будущего, эти романтики с их расчетами производили на меня при каждом моем их посещении совершенно особое впечатление, и как-то незаметно для себя я почувствовал, что они мне сродни. Это чувство уже сразу прошло проверку делом, когда поздней осенью 1939 г. Гитлер вычеркнул этот проект вообще из всяких категорий срочности, тем самым автоматически отпадали кадровые возможности и поставки материалов. По доверительному соглашению с Управлением вооружений сухопутных сил я, не имея на то формального разрешения, продолжал тем не менее строить пенемюндские сооружения — непокорность, которую тогда, вероятно, я один мог себе позволить.

После моего назначения на министерский пост я, естественно, самым пристальным образом следил за этим крупным проектом. Гитлер же по-прежнему оставался крайне скептичен: он испытывал принципиальное недоверие ко всем новинкам, которые, как и в слу-

чае с реактивным самолетом или атомной бомбой, выходили за круг технических представлений поколения солдат Первой мировой войны и устремлялись в некий чужой мир.

13 июня 1942 г. со мной в Пенемюнде вылетели начальники управлений вооружений всех трех родов войск вермахта: фельдмаршал Мильх, генерал-адмирал Витцель и генерал-полковник Фромм, чтобы присутствовать при запуске первой дистанционно управляемой ракеты. В просеке соснового бора мы увидели установленный безо всяких поддерживающих конструкций, устремленный в небо снаряд высотой с четырехэтажный дом. В этом было что-то нереальное. Полковник Дорнбергер, Вернер фон Браун, весь штаб и мы с напряженным интересом ожидали результата. Мне было известно, какие надежды связывал с этим экспериментом молодой изобретатель. Для него и его коллектива эта разработка служила прежде всего не совершенствованию вооружений, а прорыву в мир техники будущего.

Легкий дымок говорил о том, что емкости для горячего уже заправлены. В пусковую секунду, сначала как бы нехотя, а затем с нарастающим рокотом рвущего оковы гиганта ракета медленно отделилась от основания, на какую-то долю секунды, казалось, замерла на огненном столбе, чтобы затем с протяжным воем скрыться в низких облаках. Вернер фон Браун сиял во все лицо. Я же был просто потрясен этим техническим чудом — его точностью, опровержением на моих глазах привычного закона тяготения: без всякой механической тяги вертикально в небо вознеслись тринадцать тонн груза! Специалисты принялись объяснять нам, на каком расстоянии сейчас должен находиться снаряд, когда через полторы минуты послышался стремительно нарастающий вой и ракета упала где-то неподалеку. Мы окаменели, взрыв ухнул примерно в километре от нас. Как мы узнали позднее, отказало управление. Но создатели ракеты были удовлетворены, потому что удалось разрешить

самую сложную проблему — отрыв от земли. Гитлер же и впредь сохранял «сильнейшие сомнения» относительно самой возможности прицельного управления ракетой.

14 октября 1942 г. я мог доложить ему, что его сомнения рассеяны: вторая ракета успешно пролетела по намеченной траектории 190 км и с отклонением в четыре километра упала в заданном районе. Впервые продукт человеческого изобретательского духа на высоте чуть более ста километров провел бороздку по мировому пространству. Это казалось шагом навстречу самым смелым мечтам. Теперь уже и Гитлер проявил живой интерес, но по своему обыкновению сразу же резко завысил свои пожелания. Он потребовал, чтобы первый одновременный залп был бы дан «не менее чем пятью тысячами ракет».

После успешного запуска я должен был начать подготовку к серийному производству ракет. 22 декабря 1942 г. я дал Гитлеру на подпись соответствующий приказ, хотя ракета еще отнюдь не была доведена до стадии ее постановки на поток. Я полагал, что могу взять на себя риск, поскольку по состоянию конструкторской работы и по обещаниям руководителей из Пенемюнде полная техническая документация должна была быть представлена до июля 1943 г.

Утром 7 июля 1943 г. я по поручению Гитлера пригласил Дорнбергера и фон Брауна в ставку. Гитлер хотел расспросить о подробностях «Фау-2». Вместе с Гитлером, только что освободившимся после какого-то совещания, мы направились к кинопавильону, где сотрудники Вернера фон Брауна все подготовили для демонстрации проекта. После краткого вступления погасили свет и начался фильм, в котором Гитлер впервые увидел величественную картину взлетающей вертикально вверх и исчезающей в стратосфере ракеты. Без малейшей робости, с юношеским энтузиазмом Вернер фон Браун давал пояснения к своим чертежам и с того же часа, вне всякого сомнения, он окончательно поко-

рил Гитлера. Дорнбергер продолжал еще рассказывать о каких-то организационных проблемах, а я предложил Гитлеру присвоить фон Брауну звание профессора. «Да, организуйте это сейчас же у Майснера, — оживленно согласился он. — Ради такого случая я сам подпишу диплом».

С пенемюндцами Гитлер распрощался необыкновенно сердечно. Он был под сильным впечатлением, более того — загорелся. Вернувшись в свой бункер, он упивался перспективами, которые открывались этим проектом: «А-4 — это решающая стратегическая акция. И какое бремя свалится с нашей родины, когда мы нанесем такой удар по англичанам! Это решающее в военном отношении оружие и относительно дешевое в производстве. Вы, Шпеер, должны всемерно содействовать А-4. Все, что потребуется — рабочая сила, материалы, — все должно им даваться немедленно. Я уже собирался подписывать программу по танкам. А теперь вот что — пройдитеесь по тексту и уравняйте по категории срочности А-4 с производством танков». «Но, — заключил Гитлер, — на этом производстве мы можем использовать только немцев. Упаси нас Господь от утечки информации за границу!»

Когда мы остались наедине, он переспросил: «Вы не ошиблись? Действительно, этому молодому человеку 28 лет? Я бы дал ему еще меньше». Он находил это просто поразительным, что такой юнец проложил путь технической идее, которая преобразит весь облик будущего. Развивая в последующие годы свой тезис о том, что в наш век люди тратят свои лучшие годы на совершенно бесполезные вещи, что в прежние эпохи Александр Великий в возрасте 23 лет разгромил великую империю, а Наполеон в тридцать одержал свои гениальные победы, то случалось, что он как бы между прочим упоминал и Вернера фон Брауна из Пенемюнде, сотворившего в столь же юные годы настоящее техническое чудо.

Осенью 1943 г. обнаружилось, однако, что наши ожидания были несколько поспешными. Окончательная тех-

ническая документация, вопреки обещаниям, не смогла быть выдана в июле. Не выполнили мы и свое обязательство начать в ближайшее же время серийное производство ракет. Выявились многочисленные просчеты. В особенности — при первых экспериментальных запусках с боеголовками. По непонятным причинам они взрывались преждевременно, при вхождении в атмосферу. Имеется еще ряд нерешенных вопросов — предостерегал я от чрезмерного оптимизма в речи 6 октября 1943 г. Так что «еще рановато говорить с уверенностью о боевом применении этого нового оружия». Следует также учесть, что различие между штучным изготовлением и поточным производством само по себе очень существенное, в данном случае особенно велико из-за особой сложности технического оснащения.

Прошел еще почти целый год: в начале сентября 1944 г. были выпущены первые ракеты по Англии. Не так, как в своих мечтах рисовал себе это Гитлер — не пять тысяч ракет единым залпом, а всего лишь двадцать пять, и тоже не залпом, а в течение десяти дней.

После того как Гитлер воодушевился проектом «Фау-2», Гиммлер также развил активность. Через полтора месяца он предложил Гитлеру обеспечить секретность этой, как представлялось, для исхода войны решающей программы наиболее простым способом: передачей всего производства в концлагерь. Это исключало бы всякий контакт с внешним миром — ведь не существует даже переписки. Одновременно он предложил свои услуги по отбору из числа заключенных рабочей силы любой квалификации. От немецкой промышленности потребуются только административные кадры и инженеры. Гитлер дал добро. У Заура и меня после этого не оставалось выбора. К тому же мы не могли выдвинуть другого, более убедительного решения.

В результате нам было предписано вместе с руководством СС разработать устав для совместного предприятия «Миттельверк». С большой неохотой принялись мои сотрудники за это дело. Их опасения подтверди-

лись очень скоро. Формально за нами оставалась ответственность за само производство. В спорных же случаях мы оказывались вынужденными подчиняться превосходящей силе руководства СС. Тем самым Гиммлер в известном смысле просунул ногу в створку двери, и мы сами помогли ее открыть.

Мое сотрудничество с Гиммлером сразу же после моего назначения на должность министра началось с диссонансов. Почти каждый из имперских министров, с личным и политическим весом которых Гиммлер должен был считаться, получал от него почетное звание СС. Лично мне он заготовил особенно высокое отличие — он пожелал дать мне звание оберстгруппенфюрера СС, соответствующее армейскому чину генерал-полковника и до тех пор почти не присваивавшееся. И хотя он объяснил мне, сколь высока оказанная мне честь, я в самых вежливых выражениях отклонил ее. Я сослался на то, что как сухопутные силы, так и СА, а равно и Национал-социалистский союз автомобилистов также оказали мне честь, предложив высокие почетные звания, но они были мной также отклонены. Чтобы смягчить свой отказ, я предложил возобновить свою активную деятельность в качестве рядового в мангеймской организации СС, не подозревая, впрочем, что я там до тех пор даже и не числился в списках.

Присвоениями высоких званий Гиммлер, само собой разумеется, стремился усилить свое влияние и в тех сферах, которые ему прямо не подчинялись. Подозрительность, с которой я к этому отнесся, оказалась вскоре более чем оправданной. Гиммлер и в самом деле немедленно приложил немало сил, чтобы включиться в вооружение армии, он охотно предлагал как рабсилу заключенных, а уже в 1942 г. показал зубки, чтобы шантажировать кое-кого из моих сотрудников. Насколько можно было понять, он собирался переоборудовать концлагеря в крупные современные производственные единицы, в первую очередь для выпуска военной продукции, которые бы находились в прямом подчинении

СС. Фромм сразу же обратил мое внимание на те опасности, которые могло это решение повлечь за собой для упорядоченного обеспечения армии вооружением. И Гитлер, как вскоре выяснилось, был всецело на моей стороне. У нас уже был весьма печальный опыт сотрудничества с предприятиями СС еще до войны, когда они взялись за изготовление кирпича и обработки гранитных блоков. 21 сентября Гитлер положил конец спору: заключенные должны работать на заводах, находящихся в ведении промышленных организаций по производству вооружений. Гиммлеровскому экспансионизму, как казалось мне, были на первый раз поставлены пределы, по крайней мере, в моей сфере деятельности.

Директора заводов поначалу жаловались на физическое истощение поступавшей от СС рабочей силы, поэтому уже через несколько месяцев их, окончательно изможденных, приходилось отсылать назад в стационарные лагеря. А поскольку только обучение вновь прибывших занимало несколько недель, а мастеров-наставников было и совсем немного, то мы не могли позволить себе каждые несколько месяцев приниматься за обучение сначала. В результате наших жалоб СС существенно улучшил санитарное содержание и питание заключенных. Во время обходов по цехам различных предприятий я вскоре стал замечать, что лица заключенных повеселели и они уже не выглядели столь изголодавшимися.

Принцип самостоятельности в производстве армейского вооружения получил брешь после приказа Гитлера о создании зависимых от СС ракетных предприятий.

В одной из отдаленных долин Гарца еще до войны была оборудована для складирования необходимых для военных целей химикалий разветвленная система пещер. 10 декабря 1943 г. я осмотрел подземные пещеры, в которых предстояло наладить производство «Фау-2». В едва просматривавшихся в длину помещениях заключенные устанавливали оборудование, прокладывали

коммуникации. Ничего не выражающими глазами они смотрели куда-то сквозь меня и механически сдергивали с головы при нашем появлении арестантские картузы из синего тика.

Я не забуду никогда одного профессора французского Пастеровского института, дававшего в качестве свидетеля показания на Нюрнбергском процессе. Он работал на том «Миттельверке», который я осматривал в тот день. Сухо, без всякого волнения, описывал он нечеловеческие условия в этих нечеловеческих фабриках: его не вытравить из моей памяти, и до сих пор меня тревожит его обвинение без ненависти, а только печальное, надломленное и все еще удивляющееся мере человеческого падения.

Условия существования этих заключенных были действительно варварскими. Глубокая боль и чувство личной вины охватывают меня, как только я об этом вспоминаю. Как я узнал от надсмотрщиков после обхода предприятий, санитарные условия были отвратительными, широко распространялись заболевания; заключенные ютились здесь же, около своих рабочих мест, в сырых пещерах, и поэтому смертность среди заключенных была исключительно высока. Уже в тот же день я выделил необходимые материалы для немедленной постройки лагерных бараков на соседнем пригорке. Кроме того, я настаивал перед руководством СС на немедленных мероприятиях по улучшению санитарных условий и на улучшении питания. Я действительно получил соответствующие обещания.

На самом деле до тех пор меня эти проблемы почти не интересовали. И полученные заверения от лагерного начальства не вспоминались мной целый месяц. И только после того, как 13 января 1944 г. д-р Пошман, врачебный инспектор всех предприятий, входивших в мое министерство, снова и в самых мрачных красках описал мне антисанитарные условия в «Миттельверке», я откомандировал туда одного из моих ответственных сотрудников.

Одновременно д-р Пошман принял ряд дополнительных медицинских мер. Начавшаяся через несколько дней моя собственная болезнь свела все эти начинания на нет. И все же вскоре после моего возвращения, 26 мая, д-р Пошман докладывал мне об использовании гражданских врачей во многих лагерях. Но сразу же возникли и проблемы. В тот же день я получил от Роберта Лея очень грубое письмо, в котором он заявлял по чисто формальным причинам протест против деятельности доктора Пошмана: медицинское обслуживание в лагерях относится к его сфере деятельности. С возмущением он требовал от меня не только выразить д-ру Пошману строгий выговор, наказать его административно, но и навсегда запретить ему лезть не в свои дела. Я немедленно ответил, что не вижу ни малейшего повода для удовлетворения его требований, напротив, мы весьма заинтересованы в достаточном медицинском обслуживании заключенных. В тот же день я обсуждал с д-ром Пошманом дополнительные меры по улучшению медицинской помощи. Поскольку затеял я это все вместе с д-ром Брандтом и поскольку, оставляя в стороне всякие гуманитарные соображения, наши доводы были просто разумны, возможная реакция Лея меня нисколько не беспокоила. Я был убежден, что Гитлер не только поставит на место партбюрократию, которой мы пренебрегли, но еще и поиздевается над ней.

О Лее я больше ничего не слыхивал. И даже Гиммлер не сумел добиться своего, когда он попробовал показать мне, что ему ничего не стоит по своему усмотрению наносить удары даже по очень влиятельным группам людей. 14 марта 1944 г. он приказал арестовать Вернера фон Брауна вместе с двумя другими его сотрудниками. Начальнику центрального управления было сообщено, что они нарушили одно из моих распоряжений, позволив себе отвлечься от военно-стратегически важных задач из-за каких-то проектов для мирных времен. Действительно, сам фон Браун и его компания часто без всякой опаски рассуждали о том, как в отдаленном буду-

щем может быть сконструирована ракета для почтовой связи между Соединенными Штатами и Европой. Столь же дерзкие, сколь и наивные, они не расставались со своими мечтаниями и даже позволили какому-то иллюстрированному журналу опубликовать в высшей мере фантастические картинки будущего. Когда Гитлер посетил меня, еще только-только вставшего с кровати, в Клессхайме и неожиданно любезно со мной обошелся, я воспользовался случаем и заручился его обещанием выпустить арестованных. Но прошла еще целая неделя, прежде чем обещание было выполнено. И спустя шесть недель Гитлер все еще ворчал, как непросто оказалось ему добиться этого. Как записано в «Дневнике фюрера» от 13 мая 1944 г., Гитлер «по делу Б. обещал только», что «до тех пор, пока Б. остается для меня абсолютно необходимым сотрудником, он не подлежит никаким видам преследования, как бы ни были проблематичны вытекающие из этого следствия общего характера». Но Гиммлер все же добился своего — с тех пор даже самые уважаемые сотрудники ракетного центра не могли чувствовать себя в безопасности, угроза произвола нависла над ними. А ведь надо было иметь в виду, что я не всегда смогу прийти им на помощь и снова добиться скорого освобождения.

Гиммлер уже давно нацелился на создание собственного эсэсовского экономического концерна. Мне казалось, что Гитлеру этот проект не по вкусу, и я его поддерживал. Не здесь ли коренились мотивы странного поведения Гиммлера во время моей болезни? За месяцы моего отсутствия ему все же удалось окончательно убедить Гитлера в том, что крупный хозяйственный концерн СС будет иметь ряд достоинств, и в начале июня 1944 г. Гитлер предложил мне поддержать СС в этом начинании, помочь создать экономическую империю, которая охватывала бы различные отрасли — от сырьевой и до обрабатывающей промышленности. Свое требование он обосновал довольно неуклюжим доводом, что СС должны быть достаточно сильны, что-

бы, например, быть в состоянии выступить после его, Гитлера, ухода с политической сцены против министра финансов, если тот вознамерится урезать финансирование СС.

То есть начиналось именно то, чего я так опасался, вступая в должность министра. Мне, правда, удалось добиться от Гитлера формулировки, что гиммлеровские производственные объекты «должны подлежать такому же контролю, как и все предприятия по выпуску вооружения и иной военной продукции», с тем чтобы «не получилось так, что одна часть вооруженных сил пойдет своим путем, тогда как за два года я приложил немало труда на то, чтобы вооружение всех трех составных частей вермахта свести воедино». Гитлер пообещал поддержать меня перед Гиммлером, но у меня по временам сохранялись сильные сомнения относительно степени этой поддержки. Гиммлер же, бесспорно, был проинформирован Гитлером о нашей с ним беседе, когда он вдруг пригласил меня в свой дом под Берхтесгаденом.

Хотя рейхсфюрер СС и выглядел по временам фантазером, полет мыслей которого Гитлер находил просто смешным, в то же время он был чрезвычайно здравомыслящий реалист, точно наметивший свои далеко идущие политические цели. Беседы он проводил в стиле доброжелательной, слегка, как казалось, вынужденной корректности, никогда сердечно — и всегда озабоченный тем, чтобы в качестве свидетеля обязательно присутствовал кто-нибудь из его штаба. У него был тогда крайне редко распространенный дар терпеливо выслушивать аргументы своего собеседника. В дискуссии он производил впечатление мелочное, педантичное; по видимому, неторопливо обдумывал каждое свое слово. Вероятно, ему было безразлично, не производит ли он вследствие этого впечатление негибкой, а то и прямо ограниченной личности. Его бюро работало с точностью отлично смазанного механизма, в чем своеобразно отражалась его безликасть. Во всяком случае, мне часто

казалось, что в предельно деловом стиле его секретариата находил отражение его бесцветный характер. Его машинисток, молодых женщин, трудно было назвать хорошенькими, но они выглядели чрезвычайно усердными и добросовестными.

Гиммлер развернул на этот раз передо мной очень продуманную и масштабную концепцию. За время моей болезни СС сумело, несмотря на усилия Заура, присвоить себе венгерский Манфред-Вайс-концерн, солидное предприятие по производству вооружений. Вокруг этого ядра, как мне это теперь разъяснил Гиммлер, предполагается, методично и последовательно расширяя сферы, создать концерн. От меня он хотел бы получить рекомендацию на пост управляющего этим концерном. После недолгого размышления я назвал имя Пауля Пляйгера, который в рамках четырехлетнего плана возвел огромный металлургический комбинат, человека своенравного и энергичного. Благодаря своим многообразным связям в мире промышленности, он не очень-то позволил бы Гиммлеру безмерно и бездумно раздувать и чрезмерно усиливать новый концерн. Но Гиммлеру мой совет пришелся не по вкусу. Впоследствии он никогда не делился со мной своими планами на будущее.

Ближние сотрудники Гиммлера Поль, Ютнер и Бергер были, несмотря на их цепкую, неуступчивую манеру ведения переговоров, людьми весьма посредственного добродушия: они являли собой ту банальность, с которой можно смириться с первого же взгляда. Два же других сотрудника буквально замораживали окружающих, как и сам их шеф. Гейдрих и Каммлер были блондинами, голубоглазыми, с продолговатой формой головы, неизменно строго одетые и прекрасно воспитанные; оба были способны в любой момент к нетрадиционным решениям, которые оба умели с редкостной настойчивостью проводить в жизнь, преодолевая любые препятствия. Выдвижение Каммлера было весьма примечательным. Вопреки всем идеологическим безумствам

Гиммлер при решении кадровых вопросов не придавал значения прежней партийной принадлежности сотрудников. Решающими для него были хватка, быстрая сообразительность и сверхисполнительность. В начале 1942 г. он назначил его, бывшего высокопоставленного чиновника Министерства авиации, руководителем строительного управления СС, а летом 1943 г. сделал ответственным за производство ракет. В нашей совместной работе новый доверенный человек Гиммлера показал себя ни с чем не считающейся, холодной машиной, фанатиком в достижении поставленной цели, которую он умел, тщательнейшим образом и не чураясь никаких средств, просчитывать далеко вперед.

Гиммлер заваливал его заданиями, при всяком удобном случае брал его с собой к Гитлеру. Вскоре пошел слухок, что Гиммлер прилагает усилия сделать его моим преемником. Мне импонировала холодная деловитость Каммлера, который во многих случаях оказывался моим партнером, по предназначаемой ему роли — моим конкурентом, а по своему восхождению и стилю работы во многом — моим зеркальным отражением. Он также происходил из солидной буржуазной среды, получил высшее образование, обратил на себя внимание в строительной промышленности и сделал быструю карьеру в областях, далеких от своей непосредственной специальности.

В условиях войны результативность работы того или иного предприятия в решающей мере определялась контингентом его рабочей силы. Уже в самом начале 40-х гг., а затем и во все ускоряющемся темпе СС втайне приступил к строительству трудовых лагерей и заботился об их постоянном пополнении. Шибер, ответственный сотрудник моего министерства, обратил в своей записке от 7 мая 1944 г. мое внимание на усилия СС использования своей неограниченной власти над рабочей силой в рамках своей системы для общей экономической экспансии.

Все более широкое распространение получала практика изъятия из наших предприятий иностранной рабочей силы, когда рабочих арестовывали за незначительные проступки и отправляли в лагеря СС. Мои сотрудники подсчитали, что таким путем в начале 1944 г. у нас ежемесячно отнимали по 30—40 тыс. рабочих. Поэтому в начале июня 1944 г. я заявил Гитлеру, что «исчезновение 500 тыс. рабочих за один только год нетерпимо... Тем более что значительную их часть составляет с немалыми трудами обученная рабочая сила». Их следовало бы «по возможности быстро вернуть на рабочие места по освоенной профессии». Гитлер пообещал на предстоящем совещании с Гиммлером и мной взять мою сторону, но Гиммлер, вопреки очевидности, прямо в глаза Гитлеру и мне начисто отрицал существование подобной практики.

Как я не раз имел возможность убедиться, заключенные испытывали страх перед все возрастающим экономическим экспансионизмом Гиммлера. Я вспоминаю посещение сталеплавильных заводов в Линце летом 1944 г. Заключенные там пользовались полной свободой передвижения на производственных участках. В просторных цехах они работали на основном оборудовании или в качестве вспомогательной силы у квалифицированных немецких рабочих, которые совершенно непринужденно общались с ними. Охранники были не из СС, а солдаты. Когда мы подошли к группе из примерно двух десятков русских, я спросил через переводчика, удовлетворены ли они оплатой труда. Очень выразительными жестами они выразили свое удовлетворение. Да и то, как они выглядели, свидетельствовало о том же. По сравнению с угасающими людьми в пещерах «Миттельверка» их прилично кормили, а когда просто так, для разговора я спросил, не хотели бы они вернуться в свои базовые лагеря, они сильно перепугались, на их лицах появился неприкрытый ужас.

Когда в самом начале июля 1944 г. я предлагал Гитлеру вместо бессильной комиссии из трех человек облечь особыми полномочиями Геббельса для обеспечения «тотального напряжения всех сил», я не мог предвидеть, что уже через несколько недель существовавшее до сих пор между Геббельсом и мной равновесие резко изменится в ущерб мне, мое влияние резко уменьшится, поскольку моя репутация как кандидата в правительство заговорщиков оказалась подмоченной. Кроме того, партфюреры все настоятельнее пропагандировали тезис, что все предыдущие неудачи проистекают из недостаточно глубокого включения партии во все дела. Правильнее всего было бы, чтобы партия сама поставляла кадры генералитету. Гауляйтеры в открытую выражали сожаление, что в 1934 г. вермахт взял верх над СА; в стремлении Рема создать Народную армию они вдруг узрели упущенный шанс. Она бы сформировала офицерский корпус, воспитанный в национал-социалистском духе, отсутствием которого и объясняются все поражения последних лет. Партия сочла, что, наконец, настало время навести порядок в гражданском секторе и что она должна решительно и более энергично командовать государством и всеми нами.

Уже через неделю после совещания в Познани руководитель Главного комитета по оружию Тикс заявил мне, что «гауляйтеры, фюреры СА и иные партинстанции неожиданно, безо всяких согласований» пытаются непосредственно вмешиваться в дела предприятий. Еще через три недели Тикс докладывал мне, что вследствие вмешательства партии «возникло двойное подчинение». Отдельные звенья аппарата отрасли «отступают под натиском гауляйтеров, а производ последних ведет к неразберихе, от которой вонь до самого неба».

В своей честолюбивой активности гауляйтеры чувствовали поощряющую поддержку Геббельса, который вдруг стал воспринимать себя не столько минист-

ром, сколько партийным вождем; при поддержке Бормана и Кейтеля он готовил новый массовый призыв в вермахт. Следовало ожидать немалых потерь в производстве вооружений в результате произвольного в него вмешательства. 30 августа 1943 г. я заявил начальникам отделов о своем решении передать всю ответственность за производство гауляйтерам. Я решил капитулировать.

Я чувствовал себя обезоруженным, потому что и для меня — а для большинства прочих министров уже и с давних пор — стало почти невозможным докладывать о возникающих проблемах, в особенности если это касалось партии, Гитлеру. Как только разговор принимал неприятный оборот, он сразу же уводил его в сторону. Больше смысла было излагать ему мои жалобы в письменной форме.

Мои жалобы были направлены против принявшего совершенно недопустимые размеры вмешательства партии. 20 сентября я написал Гитлеру подробное письмо, в котором откровенно изложил обвинения, предъявляемые мне со стороны партии, стремление ее аппарата вытеснить меня или каким-то образом переиграть, всякого рода подозрения и вздорные придирки.

20 июля, писал я, «дало новую пищу для сомнений в надежности широкого круга сотрудников из мира промышленности». Партия по-прежнему придерживается мнения, что мое ближайшее окружение «реакционно, односторонне-экономически ориентировано и чуждо партии». Геббельс и Борман прямо заявили мне, что созданная мной система «самоответственности индустрии» и мое министерство следует рассматривать как «сборище реакционных руководителей экономики» или даже просто как «враждебные партии элементы». «Я просто чувствую себя не в силах обеспечить себе и моим сотрудникам необходимые условия для успешного выполнения профессиональных задач, коль скоро к ним прилагаются партийно-политические мерки».

Только при соблюдении двух условий, писал я далее, я могу согласиться на подключение партии к работе по производству вооружения. Непосредственно мне в вопросах вооружения должны подчиняться как гауляйтеры, так и уполномоченные по делам экономики (экономические советники в гау) Бормана. «Необходима ясность во властных полномочиях и в распределении компетенции». Кроме того, я потребовал, чтобы Гитлер занял четкую позицию в отношении самих принципов руководства отраслью: «Мы нуждаемся в определенном решении, будет ли впредь действовать система «самостоятельности промышленности», базирующаяся на доверии к руководителям предприятий, или промышленность должна перейти на какую-то иную систему. По моему мнению, должна сохраниться система ответственности руководителя предприятия за предприятие и она должна быть по возможности сильно приподнята». Не следует менять оправдавшую себя систему — так заканчивал я свое послание, еще раз повторив, что должно быть принято решение, которое «всем ясно показало бы, в каком направлении будет впредь осуществляться руководство хозяйством».

21 сентября я в ставке передал Гитлеру свое письмо, которое он, пробежав глазами, молча принял к сведению. Ничего не произнеся в ответ, он просто нажал на кнопку звонка и передал папку адъютанту с указанием доставить ее Борману. Одновременно он поручил своему секретарю совместно с также находившимся в ставке Геббельсом принять решение по содержанию письма. Это был чистый проигрыш. Было видно, что Гитлер устал вмешиваться в эти для него столь малопонятные распри.

Через несколько часов я был приглашен к Борману в его канцелярию, в нескольких шагах от гитлеровского бункера. Он был в нарукавниках, подтяжки плотно облегли его толстый живот. Геббельс был в приличном виде. Сославшись на директиву Гитлера от 25 июля, министр прямолинейно объявил мне, что отныне он будет

неограниченно пользоваться предоставленным ему полномочием и отдавать мне приказы. Борман подтвердил: я поступаю в подчинение Геббельса. Помимо всего прочего, он не потерпит ни малейших попыток оказать влияние на Гитлера. Стычка становилась все более неприятной, Борман вел себя просто по-хамски, Геббельс выглядел угрожающе, вставляя время от времени циничные реплики. Идея, за которую я так ратовал, стала самым неожиданным образом, в связке Геббельс—Борман, действительностью.

Двумя днями позднее Гитлер, по-прежнему отмалчивающийся от моих письменных требований, проявил ко мне некоторое внимание и подписал заготовленное мною обращение к директорам предприятий, в котором, в сущности, содержалось то же, что и в моем письме. В нормальных условиях это было бы равносильно победе над Борманом и Геббельсом. Но к этому времени авторитет Гитлера в партии был уже не тот. Его ближайшие палadini не обратили даже внимания на этот документ и по-прежнему встречали в штыки любую попытку ограничить произвольное вмешательство в экономику. Это были первые ставшие очевидными симптомы разложения, которые уже поразили партаппарат и лояльность его первых лиц. В ближайшие же недели эти симптомы еще больше усиливались подспудно тлевшим и даже ожесточавшимся спором. Конечно, Гитлер был отчасти сам виноват в снижении своего авторитета. Он беспомощно качался между требованиями Геббельса дать побольше солдат и моими — создать условия для роста военной продукции; он соглашался то с одним, то с другим, утвердительным кивком головы одобрял взаимоисключающие приказы — и так, пока бомбы и продвигающиеся армии противника не сделали совершенно излишними любые приказы, затем — наш спор, а под конец — и сам вопрос об авторитете Гитлера.

В равной мере теснимому в угол политическими происками и внешним врагом, мне казалось своего рода отдыхом любая возможность уехать из Берлина. Вскоре я

стал все дольше задерживаться в своих поездках на фронт. Я не мог никоим образом сделать что-то полезное в военно-техническом плане, потому что те наблюдения, которые у меня накапливались, уже не могли быть реализованы практически. И все же я надеялся, что увиденное мною и услышанное от фронтовых командиров сможет в каких-то частностях повлиять на решения ставки.

Однако, если посмотреть в целом, мои устные и письменные отчеты не оказали сколь-либо заметного влияния. Просили меня, к примеру, многие фронтовые генералы, с которыми я беседовал, «освежить» их измотанные боями части, поставить вооружения и танки из нашей все еще очень значительной продукции. Гитлер же и Гиммлер, новый командующий резервной армией, отвергая все аргументы, полагали, что теснимые противником войска сломались морально и поэтому лучше как можно скорее создавать новые части, так называемые дивизии «народных гренадеров». А потрепанным дивизиям надо дать — и тут они употребляли очень характерное словечко — «истечь кровью».

Как эта система выглядела на практике, я увидел в конце сентября 1944 г. при посещении учебного подразделения танковой дивизии под Битбургом. Один закаленный в многолетних боях командир показал мне поле сражения, на котором несколькими днями ранее разыгралась трагедия недавно сформированной, неопытной танковой части. Плохо обученная, она еще только при выдвижении на передовой рубеж потеряла вследствие поломок и аварий десять из тридцати двух новеньких «Пантер». Уцелевшие двадцать две машины, как мне на местности показал командир, были построены, опять-таки из-за отсутствия боевого опыта и должной выучки, в боевой порядок на открытом поле настолько неудачно, что противотанковая артиллерия американцев расстреляла их, как в учебно-показательных играх. «Это был первый бой только сформированной части. А сколько могли бы сделать с этими новень-

кими танками мои не раз и не два обстрелянные ребята!» — с ожесточением закончил свой рассказ капитан. Я рассказал Гитлеру об этом эпизоде и в заключение заметил не без иронии, что у «новых формирований нередко налицо значительные минусы по сравнению с получившими подкрепление старыми частями». Но на Гитлера этот пример не произвел ни малейшего впечатления. На одной из ближайших «ситуаций» он высказал свое, «старого пехотинца», суждение, что части только тогда дорожат своим оружием, когда его пополнение идет на самом невысоком уровне.

Во время других поездок на Западный фронт я узнал об отдельных попытках договариваться по конкретным вопросам с противником. Под Арнгеймом встретился мне кипящий от возмущения генерал войск СС Битрих. Накануне его 2-й танковый полк нанес тяжелый урон английской авиадесантной дивизии. В ходе боев генерал достиг с англичанами соглашения, по которому англичанам разрешалось развернуть за нашей линией фронта полевою госпиталь. А затем английские и американские десантники были перестреляны партфункционерами. Битрих чувствовал себя обесчещенным.

Бывший адъютант Гитлера от сухопутных войск полковник Энгель, командовавший теперь 12-й пехотной дивизией под Дюреном, также заключил на свой страх и риск соглашение с противником о выносе раненых с поля боя в перерывах между боевыми действиями. Опыт показывал, что заводить в ставку разговор о подобных договоренностях неразумно: Гитлер рассматривал их как проявление «расхлябанности». Все мы часто слышали, как он издевательски отзывался о мнимой рыцарственности прусской офицерской традиции. В отличие от Западного фронта обоюдная ожесточенность и безнадежность войны на востоке только усиливала стойкость простого солдата, и естественные человеческие соображения там просто не могли проявиться.

На моей памяти Гитлер всего один-единственный раз, молча и крайне неохотно, примирился с соглаше-

нием с противником. Поздней осенью 1944 г. английский флот начисто заблокировал немецкие войска на греческих островах. Несмотря на абсолютное превосходство англичан, немецкие солдаты были переправлены на материк, временами — на расстоянии видимости кораблей неприятеля. За это немецкая сторона взяла на себя обязательство с помощью этих пополнений отражать натиск русских на Салоники до тех пор, пока они не будут взяты английскими войсками. Когда эта операция, затеянная по инициативе Йодля, была закончена, Гитлер заявил: «Это останется единственным случаем, больше мы себе ничего подобного не позволим».

В сентябре 1944 г. фронтовые генералы, промышленники и гауляйтеры западной части страны ожидали, что войска американцев и англичан, используя свое превосходство, отбросят наши, почти безоружные и измотанные части в крупной непрерывной наступательной операции. Никто уже не надеялся на то, что мы сможем задержать их, никто, сохранивший хоть капельку реального взгляда на положение дел, не верил уже в новое «чудо на Марне», но уже только в нашу пользу.

В обязанности моего министерства входила подготовка к разрушению промышленных предприятий и сооружений всех видов, в том числе и на чужой территории, занятой нами. Гитлер еще при отступлении в Советском Союзе издал приказ о «выжженной земле», рассчитывая тем самым в известной мере обесценить любые успехи противника в отвоевывании пространства. Он без колебаний дал аналогичные приказы применительно к западным странам, как только англо-американская армия вторжения начала развивать первоначальный успех из района высадки в Нормандии. В первое время в основе этой разрушительной политики лежали трезвые оперативные соображения. Замысел состоял в том, чтобы всеми способами не дать противнику закрепиться, максимально затруднить ему снабжение и пополнение ресурсов за счет освобождаемой

страны, а также — осложнить налаживание ремонтных служб, восстановление электро- и газоснабжения, а в более отдаленной перспективе — и развертывание производства вооружений. До тех пор пока неопределенным оставалось время окончания войны, мне эти сообщения представлялись резонными, но с того момента, когда полное поражение стало неминуемым, они теряли всякий смысл.

Перед лицом безнадежной ситуации было только естественно, что моя позиция заключалась в том, чтобы выйти из войны с по возможности наименьшими опустошениями, которые не легли бы неподъемным бременем на процесс восстановления. Я не был в плену тех тотально-апокалиптических настроений, которые все усиливались в приближенных к Гитлеру кругах. При этом мне удалось переиграть Гитлера, который все безогляднее и ожесточеннее увлекал все и вся за собой в катастрофу, при помощи поразительно простого трюка — использования его же собственных аргументов. Поскольку он всегда в самых отчаянных ситуациях настаивал на том, что оставляемые территории вскоре будут отвоеваны у противника, мне всего-навсего требовалось со ссылкой на эти утверждения доказывать необходимость их промышленного потенциала для обеспечения производства вооружения — разумеется, после их возвращения под наш контроль.

Уже вскоре после начала англо-американского вторжения, 20 июня, когда американские войска прорвали фронт и взяли в клещи Шербур, этот аргумент сработал и повлиял на решение Гитлера, что, «несмотря на нынешние трудности на транспорте в прифронтовой полосе, речь никоим образом не может идти об отказе от находящегося на ней промышленного потенциала». Это сразу же дало командующему Западным фронтом возможность оставить без внимания более ранний приказ Гитлера, согласно которому в случае успешной десантной операции противника более миллиона французов, занятых на предприятиях, связанных

с военным производством, подлежали депортации в Германию.

Теперь Гитлер снова заговорил о необходимости тотальных разрушений французской промышленности. 19 августа, когда войска союзников находились еще к северо-западу от Парижа, мне все же удалось добиться его согласия на то, что попадающие в руки противника промышленные предприятия и электростанции должны быть выведены из строя, но не разрушены.

Однако добиться от Гитлера общего принципиального решения по данному вопросу пока не удавалось, и мне приходилось по конкретным случаям все время пускать в ход уже ставший просто пошлым аргумент, что все отступления носят временный характер.

Когда в конце августа войска противника вплотную подошли к железнорудному бассейну между Лонгви и Бри, возникла в известном смысле новая ситуация, поскольку в 1940 г. лотарингская область была практически насильственно включена в Рейх, и мне впервые при исполнении приказа пришлось иметь дело с гауляйтером. Было очевидно, что убедить его в оставлении территории без разрушений не удастся, и я обратился непосредственно к Гитлеру и получил от него указание сохранить рудники и промышленные объекты, о чем и поставить в известность соответствующих гауляйтеров.

С середине сентября 1944 г. Рехлинг сообщил мне в Саарбрюккене, что французские рудники отошли к противнику в целости и сохранности. Но получилось так, что электростанция, от которой работали насосы этих рудников, осталась по нашу сторону линии фронта. Рехлинг осторожно зондировал, может ли он продолжить подачу энергии по еще не поврежденной линии электропередач на насосную станцию рудников. Я дал свое согласие. Одобрил я и предложение командира какой-то воинской части снабжать электроэнергией оставленный нами Люттих, чтобы не оставить без нее госпитали и

больницы — собственное городское энергоснабжение оказалось по другую сторону фронта.

Через несколько недель, с середины сентября, я оказался перед проблемой — что делать с немецкой промышленностью? Естественно, что руководители предприятий отнюдь не хотели разрушения своих заводов и фабрик. К моему изумлению, эту точку зрения поддерживали некоторые гауляйтеры прифронтовой полосы. Настало какое-то странное время. В разговорах, полных двусмысленности, ловушек и обходных путей, прощупывались взгляды друг друга, заключались тайные договоренности, высказав откровенно свою позицию, каждый становился заложником своего собеседника.

Чтобы обезопасить себя от Гитлера на тот случай, если до него дойдет информация о непроведении в немецкой прифронтовой полосе мероприятий по разрушению промышленности, я в отчете о поездке 10—14 сентября сообщал, что даже в непосредственной близости от фронта производство еще относительно прилично поддерживается. Стараясь преподнести ему свои предложения в удобоваримой форме, я пустился в рассуждение, что если, к примеру, в прифронтовом Ахене работает предприятие, дающее в месяц четыре миллиона патронов, то целесообразно до последней минуты продолжать, даже и под артобстрелом, производство для непосредственных нужд пехотно-стрелковых частей. Неразумно выводить из строя коксовые печи в Ахене, если они, располагая запасом угля, в состоянии, как и прежде, снабжать газом Кельн, да еще к тому же поставлять войскам ежедневно несколько тонн бензола. Неправильно было бы выводить из строя электростанции в непосредственной близости от фронта, поскольку от них зависит почтовая служба обширных регионов и, в свою очередь, телефонная система связи в армии. Одновременно со ссылкой на прежние указания Гитлера я направил всем гауляйтерам телеграммы о недопущении разрушений действующих промышленных объектов.

Внезапно все мои усилия повисли в воздухе. По возвращении в Берлин из поездки в Саарбрюккен, остановившись в нашей гостинице для инженеров на Ванзее, я получил от начальника моего Центрального управления Либеля информацию, что в мое отсутствие поступили важные приказы Гитлера, адресованные всем министрам. В соответствии с ними принцип «выжженной земли» должен безоговорочно проводиться на территории Германии.

Мы, чтобы оградить себя от чужих ушей, расположились на лужайке нашей виллы в Ванзее. Был прекрасный день уходящего лета, мимо нас по озеру медленно скользили яхты. Ни одному немцу непозволительно, резюмировал Либель наивысшую волю, оставаться на занимаемых противником землях. А те, кто все же ослушается, пусть прозябают в пустыне среди руин стертой с лица земли цивилизации. Разрушению подлежат не только системы снабжения газом, водой, электроэнергией, телефонная связь, но и вообще все, что необходимо для поддержания жизни: списки на получение продовольственных карточек, документация учреждений регистрации актов гражданского состояния, адресные бюро, должны быть прекращены все банковские операции; уничтожены, далее, должны быть все запасы продовольствия, сожжены дворы сельских хозяев, забит скот. На уничтожение были обречены даже произведения искусства, выстоявшие в бомбежках памятники архитектуры — дворцы и замки, соборы и театры. По указанию Гитлера несколькими днями раньше, 7 сентября 1944 г., в «Фелькишер беобахтер» появилась редакционная статья, которая этот взрыв вандализма облекла в следующие слова: «Ни один немецкий стебелек не должен стать пищей врага, ни один немецкий рот не должен откликнуться на его вопросы, ни одна немецкая рука не должна протянуться ему на помощь. Вторгнувшись, пусть он увидит: каждая тропинка разрушена, каждая дорога отсечена. Никто и ничто не выйдет ему навстречу — только смерть, руины и ненависть».

Безуспешно пытался я в своем отчете о поездке возбудить в Гитлере чувство сострадания: «В окрестностях Ахена можно видеть составы с эвакуированными; несчастные пускаются в путь с малыми детьми и стариками, совсем как во Франции в 1940 г. Если эвакуация примет большие масштабы, то эти бедствия, несомненно, будут нарастать, что вынуждает к ограничениям при отдаче приказов к эвакуации». «Гитлеру следовало бы, — взывал я, — поехать на запад, чтобы самому на месте убедиться в тамошних условиях... Народ ждет этого».

Но Гитлер не приехал. Едва только стало известно, что руководитель партийной организации Ахена Шмеер применил при оставлении города не все меры принуждения к эвакуации, как он лишил его всех постов, исключил из партии и отправил на фронт рядовым. Не имело ни малейшего смысла пытаться уговорить Гитлера отменить свои решения. Для самостоятельного же действия у меня не хватало авторитета власти. Погоняемый тревогой и озабоченностью, я продиктовал экспромтом телеграмму, текст которой Борман после утверждения его Гитлером, должен был направить гауляйтерам западных регионов. Мне хотелось, чтобы Гитлер сам себя бы опроверг: радикальные постановления последних дней мной не упоминались, я подталкивал его к сведению воедино отдельных решений в виде обобщающего распоряжения. Психологически мой текст опять-таки был рассчитан на настоящую или мнимую уверенность Гитлера в победу: если он не отойдет от своего приказа — пытался я подловить его, — то тем самым он признает поражение в войне; тогда лишаются всякой основы призывы к тотальному сопротивлению. Телеграмма начиналась с простых слов: «Фюрер пришел к выводу, что он в состоянии в ближайшее время вернуть оставленную территорию. Поскольку для продолжения войны западные области имеют важное значение с точки зрения производства военной продукции и вооружений, все осуществляемые при отходе мероприятия должны ориентироваться на то, что промышленность данных об-

ластей могла бы в полном объеме возобновить свою работу... Промышленные установки должны приводиться в негодность в самый последний момент для «парализации» производства на более длительный срок... Электростанции в горнодобывающих центрах следует сохранять для поддержания нормального водного режима в шахтах. При выходе насосов из строя и затоплении шахт возвращение последних к жизни потребует нескольких месяцев». Вскоре я позвонил в ставку, чтобы узнать, была ли телеграмма положена Гитлеру на стол. И она прошла! Всего с одним-единственным изменением. Я приготовился к вычеркиваниям, а также к тому, что пункт о «парализации» объектов будет ужесточен. Практически Гитлер оставил текст без смысловых изменений, но, отредактировав собственноручно, значительно приглушил свою веру в победу. Второе предложение теперь читалось так: «Освобождение части в данный момент потерянной территории отнюдь не исключено». Борман, направивший телеграмму гауляйтерам, снабдил ее обязывающим дополнением: «По поручению фюрера направляю Вам нижеследующую телеграмму господина Имперского министра Шпеера для неукоснительного и точного исполнения». Даже Борман поддержал! Он, казалось, яснее представлял себе опустошительные последствия политики тотального разрушения в оставляемых областях.

В сущности, Гитлер просто пытался сохранить лицо, когда заявил об «освобождении части в данный момент потерянной территории». По крайней мере еще неделю назад он уже знал, что война, даже при стабилизации фронтов, закончится уже через несколько месяцев просто из-за нехватки сырья. Йодль тем временем дополнил мои вооруженческо-политические прогнозы военно-стратегическими соображениями и доложил, что армия оккупировала непомерно большие пространства; при этом он использовал образ змеи, заглотившей слишком большой кусок добычи и ставшей в результате малоподвижной. Поэтому он предложил отказаться от

Финляндии, Северной Норвегии, Северной Италии и большей части Балкан с тем, чтобы за счет сокращения занимаемого нами пространства занять более выгодные оборонительные рубежи по рекам Тиссе и Саве, а также по южной гряде Альп. Он рассчитывал, таким образом, на высвобождение большого числа дивизий. Поначалу Гитлер ополчился на подразумеваемую этим планом идею самоликвидации, но под конец он дал мне 20 августа согласие на проведение расчетов, какие будет иметь последствия прекращение поставок сырья из этих регионов в случае их оставления.

Но за три дня до окончания этой работы, 2 сентября 1944 г., между Финляндией и Советским Союзом было подписано соглашение о прекращении огня, и немецким войскам было предложено покинуть страну до 15 сентября. По получении этих известий Йодль сразу же позвонил мне и поинтересовался результатами нашей экспертизы. Настроение Гитлера резко изменилось. От прежних размышлений о добровольном отводе войск не осталось и следа. Йодль же с еще большей настойчивостью требовал немедленной эвакуации наших армий из Лапландии еще в сезон благоприятной погоды: если ее вывод совпадет с рано начинающимися здесь снежными бурями, то неизбежна полная потеря техники. И снова, как год назад в споре об отступлении от марганцевых рудников в Южной России, Гитлер вытащил тот же аргумент: «Если мы лишимся поставок никеля из Северной Лапландии, то уже через несколько месяцев остановится все производство вооружений».

Но этот аргумент продержался недолго. Через три дня, 5 сентября, я отправил с курьером памятную записку Йодлю и Гитлеру: не потери финских никелевых рудников, доказывал я, а прекращение поставок хромовой руды из Турции решит исход войны в материально-техническом отношении. При теоретическом допущении, что производство техники и вооружения будет — что при налетах авиации противника, впрочем, было чистой гипотезой — поддерживаться в полном объеме, промыш-

ленность получить последнюю порцию хрома 1 июня 1945 г. «Принимая во внимание продолжительность складирования и производственного процесса в обрабатывающей промышленности, выпуск зависимого от поставок хрома производства, т.е. всей промышленно-сти вооружений, прекратится 1 января 1946 г.».

Предугадать реакцию Гитлера в это время уже не представлялось возможным. Я внутренне приготовился к взрыву бессильной ярости, он же принял мою информацию спокойно, не сделал никаких выводов и, вопреки мнению Йодля, отложил вывод войск из Финляндии до середины октября. По-видимому, такие прогнозы при общем положении дел его уже не трогали. В обстановке развала фронтов на западе и востоке дата 1 января 1946 г. должна была даже Гитлеру казаться совершенно утопической.

В тот момент нам больше беспокойства доставляла нехватка горючего. В июле 1944 г. я писал Гитлеру, что начиная с сентября 1944 г. из-за дефицита горючего следовало бы прекратить всякие тактические передвижения войск. В конце сентября я писал Гитлеру: «Группа истребительной авиации, базирующаяся под Крефельдом и имеющая тридцать семь полноценных машин, при самых благоприятных метеоусловиях может через два дня по получении двадцати тонн горючего на третий совершить только один вылет до Ахена и только группой в двадцать самолетов». Когда я через несколько дней приземлился в своем самолете на аэродроме в Вернойхене, восточнее Берлина, то от командира летной учебной базы я услышал, что каждый слушатель имеет учебного летного времени всего один час в неделю — поставки горючего покрывали ничтожную часть потребности.

Да и сухопутные войска из-за нехватки горючего почти что утратили свою маневренность. В конце октября я докладывал Гитлеру о том, как я ехал ночью в 10-ю армию, дислоцированную южнее По. Там мне «повстречалась колонна из 150 грузовиков, каждый из которых тя-

нули четыре быка; к каждому танку и тягачу было прицеплено по несколько грузовиков». В начале декабря я с озабоченностью докладывал, что «обучение водителей танков весьма посредственно», поскольку «не хватает очищенного спирта». Насколько положение было тяжким, генерал-полковник Йодль, конечно, знал лучше меня. Чтобы обеспечить задуманную операцию в Арденнах 17,5 тыс. тонн горючего (прежде мы столько производили за два с половиной дня), он вынужден был распорядиться 10 ноября 1944 г. о прекращении его поставок другим группам войск.

Тем временем налеты на предприятия синтетического горючего косвенно стали сказываться на всей химической промышленности. Я вынужден был доложить Гитлеру, что «при заполнении наличных гильз приходится смешивать взрывчатые вещества с солью, переходя при этом все допустимые границы». И в самом деле, начиная с октября 1944 г. заряды на 20% состояли из каменной соли, что соответственно снижало их поражающую способность.

В этой отчаянной ситуации Гитлер проиграл свой последний военно-технический козырь. Было что-то гротескное в том, что как раз в эти месяцы мы все еще продолжали наращивать выпуск истребителей. В общей сложности на этой последней фазе войны мы за шесть месяцев поставили 12 720 истребителей, а ведь войну мы начали, имея в своем распоряжении всего 661 истребитель. В конце июня Гитлер повторно дал согласие на проведение специального учебно-тренировочного сбора двух тысяч летчиков, поскольку все еще сохранялась надежда нанести серией концентрированных ударов крупный урон американскому воздушному флоту и принудить его к прекращению бомбовой войны с воздуха. Дело в том, что при налетах американских авиасоединений образовывался, считая оба конца, огромный протяженности, более тысячи километров, фланг.

Мы вместе с Адольфом Галландом, командующим истребительной авиацией, провели расчет, согласно

которому получалось, что уничтожение одного бомбардировщика противника над территорией Германии обойдется нам потерей одного истребителя. Но при этом соотношение потерь в материально-техническом смысле выразятся в пропорции 1:6, а летного состава — 1:2. А так как не менее половины наших летчиков могли спастись при помощи парашюта, а экипажи противника попадали бы на немецкой территории в плен, то даже при его превосходстве в людских и материально-технических резервах, а также в возможностях подготовки летного состава преимущества были определены на нашей стороне.

10 августа Галланд в весьма нервном тоне предложил мне вместе с ним немедленно вылететь в ставку. Гитлер только что отдал столь характерный для него своей импульсивностью приказ направить воздушный флот «Рейх», формирование и укомплектование которого двумя тысячами истребителей как раз подходило к концу, на Западный фронт. В то же время весь наш опыт показывал, что там он будет перемолот в самые краткие сроки. Гитлер, конечно, догадывался, с какой целью мы пожаловали. Он понимал, что своим приказом он нарушает данное мне в июле месяце обещание прикрыть истребительной авиацией заводы по производству синтетического горючего. Он уклонился от открытого спора на «ситуации», назначив нам встречу после совещания наедине.

Я начал с того, что в очень осторожной форме выразил сомнение в целесообразности приказа, а затем, подавляя все свое волнение, спокойно охарактеризовал катастрофическое положение с вооружением и техникой, привел соответствующие цифры и обрисовал последствия, которые будет иметь продолжение бомбардировок. Уже на этой стадии доклада Гитлер начал нервничать, и, хотя он и слушал молча, по выражению его лица, суетливым движениям рук, покусыванию ногтей, я видел его нарастающее несогласие и напряженность. Когда же я подошел к концу и подумал, что все же смог

его убедить в том, что каждый имеющийся в нашем распоряжении истребитель должен использоваться над территорией Рейха для подавления неприятельских бомбардировщиков, Гитлер сорвался. Лицо его налилось кровью, глаза безжизненно остекленели. Совершенно вне себя он заорал: «Решения оперативного масштаба — это мое дело! Соблаговолите заниматься вашими проблемами вооружения! Остальное — не ваше дело!» Не исключено, что он и согласился бы с моими доводами, если бы это был разговор тет-а-тет. Присутствие Галланда делало пересмотр приказа для него невозможным.

Он резко оборвал беседу и не допустил еще некоторых дополнительных доводов: «Я не могу больше терять с вами время». Обескураженные, мы с Галландом отправились в мой служебный павильончик.

На следующий день, несолоно хлебавши, мы уже собирались лететь назад в Берлин, когда появился Шауб и сообщил, что мы должны еще раз переговорить с Гитлером. При нашем появлении он сразу взорвался еще более несдержанно, чем накануне. Слова вылетали еще быстрее и сбивчивее: «Я вообще не собираюсь больше выпускать самолеты! Истребительная авиация как особое формирование тотчас же распускается! Прекратить производство самолетов! Немедленно, понятно? Вы ведь все жалуетесь на нехватку квалифицированной рабочей силы? Так немедленно же перебросить ее на производство зенитной артиллерии. Всех рабочих туда! Материалы — тоже! Это мой приказ! Немедленно вызвать сюда Заура! Составить программу производства зенитных орудий! Сообщите об этом Зауру. Программу удешевления их производства... Мы переключим на него сотни тысяч рабочих. Я каждый день читаю материалы зарубежной прессы, и они пишут, как страшна наша зенитная артиллерия. Именно ее они побаиваются, а не наших истребителей». Едва Галланд открыл рот, чтобы возразить, что показатель поражения самолетов противника истребителями над

территорией Германии выше, чем зениток, но успел сказать только несколько слов, как его оборвали. Снова было резко сказано, что мы свободны, в сущности, нас попросту вышвырнули.

В чайном домике я выпил вермута из всегда стоявшей там наготове для подобных случаев бутылки; мой желудок взбунтовался против только что пережитой сцены. Галланд, обычно уравновешенный и сдержанный, выглядел впервые за все время нашего знакомства подавленным. В его голове не укладывалось, что из-за трусости перед противником подлежит роспуску подчиненная ему истребительная авиация. В отличие от него мне куда как были знакомы подобные срывы Гитлера, и я знал, что очень часто осторожными маневрами можно было добиться исправления принятых им решений. Я успокаивал Галланда: на предприятиях, изготавливающих истребители, невозможно наладить производство оружейных стволов. Узкое место у нас — совсем не в недостаточном числе зениток, а в снарядах для них, в первую очередь в нехватке взрывчатых веществ.

Заур, разделявший мои опасения, что Гитлер выдвигает невыполнимые требования, доложил ему на следующий день, что увеличение выпуска зенитных орудий зависит от парка специального технологического оборудования для сверления длинных стволов.

Вскоре мне вместе с Зауром пришлось снова прийти в ставку, чтобы обсудить в деталях отданный Гитлером тем временем письменный приказ. После долгого перетягивания каната он умерил свое первоначальное требование увеличить производство зениток в пять раз до роста в два с половиной раза. На это он дал нам время до декабря 1945 г. и, кроме того, потребовал удвоить производство снарядов для зениток. В относительном спокойствии мы смогли обсудить двадцать восемь пунктов повестки совещания. Но как только я снова обратил его внимание, что при данных условиях истребительная авиация должна использоваться только над нашей территорией, Гитлер снова сердито оборвал

меня и повторил свой приказ о свертывании производства истребителей в пользу наращивания выпуска зенитных орудий. На этом он закрыл совещание.

Это был первый приказ Гитлера, которому не последовали ни я, ни Заур. Я поступал на свой страх и риск, когда на следующий же день на заседании штаба, ведающего вопросами производства вооружений, заявил, что «в любом случае выпуск истребителей должен поддерживаться на максимальном уровне». Еще через три дня я пригласил представителей авиационных предприятий и в присутствии Галланда подчеркнул значение стоящей перед ними задачи: «Именно резким рывком ответить на нависшую над родиной опасность полного подавления военной промышленности». Постепенно Гитлер поостыл и неожиданно и беззвучно даже включил выпуск истребителей, хотя и по урезанной программе, в высшую категорию срочности. Буря пронеслась.

По мере того как мы вынуждены были свертывать производство, а новые разработки и вообще приостановить, Гитлер начал все настойчивее и целеустремленнее возбуждать среди генералитета и политических руководящих кругов надежды на будущее новое оружие, которое якобы и должно решить исход войны. Нередко все время своих поездок в различные дивизии меня с заговорщической улыбкой спрашивали, когда же поступит новое чудо-оружие. Эти иллюзии были мне крайне неприятны: придет день, и разочарование неизбежно. Поэтому в середине сентября, когда уже «Фау-2» вступили в действие, я написал Гитлеру следующее: «В армии широкое распространение получила вера в поступление на вооружение в самое же ближайшее будущее нового вида оружия, которое решит исход войны в нашу пользу. Ожидают, что мы его применим уже в считанные дни. Эти настроения вполне серьезно разделяют и старшие офицеры. Возникает вопрос: правильно ли в такое трудное для нас время пробуждать надежды, которые в столь сжатые сроки не могут быть оправданны и которые сменятся разочарованием, могущим неблагоприятно

сказаться на боевом духе? А когда и население со дня на день ожидает «чудо-оружия» и даже сомневается, отдаем ли мы себе отчет в том, что на часах уже без пяти минут двенадцать, и спрашивает, не безответственно ли со стороны руководства еще оттягивать использование этого, уже находящегося на складах оружия, то возникает вопрос, насколько уместна пропаганда такого рода».

В одной из бесед наедине Гитлер хотя и признал, что я прав, но — как мне вскоре же пришлось услышать — он отнюдь не отказался от обещаний нового «чудо-оружия». Поэтому 2 ноября я писал Геббельсу: «Мне представляется нецелесообразным вселять в общественность надежды, при том что на обозримое время нельзя с определенностью гарантировать их исполнение... Поэтому позволяю себе просить Вас принять меры к тому, чтобы впредь в ежедневной печати и в специальных изданиях избегать всякого рода намеков на еще только предстоящие достижения нашей промышленности вооружений».

После этого Геббельс действительно пресек всякую информацию о новом виде оружия. Но странное дело — слухи стали только еще сильнее. Лишь на Нюрнбергском процессе я узнал от Фриче, одного из ближайших сотрудников министра пропаганды, что Геббельс создал специальную группу для распространения этих слухов. Они далеко предвосхищали будущее развитие. Мы часто проводили по вечерам в своем кругу нечто вроде конференций по перспективным вопросам развития военной техники и рисовали себе самые смелые картины. Обсуждались при этом возможности и эффект применения и атомной бомбы. Нередко в этих заседаниях принимали участие и близко стоящие к Геббельсу журналисты, присутствовали они и на неофициальных вечерних посиделках.

Слухи падали на благоприятную почву — время было напряженное, и все охотно предавались упованиям. И напротив, газеты уже давно утратили всякое доверие.

В отличие от них в последние месяцы войны, при том что масса людей отчаявшихся все увеличивалась, успехом пользовались астрологические издания. А так как они во многих отношениях были зависимы от Министерства пропаганды, то — как мне рассказал об этом Фриче — они и были использованы как средство воздействия на общественное мнение. Ловко скроенные гороскопы вели речь о долинах, которые надо пересечь, оракульствовали о предстоящих внезапных поворотах, изощрялись во всякого рода обнадеживающих намеках. Место для режима и впрямь оставалось только в астрологической газетенке.

* * *

Вся промышленность вооружений и боеприпасов, объединенная с весны 1944 г. под руководством моего министерства, начала уже с конца осени снова дробиться. Не только потому, что производство тяжелых ракет, рассматривавшееся как приоритетное и решающее, отошло к СС; существеннее было то, что некоторым гауляйтерам удалось добиться передачи под их ответственность производства вооружения в их административных округах. Гитлер одобрил подобную инициативу. Так, он дал согласие Заукелю, добивавшемуся разрешения на строительство в его гау Тюрингии крупного подземного завода для серийного выпуска одномоторного реактивного истребителя, окрещенного Гитлером «народным». Но мы все равно уже вступили в начальную стадию экономической агонии, так что это раздробление ничему уже не могло повредить.

Одновременно с этой тенденцией возникали вдруг — что было показательно для нарастающего общего смятения — надежды на то, что мы и с примитивным вооружением добьемся успехов и тем самым сможем выровнять наше отчаянное военно-техническое положение. Техническая эффективность оружия должна-де отсту-

пить на второй план по сравнению с мужеством отдельно взятого человека. В апреле 1944 г. Дениц поручил вице-адмиралу Хайе, человеку, богатому идеями, возглавить производство одноместных подлодок и некоторых других боевых судов. Но пока удалось выйти на значительные количественные показатели, наступил уже август, высадка союзников уже стала фактом, и было уже вообще слишком поздно для подобных планов. Гиммлер, в свою очередь, задумал создать подразделение смертников, которые на самолетах-ракетах сбивали бы бомбардировщики противника прямым тараном. Еще одним примитивным оружием являлись так называемые «фауст-патроны», маленькие ракеты, выстреливаемые с рук, которые должны были заменить недостающие противотанковые пушки.

Поздней осенью 1944 г. Гитлер лично вмешался в производство противогазов и назначил особого уполномоченного, непосредственно ему подчиненного. Самым срочным порядком была разработана программа с целью защитить все население от угрозы применения отравляющих газов. Хотя в соответствии с приказом Гитлера об утроении производства противогазов от октября 1944 г. удалось изготовить 2,3 млн. противогазов, для решения проблемы защиты городского населения от отравляющих газов требовались многие месяцы. Поэтому партийные издания охотно давали советы по применению простейших средств самозащиты — например, по использованию бумаги в качестве фильтров.

Гитлер говорил в то время об угрозе газовых атак противника на немецкие города, но д-р Карл Брандт, с которым у меня сложились дружеские отношения, не исключал того, что эти лихорадочные приготовления связаны с применением газов с нашей стороны. В числе наших «чудо-вооружений» появился отравляющий газ «табун», от него не могли защитить фильтры всех известных тогда противогазов и даже минимальный прямой контакт с его осадками оказывался смертельным.

Роберт Лей, химик по профессии, после какого-то совещания в Зонтхофене, пригласил меня на обратную дорогу в свой вагон-салон. Как это было у него заведено, мы проводили время за крепкими напитками. Его и обычно-то спотыкающаяся манера речи выдавала на этот раз особое волнение: «У нас есть теперь этот новый газ. Фюрер должен это сделать. Он должен применить его. Теперь же должен! Момент крайний! И вы тоже должны объяснить ему, что самое время!» Я молчал. Повидимому, Лей уже имел беседу с Геббельсом, поскольку тот сделал соответствующий запрос у коллег из химической промышленности относительно этого газа и его поражающих свойств. От также склонял Гитлера к введению этого нового газа в дело. Прежде Гитлер всегда отвергал развязывание войны с применением газов, но сейчас на одной из «ситуаций» в ставке он дал понять, что на востоке газы смогли бы приостановить продвижение советских войск. Он предавался смутным надеждам на то, что запад примирится с их использованием на востоке: ведь английское и американское правительства на данной стадии войны заинтересованы в том, чтобы наступление русских захлебнулось. Но так как никто из присутствующих не поддержал его, он уже никогда более к этой теме не возвращался.

Было очевидно, что генералитет страшился непредсказуемых последствий. Я сам писал 11 октября 1944 г. Кейтелю, что из-за развала в химической промышленности запасы исходных для «табуна» веществ циана и метанола исчерпаны. Поэтому с 1 ноября его производство приостанавливается, а иприта — сокращается до одной четверти производственных мощностей. Кейтель, правда, заручился приказом Гитлера ни в коем случае не снижать производство отравляющих газов. Но теперь такие распоряжения не имели уже ничего общего с действительностью. Не ответив в верха, я стал самостоятельно распределять поставки основной химической продукции.

11 ноября мне пришлось в дополнение к моим бесчисленным запискам о сокращении производства горючего добавить еще одно тревожное донесение: уже более полутора месяцев как Рурский индустриальный район отрезан от остальной территории из-за сильнейших сбоев на транспорте. «Принимая во внимание общую экономическую структуру Рейха, самоочевидно, — писал я Гитлеру, — что отпадение рейнско-вестфальского промышленного региона подорвет немецкую экономику в целом и в перспективе сделает невозможным успешное продолжение войны. С важнейших оборонных заводов сообщают, что они непосредственно находятся под угрозой остановки. Возможности избежать ее при данных обстоятельствах нет».

Поскольку уголь больше нельзя было транспортировать в остальные регионы Рейха, продолжал я, запасы имперских железных дорог быстро тают, существует угроза остановки газовых заводов, заводы по производству растительного масла и маргарина накануне закрытия, даже снабжение больниц коксом стало неудовлетворительным.

Все действительно шло к концу. Появились первые признаки анархии. Эшелоны с углем уже не достигали своих мест назначения, а задерживались и реквизировались гауляйтерами для собственных нужд. В Берлине здания не отапливались, газ и электричество подавались только в определенные часы. Из рейхсканцелярии пришла возмущенная жалоба на то, что наше Имперское управление по углю отказалось в полном объеме выполнить обязательства по фондам на остаток зимнего периода.

В связи с таким положением мы были более не в состоянии реализовывать наши программы, а лишь пытались производить комплектующие части. Если бы запасы иссякли, это означало бы конец оборонного производства. При этом я, как, вероятно, и противник, разрабатывавший свою воздушную стратегию, недооценивал то, что на заводах скопились большие запасы

сы деталей и узлов. Тщательная проверка показала, что, правда лишь в течение нескольких месяцев, можно по-прежнему рассчитывать на значительный объем производства вооружений. Гитлер воспринял факт последней «Чрезвычайной и дополнительной программы», как мы ее назвали, со спокойствием, производившим зловещее впечатление. Он не проронил ни слова о последствиях, хотя на этот счет не было никаких сомнений.

Примерно в это время Гитлер на оперативном совещании заявил в присутствии всех генералов: «Нам повезло, что нашими вооружениями занимается гений. Это Заур. Уж он-то преодолееет действительно все трудности». Генерал Томале заметил Гитлеру: «Мой фюрер, министр Шпеер здесь». — «Да, я знаю, — ответил он коротко, недовольный тем, что его перебили. — Но Заур — тот гений, который справится с положением». Как ни странно, я принял этот умышленный афронт без волнения, почти безучастно: я начал прощаться.

12 октября 1944 г., когда положение на Западном фронте вновь укрепилось и снова можно было говорить о фронте, а не о беспомощно убегающих людях, Гитлер после оперативного совещания отвел меня в сторону, взял с меня слово молчать и затем объявил мне, что он собирается провести на западе большое наступление, объединив для этого все имеющиеся силы: «Для этого вы должны сформировать из строителей-немцев строительный отряд, имеющий в своем распоряжении достаточно транспортных средств, чтобы, даже в том случае, если прекратится работа железнодорожного транспорта, быть в состоянии строить различные мостовые сооружения. При этом придерживайтесь организационных форм, уже зарекомендовавших себя в западной кампании 1940 г.». Я обратил внимание Гитлера на то, что мы едва ли располагаем достаточным количеством грузовиков для выполнения такого задания. «В этом случае все остальное следует отодвинуть в сторону, — энергично решил он. Совершенно безразлично, каковы

будут последствия. Это будет мощный удар, который должен принести успех». Примерно в конце ноября Гитлер еще раз заявил, что он все ставит на это наступление. Поскольку он был убежден в его успехе, он беспечно добавил, что это его последняя попытка. «Если она провалится, я не вижу иной возможности благополучного завершения войны... Но мы прорвемся, — добавил он и немедленно пустился во все более далекие от реальности фантазии: — Единственный прорыв на Западном фронте! Вы увидите! Это приведет к краху и панике у американцев. Мы осуществим прорыв в центре и овладеем Антверпеном. Так они лишатся своего порта снабжения. И огромный котел образуется вокруг всей английской армии, будут сотни тысяч пленных. Как когда-то в России!»

Когда я в это же время встретился с Альбертом Феглером для того, чтобы обсудить ставшее из-за налетов авиации просто отчаянным положение в Руре, он напрямик спросил меня: «Когда это, наконец, кончится?» Я намекнул ему, что Гитлер хочет сконцентрировать все силы для осуществления последней попытки. Феглер упорно продолжал: «Но он же понимает, что после этого нужно кончать? Мы теряем слишком много техники. Как возможно ее воспроизводство, если разрушения в промышленности будут продолжаться в тех же размерах хотя бы еще несколько месяцев?» — «Я думаю, — возразил я, — что Гитлер таким образом разыгрывает свою последнюю карту и что он это знает». Феглер скептически посмотрел на меня: «Конечно, это его последняя карта, если наше производство разваливается на всех участках. Он будет проводить эту акцию на востоке, чтобы получить там передышку». Я уклонился от ответа. «Конечно, это будет на Восточном фронте, — решил Феглер. — Ни один человек не может пойти на такое безумство, чтобы обнажить Восточный фронт, чтобы сдерживать наступление противника на западе».

Генерал-полковник Гудериан, начальник Генерального штаба сухопутных войск, на оперативных совеща-

ниях с ноября постоянно обращал внимание Гитлера на непосредственную угрозу Верхней Силезии вследствие концентрации войск на Восточном фронте. Конечно, он делал это с целью добиться переброски на Восточный театр военных действий собранных для наступления на западе дивизий, чтобы избежать там катастрофы. На Нюрнбергском процессе некоторые из подсудимых, впрочем, пытались оправдать продолжение войны зимой 1944/45 г. при помощи того аргумента, что Гитлер продолжал военные действия только для того, чтобы спасти жизнь беженцам с востока и сдать русским в плен как можно меньше немецких солдат. Однако решения, которые он принимал в это время, свидетельствуют как раз об обратном.

Моя точка зрения заключалась в том, что необходимо как можно эффективнее разыграть «последнюю карту Гитлера». Поэтому я договорился с командующим группы войск Б, фельдмаршалом Моделем, что во время наступления я буду оказывать ему импровизированную помощь в поставке вооружений. 16 декабря, в день наступления, я поселился в маленьком охотничьем домике под Бонном. Уже когда я ночью ехал на запад в моторном вагоне Имперской железной дороги, я видел, что восточнее Рейна сортировочные станции забиты эшелонами; техника, предназначенная для наступления, застряла там из-за налетов авиации.

Ставка Моделя находилась на дне узкой, поросшей лесом расщелины в Эйфеле, в большом охотничьем доме богатого промышленника. Как и Генштаб сухопутных войск, Модель не стал строить бункеры, чтобы заранее за несколько месяцев не привлекать к этому месту внимание разведки противника. У Моделя было хорошее настроение, потому что внезапность удалась, фронт был прорван, его войска быстро продвигались вперед. Погода нам благоприятствовала, она была как раз такой, какую «заказал» Гитлер перед наступлением: «Погода должна быть плохой, иначе акция не будет иметь успеха».

Как фронтовой экскурсant, я старался как можно ближе продвинуться к линии фронта. Рвущиеся вперед войска были в хорошем расположении духа, потому что низкая облачность исключала любые действия авиации. Но уже на второй день начался хаос на дорогах, автомобили продвигались по главной дороге в три колонны метр за метром. Для того чтобы пройти 3—4 километра, моему автомобилю, зажато́му между грузовиками с боеприпасами, нужен был в среднем один час. Я боялся, что погода разгуляется.

Модель объяснял, с чем связана неразбериха: например, недостаточная дисциплинированность вновь созданных формирований или хаос в тылу. Но, как всегда, общая картина показывала, что армия утратила свои когда-то знаменитые организационные качества. Это, безусловно, было одним из результатов того, что ею три года руководил Гитлер.

Первой целью моего трудного путешествия был взорванный мост на северном крыле 6-й танковой армии СС. Чтобы принести какую-то пользу, я обещал Моделю выяснить, каким образом его можно восстановить в кратчайший срок. Солдаты скептически оценили мое внезапное появление. Мой адъютант узнал у одного из них, что они думают о его причине: «Он получил по шапке от фюрера за то, что мост еще не готов. Теперь у него приказ, самому расхлебывать эту кашу». Восстановление действительно тянулось крайне медленно. Потому что строительные отряды «Организации Тодт», со всей тщательностью сформированные нами, из-за непроходимых пробок на дорогах застряли вместе с большей частью саперной техники восточнее Рейна. Таким образом, скорый конец был обусловлен уже недостатком необходимого мостостроительного оборудования.

Недостатки в снабжении ГСМ также сказались на успехе операций. Танковые соединения начали наступление с незначительными резервами горючего. Гитлер легкомысленно рассчитывал на то, что танковые соеди-

нения потом воспользуются захваченным у американцев трофейным горючим. Когда наступление грозило захлебнуться, я помог Моделю, связавшись по телефону с находившейся неподалеку Рурской областью и на скорую руку организовав формирование и отправку на фронт поездов цистерн с бензольных заводов.

Материально-техническое снабжение развалилось, когда через несколько дней рассеялся туман и в безоблачном небе появилось множество истребителей и бомбардировщиков противника. Даже для быстрого легкового автомобиля поездка днем стала проблематичной; часто мы были рады, когда могли спрятаться в какой-нибудь небольшой роще. Снабжение теперь пришлось осуществлять только по ночам, на ощупь пробираясь от дерева к дереву. 23 декабря, за день до сочельника, Модель объявил мне, что наступление окончательно провалилось; однако Гитлер приказал продолжать его.

До конца декабря я находился в районе наступления, посещал различные дивизии, подвергался обстрелу штурмовиков и артиллерии, видел ужасающие последствия налета немецкой авиации на пулеметную огневую позицию. На этом участке местности лежали скошенные смертью сотни солдат. На следующий вечер я посетил Зеппа Дитриха, бывшего фельдфебеля старой немецкой армии, а теперь командующего танковой армией СС, в его ставке недалеко от бельгийского пограничного города Уффализа. Один из немногих соратников Гитлера со времен создания партии, теперь и он при своей простоте отдалился от него. Разговор вскоре перешел на последние приказы: Гитлер во все более резкой форме требовал «любой ценой» взять окруженную Бастонь. «Он не желал понять, — ворчал Зепп Дитрих, — что отборные войска СС не могли без труда смять американцев». Гитлера было невозможно убедить в том, что они стойкие, равные немцам соперники. «Кроме того, — говорил он, — мы не получаем боеприпасов. Транспортные коммуникации прерваны из-за налетов авиации». Как бы для того, чтобы продемонстрировать наше бес-

силе, это ночное совещание прервала атака с бреющего полета больших четырехмоторных бомбардировщиков. Вой и разрывы авиабомб, вспыхивающие красные и желтые облака, рев моторов и ничего в ответ, я буквально лишился рассудка при виде этой картины военной беспомощности, выглядевшей как гротеск на фоне ошибочных оценок Гитлера.

Дождавшись темноты, чтобы обезопасить себя от преследования вражеских штурмовиков, я с Позером выехал 31 декабря в 4 часа утра, чтобы лишь на следующий день около двух часов ночи прибыть в ставку Гитлера. Нам все время приходилось искать укрытие от истребителей; для того чтобы преодолеть 340 километров, нам пришлось, останавливаясь лишь ненадолго, ехать 22 часа.

Западная ставка Гитлера, откуда он руководил наступлением в Арденнах, находилась на окраине уединенной луговой долины, в двух километрах к северо-западу от Цигенберга под Бад Наугеймом. Укрытая в лесу, замаскированная под бункеры, она имела защиту в виде таких же массивных потолков и стен, как и все места пребывания Гитлера.

Трижды с момента назначения меня министром я пытался лично поздравить Гитлера с Новым годом, и каждый раз мое намерение не удавалось. В 1943 г. из-за обледенения самолета, в 1944 г. из-за неполадок с двигателем при полете от побережья Северного Ледовитого океана, когда я возвращался с фронта.

Два часа нового, 1945 года уже прошли, когда я, наконец, преодолев многочисленные препоны, прибыл в личный бункер Гитлера. Я не опоздал: адъютанты, врачи, секретарши, Борман — все они, за исключением генералов из ставки фюрера, собрались с шампанским вокруг Гитлера. В ставшей благодаря воздействию алкоголя непринужденной, но одновременно подавленной атмосфере Гитлер единственный, хотя он-то как раз и не прибегал к стимулирующим напиткам, казался нетрезвым и впавшим в хроническую эйфорию.

Хотя начало нового года не внесло улучшения в отчаянную обстановку, сложившуюся к исходу года, казалось, все испытывали облегчение от того, что, по крайней мере, по календарю все можно начать сначала. Гитлер делал оптимистический прогноз на 1945 год. Он говорил, что самую низкую точку скоро удастся преодолеть, в итоге мы победим. Общество приняло это молча. Только Борман восторженно соглашался с Гитлером. Спустя два часа, в течение которых Гитлер излучал свой оптимизм, его компания, в том числе и я, почувствовала, что, несмотря на весь скепсис, ее охватывает растущая беззаботность: он по-прежнему обладал своими магическими свойствами. Потому что с точки зрения разума поверить в это было уже невозможно. Уже сама мысль о том, что Гитлер, проведя параллель с положением Фридриха Великого в конце Семилетней войны, фактически признал, что потерпел военное поражение, должна была отрезвить нас. Но никому из нас эта мысль не пришла в голову.

Через три дня, на большом совещании с Кейтелем, Борманом и Геббельсом, нереальные надежды еще более оживились. Тотальная мобилизация должна была вызвать поворот. Геббельс обрушился на меня с нападками, когда я воспротивился и заявил, что это в такой мере затронуло бы остальные программы, что было бы равнозначно полному краху целых групп производства. Не веря своим ушам, Геббельс возмущенно посмотрел на меня. Затем он торжественно воскликнул, обернувшись к Гитлеру: «В таком случае, вас, господин Шпеер, осудит история за то, что нам не хватит нескольких сот тысяч солдат, чтобы выиграть войну! Почему вы, наконец, не скажете «да»?! Подумайте! Ваша вина!» Мы замерли на некоторое время в нерешительности, сбитые с толку, затем Гитлер принял решение в пользу Геббельса и тем самым за победу в войне.

За этим совещанием последовало обсуждение состояния дел в оборонной промышленности, в котором в качестве гостей Гитлера смогли принять участие также

Гейббельс и его госсекретарь Науман. Как уже давно повелось, Гитлер обошел меня во время дискуссии, не интересовался моим мнением, а обращался исключительно к Зауру. Я скорее играл роль бессловесного слушателя. Гейббельс сказал мне после заседания, что он был удивлен и огорчен тем, как безучастно я позволял Зауру оттеснить меня в сторону. Наступление в Арденнах означало конец войны. То, что последовало за этим, было лишь оттягиванием при помощи беспорядочного и бесильного сопротивления оккупации страны.

Не я один избегал столкновений. В ставке воцарилось общее равнодушие, которое нельзя было объяснить лишь летаргией, сверхнагрузками и психическим воздействием Гитлера. Вместо яростных столкновений, напряженности прошедших лет и месяцев между многочисленными враждебными друг другу интересами, группами, кликами, боровшимися за благоволение Гитлера и спихивавшими друг на друга ответственность за все учащавшиеся поражения, теперь здесь царила тихая незаинтересованность, уже возвещавшая конец. Например, когда в эти дни Зауру удалось заменить Гиммлера, бывшего «начальником вооружения сухопутных сил», генералом Буле, этот шаг, означавший частичное отстранение Гиммлера от власти, едва был замечен. Собственно, уже не было настоящей рабочей обстановки, события не оставляли впечатления, потому что понимание неотвратимости конца заслоняло собой решительно все.

Поездка на фронт три недели продержала вдали от Берлина. Это было признаком того, что не было больше возможности управлять из столицы. Общий хаос все больше затруднял централизованное управление организацией вооружения, и он же одновременно лишал его всякого содержания.

12 января на востоке началось предсказанное Гудерианом крупное наступление советских войск, наша оборона развалилась на широком фронте. И даже свыше 2000 современных немецких танков, находившихся

на западе, к этому моменту уже не смогли бы служить противовесом преимуществу советских войск.

Несколько дней спустя мы в так называемой «посольской комнате» Рейхсканцелярии, увешанном гобеленами помещении перед рабочим залом Гитлера, ожидали начала совещания по текущему моменту. Когда прибыл запоздавший из-за визита к японскому послу Ошиме Гудериан, слуга в простой черно-белой форме СС открыл дверь в рабочий зал Гитлера. По толстому ковру ручной работы мы прошли к столу для карт, стоявшему у окон. Огромная столешница, сделанная в Австрии из цельного куска мрамора, была розового цвета с желтовато-белыми прожилками. Мы встали в ряд спиной к окну, Гитлер сидел напротив нас.

Немецкая армия в Курляндии была безнадежно отрезана. Гудериан попытался убедить Гитлера в том, что нужно сдать эту позицию и эвакуировать армию по Балтийскому морю. Гитлер возражал, как и всегда, когда речь шла о том, чтобы дать согласие на отступление. Гудериан не уступал, Гитлер упорствовал, тон разговора повышался, и, наконец, Гудериан возразил Гитлеру с совершенно непривычной для этого круга прямотой. Может быть, под воздействием спиртного, выпитого у Ошимы, он утратил всякую скованность. Со сверкающими глазами и буквально встопорщенными усами, он стоял против Гитлера, который также встал по другую сторону мраморного стола. «Это просто наш долг — спасти этих людей! У нас еще есть время эвакуировать их!» — с вызовом кричал Гудериан. Рассерженный и крайне раздраженный, Гитлер возражал ему: «Они будут сражаться там! Мы не можем отдать эти области!» Гудериан проявил упорство. «Но это бесполезно! — возмущенно возразил он. — Так бессмысленно пожертвовать людьми. Уже давно пора! Мы немедленно должны погрузить этих солдат на корабли!»

Случилось то, что всем казалось невозможным. Гитлера явно напугало это яростное наступление. Строго говоря, он не мог примириться с такой потерей престижа, причиной которой был прежде всего тон Гудериана.

Однако, к моему удивлению, он сослался на обстоятельства военного времени, утверждал, что отступление к портам вызвало бы всеобщую дезорганизацию и привело бы к большим потерям, чем при продолжении обороны. Гудериан еще раз энергично указал на то, что тактика отступления разработана в деталях, и оно вполне возможно. Но решение осталось за Гитлером.

Были ли это симптомы распада авторитета? За Гитлером по-прежнему осталось последнее слово, никто в возмущении не покинул зал, никто не заявил, что больше не может брать на себя ответственность. Поэтому престиж Гитлера в итоге не пострадал, хотя мы просто окаменели на несколько минут, став свидетелями такого нарушения придворного этикета. Цейтцлер возразил более сдержанно, в его возражениях все еще присутствовали пиетет и лояльность. Но впервые дело дошло до конфронтации в присутствии всех, можно было физически почувствовать, как далеки они друг от друга. Разверзлись миры. Гитлер, правда, сохранил свое лицо. Это было очень много. И все же одновременно это было очень мало.

В связи с быстрым продвижением советских войск мне показалось целесообразным еще раз посетить Силезский промышленный район, чтобы проверить, не аннулировали ли нижестоящие инстанции мои распоряжения, касающиеся сохранения промышленности. Когда я встретился 21 января 1945 г. в Оппельне с вновь назначенным командующим группой армий фельдмаршалом Шернером, он сообщил мне, что от нее осталось одно название: танки и тяжелое оружие были уничтожены в проигранном сражении. Никто не знал, как далеко продвинулись советские войска в направлении Оппельна, во всяком случае, офицеры ставки эвакуировались, в нашей гостинице осталось лишь несколько человек, решивших переночевать здесь.

Из подавленного состояния, вызванного этой ночью, меня вывел телефонный звонок полковника фон Белова, осуществлявшего связь с Гитлером. Я уже 16 января

срочно указал Гитлеру на то, что после того, как Рурская область была отрезана от остальной части Рейха, утрата Верхней Силезии неизбежно повлекла бы за собой развал всей экономики. В телеграмме я еще раз обратил внимание Гитлера на важность Верхней Силезии и просил выделить группе армий Шернера «по меньшей мере от 30 до 50% всей военной продукции января».

Я хотел таким образом одновременно поддержать Гудериана, все еще требовавшего, чтобы Гитлер прекратил попытки наступления на западе, и желавшего использовать на Восточном фронте те немногие еще имевшиеся в распоряжении танки. Одновременно я указал на то, что «русские беспечно подвозят технику и боеприпасы сомкнутыми, при теперешней снежной погоде видными издалека колоннами. Ввиду того что немецкие истребители на западе почти уже не способны принести ощутимое облегчение, может быть, было бы полезно сконцентрировать и применить это все еще высоко ценящееся здесь оружие». И вот, Белов сообщил мне, что Гитлер с саркастическим смехом назвал мое замечание метким, однако не предпринял никаких практических шагов. Считал ли Гитлер запад главным противником? Испытывал ли он солидарность или даже симпатию к режиму Сталина? Я вспомнил его некоторые замечания, которые могли быть истолкованы в этом смысле и которые могли объяснить мотивы его поведения в эти дни.

На следующий день я попытался продолжить свое путешествие в Катовице, в центр Силезского промышленного района, но не смог добраться туда. На одном из поворотов я столкнулся в гололед с тяжелым грузовиком, моя грудная клетка разнесла вдребезги рулевое колесо, даже погнула рулевую колонку, и вот уже я сидел, хватая ртом воздух, на ступеньках деревенской гостиницы, бледный и растерянный. «У вас вид министра после проигранной войны», — заметил Позер. Автомобиль не мог ехать дальше, санитарная машина отвезла меня назад; мне пришлось отказаться от дальнейшей поездки. Когда

я вновь встал на ноги, я, по крайней мере, смог по телефону выяснить у моих сотрудников в Каттовице, что соблюдаются все достигнутые нами договоренности.

На обратном пути в Берлин Ханке, гауляйтер в Бреслау, провел меня по старому зданию оберпрезидиума, когда-то построенному Шинкелем и лишь недавно отремонтированному. «Никогда это не достанется русским! — воскликнул он патетически. — Лучше я это сожгу!» Я возражал, но Ханке упорствовал. Ему не было дела до всего Бреслау, если бы город попал в руки неприятеля. Но под конец мне удалось убедить его, по крайней мере, в том, что это здание имеет художественную и историческую ценность и отговорить его от совершения этого акта вандализма. Вернувшись в Берлин, я положил перед Гитлером бессчетное число фотографий, запечатлевших лишения беженцев, которые я велел сделать во время моей поездки. Я питал слабую надежду, что вид спасающихся бегством женщин, детей, стариков, в сильный мороз устремляющихся навстречу своей несчастной судьбе, сможет тронуть Гитлера. Я думал, что, может быть, удастся уговорить его замедлить свободное продвижение русских, по крайней мере уменьшив контингент на западе. Однако, когда я положил перед Гитлером эти фотографии, он энергично отодвинул их в сторону. Нельзя было понять, то ли они его больше не интересуют, то ли слишком сильно взволновали.

24 января 1945 г. Гудериан посетил министра иностранных дел фон Риббентропа. Он разъяснил ему военное положение и затем коротко заявил, что война проиграна. Фон Риббентроп боязливо уклонялся от всякого проявления своей позиции и попытался выкрутиться из этой истории, немедленно с выражением удивления проинформировав Гитлера о том, что начальник Генерального штаба имеет собственное мнение о ходе войны. Гитлер возбужденно объявил через два часа на совещании по текущему моменту, что впредь он будет со всей строгостью карать за пораженческие высказыва-

ния такого рода. Каждому из своих сотрудников он предоставляет лишь право обращаться непосредственно к нему: «Я самым решительным образом запрещаю делать обобщения и выводы! Это мое дело! С тем, кто в будущем будет утверждать в разговорах с другими, что война проиграна, будут обращаться как с изменником родины, со всеми последствиями для него самого и его семьи. Я буду действовать решительно, невзирая на чины и положение!»

Никто не осмелился произнести ни слова. Мы выслушали молча, так же молча покинули помещение. С этих пор на совещаниях часто стал появляться еще один гость. Он держался совсем в тени, но само его присутствие производило эффект: это был шеф гестапо Эрнст Кальтенбруннер.

В связи с угрозами Гитлера и его все большей непредсказуемостью я через три дня, 27 января 1945 г., разослал тремстам важнейшим промышленникам, входившим в мою организацию, отчет по итогам нашей деятельности за прошедшие три года. Я также пригласил к себе тех, с кем я начинал свою работу в качестве архитектора, и попросил их собрать и поместить в надежное место фотографии наших первых проектов. У меня было мало времени, а также не было намерений посвящать их в свои заботы и переживания. Но они поняли: я прощался с прошлым.

30 января 1945 г. я через своего офицера связи фон Белова передал Гитлеру памятную записку. Так случилось, что на ней стояла дата 12-летней годовщины прихода к власти. Я доложил ему по существу вопроса, что в области экономики и вооружений война закончена и при таком положении вопросы питания, отопления жилых домов и энергоснабжения обладают приоритетом по отношению к танкам, самолетным двигателям и боеприпасам.

Чтобы опровергнуть далекие от реальности представления Гитлера о возможностях оборонной промышленности в 1945 г., я приложил к памятной записке про-

гноз производства танков, оружия и боеприпасов на ближайшие три месяца. Из памятной записки можно было сделать вывод: «После потери Верхней Силезии немецкая оборонная промышленность более не будет в состоянии хотя бы в какой-то степени... покрыть потребности фронта в боеприпасах, оружии и танках. В этом случае станет также невозможным компенсировать превосходство противника в технике за счет личной храбрости наших солдат». В прошлом Гитлер вновь и вновь утверждал, что с того момента, как немецкий солдат начнет сражаться на немецкой земле, защищать свою родину, его чудеса героизма уравновесят нашу слабость. На это я хотел дать ответ в своей памятной записке.

После того как Гитлер получил мою памятную записку, он стал игнорировать меня и не замечать моего присутствия на совещаниях по текущему моменту. Только 5 февраля он вызвал меня к себе. Он распорядился, чтобы вместе со мной явился и Заур. После всего, что этому предшествовало, я настроился на недружественный прием и коллизии. Но уже то, что он принял нас в интимной обстановке своего домашнего кабинета, означало, что он не собирается принимать меры, которыми он угрожал. Он не заставил нас с Зауром стоять, как обычно делал, когда хотел дать почувствовать свое недовольство, а очень приветливо предложил нам обитые плюшем кресла. Затем он обратился к Зауру, его голос звучал сдавленно. Казалось, он стеснялся, я чувствовал, что он смущен и пытается просто не замечать мою строптивость и вести разговор о повседневных проблемах производства вооружений. Подчеркнуто спокойно он обсуждал возможности ближайших месяцев, при этом Заур постарался представить дело в выигрышном ракурсе и смягчить удручающее впечатление от памятной записки. Его оптимизм казался не совсем безосновательным. Во всяком случае, в последние годы мои прогнозы нередко оказывались ошибочными, потому

что противник упускал шансы, которые я клал в основу своих расчетов.

Я сидел унылый, не принимая участия в этом диалоге. Лишь под конец Гитлер обернулся ко мне: «Хотя вы и можете письменно выражать мне ваше суждение о положении в оборонной промышленности, но я запрещаю вам делиться этим с кем бы то ни было еще. Я также не разрешаю вам давать кому-либо копию этой памятной записки. Что же касается вашего последнего абзаца, — здесь его голос стал пронзительным и холодным, — такие вещи не смейте писать даже мне. Вы могли бы не трудиться делать такие заключения. Предоставьте мне делать выводы из положения в производстве вооружений». Все это он произнес без малейших признаков волнения, совсем тихо, слегка присвистывая сквозь зубы. Это выглядело не только значительно определеннее, но и намного опаснее, чем взрыв гнева, после которого он легко мог отойти на следующий день. Но это было, как я совершенно ясно почувствовал, последнее слово Гитлера. Он простился с нами. Он был суше со мной, сердечнее с Зауром.

30 января я уже разослал через Позера шесть экземпляров памятной записки в шесть отделов Генерального штаба сухопутных войск. Для того чтобы формально выполнить приказ Гитлера, я затребовал их назад. Гудериану и другим Гитлер заявил, что он, не читая, положил записку в сейф.

Я немедленно начал готовить новую записку. Для того чтобы заставить Заура, в принципе разделявшего мои взгляды на положение в оборонной промышленности, принять на себя определенные обязательства, я договорился с руководителями важнейших главков, что на этот раз памятную записку должен будет составить и подписать Заур. Характерным для моего тогдашнего положения было то, что я тайно перенес встречу в Бернау, где Шталю, возглавлявшему наше производство боеприпасов, принадлежал завод. Каждый из участников

этого заседания пообещал уговорить Заура в письменной форме повторить мое объявление банкротства.

Заур изворачивался, как угорь. Он не позволил вырвать у себя письменное заявление, но под конец согласился на следующем совещании с Гитлером подтвердить мои пессимистические прогнозы. Но следующее совещание у Гитлера прошло как обычно. Едва я сделал доклад, как Заур уже попытался сгладить тяжкое впечатление. Он рассказал о недавнем обсуждении с Мессершмиттом и тут же вынул из своей папки первые эскизы проекта четырехмоторного реактивного бомбардировщика. Хотя для производства самолета с радиусом действия до Нью-Йорка и в нормальных условиях потребовались бы годы, Гитлер и Заур упивались тем, какое сильное психологическое воздействие произведет бомбардировка улиц-каньонов, пересекающих скалы-небоскребы.

В феврале и марте 1945 г. Гитлер, правда, иногда намекал, что он по различным каналам устанавливает контакты с противником, но не вдавался в детали. В действительности же у меня складывалось впечатление, что он скорее стремился создать обстановку крайней и не оставляющей надежду непримиримости. Во время Ялтинской конференции я слышал, как он давал указания референту по печати Лоренцу. Недовольный реакцией немецких газет, он требовал более жесткого, агрессивного тона. «Этих поджигателей войны, находящихся в Ялте, следует оскорбить, подвергнуть таким оскорблениям и нападкам, чтобы у них вообще не осталось возможности обратиться к немецкому народу. Обращения нельзя допустить ни в коем случае. Этой банде только бы отделить немецкий народ от его руководства. Я всегда говорил: о капитуляции не может быть и речи!» Он помедлил: «История не повторяется!» В своем последнем обращении по радио Гитлер подхватил этот тезис и «раз и навсегда заверил этих иных государственных деятелей, что любая попытка воздействия на социалистическую Германию при помощи фраз из лексикона

Вильсона рассчитана на наивность, незнакомую сегодняшней Германии. От обязанности бескомпромиссной защиты интересов своего народа, — продолжал он, — его может освободить только тот, кто ниспослал ему это предназначение». Он имел в виду Всевышнего, которого он снова и снова упоминал в этой речи.

По мере приближения конца своего владычества Гитлер, проведший годы побед среди генералитета, снова стал отдавать заметное предпочтение узкому кружку тех товарищей по партии, с которыми он когда-то начал свою карьеру. Вечер за вечером он по несколько часов просиживал с Геббельсом, Леем и Борманом. Никто не смел входить, было неизвестно, о чем они говорили, вспоминали ли начало или говорили о конце и что за ним последует. Напрасно я тогда ожидал услышать от кого-нибудь из них хотя бы одно слово сострадания о судьбе побежденного народа. Сами они хватались за любую соломинку, жадно старались уловить самые слабые признаки поворота и при этом совершенно не были готовы позаботиться о судьбе целого народа в той же мере, как позаботились о собственной судьбе. «Мы оставим американцам, англичанам и русским пустыню», — так нередко кончалось их обсуждение положения. Гитлер был согласен с этим, хотя он и не высказывался так радикально, как Геббельс, Борман и Лей. И действительно, несколько недель спустя выяснилось, что Гитлер был настроен радикальнее, чем все они. Пока другие говорили, он скрывал свои настроения, делая вид, что озабочен судьбой своего государства, а затем отдавал приказы об уничтожении основ существования народа.

Когда на совещании по текущему моменту в начале февраля мы увидели на картах катастрофическую картину бесчисленных прорывов и котлов, я отвел Деница в сторону: «Что-то все же должно случиться». Он ответил с заметной поспешностью: «Я уполномочен представлять здесь только ВМС. Все остальное — не мое дело. Фюрер, вероятно, знает, что делает».

Характерно, что люди, каждый день собиравшиеся у стола с оперативными картами, за которым сидел бессиленный, но упрямый Гитлер, никогда не решались на совместный шаг. Конечно, Геринг уже давно морально деградировал, и у него все сильнее сдавали нервы. Но одновременно он со дня начала войны был одним из немногих, не строивших иллюзий и реально представлявших себе, куда ведет эта война, развязанная Гитлером. Если бы Геринг, бывший вторым человеком в государстве, вместе с Кейтелем, Йодлем, Деницем, Гудерианом и мной в ультимативной форме потребовал, чтобы Гитлер посвятил нас в свои планы завершения войны, Гитлеру пришлось бы объясниться. Не только потому, что Гитлер всегда боялся конфликтов такого рода. Теперь он менее, чем когда-либо, мог позволить себе отказаться от фактивного единодушия в руководстве.

Примерно в середине февраля я как-то вечером посетил Геринга в Каринхалле. Взглянув на оперативную карту, я обнаружил, что он стянул к своей охотничьей резиденции воздушно-десантную дивизию. Он давно уже стал козлом отпущения за все неудачи люфтваффе, на оперативных совещаниях Гитлер в присутствии всех офицеров обрушивал на него особенно резкие и оскорбительные нападки. Еще худшие сцены, вероятно, разыгрывались, когда он оставался с Герингом с глазу на глаз. Часто, ожидая в приемной, я слышал, как Гитлер громко осыпал его упреками.

В этот вечер в Каринхалле я в первый и последний раз ощутил душевную близость с Герингом. Геринг велел подать к камину старый лафит из подвалов Ротшильда и приказал слуге больше не беспокоить нас. Я открыто выражал свое разочарование Гитлером, Геринг столь же открыто отвечал, что понимает меня и что мне с ним часто все же легче, чем ему, потому что я примкнул к Гитлеру значительно позже и поэтому мне легче покинуть его. Его связывают с Гитлером гораздо более тесные узы, долгие годы общих переживаний и забот, по его словам, прочно связали их друг с другом —

ему больше не вырваться. Через несколько дней Гитлер перебросил располагавшуюся вокруг Каринхалле воздушно-десантную дивизию на фронт далеко к югу от Берлина.

В это время один из руководителей СС намекнул мне, что Гиммлер готовит решающие шаги. В феврале 1945 г. рейхсфюрер СС принял командование группой армий «Висла», но он так же, как и его предшественники, мало мог сделать, чтобы сдержать наступление русских. Гитлер осыпал резкими упреками и его. Так, несколько недель командования действующей армией уничтожили остатки его престижа.

Тем не менее Гиммлера по-прежнему все боялись, и я почувствовал себя неудобно, когда мой адъютант однажды сообщил мне, что Гиммлер записался на вечер на прием, это был, кстати, единственный раз, когда он пришел ко мне. Мое беспокойство еще более возросло, когда новый начальник нашего центрального управления Хупфауэр, с которым я несколько раз был откровенен, сообщил мне, что к нему в тот же час прибудет шеф гестапо Кальтенбруннер.

Прежде чем Гиммлер вошел, мой адъютант прошептал мне: «Он один». В моем кабинете не было стекол; мы их больше не вставляли, потому что они все равно вылетали при бомбардировках через несколько дней. На столе стояла жалкая свеча, потому что подача электричества прекратилась. Закутавшись в пальто, мы сидели друг против друга. Гиммлер говорил о второстепенных вещах, справлялся о ничего не значащих деталях, перешел к положению на фронте и под конец пустился в размышления: «Когда спускаешься с горы, всегда достигаешь ее подножья, и когда его достигнешь, тогда, господин Шпеер, путь опять ведет в гору». Поскольку я не поддерживал, но и не возразил против этой примитивной философии и вообще отвечал односложно, он вскоре отклонялся. Пока он не покинул мой кабинет, оставался приветливым, но непроницаемым. Мне так и не удалось узнать, что он хотел от меня и почему Кальтенбруннер одновре-

менно появился у Хупфауэра. Может быть, они были наслышаны о моем критическом настроении и искали контакт со мной, а может быть, они хотели только прощупать нас.

14 февраля я направил письмо министру финансов, в котором предложил изъять в пользу Рейха прирост собственности в руках физических лиц с 1933 г., что составляло значительную величину. Эта мера должна была способствовать стабилизации марки, покупательная способность которой с трудом поддерживалась при помощи принудительных мер. С их отменой она неизбежно должна была нарушиться. Когда министр финансов, граф Шверин-Кродичк, стал обсуждать с Геббельсом мою инициативу, он столкнулся с говорящим о многом сопротивлением. Министр, по интересам которого эта мера была особенно ощутимо, привел массу аргументов против.

Еще более бесперспективной была другая идея, показывающая мне сегодня, какими романтическими и одновременно фантастическими иллюзиями был полон мой тогдашний внутренний мир. В конце января я очень осторожно прозондировал мнение Вернера Наумана, госсекретаря в Министерстве пропаганды, касающееся бесперспективности положения. Случай свел нас в бомбоубежище министерства. Предполагая, что, по крайней мере, Геббельс в состоянии понять все и сделать выводы, я в расплывчатых выражениях обрисовал ему идею великого подведения итога: я представлял себе, что правительство, партия и высшее военное руководство совершат совместный шаг. Все они во главе с Гитлером должны были торжественно объявить, что готовы добровольно сдаться неприятелю, если в ответ на это будут гарантированы приемлемые условия дальнейшего существования немецкого народа. Исторические реминисценции, воспоминания о Наполеоне, который после поражения под Ватерлоо сдался англичанам, сыграли свою роль в возникновении этой идеи с сюжетом, как будто взятым из какой-то оперы. Вагнеровщина с само-

пожертвованием и избавлением — хорошо, что до этого не дошло дело.

Среди моих сотрудников, работавших в промышленности, в человеческом плане мне особенно близок был д-р Люшен, руководитель немецкой электропромышленности, член правления и руководитель отдела разработок концерна Сименса. Ему было семьдесят лет, я охотно прислушивался к его мнению, и он, хотя и считал, что для немецкого народа наступают тяжелые времена, не сомневался в его возрождении.

В начале февраля Люшен посетил меня в моей квартире в доме, расположенном за моим министерством на Паризерплац. Он вынул из кармана листок и подал его мне со словами: «Знаете, какую фразу из «Майн кампф» Гитлера сейчас чаще всего цитируют на улице? «Дипломатия должна заботиться о том, чтобы народ не героически погибал, а сохранял свою дееспособность. Любой ведущий к этому путь в таком случае целесообразен, не пойти им означает преступное пренебрежение своими обязанностями». Он нашел еще одну подходящую цитату и передал ее мне: «Государственный авторитет не может быть самоцелью, потому что в этом случае любая тирания на земле была бы неприкосновенной и священной. Если правительство использует свою власть на то, чтобы вести народ к гибели, в таком случае бунт каждого представителя такого народа не только правомерен, но и является его долгом».

Люшен молча простился, оставив меня одного с листом бумаги. Я в смятении ходил по комнате. Гитлер сам высказал то, к чему я стремился в последние месяцы. Оставалось только сделать вывод: Гитлер, даже в соизмерении с его политической программой, сознательно предавал свой народ, который принес себя в жертву его целям и которому он был обязан всем; во всяком случае большим, чем я был обязан Гитлеру.

Этой ночью я принял решение устранить Гитлера. Конечно, я недалеко продвинулся в осуществлении этого замысла, и вся моя подготовка имела налет какой-то ба-

лаганности. Но одновременно она служит доказательством тому, каков был характер режима и как менялся характер его действующих лиц. Меня до сих пор пробирает дрожь при мысли, куда он меня завел меня, предел мечтаний которого был — стать архитектором Гитлера. Мы по-прежнему сидели временами друг против друга, иногда просматривали старые строительные планы, и в то же время я соображал, как раздобыть токсичный газ, чтобы убрать человека, вопреки всем распрям все еще любившего меня и прощавшего мне больше, чем любому другому. Я годами жил в среде, где человеческая жизнь не значила ничего; казалось, что меня ничто не касается. Теперь я заметил, что эти уроки не прошли бесследно. Я не только увяз в дебрях обмана, интриг, подлости и готовности убивать, но сам стал частью этого противоестественного мира. Двенадцать лет я в принципе бездумно прожил среди убийц, и вот теперь, когда режим агонизировал, я собирался получить именно у Гитлера благословение на убийство.

Геринг издевался надо мной на Нюрнбергском процессе, называл меня вторым Брутом. Некоторые из подсудимых также упрекали меня: «Вы нарушили присягу, данную фюреру». Но эти ссылки на присягу не имели никакого веса и были не чем иным, как попыткой уйти от обязанности мыслить самостоятельно. А ведь никто и не что иное, как сам Гитлер, лишил их этого псевдоаргумента, как это он проделал со мной в феврале 1945 г.

Во время прогулок в парке Рейхсканцелярии я заметил вентиляционную шахту бункера Гитлера. В небольшом кустарнике заподлицо с грунтом помещалось ее входное отверстие, слегка покрытое ржавчиной. Всасываемый воздух проходил через фильтр. Но, как и все фильтры, он был неэффективен против нашего токсического газа «табун».

Так получилось, что я близко сошелся с руководителем нашего производства боеприпасов, Дитером Шталем. Ему пришлось давать объяснения в гестапо по по-

воду своих пораженческих высказываний о предстоящем конце войны. Он попросил моего содействия, чтобы избежать суда. Поскольку я хорошо знал бранденбургского гауляйтера Штюрца, дело удалось уладить. Примерно в середине февраля, через несколько дней после визита Люшеня, я во время массированного авианалета оказался вместе со Шталем в одной кабине нашего берлинского бомбоубежища. Ситуация располагала к откровенности. Мы разговаривали в помещении с голыми бетонными стенами, стальной дверью и простыми стульями о положении дел в Рейхсканцелярии и о катастрофичности вырабатываемой там политики. Шталь внезапно вцепился мне в руку: «Все кончится ужасно, ужасно».

Я осторожно спросил его о новом токсичном газе и может ли он достать его. Хотя вопрос был крайне необычным, Шталь с готовностью стал его обсуждать. Внезапно стала возникать пауза, и я сказал: «Это единственное средство покончить с войной. Я попытаюсь пустить газ в бункер Рейхсканцелярии». Несмотря на доверительность наших отношений, я в первый момент сам испугался своей дерзости. Но он не был ни ошеломлен, ни взволнован, а спокойно и деловито пообещал в ближайшие дни поискать каналы, по которым можно было бы подобраться к газу.

Через несколько дней Шталь сообщил мне, что он связался с начальником отдела боеприпасов в отделе артиллерийско-технического снабжения сухопутных войск, майором Сойкой. Может быть, удастся переделать для экспериментов с отравляющими веществами ружейные гранаты, производившиеся на заводе Шталя. Фактически любому сотруднику среднего ранга, работавшему на заводе, где производились ОВ, токсичный газ «табун» был доступнее, чем министру вооружений или руководителю главного комитета по производству боеприпасов. Кроме того, в ходе наших бесед выяснилось, что «табун» приобретает свои свойства только в результате взрыва. Из-за этого его использование

становилось невозможным, потому что взрыв разрушил бы тонкостенные воздухоотводы. Тем временем уже, кажется, наступил март. Я продолжал работать над осуществлением своего намерения, потому что оно казалось мне единственным средством, позволявшим убрать не только Гитлера, но и одновременно собравшихся ночью на беседу Бормана, Геббельса и Лея.

Шталь считал, что он сможет раздобыть мне один из обычных газов. Со времен строительства Рейхсканцелярии я был знаком с главным техником Рейхсканцелярии Хеншелем. Я внушил ему, что воздушные фильтры слишком долго были в эксплуатации и нуждаются в замене, потому что Гитлер уже как-то жаловался в моем присутствии на плохой воздух в бункере. Слишком быстро, быстрее, чем я мог действовать, Хеншель разобрал воздухоочистительную систему, так что помещения бункера остались без защиты.

Но даже если бы мы уже достали газ, эти дни все равно ничего не принесли бы нам. Потому что, когда я в это время под благовидным предлогом стал осматривать вентиляционную шахту, я обнаружил, что картина изменилась. На крышах всего комплекса находились вооруженные часовые-эсэсовцы, были установлены прожектора, а там, где только что на уровне земли располагалось отверстие шахты, было выстроено что-то вроде 3—4-метрового камина, закрывающего доступ к вентиляционному отверстию. В этот момент у меня возникло подозрение, что мой план раскрыт. Но на самом деле вмешался случай. Гитлер, который во время Первой мировой войны на какое-то время ослеп, отравившись газом, распорядился построить этот камин, потому что токсичный газ тяжелее воздуха.

В принципе я почувствовал облегчение оттого, что мой план провалился. Еще три-четыре недели меня преследовал страх, что кто-нибудь раскроет наш заговор, при этом я вбил себе в голову, что по мне видно, что я затевал. Все же после 20 июля 1944 г. нужно было считать-

ся с риском, что поплатится и семья, моя жена и прежде всего наши шестеро детей.

Таким образом, стал невозможен не только этот план, сама идея покушения исчезла из моей головы так же быстро, как и появилась. С этого времени я видел свою задачу уже не в том, чтобы устранить Гитлера, а в том, чтобы срывать его разрушительные приказы. Это тоже принесло мне облегчение, потому что тут присутствовало все: привязанность, бунт, лояльность, возмущение. Независимо от всякого страха, я никогда бы не смог выступить против Гитлера с пистолетом в руке. Когда мы оставались наедине, его суггестивное воздействие на меня было до самого последнего дня слишком сильным.

Полное смешение моих представлений выразилось в том, что я, несмотря на все понимание аморальности своего поведения, не мог подавить чувства сожаления по поводу неотвратимого конца и краха его существования, выстроенного на его мессианском сознании. По отношению к нему я теперь испытывал смесь отвращения, сочувствия и восхищения.

Кроме того, я боялся. Когда в середине марта я снова решил предстать перед Гитлером с памятной запиской, вновь касавшейся запретной темы проигранной войны, я собирался передать ее вместе с сопроводительным письмом личного характера. Нервным почерком, зеленым карандашом, которым делал пометки только министр, начал я сочинять его. Случаю было угодно, чтобы я писал его на обороте листа бумаги, на котором моя секретарша выписала цитату из «Майн кампф» для предназначенной для Гитлера большой записки. Я все еще хотел напомнить ему его собственный призыв к бунту в проигранной войне.

«Я должен был написать прилагаемую записку, — начал я, — это мой долг рейхсминистра вооружений и военной промышленности по отношению к Вам и немецкому народу». Здесь я помедлил и переставил слова. При помощи этой поправки я поставил немецкий на-

род перед Гитлером и продолжал: «Я знаю, что это письмо не может не иметь тяжелых последствий для меня лично».

На этом сохранившийся черновик обрывается. И в это предложение я внес изменения. Я все возложил на Гитлера. Изменение было незначительным: «...может повлечь тяжелые последствия для меня лично».

Работа на этой последней стадии войны отвлекала и успокаивала меня. Моему сотруднику Зауру я предоставил позаботиться о том, чтобы военное производство продолжалось до конца. Я сам, напротив, как можно теснее сошелся с представителями промышленности, чтобы обсудить с ними самые неотложные проблемы снабжения и переход к послевоенной экономике.

План Morgентау давал Гитлеру и партии желанную возможность продемонстрировать населению, что в случае поражения окончательно и бесповоротно будет решена его собственная судьба. Широкие круги действительно поверили этой угрозе. У нас же, напротив, давно уже были иные представления о дальнейшем развитии. Потому что цели, аналогичные тем, что преследовал план Morgентау, только в более резкой и решительной форме, ставили Гитлер и близкие ему политики, когда речь шла об оккупированных областях. Опыт, однако, показал, что в Чехословакии и Польше, в Норвегии и Франции промышленность продолжала развиваться и вопреки намерениям Германии, потому что в конце концов заинтересованность в ее активизации для своих нужд была сильнее, чем бредовые идеи оголтелых идеологов. Но если начинать оживлять промышленность, становится необходимым поддерживать основные условия функционирования экономики, кормить людей, одевать их, платить зарплату.

Во всяком случае, таким путем шло развитие на оккупированных территориях. Единственным необходимым условием было, по нашему мнению, сохранить в относительной целостности и невредимости производственный механизм. Моя деятельность в конце войны была направлена исключительно на то, чтобы, отказавшись от идеологических и националистических предубеждений, вопреки всем трудностям спасти основы промышленности. Нельзя сказать, что я не встречал на этом пути сопротивления, и это заводило меня все дальше по пути лжи, обмана и шизофрении, на который я ступил. В январе 1945 г. Гитлер протянул мне на оперативном совещании обзор зарубежной печати: «Я же приказал уничтожить во Франции все! Как же получается, что французская промышленность уже через несколько месяцев приближается к довоенному уровню производства?» Он возмущенно посмотрел на меня. «Может быть, это пропаганда», — спокойно ответил я. Гитлер с пониманием относился к лживым пропагандистским сообщениям, и вопрос был закрыт.

В феврале 1945 г. я еще раз слетал в венгерский нефтяной район, пока еще находившийся в наших руках Силезский угольный бассейн, в Чехословакию и в Данциг. Мне повсюду удалось убедить местных сотрудников министерства поддержать наш курс и найти понимание у генералов. При этом в Венгрии, на Балатоне, я стал свидетелем сосредоточения и развертывания нескольких дивизий СС, силами которых Гитлер собирался начать широкомасштабное наступление. План этой операции держался в строжайшем секрете. Тем большим гротеском выглядело то, что знаки отличия на формах солдат и офицеров этих соединений выдавали их принадлежность к военной элите. Однако еще большим гротеском, чем это открытое развертывание перед внезапным наступлением, была идея Гитлера, что он силами нескольких танковых дивизий сможет свергнуть только что установленную советскую власть на Балканах. По его мнению, народам Юго-Восточной Ев-

ропы уже через несколько месяцев надоест советское господство. Всего несколько успехов в начале операции, говорил он в атмосфере отчаяния, характерной для этих недель, все перевернут. Обязательно начнется народное восстание против Советского Союза, и население станет поддерживать нас против общего врага, пока не будет достигнута победа. Это было что-то фантастическое.

Прибыв затем в Данциг, я оказался в ставке Гиммлера, главнокомандующего группой армий «Висла». Он устроил ее в оборудованном со всеми удобствами спецпоезде. Я случайно стал свидетелем того, как он, разговаривая по телефону с генералом Вайсом, давал стереотипный ответ на все его доводы о необходимости оставить позицию, на которой сражение уже было проиграно: «Я дал вам приказ. Вы отвечаете за это головой. Я привлеку вас к персональной ответственности, если позиция будет потеряна».

Но когда я на следующий день посетил генерала Вайса в Прейсиги-Штаргарде, оказалось, что позиция была ночью сдана. На Вайса угрозы Гиммлера явно не произвели никакого впечатления: «Я не буду бросать свои войска на реализацию неосуществимых требований, приносящих большие потери. Я делаю только то, что возможно». Угрозы Гитлера и Гиммлера начали терять свое действие. Во время этой поездки я также велел министерсткому фотографу сделать фотографии бесконечного потока беженцев, в немой панике двигавшихся на запад. Гитлер вновь отказался посмотреть снимки. Не раздраженно, скорее — в отчаянии — он сдвинул их, лежащих на большом столе для карт, в сторону.

Во время моей поездки в Верхнюю Силезию я познакомился с генерал-полковником Хайнричи, оказавшимся разумным человеком. Мне суждено было еще раз встретить его и сотрудничать с ним на доверительной основе в последние недели войны. Тогда, в середине февраля, мы решили, что путевое хозяйство, которое вскоре должно было понадобиться для переброски угля

на юго-восток, не должно быть разрушено. Мы вместе посетили шахту под Рыбником. Советские войска, несмотря на непосредственную близость фронта, не мешали работе предприятия. Казалось, противник тоже уважает нашу политику непричинения разрушений. Польские рабочие приспособились к изменившемуся положению, они не снижали производительность труда, в известном смысле в благодарность за наше обязательство сохранить им их завод, если они не прибегнут к саботажу.

В начале марта я выехал в Рурскую область для обсуждения мер, которые необходимо было принять, поскольку близился конец, а затем все нужно было начинать сначала. Промышленников беспокоили прежде всего транспортные коммуникации: если шахты и сталелитейные заводы уцелеют, но все мосты будут разрушены, то цикл уголь—сталь—прокат будет нарушен. В этой связи я в тот же день поехал к фельдмаршалу Моделю. Он раздраженно рассказал мне, что Гитлер только что приказал ему силами конкретно названных дивизий атаковать противника на его фланге под Ремагеном и отбить у него мост. В бессильном отчаянии он сказал: «Эти дивизии из-за потерь в технике утратили всякую боеспособность, их степень боеспособности ниже, чем у роты! Они там в ставке опять ни о чем не имеют представления!.. А ответственность за неудачу, конечно, потом возложат на меня!» Недовольство приказами Гитлера сделало Моделя готовым выслушать мои предложения. Он заверил меня, что во время боев в Рурской области будет избегать наносить разрушения жизненно важным мостам и особенно сооружениям Имперской железной дороги.

Чтобы в будущем ограничить роковые разрушения мостов, я договорился с генерал-полковником Гудерианом, что он издаст принципиальное распоряжение о «Мероприятиях по разрушениям в собственной стране», которое должно было запретить уничтожение всех объектов, без которых невозможно снабжение немецкого

населения. Абсолютно необходимые разрушения следовало свести к минимуму. Гудериан уже хотел под свою ответственность издать такое распоряжение для восточного театра военных действий; когда он попытался получить подпись генерал-полковника Йодля, которому подчинялся западный театр военных действий, тот направил его к Кейтелю. Однако Кейтель забрал у него проект и заявил, что обсудит его с Гитлером. Результат можно было предвидеть: на следующем оперативном совещании Гитлер подтвердил уже существующие, строгие меры по уничтожению объектов и одновременно выразил свое возмущение предложением Гудериана.

В середине марта я в памятной записке вновь открыто высказал свое мнение о необходимых на данной стадии мерах. Эта бумага, как я понимал, нарушала все введенные им в последние месяцы табу. Тем не менее за несколько дней до этого я созвал в Бернау моих сотрудников из промышленности и объявил им, что готов пожертвовать собой и своей головой для того, чтобы в случае дальнейшего ухудшения положения на фронтах ни в коем случае не допустить разрушения заводов. Одновременно я циркулярным письмом еще раз обязал своих сотрудников в принципе не допускать уничтожения объектов.

Чтобы побудить Гитлера вообще прочесть памятную записку, первые страницы как обычно начинались с отчета о добыче угля. Однако уже на второй странице военное производство стало последним в списке после отраслей, удовлетворяющих гражданские потребности: производство продуктов питания, снабжение населения, газ, электричество. Непосредственно за этим в записке говорилось, что «со всей уверенностью можно ожидать окончательный крах немецкой экономики» через два-четыре месяца, после этого «войну будет уже невозможно продолжать и военными средствами». Обращаясь лично к Гитлеру, я далее писал: «Никто не имеет права на позицию, согласно которой судьба не-

мецкого народа зависела бы от его собственной судьбы. Благороднейшей обязанностью руководства в эти последние недели войны должна стать помощь народу там, где это только возможно». Я заключал записку словами: «У нас нет права производить разрушения, могущие затронуть основы жизни народа». До сих пор я противодействовал разрушительным планам Гитлера при помощи неискреннего оптимизма в духе официальной линии, говоря, что нельзя разрушать заводы, чтобы иметь возможность быстро восстановить производство после того, как будет отбит неприятель. Против такого аргумента Гитлер едва мог находить возражения. Теперь же, напротив, я впервые объявил, что нужно сохранить основы народного хозяйства, даже «если вернуть его не представляется возможным... Никак не может быть смыслом военных действий на своей территории разрушение стольких мостов, что при ограниченных средствах послевоенного периода понадобились бы годы для восстановления этой транспортной сети... Ее разрушение означает лишение немецкого народа всех условий дальнейшего существования».

На этот раз я опасался передать Гитлеру записку без предварительной подготовки. Он был непредсказуем, и вполне можно было ожидать какого-нибудь срыва. Поэтому я дал разработку, содержащую 24 страницы, полковнику фон Белову, моему офицеру связи в ставке фюрера, поручив ему доложить в подходящий момент. Затем я обратился к Юлиусу Шаубу, личному адъютанту Гитлера, с просьбой испросить для меня у Гитлера по случаю моего предстоящего 40-летия его фотографию с дарственной надписью. Я был единственным из близких сотрудников Гитлера, за 12 лет ни разу не просившим об этом. Теперь, когда близилось к концу его господство и наше личное знакомство, я хотел дать ему понять, что, хотя я и оказываю ему сопротивление и в докладной записке совершенно открыто констатирую его крах, я тем не менее по-прежнему являюсь его поклонником и хотел бы получить в награду его фото с посвящением. Тем не

менее я чувствовал себя неуверенно и принял меры, чтобы непосредственно после вручения записки стать недосягаемым для него. Той же самой ночью я намеревался вылететь в Кенигсберг, которому угрожала Красная Армия. Поводом служило обычное совещание с моими сотрудниками о предотвращении ненужных разрушений. Одновременно мне хотелось проститься с ними.

Так я направился вечером 18 марта на оперативное совещание, чтобы сбыть с рук свою бумагу. С некоторых пор совещания проходили не в роскошном рабочем зале Гитлера, проект которого я сделал семь лет тому назад. Гитлер окончательно перенес оперативные совещания в маленький кабинет в подземный бункер. С меланхолической горечью он заметил мне: «Ах, видите, господин Шпеер, ваша прекрасная архитектура не подходит больше даже для оперативных совещаний».

Темой оперативного совещания 18 марта была оборона Саарской области, плотно окруженной армией Паттона. Как уже было один раз, когда речь шла о русских марганцевых рудниках, Гитлер внезапно обратился ко мне, ища поддержки: «Скажите сами этим господам, что означает для вас потеря саарского угля!» У меня спонтанно вырвалось: «Это бы только еще ускорило крах». Ошарашенно и смущенно мы уставились друг на друга. Для меня это было такой же неожиданностью, как и для Гитлера. После тягостного молчания Гитлер смеялся.

В тот же самый день главнокомандующий вооруженными силами запада фельдмаршал Кессельринг сообщил, что население крайне мешает отражению наступления американских войск. Учащаются случаи, когда оно не пускает собственные войска в деревни. Офицеров умоляют не разрушать поселки в ходе боевых действий. Во многих случаях войска уступали отчаянным требованиям. Ни минуты не подумав о последствиях, Гитлер обратился к Кейтелю с приказом составить приказ

главнокомандующему вооруженными силами запада и гауляйтерам о принудительной эвакуации всего населения. Кейтель тут же старательно уселся за стол в углу, чтобы сформулировать приказ.

Один из присутствовавших генералов стал убеждать Гитлера, что невозможно осуществить эвакуацию сотен тысяч. Ведь не было уже больше поездов, давно уже не работал транспорт. Гитлера это не тронуло. «Тогда пусть маршируют пешком!» — возразил он. Это тоже невозможно организовать, возразил генерал, для этого необходимо продовольствие, поток людей следует направить через малонаселенные местности, у населения также не было необходимой обуви. Он не закончил. На Гитлера это не произвело впечатления, и он отвернулся.

Кейтель набросал черновик приказа и зачитал его Гитлеру, который его одобрил. Он распорядился: «Присутствие населения в угрожаемой боевой зоне так же затруднительно для действующей армии, как и для самого населения. Поэтому фюрер приказывает следующее: к западу от Рейна и в Саарском Пфальце немедленно очистить от всего населения территории за районом боевых действий... Общее направление отхода — юго-восток и южнее линии Санкт-Вендель — Кайзерслаутерн — Людвигсхафен. Конкретное осуществление возлагается на группу войск во взаимодействии с гауляйтерами. Гауляйтерам направляется аналогичная директива через начальника партийной канцелярии. Начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Кейтель, генерал-фельдмаршал».

Никто не возразил, когда Гитлер в заключение сказал: «С населением мы больше не можем считаться». Вместе с офицером связи Бормана Цандером я покинул помещение; Цандер был в отчаянии: «Но так же нельзя! Это же приведет к катастрофе! Ничего не подготовлено!» Повинуясь порыву, я объявил, что не полечу в Кенигсберг и уже сегодня ночью выеду на запад.

Совещание закончилось, дело было за полночь, и наступил день моего сорокалетия. Я попросил Гитлера еще на два слова. Он вызвал слугу: «Принесите фотографию, которую я надписал» — и вручил с сердечными поздравлениями красный сафьяновый футляр с золотым тиснением в виде символов верховной власти, в котором обычно помещалась предназначенная для подарка фотография в серебряной рамке. При этом Гитлер сказал: «Мне в последнее время бывает трудно написать своей рукой даже несколько слов. Вы знаете, как она дрожит. Часто я едва могу поставить свою подпись. То, что я там написал, получилось очень неразборчиво». После этого я открыл футляр, чтобы прочесть дарственную надпись. Ее действительно еле-еле можно было прочесть, но содержание ее было необыкновенно сердечным и сочетало благодарность за мой труд с заверениями в вечной дружбе. Мне было тяжело, потому что в ответ я мог вручить только памятную записку, в которой бесстрастно констатировал провал дела его жизни.

Гитлер принял ее, не сказав ни слова. Чтобы как-то преодолеть возникшую неловкость, я проинформировал его о том, что уже этой ночью хотел бы выехать на запад. Затем я простился. Еще пока я вызывал по телефону из бункера машину с шофером, меня вновь вызвали к Гитлеру: «Я подумал, что будет лучше, если вы возьмете мою машину и вас повезет мой шофер Кемпка». Я стал отказываться под разными предлогами. Наконец, Гитлер согласился, чтобы я воспользовался своей машиной, но вести ее должен был все-таки Кемпка. Мне было как-то не по себе, потому что тепло, с которым Гитлер вручал мне свою фотографию, почти заморозившее меня, уже исчезло. Он отпустил меня, явно находясь в плохом настроении. Я уже был у дверей, когда он, чтобы не дать мне возможности ответить, сказал: «На этот раз вы получите письменный ответ на вашу записку!» Ледяным тоном он добавил после короткой паузы: «Когда проигрывают войну, погибает и народ. Нет необхо-

димости обращать внимание на основы дальнейш его самого примитивного существования немецкого народа. Напротив, лучше как раз разрушить эти вещи. Потому что народ проявил себя как слабейший и будущее принадлежит исключительно сильнейшему восточному народу. Все, что останутся после этой борьбы, все равно неполноценны, потому что хорошие погибли».

Я почувствовал облегчение, оказавшись на свежем воздухе за рулем своего автомобиля. Рядом со мной сидел шофер Гитлера, а на заднем сиденье — мой офицер связи в Генштабе, подполковник фон Позер. Я быстро договорился с Кемпкой, что мы будем сменять друг друга за рулем. Тем временем на часах была уже половина второго ночи, и, если мы собирались проехать 500 километров по автобану до ставки главнокомандующего вооруженными силами запада, находившейся под Наугеймом, еще до рассвета, то есть до появления штурмовиков, нужно было торопиться. Приемник был настроен на волну для наших ночных истребителей, на коленях лежала карта с квадратной сеткой. «Ночные истребители в квадрате... множество «москитов» в квадрате... ночные истребители в квадрате...» — так мы следили за направлением налетов противника. Если к нам приближалось какое-нибудь соединение, приходилось включать стояночный свет и медленно двигаться вдоль обочины. Однако, как только наш квадрат очищался от противника, мы на полную мощность включали большие цейсовские фары, две противотуманные фары, а также поисковую фару и с ревущим двигателем неслись по автобану. Утро застало нас еще в пути, но низкая облачность парализовала действия авиации противника. В ставке я сначала прилег поспать на несколько часов.

К полудню я встретился с Кессельрингом, но наш разговор оказался безрезультатным. Он вел себя совершенно по-солдатски и не был расположен обсуждать приказы Гитлера. Напротив, неожиданно я встретил понимание у представителя партии в его штабе. Мы прохаживались взад и вперед по террасе замка, когда он за-

верил меня, что в будущем по возможности не станет давать хода информации о поведении населения, которая могла бы спровоцировать нежелательную реакцию Гитлера.

Во время скромного обеда Кессельринг только поднял тост за мое 40-летие, как внезапно, издавая громкий пронзительный звук, на замок налетело соединение вражеских истребителей, и в тот же момент по окнам ударили первые пулеметные очереди. Все бросились на пол. И только тогда зазвучала сирена воздушной тревоги. Одновременно в непосредственной близости упали первые тяжелые бомбы. В то время как то справа, то слева от нас ухали взрывы, мы сквозь дым и кирпичную пыль устремились в бункеры.

По-видимому, командный пункт западной обороны был целью налета. Бомбы продолжали падать без перерыва. Бункер дрожал, но прямого попадания не было. Когда налет закончился, мы продолжили обсуждение, теперь уже вместе с саарским промышленником Германом Рехлингом. В ходе беседы Кессельринг открыл более чем семидесятилетнему господину, что в ближайшие дни мы потеряем Саар. Рехлинг сдержанно, почти равнодушно воспринял известие о предстоящей потере своей родины и своих заводов: «Один раз мы уже теряли Саар и вернули его. Несмотря на свой возраст, я еще буду свидетелем того, как он снова станет нашим».

Нашей следующей целью был Гейдельберг, куда к этому времени было переведено руководство военной промышленностью юго-западной Германии. Я хотел воспользоваться случаем и хоть ненадолго навестить своих родителей в день своего рождения. Днем ехать по автобану было невозможно из-за штурмовиков; поскольку я с юности знал прилегающие дороги, мы с Рехлингом в теплую солнечную погоду поехали через Оденвальд. Впервые мы говорили совершенно открыто; Рехлинг, ранее почитатель Гитлера, не скрывал своего мнения относительно бессмысленного фанатизма, с каким продолжалась война. Уже было поздно, когда мы

прибыли в Гейдельберг. Известия из Саара были благоприятными: подготовительные работы к уничтожению объектов почти не были начаты. Поскольку в распоряжении оставалось всего несколько дней, даже приказ Гитлера больше не мог наделать бед.

Во время долгой поездки по забитым отступающими дорогам усталые и измотанные солдаты щедро осыпали нас руганью. Лишь после полуночи мы прибыли в ставку армии, находившуюся в небольшом городке среди виноградников Пфальца. Генерал СС Хауссер имел более разумные представления о том, как следует толковать бессмысленные приказы, чем его главнокомандующий. Приказ об эвакуации Хауссер считал неосуществимым, разрушение мостов безответственным. Через пять месяцев меня в качестве пленного везли на грузовике из Версаля через Саар и Пфальц; как железнодорожные пути, так и дорожные мосты в значительной мере не пострадали.

Гауляйтер Пфальца и Саарской области Штер без обиняков заявил, что не будет следовать полученному приказу об эвакуации. Состоялся странный диалог между гауляйтером и министром: «Если вы не проведете эвакуацию и фюрер привлечет вас за это к ответственности, можете сослаться на то, что я сказал вам, что приказ более недействителен». — «Нет, это очень любезно, но я возьму ответственность на себя». Я настаивал: «Но я с радостью подставляю свою голову». Штер покачал головой: «Но я сделаю это. Я хочу взять это на себя». Это был единственный пункт, по которому мы не могли договориться.

Нашей следующей целью была ставка фельдмаршала Моделя, находившаяся в 200 километрах в Вестервальде. На рассвете снова появились американские штурмовики. Поэтому мы свернули с основной дороги и в объезд наконец добрались до маленькой мирной деревушки. Ничто не говорило о том, что здесь находится командный пункт группы армий. Не было видно ни одного офицера, ни солдата, ни автомобиля, ни связного-

мотоциклиста, всякие передвижения на автомобилях в дневное время были запрещены.

В деревенской гостинице я немедленно продолжил с Моделем наш зигбургский разговор о сохранении железнодорожных путей в Рурской области. Мы еще не завершили его, когда офицер принес телеграмму. «Это касается вас», — сказал Модель смущенно и одновременно в замешательстве. Я почувствовал недоброе.

Это был «письменный ответ» Гитлера на мою памятную записку. По всем пунктам он предписывал обратное тому, что я потребовал 18 марта. «Все военные, транспортные, промышленные объекты, объекты связи и снабжения, а также материальные ценности на территории Рейха» в соответствии с ним подлежали уничтожению. Это был смертный приговор немецкому народу, принцип «выжженной земли» в наиболее резкой форме. Меня самого эта директива лишала полномочий, все мои приказы, направленные на сохранение промышленности, однозначно дезавуировались. Осуществление мер по уничтожению объектов теперь возлагалось на гауляйтеров.

Последствия трудно было бы себе представить, на неопределенное время без электричества, газа, чистой воды; без угля, без транспорта. Все железнодорожные пути, каналы, шлюзы, доки, корабли, паровозы уничтожались. Даже если где-либо промышленные объекты и уцелели бы, они ничего не могли производить из-за недостатка электричества, газа и воды; никаких запасов, никакой телефонной связи, короче говоря, отброшенная к временам Средневековья страна.

По изменившемуся поведению фельдмаршала Моделя было видно, что мое положение изменилось. Он продолжил разговор со мной, уже явно держась на расстоянии, теперь уже он очевидно уклонялся от дальнейшего обсуждения того, что, собственно, было предметом нашей беседы, спасения рурской промышленности. Растерянный и усталый, я заснул в каком-то крестьянском доме. Через несколько часов я решил

пройтись по полям и оказался на пригорке. В легкой дымке внизу мирно раскинулась под солнцем деревня. Мне видна была местность вдали за холмами Зауэрланда. Как может быть, думал я, чтобы человек хотел превратить эту страну в пустыню! Я улегся в папоротники. Все казалось нереальным. От земли исходил пряный дух, показались первые зеленые ростки. Когда я пустился в обратный путь, солнце заходило. Решение было принято. Необходимо было предотвратить исполнение приказа. Я отменил назначенные на вечер встречи в Рурской области; лучше было сначала выяснить обстановку в Берлине.

Автомобиль вывели из кустов, несмотря на активность вражеской авиации, я уже ночью, включив ближний свет, выехал на восток. Я просматривал свои записи, пока Кемпка сидел за рулем. Многие из них касались обсуждаемого в последние два дня. Не зная, на что решиться, я пробежал эти страницы. Потом я начал незаметно рвать их и выбрасывать клочки в окно. Когда мы ненадолго остановились, мой взгляд упал на подножку автомобиля. Прижатые сильным встречным ветром, в ее угол набились предательские обрывки бумаги. Я потихоньку сбросил их в канаву.

* * *

Усталость делает человека равнодушным. Поэтому я совершенно не был взволнован, когда 21 марта 1945 года после обеда встретил Гитлера в Рейхсканцелярии. Он кратко осведомился о том, как съездили, но был немногословен и не вспоминал о «письменном ответе». Мне показалось ненужным говорить с ним об этом. Кемпку он расспрашивал свыше часа, меня на эту беседу не пригласили.

Вопреки принципиальному распоряжению Гитлера, я в тот же вечер передал Гудериану копию моей памятной записки. Кейтель, напротив, в ужасе отшатнулся от неё,

как будто это было опасное взрывчатое вещество. Напрасно я пытался выяснить, что сопровождало появление приказа Гитлера. Как и в тот раз, когда мое имя оказалось в списке будущего правительства, составленного участниками заговора 20 июля, ко мне стали относиться холодно. По всей видимости, окружение Гитлера считало, что я окончательно впал в немилость. И действительно, я уже не мог оказывать влияния на ход дел в важнейшей области моей деятельности — спасения подчиненной мне промышленности.

Два решения Гитлера послужили мне в эти дни доказательством того, что он решил быть совершенно беспощадным. В сводке вермахта от 18 марта 1945 г. я прочитал, что приведен в исполнение смертный приговор, вынесенный четырем офицерам, по вине которых якобы не был вовремя взорван мост через Рейн под Ремагеном; Модель только что сказал мне, что они были совершенно невиновны. «Ремагенский страх» — как его называли, до конца войны сковал волю многих ответственных лиц.

В тот же день мне намекнули, что Гитлер приказал казнить генерал-полковника Фромма. Уже за две недели до этого министр юстиции Тирак за ужином с полным безразличием небрежно рассказал, пока меняли тарелки: «Фромму тоже скоро не сносить головы!» Мои попытки изменить этим вечером настроение Тирака оказались бесполезными, они не произвели на него ни малейшего впечатления. После этого я через несколько дней направил ему официальное письмо на пяти страницах, в котором опровергал большую часть известных мне обвинений против Фромма и предлагал себя в качестве свидетеля защиты народному суду.

Это было, пожалуй, единственное в своем роде ходатайство рейхсминистра. Уже через три дня, 6 марта 1945 г., Тирак прислал мне резкий по форме ответ, в котором говорилось, что для дачи мной показаний народному суду требуется согласие Гитлера. «Фюрер только что передал мне, — продолжал Тирак, — что он ни в коем

случае не сделает для вас исключения в связи с делом Фромма. В этой связи я не буду приобщать к делу ваше заявление». Приведение в исполнение смертного приговора показало мне, насколько серьезно мое положение. Я был в шоке, когда Гитлер 22 марта пригласил меня на одно из своих совещаний по вопросам вооружений, я опять послал вместо себя Заура. Его записи свидетельствовали о том, что оба они легкомысленно игнорировали действительность. Хотя военное производство давно уже развалилось, они занимались проектами так, как будто в их распоряжении был еще весь 1945 год. Так, они не только обсуждали совершенно нереальное производство нелегированной стали, но и констатировали, что армии следует поставить «максимальное количество» 88-миллиметровых противотанковых пушек, а также увеличить производство 210-миллиметровых минометов; они упивались разработками совершенно новых видов оружия: нового специального ружья для десантников, конечно, с «самой высокой скорострельностью» или нового миномета сверхбольшого калибра 305 мм. В этом протоколе был также зафиксирован приказ Гитлера, чтобы ему через несколько недель представили пять типов танков. Сверх того, он хотел, чтобы разобрались с действием известного уже в древности «греческого огня» и чтобы наш реактивный самолет «Me 262» как можно скорее был переделан в истребитель. Он невольно подтвердил тем самым, какую тактическую ошибку он совершил полтора года тому назад, когда из-за своей косности не последовал совету экспертов.

21 марта я вернулся в Берлин. Через три дня рано утром мне передали сообщение, что английские войска к северу от Рурской области, не встречая сопротивления, на широком фронте перешли Рейн. Наши войска, как мне сообщил Модель, были бессильны. Еще в сентябре 1944 г. высочайшая производительность нашей военной промышленности позволила в короткий срок соз-

дать из безоружных армий оборонительный фронт. Теперь такие возможности отпадали: территория Германии постепенно переходила к противнику.

Я снова сел за руль своего автомобиля, чтобы вновь отправиться в Рурскую область, сохранение которой было ключевым вопросом послевоенного развития. В Вестфалии, когда мы уже почти были на месте, нам пришлось остановиться из-за поврежденной крыши. Не узнавший в сумерках, я на каком-то подворье вел разговор с крестьянами. Неожиданно для меня оказалось, что вколачиваемая в последние годы вера в Гитлера не исчезла даже в этой ситуации: он, Гитлер, считали они, не может проиграть войну, «у фюрера есть еще что-то в резерве, что он разыграет в последний момент. Тогда наступит великий поворот. То, что он позволяет врагам так далеко забраться на нашу территорию, это же только западня!» Даже в правительстве присутствовала эта наивная вера в преднамеренно придерживаемое чудесное оружие, которое в самый последний момент уничтожит беззаботно продвинувшегося в глубь страны противника. Функ, например, в эти дни спросил меня: «Но у нас же есть особое оружие, не так ли? Оружие, которое изменит все на 180 градусов?»

Той же ночью начались переговоры с д-ром Роландом, начальником Рурского штаба, и его важнейшими сотрудниками. То, что они рассказали, ужасало. Три гауляйтера Рурской области были полны решимости выполнить приказ Гитлера об уничтожении объектов. Хернер, один из наших технических сотрудников, к несчастью, одновременно руководивший техническим управлением партии, по приказу гауляйтеров составил план работ по уничтожению. Сожалея, но привыкнув повиноваться, он разъяснил мне детали своей технически грамотной концепции, которая на необозримое время должна была отключить промышленность Рура: даже угольные шахты предполагалось затопить и, разрушив подъемные механизмы, на многие годы вперед сделать невозможным их восстановление. Затопив баржи с це-

ментом, предполагалось блокировать порты отгрузки Рура и одновременно с ними водные пути. Уже на следующий день гауляйтеры собирались начать взрывные работы, потому что войска противника быстро продвигались в северной части Рурской области. У них, однако, было так мало транспортных средств, что они полностью зависели от помощи моей военной организации. Взрывчатые вещества, детонаторы и бикфордовы шнуры они надеялись найти в достаточном количестве в шахтах.

Роланд безотлагательно вызвал около двадцати надежных представителей угольных шахт в замок Тиссена Ландсберг, где помещалась резиденция штаба Рурской области. После короткого обсуждения, как будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся, сообща решили бросить взрывчатые вещества, детонаторы и шнуры в «долото» шахт и таким образом сделать их непригодными для использования. Один из коллег получил задание вывезти за пределы Рурской области все имеющееся в нашем распоряжении грузовики, снабдив их горючим лишь в небольшом количестве. В случае необходимости автомобили и горючее следовало предоставить в распоряжение действующей армии, таким образом, окончательно выведя их из гражданского подчинения. Наконец, я пообещал Роланду и его сотрудникам для охраны электростанций и других важных промышленных объектов от отрядов подрывников, подчиненных гауляйтерам, пятьдесят автоматов из производственных остатков. В руках решительно настроенных мужчин, защищающих свой завод, они в то время представляли собой значительную силу, потому что полиции и партийным функционерам незадолго до этого пришлось сдать свое личное оружие армии. В этой связи они даже вели речь об открытом бунте.

Гауляйтеры Флориан, Гофман и Шлесман собрались в гостинице «Блеберхоф» под Лангенбергом. Наперекор всем запретам Гитлера я на следующий день предпринял еще одну попытку уговорить их. Начался горячий

спор с гауляйтером Дюссельдорфа Флорианом. Смысл его аргументов был таков: если война проиграна, то не из-за ошибок фюрера или партии, а по вине немецкого народа. После катастрофы такого рода в любом случае останутся в живых только убогие создания. В отличие от Флориана, Гофмана и Шлесмана в конечном счете удалось переубедить. Но приказы фюрера нужно исполнять, сказали они, и никто с них ответственность не снимет. Они не знали, что делать, тем более что Борман тем временем довел до них новый приказ Гитлера, еще более ужесточавший директиву об уничтожении жизненных основ народа. Гитлер еще раз приказывал «очистить все области, которые мы в настоящее время не в состоянии удержать и которые предположительно будут оккупированы противником». Чтобы разом отвести все контраргументы, дальше шло: «Фюрер располагает достаточной информацией о том, с какими огромными трудностями связана реализация этого требования. Требование фюрера основано на очень точных, выверенных расчетах. Необходимость эвакуации не подлежит обсуждению».

Эвакуировать в соответствии с приказом миллионы людей из областей к востоку от Рейна и Рурской области, из таких центров, как Мангейм и Франкфурт, можно было только в малонаселенные области, прежде всего в Тюрингию или пойму Эльбы. В местность без санитарных сооружений, без жилья и продовольствия должен был хлынуть поток плохо одетых и голодных горожан. Голод, эпидемии и нищета были неизбежны.

Собравшиеся гауляйтеры единодушно решили, что партия больше не в состоянии проводить в жизнь эти приказы. Только Флориан неожиданно для всех зачитал текст полного энтузиазма воззвания к партийным функционерам Дюссельдорфа, которое он хотел издать в виде плаката: «Все уцелевшие здания города при приближении врага следует поджигать, всех жителей эвакуировать. Противник должен войти в сожженный, безлюдный город».

Два других гауляйтера заколебались. Они согласились с моей трактовкой приказа фюрера, в соответствии с которым производство в Рурской области по-прежнему имеет важное оборонное значение, к тому же таким образом мы можем как раз непосредственно снабжать боеприпасами войска, ведущие бои за Рур. Разрушение электростанций, которое должно было начаться на следующий день, таким образом было отложено, действие приказа о разрушении парализовано.

Я тут же посетил фельдмаршала Моделя в его ставке. Он проявил готовность по возможности вести бои вне промышленной зоны, свести таким образом разрушения к минимуму и не отдавать приказ о разрушении объектов промышленности. В остальном он обещал действовать в тесном контакте с д-ром Роландом и его сотрудниками.

Через Моделя я узнал, что американские войска уже продвигаются в направлении Франкфурта, более точно определить линию фронта невозможно, а ставку Кессельринга уже этой ночью перебазировывают далеко на восток. Примерно в три часа ночи мы прибыли в старую ставку Кессельринга под Наугеймом; из разговора с его начальником штаба генералом Вестфалем выяснилось, что он тоже намерен дать более мягкое толкование приказу о разрушениях. Поскольку даже начальник штаба главнокомандующего вооруженными силами запада не мог ответить на вопрос, как далеко противник продвинулся за ночь, мы поехали в объезд через Шпессарт и Оденвальд в Гейдельберг. Наш путь пролегал через маленький городок Лор. Наши войска уже ушли, специфическая атмосфера ожидания царил на вымерших улицах и площадях. На перекрестке одиноко стоял солдат с двумя противотанковыми ружьями. Он с удивлением посмотрел на меня. «Что же вы ждете здесь?» — спросил его я. «Американцев», — ответил он. «А что вы будете делать, когда придут американцы?» Он не раздумывал долго: «Тогда я успею вовремя смыться!» Здесь, как и

езде, у меня складывалось впечатление, что война закончена.

В Гейдельберге в Баденско-Вюртембергском штабе вооружений уже были готовы приказы гауляйтера Бадена, Вагнера, собиравшегося разрушить насосную станцию и газовый завод моего родного города, как и других городов Бадена. Для того чтобы не допустить этого, мы нашли потрясающе простое решение: мы надлежащим образом оформили их, но опустили конверты в почтовый ящик города, который скоро должен был занять противник.

Американцы уже взяли находившийся в двадцати километрах Мангейм и теперь медленно продвигались к Гейдельбергу. После ночного совещания с обербургмистром Гейдельберга д-ром Найнхаусом я попросил знакомого мне уже по Саару генерала СС Хаусера сослужить последнюю службу моему родному городу, объявив его городом-госпиталем и сдав его без боя. В ранней предрассветной дымке я простился с родителями. В последние часы, что мы были вместе, они были невероятно спокойны и собраны, как и весь страдающий народ. Когда я отъезжал, они вдвоем стояли у дверей дома; отец еще раз подбежал к машине и, пожав мне в последний раз руку, не сказав ни слова, заглянул мне в глаза. Мы чувствовали, что больше не увидимся.

Отступающие войска без оружия и боевой техники заняли дорогу на Вюрцбург. Дикий кабан выскочил в утренних сумерках из леса, солдаты с шумом гоняли его. В Вюрцбурге я посетил гауляйтера Хельмута, пригласившего меня к хорошему завтраку. Пока мы налегали на деревенскую колбасу и яйца, гауляйтер объявил, как если бы это совершенно само собой разумелось, что он во исполнение директивы Гитлера отдал приказ о разрушении швейнфуртских шарикоподшипниковых заводов; представители заводов и партийных инстанций уже ожидали его указаний в соседнем помещении. План был хорошо продуман: предполагалось поджечь закалочные ванны специальных станков, это, как показывал опыт

авианалетов, превратит станки в негодный металлолом. Его сначала невозможно было убедить, что разрушения такого рода бессмысленны. Он спросил меня, когда же фюрер применит чудесное оружие, которое решит исход войны. У него есть информация, полученная через Бормана и Геббельса из ставки фюрера, согласно которой его вот-вот должны пустить в ход. Как уже было не раз, мне пришлось объяснить и ему, что чудесного оружия не существует. Я знал, что гауляйтер принадлежит к группе «разумных», и поэтому предложил ему не проводить в жизнь приказ Гитлера об уничтожении объектов. Я продолжал, что в свете такого положения бессмысленно, уничтожая промышленные объекты и мосты, лишать народ абсолютно необходимых основ жизни.

Я упомянул о сосредоточении немецких войск к востоку от Швейнфурта, которые стягивались туда с целью нанести контрудар и вернуть центр нашей военной промышленности; при этом я даже не лгал, потому что высшее руководство действительно планировало вскоре начать контратаку. Старый надежный аргумент, что Гитлер не сможет продолжать свою войну без подшипников, наконец, возымел свое действие. Удалось ли убедить гауляйтера или нет, но он не был готов принять на себя историческую вину, свести на нет все виды на победу, уничтожив швейнфуртские заводы.

После Вюрцбурга погода прояснилась. Лишь изредка нам встречались небольшие соединения, пешим ходом, без тяжелого оружия двигавшиеся навстречу противнику. Это были учебные отряды, спешно сколоченные для последнего наступления. Жители деревень копали в садах ямы, там они прятали фамильное серебро и другие ценности. Повсюду нас ждал одинаково сердечный прием сельского населения. Однако прятаться от штурмовиков между домами было нежелательно, потому что это означало подвергать опасности дом. «Господин министр, вы не отъедете чуток подальше, к соседям?» — слышалось из окон.

Именно потому, что население, отчаявшись, было настроено мирно, а также потому, что нигде не было видно хорошо вооруженных войсковых соединений, все во мне восставало против уничтожения встречавшихся мне многочисленных мостов еще в большей степени, чем в Берлине за письменным столом.

Затем мне стали попадаться в городах и деревнях Тюрингии бесцельно слоняющиеся по улицам одетые в форму члены военизированных отрядов НСДАП, главным образом СА. Заукель объявил «чрезвычайный призыв», в основном состоявший из пожилых мужчин и мальчиков 16 лет. Они должны были сражаться с противником в рядах народного ополчения, но уже никто не мог дать им оружия. Заукель через несколько дней бросил страстный призыв к борьбе до последней капли крови и уехал в автомобиле на юг Германии.

Поздно вечером, 27 марта, я прибыл в Берлин. Здесь обнаружил, что положение изменилось.

Дело в том, что Гитлер тем временем приказал передать группенфюреру СС Каммлеру, отвечавшему за ракетное оружие, также разработку и производство всех современных самолетов. Это не только вновь лишило меня компетенции в вопросах авиационного вооружения. Дав Каммлеру право использовать в своих целях сотрудников моего министерства, Гитлер создал просто невозможное положение как с точки зрения протокола, так и организации. Кроме того, он прямо приказал, чтобы Геринг и я завизировали приказ, отдававший нас в распоряжение Каммлера. Я без возражений поставил свою визу. Хотя был в бешенстве от такого унижения и чувствовал себя обиженным, я в этот день не присутствовал на оперативном совещании. Почти одновременно Позер сообщил мне, что Гитлер удалил Гудериана; правда, официально ему предоставили отпуск по состоянию здоровья, но каждый, знакомый с подводными течениями в ставке, знал, что он уже не вернется. С его уходом я потерял одного из немногих военных, окружав-

ших Гитлера, не только поддерживавших, но и постоянно воодушевлявших меня.

В довершение всего моя секретарша принесла мне инструкцию начальника общевойсковой разведки по осуществлению приказа Гитлера об уничтожении всех материальных ценностей. Она в точности следовала намерениям Гитлера и предписывала уничтожение всех средств связи не только вермахта, но и Имперской почты, Имперской железной дороги, Имперского управления водных путей, полиции и районных электростанций. Посредством «подрывных работ, поджога или механического разрушения» должны были быть приведены в «состояние полной негодности» все центральные телефонные и телеграфные станции и усилители, а также коммутаторы кабелей дальней связи, мачты радиостанций, антенны, принимающие и передающие устройства. Даже временное восстановление связи в оккупированных противником областях должно было стать невозможным, потому что по этому приказу полному уничтожению подлежали склады запчастей, кабеля и проводов, но и схемы разводки кабеля и инструкции по эксплуатации приборов. Генерал Альбрехт Праун, впрочем, дал мне понять, что он своей властью смягчит эту радикальную директиву.

Кроме того, я получил конфиденциальное сообщение, что вооружение будет вверено Зауру, но под началом Гимmlера, которого прочат в генерал-инспекторы военного производства. Оно, по крайней мере, указывало на то, что Гитлер хотел снять меня. Вскоре после этого мне позвонил Шауб, резко и отчужденно приказавший мне явиться вечером к Гитлеру.

Я чувствовал себя неловко, когда меня ввели в глубоко зарытый в землю кабинет Гитлера. Он был один, принял меня очень холодно, не подал мне руки, едва ответил на мое приветствие и тихо, но жестко тут же заговорил по существу дела: «Борман передал мне отчет о вашем совещании с гауляйлерами Рурской области. Вы призывали их не выполнять мои приказы и объявили, что война

проиграна. Вы ясно представляете себе, что за этим должно последовать?»

Как если бы он вспомнил о чем-то далеком, пока он говорил, его резкий тон изменился, напряженность уменьшилась, и он, почти как нормальный человек, добавил: «Если бы вы не были моим архитектором, я бы принял меры, необходимые в данном случае». Частично из явного упрямства, частично от усталости я ответил скорее импульсивно, чем мужественно: «Примите меры, которые считаете нужными, и не считайтесь с тем, кто я такой».

Гитлер, по-видимому, растерялся, наступила небольшая пауза. Приветливо, но, как мне показалось, хорошо все рассчитав, он продолжал: «Вы переутомлены и больны. Поэтому я решил немедленно отправить вас в отпуск. Другой человек будет руководить вашим министерством в ваше отсутствие». — «Нет, я здоров, — отвечал я решительно. — Я не пойду в отпуск. Если вы больше не хотите, чтобы я был министром, устраните меня от должности». В тот же миг я вспомнил, что Гитлер отклонил это решение уже год тому назад. Гитлер ответил решительно и безапелляционно: «Я не желаю увольнять вас. Но я настаиваю, чтобы вы немедленно ушли в отпуск по болезни». Я упорствовал: «Я не могу, оставаясь министром, нести ответственность, в то время как кто-то другой будет действовать от моего имени. — И уже несколько примирительным тоном, почти умоляюще добавил: — Я не могу, мой фюрер». Это обращение прозвучало в первый раз, Гитлер не дрогнул: «У вас нет другого выбора! Я не могу устранить вас! — И, как будто тоже проявляя слабость, добавил: — Из соображений внутренней и внешней политики я не могу отказаться от вас». Я, взбодрившись, ответил: «Я не могу уйти в отпуск. Пока я занимаю эту должность, я буду руководить министерством. Я не болен!»

Последовала продолжительная пауза. Гитлер сел, я без приглашения сделал то же самое. Уже не так натянуто Гитлер продолжал: «Если вы, Шпеер, убеждены, что

война не проиграна, можете продолжать исполнять свои обязанности». Из моих памятных записок и, уж конечно, из отчета Бормана, ему был известен мой взгляд на положение дел и то, какие выводы я из этого сделал. Очевидно, он хотел, вырвав у меня это заветное слово, на все времена лишить меня возможности раскрывать другим глаза на истинное положение вещей. «Вы знаете, что я не могу быть в этом убежденным. Война проиграна», — ответил я честно, но не упрямо. Гитлер перешел к воспоминаниям, рассказал о тяжелых положениях, в которые он попадал в своей жизни, положения, когда, казалось, все было потеряно, но он все же выходил из них благодаря упорству, энергии и фанатизму. Бесконечно долго, как мне казалось, он предавался воспоминаниям о годах борьбы, в качестве примеров он приводил зиму 1941/42 г., грозящую катастрофу на транспорте, даже мои успехи в области вооружений. Я все это уже много раз слышал от него, знал эти монологи почти наизусть и, если бы он прервался, мог бы продолжить их почти слово в слово. Он почти не изменил голос, но, может быть, именно в ненавязчивом и все же завораживающем тоне и состояло его умиротворяющее воздействие. Мною владело то же самое чувство, что и несколько лет тому назад в кафе, когда я не мог уйти от его гипнотического взгляда.

Поскольку я не произнес ни слова, а лишь в упор смотрел на него, он неожиданно снизил свои требования: «Если бы вы поверили, что войну еще можно выиграть, если бы вы, по крайней мере, поверили, тогда все было бы хорошо». Гитлер уже заметно перешел на почти просительный тон, и на мгновение я подумал, что он в своей слабости еще больше способен подчинять других своей воле, чем когда он принимал напыщенный вид.

При других обстоятельствах я, наверное, тоже бы смягчился и уступил. Однако на этот раз мысль о его разрушительных планах оградила меня от его дара убеждать людей. Взволнованно и от того несколько повы-

сив голос, я ответил ему: «Я не могу, при всем желании не могу. И, наконец, я не хочу уподобиться тем свиньям из вашего окружения, которые говорят вам, что верят в победу, не веря в нее».

Гитлер не отреагировал. Какое-то время он неподвижно смотрел перед собой, а потом снова заговорил о том, что ему довелось пережить в «годы его борьбы», и вновь, как часто случалось в эти недели, вспомнил неожиданное спасение Фридриха Великого. «Нужно, — добавил он, — верить, что все изменится к лучшему. Надеетесь ли вы еще на успешное продолжение войны или ваша вера подорвана?» Гитлер еще раз снизил свое требование до формального, обязывающего меня заявления: «Если бы вы, по крайней мере, могли поверить, что мы не проиграли! Вы же должны в это поверить!.. Тогда я уже был бы удовлетворен». Я не дал ему ответа.

Наступила долгая мучительная пауза. Наконец, Гитлер рывком поднялся и заявил неожиданно опять недружелюбно и с прежней резкостью: «У вас 24 часа времени! Можете обдумать ваш ответ! Завтра вы скажете мне, надеетесь ли вы, что войну еще можно выиграть». Он отпустил меня, не подав мне руки.

Как бы для иллюстрации того, что должно было произойти в Германии по воле Гитлера, я получил непосредственно после этой беседы телеграмму начальника транспортной службы, датированную 29 марта 1945 г.: «Цель состоит в создании «транспортной пустыни» в оставаемых нами областях... Недостаток материалов для проведения подрывных работ делает необходимым проявление изобретательности для использования всех возможностей с целью произвести разрушения трудноустранимого характера». Сюда относились специально перечисленные в директиве любые мосты, железнодорожные пути, центральные посты, все технические сооружения на сортировочных станциях, депо, а также шлюзы и судоподъемники на всех наших маршрутах. Одновременно должны быть полностью уничтожены все локомотивы, пассажирские и товарные вагоны, все тор-

говые суда и баржи. Затопив их, предполагалось создать мощные запруды на реках и каналах. Следовало использовать любые боеприпасы, прибегать к поджогу или подвергать важные детали механическому разрушению. Только специалист может определить, какая беда обрушилась бы на Германию, если бы был осуществлен этот тщательно разработанный приказ. Эта директива также показывала, с какой педантичностью превтворяли в жизнь каждый общий приказ Гитлера.

Оказавшись в своем маленьком временном жилище во флигеле министерства, я довольно устало повалился на постель, мысли мои были в беспорядке, и я думал о том, как мне ответить на 24-часовой ультиматум Гитлера. Наконец, я поднялся и принялся формулировать письмо. Вначале я шарахался от попытки убедить Гитлера, пойти ему навстречу к неотвратимой реальности. Но затем я продолжал со всей резкой прямоотой: «Ознакомившись с Вашим приказом о тотальных разрушениях (от 19 марта 1945 г.) и вскоре после этого с жестким приказом об эвакуации, я усмотрел в этом первые шаги к реализации этих намерений». В этом месте я дал ответ на его заданный в ультимативной форме вопрос: «Но я не могу более верить в успех нашего благого дела, если мы в эти решающие месяцы одновременно станем методично разрушать основы жизни нашего народа. Это такая большая несправедливость по отношению к нашему народу, что судьба больше не сможет быть благосклонной к нам... Поэтому я прошу Вас не совершать этот шаг, когда дело идет о самом народе. Если Вы сможете решиться на это в какой бы то ни было форме, мне вновь удалось бы обрести веру и мужество для того, чтобы продолжать работать с максимальной энергией. От нас уже не зависит, — отвечал я Гитлеру на его ультиматум, — какой будет наша судьба. Только провидение способно еще изменить наше будущее к лучшему. Наш вклад в это может состоять только в твердой позиции и непоколебимой вере в вечное будущее нашего народа».

Я завершил свое письмо не принятой в таких личных посланиях фразой: «Хайль, мой фюрер». Мои последние слова были адресованы тому, кто оставался теперь уже единственной нашей надеждой: «Боже, храни Германию». Перечитав это письмо, я решил, что оно написано слабо. Может быть, Гитлер усмотрел в нем мятежный дух, который вынудил бы его принять ко мне меры. Потому что, когда я попросил одну из его секретарш перепечатать это получившееся неразборчивым предназначенное ему лично и поэтому написанное от руки письмо на специальной пишущей машинке с крупным шрифтом, она вскоре позвонила мне: «Фюрер запретил мне принимать у вас письма. Он хочет видеть вас здесь и услышать ваш ответ от вас лично». Вскоре мне было приказано немедленно явиться к Гитлеру.

Около полуночи я поехал по совершенно разрушенной Вильгельмштрассе с находившейся в нескольких сотнях метров Рейхсканцелярией, не зная, что мне делать — или что сказать. 24 часа прошли, а ответа просто не было. Я решил, что буду отвечать по обстоятельствам. Гитлер стоял передо мной, неуверенный в себе, почти робкий, и коротко спросил: «Ну?» Я на мгновение смешался, но затем, словно для того, чтобы что-нибудь сказать, не раздумывая и не вкладывая в это какого-либо смысла, изрек: «Мой фюрер, я безоговорочно с вами».

Гитлер ничего не ответил, но мой ответ растрогал его. Помедлив немного, он протянул мне руку, чего не сделал, приветствуя меня, его глаза, как это теперь случалось часто, наполнились слезами. «Тогда все хорошо», — сказал он. Было ясно видно, какое облегчение он почувствовал. Я тоже на мгновение был потрясен его неожиданно теплой реакцией. Мы вновь испытали что-то вроде прежнего чувства, связавшего нас. «Если я безоговорочно с вами, — тут же заговорил я, чтобы воспользоваться ситуацией, — тогда вы должны поручить осуществление вашего приказа мне, а не гауляйтерам». Он поручил мне составить бумагу, которую он собирался

немедленно подписать, но, когда мы начали ее обсуждать, он продолжал настаивать на разрушении промышленных объектов и мостов. Так я распрощался с ним. Уже был час ночи.

В соседнем помещении в Рейхсканцелярии я сформулировал «Директиву по осуществлению» приказа Гитлера о тотальных разрушениях от 19 марта 1945 г. Чтобы избежать дискуссий, я сначала даже не предпринял попытки отменить его. Я задержался только на двух моментах: «Осуществление приказа возлагается исключительно на инстанции и органы, находящиеся в подчинении рейхсминистра вооружений и военного производства. Инструкции по осуществлению с моего согласия издает рейхсминистр вооружений и военной промышленности. Он имеет право давать специальные указания рейхскомиссарам по вопросам обороны». Таким образом, я снова оказался в обойме. Далее я добился от Гитлера формулировки, позволявшей, если речь шла о разрушении промышленных объектов, «достичь той же цели путем их парализации». Я, по-видимому, успокоил его, включив оговорку, что по его указанию буду отдавать приказ о полном разрушении наиболее важных заводов. Такое указание ни разу не поступило.

Гитлер поставил подпись карандашом, почти без обсуждения, сделав несколько поправок дрожащей рукой. О том, что он оставался на высоте положения, свидетельствовала поправка в первой фразе этой бумаги. Я сформулировал ее как можно более обще и хотел только зафиксировать, что эти мероприятия по тотальному разрушению преследуют исключительно цель «не допустить усиления боеспособности противника» вследствие использования им мощностей наших объектов и предприятий. Устало сидя за столом для карт в помещении, где проводились оперативные совещания, он собственноручно ограничил это замечание промышленными объектами.

Я думаю, Гитлеру было ясно, что теперь часть его намерений не будет осуществлена. В результате последовавшего за этим разговора мне удалось сойтись с ним на том, что «выжженная земля не имеет смысла для такого небольшого района, как Германия. Она может достигать своей цели лишь на больших пространствах, например, в России». Достигнутые по этому поводу соглашения я зафиксировал в протоколе.

Как и в большинстве случаев, Гитлер двурушничал: в тот же самый вечер он приказал главнокомандующим «довести до фантастической активности борьбу с оживившимся противником. При этом в данный момент интересы населения не могут играть никакой роли».

Уже через час я собрал всех имевшихся в моем распоряжении связных-мотоциклистов, автомобили, вестовых, задействовал типографию и телетайп, чтобы использовать свою вновь обретенную власть для того, чтобы остановить уже начавшиеся разрушения. Уже в четыре часа утра я рассылал свои инструкции по осуществлению приказа, даже не получив визу Гитлера, как это было условлено. Без стеснения я вернул законную силу всем своим директивам о сохранности промышленных объектов, электростанций, газовых заводов и насосных станций, а также предприятий пищевой промышленности, которые Гитлер объявил недействительными 19 марта. Для тотальных разрушений в промышленности я предусматривал специальные постановления, так и не последовавшие. Не получив от Гитлера полномочий, я тем не менее в тот же день распорядился, что, поскольку строительные отряды «Организации Тодта» «подвергаются опасности окружения противником», необходимо отправить от 10 до 12 эшелонов с продовольствием в районы, находящиеся в непосредственной близости от окруженной со всех сторон Рурской области. С генералом Винтером из оперативного штаба вермахта я договорился о директиве, имевшей целью остановить мероприятия по подрыву мостов, которому, однако, воспротивился Кейтель; с обергруппенфюрер-

ром СС Франком, в ведении которого находились склады обмундирования и продовольствия вермахта, я договорился о раздаче запасов гражданскому населению. Мальцахер, мой представитель в Чехословакии и Польше, должен был не допустить уничтожения мостов в Верхней Силезии.

На следующий день я встретился в Ольденбурге с Зейсс-Инквартом, генеральным комиссаром Нидерландов. По пути туда я во время одной из остановок впервые потренировался в стрельбе из пистолета. Неожиданно для меня сразу после неизбежных вводных фраз Зейсс-Инкварт тут же согласился открыть путь противнику. Он не хотел разрушений в Голландии, хотел предотвратить планируемое Гитлером затопление больших площадей. В такой же согласии я расстался с гауляйтером Гамбурга Кауфманом, к которому я заехал на обратном пути из Ольденбурга.

По возвращении 3 апреля я, кроме того, немедленно запретил подрыв шлюзов, плотин, запруд и мостов через каналы. На поступавшие все чаще срочные телеграммы с запросами о специальных приказах, касающихся уничтожения промышленных объектов, я неизменно отвечал распоряжением ограничиться парализацией их деятельности.

Во всяком случае, принимая такие решения, я мог рассчитывать на поддержку. Мой политический представитель д-р Хупфауэр заключил союз с госсекретарями важнейших министерств для осуществления саботажа политики Гитлера. В его круг входил, кроме того, представитель Бормана Клопфер. Мы выбили у Бормана почву из-под ног, его приказы в известном смысле уходили в пустоту. На этом последнем этапе существования Третьего рейха он, возможно, управлял Гитлером, но вне бункера царили иные законы. Даже шеф службы безопасности СС Олендорф, находясь в плену, уверял меня, что ему регулярно докладывали о моих шагах, но он никогда не давал этим бумагам хода.

И действительно, в апреле 1945 г. мне казалось, что я, сотрудничая с госсекретарями, мог сделать в своей области больше, чем Гитлер, Геббельс и Борман, вместе взятые. Среди военных у меня сложились хорошие отношения с новым начальником Генерального штаба Кребсом, потому что он был из штаба Моделя; но и Йодль, Буле и Праун, под началом которого находились войска связи, проявляли все большее понимание сложившегося положения.

Я сознавал, что, если бы Гитлеру стали известны мои действия, на этот раз он уж обязательно сделал бы выводы. Я должен был исходить из того, что на этот раз он принял бы меры. В эти месяцы нечестной игры я следовал простому принципу: я держался как можно ближе к Гитлеру. Любое отдаление давало повод для подозрений, в то же время, наоборот, только находясь в непосредственной близости, можно было вовремя понять, что находишься под подозрением и устранить его. Я не собирался совершать самоубийственные поступки, в ста километрах от Берлина находился простой охотничий домик, который в случае опасности послужил бы мне временным прибежищем, кроме того, Роланд был готов укрыть меня в одной из многочисленных охотничьих хижин князей Фюрстенбергов.

На оперативных совещаниях в начале апреля Гитлер все еще вел речь об оперативных контрударах, об ударах в открытый фланг западного противника, взявшего Кассель и совершавшего большие дневные переходы по направлению к Айзенаху. Гитлер продолжал посылать свои дивизии то к одному населенному пункту, то к другому; это была кошмарная и чудовищная игра в войну, потому что, когда я, например, в день своего возвращения из поездки на фронт увидел на карте маневры наших войск, я мог только констатировать, что в тех местах, где я только что побывал, их не было видно, а если я кого-то и видел, то лишь солдат без тяжелого оружия, вооруженных одними автоматами.

Я теперь ежедневно проводил оперативное совещание, к которому мой офицер связи в Генштабе доставлял самую свежую информацию. Это, между прочим, противоречило приказу Гитлера, запрещавшего давать информацию о военном положении невоенным службам. С большой точностью Позер каждый день сообщал, какой район будет занят противником в ближайшие 24 часа. Эти полные здравого смысла сообщения не имели ничего общего с туманными докладами на оперативном совещании, звучавшими в бункере Рейхсканцелярии. Там не говорили об эвакуации и отступлении. Мне тогда казалось, что Генштаб, возглавляемый Кребсом, окончательно отказался от мысли давать Гитлеру объективную информацию и вместо этого как бы играл в войну. Когда вопреки оценке ситуации накануне вечером уже на следующее утро сдавались города и местности, Гитлер оставался совершенно спокойным. Теперь уже он не кричал на своих сотрудников, как всего несколько недель тому назад. Он выглядел усталым и отчаявшимся.

В один из первых дней апреля Гитлер вызвал к себе главнокомандующего западными войсками Кессельринга. Случайно я присутствовал при этом странном разговоре. Кессельринг пытался объяснить Гитлеру безвыходность ситуации. Но уже после нескольких фраз Гитлер захватил инициативу и стал поучать его, как бы он сам, нанеся силами нескольких сотен танков удар во фланг, уничтожил бы нацеленный на Айхенах американский клин, вызвал бы колоссальную панику и таким образом изгнал бы из Германии западного противника. Гитлер пускался в долгие рассуждения о пресловутой неспособности американских солдат переносить поражения, хотя уже наступление в Арденнах должно было бы убедить его в обратном. Тогда я сердился на фельдмаршала Кессельринга, когда он после недолгого сопротивления согласился с этими фантазиями и отнесся к планам Гитлера с притворной серьезностью. Но все

равно не имело смысла волноваться по поводу сражений, которые уже не могли состояться.

На одном из последовавших за этим совещаний Гитлер вновь вернулся к своей идее флангового удара. Как можно суше я вставил: «Если все будет разрушено, для меня не будет никакого толку в возвращении этих областей. Я ничего не смогу там производить». Гитлер промолчал. «Так быстро я не смогу восстановить мосты». Гитлер, явно находясь в эйфории, ответил: «Успокойтесь, господин Шпеер, столько мостов, как я приказал, не разрушили». Так же находясь в хорошем настроении, почти шутя, я ответил, что несколько курьезно радоваться невыполнению приказа. Неожиданно для меня Гитлер согласился ознакомиться с подготовленной мною директивой.

Когда я показал проект Кейтелю, он на какое-то время вышел из себя: «Почему опять изменения?! У нас же есть директива о разрушениях. Не взрывая мосты, нельзя вести войну». Наконец он согласился с моим проектом с небольшими поправками, и Гитлер поставил свою подпись под тем, что сооружения транспорта и связи следует только «отключать», а мосты сохранять в целости до последней возможности. Я еще раз заставил Гитлера, за три недели до его кончины, подтвердить: «При проведении всех мероприятий по разрушению и эвакуации необходимо учитывать... что после возвращения потерянных областей последние должны быть пригодны для возобновления немецкого производства». Он, однако, вычеркнул синим карандашом придаточное предложение, в котором говорилось о том, что разрушения следует оттягивать, даже если существует опасность, что «при быстром продвижении противника... неразрушенный мост окажется в руках противника».

Начальник службы связи генерал Праун в тот же день отменил свое распоряжение от 27 марта 1945 г. и все приказы о производстве разрушений и даже дал негласное указание сохранить на складах запасы, поскольку после войны они могли понадобиться для восстановления связи. Отданный Гитлером приказ об унич-

тожении средств связи все равно не имел смысла, считал он, поскольку противник имел собственный кабель и радиостанции. Мне неизвестно, отменил ли начальник транспорта свою директиву о создании транспортной пустыни. Во всяком случае, Кейтель отказался положить новую директиву Гитлера в основу конкретных инструкций.

Кейтель был прав, когда упрекнул меня в том, что новый приказ Гитлера от 7 апреля внес путаницу. Только за 19 дней между 18 марта и 7 апреля 1945 г. по этому вопросу было отдано 12 противоречащих друг другу приказов. Но хаос приказов помог уменьшить хаос в жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Глава I. Германская промышленность до начала войны	
С 1918 по 1936 г.	7
Вооружение с 1936 по 1939 г.	12
Глава II. Военная экономика 1939 г.— конца 1941 г.	
Сдвиги в экономике, вызванные войной	28
Основные звенья производства — сырье и вооружение	33
От начала войны против СССР до создания министерства Шпеера (с середины до конца 1941 г.) . . .	39
Глава III. Эра Шпеера	
Предпосылки производства вооружения	50
Организационное сотрудничество и противоречия	50
Использование рабочей силы с 1942 по 1944 г.	60
«Военное производство»	65
Капиталовложения	77
Производство вооружения	81
Субпоставки для военной промышленности	81
Производство готовой военной продукции	89
Особенности производства самолетов	99
Окончательные итоги эры Шпеера	107
Перед разгромом	112
«Программа победы»	112
Положение с производством вооружения в других странах	114
Глава IV. Катастрофа германской промышленности	
Второе издание «тотальной» войны	119
Территориальные потери и воздушная война — решающие причины развала	122

Упадок транспорта	126
Добыча угля, производство электроэнергии и газа	134
Производство основных видов сырья и материалов . . .	141
Обрабатывающая промышленность	152
Военное производство в последний период войны	156
Распад Германской империи	167
Глава V. Попытка предварительной оценки	
Общие замечания	171
Развитие экономики под руководством Альберта Шпеера	175
Опасные заблуждения	178
Бессмысленность войны и военного производства	180
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение 1. Статистические таблицы	
Общие замечания	185
Источники	186
Замечания к отдельным разделам	187
Приложение 2. Статьи и материалы	
Военная экономика и военная промышленность	223
Состояние германской экономики в начале войны	231
После войны на Западе	237
Развитие военной экономики в 1942 — 1943 годах	240
Военная экономика и воздушная война	248
Конец	252
Организация Тодта	255
Трудовая повинность в Германии во время войны	261
Военное значение транспорта	268
Пути сообщения	270
Средства сообщения	273
Вооруженные силы и транспорт	275
Организация военно-транспортной службы	279
Примеры и опыт	282
Продовольственная проблема и сельское хозяйство во время войны	289
Ошибки Первой мировой войны	289
Отсутствие продовольственных планов на случай наступательной войны	291

Организация продовольственного хозяйства	292
Резервы продовольствия в начале войны	294
Продовольственное хозяйство военного времени	295
Нормирование пищевых продуктов	297
Продовольственные трудности	301
Блокада и внешняя торговля	302
Оккупированные районы	305
Аграрные планы для будущей Европы	307
Производство сельскохозяйственных продуктов в Германии	308
Снабжение углем и транспорт	311
Нерациональное кормление скота	313
Поведение населения	314
Заключение	315
Из воспоминаний Альберта Шпеера	318

КАК КОВАЛСЯ ГЕРМАНСКИЙ МЕЧ
Промышленный потенциал Третьего рейха

Редактор М. Чернов
Художественный редактор П. Волков
Компьютерная верстка И. Кондратюк
Корректор Л. Фильцер

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к. 5
Контактный тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.03.2006.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Бум, тип. Усл. печ. л. 31,92. Тираж 4 000 экз.
Зак. № 3135.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109 .

**Фриц Тодт (1891-1942).
Имперский министр
вооружения и боеприпасов**

**Альберт Шпеер,
(1905-1981). После гибели
Тодта в авиакатастрофе
занял пост министра
вооружения и боеприпасов**

Шпеер с радостью принял новое назначение

Вальтер Функ (1890-1960).
Имперский министр
экономики и генеральный
уполномоченный по
вопросам военной
экономики

Герман Геринг
(1893-1946). С 1936 г.
уполномоченный по
четырёхлетнему плану.
Глава концерна «Герман
Геринг»

Франц Зельдте (1882-1947). Имперский
министр труда

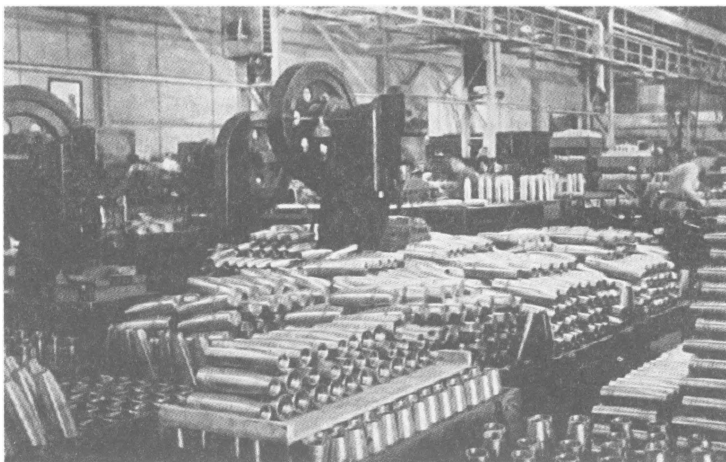
Вальтер Дарре
(1895-1953). Имперский
министр продовольствия
и сельского хозяйства

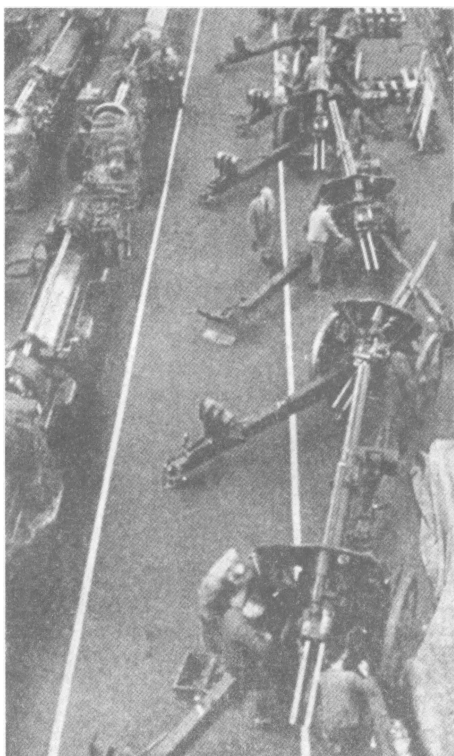
Юлиус Дорпмюллер
(1869-1945). Имперский
министр транспорта

Роберт Лей (1890-1945).
С 1934 г. возглавил
Германский трудовой
фронт (DAF), который
стал единственным
профсоюзом Германии

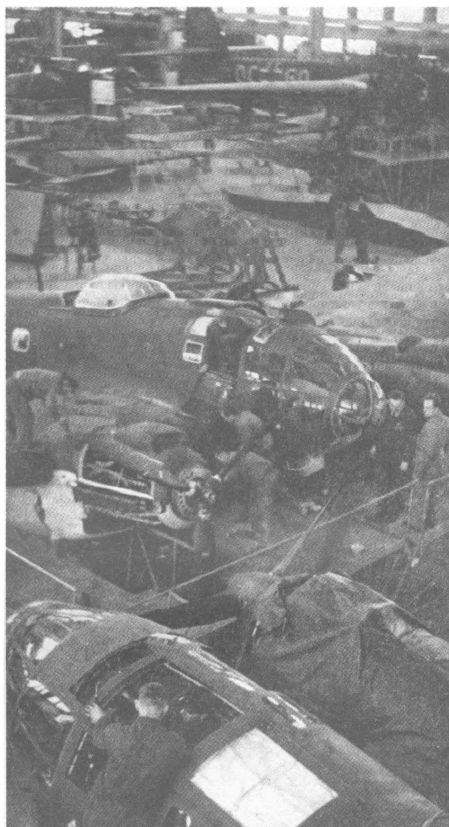
Корпуса
артиллерийских
снарядов на одном
из немецких
заводов

Готовые к передаче
вермахту 105-мм
гаубицы leFH18.
Это орудие было
«рабочей лошадкой»
артиллерии
немецких дивизий

Последние
этапы постройки
бомбардировщиков
Хейнкель-111.

Вскоре эти
самолеты полетят
бомбить Ковентри
или Варшаву

Промышленность
оккупированных
стран была
использована
в интересах
германской
армии. Сборка
транспортных
самолетов Ю-52
в Голландии

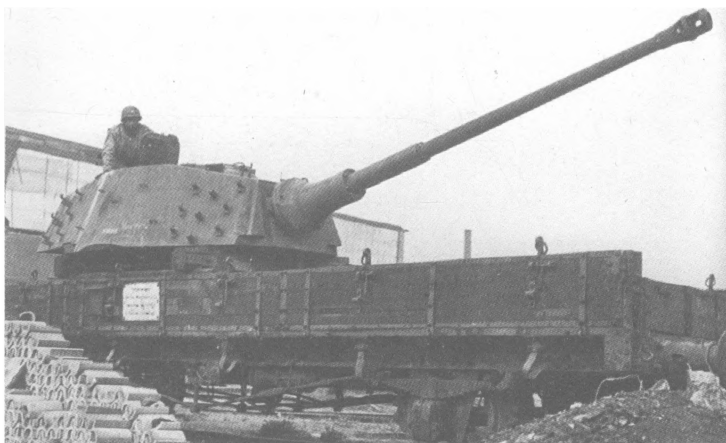

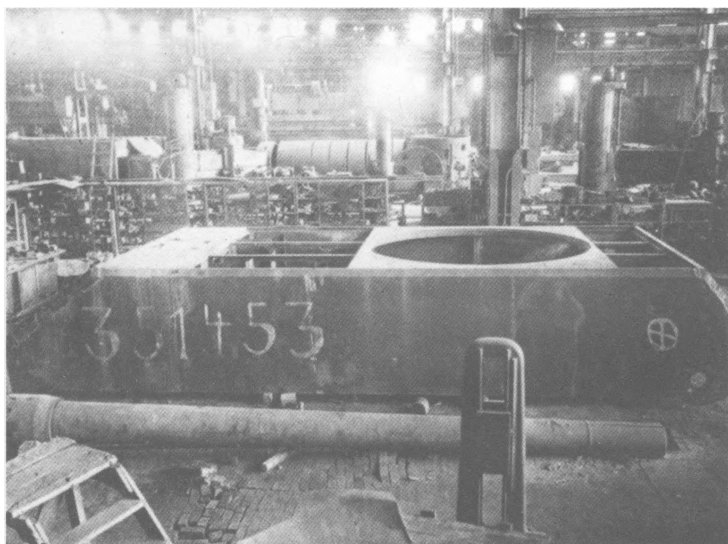
В 1945 г. германская промышленность работала с невиданным доселе напряжением, но значительная часть ее продукции так и не попала в войска. На снимке мы видим склад корпусов танков «Королевский тигр»

Корпуса танков «Королевский тигр» с другого ракурса

Разрушение транспортной сети существенно снизило выпуск военной техники. Эта башня «Королевского тигра» так и осталась на железнодорожной платформе

Сборка опытного образца сверхтяжелого танка «Мaus»

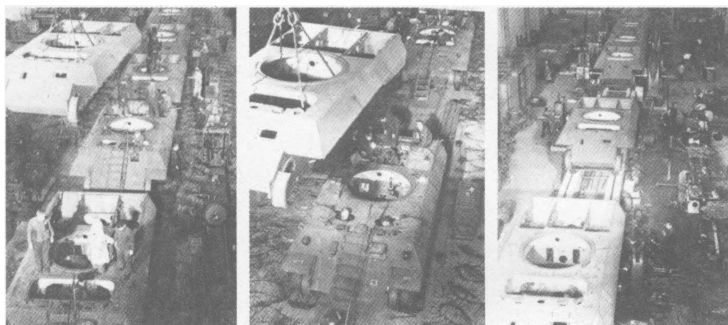
Брошенный на аэродроме Me.262

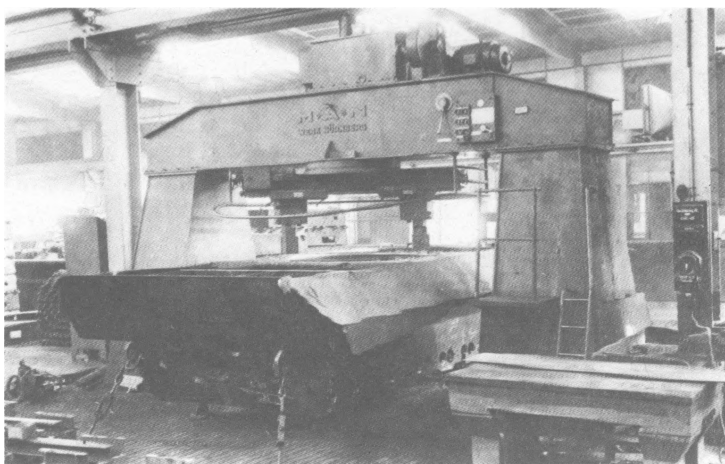
В конце войны под воздействием авиации союзников производство многих видов военной техники было распределено по небольшим заводам, замаскированным в лесу. Перед нами готовый Me.262, оставленный в лесу и так и не востребованный люфтваффе в хаосе 1945 г.

Сборка танков NbFz. Это снимок, сделанный по заказу ведомства Геббельса. Он должен был показать массовость выпуска этих машин, которые на самом деле существовали в количестве трех штук

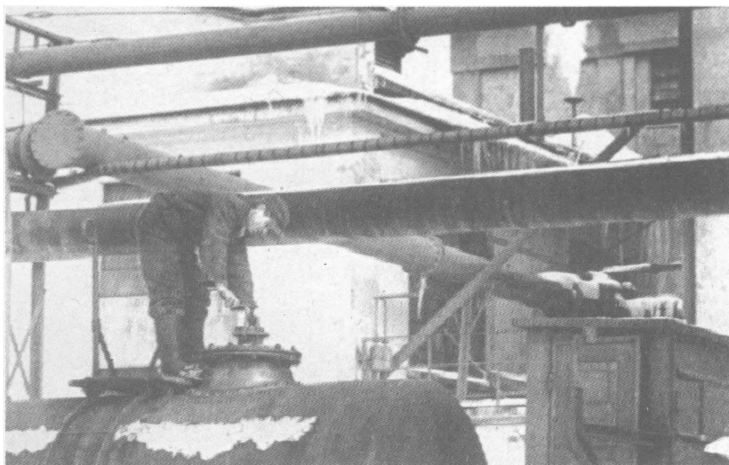
На потоке — корпуса танков «Пантера»

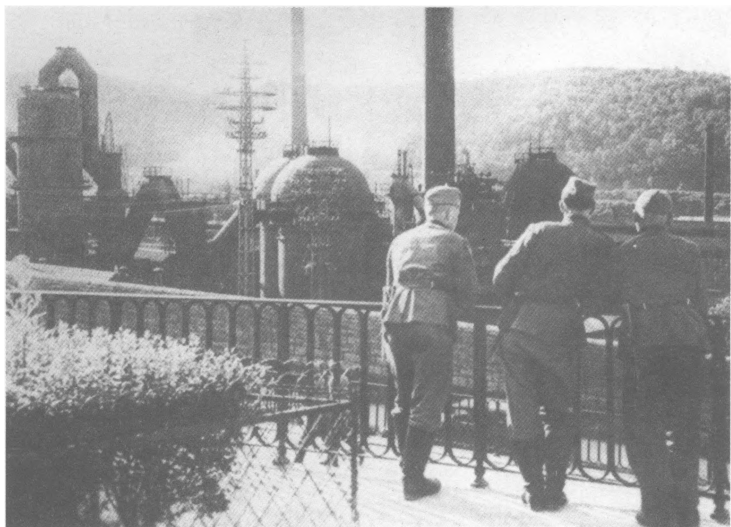
Мощные и совершенные станки позволяли осуществлять механическую обработку уже собранных корпусов танков

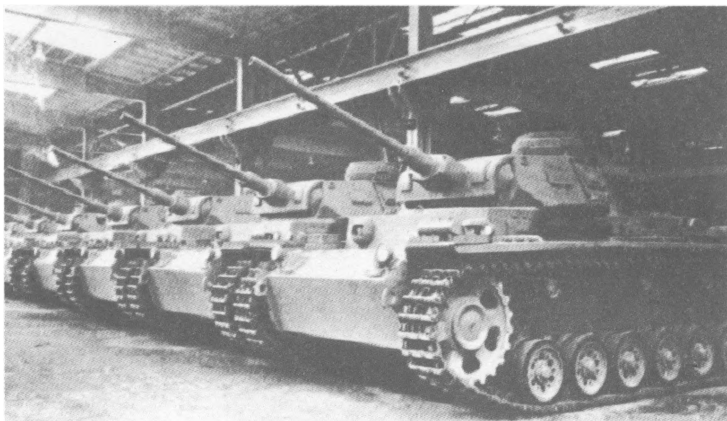
Сборочная линия коробок передач танка «Пантера»

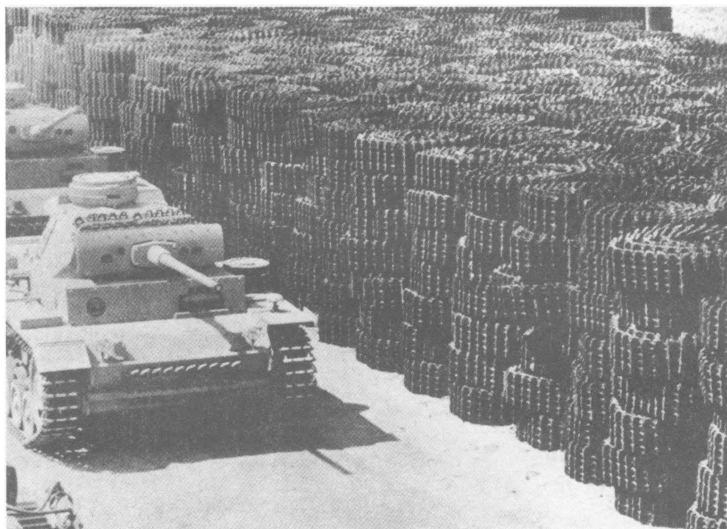
Одним из полезных приобретений сентября 1939 г. стала польская химическая промышленность

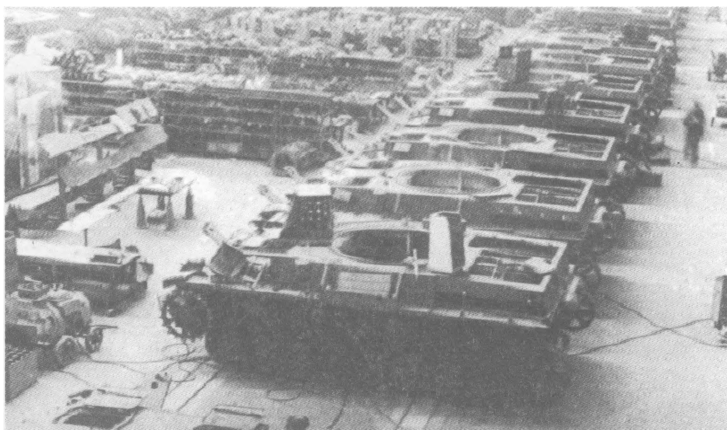
Немецкие солдаты осматривают захваченные заводы фирмы «Шнейдер — Крезо»

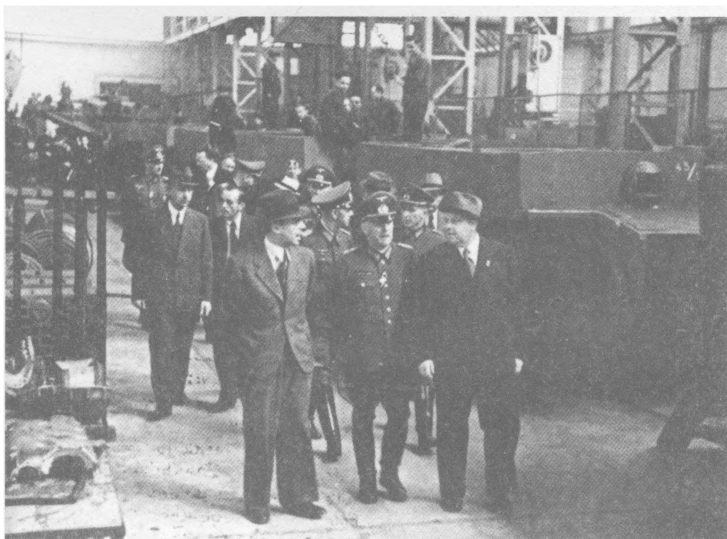
Линейка готовых к отправке в войска танков Pz.III

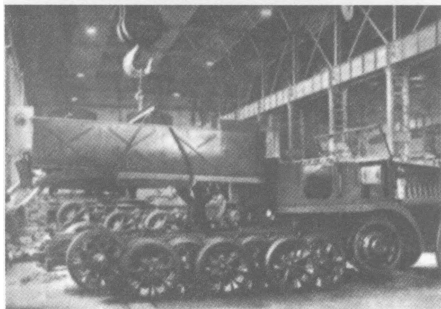
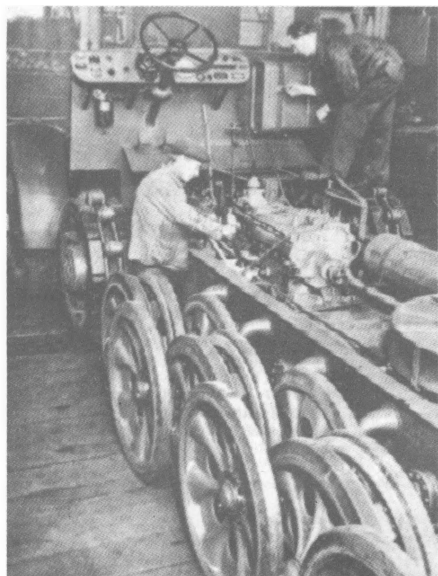
Танк Pz.III на фоне «железных сапог Панцерваффе» — сложенных гусеничных лент

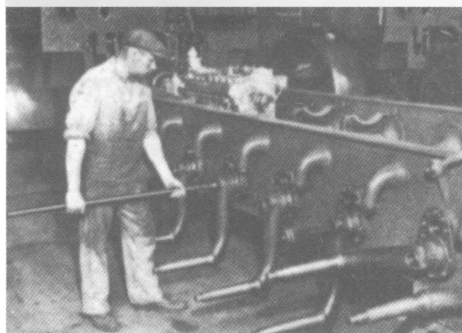
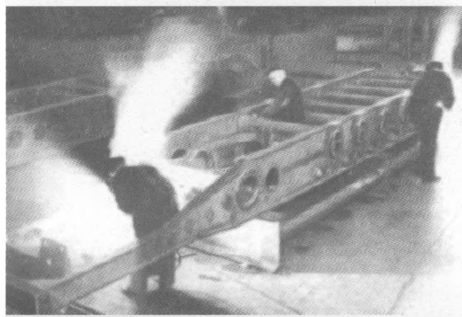
Сборка танков Pz.IV

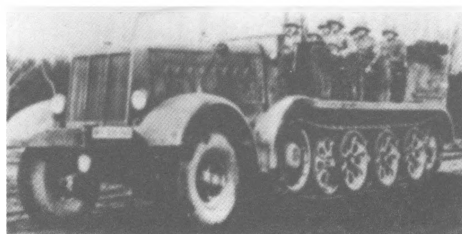
Представители вермахта на экскурсии на заводе,
производящем «Тигры»

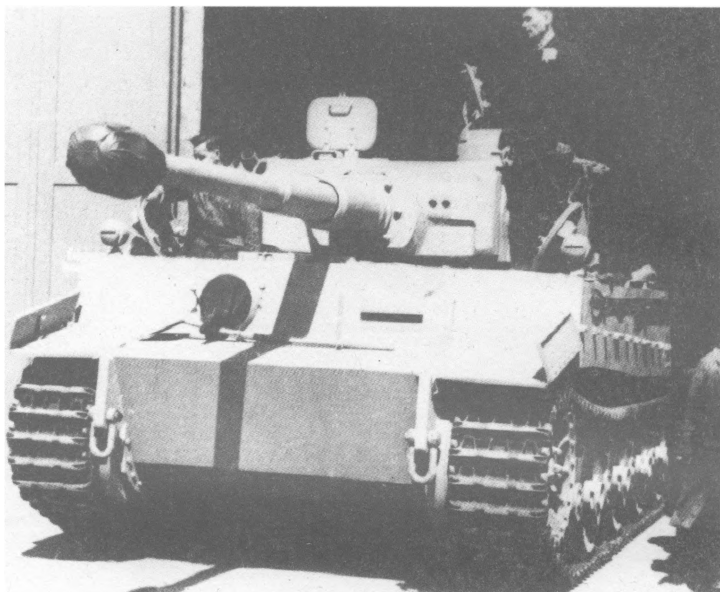

Завершающие
этапы сборки шасси
полугусеничного
тягача

Сборка 18-тонных
полугусеничных
артиллерийских
тягачей на заводах
ФАМО

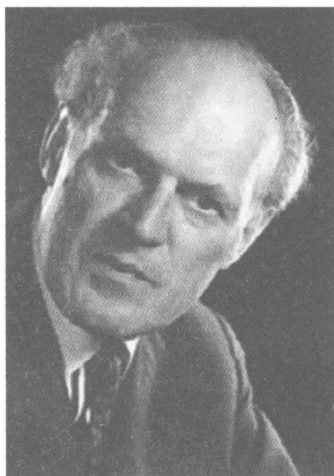

Из ворот сборочного цеха выезжает один из самых устрашающих немецких танков — «Тигр»

Конкурент «Тигра» Хеншеля — «Тигр» Порше в цеху завода

Вильгельм Эмиль Мессершмитт (1898-1978). Легендарный немецкий авиаконструктор. Созданный им истребитель Me.109 стал основной машиной люфтваффе

Мессершмитт и Геринг. Январь 1941 г.

Гуго Юнкерс (1859-1935). Не менее известный германский авиаконструктор. Разработал пикирующий бомбардировщик «Штука» Ju.87

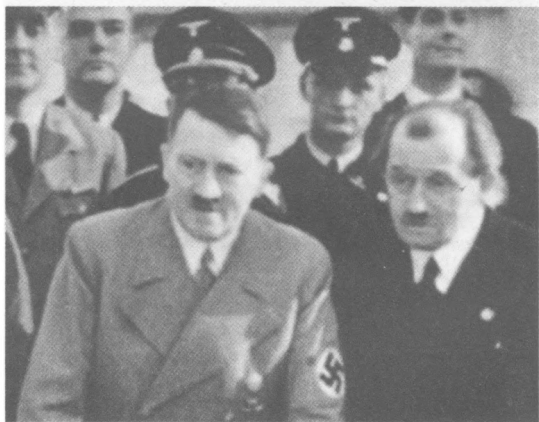

Эрнст Генрих Хейнкель (1888-1958). В 1939 г. создал первые реактивные самолеты He.176 и He.178

Оскар Хеншель. Немецкий авиа- и танковый конструктор

**Фердинанд Порше
(1875-1951). Конструктор
гоночных автомобилей
и танков**

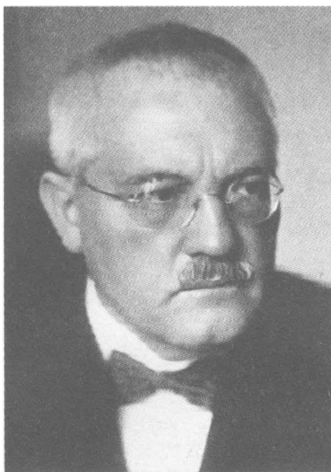
**Гитлер
и Порше**

**Густав Крупп фон Болен унд Гальбах (1870-1950).
Крупнейший промышленник Германии в области
вооружений и тяжелой промышленности**

Густав Крупп и Гитлер

Карл Бош (1874-1940). Крупный германский промышленник, директор химического концерна «ИГ Фарбениндустри»

Административное здание «ИГ Фарбениндустри» во Франкфурте, 1930-е гг.

**Инженер «ИГ Фарбениндустри» Фауст вместе с Гиммлером
обсуждают план строительства филиала компании
в Освенциме**

**Филиал «ИГ Фарбениндустри» на территории КЛ Аушвиц,
на котором использовался труд заключенных**

**Карл Фридрих Сименс, глава компании Siemens AG
до 1941 г.**

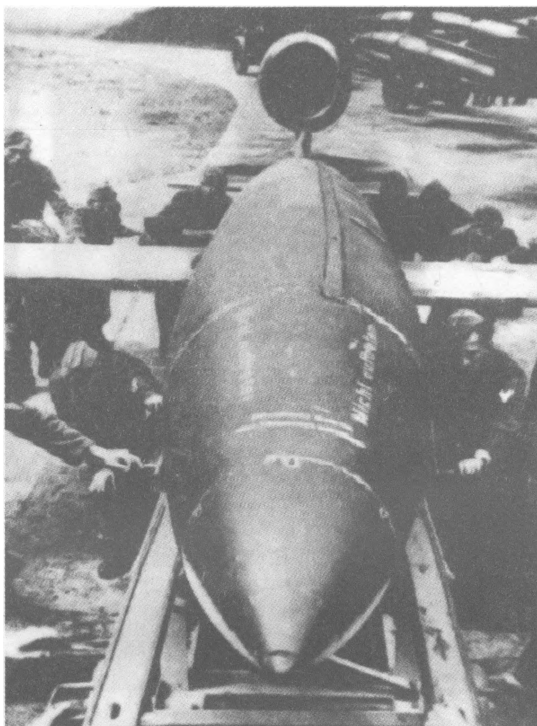
**Херманн фон Сименс (племянник Карла Сименса),
возглавил фирму в 1941 г. после смерти дяди**

			
	<p>Für alle Zwecke der Schädlingsbekämpfung in Gebäuden, geschlossenen Räumen und Gaskammern werden unsere hochwirksamen Gasverfahren bevorzugt: Zyklon, Cartox, T-Gas und Tritox</p>		
			
	<p>Degesch</p>		
<p>DEUTSCHE GESELLSCHAFT FÜR SCHÄDLINGSBEKÄMPFUNG M. B. H. FRANKFURT A. M.</p>			

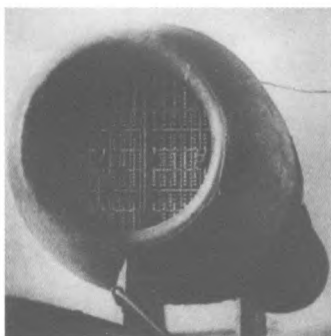
Рекламный плакат химической фирмы “Degesch”

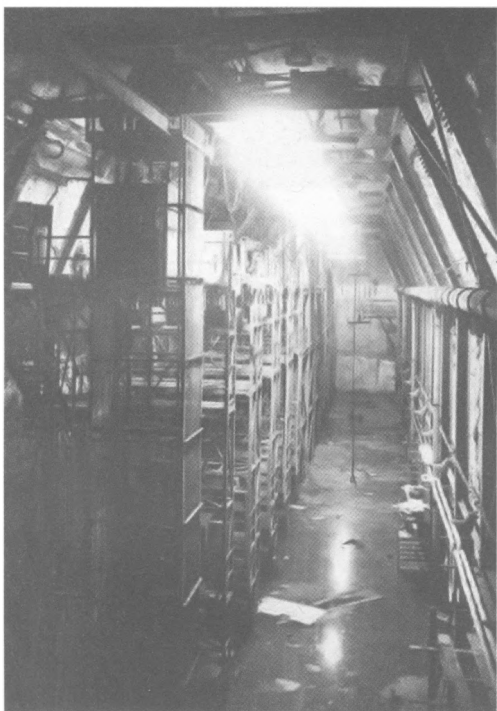
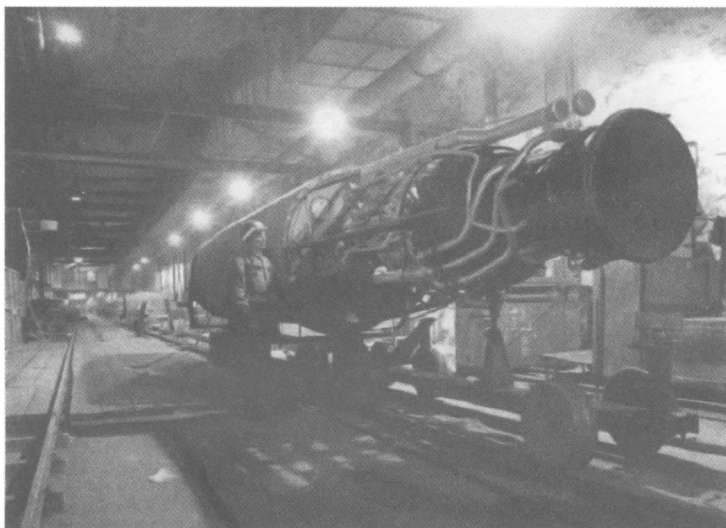

Продукция фирмы “Degesch”. За два года, с 1942-го по 1943-й, “Degesch” поставила в Аушвиц около 19 тонн ядовитого вещества «Циклон Б»

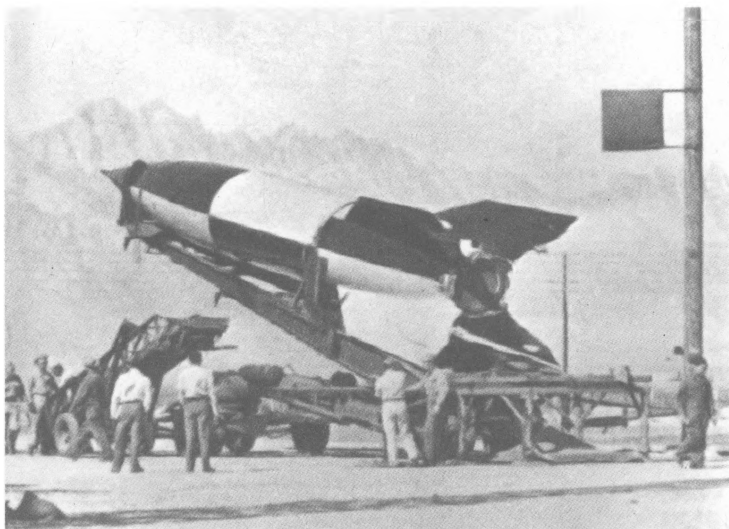

В июне 1942 г. компания “Fieseler” приступила к выполнению спецзаказа по производству ракет Фау-1, оснащенных пульсирующим воздушно-реактивным двигателем

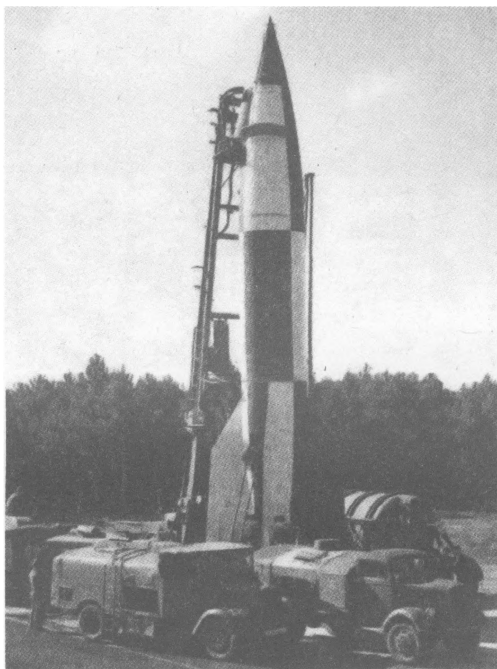

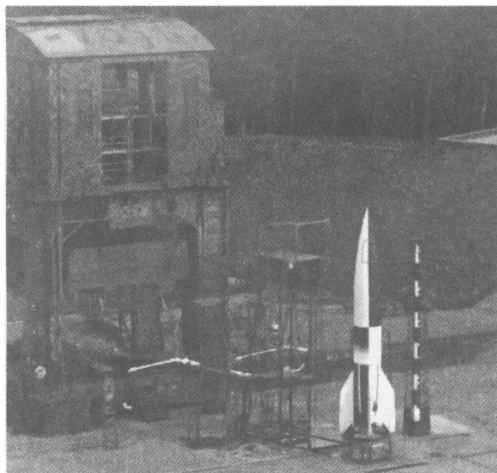
Подземный завод
Миттельверке,
производивший
ракеты Фау-1
и Фау-2

«Оружие
возмездия» —
Фау-2

Испытательные запуски Фау-2 совершались с секретного полигона на побережье Балтийского моря

**Вернер фон Браун
(1912-1977).
Родоначальник немецкого
ракетостроения, создатель
Фау-2, глава ракетного
центра в Пенемюнде**

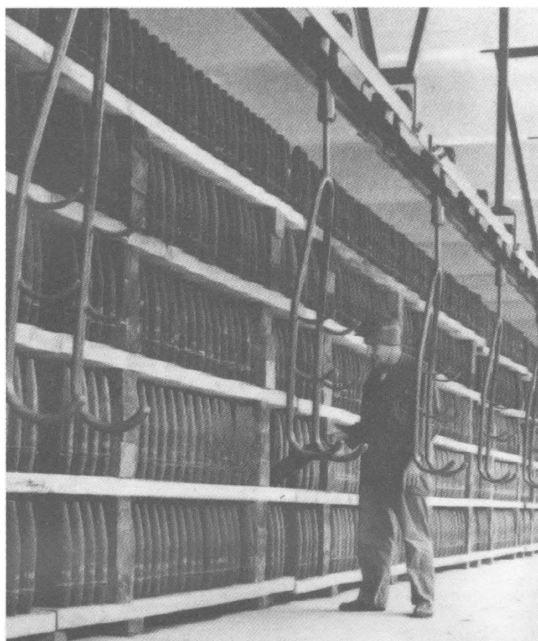
**Вернер фон Браун (*крайний справа*) среди высших военных
чинов**

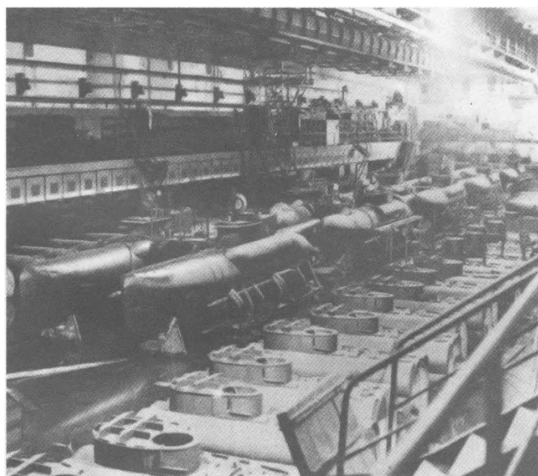
Апрель 1945 г. Разрушенный ангар люфтваффе.
На переднем плане Аг 234 В

Комплектующие для Хейнкель-162

На фабрике по производству боеприпасов

Наиболее эффективная среди всех немецких карликовых подлодок — двухместная 15-тонная “Seehund”

**Фаустпатрон (“Panzerschreck”) —
реактивное противотанковое оружие**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ВОЙНА И ОНИ

Как ковался германский меч, другими словами – как Гитлер готовил свое государство и свою армию к покорению мира? – этот вопрос интересует каждого, кто хочет постичь историю Второй мировой войны во всей ее полноте.

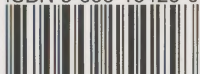
Сотрудник Имперского министерства экономики Ганс Керль заметил однажды, что «обязательной предпосылкой для успешного ведения войны является мощная военная экономика». Заблаговременная милитаризация германской экономики и перевод всей промышленности на военные рельсы являлись одной из основ концепции блицкрига, что вроде бы оправдывалось в первые годы Второй мировой войны, вплоть до конца 1941 года. А дальше?..

Кого винить в том, что немецкие солдаты были не в состоянии продолжать победные наступления на фронте, а гражданское население в Германии все более разочаровывалось в режиме, простаивая километровые очереди, чтобы получить по карточкам свою ограниченную норму продовольствия? Так была ли гитлеровская Германия действительно великой или это очередной миф XX века?

История показала, что германский меч изначально был ржавым...

КАК КОВАЛСЯ ГЕРМАНСКИЙ МЕЧ

ISBN 5-699-15425-6

9 785699 154258 >

